Таинственное обаяние русского леса

Первая часть. Обаяние родной природы

Русский лес… Красота и очарование его бесконечны в своём кажущемся однообразии. Он наполнен могучим дыханием жизни, дышит ароматом девственной свежести и нашёптывает что-то приятное. Лес возбуждает наши мечты и память гулкими голосами далёкой старины, перекликается звонким щебетом птиц и расстилает под ногами путника нескончаемые дороги. Он зовёт за собою под таинственные своды своих тенистых деревьев, скрывающих волшебные чары…

Близок лес сердцу русского человека, хоть порой им и не постигаем. Во все времена года обращается человек к нему с молчаливым вопросом, и не всегда лес ему отвечает. Строго хранит он свои тайны, созидаемые веками.

Ещё лес копит в себе богатство, давая приют зверью и птице, переживает столетия не нарушаемой ничем тишины и думает своими неясными шумами. Он – величественное безмолвие, воскрешающее в душе мудрую печаль… Печаль по чему-то ещё не утраченному, но и не обретённому.

И вековечная тоска, и тихий свет радости, и несказанные тайны – всё это слышится в глубоком молчании нашего родного леса. Пробежит ветер по вершинам старых сосен и елей – и заскрипят могучие деревья, готовые помериться силой с непогодой. Шумит лесная крепь невиданными и вещими голосами, неудержимо влечёт к себе и навевает думы о том, что человек – сам сын природы, вырастившей его и лес.

Любимые с детства деревья говорят русскому человеку неизмеримо больше, нежели не совсем понятные ему горы и море. Только лес, дарованный как божественный сад, свыше, даёт ему истинное отдохновение. Кажется человеку, что лес оберегает его от лиха, в нём он ищет своё пристанище, к нему обращает свой пристальный взор.

Оказавшись под сводами деревьев, человек сразу ощущает удивительную благодать и покой. На него снисходит непередаваемое чувство соединённости с окружающим его царством. Даже какое-то умиление, западающее в сокровенную глубину души.

Крылатая народная молва говорит о лесе в самых любовных выражениях: «Лес – к селу крест, - гласит она, - а безлесье – неугоже поместье!» Не на чем глаза остановить человеку, если нет с ним рядом какого-либо дерева.

Там, где поднимаются ввысь деревья, душа человека воспаряет к небесам. «Был бы хлеб да муж, а лес никогда не переведётся!» - убеждает людская мудрость, принимая лес как нечто исконное и неотъемлемое от жизни. И ещё более убедительно и правдиво: «Возле леса жить – голода не видать!»

Лес в народе недаром слывёт садом Господним, дарованным для всех и про всякого: «Лесная сторона не одного волка, а и мужика досыта накормит!»

Однажды в лесу родившись, ему приходилось и под кустом креститься, и вокруг него венчаться, да ещё пенькам молиться! «На что нам мякина с лебедой, - замечал неприхотливый крестьянин, - когда сосна кругом: поскоблил – и брюхо набито?»

Он же, большей частью от щедрот лесных питающийся, часто приговаривал: «Лес богат, не то что наш брат!» Для мужика нелегко было прокормиться одним хлебом, и он обращал свой взор к лесу, где ему и обжорный ряд, и пушнина, и курятная лавочка.

Кто жил в лесу, словно омывался божественным светом, и, чувствуя его присутствие, добрел душой. Человек никогда не оставался перед лесом в долгу, а жил мудро. И на деревья глядел весело, ровно говорил: «Аль кому в лесу лесу мало?!»

Но только, по народной пословице, в лесу Бог лесу не уравнял, а в народе – людей! Растёт лес, не переставая, подтягивается, и становится человеку добрым подспорьем. Только какому-нибудь непутёвому, бестолково заплутавшему и отчаявшемуся в жизни, бросали: «Как в тёмном лесу». Видно, правду мудрость гласит: «Доброму человеку – любая травинка в надобность, худому – и дерево нипочём».

О бывалых людях, которые не представляли себе жизни без леса, было сложено такое присловье: «Соколу лес не в диво!» Были они по-особенному мудры и глубоки, наблюдательны и чутки, жили в согласии со своей душой и никому зла не причиняли. Достаточно им было для общения лесной тишины и покоя, всего, что обещала эта неиссякаемая природная кладовая.

Кто любил лес и знал в нём толк, мог обмолвится меж нерадивых людей и такими словами: «Беда не по лесу ходит, а по людям!» Загляните, мол, в себя, разберитесь в своих душевных зарослях, а уж потом и на лес пеняйте! Нет в сравнении с ним места на земле более достойного и близкого для русского человека. Из него ему надлежит, не уставая, черпать недостающие знания, чтобы не пришлось когда-нибудь в сердцах заметить: «Всё был лес, да лес, оглянулся – одно залесье!»

Благоговейное смирение просыпалось в душе русского человека при входе под своды леса, если он признавал его своим храмом. Но и для знающего человека ещё многое в лесу оставалось в лесу невысказанным. Под знакомыми уже издавна кронами деревьев текла необычная, стоящая особняком от человека жизнь. Там, в святая святых лесного царства, жила неувядающая тайна.

Должно быть, таинственность этого лесного мира и вызвала к жизни великое множество загадок обо всём, что связано с ним. Словно сердцем чувствовал русский человек чудодейственный лесной дух, и шаг за шагом приближался к нему. Ни малейшие подробности не могли ускользнуть от его зоркой души: чуял человек скрытое дыхание лесной силы и наполнялся ей.

По словам русской загадки – «Что выше лесу?», ничто не могло быть выше его, чем красное солнышко и ветер. А уж потом – тянущиеся к ним деревья… Но каждое дерево имело свою особенную жизнь, приуроченную к всеобщей жизни леса, и, конечно, крепкую привязанность к себе русского народа.

X X X

Таинственное в природе, на деле, до такой степени просто и реально, что порой это приятно обескураживает, и потому не всегда следует без устали его добиваться, тем более, что оно само рано или поздно себя обозначит.

X X X

Летом, над тихой уютной заводью, в воздухе держится нечто неуловимое, но такое чудесное, хоть и необъяснимое, что хочется жить, угадывать его во всём, и ни о чём больше не думать.

X X X

Нередко бывает так, что кукушонок, оказавшись в чужом гнезде и быстро подрастая, выталкивает из него маленьких птенцов, и остаётся в нём один. Родители погибших птенцов продолжают его усердно кормить, пока он не вырастет и не улетит. Так природа, принося в жертву множество птичьих душ, заботится о своём здоровье: его призваны хранить прожорливые кукушки. Уничтожая в огромном количестве самых вредоносных мохнатых гусениц, которых не трогает ни одна птица, они приносят несоизмеримо большую пользу, чем загубленные ими славки, мухоловки или пеночки-теньковки.

X X X

Если человеку приведётся побывать зимою в глухом хвойном лесу, то ему обязательно откроется какая-нибудь чудесная тайна.

X X X

Как сладко иногда почувствовать свою беспомощность в объяснении таинственной природы и готовность удовлетвориться лишь сказкой.

X X X

Сумрачно, но с загаданною тайною глядится в человека могучий хвойный лес, где самая высокая ёлка, чаще растущая посреди дремучей чащи, похожа на зелёную таинственную колокольню, что своим бесшумным звоном собирает вокруг себя все деревья и не даёт им потеряться.

X X X

Даже немотствующие, занесённые к концу января снегом овраги, кажется, живут полной, неспешной жизнью, что глубока, содержательна и очень таинственна.

X X X

Всю любовь к таинственному в лесу создаёт для меня, наверное, и мудрое отношение к нему моих предков.

X X X

У каждого человека есть свой тайный узелок, который в лесу, если быть с самим собой честным, обязательно развяжется.

X X X

Всецело захваченный впечатлениями, что обычно переполняют тебя в лесу, присядешь с записной книжкой на какой-нибудь пенёк, отдохнуть, и в одно мгновение вдруг поймаешь себя на ощущении своей ненужности здесь, в лесу…

Поражённый этим открытием, долгое время не можешь прийти в себя, а потом, успокоившись и переболев эту свою отчуждённость, во всей простоте того, что совершается вокруг, постигнешь: таинственный лес, наверное, за тем и существует, чтобы ты, человек, пришёл к нему, присел на пенёк, и записал всё то, что он с таким упорным трудом, веками, готовил для встречи с тобой.

X X X

Приняв тайну природы, даже отчасти раскрывшуюся тебе, очень важно какое-то время не рассказывать о ней никому, нести в себе, и благодаря ей черпать желание жить.

X X X

Войдёшь в июне в смешанный лес с еловым подростом, и ужаснёшься от обилия в нём комара, слепня и гнуса. Но стоит вступить в сосновый бор, выросший на какой-нибудь песчаной гриве, и ничего этого там, к своему удивлению, не обнаружишь, а вскоре вообще позабудешь о надоедливых насекомых, как будто их и не было.

X X X

Ни одна черта в оляпке не выдаёт её пристрастия к воде, однако как ловко бегает она по дну ручья, выбирая при этом ещё и стремнину!

X X X

Когда научишься принимать жестокую декабрьскую метель как твёрдое устремление своей души, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся такое же твёрдое желание быть любимым и любить, и оно обязательно сбывается.

X X X

Страшно оставаться в ночном лесу одному, и хочется разделить с кем-нибудь свои опасения, но только так, в одиночестве, можно добиться в себе чего-то важного, может быть – самого главного.

X X X

Хочу понимать язык горихвосток и пчёл, жаворонков и журавлей, трубный зов сохатых, восторженные трели синицы поутру, и, наконец, секреты глухариной песни, звуки которой птица величественно роняет весеннею порой, но более всего, почему-то, завораживает холодящий душу вой волков, его неизбывная тоска и тайна…

X X X

Почувствовав себя однажды апрелем, я понял, что могу рассмеяться и заплакать одновременно.

X X X

Смотришь строгой январской ночью на небо и начинаешь воспринимать всё это бесконечное пространство как глубину души одного гигантского существа, как ни странно, похожего на человека.

X X X

Если хочешь, чтобы природа открылась тебе во всей своей силе – помыслы твои должны быть абсолютно чисты, и она безошибочно угадывает, когда человек этого достигает.

X X X

Всякий человек невольно забывает себя в лесу, и мысленно превращается в кого ему захочется, но никогда не может объяснить – как и почему это происходит.

X X X

Пока осень не доскажет человеку всё до конца – ни за что его не оставит.

X X X

Человек ничего ещё не изобрёл такого, чего нет в природе.

X X X

Много чудес встречается в лесу, и самое запоминающееся то, когда, обнаружив его, обо всём забываешь.

X X X

Из всех умирающих времён года жалеешь почему-то только золотую осень…

X X X

Если не сумел сразу, смолоду, войти в мир природы, то куда потом не пойдёшь в лесу – везде будет казаться всё не так и не твоё. Чтобы действительно замечать и понимать лесные звуки и запахи, принимая их как свои, нужно жить ими с самого детства.

X X X

От холодных северных ветров ели опускают свои нижние разлапистые ветви к самой земле, и так образуется еловый шалаш – уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека.

X X X

Когда молодая зелень ещё не закрыла собой прошлогодний мусор в лесу, и он неприятно цепляется и хрустит под ногами, всегда почему-то и в себе обнаружишь ненужное, оставшееся после зимы, и даёшь себе слово как можно быстрее избавиться от него.

X X X

Смотришь на огромный, в два обхвата, ствол лиственницы, и не можешь поверить, что это могучее древесное тело созидалось невидимым воздушным пространством!

X X X

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами великанлось или присевшая на ветвь птица, зацепившийся за лист паучок благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья, но ни за что у листа не хватит сил оставить дерево самому, без чьей-либо поддержки, когда он вдруг отчего-то шевельнётся, оборвётся и полетит, принадлежа теперь только себе.

X X X

Бывает, в январе над лесом повисает такая беспросветная холодная тьма, что глядеть в неё, даже из деревни, жутко, и всё же твоя душа, не задумываясь, зачем-то отправляется туда, в скрытую ото всех чащу, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на помощь.

X X X

В ноябре лес ещё не укутан в снежные шали, и потому хорошо видно, как он собирает к ночи все свои последние мысли, из зелёного постепенно превращаясь в чёрный. Но не пристало в темноте природы худое искать, ибо чёрная ночь – белому дню родная мать.

X X X

Заяц, хоть и труслив, но всегда разберёт: вот лёд треснул под ногой лошади или человека, а этот – сам по себе.

X X X

Сырой апрельский туман не рассеивается, обычно, до тех пор, пока не напитает душистой влагой деревья, кусты, землю и воздух, и только когда этим живительным ароматом проникнется и человеческая душа, возжелавшая света, из-за тяжёлых туч покажется, наконец-то, радостное солнце.

X X X

Только весной понимаешь, что сильнее всего на свете ни солнце, ни вода и ни ветер, а человек: какое он отношение изберёт к себе и ко всему живому, так и будет.

X X X

Не красота поражает во встреченном в лесу зверьке, а какая-нибудь удивительная особенность жизни, отличающая его от других животных.

X X x

В жизни, как и в лесу, человеку было бы хорошо как можно раньше отложить всякие надежды на чью-либо помощь, и надеяться всегда только на самого себя. В этом – неоценимая роль природы, что призывает и высит его дух.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь: как бы побыстрее пережить зиму и обрадоваться весне… Но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от незаслуженных приобретений, обратив её к истинному осознанию самого себя.

X X X

К человеку приходят именно те звери и птицы, которые ему нравятся, а привлекает он их своим душевным теплом.

X X X

Посреди холодного апрельского дня поверхность всех больших луж вдруг заволновалась от множества лягушек, воздух от этого наполнился самыми разнообразными звуками, и скоро стало очень тепло.

X X X

Каждая птица, дерево или зверушка тянутся ко мне в лесу рассказом, ищут меня и как будто подсказывают, что всё замечательное в них давно уже есть, и ничего не надо выдумывать.

X X X

Случайные впечатления в лесу бывают более весомы, нежели длительные и кропотливые изучения.

X X X

Ночью берёзы изливают какой-то иной, сокрытый в дневную пору свет, и становятся от этого ещё ближе.

X X X

Для каждого человека жизнь устроена так, чтобы нельзя было насладиться ей без остатка, и оттого мир природы, даже в своей повторяемости, одаривает нас удивительным разнообразием, увлекая в недосягаемо прекрасную бесконечность.

X X X

Меня всегда необыкновенно трогала вкрадчивая поступь лесного зверя, но ещё более занимала бесшумность грациозного полёта птицы и её безграничная воля, что как ничто пробуждало жажду к жизни.

X X X

Каждую весну приходит такой день, когда всё в природе стряхивает с себя сон, радостно перешёптывается между собой, вскрикивает и ухает на разные голоса, играет, а человек ничего этого не замечает.

X X X

Всю зиму держишь в уме и зайцев, и волков, и лосей, и куниц с лисицами, и медведей, а придёт весна – и занимает только своя собственная душа, что полнится светом, водой и цветами.

X X X

Как звери – так и мы, но только мы не перемогаем себя, как они, и убегаем от своих человеческих обязанностей.

X X X

Множество семян в отдельной шишке не есть свидетельство того, что в будущем каждое из них превратится в чудесное дерево, а только стремление к объединению и преумножению, подтверждающее невероятную мощь природы.

X X X

Натолкнувшись на звериную тропу в каком-нибудь глухом ложке, с укромным ручейком, первым делом почему-то подивишься – что тут делали

люди, и уж потом только сообразишь: ведь это набили себе путь к воде великаны-лоси, и ещё водил на водопой свой выводок старый барсук!

X X X

На южном склоне холма весело, и снега уже почти нет, на северном же он лежит не тронутый и всё вокруг хмуро, но даже когда снег стает и наступит лето, здесь по-прежнему, изредка, будет пробегать холодок…

X X X

Выдастся под осень такой день, когда оранжевые, коричневые и жёлтые сыроежки попадаются под ногами как бесчисленные осиновые листочки – яркие, притягивающие, живые, и ты бредёшь среди них и выбираешь самые привлекательные, спешно избавляясь от тех, на которые позарился поначалу… А грибов с каждым шагом становится ещё больше, и всё радостнее и краше.

X X X

Торчащие из сугробов кустики полыни и репейника не радуют глаз идущего по зимней дороге человека, пока не выглянет из-за туч солнце, и от их стебельков не упадут на снег голубые радостные тени.

X X X

Снег опускается бесшумно, отрешённо припадая к замершей земле, но если прислушаться – в нём угадывается шёпот снежинок, будто неясный разговор, доносящийся откуда-то сверху, с небес…

X X X

В осеннем воздухе иной раз мелькнёт нечто, что копилось в нём, кажется, с самой весны, но, чего-то не досказав, вдруг угаснет. Посмотришь туда - и подумается: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени, и не в силах противостоять – без особого сожаления уступило.

X X X

В последние дни рассудительной и серьёзной зимы, завалившей все дорожки непроходимыми сугробами, ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться от всего наносного, полететь куда угодно и ни о чём больше не думать.

X X X

Без удержу играет глухарь в ночи, всё сильней раздаётся его восторженная песня, и неожиданно затихает. Вытянув шею, птица долго прислушивается к чему-то, переминается на суку и изредка зобает горлом, наверное, предвкушая следующий миг от своего восхищения всем происходящим, а ты, не в силах постичь мотивов её поведения, вдруг с какой-то неизбывной горечью осознаёшь свою полную ненужность в этом удивительном лесном мире.

X X X

Странно, что осенью всегда заглядываешься на отражение деревьев и неба в какой-нибудь лесной колее, заполненной тихой водой, но никогда не додумаешься вглядеться в весеннюю восторженную лужицу.

X X X

Мороз сердито куёт, а тоненький месяц радостно светит ему и чему-то улыбается.

X X X

Человеку бы догадаться и подстеречь, как с восходом солнца распускаются кувшинки белых лилий, но он пропускает это трепетное движение природы, без которого ему, ни за что, не разглядеть своего счастья.

X X X

Понимая, что люди из-за собственного несовершенства всегда обоготворяли слабых зверей, наделяя их только добрыми свойствами, а сильных и приносящих, по их мнению, беды – глупыми, хочется не обращать лесную жизнь в красивую сказку, а честно показать её удивительную быль.

X X X

Зима ещё тужится январскими морозами, а душа, между тем, желает ослепительного марта, когда же в лесу теплеет и во всём чувствуется весна – в ней уже совершается счастливый поворот на лето… Теперь на дворе стоит батюшка-июль, но я не знаю – наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый октябрь?!

X X X

В апреле случаются такие живые ночи, в которые ничто не знает сна, двигается, кричит, и наоборот, в мае, когда всё расцвело и жизни только прибавилось, на лес вдруг наваливается мертвецкая тишь, и кажется, уже не бывать рассвету.

X X X

Порой повстречаешь свежий отпечаток медвежьей лапы, оставшийся после дождя, и почему-то захочется его запомнить, и унести с собой.

X X X

Когда перестаёшь охотиться на птиц и зверей, лесная природа постепенно приближается к тебе и трогательно открывает самые заповедные секреты.

X X X

Морозной мартовской ночью в лесу стоит такой хруст, что кажется, будто это звёздам на небе тесно, они сцепляются своими острыми краями и никак не могут расцепиться.

X X X

Никогда не различишь в густоте еловых веток беличье гайно, сколько его не высматривай, а белка появится всегда неожиданно, и своей доступностью вмиг развеет желание, во что бы то ни стало, отыскать её скрытое жилище.

X X X

Даже если ошибёшься в своей любви – апрель всё исправит.

X X X

Всю зиму, в нескончаемые метели и стужи, ожидал я того момента, когда положу на ладошку ещё не проснувшуюся до конца бабочку, дохну на неё, а она встрепенётся, взмахнёт крылышками, и в миг улетит.

X X X

Очень важно не расплескать себя за весну, и когда всё в ней приходит в движение, подняться и вместе со всеми лететь, переживая необычайную радость.

X X X

На белой чаше кувшинки замерла голубая стрекоза, покойно отливает своей затаившейся глубинной чернотой лакированная поверхность воды, и воздух дышит разомлелым жаром, но вглядываясь в эту красоту, перед глазами вдруг отчего-то встаёт промёрзшее до дна болото, застывшие пузырьки во льду и неприкаянно шелестящие над ним, порыжевшие стрелки иссохшей осоки… Всё в природе готово дарить человеку удивительное ощущение покоя, если он достиг это безмятежное состояние духа в себе.

X X X

Из надломленной ветки берёзы в ручей каплет мутновато-белый сок, но раствориться не торопится, а лишь вытягивается по течению в мутновато-белые струйки, напоминая сказочную молочную реку с кисельными берегами.

X X X

Когда берёзки и осинки начинают сыпать свои золотые монетки – ярко-оранжевая большая сыроежка становится ещё красивей, и ты даже без особой нужды поклонишься ей и срежешь.

X X X

Зимой самая обыкновенная деревенская жизнь становится волшебной!

X X X

Самыми обычными своими цветами – подснежниками, горицветом и медуницей весна лечит самые израненные души.

X X X

Будучи только здоровым и счастливым, никогда не придашь в лесу значения тому, что составляет суть его жизни, и оцениваешь её по-настоящему лишь после глубоко пережитой сердечной боли.

X X X

Майские холода – это уже совсем иная весна, далеко отличная от той, что только намечала рождение жизни, затаивающееся в глубине розовеющего мартовского утренника, но на то она и красная весна, что всё покажет и скажет, всех удивит, а улетит – и не заметишь.

X X X

В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми.

X X X

Перед самой зарёй каждое дерево, травинка, птица всегда хранят тишину, как будто ожидая – что она принесёт им сегодня, и мир, на какое-то мгновение, становится совершенной тайной.

X X X

Тихо падает снег, укрывая землю благодатным теплом, а в человеке так же незаметно растёт понимание жизни и её красота.

X X X

Только когда пожертвуешь в написании книг своей душой – невыразимая тяжесть от многолетнего труда, в одиночестве, преобразуется в Учителя-друга, любимую женщину и непрекращающуюся весну!

X X X

От золотого солнышка и утро золотое, и день, и вечер, и голоса птиц, и твоё настроение.

X X X

Сорочье царство – всегда чёрно-белое, и не каждый догадывается о скрытой в нём перламутровой зелени, но именно по ней в народе судят о его необыкновенной сказочности.

X X X

В лесу я больше предпочитаю чувствовать, догадываться, а не сразу всё видеть и понимать.

X X X

Наблюдая весной за птицами, порой теряешься: чего же больше в их пении – труда или радости?

X X X

Весенний ветер несёт по небу лёгкие облака – и такими же вольными рождаются в тебе мысли; жажда невидимых устремлений гонит по стволам деревьев сок – и тело твоё наполняется уверенностью и силой.

X X X

Всё в природе растёт, цветёт и рано или поздно умирает, но ничего этого, умершего, почему-то не жаль.

X X X

В мартовские утренние морозцы, в отличие от глухой зимы, деревья поскрипывают уже не жалобно, а удало!

X X X

Только с последней каплей берёзового сока молодые деревья одеваются в лёгкий зелёный дымок, робко преображая лесное пространство, старая же берёза, уже давно распустившись, не перестаёт осыпать землю своим ароматным дождём.

X X X

Преодолевая в одиночестве свой лесной путь, ты, на самом деле, прокладываешь его для множества людей.

X X X

С утра на душе было хмуро и пусто, как-то по-стариковски бессмысленно, но прошёл дождик, каждая капля засветилась маленьким золотым лучиком, и осенний день сразу предстал молодым и красивым.

X X X

Сколько замечательного в природе минует человека, пока он не обретёт способность понимать и впитывать силу скалы, мощь моря, мудрость вековой чащи… Созерцая природу, человек только тогда берёт из неё лучшее, когда готов к этому.

X X X

Бывает, что последний жухлый лист срывает с дерева лишь запоздалая апрельская заметь.

X X X

Самое замечательное в лесу то, что он всегда, как бы глубоко ты не проник в его душу, остаётся недоконченной сказкой.

X X X

Люблю, когда после первой майской грозы просыпается на землю золотой дождь, солнечные тёплые капли весело стекают по оконным стёклам, и они ласково всем улыбаются.

X X X

Красавица-сосна или липа растут сотни лет, а человек хочет приспособить к их вдумчивой, размеренной жизни свой короткий и торопливый век.

X X X

Ещё в детстве я почувствовал, что в лесу живёт только моё счастье, а всё тёмное в него приносит человек.

X X X

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются между собой, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

X X X

Лето с великой щедростью, кажется, очень просто распахивает для всех свои зелёные одежды, но ничего при этом не обещает… Всё, что сокрыто под зелёным покровом, лишь помогает сберечь в душе завораживающую тягу к жизни.

X X X

Кажется, никогда не уловить тот момент, когда и как, ещё в утробе января, зарождается весна, но я каждый год каким-то чудом угадываю, потому что невозможно не почувствовать, если весна выходит тебе навстречу.

X X X

Старые великаны-деревья умирают, а новые, выросшие на их месте, шумят также, по-старому.

X X X

Особое чутьё в лесу – это, быть может, твоё первичное состояние души, когда она была к нему по-настоящему близка.

X X X

Сказать невозможно: какой именно запах у весны, и с чем его можно сравнить? Запах связанных с ней чувств и переживаний, птичьих песен, расцветающих трав и дуновений, всего, что она несёт в себе и открывает. Может быть, это предощущение томительной надежды, призванной всегда хранить чистоту?!

X X X

Законы звериной жизни всегда влекут зверя по кругу, чтобы вернуться на старое место, откуда его согнали, но никогда вперёд, как это присуще человеку.

X X X

В феврале зарождается какой-то младенческий свет грядущей весны, такой робкий, незаметный, что почти всякий остаётся к нему равнодушен, но он, задавленный этим невниманием, всё же пытается всех радовать.

X X X

Нужно сначала научиться вбирать силу природы, не причиняя ей при этом ущерба, не растерять себя в её необъятности, а затем быть готовымверно распорядиться всем приобретённым, великодушно отдавая его другим.

X X X

Даже облетевшие с деревьев листочки сохраняют своё лицо, приобретая, к тому же, ещё что-то новое. Берёзовые - напоминают маленькие рысиные шкуры, ирги – словно аккуратные монетки, засветившиеся изнутри золотистым жизненным соком, осиновые – это бушующие пламенем сердца и души, тополевые – как будто просто выкрашены жёлтым цветом, черёмуховые же – почему-то не докрашены, а ясеневые, широкие, с тёмно-зелёными, грязноватыми боками принимаешь за чёрные грузди…

Только наклонившись к ним – убеждаешься в их неподражаемой осенней игре, которую они ненавязчиво и тихо затевают с тобой.

X X X

Смутное волнение от одного слова «лес» сначала почему-то возбуждает в человеке желание его непременно завоёвывать, а уже затем приводит к необходимости вдумчивого понимания лесной чащи, к неудержимой потребности сродниться с ней.

X X X

Весна долго примеривается – как ей лучше застелить потускневшую с прошлого года землю своими зелёными коврами, а когда приглядится, да раскинет – всё вокруг в один день станет уютно, чисто, и даже кукушка закукует по-особенному уверенно и звонко.

X X X

В труднейшей борьбе за дело своей жизни как-то незаметно перестаёшь замечать бегущие по небу лебяжьи облака, вольный ветер и дождь-ситничек пополам с благостным солнышком, но вся природа, ещё более проникновенно, возвращается к тебе с обретением опыта этой борьбы.

X X X

Изо дня в день, благодаря общению с природой, во мне неприметно, но неотступно зарождаются мысли о ней, и так, капля за каплей, появляется на свет лесная книга, созданная мной новая жизнь.

X X X

Из промозглого тумана вдруг посыпал мелкий тёплый дождик – и тревоги как не бывало!

X X X

Так просто и ясно воспринимается, что тучи могут греметь!

X X X

При малейшем неловком шуме, производимым человеком, медведь всегда бежит, потому, как никогда не трогает никого зря, но не дай Бог помешать ему решительно, когда он занят чем-то важным, и зверь, несмотря ни на что, откровенно надвинется на тебя грозовой тучей и раздавит.

X X X

Птицы, деревья и звери в выражении своих весенних чувств неустанны, но человек, несмотря на зарождающуюся повсюду жизнь, всё же, не в состоянии быть по-настоящему свободным, и черпает силы из природы.

X X X

Только облетело по осени дерево, а в его беспомощной обнажённости уже угадывается трепетное ожидание ещё неведомой жизни.

X X X

Никакая любознательность в лесу никогда не принесёт тебе того, что может открыть искреннее преклонение перед ним.

X X X

Придя в лес, присядь где-нибудь на пенёк, соберись в себе до конца, и тогда, может быть, угадаешь адресованный только тебе тоненький голосок невидимой птахи…

X X X

С годами незаметно отходят самые невероятные желания, куда-то уносятся неосуществлённые мечты, но зато обнаруживаешь в себе лёгкость проникновения в окружающий тебя мир.

X X X

В лесу мои мысли обращаются и в птиц, и в зверей, и, конечно, в деревья, но свободнее всего они чувствуют себя, когда бегут быстрее облаков, по небу, вместе с неудержимым ветром.

X X X

Слепой солнечный дождь не занимается по нескольку раз на дню, или – неоднократно, в течение всего лета, как обычный, так, что на него уже не обращаешь внимания, а только однажды, наедине с самим собой и природой.

X X X

В лесу бывает так: стоит только сосредоточить своё внимание на чём-то неизведанном, но очень интересном, как тотчас у тебя появляются невидимые помощники.

X X X

Последние клочки снега в поле – будто зайцы, что залёгли в меже… Долго смотришь издали, и никак не можешь понять: отчего они выбрали такое невыгодное для себя место и не убегают?!

X X X

Во всю бескрайнюю весну только один раз, как ни странно, приходит к тебе желанная минута, когда ты действительно вступаешь в цветущий мир, и ты должен дождаться её и не упустить.

X X X

Открытие человеком сокровенных сторон жизни невозможно без постижения им природы.

X X X

Аромат цветка будит у любого живого существа если не мысль, то хотя бы приятное воспоминание.

X X X

Когда я пишу свои лесные заметки, то будто выхожу за рамки уже известного, познаю нечто необычное, и с помощью родных для себя слов – рождаюсь заново.

X X X

Совершающийся в природе праздник весны – есть пример не отдыха и безудержного веселья, а напряжённой работы, потребность которой следует неустанно в себе воспитывать.

X X X

И декабрь, и январь, и февраль старательно расстилают свои самобраные скатерти, но только мартовский морозец знает – как крепка и раздольна накрахмаленная им белизна!

X X X

Если страх и уродлив, то только не в ночном лесу, где он восхитителен своим околдовывающим волшебством, в котором постепенно растворяется и исчезает, делая тебя ещё сильнее.

X X X

С высоты самого родного и восторженного для тебя весеннего дня не забудь оглянуться и поблагодарить предшествующую ему глухую и строгую зиму.

X X X

Обычно для своих лесных записей я беру на заметку, казалось бы, совсем незначительные мелочи, во множестве попадающиеся на глаза, но при соприкосновении с другими мелочами, взятыми ранее, может быть, очень давно, рождаются удивительные в своей правдивости картинки, которые сразу и не увидишь.

X X X

Когда замечаешь, как одно деревце заглядывает через плечо другого – замираешь от счастья: это ведь оно угадывает твоё приподнятое настроение!

X X X

Дождь в июле только брызнет, прибьёт пыль, слегка смочив кусты, и … опять жара. Так природа учит человека терпению, постепенно воспитывая в нём мудрость.

X X X

Приятнее всего открывать движение нашей планеты по яркому зёрнышку Венеры, которая перемещается всю ночную пору со стороны востока так стремительно, что пока мысленно ставишь для неё небесные вехи, она к предрассветному часу оказывается уже на западе.

X X X

Люблю следы зверей в природе, что стелются по снегу или траве, уводя от непутёвого в себе к чему-то поистине главному и дорогому.

X X X

В зимнюю оттепель, при сильном порыве ветра, деревья неистово и страшно стучат друг о друга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне.

X X X

Звери и птицы – неважные поэты, потому как с первыми проблесками тепла в них сразу возобладает забота о выведении и поддержании потомства, и только глухарь, может быть, самый восторженный и выносливый певец, уже с наступлением солнечных мартовских дней и до появления майской листвы не устаёт прославлять весну света, воды и цветов.

X X X

Как дойдёт зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные, залежалые мысли, так и ломается окончательно её рог!

X X X

Чем глуше осень, тем глубже в ней ощущается простор и звонкая даль.

X X X

Нежная белизна и свежесть мая так прекрасны, что даже не чувствуешь в себе недостаток собственной чистоты.

X X X

Густой туман задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое время мысли леса, которые он незаметно для всех переживает и не ведает – на что с ними решиться?

X X X

В каком-то удивительном согласии выходят у меня отношения с яблонями, которые я каждый год сажаю у себя в огороде, ухаживаю за ними и всегда этому сопутствует какое-либо приятное знамение… Грянет первый раскатистый гром, завозятся по лужам пучеглазые лягушки, скворцы вдруг запоют у самого дома так азартно, порывисто, что почувствуешь – как это важно, а то за одну ночь вся южная сторона сада распустится ароматными крупными подснежниками, и ты уже не сомневаешься: этой весной тебе не обойтись невинным романом. Яблони же незаметно тянут свои ветви к небу, распускают нежные листики, и сопереживают вместе с тобой возможности радоваться и любить.

X X X

Почему непременно так устроено: если что-то достойное, хорошее, то для его получения следует много испытать, а если наоборот – то и жить не стоит? Как это уродливо в понимании природы, которая вовсе не предполагает существование красоты без грубого к ней отношения! Именно природа ненавязчиво подсказывает нам, что всё хорошее в жизни рано или поздно будет атаковано, и мы должны быть готовы к этому.

X X X

Весной зайцы совершенно открыто гоняются друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания, и это почему-то не удивляет, а только веселит.

X X X

Понять разговор деревьев легко, если самому всегда стоять на своём, утверждая необходимость неустанного устремления к небу.

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка красноватой, но вот случиться вдруг увидеть её зелёной, свет от неё заберётся к тебе в душу, и нащупает там неведомые ранее мысли и чувства.

X X X

Когда сильный ветер гнёт деревья – чувствуется, как они солидарны в споре с ним, даже если разобщены между собой. Не поддаваясь его силе, они словно стараются убедить в чём-то ветер, как обычно отстаивают своё мнение гордые и правдивые люди.

X X X

Всю осень принимает в себя земля слякотную влагу и, кажется, никак не может напитаться, чтобы потом, весной, отдать всё без остатка нескончаемыми слезами любви и восторга.

X X X

Любой зверь или птица, обнаружив для себя тепло закатного весеннего солнца, хоть на короткий миг, а позабудут себя в нём и сделаются совершенно беззащитными.

X X X

Странно, что когда молодая листва только обозначается на деревьях, леса представляются более внушительными, большими, нежели в период зрелости. Так девственность, внушая доверие видимой лёгкостью своего неминуемого развития, одерживает победу над тяжестью умудрённой завершённости, и разве предпочтёшь последнюю первой?!

X X X

Сладкое слово «земляника», если вдуматься, происходит от довольно обыденного и невкусного «земля», но с каким удовольствием мы его произносим!

X X X

Каким-то особым чутьём угадываешь, как птицы советуются между собой перед перелётом, в чём-то уговаривают друг друга, учат, соглашаются и даже спорят, но с виду, при этом, остаются почти невозмутимыми.

X X X

Зимняя поляна в солнечный день иной раз так ослепляет, что останавливаешься перед ней как вкопанный, стоишь долгое время, не в силах вместить её светоносности, и дальше уже идёшь совершенно распахнутый оттого, что вобрала в себя душа.

X X X

Осень полнее и глубже других времён года потому, что последние сроки всегда до предела насыщены чувственной мыслью: в ней сплетаются и горечь отрыва, и радость полёта.

X X X

Отчего-то никакая другая птица, кроме утки, не держится так за жизнь, когда настигает её погибель… Подраненная, почти без сил, она всё же ныряет под воду и, ухватившись клювом за какую-либо травинку, терпит там до последнего, но ни за что не дастся охотнику в руки.

X X X

По строгой заре и день выдаётся изморённый, с холодком, так что в народе скажут: худой зять к властной тёще на блины заглянул, да несолоно хлебавши откланялся.

X X X

Что, кажется, толку следить за тяжёлыми мокрыми листьями, отрешённо опускающимися на холодную землю со всех сторон, однако же вдумчиво всматриваешься, вслушиваешься и отчего-то не в силах прекратить этого молчаливого наблюдения.

X X X

Когда лесной человек, на склоне лет, начинает вспоминать былое, его природные струнки отзываются в душе по-особенному тонко, и как ничто оживляют совсем угасшую жизнь.

X X X

Отправляясь ранним утром в лес – радостней всего сознавать, что он не скоро кончится, и будет длиться целый бескрайний день!

X X X

Оказавшись на долгое время в море – всегда предаёшься мечтам, а вот в лесу почему-то никогда ничего для себя не желаешь, и думаешь только о том, что тебя окружает.

X X X

В природе важен какой-то маленький невидимый поворот, без которого и вода освободилась ото льда, и земля покрылась травой, и деревья оделись листом, а услышишь ли первый весенний гром – неизвестно.

Бывает, уже к середине мая, с раннего утра задастся такой крепкий утренник, что, кажется, снежная корка выдержит лошадь с упряжью и телегой. Затем стылый северный ветер нанесёт по дороге мёрзлой крупы, и разбросает её повсюду. Но уже к полудню что-то неуловимое в воздухе повернёт на тепло, и к всеобщему удивлению из-за леса донесутся отдалённые раскаты грома.

А потом, прямо сквозь солнце, вдруг просыплется светлый радостный дождь, и всё вокруг оживёт. Тесно становится весне, и она совершает поворот у ворот на добрую жизнь!

X X X

Огромный глухарь, с треском сорвавшийся с сосновой ветви, может напугать… Неудержимый косач, тугим мячом выбросившийся из светлого березняка, ошарашит своей стремительностью… Цокающая белочка, настороженно вцепившаяся в еловую шишку, позабавит… И только от писка какой-нибудь неприметной болотной камышёвки захочется, неожиданно замерев, о чём-то задуматься.

X X X

Будешь изо дня в день жадно вбирать в себя лес – обязательно где-нибудь перехватишь лиха и захлебнёшься, а потом захвораешь, долго станешь приходить в себя, и когда уж совсем потеряешь к нему интерес, он же тебя ненароком и поправит.

X X X

В ноябре, по первому снегу, в лесу не видать ни малейших следов каких-либо зверей, кроме редких беличьих переходов. Неугомонным зверькам, должно быть, не сидится в обустроенном гайно, и всё не терпится разузнать – целы ли заготовленные ими на зиму запасы?

X X X

Из всех деревьев более проникновенно и настойчиво заглядывают в вечность, может быть, только сосны, что в отличие от мудрых елей – святы.

X X X

Первое предчувствие весны – это ещё ни весна света и воды, а тиснёные томики Аксакова, Пушкина и Мамина-Сибиряка, с трепетом перелистываемые глухим декабрьским вечером, у разгорающейся печки, когда чувство природы и её будущие ароматы заменяет тебе запах слипшихся глянцевых страниц.

X X X

Увидишь в лесу змею, и она тотчас поселится в твоей душе: ползёт, замирая, шипит, но … не находит себе места.

X X X

Принимая ветер, как брата, и понимая работу мысли, как самую свободную энергию, я вдруг однажды почувствовал, что ветер и есть та сила, которую, в первую очередь, создаёт человеческое сознание.

X X X

Случается такая весна, когда март ещё только миновал, не прилетели даже зяблики и овсянки, а на льду лесного болотца, поджав ногу, уже стоит одинокий селезень…

X X X

Кому хоть однажды привелось оказаться зимой, где-нибудь под Рождество, в омшанике, послушать через резиновую трубочку, вставленную одним концом в леток, как ведут себя в эту пору пчёлы, для того холодные звёзды в вышине роятся уже по-особенному торжественно и празднично, а будущая жизнь представляется только счастливой.

X X X

Осенью птицы летят молча, быстро и деловито, весной же – в нетерпеливом напряжении, возбуждающем своей энергией открывающееся для жизни родное пространство.

X X X

Ни с чем несравнимо это ощущение необыкновенной внутренней радости, что рождается только весной!

X X X

Весна, как великий праздник, затем и дана, чтобы люди позабыли свои обиды и стали все хороши!

X X X

Будешь добр к лесу – Бог непременно сделает счастливыми все твои осени и зимы, вёсны и долгие лета.

X X X

В отличие от человека, звери и птицы живут так, как будто не боятся ничего, что должно случиться в будущем.

X X X

Слепой дождик бывает и золотым, и серебряным, и самым незамысловатым, вроде бы, совсем не нарядным, но никогда незаметным.

X X X

Глухарь всегда представляется мне той огромной чёрной птицей, которую я уже видел где-то, давно-давно, когда ещё, кажется, время проходило бесследно, и земля не была грешной.

X X X

По-особенному прозрачны осенью лесные ручьи, в которых вода, кажется, недвижима, и на дне виден каждый камешек.

X X X

За всю зиму хоть раз, а захочется протаять пальцем дырочку в замёрзшем окне, и увидеть там удивительный весенний мир…

X X X

Высоко-высоко поднимается птица канюк, величаво наворачивает круги, как будто пытается отыскать место, где бы ей можно было присесть так, чтобы уже никогда не взлетать и не обременять себя полётом, но не находит его.

А кто-то восхищённо вглядывается в недостижимые круги птицы, которые она совершает, завидует ей и надеется когда-нибудь подняться в это бездонное небо, хотя бы в мечтах связав с ним свою жизнь.

X X X

Весной, на закате, с неба как будто обращаются ко всему живому чьи-то всепонимающие, прекрасные глаза…

X X X

Из всего живого только дерево, наверное, умирая, благоухает…

X X X

У самого края высокого обрыва, как будто на пороге в вечность, растут величественные сосны, и так отрешённо тянутся туда, шумят, что даже облака останавливаются в своём движении, в восхищении прислушиваясь…

Величественное устремление могучих деревьев настолько увлекает их, что облака, наверное, не знают: в какие заоблачные дали им ещё плыть?!

X X X

Без ребёнка в душе не узнаешь самый чудесный весенний день своей жизни.

X X X

Рано или поздно для каждого человека приходит такое время, когда ему надлежит разбудить в себе мир зверей, птиц и растений, и очень внимательно в него вникнуть.

X X X

Мысль человека свободнее и сильнее самого неукротимого ветра.

X X X

Если проходить мимо медвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не встанет.

X X X

Только прилетевшая с юга трясогузка такая оживлённая и весёлая, что само собой, без лишних слов, выходит: на свете нет ничего прекрасней нашей русской весны!

X X X

Жестокость мороза – это только часть той неукротимой силы, что заслуженно приближает нас к весне.

X X X

Почему-то всякий, неравнодушный к природе человек старается догадаться про лес по себе, и нисколько не гнушается сравнить свою человеческую душу со звериной.

X X X

Сколько помню свои походы в разном возрасте в зоопарки – никогда не получал от зверей хоть какое-либо удовольствие, которое в достатке всегда переживаешь в лесу. К тому же, наблюдая зверя в неволе, ни за что не скажешь о

нём того, чего он на самом деле стоит, тогда как увидев зверя, хоть раз, в его родной среде – в мгновение открываешь для себя огромный таинственный мир.

X X X

Женщина, как и весна, должна быть совершенно бескорыстной, и это больше всего покоряет в ней мужчин, которые от природы несут в себе дух творца, а женщина своей чистотой поддерживает его в них.

X X X

Никогда и не задумаешься о том, как где-то в таёжном северном лесу, посреди морозного января, медведицы рожают своих ещё непутёвых последышей, с которыми лежат под глубокими сугробами в мирном полусне, и совсем не помышляют о навалившейся на них зимушке-зиме.

X X X

Надо хорошо знать пойменное весеннее море, чтобы почувствовать в эту пору, и в себе, до краёв наполненную радостью душу!

X X X

Даже в самом захудалом, измученном людьми лесу всё же бьётся радостное зелёное сердце…

X X X

Лес предоставляет человеку собственную жизнь как нечто, уже давно им обдуманное, где всё мудро взаимосвязано, а тот незаметно для себя безоглядно пользуется этим богатством, воспринимая все открытия души в нём только на собственный счёт.

X X X

Весной, под ослепительной мартовской крышей, хочется остановиться и без цели, с улыбкой, водить глазами по деревенской улице, открывая всё новые и новые светлые лица.

X X X

Когда зверь, смутно почуявший опасность, насторожился, нервно поднял взгляд и ещё не готов исчезнуть в глубине леса, хочется, чтобы он поверил тебе и задержался.

X X X

Сколько видели глаза таёжного странника – не видел никто.

X X X

Сколько незабываемого и прекрасного несёт в себе молодая весна, но порой в ней завораживает лишь то, как из сырых и тёмных оврагов потягивает ледяной прохладой старуха-зима.

X X X

Лес и море подарили мне удивительный мир звуков, благодаря которому я постепенно выработал в литературе свой мелодичный стиль.

X X X

Солнечным мартовским днём почувствуешь за спиной что-то, как будто тебя позвали, обернёшься, а это – шелест падающих капель, еле слышно произносящих ласковые звуки весны…

X X X

Пронизанные игрой солнца капли смолы не напоминают слёзы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа, его густой и терпкий аромат.

X X X

Тихо живут в лесу камни, неприметно, и вспоминаешь о них только когда подойдёшь напиться к ручью или вдруг покажется в обвалившемся склоне холма скалистая жила… И сразу какая-то скрытая уверенность утвердится в твоей душе, а лес обретёт для тебя ещё большую цельность.

X X X

Даже нагону, уморённая, лиса всё-таки оставляет свою метку там, где ненадолго пробует передохнуть, как если бы она бежала по лесу никем не преследуемая и просто обозначала свою территорию.

X X X

В лесу следует и слышать и видеть, но больше чувствовать, понимать и догадываться.

X X X

Вкусен и ароматен апрельский воздух, замешанный на пробуждающемся ощущении всеохватной любви, что не врывается в сердце вихрем, а прокрадывается на цыпочках.

X X X

Человек всё думает, да говорит, а лес знает, и молчит.

X X X

Грустно становится отчего-то, когда врасплох застигнутый тобой в лесу зверь, не шелохнувшись, долго смотрит в твою сторону, затем как-то обмякает и, кинув на тебя последний раз свой необъяснимо потухший взгляд, не торопясь, удаляется в чащу.

X X X

Нечаянная радость – выпавший в начале мая последний нежный снег…

X X X

Глядя весной на поющую птицу, успевающую, к тому же, выполнять огромную работу по выведению и выкармливанию птенцов, понимаешь необходимость самоограничения и умения правильно рассчитать своё время, чтобы быть по-настоящему свободным.

X X X

Ветер дует зимой и весной, летом и осенью, и всё, кажется, не может нарадоваться своей способности, безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться.

X X X

Старый глухарь перед смертью, наверное, совсем не ест, и не надо ему ни клюкву, ни бруснику, ни подмороженный осиновый лист или сладкую хвойную иглу… Скрытно сидит он где-нибудь в густой верхушке сосны, гордо глядит перед собой, но ничего уже не видит.

X X X

Случается осенью день, который не отличишь от весеннего – в нём так же пахнет землёй, снегом и листьями… И только по отсутствии в себе той, приподнятой радости, когда внутри тебя бродят ещё нерастраченные силы, определишь: жизнь на время успокоилась, а душа, переболев свою золотую пору, тихонечко притаилась. Весна, говорят, своё скажет, осень же – как прикажет.

X X X

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели, снег на молодых ёлочках подтаивает, скатывается и деревья стоят обнажённые, даже чуточку растерянные, как будто и не зима, если смотреть только вверх. Ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежною пудрой, а наутро опять тепло, и тогда припорошенные ёлочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блёстками, выглядят ещё более молодыми.

X X X

От свежего запаха коры, капели с розоватых веточек, копошащегося под еловыми лапами душистого тумана, и облако апрельское становится прозрачно-жемчужным, переливающимся от радости, ароматным…

X X X

Тем, кто ещё не вошёл в лес – хочется поскорей туда войти, тот же, кто уже побывал – желает быстрее выйти. Что за сила влечёт нас туда и оттуда, и отчего, когда мы находимся там – время незаметно приостанавливается и начинается какая-то новая, особенная жизнь, к которой мы так стремились, но от которой всё же бежим? А кто-то и не думает ничего обо всём этом, и равнодушие его, подобно девственной тайге, безгранично…

X X X

Если прислушаться – о чём рассказывает каждая травинка, цветочек или деревце, то вдруг обнаружишь тайны, сообразные своей душе.

X X X

На весеннем перелёте утка валит, гусь идёт, а вот журавль с лебедем именно летят.

X X X

Поздней осенью, когда волки собираются в стаи, в народе говорят, что звери наглеют.

X X X

Чуть пробивающийся сквозь снега звук мартовского ручья сначала неслышим никому, живёт как бы украдкой, но именно он робко начинает первую песню воды, которая вскоре восторженно обнимет всю землю.

X X X

Люблю, когда вечерние тени в лесу не сливаются одна с другой, будто каждая живёт своей потаённой жизнью, а ночь подступает крадучись, неспешно, чтобы ты так же, потихоньку, проникся своими самыми сокровенными за день переживаниями, и незаметно перенёс их в вещий сон.

X X X

Прозрачные ручьи, росистые луга и бесконечные снежные поляны не сравнятся в своей чистоте с устремлением свободной человеческой души, и только ждут, когда человек обратит к ним своё внимание.

X X X

Когда зверь пьёт из ручья – он вряд ли обращает внимание на своё отражение, и подобное предположение лишь подтверждает обаяние звериного мира.

X X X

В весеннем лесу, после дождя, так приятно проясняет, что вспоминаешь только хорошее, а всё худое куда-то бесследно исчезает.

X X X

Поздняя осень… Кажется, всё умерло, но так хочется жить!

X X X

Проснувшись посреди ночи, всегда почему-то почувствуешь: пасмурно на небе или звёздно. И если звёздно – тотчас, неизвестно чему, обрадуешься и окунёшься в сладкие сновидения, а если пасмурно – долго ворочаешься, думаешь о чём-то, но ни к чему не можешь придти, тяжело забываясь только под утро.

X X X

Пир мартовского восторга в природе, кажется, только начался, а солнце явилось на него уже упоённое счастьем, румяное и хмельное.

X X X

Изучая дремучий лес досконально, по всей правде, и добившись в этом важном деле немалых успехов, вдруг однажды забьёшься, подобно птице в силках, в его тончайших таинственных подробностях, и каким-то природным чутьём отдашься на волю провидения, которое, поначалу околдовав и запутав, неожиданно и выведет тебя к недостающему ответу… От мрака бегать - света не видать.

X X X

Даже самый маленький ветерок не бывает случайным…

X X X

Аккуратные головки копалух, грациозно вытянутые над травой, настороженные, легко принять за придорожные цветы, то появляющиеся под напором ветерка вдоль колеи, то исчезающие…

X X X

В мрачное ноябрьское время не скоро доберёшься в лесу до той жизни, что никогда не угасает, и уж если она откроется, то переживаешь неописуемую отраду.

X X X

В последнюю, порой очень отчаянную апрельскую заметь у снежинок уже не хватает сил быть озлобленными, и они бросаются друг с другом играть.

X X X

Изголодавшаяся лиса способна устроить ежу баню, обливая его собственной мочой, и тот разворачивается себе на погибель, оказываясь в зубах хищника.

X X X

Как хорошо оказаться в непривычной для тебя лесной обстановке самим собой, и принять её за свой дом.

X X X

Когда подкрадываешься в предрассветной темноте к токующему глухарю, по колено в снеговой каше, и тебя интересует только он, лесной красавец-исполин, то чем дальше продвигаешься в своём отрешённом устремлении, тем всё больше и больше сживаешься с поющей птицей… Подойдя же вплотную - и вовсе перестаёшь желать её смерти, и только наслаждаешься дорогим для себя соседством.

X X X

С восходом апрельское солнце мягко выпускает на землю лучезарные стрелы, которые стремительно летят в разные стороны и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц.

X X X

В лесу столько всего накоплено за века, что при столкновении с ним даже самому глупому человеку придёт в голову что-либо необыкновенное, он ощутит непередаваемую радость, и уже не будет сидеть, сложа руки, бездумно взирая в окно.

X X X

Неожиданно застигнутый в лесу человеком лось, редко когда ринется в чащу, а уйдёт всегда достойно, прежде выдержав некоторую паузу и, напоследок, величественно бросив свой неуловимый тёмный взгляд.

X X X

Летний дождь – это восхитительная паутина звуков, красок и радости, которая нежно обволакивает человека, когда он заслужил её и меньше всего ждёт.

X X X

Старые пни не удручают своим высохшим видом, а наоборот, вызывают уважение.

X X X

Далеко не сразу я разглядел, что дожди, как и месяца, бывают разноцветны… Первые, апрельские, обычно чисты и прозрачны, подобно драгоценным слезинкам земли – алмазным камешкам. В них сосредоточен весь весенний свет. Летние, с солнцем, - золотисты, с туманной дымкой – нежно-перламутровые. Осенью же, в октябре, из-под высоких небес летят и разбиваются о ветви холодные серо-коричневые капли…

X X X

Чем человек глупее, тем меньше его понимает зверь.

X X X

Клесты любят присаживаться целыми гроздьями на самый высокий палец ели, слегка раскачиваются и еле слышно перебирают замысловатыми крючковатыми клювиками переливчатые коленца… Так они, наверное, отдыхают, когда им наскучивает бесконечное шелушение шишек в поисках семян, и птички дружно забываются, вспоминая в этом коротеньком забытьи своё природное предназначение – радоваться и петь.

X X X

Когда снег уже почти истаивает, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки заполняются талой водой, кругом становится удивительно голо, но в этой оголённости – вся прелесть русской весны!

X X X

Не скоро дошло до меня: в лесу много такого, чего не видишь, а оно есть.

X X X

Всем хищникам, какими бы страшными они ни казались, в детстве присуща младенческая невинность.

X X X

Как только заговорили между собой по весне деревья – землю окутал головокружительный аромат…

X X X

Запах вечернего мороза в марте возвращает в зиму, аромат утреннего – множит весеннюю радость!

X X X

У многих зверей в глазах стоит укор человеку за то, что он человек.

X X X

Бывают такие места в лесу, что будто созданы хранить в себе его вековечную тайну, и люди не трогают их, словно не замечая, но чувствуют и обходят стороной.

X X X

Нигде, кроме как в лесу, у костра, не слыхал я таких свободных душевных разговоров!

X X X

Только на первый взгляд кажется, будто бесчисленные полянки заплутали в наших необъятных лесах, а они просто ищут друг друга, но не находя и не встретившись, всё равно как-то очень светло и незаметно радуются….

X X X

Иногда так бывает, что самые важные слова о жизни доносит до тебя ветер, и ты внимательно вслушиваешься и потихоньку складываешь из них недостающие мысли.

X X X

Сколько в лесу цветов, и разве посмотришь на них всех сразу! А достаточно, оказывается, одного, твоего, чтобы согреть свою душу. Но вдруг подумаешь, что бесчисленные луга цветов остаются безвестны, и опустишься перед лесом на колени…

X X X

Голос воркующего в лесу голубя только поначалу кажется однообразным и робким, но прислушавшись внимательнее, обязательно различишь в нём свою страсть, силу и гордость.

X X X

Деревенское счастье – возможность рано поутру отправиться в сказочный лес!

X X X

Ни у кого из зверей не таится в глазах столько сдерживаемой дикой воли, как у волка, оттого она, наверное, и не даёт ему покоя. И хоть волк всегда на воле, а не зря воет доволе, ибо знает, что если дашь себе волю, заведёт она в неволю. Не случайно в народе повелось: воля портит, а неволя учит!

X X X

При мысли о голубеньком васильке – слегка улыбнёшься, а вспомнишь полевую ромашку – и весь изнутри засветишься.

X X X

Весенняя предутренняя тишина всегда будто напряжена ожиданием несбыточного, но глубоко желаемого.

X X X

Неодетая веточка, с только что проклюнувшимися листочками, стыдлива как юная девушка, но почему-то кажется, будто она не хочет взрослеть, меняя такую грациозную невинность на обременительную, хотя и прекрасную зрелость.

X X X

Всегда поражало: как завораживающе просто звучит в весеннем лесу барабанная трель дятла! При этом думалось, что лес, конечно, необычайно гармоничен, если так мелодично несёт в себе однообразную дятлову стукотню, что он полон невероятных проявлений, которые слагают его насыщенное звуками живое пространство, а барабанная трель, может быть, самая выдающаяся вибрация, какую услышишь только в нём, настроишься благодаря ей на что-то очень важное, и будешь терпеливо ждать – что за диковинную дверцу откроет в твоей судьбе этот звуковой ключик?!

X X X

После бурной весны света, которой предшествовала нескончаемая зима, я превращаюсь в неудержимый ручей, что уже лишён каких-либо чувств, но твёрдо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

X X X

Если долго посещать лес, то однажды обязательно затеряешься в его вневременном пространстве, и в каком-нибудь глухом осеннем распадке вдруг услышишь жаркое потрескиванье костра, конский топот, возбуждённый говор людей и бряцание старинного оружия.

X X X

Весенние ручьи только на первый взгляд кажутся невинными, а приглядишься – они с великим трудолюбием раскрывают ещё не проснувшуюся до конца землю, что дарит всему живому безудержный простор!

X X X

В первые дни после прилёта кукушка почему-то не осмеливается куковать во всю силу, и голос её в лесу звучит робко и задумчиво.

X X X

Однажды я заметил, что, вроде бы, ничем не заполненное лесное пространство не пустует, а имеет свои скрытые ритмы и упорядоченность.

X X X

Иногда, натолкнувшись в лесу на белочку или бурундука, ловишь себя на ощущении, будто зверьки смотрят на тебя так внимательно, что по-своему всё в тебе понимают.

X X X

Когда восход солнца невидим из-за тяжёлых туч или облаков – всегда чудится, будто кто-то пристально подглядывает за тобой, но ничего не предпринимает.

X X X

Прежде, чем запеть брачным голосом, синица большую часть весны радостно превозносит её.

X X X

Первыми весной зеленеют края лесных ручьёв, и лишь затем склоны логов и лужайки.

X X X

Лучшие русские сказки родились в лесу.

X X X

Обнаружив сухостойное гулкое дерево, расщеплённое молнией или поверженное ураганом, медведь непременно ударяет по нему лапой, с удовольствием слушает, и эта добродушная черта совершенно подчиняет в нём дикого зверя, выводя незаметно общую для всего живого радость.

X X X

В весеннее время многим птицам присуще страстное постанывание, и потому услышав его – не сразу догадаешься: воркует ли это вяхирь, надувшийся от напряжения самец сороки или, может быть, нежная горлинка не в силах сдерживать нахлынувшего на неё страстного томления?

X X X

Серёжки в ушах весны, конечно, не золотые, как у осени, а совсем простенькие, недорогие, но зато - сколько в них желания очаровывать!

X X X

Голод помогает зверю перебороть свой страх.

X X X

Венок радости плетётся из самых красивых соцветий окружающего мира, но всегда в собственной душе.

X X X

Иная птаха в лесу так привязывает человека своей незатейливой весенней песенкой, что он боится сдвинуться с места.

X X X

Пока стоят мартовские дни с золотистой капелью и весёлыми ручьями – ждать прилёта долгожданных гостей с юга не приходится, и только когда наступит серый, туманный апрель с холодными дождями – птицы появляются…

X X X

Глухариная любовная песня, как только ты её расслышишь в предрассветных сумерках, так неясна, расплывчата, почти неосязаема, что поначалу даже не верится – с какой радостью, постепенно, она способна пробиться к твоему сердцу. Когда же сердце для неё всё-таки откроется – ему захочется подарить кому-нибудь и свою любовь.

X X X

В весенних сумерках берёзки белеют по-особенному светло и радостно.

X X X

Всю зиму снег гнетёт верхушку молоденького деревца, пригибает его к земле, и обессилев, деревце, наконец, сдаётся, поникает… К весне оно становится совсем неприметным, так что ходишь над ним по насту, даже не подозревая о его существовании. И вот, в апреле, когда снег уже быстро сходит, случайно тронешь лыжей такую неприметную веточку, а она вдруг распрямится, выпрыгнет на свет во всей своей красе, и душа твоя тоже весело вздрогнет и обрадуется.

X X X

Невозможно придумать поход в лес: его нужно пережить!

X X X

Исхудавшая волчица, понуро опустив голову и хвост, неспешно семенила у края дороги мне навстречу и, казалось, её ничто не тревожит. В каких-нибудь двадцати метрах, даже не глядя в мою сторону, она резко повернула в лес и исчезла.

Я стоял опешивший от ощущения близости такого редкого зверя и почему-то был уверен, что ещё увижу его. И действительно, волчица, обогнув меня сквозь чащу, бесшумно выскользнула из-за деревьев чуть поодаль, и заглянула в лицо.

Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту холодно смотрела мне прямо в глаза, а затем, так же понуро повернувшись и не произнося ни звука, удалилась.

X X X

Ни одна наша лесная птица не увлекает человека из чащи вдаль, к горизонту, потому как нет среди них райской, а только родные, приземлённые.

X X X

Лес так стар и мудр, что никогда, даже в минуты наивысшего откровения, не допустит в себе ребяческой улыбки. Но иногда, чаще это бывает весной, что-то детское всё же победит в нём замершее сердце древнего старца, и лес обрадовано рассмеётся.

X X X

Забрался я как-то в морозную февральскую даль к глухарям, вёрст за пятнадцать от деревни, чтобы проверить численность птиц перед началом брачных игрищ. Птицы сидели очень скученно, в глухом сосняке, и, наверное, им было там хорошо и покойно.

Я же подходил к каждой птице нетерпеливо, попеременно поднимая одну за другой, жадно вслушивался в шум их полёта и ликовал, что и на этот раз обнаружил. Глухари, конечно, все разлетелись, но я особо не переживал, поскольку знал: весной они опять соберутся здесь вместе.

И всё-таки по дороге домой меня не покидала неприятная мысль, что я потревожил птиц, помешал их сокровенному зимнему течению жизни. И тут вдруг ударила жестокая метель, прямо навстречу, наотмашь, будто мстя за нарушение умиротворённой жизни таинственных птиц.

Метель вымотала меня, пронзила насквозь, но я не пожалел ни о чём, даже с каким-то удовлетворением выдержал это испытание, и когда, наконец-то, выбрался на дорогу, то тотчас услышал гул приближающейся машины, её почти не было видно из-за поднявшейся пурги, и она очень быстро подбросила меня до самой деревни. А вскоре низкие тучи незаметно рассеялись, и на небе засияло умытое солнце…

X X X

Если весна дружная, то зайцы не успевают сбросить зимнюю шерсть, и ложатся отдыхать днём на оставшихся сувоях снега.

X X X

Хорошо помню, как впервые попала мне в руки живая птица: это была подраненная из отцовского ружья сойка, которая безропотно реагировала на любое моё прикосновение, быстро отдавая мне всё своё тепло.

X X X

Раз я как-то так уходился по солнечной апрельской дороге, с лыжами через плечо, с рюкзаком, и улёгся от усталости прямо у обочины, на наст… После бессонной ночи на глухарином току, снежная постель показалась мне простой и удобной.

Небо над головой выгнулось необъятной синью, как шёлковое одеяло, и дышало теплом. У самых ног, в колее дороги, ласково журчал неугомонный ручей, так что мне тотчас захотелось спать, и я уснул. Но спал, не обрывая своего восприятия, всё чувствуя и замечая вокруг, так что время протекало мимо, и … оставалось на месте.

X X X

Ружьё, патроны, котелок, нож, спички – это не просто средства для лесного существования, а символы мужской отваги, терпения и силы.

X X X

Хорошо иной раз улечься на землю и посмотреть, как разнообразно живут вверху деревья. Какие у них разные судьбы, что выражается в диковинной форме крон, изгибах ветвей и стволов, шуме листвы и всех звуках, что они издают.

Вот заскрипела берёза, и ты не сразу определишь, какая из них подала свой голос. Долго вглядываешься и вслушиваешься в тишину леса, пока сам не почувствуешь, как она тоскует о былой молодости, словно это ты сам, и, наконец, примечаешь с необыкновенной радостью: вот эта…

Если берёза начинает скрипеть, её нужно рубить, так считают люди, заготавливающие дрова. Но я повременю, и приду на помощь, только когда ей будет невыносимо от старости. Сейчас же я слушаю, как старая берёза проповедует мудрость.

X X X

Когда в весеннем лесу, у костра, слушаешь перекличку журавлей, они представляются разумными существами, способными и тебе рассказать о чём-то очень важном.

X X X

Только когда подтает на апрельских опушках последний ледяной черепок, и земля засверкает на солнце прозрачными перламутровыми каплями, она становится по-настоящему умытой, а весна окончательно победившей!

X X X

Когда ещё никто из людей поутру не встал и ничего не увидел, а земля, лес и небеса до конца не проснулись, всё в мире представляется по-прежнему неизведанным.

X X X

Весь свет, бывает, обойдёшь, а учёным не станешь: ты должен быть готов к восприятию знаний, и только тогда пробьет твой час, что внесёт в жизнь недостающую весеннюю ясность!

X X X

Мир природы – это чудесные образы, музыка и чувства, что попадая в душу растерявшего или не нашедшего себя человека, помогают ему себя обрести.

X X X

Днём ли идти в лес или ночью – не имеет ровно никакого значения, если на дворе весна.

X X X

Потаённая мудрость леса – это когда впереди попадается то зверь, то птица, то ягодное и грибное раздолье.

X X X

Особая тишина воцаряется в природе, когда сова, волк или лягушка смотрят на тебя, не мигая, и молчат.

X X X

Любовь животных к друг другу бывает так неожиданно безумна и велика, что даже совсем, казалось бы, безобидный зверёк – заяц, в порыве страсти вырывает со спины зайчихи целые клочья шерсти, чем причиняет ей немало страданий.

X X X

Мартовская звёздная ночь словно мирится с людьми после безудержно хлопотливого дня, своим равномерным морозным дыханием успокаивает всех и, загадочно затаившись, усыпляет.

X X X

Иной раз уходишься по лесу до того, что совершенно лишаешься способности думать, но чуткости при этом никогда не теряешь, вслушиваясь, всматриваясь и дыша ещё более проникновенно.

X X X

Чтобы познать прекрасное в природе – им нужно обладать внутри себя.

X X X

Даже весной в серых глазах человека - стоит одна туманная дымка, в карих – открывающаяся от снега земля, зелёные – это ещё не проснувшаяся лесная чаща, и только в голубых глазах отражаются лазоревые отсветы восхищённого поднебесья…

X X X

Внимательно наблюдая из укрытия за каким-либо зверем – начинаешь понимать его душу как бы через себя самого: затаившегося, чужого, готового к чему угодно…

X X X

Когда последний солнечный луч зимой скользнёт по верхушкам самых высоких сосен – снег на них вспыхивает яркими рождественскими огоньками только для старого седого ворона.

X X X

Выйдешь в апрельскую ночь под звёзды – и сразу очутишься в совершенно трепещущей чуткой тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью.

X X X

Старый лес всё больше блюдёт себя самого, оберегая от чужих глаз свой таинственный дух, молодой же – тянется к человеку, уже за околицей затевая с ним одному ему понятную забаву… Так и среди людей: старому бы всё только спать, а молодому – без удержу играть!

X X X

Весна, как самая пленительная женщина, в одно мгновение оглядывает всех, околдовывает и, никого не любя, увлекает за собой в манящую неизвестность… Лес же в эту пору, подобно мудрому мужчине, оборачивается печальными глазами в себя, а весельем – к людям.

X X X

Быстро уходит свет из опавшего листа, до которого уже никому нет дела.

X X X

Ласточка именно бросается из своего гнезда в беспосадочный полёт за кормом для птенцов.

X X X

Едва ли различишь, как сквозь еловую разлапистую ветку смотрят на тебя чьи-то проникновенные глаза, но обязательно почувствуешь их, постараешься преодолеть в себе страх и поблагодаришь лес за его невыразимую тайну.

X X X

Ни солнце, ни луна, ни звёзды не способны преобразить жизнь так чутко, как первый небесный свет.

X X X

Переживания души по весне никогда не бывают тяжки, потому что всегда имеют свежесть молодой травы, обласканной самым чистым апрельским дождём и ветром.

X X X

Лес сразу понимает, когда человек хочет его обмануть, как ребёнок огорчается и убегает в свой самый тёмный угол.

X X X

Когда я гляжу в остановившиеся волчьи глаза – они открывают мне тысячелетия бесконечных попыток зверя преодолеть, наконец, потолок своих безукоризненно отточенных инстинктов.

X X X

Апрельский день пасмурный, тяжёлый, а узкая полоска зари всё равно отливает нежно-розоватым пером лесного голубя, который ещё не прилетел, но вот-вот появится.

X X X

Бывает, в лесу, как во сне, вдруг смешается время, словно остановится, и ты за один обыкновенный день насмотришься столько, что уложилось бы в целый сезон. Потом долго думаешь: как такое могло случиться?

Видно, привёл тебя зачем-то лесовик в один час, в одно место, и оставил там на целый день, а ты не растерялся в этом остановившемся времени, и совсем забыл про то, что ты здесь – гость.

X X X

Обычная песенка лесного ручейка по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – умиротворённая, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

Когда задумаешься, что в каждом мельчайшем семечке заложено стремительное движение к будущему, и все силы природы работают на то, чтобы ему расцвести, забудешь про собственное несовершенство, опустишься на колени и, положив семечко на ладонь, вдруг ощутишь, как трогательно оно добивается внимания к себе человека.

X X X

Всего-то и увидишь за день, проведённый в лесу, маленькую стайку тетеревов, с пугающим шумом вырвавшуюся из-под снега прямо у твоих ног, а радуешься так, будто овладел какой-то несоизмеримой ни с чем, замечательной тайной.

X X X

Не могу успокоиться, пока в весенней природе не произойдёт какого-то главного сотворения: мучаюсь, с нетерпением жду, и только когда почувствую его – воспаряю и лечу.

X X X

В природе никогда ничего не даётся человеку даром, и до всего интересного можно добиться только ночёвкой в холодном, пугающем, но удивительном лесу.

X X X

Странно, что заяц – очень сторожкий зверёк, безбоязненно ведёт ночной образ жизни, когда лес полон пугающих звуков, и по-настоящему страшится светлой, тихой поры, хоронясь весь день в непроходимом чапыжнике.

X X X

Когда ветви деревьев ещё не одеты, и набухшие почки только напряжены, человеку остаётся короткий миг, чтобы успеть сбросить с себя последние тревоги, как ненужные устаревшие одежды, а проснуться поутру уже свежим и чистым в благоухании первой невинной листвы.

X X X

В лесу у тебя нет ни друзей, ни врагов, лесные обитатели проживают там свою, неведомую для людей судьбу, но ты зачем-то подбодряешь себя очень нужными с ними встречами, томишься в ожидании их, и стараешься заранее угадать: как, получше, подглядеть сторожкого зверя, которому нет до тебя никакого дела?!

X X X

Весной, непроизвольно, выводишь образ любимой женщины из окружающих тебя ароматов, зари и цветов, а она, на деле, ждёт только твои печальные глаза, которых ей всегда не хватает.

X X X

Даже в самом благородном устремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от холодящей таёжной тьмы, что порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

Встречи с людьми в лесу всегда редки и интересны, потому как лесной человек необычен сам по себе. Он в лесу всегда не случаен. От него веет какой-то самобытностью, особым взглядом на жизнь и добродушной лукавинкой, с которой он не без удовольствия поведает о чём-нибудь очень простом и важном, о том, что непременно поразит даже самое избалованное воображение.

Такая встреча тем более любопытна весной, когда в лесу нет ни ягод, ни грибов, да и охота запрещена. Мой старичок собирал в апрельском лесу … берёзовые почки.

По его словам, в последнюю неделю перед сходом снегов почки берёзы становятся клейкими, их можно обирать и затем сушить в полутёмном месте. Почки подсыхают, но не теряют своей клейкости. При больном горле они тщательно пережёвываются, а образовавшийся в результате этого сок время от времени, понемножку, сглатывается. Вкус горьковатый и не совсем приятный, но эффект поразительный: на следующий день воспаления как не бывало!

X X X

Ясный апрельский день может сравниться с чисто вымытым оконным стеклом, через которое пробивается в дом ласковое тепло.

X X X

В лесу я собираю впечатления в виде обыкновенной еловой веточки, облака, птицы, до которой дотянешься только взглядом, старого рассохшегося пня, земляники под ним, солнечного луча, затерявшегося среди тенистых папоротников, взлетающей к самым вершинам деревьев бабочки, а дома вспоминаю, оттачиваю эти видения всем опытом своей жизни, и так, постепенно, рождаются в моём воображении незабываемые образы… Они, оказывается, уже существовали в природе, но их нужно было извлечь оттуда трудом своей души.

X X X

Самый сильный холод в весеннем лесу случается в конце утренника, когда заря только занимается и всё тепло сосредотачивается на верхушках елей… Именно туда, к пригревающему розоватому свету, подымаются с наста тяжёлые мошники и, усевшись, величественно замирают, чтобы переждать прокрадывающийся понизу мороз.

X X X

Бывает, находясь в весеннем лесу, неожиданно откроешь в себе долгожданную мечту, от радости всплеснёшь в душе ладошками, и сердцу станет так тесно, что оглянешься: нет ли поблизости кого, с кем можно было бы поделиться? А вокруг тихо, безлюдно, но не одиноко.

X X X

Свист и шум крыльев множества прилетающих с юга птиц, присоединяясь к журчанию лесных ручьёв и порывам молодого весеннего ветра, незаметно рождают в уставшей за зиму душе добрые устремления, и так, постепенно, в ней сосредотачивается вся сила природы.

X X X

Однажды мне посчастливилось отыскать маленький глухариный точок неподалёку от деревни, и когда я подходил под песню к токующему глухарю, отчётливо было слышно тявканье собак. Глухарь в такие моменты замолкал, забавно замирая на суку с приподнятой лапой, настороженно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, внимательно прислушиваясь к доносящимся звукам, и новую песню заводил уже не так азартно, а как-то нехотя, вполсилы…

Родившись и живя рядом с человеческим селением, и будучи, по-видимому, достаточно молодым, глухарь чем-то неуловимым становился похож на деревенского петуха, по сути, оставаясь всё же лесным.

X X X

Приходит весна … и в сердце твоём как будто распахнули окно!

X X X

В лесу никто никого не притесняет, а только пользуется отведённым ему жизненным пространством.

X X X

Часто бывало, что в лесу надо мной кружился чёрный ворон, но никогда не произносил своего зловещего «гра-а».

X X X

Иной раз обрадовано уверуешь: нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру… Но вот вдруг выдастся затишье, предшествующее ветру, и всё в душе смутится от нерастраченного чувства к тому, что его порождает.

X X X

Скромная, почти неприметная подруга снегиря, наверное, никогда не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид: ведь весеннее солнце красит грудь самца только для неё.

X X X

Когда страстно защёлкает в кустах черёмухи долгожданный соловей – весна, как ни странно, уже не приносит того ощущения беспокойства, что овладевало душой мартовским морозным утром, во время однообразного пиньканья синицы.

X X X

Жизненные границы леса никогда не кончаются, бесконечно продлеваясь в человеческой душе…

X X X

Пряный аромат опавших листьев сладок их горечью.

X X X

В мартовские розоватые утренники, когда наст отливает сахарной глазурью и ещё хорошо держит, глухарь любит побродить по нему, осмотреться, а как только солнышко поднимется над горизонтом – он взлетает на самую высокую ёлку и вбирает грудью все его ласковые переливы, окуная её в сияющий перламутр, небесную синь и потаённую зелень.

X X X

Завидев в конце осени ещё не облетевшую, золотисто-пурпурную осинку, вдруг обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждал всю жизнь, а его всё не было и не было.

X X X

Берёзы в апреле как будто плачут от радости, не в силах сдержать нахлынувших чувств!

X X X

Ходил раньше по одному и тому же лесу, и будто не замечал его, но вот однажды обратился душой – и всё в нём ожило, будто открывшись заново: значит, время пришло.

X X X

Месяц наклонился, словно из сказочного ушата высыпал на небо синие, зелёные и голубенькие каменья, а душа переполнилась счастьем и весело заиграла.

X X X

Перед самым рассветом над макушками деревьев пробегает лёгкий предутренний ветерок – и, одну за другой, задувает на небе звёзды.

X X X

Однажды весной, на вечерней заре, я поднял двух журавлей, кормящихся у края укромной полянки… Развернувшись на фоне заходящего оранжевого солнца, птицы потянули, призывно курлыкая, прямо на меня, и от взмахов их огромных крыльев так ощутимо повеяло древностью земли, что я вдруг почувствовал, будто человек ещё и не начинался.

X X X

Самая живая птичка весны – светло-серая, с чёрным бантиком на груди, трясогузка, что только прилетев – уже куда-то зовёт за собой. Кокетливо помахивая длинным хвостиком, она то и дело перебегает дорожку и трогательно попискивает, будто приглашая в какие-то неизведанные края, в которые сама ни долететь ни добежать, кажется, не в силах. Но почему-то не оставляет своих попыток, всё неустанно семенит лапками, перепархивает и, никого не дождавшись, возвращается, чтобы вновь куда-то стремиться и увлекать.

X X X

Даже самый глухой, отдалённый от человека лес никогда не может быть для него диким.

X X X

Не могу не смотреть в лесу глубоким, проникновенным взглядом, благодаря которому проявляется такое ясное жизненное пространство, что свободно открывает ясность собственной души.

X X X

Жёлто-пегая болотная сова живёт в жёлто-пегом болоте…

X X X

Когда талая весенняя вода выгоняет всё живое из нор – хочется пожалеть бедных мышей и бурундуков, что беспомощно катаются по влажному льду, будто на коньках, мокнут и никак не могут обрести для себя спасение.

X X X

Бывает, душной весенней ночью жалобно заголосит где-то сова, и душа тотчас откликнется ей какой-то глубоко скрытой сладкой тоскою, от переживания которой всё в тебе неожиданно встрепенётся и просветлеет.

X X X

Так приятно, побывав в лесу, оставаться с чистой совестью.

X X X

В отличие от неугомонных воробьёв, никогда не увидишь драки между такими же маленькими снегирями, которые всегда обаятельны, скромны и обладают очень проникновенной и нежной песенкой.

X X X

В конце апреля никем не тронутые метровые сугробы быстро оседают и растворяются, насыщая талой водой и без того влажную почву, а нахоженные за зиму невысокие уплотнённые тропинки белеют чуть ли не до мая, медленно истончаясь и превращаясь крепкими утренниками в хрупкий «черепок».

X X X

Как нас радует лес сразу за околицей, когда он свешивает ветки прямо в огород, как будто приветствуя это близкое соседство с человеком… На самом же деле лес безмолвно умоляет: не приближайтесь ко мне так скоро и легко, не склонившись, как и я, до самой земли.

X X X

Когда над вершинами тёмных елей мерцает таинственный звёздный свет, всегда переживаешь ощущение чего-то радостного, но ещё несбывшегося, что, веришь, рано или поздно обязательно придёт и наполнит душу настоящей сказкой.

X X X

Осенний разноцветный вальдшнеп взмывает среди стволов волшебной бабочкой, и в мгновение исчезает, а весной, в сумерках, опускается за самкой выцветшим листом и долго припархивает, как будто не находит себе места.

X X X

Весна, как ни странно, постоянна и по-настоящему радостна в самом своём начале, когда к ней ещё достаточно не привыкаешь, всё же остальное время она дарит лишь счастливые мгновения.

X X X

После посещения леса готов писать обо всём, что ты там увидел, даже о том, о чём раньше вовсе и не хотелось.

X X X

Бывает, бредёшь во тьме на глухариный ток, отчего-то остановишься и вслушаешься в тишину, а там - будто разговаривают люди, перебегают с хохотом дети, кто-то весело вскрикивает, перекликается и ненадолго замирает… Это значит - весенняя ночь выдалась размашистая, открытая и бояться в ней нечего.

X X X

Хоть и говорят часто – «ветер непостоянен», но вряд ли отыщешь что-либо более надёжное и утвердившееся в своей свободе. Просто временами ветер улетает туда, где в нём испытывают потребность, а как только почувствует в ком-нибудь ещё большее устремление к собственной мощи, тотчас возвращается. Ничто не в силах превозмочь его неудержимую природу быть всегда в нужном месте!

X X X

Утренняя бирюза в апреле так трогательна, что даже нежно-кремовое солнце, словно опасаясь её нарушить, взбирается на небо осторожно, как бы ненароком.

X X X

Содержательность каждого похода в лес определяется только поведением в нём самого человека.

X X X

Чем более развита душа человека, тем больше он находит для себя в лесу знакомого.

X X X

За рекой, на болоте, затрубили журавли, и сразу представилось, как им там хорошо и уютно.

X X X

Интересно: чем отличаются по запаху кулик, тетерев и, скажем, куропатка? Ведь собака определяет эти различия совершенно точно!

X X X

Случится в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по дороге жизни, и по крупицам находишь радость и в лете, и в осени, и, конечно, в зиме.

X X X

Бывает, в апреле, когда ещё не сошёл снег, засеется под вечер мелкий занудливый дождик, из-под разлапистых еловых ветвей выползает промозглый сырой туман, а на душе становится хорошо и покойно.

X X X

Именно в лесном отшельничестве, при сознательном переживании собственного самоограничения, в сердце зарождается страстная любовь к людям и жизни.

X X X

Затяжной полёт цапли не есть следствие её значительных размеров или какая-то раздумчивость этой странной птицы, а скорее – осёдлость неторопливого образа жизни в глуби необозримых болот.

X X X

Вечером, в марте, когда неугомонное солнце всё же потухает, радость весны света не оставляет, а ещё более усиливается с зажигающимися на небе голубыми, зелёными и оранжевыми звёздами.

X X X

Менее всего меня занимает в лесу цветущий луг с бабочками, а больше – сырая темнота оврагов и нетронутая хвойная глушь.

X X X

Потревоженная на гнезде самка чибиса редко когда подымается на крыло, а всё больше бежит впереди, то и дело, останавливаясь, оглядываясь и жалобно постанывая… Самец же сразу устремляется в воздух, летает тревожными кругами прямо над головой и пронзительно вскрикивает.

X X X

Сколько бы я не писал про лес, а героиней моего рассказа чаще всего оказывается весна…

X X X

Дремучий лес говорит даже своим безмолвием.

X X X

Всё в природе уже взыграло, справило весну света, и только зимнее заснеженное поле будто затаилось, лежит недвижимо, и лишь по еле различимой светящейся дымке над ним догадываешься, что и оно вскоре сбросит сонную одурь и превратится в бескрайнее озеро весны.

X X X

За какой-нибудь год хождения по лесу можно пережить не одну сотню его дремучих таинственных лет.

X X X

Оживлённое бормотание тетерева по весне похоже на журчание лесного, скрытого под снегом ручья, что пробивается как бы ниоткуда, а слышится везде.

X X X

Есть нечто жуткое, почти необъяснимое в маленьком неприметном сорокопуте, который зачем-то уничтожает за день множество птиц и мышей, съесть всё это не может и насаживает оставшиеся излишки на острые ветви деревьев, отрывая, к тому же, у своих жертв головы.

X X X

Когда насытишься разудалой апрельской порой в лесу и она перельёт в тебе через край, хорошо помечтать о жизни больших, древних городов, о их солнечных набережных, площадях и людях, что и не помышляют о празднике русской весны.

X X X

Лес видит во тьме даже лучше, чем днём, и особенно радуется, когда встречается в ней с глазами любознательного человека.

X X X

Заглянув однажды в гнездо вороны, я был поражён увиденным: у обыкновенной, изрядно примелькавшейся и надоевшей всем серой птицы яички имели цвет голубовато-нежного, весеннего неба.

X X X

Крупные хищные птицы в полёте неподражаемо легки, они царят в вышине, это - их стихия, но вот у самой земли становятся какими-то вялыми, на суки деревьев присаживаясь как-то скособочившись, неумело.

X X X

Радостно представлять себе безудержную весну, с широким лесным раздольем, где можно свернуть на любую неприметную тропинку и … раствориться.

X X X

Столько за жизнь набрано в себя от леса, что можно, оказывается, обойтись и без него!

X X X

Ранняя весна хороша тем, что только начинает долгую пору радости, которая завершается лишь с началом пышного осеннего увядания…

X X X

И заря, случается, показывается неприступной царицей – холодной, гордой, чужой… А на следующее утро – опять добрая княжна, что кланяется, улыбается, и только родившись, принимается всем служить.

X X X

Если весна опять бросает тебя в дорогу – лучше всего подчиниться её зову, пока она окончательно тебя не одолела, и взлететь к убегающему вдаль горизонту.

X X X

Отправляясь в ночной лес, у меня и в мыслях нет поигрывать с опасностью, а только чувствовать его глубинную жизнь и быть слитным с ней.

X X X

Приходит весна – и небеса голубеют, леса становятся ослепительно зелёными, а сердца людей наполняются тем радостным светом, что они могли и сами, ещё раньше, в себе зажечь, но отчего-то не делали этого.

X X X

Иногда мне кажется, что мысли в лесу рождаются не в голове, а в окружающем человека пространстве, какое-то время живут там, восхищают своей простотой, и потом потихонечку растворяются в его душе.

X X X

Не со всякой сосны склёвывает глухарь хвою, а только с отдельного, понравившегося ему дерева, которое на вид почему-то всегда неприглядно.

X X X

Если журавли плывут в весеннем небе высоко – погода всегда стоит ясная и они обязательно курлычут; в пасмурные, сырые дни птицы в молчаливом напряжении жмутся к земле, а голос подают лишь изредка, тревожно вскрикивая и тотчас замолкая, словно не возвращаются на родину, а покидают её.

X X X

В иной год весна так обуяет твою душу, что ничего уже не разумеешь от охватившего приволья, а только, знай, бормочешь, как тетерев: «бу, бу, бу, люблю-люблю, бу, бу, бу, люблю…»

X X X

Может быть, нет в лесу ничего увлекательней, чем находить у каждого зверя или птицы их истинное лицо.

X X X

Если хоть однажды увидел в ночном небе большие апрельские звёзды и остался с ними до утра: рано или поздно они укажут тебе твой путь.

X X X

Весна неподражаема тем, что разбив сердце – может в мгновение одарить великим восторгом!

X X X

Нежно, но настойчиво блеет барашком с вечера до утра в невидимой вышине маленький бекас, и кажется странным, что из всех прилетевших к нам птиц он один отвоевал для своей любви такое необъятное ночное пространство!

X X X

Глядя на человека всем своим существом, лес ещё вглядывается в него каждым отдельным деревом, цветком, зверем и птицей.

X X X

Только один маленький ручеёк проснётся под снегом – и всё вокруг сразу оживает.

X X X

Из-за обилия впечатлений в лесу часто случается, что мыслей в голове рождается сразу много, они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и улетают, так до конца и не оформившись, а надо выбрать только одну, заняться ею и тотчас все остальные остановятся, успокоятся и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

X X X

Дятел желна, всегда неожиданно и как-то сказочно выпархивающий на тебя из чащи, напоминает неловко выброшенную кем-то из костра головёшку, которую и не думаешь тушить, а только любуешься огнём алой шапки, не опасаясь её жара.

X X X

Продолжительный и очень мелодичный свист рябчика схож с неведомой лесной дудочкой, что даже в непогоду настроена на трогательную радость.

X X X

В мае звёзды теряют свою яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее.

X X X

Красив и по-хорошему печален наш русский лес, как бы враждебно не относился к нему человек.

X X X

Весенний солнечный луч, особенно под вечер, - словно произнесённое кем-то доброе слово.

X X X

Только по-настоящему мудрый человек чувствует заключённую в лесу истину, к тому же, не стремящуюся из него вырваться, а почувствовав – подражает её истечению, но не желает полновластно обладать.

X X X

В марте от растаявших к полудню луж будто разносится детский восторженный крик, что наполняет радостью весь воздух!

X X X

Редко, когда обратишь внимание на то, как неустанно кукует в бору кукушка, но обязательно насторожишься, если после долгого молчания скрытная птица вдруг подала свой голос.

X X X

Люди никогда не ждут весеннего прилёта птиц, глядя вверх, то и дело выискивая в небе журавлиные или гусиные косяки, а подымают головы лишь заслышав в вышине их торжествующе-волнительный крик.

X X X

С особым уважением смотрю я на тех людей, которым по душе сначала весна, и уже потом – лето и осень.

X X X

Мартовским ослепительным утром меня охватывает неописуемый восторг от всего происходящего в природе, а к вечеру я уже страдаю от невозможности удержать этот неповторимый и навсегда ускользающий день.

X X X

Выгоревший лес похож на холодную чужую планету и, кажется, он не хранит уже ничего, что бы помогло ему возродиться, но присмотревшись – постепенно, всё же, угадаешь в нём ещё не высказанную мысль о жизни, что ждёт его впереди.

X X X

Когда токует глухарь – его налившиеся брусничным соком брови почему-то не выделяешь с таким восхищением, как огромный пятнистый хвост, переливающуюся перламутровой зеленью грудь или вздрагивающую в такт песне мохнатую бороду… Пышные же брови чудесных красавцев-тетеревов сразу бросаются в глаза, оживляя ещё блёклые апрельские проталины неожиданно яркими, будто только распустившимися цветками.

X X X

Во вскрикиваньях прилетающих с юга журавлей – к людям опускаются с неба звуки родной земли.

X X X

Цапля так устроена, что вспугнутая – не вылетает, а вымахивает из прибрежных зарослей камыша и рогоза.

X X X

Весенний радостный свет действует на человека как свобода, которую никто и никогда не сможет у него отнять.

X X X

Порой, забравшись в какой-нибудь потаённый лесной уголок, что ничем особенным, кажется, не отличается от множества подобных ему, поначалу несказанно обрадуешься… А потом, успокоившись, долгое время дивишься, не в силах разобрать: отчего нет для тебя на свете прекраснее этого, вроде бы, обыкновенного места?

X X X

Как грациозны головы журавлей, когда они насторожены, и как страшны при этом в своей безжизненности их глаза…

X X X

Редко увидишь, когда кукушка прилетает на голый лес, но если это происходит, то год, как и жизнь самой птицы, складывается как-то неустроенно и осиротело.

X X X

Хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьётся колючая позёмка, а лес вдали стоит седой, нахмуренный, всё вокруг голо… И только у самой обочины лесной дороги, на тоненьких тростиночках пустырника оживлённо раскачиваются цветастые щеглы, о чём-то неугомонно переговариваются и совершенно изменяют собой унылый зимний вид.

X X X

Трудно себе представить, что птица весной может устать в поисках корма для своих птенцов, и присядет вдали от них просто отдохнуть.

X X X

Всю майскую ночь, напролёт, слышно страстное посвистывание соловья в черёмухе, и становится вдруг так, будто бы повсюду рождается любовь.

X X X

Снегири – это трепетные птичьи сердца, у которых, кажется, отсутствует всякая боязнь, и они уверены в своём робком обаянии.

X X X

Весной самое лучшее время – это утро, когда день, со всеми его замечательными подробностями, ещё не расплёскан по пустякам и встаёт перед человеком молодым, нетронутым и прекрасным.

X X X

Когда самец-вальдшнеп преследует на тяге самку, он издаёт двойной звук – «хор-хор, цвиг-цвиг…» Первая часть производится им как бы в себя, утробно, в предвкушении скорой встречи с желанной возлюбленной, а вторая – с неожиданным и лёгким выдохом, утончённо моля дождаться его и больше не покидать.

X X X

Маленький, затерявшийся в лесах куст волчьего лыка может подарить человеку здоровье своими природными соками, сосредоточенными в коре и корнях. Несомненно, что и радость от притягательности красивых ягод, которые так и хочется сорвать в жаркий летний полдень. А ещё - какое-то необыкновенное, переживаемое с детства знание, почти уверенность, что волки плетут с лыка кустарника сказочные корзинки, и ходят с ним по грибы и ягоды...

X X X

Лесу нелегко скрывать от любознательного человека каждую секунду и минуту своей потаённой жизни, вырастающую незаметно в мудрые века, но он тяжело переносит его невнимание, мгновенно становясь неприступным и даже зловещим.

X X X

Ранний крик журавлей на болоте вызывает тот первый свет, когда узкая полоска зари только-только показывается из-под небесного одеяла, а человеку её ещё не видно.

X X X

Пока весной не пахнёт от земли теплом – она всё как не родная.

X X X

Весной больше чем когда-либо хочется идти до той лесной стороны, где никто никогда не бывал, а когда дойдёшь – ни за что об этом себе не признаешься, и всё продолжаешь свой путь, не уставая…

X X X

Молодой ястреб-тетеревятник жадно впивается в жертву желтизной своих глаз, красные же глаза взрослого хищника смотрят как будто с недосягаемой вышины, холодно и надменно.

X X X

Пение птиц по весне – это всегда, в первую очередь, радость возвращения.

X X X

В июльский вечер, когда всё вокруг утомлённо дышит жаром, только души деревьев льют сдержанную прохладу и успокоение.

X X X

Глядя в апреле на звёздное небо, похожее на огромное ночное поле, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и, заблудившись, не вернуться.

X X X

Необычно наблюдать по осени за свободолюбивыми забияками-воробьями, когда они табунятся в плотные многочисленные стайки: каждый из них чуть ли не касается своего приятеля, но совершенно никому не мешает.

X X X

Правда лесной жизни такова, что белки, которых в народе всегда почитали как милых и безобидных зверьков, разоряют гнёзда и сильно тиранят певчих птиц, поедая их яйца.

X X X

Иной весной, от самого её начала и до конца, переживаешь одну боль, ни в чём не можешь ощутить хоть маленькую радость, и даже черёмуха с сиренью, кажется, не источают свой аромат… И только когда приходит осень – неожиданно отмякаешь душой, забываешься и летишь.

X X X

От осеннего утреннего морозца одни листья краснеют, а другие становятся бесцветными.

X X X

Никогда не увидишь, чтобы дятел – эта умная, бодрая и трудолюбивая птица, сидела на дереве в отрешённой задумчивости, без дела.

X X X

Многие писатели используют животных в своём творчестве только потому, что не в силах избавиться от собственного несовершенства.

X X X

Когда устанавливается весна цветов, кажется, что этому чудесному времени не будет конца.

X X X

Глухая метельная ночь не врывается нагло в сердце, не опустошает холодом душу, а приводит за руку к изголовью добрую сказку из детства.

X X X

Все звери и птицы обладают неповторимым голосом. Был он когда-то, по-видимому, и у древнего человека. Со временем человек обратил всю мощь своего голоса в мысли и чувства, которые позволили ему проникнуть в тайны природы. Но постигая их в нелёгком душевном труде, он ещё научился слагать песни, вкладывая в них сердце, и по ним можно было определить – как человек стал силён.

X X X

Желна – большая чёрная птица с красной головой, что, кажется, забыла себя в лесу, отрешённо перелетает с дерева на дерево, пронзительно взывая неизвестно к кому, и всё больше таится, не ведая: зачем ей суждено быть такой?

X X X

От нежной апрельской зари и чистого небесного пространства, отражающихся в первых лужах, вскрывшиеся от снега поляны, кажется, возносятся и повисают в воздухе чудесно переливающимися пейзажами.

X X X

Когда сгорает весна, вместе с ней сгораешь и ты, перерождаясь к лету в совершенно незнакомого, спокойного человека.

X X X

Когда снег в апреле уже совершенно не держит, и нога с хлюпаньем проваливается до самой земли, начинаешь ощущать, что ты тоже переполнен живительным весенним соком, и готов вот-вот броситься со всей накопленной в себе за зиму силой навстречу жизни!

X X X

В детстве для радости не виделось никакой опасности: она казалась вечной. В зрелости человека всё чаще начинает будоражить память об этой радости, желание прочувствовать её вновь и понять: почему она со временем уходит? И он идёт в лес, и часто всё увиденное там помогает ему преодолеть накопленную усталость и разочарование.

Но отчего же закрадывается в сердце человека эта безрадостность, когда, вроде бы, надо только жить и жить, до последней капли впитывая каждый отпущенный тебе день? Ведь в детстве чувства разочарования не было, а теперь радость в себе приходится отстаивать, и порой борьба эта даже сводит её на нет. Вернее, добираться до радости в себе приходится всё труднее, но когда всё же добьёшься до неё – она оказывается такая же чистая и трогательная, как в детстве.

Лишиться удивления этим миром – значит, потерять единственную и изначально дарованную тебе возможность обрести правду жизни, а правда всегда требует неиссякаемой честности по отношению к существованию, и неутомимого поиска сердечной радости в самом себе.

X X X

Есть в лесу нечто такое, чего однажды увидев – мы тщательно в себе оберегаем и никому о нём не рассказываем, словно исподволь угадывая, что сердце без тайны – пустая грамота, и не всякое тайное должно быть миру ведомо.

X X X

Бабочка, собирая пыльцу и оплодотворяя растения, не издаёт при этом ни звука, и оттого представляется особенно прекрасной!

X X X

В русском лесу нет ничего, чему бы нельзя было не поклониться!

X X X

Пока всё в природе не слилось в одном цвете – самое время сказать благодарное слово весне, если не хочешь её в себе расплескать.

X X X

Бывает, ясная солнечная погода в марте выстаивается так долго, что возбуждение от всеохватной радости света, кажется, уже невозможно выносить, но истосковавшаяся по весеннему теплу душа не отступает – всё дай сюда!

X X X

Если способность видеть и понимать лица у диких животных, птиц и растений присуща только немногим, то как же мы сохраним хотя бы близкую нам родную природу?!

X X X

Случается весной, неизвестно от чего, поднимешь голову к небу, и к неожиданной радости своей обнаружишь в нём торжественные косяки уток… Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь между собой в недостижимой вышине, утки летят с юга на север.

Всегда кажущиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, по-видимому, подстраиваться под общий такт полёта стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент жизни не допускает какие-либо вольности, которые бы птицы могли себе позволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почуяв малейшие, одним им известные и неуловимые признаки, утки незамедлительно оставляют жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

X X X

Из всех времён года больше всего люблю весну, потому что только она может всё объяснить человеку.

X X X

В затяжное ненастье стрижи отлетают на время непогоды в более благоприятную зону, порой за многие километры, не боясь оставить своих птенцов в завораживающем оцепенении.

X X X

Апрельский лес всегда раскрывает свои объятия для мужчины, если тот обратил к нему своё сердце, и великодушно дарит для его женщины букетик бархатной медуницы.

X X X

Золотистые глаза цапли кажутся недобрыми, и наблюдение за ней почему-то не доставляет удовольствия. При приближении человека цапля лениво взмахивает крыльями и неторопливо перелетает на другое место.

Обычно она присаживается на макушку ели, замирая там изогнутым силуэтом, и ты порой подолгу гадаешь: кто бы это мог быть? Разобрав же – разочарованно шагаешь дальше, и вскоре забываешь о существовании странной птицы, что живёт у воды, а гнёзда вьёт на вершинах высоких деревьев.

Гнёзда у цапли получаются широкие, сплетённые из толстых прутьев, и всегда располагаются в раскидистой развилке сосны, ели или берёзы, чтобы разместить в нём полдюжины своих колченогих неповоротливых птенцов. Цапля не любит какого-либо соседства, и может быть, именно поэтому выбирает высокие деревья.

Однообразие дороги вскоре вынуждает вернуться в своих мыслях к цапле, и странной начинает представляться не сама птица, а то, почему её существование тебя не занимает. Странная птица чем-то будто отталкивает от себя, и хоть живёт всегда неподалёку от деревни, и часто попадается на глаза, но ничем не привлекает.

Её нередко можно увидеть на берегу лесной речки, неподвижно замершей в камышах. Птица терпеливо высматривает свою добычу, затем – неуловимый удар, и извивающийся уж у неё в клюве. Цепко цедит свою цель царственная цапля – цап!

X X X

Для полной встречи весны мне всегда не достаёт журавлиного крика, и как только услышу это восторженное – «курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла», так и успокоюсь.

X X X

Чибис или ворона, расхаживая по закраинам полей, время от времени останавливаются и начинают притоптывать ногой, забавно встряхивая ею в воздухе… Так они, оказывается, имитируют приближение крота, сотрясая почву, и встревоженные черви тотчас выбираются на поверхность.

X X X

Иной раз сорока вскрикнет не своим голосом, но ты не удивишься, а сразу почувствуешь родственную тебе взаимосвязь всего живого в природе, её гармонию.

X X X

Живая ночь в лесу – это когда совершенно забываешь себя в ней, а она чувствует всё в тебе, и полностью доверяет.

X X X

Когда проходит последняя взволнованность весны, страх перед будущей обыденностью существования совершенно исчезает, и тебе просто хочется жить.

X X X

Идя ночной порой на глухариный ток – задумаешься, бывало, о чём-нибудь, что давно не давало покоя, а окружающая парная темень жарко дышит в лицо и ещё более сгущает тяжкое настроение: радость равнодушно покинула твоё сердце…

Запинаясь о невидимые кочки, не спеша бредёшь в этой липкой темноте, и всё думаешь о чём-то тревожном, на душе неспокойно и сумрачно. Вот уже затемнели верхушки тальника на чуть светлеющем небе, утробно вздыхают по лужам разбуженные лягушки, и пустив несколько пузырей – так же умиротворённо замирают. Тяжело идти, тяжело дышать, нелегко думать!

И вот, крик случайного бекаса, над самой головой, выведет из охватившего оцепенения, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от невесёлых дум. Куличок стремительно падает в необозримой вышине, перышки на его крыльях вибрируют о воздух, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек…

Вглядываясь в призрачное небо, какое-то время стоишь в приятной растерянности, вслушиваешься и ощущаешь только удары разгорячённого от ходьбы сердца. Такой же крохотной птичкой бьётся оно в груди, трепещет невидимыми крылышками, а ты и не ведаешь, что незаметно, благодаря этому маленькому бекасу, в тебе уже пробудилась когда-то утерянная радость.

X X X

Журавлиное грудное курлыканье – тот самый жизнеутверждающий позыв, после которого уже точно знаешь, что весна в твоей душе свершилась, и всё задуманное зимой следует непременно осуществить, оно наилучшим образом случится. У тебя в этом нет никаких сомнений, и оттого, что на свете остаётся много неизвестного, о чём тебе очень хочется разузнать, становится ещё более интересно жить.

X X X

У каждого времени года в лесу – своя тишина, каждая имеет свой смысл и отраду, и каждую нужно попробовать услышать, после чего непременно доберёшься в самом себе до своей тишины, возле которой уже никогда не заскучаешь.

X X X

Быть с природой в дружеских отношениях – это значит не выжимать её без остатка, а пользоваться миром птиц, животных и растений бережно, во всём себя ограничивая, как если бы мы встали из-за стола с чувством лёгкого голода, и это ощущение бы нас только радовало.

X X X

Именно ласточки, первыми улетая на юг, уносят с собой восторженный звон лета, его восхищённую отрешённость и младенческую весёлость.

X X X

Нарядные шмели в мае поначалу кажутся вальяжными вельможами, которые очень заносчивы и никого вокруг не замечают… Но, присмотревшись получше, вдруг с удивлением открываешь в них милую обходительность, с какой они пристраиваются к медовым чашам.

X X X

От зари до зари светит нам солнце, но небо бывает при этом разным: предрассветное – обычно нежно-зелёное, чуть розоватое, днём – чистое золото, а вечернее – оранжевое или ярко-красное.

X X X

Любая весна никогда до конца не наступит, пока в ней не осуществится последний поворот. Поворот этот всегда незаметен и происходит в считанные мгновения, как будто по мановению чьей-то волшебной палочки, после чего кругом воцаряется тепло, землю омывает первый солнечный дождь, а в небе весело перекатывается многообещающий гром.

X X X

Кабаны и волки, барсуки и лисы, росомахи, хори и куницы, а ещё горностаи с ласками да могучие медведи без устали рыщут всю жизнь по лесным дебрям, но, кажется, так чего-то и не находят, и только птицы, наверное, догадываются, в какой стороне лежит счастье.

X X X

Никогда не бывает так, чтобы лес признавал тебя своим долго, почти всегда, а лишь изредка озарит улыбкой или лёгким прикосновением, и опять уйдёт в себя, пусть даже ты общался с ним всю жизнь, всё время пытался понять и относился с уважением.

X X X

Зимнее поле не одноцветно, и поблёкший, казалось бы, занесённый снегом мир на самом деле только готовится к своему новому рождению.

X X X

Осиновый лист всегда дрожит сам по себе, но под осень – ещё и от рёва лосей.

X X X

Самый жаркий зной летом – земляничный…

X X X

Природа всегда манит и ублажает человека, глухариная же песня в весенней ночи призывает его дух к труду и возвышает.

X X X

Невозможно весной делать что-либо так себе, мимоходом, а наоборот – только с великим желанием, когда при одной мысли о пробуждающейся вокруг природе становишься чище и сильнее.

X X X

Весна – это всегда любовь, а любовь дарует возможность всем расцвести во всей красе, и тогда возникает гармония.

X X X

Чем глубже мы видим себя, тем глубже способны проникнуть в таинство леса.

X X X

Всё, что есть у меня в лесу, это чутьё и видение, но этого вполне достаточно для постоянного переживания счастья и радости.

X X X

Заслышишь, бывало, в глухой речной долине сухой стук рогов, заприметишь между маленьких сосенок на миг сталкивающиеся коричневые тени, но ни стона ни рёва, ни хрипа зверей не уловишь… Схватившись намертво, лоси молча месят острыми копытами заснеженную землю, и лес как будто ещё более притихает от их отрешённого единоборства.

X X X

В декабре и поле, и лес, и небо – всё уже ослепительно белоснежное… Но, присмотревшись, вдруг обнаруживаешь, что слагают эту белизну изумрудные, синие, оранжево-перламутровые, жёлтые и вишнёвые тени.

X X X

Еле заметный клюв у куличка-перевозчика – как приставленная дудочка: из неё он трогательно выдувает чистые нотки своей трепетной любви.

X X X

Проклюнувшиеся зелёные листики полны не только жизнелюбия, но и любопытства.

X X X

С появлением первых заморозков и радостного зимнего солнца повышается видимость и слышимость всего на свете, так что даже суета вездесущих сорок представляется особенной.

X X X

Весенние бабочки – это будто проснувшиеся мысли леса, которые перепархивают в воздухе легко и неутомимо.

X X X

Природа жертвует бесчисленным количеством семян шишек, одуванчиков, рыбьих икринок, чтобы только отдельные особи выросли и принесли плод. Человек же не имеет права на подобную трату своих сил, и ценою каждой жизни обязан заслуженно доказывать её торжествующее бессмертие.

X X X

Весна хороша тем, что всякому существу надо выразить свою радость в ней, и такое всеобщее торжество, присущее только этому времени года, просто ошеломляет!

X X X

Звон зари по весне бывает малиновым и красным, жёлто-оранжевым и розовым, но самый тонкий – перламутрово-зелёный…

X X X

Стоит только отправиться в лес – и в душе возникает предчувствие неминуемого открытия.

X X X

Кому довелось увидеть волчьи свадьбы, тот на заячьи игры по весне уже не засмотрится.

X X X

Утка, как старинный утюжок, гладит поверхность озера, превращая его в безукоризненно чистое зеркало.

X X X

Золотистым барашкам ивы просто неоткуда взяться, как из самих её ветвей, однако выглядят они так, будто привнесены извне.

X X X

В светлые майские ночи созвездия уже почти не угадываются, но в этой пришедшей прозрачности времени совсем не ощущается пустоты.

X X X

Мы совершенно спокойно воспринимаем осенние бои сохатых, этих сильных и горделивых зверей, когда они борются за самку, но как объяснить подобные турниры среди прекрасных бабочек, например, махаонов, если они бьются до тех пор, пока не полетят кусочки крыльев?!

X X X

Розоватые лепестки волчьего лыка источают по весне такой же сильный запах, как и волки во время течки. Неутомимый ветер доносит его волны до самой деревни, а ты и не замечаешь, что тоже становишься диким и неприкаянным.

X X X

Десятки раз меняя за лето свои оттенки, зелёный цвет к осени иссякает и просто желтеет.

X X X

Лесные существа обычно не показываются в дневную пору, но совсем без внимания оставить человека не могут, и как будто для догляда посылают к нему чёрную ворону. Загадочная птица изредка перелетает поблизости, тяжело взмахивая крыльями, усаживается на какой-либо сосне или ели, и начинает громко каркать, напоминая о скрытой в лесу темноте и тайне, которую поскорее хочется разгадать.

X X X

Медведь превосходно разбирается в настроении находящегося перед ним человека, но всё же стремится побыстрее убежать.

X X X

Выпадет первый снег – и весь мир изменится, так что кажется, будто и жить надо как-то по-другому, лучше…

X X X

Часто у тетеревов бывает так: большого весеннего сборища, которого обычно все от них ожидают, не происходит, но зато птицы яро токуют в одиночку, кто где придётся, и это никак не влияет на их радостное восприятие пробуждающейся природы.

X X X

Аккуратные головки мать-и-мачехи – как жёлтые граммофончики, что радуют нас своей неслышной музыкой.

X X X

В осеннем лесу так тихо, что слышно, как ступают по сухой листве рябчики…

X X X

Смотришь зимней морозной ночью на сияющие в бархатной черноте далёкие звёзды – и не боишься их потерять.

X X X

В марте по полям и в лесу ещё лежат таинственные великие снега, но чувствуешь, как они полнятся вешней водой, еле сдерживая в себе ещё неведомый, весенний пир.

X X X

Вглядываясь в уходящую вглубь леса просеку, незаметно и сам становишься более умудрённым и загадочным.

X X X

Трудно представить в переваливающейся неспешной походке медведя его способность к молниеносной реакции, невероятной быстроте и ловкости, но так оно и есть.

X X X

В зимние и без того короткие дни солнце, бывает, ещё не успевает закатиться, а луна уж давно выклюнулась, засветилась неполным белым диском,

будто никуда не исчезала, и у тебя замирает сердце от её нетерпеливой оголённости, с которой она пытается опередить время.

X X X

Когда по весне начинает пригревать солнце, крохотные синички вдруг становятся необыкновенно драчливыми, и даже милый поползень ищет повода для ссоры.

X X X

Разноцветные, яркие платья деревьев в ясную погоду удлиняют осенний день, словно задерживая последние лучи солнца.

X X X

Если внимательнее вглядеться в жизнь леса, то в чистых березняках заприметишь промелькнувший заячий хвост. В мглистых ельниках - померещится уже пристально вглядывающееся в тебя медвежье око. Заросшие и тесные ольшаники покажутся чьей-то неразрешимой судьбой, а редкие сосняки откроют щедрую и добрую сказку. Заматеревшие же осинники нежданно-негаданно подарят радость постижения того, что всегда не давало покоя и пряталось. Но однажды, погожим сентябрьским вечером, всё это таинство открывается в их серо-зелёных и чистых верхушках, на которых в лучах заходящего солнца греют золотисто-бурые грудки копалухи, а могучие мошники горделиво восседают рядом, изредка роняя в предвечерний воздух укромные капли-звуки: «чек-уоок, чек-уоок, чек-уоо-ок!»

X X X

Относиться к лесу следует так, чтобы он был для тебя всегда светел своей темнотой.

X X X

Только у волка в глазах мерцает луна…

X X X

Предзимняя морозная чистота так проясняет воздух, что долго её выносить невозможно.

X X X

Ни про один гриб, кроме сыроежки, не скажешь, будто он повязал яркую косынку…

X X X

Торопливо, но тщательно плетёт свои тенёта паук.

X X X

Иногда, в ноябре, вдруг налетает какой-то ужасающе-несгибаемый, вселенский ветер, но от этого становится хорошо, а не страшно.

X X X

Глядя на Венеру, которая во все времена года, как и Луна, одинока, никогда не назовёшь её волчьей звездой.

X X X

Лесная тишина, на самом деле, не боится вмешательства человека, не разлетается вдребезги от производимого им оглушительного грохота и нескончаемого шума, а выдерживает любой злорадствующий напор и погребает его под собой.

X X X

Бывает, два оленя сплетутся рогами в схватке из-за самки и, не в силах разъединиться, погибают… Так случается, увещевают бывалые люди, но я в это почему-то не верю.

X X X

После ночного снегопада деревья в чаще светятся, как на солнце!

X X X

Дрожит последний лист в самой вершине осинки, и будто мокрой ладошкой пытается потушить зажигающуюся звезду.

X X X

Тёмный-претёмный лес в звёздную ночь ещё более затаивается в себе, устрашает, а в глухую метель, как ни странно, открывает душу низким снеговым облакам и ничуть не пугает.

X X X

С детства помню, как краснели ладошки от холода сосулек, но маленькие ручки не выпускали студёные стволики, сжимали крепко и наслаждались их прозрачной ребристостью… С особым удовольствием сосульки пробовались на вкус!

X X X

Бывалые охотники утверждают, что нельзя долго смотреть в глаза зверю, иначе он разозлится, но я ничего не могу с собой поделать, и всё смотрю и смотрю…

X X X

Написание книги можно сравнить с появлением весной первого стебелька, только-только проклюнувшегося из земли, с его постепенным ростом, возмужанием и, наконец, цветением, которое навсегда остаётся в душе примером жизнеутверждающей красоты. Цветок созревает, распускается во всей своей красе и радует собой мир.

Так и настоящая книга, задуманная, выношенная и написанная писателем, однажды приносит удовлетворение от приобретаемых благодаря ей знаний, учит более совершенной жизни и никогда не увядает.

X X X

Каждый шаг человека в лесу чаще всего связан с разрушениями: не ведая, ты превращаешь в развалины невидимые природные замки, которые, впрочем, быстро восстанавливаются…

X X X

Холодной сентябрьской ночью взвоет где-то волк, а на душе становится тепло и покойно.

X X X

Перламутрово-розоватый снег слетает с небес в декабре, в январе валит тёмно-вишнёвый, а в феврале залепляет глаза фиолетовый, с непонятно тревожащими радужными отсветами.

X X X

Стылый северо-восточный ветер пронизывает до костей, стоит только за чем-нибудь ненадолго выскочить из дому, а взъерошенные воробьи что-то щебечут без умолку, усевшись друг напротив друга, и не обращают на ветер ни малейшего внимания.

X X X

В лесу ещё не распустились на деревьях почки, а волчье лыко уже красуется розовыми лепестками, что появляются на совершенно голых кустах даже раньше листьев.

X X X

Первая пороша не искрится, не ослепляет, а светится как бы ненароком, с лукавой улыбкой.

X X X

Весной, задрав голову к небу, пытаешься угадать: друзья ли тебе призывно вскрикивающие в вышине гуси или они сами по себе, без каких-либо привязанностей, и просто отрешённо стремятся на свою северную родину, ничего не замечая?

X X X

Отломишь льдинку от закраины ручейка, и смотришь сквозь неё на скособоченную у дороги ограду, а там – целый пейзаж, стягивающий в себя весь огромный весенний мир.

X X X

Лес – огромная тайна, полная знаний, и он так мудр, что готов учить каждого из нас, если мы станем его слушать.

X X X

Всё печальней отголоски осени, а рёв лося становится ещё более призывным!

X X X

Звёздная рождественская ночь – это какой-то торжественный зимний сон, который с самого детства празднично сияет в твоём воображении и, кажется, никогда не погаснет.

X X X

Утки проносятся над головой всегда со свистом, а в воду – шлёпаются.

X X X

Всего лишь месяц проходит после торжества глухариных токов, когда, казалось, для тебя не существует в жизни ничего, кроме этого весеннего возбуждения, затмившего самое дорогое, а только забываешь в макушку лета о весне, наслаждаешься его великодушным жаром и летишь над тёплой землёй, уже не помышляя ни о чём.

X X X

Весенний ветер так силён, неудержим и напорист, что и рад бы, наверное, где-нибудь передохнуть, да зацепиться не за что.

X X X

Удивительно точен русский язык, нет в нём ничего лишнего. Вот, казалось бы, что тут мудрёного: пурга пуржит, вьюга вьюжит, метель метёт, всё одно и то же – снег да сильный ветер. Но метель, как метла, метёт понизу, вьюга над землёй крутит и вьёт, а пурга, знай, снежной пылью курится, урчит и высоченные сувои к небу вздымает.

X X X

Даже если лес только еле слышно что-то нашёптывает тебе, ему следует беспрекословно подчиниться.

X X X

Совсем не хочется объяснять людям, что зимний день в лесу может быть красный, синий, даже перламутрово-зелёный, но уж никак не белый.

X X X

Весенний наряд тетерева-косача с надутыми алыми бровями необыкновенно красноречив и даже головокружителен, самки же – практично выдержан в цветах лесной подстилки из прошлогодних листьев и увядшей травы.

X X X

В фиолетовых колокольчиках отстаивается нежная лазурь утра, зреющая синь дня и сгущающийся лиловый вечер.

X X X

Крылышко стрекозы прозрачно и хрупко, а между тем – всем открыто.

X X X

Человек старается скрыть в себе то, что обнажено в природе – половую страсть, жестокую борьбу, озлобленность гордеца за справедливое возмездие, но, обращаясь к ней, не замечает там всего этого, обнаруживая только радость.

X X X

Слушай весну – и ты услышишь самого себя.

X X X

Тянет в щели лесной избушки смоляной душистый ветер, сбивает набок язычок пламени на фитиле, но от этого он светит ещё ярче, ровнее, рождая дорогие сердцу воспоминания, и хочется опять, не мешкая, отправиться в путь, познавая тайны лесной жизни.

X X X

Послушай хотя бы один вечер, как переговариваются между собой на лесном озере гуси, и ты непременно проникнешься важностью их беседы.

X X X

Лепестки ромашек, будто реснички, ближе к вечеру, кажется, удлиняются, загибаются на самых кончиках и осторожно прикрывают уставшие за день желтенькие глазки.

X X X

Душа человека слагается из всего, что окружает его в природе.

X X X

Талая снеговая вода стоит между берёзами налитая, тягучая, и от неё веет такой душистой прохладой, что покажется вдруг, будто это берёзовый сок наполнил собой всё пространство в лесу, воздух стал необыкновенно свеж и сочен, и после ослепительного царства света в природе сразу наступила самая благодатная пора.

X X X

Лесному человеку не дано знать, когда призовут его к ответу лесные боги, но он каждую минуту должен помнить об этом и ощущать их невидимое присутствие.

X X X

Грустно порой становится от того, что не находишь истинной осмысленности в поведении животных и птиц, которую им обычно приписывают. Вот дятел выдалбливает в крепких сушинах многочисленные углубления, и все уже склонны видеть в этом его заботу о пернатых, а не собственную ни с чем не сравнимую и неутолимую жадность в добывании лакомых личинок. Всегда замкнутый в себе дятел большую часть времени проводит в поисках пищи.

Но дупла, как никак, всё же достаются птицам, укрывая их в лютые зимы от холода, а осенью – от нескончаемой сырости и ветра, и, убедившись в этом, начинаешь неожиданно для себя сознавать, что дятел – птица необычная, отшатнулся ты от неё в мыслях напрасно, и благодарным ему обязаны быть многие из лесных жителей. Дело это немаловажное в жизни, где каждый норовит, в первую очередь, позаботиться о своей сохранности.

Так, подивившись чудесному лесному миру и его неприятной, на первый взгляд, неразрешимости, постепенно придёшь в себя, успокоишься, а грусть незаметно улетит, словно её и не было.

X X X

Огромные, похожие на слоновьи уши, листья лопуха на ощупь тёплые…

X X X

Ноябрьские синие тени быстро укорачиваются, исчезают, но из надвигающейся в природе темноты постепенно вырастает огромное желание света.

X X X

Старые лысые пни не похожи на монахов-богомольцев, но своё вынужденное смирение несут по-божески, достойно.

X X X

Продолжительная и частая стукотня дятла по дереву обычно скоро наскучивает, становясь надоедливой, но вот весной приобретает нежность звонкой капели.

X X X

С виду глухая и неприступная стена леса на деле оказывается нескончаемо притягивающей глубиной.

X X X

Тёмно-бурый, с длинными белыми ногами, что под стать пожухлой коричневой листве и молоденьким берёзкам, среди которых лось часто стоит, он благодаря своему окрасу, даже в оголённом осеннем лесу, остаётся незаметен. И если когда и выбирается на открытое место, осторожно преодолевая просеку или полянку, всё равно убеждаешься в его изумительной способности сливаться с лесной чащей, когда зверь, вроде бы, и пересекает пространство, но получается это у него, опять же, как-то неприметно.

X X X

Когда вокруг ни души, и над лесом одиноко блуждает холодная луна, ещё сильнее хочется быть человеком.

X X X

Никогда не увидишь, чтобы одинокий ворон летел куда-нибудь торопясь.

X X X

Июльский стог чутко хранит в себе память всех цветов и навевает светлые думы, когда упадёшь в него навзничь, наблюдая, как проплывают над тобой облака…

X X X

Осенью все мысли медленно и неумолимо устремляются вниз, в корни, в какую-то неведомую, бесконечную глубину, и оттого душа начинает жить размеренно, с затаенной загадкою на неторопливую и длительную работу. Весной

же каждый день горит как последний, но, догорев, не угасает, а через какое-то время вновь разгорается с ещё большей силой, а ты даже не задумываешься об истоках своей радости, и только тянешься ввысь, к свету.

X X X

Ни одному русскому не придёт на ум снимать с прелестной ножки весны мерку, потому что каждый ещё загодя, может быть, даже со Сретенья, ясно обрисовал её форму в своей душе.

X X X

Только пройдя долгий лесной путь, постигаешь, что нет силы без знания и нет знания без муки.

X X X

Человека можно обманывать бесконечно, зверя – только один раз.

X X X

Даже в самых далёких землях, за множеством рек, морей и лесов, живут близкие всем нам боги.

X X X

Нет у тебя ни ножа, ни карты, ни компаса, а только чуткое сердце, но именно оно и есть незаменимое оружие в дремучем лесу.

X X X

Если даже неумело завоешь волком, он обязательно отзовётся.

X X X

В лесу я охочусь не за птицей или зверем, а за счастьем увидеть и воплотить это увиденное в живом слове.

X X X

Из всех диких животных олень, пожалуй, самый красивый и благородный, но в его прекрасных глазах всегда почему-то таятся непреодолимая тревога и скорбь.

X X X

В первые дни зимы, с весёлыми ядрёными морозцами, в воздухе носится нечто неуловимое, но такое по-хорошему предрешённое, исконно русское, что сердце приятно обмирает от ощущения будущих жестоких холодов и непрекращающихся забот о домашнем уюте.

X X X

Поршки всех птиц, как и дети у людей, удивительно доступны в своей трогательной доверчивости, и совсем не хочется, чтобы они росли и крепли, всё более отдаляясь от любознательного человека.

X X X

Прелесть сбора грибов не только в их обилии, сколько в обнаружении в самых непредсказуемых местах.

X X X

Пижма, вроде бы, отошла, стебель и листья её пожухли, покрылись за лето обильной пылью, особенно – вдоль лесных дорог, но жёлтенькие бутончики только набирают цветосилу, поднимая к небу новые гроздья ярких маленьких солнышек.

X X X

Примятые ногами опавшие листья, тихонечко выправляясь, будто вновь на миг оживают, озаряясь последней прекрасной улыбкой.

X X X

Весной сидеть в избе никак невозможно: птицы летят!

X X X

В старину особые умельцы ладили на зверя такие чуткие капканы, что их главную часть называли душкой, или душой, как и у человека.

X X X

Издали вороны кажутся зловещими, но, приглядевшись к ним вблизи, вдруг отмечаешь их трогательную неуклюжесть и какую-то неприкаянную растерянность. Вороны, должно быть, погибли бы в одиночестве, очень его боятся и хорохорятся, чтобы никто этого не заметил.

X X X

Даже июльский зной не в силах помешать желанию осинки укромно шевелить своими трепетными листочками…

X X X

Очень важно уметь приспособить окружающий мир себе на пользу, не принося ему никакого вреда. Для этого нужно научиться распознавать природные знаки воды, земли, леса и звёзд, которые очень просты, именно этими знаками изъясняется с нами Бог, и только по ним однажды приходят к каждому человеку повеления изменить свою собственную судьбу, но многие так ничего и не замечают.

Всем нам следует неукоснительно исправлять себя, совершая ответственные поступки на пути познания мира. И, совершив, не ставить их себе в заслугу. Человек должен оставаться отрешённым от своих побед, и в тоже время находиться в мудрой взаимосвязи со всем, что его окружает.

Будет очень хорошо, если он не станет воевать с этой поразительной природой, а заинтересуется её загадками и неизмеримостью. Человеку надлежит быть ответственным за чудесный мир, в котором он живёт, несмотря на то, что он здесь не хозяин, а всего лишь гость, и, наверное, никогда не раскроет все его чудеса до конца, но обязан к этому стремиться.

X X X

Ондатра – единственный зверь, кто в половодье умудряется изготовить маленький плотик из мусора, на котором и спасается, безопасно для себя переживая десять-двенадцать дней высокой воды.

X X X

Ранним утром, задрав маленькие аккуратные головы, степенные журавли отрешённо и даже несколько устрашающе выступают навстречу друг другу, предвещая тем свои торжественные бои и свадьбы, а невидимые росинки весело скатываются по клацающим клювам и, блеснув на миг, никем не замеченные исчезают среди перьев…

X X X

Как крепко прилепляется к стволу дятел, как слитен он с тем, без чего не может существовать! Даже здоровое и полное жизни дерево, кажется, ждёт, когда птица подлетит, присядет и тщательно прослушает его. Дерево замрёт на короткое время, будто боясь помешать преисполненному долга дятлу, и если

птица улетит – облегчённо вздохнёт: дятел ничего не обнаружил, значит, можно продолжать спокойно тянуть свои ветви к свету, ласково шелестеть ими на ветру, втайне оставаясь благодарным неутомимой птице.

X X X

Приятный ветерок обнимает мокрые плечи могучих елей, а их прохладные ветви заботливо прикасаются к твоим разгорячённым щекам и шее…

X X X

Еле слышно, тише, чем вполголоса, провозгласит старый ворон какое-либо известие, и оно разносится далеко-далеко, и будто совсем не тает.

X X X

Сходство поступков и действий зверей с человеческим поведением меня нисколько не озадачивает и не удивляет.

X X X

Весной воздух звенит от щебета птиц, летом их пение в нём утопает.

X X X

Тёплое тетеревиное перо в жаркий августовский полдень приятно холодит ладонь…

X X X

Любишь животных, птиц и растения – постигнешь однажды божественную тайну.

X X X

Как только затихает вдали протяжный гудок электрички, и ты остаёшься один на маленьком полустанке, немного погодя из тьмы заснеженного леса выступает его душа, и как-то незаметно перевоплощается в твой собственный дух, готовый слиться с любым деревом, шорохом или зверем.

X X X

Махонькие воробьи, заранее предугадывая непогоду, дружною гурьбой жмутся под застрехой, тогда как человек ничего не чувствует, и всё норовит, несмотря ни на что, воспарить гордою птицей.

X X X

Когда-то мне очень захотелось посмотреть на невиданную мощь природы, ради чего пришлось пожертвовать очень многим, и уехать аж к Тихому океану, но я и не догадывался, что ещё в детстве спокойно увидел эту мощь в нашем лесу.

X X X

Величавость Вселенной создаётся из крохотных частичек красоты, и каждый должен воспитывать её в себе неустанно, в течение всей жизни.

X X X

Сколько уж лет прошло, а всё хочется, как в детстве, спрятаться в траве, затаиться в ней и, слушая звенящую тишину летнего полдня, мечтать о том замечательном, что тебя обязательно ждёт и никогда не минует.

X X X

В общении со зверями больше надеешься на их удивительное обаяние и чутьё, нежели на собственное умение.

X X X

Когда сижу напротив жарко пышущей печки или потрескивающего костра, и смотрю, не отрываясь, на огонь, как будто заглядываю в какую-то нескончаемую природную даль, и постепенно обретаю там самого себя.

X X X

Лица деревенских людей, их простые деревянные дома, лес за покосившейся околицей и низкое серое небо над ним могут быть очень печальны, даже сиротливы, но в них никогда не ощущается равнодушия.

X X X

Упруго и мягко вспархивает затаившийся в еловой чаще рябчик, будто слегка надорвали кусочек шёлка – «пр-р-р-р-р»… Но если обмолвится охотник, что рябчик, раньше времени вспугнутый им, испугался и улетел, з-а-г-р-е-м-е-в /!/ крыльями, то бывалые люди воспримут его слова вполне обычно, как должное.

X X X

Более всего, почему-то, соблазняют звёзды именно Большой Медведицы. У каждой из них, оказывается, есть имя, узнав которое, хочется, неспешно произнося его, молиться: Дуббе, Фёкла, Алиот, Бенеташ, Мизар…

X X X

Самый молодой, только что выпавший снег не сочетается ни с ельничком на взгорке, ни с завалившимся огородом, ни с самой деревней, он только восторженно кричит!

X X X

Отправившись в лес и повстречав там зверя, который вдруг попытался напасть, глупо было бы обвинять его за это. Будучи увлечённым чем-либо в лесу, ты в тоже время должен оставаться отрешённым от него, чтобы не пойти на поводу у страха, а поэтому и лес, и зверя необходимо воспринимать как нечто обыденное, вполне естественное.

Именно так просто принимая лесное естество и себя в нём, ты увеличиваешь свои шансы на пути обретения знания и собственной безопасности, когда никакой зверь, чувствуя твоё простодушное состояние, тебя не тронет.

X X X

В особо лютые зимы волки даже могут выгнать медведя из берлоги, и загрызть.

X X X

В декабре, когда всё, наконец, укрывается снегом, и взгляду, кажется, не на чем остановиться, начинаешь замечать огромное небо, в котором незаметно утопаешь, как в пуховой перине, и вскоре уже не помышляешь о возвращении на землю, хотя вокруг только голые облака, призрачный свет и бесконечные серые дали.

X X X

Я очень люблю лес, море, цветы и землю, и думаю, что никогда ко всему этому не привыкну.

X X X

Огромные ярко-оранжевые глаза филина смотрят так пристально, что в них непроизвольно угадывается глубокая мысль.

X X X

Не чудо, если глухарь примется прогонять вас со своего токового участка, принимая за соперника, безбоязненно наскакивать, норовя ударить мощными крыльями или уцепится клювом за одежду, а то, того пуще, начнёт клянчить у вас кедровые орешки, тем более, принимая их с руки! Чудо, когда он по-прежнему будет пугать человека неожиданным взлётом, оставляя его в неведении относительно своей древней судьбы.

X X X

Вспугнутые с лесного пруда утки поднимаются на крыло винтообразно, совершая каждый круг шире предыдущего, а достигнув недосягаемой для выстрела высоты и убедившись в отсутствии для себя опасности, так же постепенно, сужая круг за кругом, снижаются и опять садятся на воду. Но прежде, чем опуститься, они хотя бы раз пронесутся над твоей головой и всегда поприветствуют, чуть покачивая крыльями, если ты идёшь без ружья.

X X X

Драка тетеревов на весеннем току – это проявление жизненной энергии, бьющей через край, а не злобное стремление во что бы то ни стало победить возможного противника.

X X X

До чего же хороши наши вороны, что даже карканьем могут приветствовать снегопад!

X X X

По мере того, как приближается момент появления птенцов, самка ястреба всё чаще наклоняется к яйцам, трогает их клювом и прислушивается, а иногда что-то тихо произносит.

X X X

Как ни странно, состояние безудержной ярости совсем не присуще природе зверя, а любо человеку, который таит его в себе, не хочет с ним расставаться и может вызвать в любой момент.

X X X

Многие птицы, которые прилетают к нам на зиму, при виде кормёжки тотчас рассыпаются - кто куда, но вот чечётки всегда держатся сплочённо, кормятся на одном дереве, и даже на придорожную траву или сугробы опускаются все вместе.

X X X

Многим представляется, что неугомонные воробьи избалованы жизнью, что бьёт в них ключом: везде им дом и дол. Но присмотревшись пристальнее – убеждаешься: маленькие птички вынуждены быть вездесущими, чтобы хоть иногда потешить себя лишней крошкой или семечком.

X X X

В неустанном куковании кукушки в весеннем лесу слышится нескончаемая влюблённость.

X X X

Счастлив тот, кто, не истратив себя, продолжает всю жизнь учиться, и как хорошо это выходит в общении с природой.

X X X

Красиво, как древние письмена, вычерчиваются по первому снегу отпечатки лап сорок и ворон, и обыкновенные, порядком надоевшие всем за лето птицы сразу начинают представляться неизведанными.

X X X

Когда темнеет, лес, кажется, надвигается на деревню, и ты чувствуешь, как он пристально всматривается во всё, вслушивается, но никого не пугает.

X X X

Всего лишь птичка-кроха пискнет за густым переплетением ветвей, но зачем-то начинаешь подбираться к ней потихоньку, терпеливо высматриваешь и сразу обо всём забываешь.

X X X

Завывания осеннего ветра часто сравнивают с мелодией волчьей тоски, но так ли тосклива волчья песня, действительно схожая по звучанию с самой свободной стихией?!

X X X

Вынужденная отыскивать корм даже в жестокую стужу, ворона неуклюже припрыгивает на одной лапе, спрятав в перья другую, время от времени меняет их, а чтобы не потерять равновесие, подпирается полуопущенным крылом.

X X X

Маленькие стаи пернатых шумливы, быстры и всегда норовят опередить весну.

X X X

Было дело, подстрелил я на заброшенной пасеке выпорхнувшую из-под ног серую куропатку. Куропатка, театрально спланировав прямо на деревянный настил у домика, раскинула крылья и замерла.

С переломленным ружьём, ничего не подозревая, я подошёл к ней почти вплотную, и уж было протянул руку, как птица неожиданно встрепенулась, неуверенно приподнялась над землёй, и бочком-бочком, постепенно выправляясь, улетела, но я, помнится, тотчас поймал себя на мысли, что не разочаровался, а обрадовался.

X X X

Камни на дне потаённых лесных ручьёв всегда смотрят на склонившегося над ними человека зеленовато, влажно и очень целомудренно.

X X X

Глухарю безразлично, что в своей восхитительной любовной страсти он никому, кроме глухарки, не видим, человек же безвестности совершенно не переносит, даже если умудрился сохранить в сердце цветы жизни.

X X X

Когда ястреб нацеливается в броске на увлечённо долбящего шишку дятла, тот, заметив опасность, не спасается бегством, а ловко шмыгает в последний момент на другую сторону ствола и возобновляет свою работу.

X X X

Замершую весеннюю тишину может разбудить даже трепетное биение твоего собственного сердца.

X X X

Всё в природе воспринимается должным образом, что заведено в ней для всеобщего согласия, и если чижи со щеглами всегда первыми шелушат семена придорожных трав, а чечётки довольствуются оставшимся чешуйками, то это их вполне устраивает.

X X X

Человеческая жажда полёта есть, на деле, слитность земли с простором неба.

X X X

Из оврага хочется поскорее выбраться, а в лог – спуститься.

X X X

На птицу невозможно смотреть просто снизу вверх, а всегда только с открытой душой и ясными глазами.

X X X

Чарующие сине-голубые цвета – это и мартовское небо, и трепетные кустики вероники вдоль июньских дорожек, и нежные крылышки бабочки-голубянки, порхающей всё лето над цветами, но невозможно выразить только через голубизну всю пронзительность влюблённой души…

X X X

Манера охоты у стрижей и ласточек одинакова, но первые – стремительны, а вторые отличаются юркостью.

X X X

Всё, что происходит вокруг скворца, по весне, составляет лишь музыкальное отступление, после которого и начинается его неподражаемая, зажигательная песня.

X X X

Суровое лесное слово «нодья» означает зимний охотничий костёр из цельных брёвен, а можно в жестокий мороз перезимовать и у «нодьюшки»…

X X X

Широко и вольготно простирается вокруг величественная осень, тёмно-синие ельники сменяют оранжевые и пунцовые осины, а берёзы уже почти облетели… Всеобъемлющие покой и тишина опустились на землю, всех зверей и птиц постепенно умиротворили и как-то необыкновенно обособили. Всем до всего в лесу стало дело, и каждый, не мешая другим, неспешно принялся обустраивать перед долгой зимой свою жизнь.

Лишь человек, обуреваемый необъяснимыми думами и чувствами, зачарованно вступает под лесной полог, отрешённо бродит по укромным тропинкам и никак не может разобрать, для чего он это делает.

X X X

Только заслышишь ворона по сильным взмахам крыльев, оглянешься, а его как будто и не бывало…

X X X

Любовь к людям, как ни странно, приходит через любовь к травам, цветам и насекомым.

X X X

Лениво, будто спросонья, летают вороны над лесом, не то, что в деревне, где за ними невозможно уследить: только поспевай!

X X X

В укромном рождении мглистого и неустроенного октября, что ни колеса, ни полоза не любит, мне всегда чудится радостная пора моего далёкого и глубоко затаенного детства.

X X X

Тетерев-косач – это сплав удивительной быстроты, мощи и завидной умиротворённости. Взорвавшись в осиновом молодняке и порядком напугав, он напоминает тугой футбольный мяч, с силой выбитый в поле и улетевший бог весть куда… Усевшись же для кормёжки на заснеженную берёзу, тетерев становится похож на чёрную грушу и вызывает в душе неожиданное успокоение.

X X X

Только весенним светлым утром до тебя, наконец-то, доходит, как противоестественно держать наготове заряженное ружьё…

X X X

Когда цапля только расправляет широкие крылья и поднимается в воздух, полёт её представляется торжественным, но затем почему-то быстро приедается и теряет свою красоту.

X X X

В лесу быстро понимаешь, что всем хорошо никогда не будет, а только тому, кто душевных сил не жалеет, о других думает и Бога не забывает, а главное – не устаёт удивляться этому неизведанному миру, который постигает всегда с волнением и радостью.

X X X

В ворону можно пальнуть из ружья просто так, без зазрения совести, в ворона – даже не подумаешь.

X X X

Ходишь всю зиму в лес в надежде вытропить зайчика, спозаранку встаёшь и за полночь ложишься, словом, нет такой силы, чтобы обуздала твои охотничьи желания, и всё же не встретишь ни одного косого… Но вот где-нибудь в апреле выбегут из кустов прямо тебе под ноги два зайца, о чём-то переговариваются между собой, играют, как дети, а в тебе уже никакого азарта!

X X X

Птица, взлетая, привлекает внимание человека, и оно затем перетекает в мысль, постепенно воплощаясь в живое проникновенное слово.

X X X

В сгущающихся осенних сумерках совы усаживаются на голые верхушки облетевших осин, стоящих вдоль дороги, и будто провожают тебя из леса, молча напутствуя не забывать его и хотя бы изредка возвращаться.

X X X

В ноябре звёзды колючие и недосягаемые, как на рисунках милых и непредсказуемых малышей, а в мае – доступные и мягкие, наподобие новогодних катышей из ваты, что обычно изображают пушистый снег, в который никто не верит.

X X X

Когда наблюдаешь весенним ветреным днём за ястребом, кажется, будто воздух сам несёт птицу, но на деле ястреб умело отдаёт себя ему, сберегая всю свою силу.

X X X

Идя однажды рождественским вечером по упругой деревенской дорожке к колодцу, я вдруг почувствовал нерасторжимую связь зимы с летом, их восхитительную слитность, и тотчас представил себе летнюю тропинку, которая так же легко, как и в светлый зимний праздник, приподнимает тебя над землёй.

X X X

Глухарь – единственная реликтовая птица, оставшаяся в наших лесах с доледникового периода, наверное, только за тем, чтобы поддерживать связь времён.

X X X

Люди часто приписывают животным и растениям человеческие свойства, и это называется антропоморфизмом, но истинная суть происходящего в природе заключена в том, чтобы обычные свойства животных стали применимы для большинства людей.

X X X

Услышишь русское - «колотьё», и сразу представляется смёрзшаяся, в ледяных култышках земля, тугие от зазимка колеи с похрустывающим ледком и как гулко ударяются в них подкованные подошвы сапог, сами, ровно эти подстывшие колдобины, сжавшиеся и тугие. Ледок, будто морщинки в уголках глаз, пронизан по краям длинными белыми иголочками, вода промёрзла до земли, и всё вокруг, вместе с полёгшей бурой травой, стылой землёй и скорчившимися у обочины кустиками, сжалось так крепко, что, кажется, не оттает уже никогда.

Прокалён морозом и воздух, им трудно дышать, воздух обжигает рот, нос, щёки, забирается в рукава, за шиворот, так что через некоторое время тебя начинает колотить озноб. Только колкие удары сердца сохраняют в теле тепло, но

заморозок и не думает отступать, к рассвету ещё более цепенеет, сковывая ледяным дыханием… А всего лишь одно слово – «колотьё».

X X X

Из всех птиц только поползень, попав в ловушку, не бьётся в ней изо всех сил, а спокойно ждёт, когда его выпустят.

X X X

На первый взгляд кажется, будто лягушки, сидя по весне в своём болоте и утробно урча, всех передразнивают, на самом же деле они распевают, как птицы.

X X X

Светло-радужная оболочка вокруг глаз у галки придаёт ей внимательную озабоченность, и в этой маленькой, не всегда замечаемой людьми чёрточке – вся суть птицы.

X X X

На кончике клюва, в невидимой розоватой капле приносит рассвет маленькая птичка зарянка и, элегантно обронив её на грудь, во всеуслышание провозглашает!

X X X

Ни одно растение, зверь или птица никогда себя не обманут, и лишь человек в течение всей жизни предаёт свои самые сокровенные мечты.

X X X

После полудня сосульки сваливаются с крыш и бесшумно утопают в снегу, ещё какое-то время растапливая его накопленным в себе солнечным светом, отчего тоже захочется дарить кому-нибудь сбережённое в себе за зиму тепло.

X X X

Вытянутый вверх древесный нарост напомнил мне в сгущающихся сумерках сидящего на суку филина, который зажмурил оба глаза, нахохлился и замер в ожидании добычи, будто окаменел, волнуя воображение скрытой в себе цепкой жизнью, а когда я приблизился к ёлке, вдруг … ожил, взмахнул мохнатыми крыльями и растворился в чаще.

X X X

Когда трубят по весне журавли, всё валится у меня из рук, и тянет в лес, на скрытое от глаз глухое болото за рекой, что птицы облюбовали для своих свадеб… Там я постепенно успокаиваюсь, жадно вслушиваюсь в их тревожащие душу голоса и чего-то жду.

X X X

Какое счастье – просто взять и отправиться в лес, затеряться в нём и, разведя костёр, остаться там один на один со всем мирозданием.

X X X

Когда скворцы покидают скворечники и перебираются ближе к лесу, в огороде становится так тихо, будто бы кончилось лето. А оно ещё только началось…

X X X

Солнце весною рыжее и взлохмаченное, похожее на влюблённое сердце…

X X X

Странно, но на снегу никогда не бывает чёрных теней, а только синие, голубые, лазоревые…

X X X

Скажут: «Неутомимый сеттер поднял стремительных куропаток…», и фраза тотчас пропадёт, даже толком не появившись, но вот кто-то знающий заметит: «Паратая борзая вытурила из чащобы толстоусого русака…» - и слова сразу заиграют, забегают, как этот русак, и живо представится осенний лес, притихшее жнивьё и жалобно вскрикивающий дятел-желна, которого вспугнул за соседним перелеском стронутый с лёжки косой.

X X X

Первый снег покроет землю лёгким кисейным покрывалом, первый лёд скуёт озёра и реки изысканным хрусталём, а первый зазимок так выяснит небо лазоревыми изразцами, что родной для тебя лес ещё более преобразится и станет совсем неузнаваемым.

X X X

В марте можно послушать заячью ночь, когда зайцы без устали бобочут по всей округе до самого утра. В августе – волчью, с проникновенным и вдумчивым завыванием загадочных животных. А зимой упоительно угадывать тетеревиную, что укутана пушистыми снегами, переливающимися под звёздами драгоценными каменьями!

X X X

Набедокуришь в лесу – захочешь всё поправить, но ничего нельзя в нём вернуть: если лес однажды застал тебя за тем, чего ты стыдишься и всё же допустил, то сколько бы ни совершал потом добрых дел – он уже никогда тебе этого не простит.

X X X

Всегда умиляет потребность волков, когда они следуют стаей, зачем-то обходить с обеих сторон попадающуюся им на пути преграду – куст, пень или небольшой взгорок, невозмутимо продолжая движение дальше.

X X X

От талого духа весной становится до тошноты разнежено и дурно, и только маленькие щиты бесчисленной солнечной рати – мать-и-мачехи, вмиг отражают всю твою сковывающую онемелость и, отрезвляя, наполняют бодростью.

X X X

Всем к лицу первое снежное утро, и даже старый лисовин, кажется, позабывший себя, и тот хорошеет…

X X X

Нащупывая широкими крыльями малейшие потоки воздуха, и используя их для подъёма, чёрный коршун может часами парить над лесом, пока ему не повезёт с добычей.

X X X

Сколько счастья, по-видимому, переживают в своих маленьких сердцах только что прилетевшие с юга кулики-черныши… Стремительно срываясь с придорожных озерков, они поначалу только всхлипывают от переполняющих их чувств, не в силах выразить всей радости, и уж затем вытягиваются в полёте с восторженно стонущим свистом!

X X X

Даже в самый сильный мороз ворон не топорщит перо, как грач или ворона, не прячется от ветра, а с ещё большим достоинством восседает на голом суку, сохраняя свою родовую древнюю выправку.

X X X

Махонького воробья, кажется, легко можно обидеть, но никогда не увидишь его расстроенным: ведь сердце у него, согласно известной пословице, с кошку!

X X X

Раскатисто засвистал в майской ночи её властелин – соловей, и в восхищении замерли земля, лес и даже ласково струящийся воздух.

X X X

Вроде бы, и размеренная, работа дятла отличается восхитительным остервенением!

X X X

Нет для человека более величественного зрелища, чем звёздное небо, особенно – морозной зимней ночью, когда находишься в каком-нибудь маленьком зимовье, посреди глухого леса… Однако порой проходит целая жизнь, а он на него так и не взглянет.

X X X

Летним вечером, на лугу, начнёшь подбираться к коростелю на его скрипучий голос – и он сразу смолкнет, а повернёшься спиной – снова заскрипит, словно несмазанные колёса у телеги, отчего подивишься чуткости этой скрытной птицы, что, по народному поверью, даже на юг пускается в путь только ночами, пешком, и в одиночку.

X X X

Однажды на охоте, в жаркий августовский полдень, вдруг так пересохло в горле, что я от души напился прямо из болота…

X X X

Нет, кажется, более заботливых родителей, чем чибисы, но, как ни странно, гнездятся они прямо в открытом поле, на перепаханной с осени земле. Далеко от гнезда встречают чибисы проходящего мимо человека, храбро бросаются вниз, чуть ли не на голову, пронзительно кричат и долго провожают его. Отчего же они себя так мучают?!

Наверное, их переполняет не испуг, а восторженность от своей опьяняющей открытости, на которую решаются по весне эти чувствительные птицы.

X X X

Домашний гусь – само тщеславие, что важно вышагивает взад-вперёд и никак не может сообразить, куда себя деть. Но надо слышать, как вскрикивает в дальнем перелёте, по весне, белощёкая казарка: в одном своём возгласе она во всеуслышание провозглашает обо всём, что происходит вокруг!

X X X

Именно в том, как поэтично умолкает природа к осени, проявляется её доверительное отношение к человеку.

X X X

Хруст глухариных крыльев повергает своей мощью, неожиданной даже для лесной чащи, и ещё сильнее хочется разгадать тайну птицы, которую она принесла с собой из неведомой древности.

X X X

Из надломленных веток старых берёз сок по весне льётся дождём…

X X X

Серой вороне, похоже, никогда не надоедает её будничное карканье: ей, наверное, кажется, что всякий раз она каркает по-новому!

X X X

Когда цветок ландыша раскрывается, он склоняется к земле и становится очень похожим на маленький колокольчик, оповещающий о себе волнами тонкого аромата…

Но вот на юге России в нём увидели ланье ушко, на севере – лесную лилию, на Волге – воронец или ландушку, в Калуге – заячью соль, а на Смоленщине – собачий язык!

X X X

Уже близится скорый осенний вечер, а дятел всё стучит и стучит на одном и том же месте…

X X X

В середине апреля гладишь нежную кору берёзы, и трепет её сердцебиения явственно отдаётся в твоей ладони.

X X X

Свет от луны в самом чёрном ночном лесу никогда не бывает жёлтым, а всегда таинственно бледным, даже белёсым, и лишь изредка – мёртвенно-серебристым.

X X X

Когда подступает весной такое время, что снег начинает таять даже ночью, к нам прилетают удивительные птицы – вальдшнепы, чьи глаза переполнены смородиновой нежностью и теплотой юга.

X X X

Если взять осиновый лист и посмотреть сквозь него на солнце, то рисунок жилок совпадёт с рисунком кроны дерева, живо повторяя разбег даже самых мельчайших веточек.

X X X

Крупная, под цвет осенней листвы глухарка подпустила меня почти вплотную, так что я заметил её только в последний момент, поднялась на крыло неторопливо и полетела с нескрываемым достоинством, будто даже не выказывая своего недовольства тем, что я её побеспокоил.

X X X

Беспредельная мощь океана ощущается не только в прилив, но и в пору отлива… Несказанная сила ветра проявляется даже в его отсутствие, когда ничто не предвещает этого непередаваемого порыва стихии, но предчувствие великой

несгибаемости в природе, всё же, присутствует, и её несёт в себе зарождающийся в отрогах Вселенной ветер.

X X X

Своим оперением чечётки очень схожи с воробьями, но последние не виснут вниз головой на тоненьких веточках, а сидят на них бок о бок дружною оравой.

X X X

В ноябре тяжёлый тёмно-красный закат обещает на утро лёгкий серебристый заморозок.

X X X

Каждый год тысячи жаворонков, трясогузок, зарянок, коньков и пеночек спешат на север, но никто из них не знает зимы.

X X X

В отличие от человека, души животных и растений не обременены собой и принимают любую окружающую их среду беспрекословно, мудро сливаясь с ней, а не пытаясь её подчинить.

X X X

Вспугнутые птицы, особенно певчие, никогда не уходят свечой в небо, а чаще всего слетают к земле.

X X X

В дремучем лесу даже шорох случается как бы украдкой, тотчас замирая, будто боясь нарушить его дикую тишину.

X X X

Приходилось ли вам стоять возле поющего глухаря, перед самым рассветом, когда уже не видно ни одной звезды, но оранжевая луна ещё повелевает на небе? Нет?! Тогда зачем вы живёте?!

X X X

Горячий июльский ветер, прорываясь сквозь зелёную чащу, остывает.

X X X

Утренняя заря словно омывает душу своей первозданной чистотой, переполняя её несказанным восторгом, а первая, вспугнутая тобой птица - в считанные мгновения её успокаивает.

X X X

Если весенний вечер ясный и холодный, то вальдшнеп торопливо машет крыльями и старается быстрее пролететь над поляной, догоняя самку… Но когда погода погожая, пусть даже пасмурно, то он летит медленно и важно, будто норовя задержаться в воздухе как можно дольше, насладиться его теплотой и светом, и, конечно, не боится ничего, открываясь в своей любви.

X X X

Берёза – одно из самых красивых деревьев в нашем лесу: на утренней заре она выглядит розоватой, к середине дня становится ослепительно белой, вечером – голубеет, а когда ночью волшебный луч луны нежится на её стволе, кажется, что она светится изнутри серебром!

X X X

Вспомнишь, как красивы опушившиеся к зиме иссиня-чёрные тетерева, представишь себе их ночлег в морозном лесу, под снегом, и сразу повеет необыкновенно уютным и сказочным теплом!

X X X

Привычка говорить с вещами появилась у меня благодаря лесу.

X X X

Среди множества птичьих, ублажающих слух голосов, встречаются и хриплые, унылые крики, но и они завораживают.

X X X

Домовито, с хозяйской смёткою и нескрываемым довольством сытно квохчут по осени упитанные дрозды, тяжело перелетая с дерева на дерево, а рябинки с черёмухой кажутся после них обнищавшими… Да что поделаешь: рябиновый и черёмуховый род по осени чужую суму полнят, так Господь повелел, но и то верно, что нищета живёт, а богатство гибнет.

X X X

Среди орнитологов принято думать, что в одиночку, помимо хищных птиц, к нам летят с юга только кукушки. И вот как представишь себе этот одинокий полёт ночью, когда птица абсолютно беззащитна и лишь чутьё подсказывает ей верную дорогу, так сразу проникнешься ещё большим уважением к кукушкам, которым Бог и без того предопределил нелёгкую долю родителей, вынужденных отказываться от своих детей во имя здоровья природы.

X X X

Нет большего удовольствия весной, чем вглядываться в мартовские и апрельские дали.

X X X

Филин такой сказочно мохнатый, не похожий на других лесных птиц, даже – неправдоподобный своим огромным и каким-то старообразным силуэтом, что, кажется, дотронешься до него рукой – и он тотчас обернётся загадочным существом, напугает и унесёт твою душу.

X X X

Только весной, особенно в марте, так безудержно пахнет русским простором и свободой.

X X X

Маленькая рыжеватая пустельга то чуть ли не касается травы острым крылом, то, отброшенная ветром, исчезает в вышине, а остановившись в воздухе, пристально, но без надменности разглядывает тебя и, сжав своим когтистым взглядом, забирает с собой.

X X X

Золотистый зверобой и фиолетовые колокольчики, наконец, дождавшись своего часа, с нескрываемым удовольствием утверждают в течение всего лета одно из самых дивных цветовых сочетаний. Милые ромашки и застенчивые васильки вторят им добрым согласием…

X X X

Случается такое, что солнце поутру закатывается, а к вечеру – раскатывается, так и человек: пропустит в трудах праведных свою молодость, но уж зато под старость золотом разольётся!

X X X

Голос у вороны неблагозвучный, порой невероятно надоедливый и неприятный, но в нём отражено всё то, чего не видит, не слышит и не понимает никакая другая птица.

X X X

Пристально вглядываясь в Природу, всё более убеждаешься, что Творцу необходимо постоянно поддерживать её мудрость и красоту, и для этого он создаёт бесчисленные души, стремящиеся к совершенству. Тем самым Творец сохраняет абсолютное благо Природы и его бесконечность.

X X X

Весенние выкрики домового воробья, у ещё не достроенного гнезда, трудно назвать песней, но и они не на шутку будоражат сердце.

X X X

Удивительно подымает настроение журчащий в мартовских сугробах ручеёк, до которого всегда хочется добраться и с надеждой взглянуть на него.

X X X

Иногда в лесу можно обнаружить ежовые шкурки, начисто выеденные и вылизанные хищными птицами и зверями, но вот филин не оставляет ничего и глотает даже иголки!

X X X

Иду по лесу, а вокруг - птицы, звери, деревья, кусты и насекомые, травы с цветами, и все видят, слышат и понимают меня.

X X X

Глухарь только присаживается с шумом, ещё грозно гремит мощными крыльями, когда срывается с ветви, а летит неслышно, будто это вовсе и не глухарь.

X X X

Только кажется, что запев в весеннем лесу, под вечер, дрозд кого-то окликает, на самом деле, если прислушаться, он скороговоркой всем подсказывает: «Быть добру, быть добру, быть добру!»

X X X

Ещё стоит сухой, крепкий октябрь, и до конца не опал лист, а заячий мех уже насквозь пронизан нежной голубизной.

X X X

Не замечаешь времени в лесу, где никто никуда не торопится.

X X X

Весной птице надо во что бы то ни стало лететь, а осенью – возвращаться.

X X X

Высота приглушает гортанный гогот пролётных гусей, но он, как ни странно, становится от этого проникновеннее и мягче.

X X X

Когда вокруг воцаряется непогода, я смотрю на неё глазами любви, и принимаю как часть прекрасного в природе. Пусть - на время и хмурого, но тоже необходимого для человека, чтобы он учился ценить солнце.

X X X

Попробуй-ка сдержать возглас восхищения, когда за рекой затрубили журавли, а по лесу разлились звонкой трелью песни дроздов, зябликов и овсянок!

X X X

Только упав навзничь в траву и раскинув руки, возносишься в бездонную июльскую синеву: ты стал величиной с небо, а небо – с тебя.

X X X

У распустившегося шиповника и запах пунцовый, а цвет – сахарный, даже приторно-сладкий.

X X X

С вечною оглядкой, как, впрочем, и везде в жизни, в лес лучше не входить: сыт в нём не будешь.

X X X

Всё я в жизни воспринимаю спокойно и с достоинством, так, как оно этого и заслуживает, особенно в лесу, но вот попадается под ногами птичье перо, самое обыкновенное – сороки, вороны или сойки, и вдруг весь встрепенёшься, подобно птице, но не взлетишь, а только отчего-то замкнёшься в себе и задумаешься…

X X X

Из-за пустой суеты и неразберихи, какую дрозды устраивают на полной ягод черёмухе или рябине, приходишь к твёрдому убеждению, что эти птицы ужасно глупы.

X X X

Невесомых комариков, с тонко звенящей музыкой вьющихся над землёй, следовало бы прозвать ещё изящнее – звонцами.

X X X

Желая проникнуть в суть вещей и явлений, в первую очередь, обратись к природе…

X X X

Уже в январе ворон начинает носить в клюве пёрышки и ветошь для утепления гнезда, и только в июле точно такую же работу по обустройству своих гнёзд завершают ласточка и коноплянка.

X X X

Всё занимательно в лесу, если душа открыта для восприятия самого простого.

X X X

С детства помню душистое тепло нагретой солнцем земляники, жгучую боль от укуса пчелы в ладошку, аромат опавших яблок в бабушкином саду, и совершенно забылись все обиды, какими бы несправедливыми они тогда ни казались.

X X X

Величавому коршуну незачем махать крыльями во время длительных перелётов, поскольку воздушные вихри сами доносят его до нужного места.

X X X

В самый разгар лета иногда замечаешь, что лунный свет чуть подогревает воздух, но как только светлый диск заволакивают тучи, он в мгновение остывает.

X X X

Со вздохом облегчения съезжает с крыш лежалый снег, но происходит это неожиданно, отчего кажется, будто он всё ещё сердится и кому-то угрожает!

X X X

К осени, покидая родину, журавли с тоской возвещают о вынужденных дальних перелётах, но почему весной в их голосах слышится такая пронзительная печаль? Наверное, журавли горюют о времени, проведенном вдали от родины, но и то верно, что на родной земле Бог от всякой печали избавляет, хотя на ней и потужить не грех, ибо не бывает в жизни печали без радости, как не случается и радости без печали!

X X X

Бывало, в детстве спрячешься в кустах смородины, разросшейся у старого покосившегося забора, или в цветах под окнами дома, и чувствуешь себя счастливым.

X X X

Одинаковые с виду хохолки жаворонка, синицы, чибиса, рябчика и свиристеля очень точно выражают характер каждой птицы.

X X X

Каждый уголок в лесу – заветный, потому что полнится жизнью.

X X X

Волчьи законы – это не только строгая иерархия и жестокая дисциплина в стае, но и … нежность.

X X X

Многие недоумевают оттого, что кукушка очень похожа на ястреба-перепелятника, но, может быть, сам ястреб стремится быть менее заметным?! Впрочем, не случайно, наверное, кукушкин клёкот в момент перелёта напоминает ястребиный, и если природе зачем-то было так угодно, то всё у неё получилось очень убедительно.

X X X

Иногда, словно боясь не успеть, ты опережаешь время, и уже зимой отправляешься в весенний путь: так он притягателен!

X X X

Плачущему крику совы или филина всегда придаёшь гораздо большее значение, нежели он того на самом деле стоит.

X X X

Звон апрельской капели ещё более пронзителен, чем в марте, но разве может он сравниться с трогательной размеренностью полузабытой всеми февральской оттепели, которая незаметно так обнажает воздух, что, кажется, он вот-вот разорвётся на множество невидимых хрустальных колокольчиков.

X X X

Все хищные птицы очень не любят дроздов, которые дружно бросаются на защиту своих птенцов, и всегда получается так, что хищники отступают.

X X X

Вся жизнь на земле с неизменно происходящей сменой времён года для того и существует, чтобы человек догадался о своём бессмертии и, не уставая, рос.

X X X

Глядя на то, как по фиолетовому сорочьему хвосту прокатывается дрожь нетерпения, поражаешься, сколько же и чего именно нужно успеть поведать этой сердобольной птице всему свету!

X X X

Я полюбил лето за его восхитительное раздолье и нескончаемость, с наслаждением переживая их в его роскошных недрах, несмотря на сенокос, бесконечную прополку и полив.

X X X

Птицы – одно из самых необыкновенных достояний земли, однако они странным образом отсутствуют в жизни человека, как будто летая где-то на краю нашего неокрепшего, полудетского сознания.

X X X

Совсем бесприютными становятся редкие просветы над лесом, всё ниже склоняются под осенними дождями метёлки бурьяна вдоль раскисших дорог, но всё так же, с неизменной жадностью, хочется жить, любить и работать.

X X X

Обычно в деревьях отмечают устремлённость к небу, удивительную красоту и мощь стволов, рождающихся из окружающего воздуха, даже невидимую работу благородных корней, но почему-то никто не замечает их главного достоинства – молчаливости, исключая безмолвный шум умиротворённых дубрав… Лес говорит своим тихим молчанием.

X X X

В самом своём начале зима бросается заметать пути-дороги чуть ли не сломя голову, и оттого в ней кажется больше тревожного, необъяснимого, чем к концу, когда всё уже давно предрешено, покойно, хотя и недосказано.

X X X

Вспугнутая на берлоге медведица спросонья может оставить медвежат, но через какое-то время нередко возвращается, и если медвежата погибли – хоронит их прямо в снегу, бывали такие случаи, а порой даже может усыновить чужих, оставшихся сиротами.

X X X

Невозможно представить, что ястреб или коршун, которые всегда держатся в одиночку, и встречаются намного реже, чем другие птицы, к осеннему перелёту тоже сбиваются в стаи… Ястреб в ястреба не приходится, и даже среди родственных себе птиц держится один, потому, что сам себе господин.

X X X

Невозможно пропасть в дремучем лесу, если ты знаком с ним, хотя бы, по русским сказкам.

X X X

Только однажды в своей жизни обнаружил я орлиное гнездо, которое располагалось на высокой чёрной скале, у самого моря, среди старых лиственниц, а под ним, у самого уреза воды, лежал сорвавшийся с высоты медвежонок, что повадился в голодную сахалинскую весну за яйцами хищной птицы…

X X X

Часто, находясь в городе, я закрываю глаза и вижу перед собой какое-нибудь знакомое место в лесу, с которым было связано нечто незабываемое. То, что окружало меня тогда - в малейших деталях живо во мне по сей день.

Такое привычное и уже не раз виденное, оно, между тем, удивительным образом помогает переживать радость. А поскольку ты находишься одновременно всюду – и в городе, и в своих воспоминаниях, то это ощущение можно поддерживать в себе сколько угодно, и при этом совсем необязательно быть в лесу.

X X X

Бывает, и соловей, захлебнувшись ароматом сиреневой накипи, соскакивает с голоса, и некому в эту восторженную пору его поправить.

X X X

Всегда чуть грустно в вечернем лесу, но даже если у тебя всё плохо, то в лесу грустно по-хорошему.

X X X

Весной белка так возбуждена и стремительна, что кажется двумя зверьками, что затеяли игру в переплетении еловых ветвей.

X X X

В сказочном заснеженном лесу, если ты однажды туда вошёл, для тебя уже нет обратной дороги, а только вперёд, к нескончаемым открытиям.

X X X

Старые сосны не скрипят и не покряхтывают, а провозглашают увиденное, что за давностью лет стало для них величественным.

X X X

Даже после длительного, изнуряющего пути, прежде чем присесть, птицы подолгу кружат над долиной, то и дело, переговариваясь, пристально осматривают её, и только потом осторожно опускаются на отдых.

X X X

Природа так правдива, что, очищаясь перед долгим зимним сном, сбрасывает с себя последнее платье из пожухлых листьев, совершенно оголяя себя.

X X X

Можно так слиться в лесу с любой обстановкой, что зверь спокойно минует тебя в двух шагах и никак не отреагирует на твоё присутствие, если только ты стоял … не шелохнувшись.

X X X

Назвать лису «рыжей», значит, отнестись к ней неуважительно, потому как на самом деле зверь этот «огненный» или, на худой конец, «красный».

X X X

Ночное январское небо – словно добротная крыша, склёпанная морозом, а звёздочки в ней – яркие, золотые гвоздики, ловко выточенные каким-то неведомым художником в недостижимой небесной мастерской.

X X X

Идите в начале лета на лесную полянку, садитесь и смотрите: в обрамлении золотистого солнечного света вы увидите волшебные травы и цветы, о существовании которых даже не подозревали, живя совсем рядом. Быть может, однажды вам посчастливится встретить свой цветок…

X X X

Самка ястреба-перепелятника сидит на гнезде, повернувшись к солнцу, и по мере того, как оно совершает свой путь по небу, изменяет своё положение, защищая птенцов от его палящих лучей.

X X X

С завершением осени воздух становится неприкаянным, серым, но это не вызывает неприятных ощущений, а наоборот, постепенно рассеивает их и незаметно умиротворяет.

X X X

Находясь в лесу, можно всю ночь вслушиваться в завывания ветра, но если под утро тебе нечего о нём рассказать, ветер тебе – не брат!

X X X

Очень нелегко весной целиком переселить её в своё сердце, взять себя в руки и спокойно написать о ней так, как она этого заслуживает.

X X X

Природа всегда права потому, что знает всё, и надо верить ей больше, чем самому себе.

X X X

Нигде не чувствуешь себя так легко, уютно и покойно, неважно – днём или ночью, как в лесу… Иногда даже кажется, что ты здесь когда-то родился.

X X X

Там, где по весенней дороге прошествовал медведь, оставив отчётливые мякиши своих косолапых следов, в воздухе ещё долго держится его утробный запах, хотя зверь уже далеко.

X X X

В конце октября, перед первой порошей, земля, небо и воздух от перенасыщения влагой становятся чёрными, как уголь, но подступающая зима

ненавязчиво штрихует их белыми косыми линиями, создавая свои первые неподражаемые гравюры.

X X X

Сентябрьскими сумерками, под вечер, сова нетерпеливо перелетает с дерева на дерево, что-то неразборчивое постанывает себе под нос, и почему-то нагоняет неизъяснимую осеннюю грусть, которая по-своему прелестна.

X X X

После того, как лето миновало свою макушку, дни зарождаются как-то безмолвно, вяло, и долгое время непонятно: каким оно ещё будет?

X X X

Мудрость человека заключается в том, чтобы не выделять в жизни самое красивое или любимое, а принять всё как есть, целиком, вплоть до самой невыразительной мелочи, и уже никогда не предпочитать ей нечто более достойное и живое.

X X X

Выпь зачем-то целыми часами неподвижно простаивает в камышах, отрешённо наблюдая за протекающей вокруг жизнью…

X X X

Все цветы, кажется, внушают нам одно и тоже состояние – наслаждение. Но, приглядевшись, постепенно откроешь, что каждое растение сообщает какое-нибудь своё чувство. Ромашка – надежду, василёк – непокорность, колокольчик – негу, а фиалка – тихое волшебство!

X X X

Белые поля в декабре лежат мёртво, покойно, будто нескончаемый сон, и сколько бы ни ехал по ним – никак не насмотришься!

X X X

В лесу желательно быть одному, чтобы переживать всё в полную силу.

X X X

Ловит луговая стрекоза своё отражение в водах реки, а в глазах её – всё июльское небо!

X X X

Глядя на нашего обыкновенного пёстрого дятла, вдруг с удовольствием отметишь, какая это необыкновенно здоровая и сильная птица.

X X X

Сумеречно, мокро, грязь, но как волнующе бередит душу тёплый апрельский дождь!

X X X

Вороны любят человеческое общество, их тянет к нам, но в тоже время они сторонятся людей… Так и живут на границе между дозволенным и недоступным. Может быть, именно в этом завидном балансировании и проявляется ум дотошных птиц?!

X X X

Если посмотреть с высоты птичьего полёта на лес, то в какой-то момент можно, наверное, увидеть, как внизу идёт человек, а с другой стороны, в его направлении, движется лось… Оба, и зверь и человек, не подозревают о скором столкновении, но встреча по какой-то причине неизбежна, и никогда не бывает случайной.

X X X

О чём бы происходящем в лесу человек не писал, он всегда пишет о себе.

X X X

Свои белёсые космы зима отпускает в самый зверский мороз, когда даже не греют костры, а визг шагов разрывает всё слуховое пространство!

X X X

Оттого, что полынь торчит по пустынным полям, в ней видят только печаль и горечь, не замечая её жаркой воли, пахнущей терпким, безудержным ветром.

X X X

Услышишь, как кричат весной молодые птицы, и сразу что-то встрепенётся в душе, потом взовьётся, а ты и не заметишь, как вмиг стал чуточку мудрее …

X X X

По окончании глухариного тока, когда птицы покидают токовище, я ещё какое-то время остаюсь там, тихо созерцаю всё, что окружало меня до самого утра, и, успокоившись, неторопливо отправляюсь привычной лесной дорогой домой, потому как после встречи с древностью ждать чего-либо лучшего нечего.

X X X

Даже когда отставшие от матери милые медвежата смешно заваливаются на кругленькие зады, и трепетно нюхают воздух чёрными носами, лесной бог остаётся для них строгим и неприступным.

X X X

Оживлённее всего мелкие певчие птицы подают свои голоса, как ни странно, на деревенских кладбищах.

X X X

По красивому народному поверью, на исходе лета, в одну из ночей выходит на берег лесной реки какой-то небывалый лось, опускает в воду свои раскидистые рога, и вода вмиг остывает, а сердце зверя наполняется невероятной силой… Так начинается в притихшем лесу последний праздник звериной любви – осенний гон.

X X X

Что может быть в природе такое же трепетное и чистое, как голоса птиц, просыпающихся поутру?!

X X X

В морозные солнечные дни, зимой, когда солнце словно тыкается в окна своими ослепительными пятками, а в доме так сладостно от натопленного жара, как никогда открывается смысл существования, удивительная простота и прелесть всего земного.

X X X

И без того всегда заметная, бровь тетерева к весне наливается какой-то яростной краской!

X X X

Лиловые колокольчики задорно толпятся, еле сдерживая себя, перешёптываются меж собой, кажется, вот-вот зазвенят, глазастые же ромашки с нескрываемым любопытством привстают на цыпочки и изо всех сил тянутся вверх, будто желая что-то там рассмотреть… Глядя на эти цветы, хочется выйти к ним на луг, засмеяться от переполняющей радости и запеть весёлую песню!

X X X

Засохшая смола, стекающая по шероховатому стволу необъятной ели, устремившейся в вышину, в первое мгновение воспринимается как мёд…

X X X

Странно, что только созвучие имён соединяет двух родственных и, казалось бы, близких друг другу птиц – ворону и ворона, в остальном – взаимная неприязнь.

X X X

Всегда с затаенной грустью улавливаешь наступление той поры, когда сквозь пышную зелень и щедрый солнечный жар вдруг явственно проступают первые пряди осени, и случается это всегда с липой.

X X X

В трудное для всех птиц зимнее время ворона тащит со свалки какой-нибудь съедобный кусок, а галка – обрывочек блестящей фольги.

X X X

Облака, как муравьи, спешат куда-то по небу, и несть им числа, а ты всё глядишь на них и не можешь наглядеться.

X X X

Морозные узоры на окнах не случайно напоминают травинки, листья, ветви и целые лесные заросли… Так, наверное, вода вспоминает суровой зимой о чудесном лете.

X X X

В природе значимы самые обыкновенные мелочи, которые составляют окружающую нас замечательную целостность, но от прикосновения внимательного человека они становятся сказочными.

X X X

Часто в лесу, особенно по опушкам, находил я на земле полуразрушенные птичьи домики из выцветшей травы, их былые гнёзда, и было мне так, будто это я сам потерял то, чего уже никогда не вернуть.

X X X

Мыши, бывает, забираются в берлогу к спящему медведю, и выстригают с его шкуры шерсть для своих гнёзд, а он ничего не чует.

X X X

В безоблачную, пронизанную звёздным светом ночь и мысли становятся ясными, а душа полнится поэзией рождающихся чудесных откровений.

X X X

Лесные первоцветы отцветают всегда нехотя, будто вымаливая у природы позволения задержаться ещё на денёк-другой…

X X X

Если на тетеревином току остаётся один петух, и ему некого побеждать, он начинает без устали трепать приглянувшуюся ему маленькую кочку.

X X X

Никогда почему-то не приходит в лесу мысль накормить остатками своей пищи птиц или зверей, а оставляешь её какому-то неведомому лесному существу, которое невидимо, но ты его всегда ощущаешь.

X X X

Когда научишься всё в жизни принимать так, как оно приходит, тогда и в лесу сразу многое откроется.

X X X

За каждым грызуном - мышью, зайцем, бурундуком или белкой неотступно следует рысь, лиса, куница или ласка.

X X X

Белоснежный… Молочно-кисейный… Жемчуговый… Сливочно-перламутровый… При каждом оттенке белого цвета, даже при малом его отсвете в природе, всегда представляется нечто чистое, тёплое и родное, как молоко матери, без чего человеку ни за что в жизни не обойтись.

X X X

Осенью леса оголяются, и ты начинаешь, наконец, замечать лиственницы, берёзы и осины с липами, которые ещё до конца не облетели, но стали уже отличимые друг от друга: в каждом из деревьев обнаружилась тщательно скрываемая в течение всего лета таинственная душа.

X X X

Самка вальдшнепа ещё с раннего утра начинает готовить гнездо, устраивает его целый день очень тщательно, а под вечер, когда запоют дрозды и над лесом спустятся прохладные сумерки, она прикрывает его травой и спешит к самцам на тягу.

X X X

Именно осенью, когда по-особому обостряется щемящая сердце грусть, становятся более чуткими зрение и слух.

X X X

Недавно понял, что всё самое интересное и лучшее в окружающем мире, к чему я в жизни пришёл, уже содержала моя душа, я лишь безотчётно двигался к нему, постепенно узнавая в этом своём обретении. А ведь мог и не пойти, отступиться, даже угадывая своё, родное, но и тогда, наверное, природа нашла бы способ открыть для меня возможность более достойной жизни, не представляя её без леса.

X X X

В конце лета, когда многие птицы готовятся к отлёту, а иные уже улетели, притихшие сады неожиданно оживляют дрозды: они шумят по-весеннему рассыпчато, весело и дружно.

X X X

Трубные журавлиные крики по весне удивительно прозрачны и, как ничто, утверждают ясность бытия.

X X X

В незнакомом лесу вслушиваешься и вглядываешься больше обычного, а потому и замечаешь то, чего никогда бы не подметил там, где, кажется, всё тебе известно.

X X X

Сладко пахнет весной в голодном апрельском лесу!

X X X

Лесной дух никогда не показывается человеку на глаза, а только незаметно вглядывается в него.

X X X

Прежде, чем завести у себя в доме какого-либо зверя, взятого из леса, человек должен принять во внимание искреннюю привязанность, которую зверь ему подарит.

X X X

Когда подбегаешь к глухарю под песню, тебя охватывает какое-то безразличие ко всему, что тебя окружает, кроме самой птицы, которая, с таким же безразличием к происходящему вокруг, страстно вздрагивает раздувшейся шеей, самозабвенно скиркает, точит, и, наверное, тоже ничего не замечет…

А малиновый диск солнца взбирается на небо, всё выше и выше, равнодушно взирая на пробуждающийся лес, возбуждённую птицу и позабывшего себя человека.

X X X

Никогда не бывало, чтобы в лесу не пробудилось переживание свободы.

X X X

Кабан остерегает оглушительным визгом: «Отпр-р-рянь!». Волк, застыв, сдержанно и чуть слышно рокочет изнутри: «Раз-зор-р-ву-у!». Мишка-медведь, тяжело вздохнув, вдруг рассерженно хряпнет: «Ка-а-ю-юк!». Рысь лишь зевнёт утробно: «Ням-м-м!». Всяк по-своему, но как одинаково убедительно и до жути просто произносит каждый зверь самое сокровенное!

X X X

Первые цветы – вовсе не храбрые, а просто уверенные в себе, когда показывают свои нежные головки в ещё суровую пору.

X X X

Многие лесные птицы открыто выращивают своих птенцов по соседству с гнездом ястреба-тетеревятника, который их не обижает, и они живут спокойно.

X X X

Бывает, в конце октября, вместо дождя, изредка начинают падать первые снежинки, которые моментально тают на мокрой земле, и от этого первого снежка дышится ещё глубже и пронзительнее, а разгорячённое после ходьбы тело так приятно охватывает лёгким ознобом, что ты понимаешь: даже в глубокую осень ничего не умирает.

X X X

Прилипшее к тростинке крылышко стрекозы, кажется, неслышно допевает мелодию уходящей летней поры…

X X X

Только утреннее солнце высвечивает истинный уют жилья.

X X X

Март – это время ослепительно солнечных и ласковых холодов.

X X X

Возвращаясь розовеющим утром с глухариного тока и переживая происходящие вокруг лесные события, я вдруг с неизъяснимой горечью уясняю для себя, что огромный мир природы, особенно весной, протекает мимо внимания людей, и остаётся для них совершенно незамеченным.

X X X

Одинокий ворон удивительно оживляет пустынный зимний пейзаж, одним росчерком крыла стирая границу между белой землёй и выцветшим небом.

X X X

Особое удовольствие в лесу доставляет реальность всего, что происходит совсем неподалёку от человеческого жилья.

X X X

Так часто, в мельчайших подробностях, рисовал я в воображении ночную поездку на санях, по морозу, со всхрапывающей невпопад лошадкой и нескончаемо сладостной зимней дорогой, что она начала представляться давно совершившейся чудесной реальностью, которую всегда было приятно вспоминать и каждый раз с ещё большим удовольствием.

X X X

Когда лес простится с пролетающими вальдшнепами, разноцветными листьями, последним теплом, его вдруг пронзает запах тончайшей свежести, что истекает от тёмной воды, замершей в дорожных колеях.

X X X

Каким бы отрешённым от человека ни казался ветер, он никогда не бывает для него чужим.

X X X

Только весеннему солнышку под силу раскрыть обыкновенные сосновые шишки, которые не поддаются даже дятлу.

X X X

Конечно, не слышишь шелест распускающихся цветов, и даже не всегда чувствуешь, как это происходит, но так хочется быть ближе к природе и ещё более тонко её понимать!

X X X

Как корневища, протягивает лиственница свои ветви в разные стороны, впитывая в себя живительный лесной воздух, будто норовит выпить его весь, без остатка, и всё растёт и растёт.

X X X

Всё реже можно застать по весне гусиные караваны, и если уж застал, услышал в высоком поднебесье пролётную песню этих птиц, то знай, что не случайно.

X X X

Бери с собой в поход на глухариный ток как можно больше: ножовку, топор, запасные тёплые штаны и свитер, носки, рукавицы… Не забудь фонарь с биноклем, парафиновые свечи, аптечку и ещё поролоновый матрас, лыжи, валенки с галошами, хотя повсюду ручьи и сам в болотных сапогах, нож с бечевою. Задумаешь взять и не возьмёшь – такое в лесу оборачивается зачастую трагедией, в лучшем случае - испорченным настроением, но если взял, вытерпел, донёс, хоть оно и не пригодилось, всё у тебя будет хорошо и ничего худого не случится.

X X X

Идя по лесу, я всегда жалею время и никогда не присаживаюсь на отдых, ну, если только на минутку, и всё бегу, дышу, сливаюсь с чем-то, что само с радостью входит в меня, а я жадно впитываю его, недолго переживаю в себе и опять бегу.

X X X

Барсуки живут по краям глубоких логов и оврагов, в самых потаённых, скрытых от глаз человека местах, но совсем не сумрачны при этом, как принято о них думать.

X X X

В первое снежное утро хорошеют облетевшие кусты и деревья, крикливое вороньё и даже раздосадованный чем-либо человек.

X X X

Румяный снегирь хоть и держится под нашими окнами всю лютую зиму, а не назовёшь его молодцеватым или задорным, наподобие воробья. Больше он, как девица красная: тихий, немножко печальный, да пригожий.

X X X

В иной год весна выдаётся такая весёлая, что уже с середины марта по дорогам ездят на колёсах, хотя на полях и в лесах ещё высятся сугробы.

X X X

Земля равномерно вращается вокруг Солнца, и оно так же неизменно, изо дня в день, то появляется, то исчезает, но рассветные лучи воспринимаются восторженно, живо, а закатные – безмолвно и спокойно.

X X X

Конец августа… Ещё перебегают по дорожкам, смешно семеня тоненькими лапками, вездесущие трясогузки – очень изящные и милые птички, и когда они трепетно вздрагивают своими длинными хвостиками, торопливо чистят перышки и бросаются с лёта в лужи, то кажется, что лето ещё и не кончалось, а осень никогда не наступит.

X X X

Наиболее крепок и глух сон именно в осеннюю ночь, которая не напряжена таким мучительным ожиданием, как зимой, весной или летом, а преисполнена, наконец-то, достигнутой в природе отрешённостью, когда можно преспокойно забыться, уже не обдумывая никаких важных перемен.

X X X

Когда поющий жаворонок взмывает всё выше и выше, то бескрайняя синева молчаливого неба становится кричащей!

X X X

Меня нисколько не удивляет, что у грибов есть любимые места, на которых они родятся непременно каждый год, в большем или меньшем изобилии.

X X X

Золотисто-розоватое робкое солнце быстро сгорает за короткий декабрьский день, но мир не тускнеет, и подступающие предновогодние сумерки незамедлительно расцвечивают его зажигающимися звёздами, ослепительной луной и таинственными снегами.

X X X

Долгая декабрьская вьюга – это радость, счастье и светлая надежда на такую же затяжную и замечательную зиму, которую, наконец-то, можно будет достойно оценить, неспешно обдумывая всю предыдущую жизнь и накапливая силы на будущую.

X X X

Бог сотворил весь мир, и всё в нём бесценно, но сложно не поклоняться огню, растениям и птицам.

X X X

Весенний ток у птиц обычно проявляется в неистовых криках, ритуальных танцах, особом полёте, чаще – пении, но иногда птицы неожиданно … пародируют друг друга, долгое время никак этого в своём поведении не проявляя.

X X X

Человек смотрит в глаза волка и читает по ним свою неприкаянную судьбу… В глазах же зверя – лишь холодное безразличие.

X X X

Глядя на звёздное небо в ночном лесу, невозможно чувствовать себя одиноко, и тем более – быть застигнутым врасплох.

X X X

У неба не может быть ни низа, ни верха, и это прекрасно понимаешь и чувствуешь в апреле, когда не утопаешь и не возносишься, а летишь.

X X X

Сколь ни ходки волк и лиса, а ступают очень осторожно, то и дело, озираясь, каждый шаг выгадывая, заяц же кладёт свой след напропалую, уверенно его печатая.

X X X

«Железные» желудки вороны и голубя перетрут все ягоды в порошок, зубы растительноядных зверей раздавят мякоть плода и раздробят семена, и только благодаря насекомоядным маленьким птичкам, чьи нежные желудочки

пропускают ягоды с неповреждёнными косточками, и всходят молодые ростки черёмухи, рябины или вишни за километры от родительского дерева.

X X X

Весенний лес учит бороться и побеждать не только ударом лапы, клювом или когтями, но и песней.

X X X

И передать невозможно, сколько радости слышится в проникновенном посвистывании рябчиков поутру, когда декабрьский мороз переваливает за двадцать, берёзки натужно пощёлкивают, и солнце раздавленной клюквой медленно растекается по выстуженному небосводу! Рябки только что проснулись, выпорхнули из-под снега и расселись по веткам, подставив свои пепельные грудки первым, ещё прохладным солнечным лучам, но от всего этого почему-то пахнуло весной, а не первозимьем.

X X X

Приятно сидеть в майский солнечный день на краю какой-нибудь укромной полянки и наблюдать, как изредка подбегают друг к другу озабоченные зайцы, и о чём-то совещаются.

X X X

Трудно поверить, что голубенькое соцветие известного всем цикория, который знаменует своим цветением середину лета и цветёт потом до первых заморозков, живёт около четырёх часов, с раннего утра впитывая синеву неба и постепенно бледнея к пасмурному полудню. И так, незаметно для человеческих глаз, каждый день появляются всё новые цветы, сначала вбирая краски, а затем отдавая их, что создаёт ощущение бесконечного летнего праздника.

X X X

Осень, как никакое другое время года описывалась русскими писателями, которые глубоко и тонко чувствовали её, понимали и так проникновенно передали всю прелесть этой увядающей красоты, что лучше, кажется, уже не скажешь, а она всё равно остаётся неисчерпаемой.

X X X

Весной все птенцы представляются желтопузыми.

X X X

Чёрная шапочка гаички переходит в серую спинку так же неуловимо плавно, как мартовские сумерки переливаются в трогательную весеннюю темноту.

X X X

Моё счастье заключается в моём знании, в том, что я ценю своё время и всегда использую так, будто у меня его совсем не осталось. Этим я раздвигаю границы возможного, когда другой не в силах их преодолеть, и обретаю полную свободу в достижении более насыщенной жизни, не отделимой от природы.

X X X

Схожая в добывании корма и повадках с лисой, енотовидная собака, в тоже время, совершенно лишена какой-либо охотничьей сноровки, отыскивая добычу словно нехотя, как придётся, будто позабыла про себя что-то очень важное в лесу и не в силах вспомнить, отчего отрешённо рыскает, путается, и куда-то на время пропадает…

X X X

Обычно скрытный в лесу зелёный дятел, или, как его ещё называют, седой, бывает, к тому же, и очень редок. Но вот однажды, уезжая из деревни в город, я стоял в ожидании электрички на переполненном перроне и заворожено наблюдал вместе со всеми, как этот самый зелёный дятел, усевшись прямо на угол станционного здания, преспокойно настукивал его, ни на кого не обращая внимания.

X X X

Расплавленным золотом река начинает течь только под осень…

X X X

С необыкновенно радостным ощущением жду я всегда приближения ослепительного, волшебного марта, что, наконец-то, ко всеобщему удовлетворению приходит, но, как ни странно, мешает видеть, слышать и впитывать всю окружающую красоту… Так он хорош!

X X X

Приблизив лицо к одиноко висящей на ветке капле, вдруг увидишь в ней весь просыпающийся весенний мир…

X X X

Оттаявшие по весне пихты начинают источать голубое свечение и изумрудно-фиолетовый аромат.

X X X

Белый холст заснеженного поля, чёрные ивняки у занесённой реки, рыжеватые копны сена… Всё, вроде бы, пустынно и немножко диковато, но удивительно поэтично.

X X X

Тень от высоко плывущих облаков ползёт по лесу, медленно перемещается с поля на бугор, и в душе отчего-то пробуждается удивительная покорность.

X X X

Весной крапива спешит на выручку человеку.

X X X

Иной раз кто-то другой в тебе, не ты, вдруг ни с того ни с сего схватится в лесу за ружьё, да и подстрелит какого-нибудь вовсе ненужного зверька, и на душе станет невыносимо, что лишил его жизни.

X X X

Всю жизнь хожу по одному и тому же лесу, но каждый раз нахожу в нём что-то новое. И так, благодаря только одному лесу, постепенно умнею и становлюсь богаче.

X X X

От кончика хвоста и до носа лиса есть тончайшее воплощение непревзойдённой жизнестойкости.

X X X

То, что глухарь способен токовать каждый день, из года в год на одном и том же дереве, а порой даже на гарях, где до пожара располагался ток и после сплошного пала сохранились лишь обугленные пеньки, говорит о его седой древности, благодаря которой привычки глухаря остаются неизменными.

X X X

Из белых снежных вихрей возникает мрак зимы.

X X X

Малиновый жар лета слаще всего ударяет в голову в душных логах и заросших оврагах, куда нетерпеливо спускаешься за ягодой, жадно вдыхаешь её аромат, отправляя в рот целыми горстями, и подниматься уже не хочется.

X X X

В конце октября в лесу тихо-тихо, и если зашуршит, цепляясь за ветки, одинокий лист, почудится, будто кто-то ненароком вздохнул и затаился, а уж если пробежит мышь, то сразу встряхнёт осеннюю тишину!

X X X

Чувствуя поздней осенью близкое угасание всего живого – ощущаешь её как завораживающую тишину, и в этом умиротворённом смирении природы открываешь для себя не замечаемую ранее удовлетворённость.

X X X

Человек, находящийся в тайге, не видит широкого простора, и всё время оказывается в особом лесном мирке, ограниченном деревьями. Вокруг себя он замечает только бесконечные стволы, переплетение ветвей и длинные узловатые корни у самой поверхности почвы. Эти корни, как жилы, повсюду выступают по выбоинам троп, человек то и дело спотыкается о них, нередко падает и, только очутившись на земле, обращает внимание на то, что было скрыто от него и никогда бы не заинтересовало, не оступись он о корневой выступ.

X X X

Холодное зимнее небо так отрешённо, что ворон, кажется, застывает на лету.

X X X

Осеннее «чек-чекевряк, трю-рю-рю-рю-рю» у рябчика – это знак довольства размеренной лесной жизнью, милая птичья доброжелательность и улыбка: так петушок, несмотря на «вечер» года, предлагает самочке свою любовь.

X X X

Только благодаря лесу, его насыщенной внутренней жизни, я научился постижению сути вещей, которое, как оказалось, вовсе не зависит от уровня образованности.

X X X

Многие месяцы отличает ясное голубое небо: и безбрежный июнь, и умиротворённый август, и молодой проникновенный апрель, но только в марте его голубизна распахнута настежь!

X X X

На огромной мохнатой спине убитого медведя ветерок треплет шерсть, на живом звере – лишь шевелит.

X X X

В яркие мартовские утренники ёлки уже не прячут глаза, как это у них по обыкновению заведено, а будто жмурятся от удовольствия.

X X X

Вступая ночью в полосу лунного света, вдруг вмиг ощутишь, как в нём безжизненно, но не пусто.

X X X

Осенний ветер стремглав бросается между домов, весенний – льётся нескончаемым потоком…

X X X

В лесу я занят только лесом, а не собой, и хотя лес обостряет чувства, они впитывают лишь его звуки, запахи и мысли.

X X X

Любая задавленная тобою пичуга когда-нибудь с тебя взыщется, и никакими благими делами уже не смоешь с себя её кровь.

X X X

Завершаешь лесную книгу только тогда, когда в душе наступает полное успокоение, как если бы ты вышел из большого таинственного леса после нелёгкой дороги, и в неизъяснимом удовлетворении присел отдохнуть на пенёк.

X X X

Вешки по краям занесённой снегом дороги по реке, в пургу, хороши только из еловых лапок, которые лучше всего скрашивают её, более заметны и почему-то успокаивают.

X X X

В лесу я нахожу самого себя, и даже тревога, изредка проистекающая из его самой дремучей глубины, воспринимается радостно.

X X X

Ёж ест всё и всех, с кем может совладать, и в поисках пищи часто натыкается на змею, которая хватает его за кончик носа, и тогда ёж орёт, но добычу не отпускает.

X X X

В масленичную разомлевшую пору мысли почему-то не маслянисты, а необыкновенно ясны.

X X X

Деревья в ночном лесу еле слышно шумят, будто нашёптывая друг другу: «Нам ни чуть здесь не страшно…», и от этого, на самом деле, всякая жуть пропадает, и становится так, будто бы век бродил по чернеющей лесной чаще, и ничего в ней не боялся.

X X X

Не будучи ночной птицей, соловей превращается весной в неё, чтобы непревзойдённой по красоте песней извещать и приманивать самочек, которые возвращаются с юга только ночами. Людям и невдомёк, что восхищённый певец всю ночь напролёт провозглашает не только любовь, но и сообщает всему миру о долгожданной встрече. В природе всё подчинено продлению жизни, а значит – работе, но с каким очаровательным восторгом она воспринимается маленькой серенькой птичкой с умными чёрными глазами!

X X X

Ни сентябрь, ни октябрь, ни даже ноябрь, несмотря на постоянно сеющийся снег, всё-таки не припадают к земле, а устремляются зачем-то обратно, в безжизненно-стеклянную высь, и только декабрь с наслаждением и очень долго примеривается, как бы получше ему это сделать, наконец укладывается и безмятежно засыпает, сосредоточив всю свою силу под собой.

X X X

Кажется, никогда, как в тот год, не ждал я весны с таким нетерпением, и отправился в лес прямо в апрельскую оттепель… То и дело проваливаясь в сыром снегу, всё-таки добрался до дальнего тока, но, в конце концов, сломал лыжу в десяти километрах от деревни, возвращался домой до глубокой ночи, вконец умаявшись, и всю обратную дорогу не покидало приподнятое настроение, а на душе было непередаваемо весело.

X X X

Идёшь за грибами и под каждой елью воображаешь семейство крепких боровиков. Неутомимо заглядываешь под еловые лапы, тешишь себя предощущением желанной находки, а там только таинственная пустота. Наконец, попадается такая старая красавица-ель, что уж, кажется, она-то не может не скрывать в своей укромной тени хотя бы один белый, но и под ней ничего нет…

«Вот те на!» - восклицаешь, в сердцах, после очередной неудачи, совсем отчаявшись отыскать желанный гриб. А находишь его нежданно возле какой-нибудь неказистой высохшей ёлочки, что незаметно становится для тебя самой красивой и дорогой.

X X X

Всё в ночном лесу, при лунном свете, кажется каким-то безжалостным и никчёмным, будто оно однажды умерло, но вот вдруг воскресло и не в силах постичь: во имя чего?!

X X X

Первый ноябрьский снежок не смущает легкокрылых комариков, они преспокойно перелетают, толкаются в воздухе, будто совсем не замечая его, и даже временами касаются тоненькими ножками стылой снежной поверхности.

X X X

Когда долго идёшь по берёзовому или осиновому лесу, даже по сосновому, все деревья, в своём надоевшем однообразии, постепенно становятся не важными для тебя, они попросту сливаются в ничего не выражающую древесную массу, и это плохо.

Нужно научиться воспринимать растение в лесу так, чтобы видеть и чувствовать его в отдельности, и это, оказывается, ничуть не утомительно и вполне достижимо, если распознал, как и дерево, своё место на земле, которое отстаиваешь, несмотря ни на что.

X X X

В лесу по-детски радуешься переживаемой в нём свободе.

X X X

И у зайца за мелкими зубчиками-резцами имеется свой клык.

X X X

В зимний мороз, если ты без варежек, никогда не станешь согревать руки дыханием, а засунешь их куда-нибудь за пазуху, под мышки, либо в глубокие карманы, весенним же утренником бежишь на лыжах, дышишь на покрасневшие ледяные кисти, но всё-таки не прячешь их.

X X X

Идёшь по лесу, где уже не однажды бывал, а в нём по-прежнему стоит особенная тишина, которая неизменно хранит дремучие тайны.

X X X

Первый снег, говорят, всегда на сонных нападает, потому, что залегает вокруг тысячами притаившихся зайцев, чья белизна так проникновенна, что совершенно обезоруживает и усыпляет.

X X X

Когда ты не живёшь в согласии с собой, а значит – и с Вселенной, тебе никогда не достичь понимания природы Бытия. И наоборот, пребывая в согласии с Существованием, и, соответственно, со своей внутренней природой, ты переживаешь гармонию, наполняясь цветением, желанием делиться собственной радостью, обретённой в постижении и себя, и окружающего мира.

Наполните своё внутреннее существо состоянием благости, не позволяйте себе оставаться пустым: ведь Вселенная полна чудес, почему бы и вам не заполнить свою жизнь ими?! По пустому месту хоть обухом бей!

X X X

Иногда в душе возникает нечто лучшее, чем просто замечательные мысли о нашей русской природе, и хочется, чтобы это лучшее потихонечку росло, зрело и никогда не прекращалось.

X X X

В первобытной животной силе нашего леса, которая может быть страшна, есть своя красота.

X X X

Зацветают по лесам липы, пахнет липовым мёдом, и на душе так хорошо и празднично, что ты этого даже не замечаешь.

X X X

Само стремление человека к природе – это, быть может, неосознанное желание опять иметь то хорошее, что он однажды утерял.

X X X

Красив и по-хорошему печален наш русский лес, как бы враждебно не относился к нему человек.

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что в полной мере и, наверное, более заслуженно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все наши чудесные времена года.

X X X

Из всех деревьев нашего леса только сосны умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают это всегда так трогательно, будто не виделись целую вечность.

X X X

Любая лесная птица, если к ней приглядеться, сказочна, и так и просится на картинку.

X X X

Снег в морозные зимние ночи словно прислушивается к звёздам, и впитывает их свет.

X X X

Нашему лесу, если он не будет окончательно изничтожен, предопределено научить человека разумно пользоваться всем, что может воспитать в нём хозяина жизни.

X X X

Если радость переполняет тебя, её невозможно выразить словами, и оттого появилось искусство, когда в музыке, танце и красках можно попытаться это сделать. Проживая жизнь всеми возможными способами, ты впускаешь в себя весь природный мир, и, наслаждаясь им, созидаешь. Выпивай всё существование без остатка, до дна!

X X X

Даже в самых справедливых словах человека может быть всё так и не так, и только в нашей русской природе живёт одной ей ведомая ясность, воспринимаемая людьми как нечто неоспоримое.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной – голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: какими бы красками ещё разгореться напоследок, перед тем, как угаснуть, при этом, кажется, даже не замечая, что переполнены разноцветной жизнью.

X X X

Линии сугробов никогда не выглядят замершими, они всегда музыкальны: постепенно в них угадывается и рояль, и виолончель, и фагот со скрипкой, и, на худой конец, махонькая дудочка-жалейка.

X X X

В русском человеке собрана вся наша природа, и её невозможно просто так растерять.

X X X

Обычно безболезненно переживаешь пору сенокоса, когда в лесу, на покосах, полно людей, зверя и птицы не видно, да и грибы с ягодами ещё не поспели… Но так захочется иной раз открыть свою душу таинственной лесной чаще, побродить по тенистым тропинкам и помечтать о благодатном августе, что отправишься июньским полднем в лес, и, совершенно забывшись там, вдруг заболеешь этим околдовывающим царством буйных трав, цветов и теней.

X X X

Преисполненный довольства августовский ветер, от избытка радостных ощущений, часто заводит с человеком нехитрый, но добрый разговор, в котором человеку достаточно просто молчать, слушать и думать.

X X X

Мартовский утренник как ничто крепит наш дух, возбуждая во всём теле недостающую для возрождающейся жизни бодрость.

X X X

Человеку всегда следует помнить: наш лес – источник той огромной силы, которую ничем нельзя заменить.

X X X

Летним утром, на приятном солнцепёке, никогда не помыслишь о пронизывающей метели или жгучих сугробах, и только наслаждаешься раздольем этой жизни, что как будто остановилась в продвижении вперёд, и всю свою силу сосредоточила на росте вверх, к солнцу. Всё радуется, тянется, становится стройным и красивым, подобно лиловым султанам кипрея, а ты и не подозреваешь, что и сам невероятно вырастаешь, обращаясь душой к солнечному свету, в сто крат умножающему её тепло для всех живущих на земле.

X X X

Даже в жестокую январскую заметь, снегири не перестают изливать свои нежные трели, отчего зима не в силах сдержать улыбку, которую непременно угадаешь и тоже про себя улыбнёшься.

X X X

Только по весне вдруг приметишь – каким смелым стал маленький лесок, всю зиму окружённый бескрайними заснеженными полями.

X X X

Зимний рассвет льёт зеленовато-перламутровый отблеск на укатанную дорогу, под ноги, и начинает казаться, будто ты подымаешься по ней прямо к восходящему солнцу.

X X X

Жизнь человека, близкого к природе, есть всегда воспитание чувств.

X X X

Как замечательно сидеть в лесу у костра и спокойно думать обо всём, что происходило с тобой за день… Но ещё лучше вообще ни о чём не думать, а отдаться приятному ощущению слитности с окружающим лесным миром.

X X X

У птицы и зверя от вольной жизни вырабатывается свой особый ум, которого так не достаёт закрепощённому в своей неволе человеку.

X X X

Шорох листвы, когда по ней пробирается проснувшийся весной ёжик, может быть нежнее шелеста самого раннего ветерка, что будоражит молодые ветви, ласкает их, и ничего никому не обещает. А когда ёж ещё и засопит, мило зафыркает своим блестящим носиком, то невольно улыбнёшься и позабудешь, какой беспощадно затяжной выдалась надоевшая всем зима.

X X X

При подлинном общении человека с лесом, когда он готов к восприятию всего, что с ним там происходит, и какие бы препятствия ему не довелось в нём претерпеть, потери его энергии не происходит. Этого просто не может быть,

потому как находясь с лесом в согласии, человек, совместно с ним, образует круг полного удовлетворения внутри самого себя, и вместе они – едины.

X X X

Кажется, осенний лист падает с ветки уже безжизненным, не делая никаких усилий, но оторвавшись – он будто обретает недостающую ему после долгой неволи свободу, и наслаждается этой единственной возможностью закружиться и полететь.

X X X

Белые грузди – это лебеди среди грибов, с присущим только им разлётом плавных линий шляпки.

X X X

Первые весенние цветы, самые ранние, ни горицвет, ни гусиный лук, ни подснежники, и не медуница, а … бабочки. Цветы, уже порхающие над землёй, пока она только собирается разродиться новой неповторимой жизнью.

X X X

Укромно и незаметно живёт в себе земляничная поляна, но только подует лёгкий ветерок – обдаёт жарким ароматом всю округу.

X X X

Казалось бы, август с сентябрём – родные братья, что идут рука об руку, однако высокое сентябрьское небо, в отличие от прильнувшего к земле, с большими лебяжьими облаками в августе, становится строгим и недоступным.

X X X

Ничто так не возвышает по весне людскую душу, как зрелище птичьего перелёта.

X X X

Если в состоянии гипноза человеку внушить, что огонь не опалит его, то он, без вреда, пройдёт сквозь него. Важно самому достичь такого уровня энергии, когда внутренние сомнения отсутствуют, и в этом, несомненно, помогает человеку наш лес, когда ты воспринимаешь его как божественный сад.

X X X

Самое трогательное проявление весенней поры – это робкий подснежник, что пробивается в недрах сугроба сквозь ледяную крупу.

X X X

Как красная тетеревиная бровь горит над лесом узкая декабрьская зорька, а сами тетерева ещё не проснулись.

X X X

Задорный мартовский ветерок и смел, и упруг, и задирист, а как до боли в глазах прозрачен и синь!

X X X

Лучезарный восход, завораживающий закат, а между ними – ослепительное золото роскошного июльского дня, что так и не успевает сгореть, а остаётся в душе до следующего, ещё более восхитительного восприятия разомлевшей летней поры.

X X X

Апрельский дождь застаёт оголённую по весне душу так ненавязчиво и робко, что она и не думает запахиваться, а только ещё более открывается и расцветает.

X X X

Природа может обойтись без человека, но человек без природы быстро истратится душой, и изживёт себя понапрасну.

X X X

Летняя прекрасная ночь – ложе разгулявшемуся за день вольному ветру, где он в полном довольстве забывается в обнимку с божественной зарёй.

X X X

Ни за что не заметишь, как загорается первая звезда, если не будешь пристально смотреть на небо, а когда приглядишься, то различишь и вторую, и третью, и десятую.

X X X

Мы не меняемся оттого, что всё время оставляем в себе что-то про запас, надеясь, что оно обязательно будет востребовано в будущем, придерживаем его в надежде, что оно когда-нибудь будет проявлено. Но, не выложив всё без остатка, Бога в себе не обретёшь, а где ещё можно выразить себя в полной мере, как не в общении с природой? Дверь к истине отворяется, только когда отдаёшь себя полностью.

X X X

Осенняя трогательная пустота звенит на разные голоса, оттенки, звуки, и даже в угасающем сумраке ноября, когда, кажется, жизнь замерла, она до конца не истаивает.

X X X

Вечерние звёзды зазывают в гости, утренние – провожают в добрый путь.

X X X

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются между собой, как осенью или летом, и не восклицают, а только прислушиваются друг к другу, думают и ждут всеобщего пробуждения.

Но иногда, где-нибудь в глубине января, на лес налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутся, недовольно застонут, и долго ещё будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому на то, что потревожили их величественный покой. А потом опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание… Как хорошо!

X X X

В природе почему-то преобладает золотой цвет, составляющий суть солнца, луны и звёзд, волшебного грозового огня, низвергаемого с неба, и воды, отражающей весь этот золотой мир.

X X X

Люблю лето за потаённость тенистых аллей и опушек, где, кажется, никого нет, но всё-таки кто-то присутствует.

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого мира.

X X X

Белое зимнее солнце то и дело ныряет в серых облаках, и кажется, совсем не светит, но если не упускать случая понаблюдать за ним – вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

X X X

От света зари шишки на ёлках приобретают малиновый сказочный вид и становятся похожими на обыкновенные новогодние игрушки.

X X X

Ночные снежинки падают на землю как будто из ниоткуда, радостно переливаются, играют, и, отражаясь от собственного волшебного света, кажется, так же волшебно и просто зажигают в невидимой вышине живые звёзды.

X X X

Просто посмотришь какое-то время на бесконечное пространство русских лесов и полей, а вернёшься к себе уже с новым, углублённым на жизнь взглядом.

X X X

Красотой и мудростью природы можно насыщаться бесконечно, только нужно на время остановиться в её восприятии, суметь переварить вмещённое и обязательно от него избавиться, в чём-либо выразив.

X X X

Ночная пороша ложится легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – поднимется вдруг целой тучей метущихся звёздочек, и ну всех жечь, да колоть без разбору!

X X X

От солнца, поблескивающего под ним наста и чуткого ветерка - молодой березняк как будто отрывается от земли и плывёт над ней нежно-сиреневым, вздрагивающим облачком.

X X X

Когда пыльца цветущих растений засыпает поверхность лесного озера и оно уже не отражает зажигающихся над ним звёзд, распустившихся веточек деревьев и весёлых солнечных бликов, душа тоже как будто укрывается невидимой ароматной плёнкой и, уютно завернувшись в неё, с благоговением замирает.

X X X

В лесу ночью темь, хоть глаз выколи, а рысь да волк видят… Так и я, отправляясь на глухариный ток, никогда не забочусь о фонаре, и полагаюсь только на себя, на скрытую во мне внутреннюю природу всё видеть и понимать даже в ночном лесу, где зверь без всякой необходимости тоже никогда не будет испытывать судьбу, а просто тихонько пройдёт в обход лишнюю версту, и воспримет это как должное, будто человек.

X X X

Среди стрекоз встречается такой вид, как «красотка девушка», и это поистине сказочное создание с тёмно-синими хрупкими крылышками, чрезвычайно изящным тоненьким телом, отливающим чарующим блеском, длинными грациозными ножками и огромными глазами, ничего не стоит поймать.

X X X

Без зверей и птиц лес как будто сжимается… Но стоит в берёзовой чаще сорваться глухарю – и его пространство невероятно преображается, становясь бесконечным.

X X X

Горихвостки, как и все мелкие воробьиные птицы, отличаются изумительным постоянством в выборе какой-либо территории. Так, селясь каждую весну у меня в деревне, неизменно под карнизом дома, они, наверное, с неумолимой точностью возвращаются на зиму в один и тот же сад, где-нибудь в Экваториальной Африке… Часто я силюсь представить этот сад, но у меня ничего не получается, и я начинаю завидовать маленьким птичкам.

X X X

Утреннее морозное солнце в марте ласково розовеет на тёмных еловых ветвях, а они почему-то кажутся старыми и высохшими.

X X X

Упоительная мартовская свежесть огромна: как живой родник, журчит всё утро, день, вечер и ещё целую нескончаемую ночь!

X X X

В разгар лета огромный и сильный медведь, в каком-нибудь глухом таёжном уголке, невыразимо страдает от маленьких комаров: ревёт, катается по земле и лапами раздирает себе морду в кровь.

X X X

Зимней буре, кажется, не будет конца, до того она случается безудержной и жестокой, но и она неохотно утихает в нескончаемой таёжной чаще…

X X X

Есть птицы и звери вполне предсказуемые, и встречу с ними можно вычислить, но иногда попадаются животные, с которыми сталкиваешься благодаря простому везению. Впрочем, везение это могло явиться результатом кропотливой подготовительной работы, когда ты учился у леса, оставаясь к нему честным, и однажды он отблагодарил тебя за это.

X X X

Только весной можно отрешённо нежиться на солнце, прислонившись спиной к стене лесной избушки, и не жалеть убегающего времени.

X X X

Сердобольный характер ежа никак не отражается на его чистоплотности, когда он оказывается в неволе, в человеческом жилье. Всю ночь он путешествует из угла в угол, оставляя после себя множество кучек очень въедливого помёта, перероет все газеты, а напившись под утро молока из чашки, засыпает прямо в ней, смешно свесив свои когтистые уродливые лапки. Как говорится: такой невольки – ещё бы столько, она у ежа и скачет, и пляшет, и песенку поёт!

X X X

Намаявшись среди людей, в лесу человек, наконец-то, приходит в себя, потихоньку обретая собственную волю.

X X X

Ружьё в руках легко переводит твою жизнь в такую плоскость, куда тебе всеми силами не следует попадать.

X X X

Вольно раскинувшееся по весне поле - будто распахнутый на груди добрый зипунок, и оказавшись в нём - порой набредаешь на такие места, где чувствуешь, как земля дышит и обдаёт теплом, будто из печки!

X X X

Смотришь на огромный, в два обхвата, ствол дерева, и не можешь поверить, что это мощное древесное тело созидалось невидимым воздушным пространством!

X X X

Неоднократно переживая в лесу бесконечные минуты и часы молчания, постоянно находясь в тишине и научившись слушать её, я однажды осознал, что становлюсь хозяином самому себе, а значит – способен выразить любое чувство по собственному желанию, в том числе – и расслабиться. Расслабиться в городской жизни крайне трудно, а вот в лесу, при полном понимании и принятии своей внутренней природы, это достижимо. Жизнь здесь не принадлежит кому-то другому, она только твоя, и ты просто наслаждаешься окутавшей тебя тишиной.

X X X

Кажется, велик ли ноябрьский день, а тянется порой так до нескончаемости монотонно и тихо, что начинаешь думать обо всей жизни, как о непостижимых сереньких сумерках, по всевышнему недосмотру оставленных на время над землёй, а вскоре и вовсе позабытых.

X X X

Запах обожжённого солнечными лучами снега в апреле источает суховатую горечь фиалки, которая зацвела, наверное, прошлой весной и вознеслась ароматным облачком на небо, откуда слетела ещё в начале зимы неприметной снежинкой.

X X X

Очевидно, что наше счастье зависит от наших мыслей, и оттого они должны быть созидательны, а если так, то каждый день может стать для человека началом

доброго пути, это, несомненно, возможность изменить свою жизнь к лучшему, и нужно просто не бояться становиться счастливым, отправляясь в дальнюю дорогу, навстречу нескончаемым тайнам Вселенной.

X X X

Бывает, пройдётся зимой по уснувшему лесу крепкий ветер, разворошит его, и лес, на мгновение, проснувшись, взглянет так пронзительно чисто, что как будто бы и не спал.

X X X

Пугающе громко и в тоже время плачуще отмечает филин полночь, но одиночество человека, заслышавшего в ночном лесу его уханье, сразу растворяется.

X X X

Выпал снег – и будто побелели серые вороны, галки и сороки.

X X X

Лягушки по весне кричат: «Кум! Кума! Где он? Где она? Помер! Помер! Померла! Померла! Давай плакать! Давай плакать! По ком? По ком? По нём! По нём! По ней! По ней!». И уж только потом: «Ква-ква, ква-ква, ква-а-а…»

X X X

Осенние сыроежки – что девушки на выданье: безупречны своими нарядными платьями, ароматом и нежными формами.

X X X

Ворон обычно отличает громкий нескончаемый ор, доносящийся со всех сторон, тогда как самих птиц ни в небе, ни на деревьях не видно.

X X X

В последние годы меня не покидает ощущение, что все невидимые существа и духи давно покинули наши леса, и эту омертвелость не в силах оживить даже дикие звери и птицы.

X X X

Идёшь елово-пихтовым густым лесом и не чуешь его скрытого дыхания, но вот в каком-нибудь уголке вдруг пахнёт хвойным жаром и вмиг околдует. Остановившись, растерянно присядешь на пенёк и жадно вбираешь живительный аромат… Так, потаённо, бережёт чаща свой вековечный целительный дурман.

X X X

Сказать, что зимний вид великолепен, значит, просто неумело оговориться. Он сплетён из невероятного числа чудесных и еле ощутимых жизненных построений, что проявляются в природе именно к зиме. И все они, как ни странно, слагаются из снега, что и отражает их, и скрывает, но всегда чутко сопереживает всему, что происходит вокруг.

X X X

В отличие от загнутых когтей хищной птицы, сжатая лапа зверя не устрашает, а напоминает его младенческую игривость и мягкость.

X X X

С виду прохладный и бесчувственный, осиновый лес источает еле уловимое бледно-зелёное свечение, исходящее от коры, и благодаря ему, как ни странно, становится теплее.

X X X

Сколько лет хожу в лес, но всё не в силах привыкнуть, вернее даже – забыть, как стремительно и неудержимо взлетают в лесной крепи красавцы-глухари, которые завораживают своей силой, так что хочется идти за ними в самую дремучую и непроходимую чащу. И почти никогда не вспоминаются неугомонные чайки, что постоянно кружат над головой, жалобно стонут и зовут в дальнюю дорогу, а ты никак их не воспринимаешь.

X X X

Когда ты научишься быть равным со всем, что окружает тебя в природе, ты поймёшь, как абсурдно пытаться всё объяснить, вполне довольствуясь тем, что всегда находится рядом.

X X X

Неразрешимая с детства загадка: потаённая тень, что, в противоположность свету, прячется в самых дремучих ельниках, всегда притягивала больше солнца.

X X X

Осень подступила со своими промозглыми ночными холодами, и лавина тёплых красок затопила леса…

X X X

Весной мы совершенно забываем о времени, и эта пора года, как никакая другая, приучает нас к мысли о бесконечности жизни.

X X X

Сине-зелёные, с прозрачными крылышками стрекозы доверчиво присаживаются на выгоревшие за лето головы и загорелые руки деревенских мальчишек.

X X X

Молчание леса обычно не наводит тоски, а вот ветер может вызвать чувство одиночества, когда своими завываниями напоминает всеми забытого и покинутого изгнанника.

X X X

Переживая приближение весны, не стоит даже упоминать самые восторженные сентябрьские и величественные январские дни.

X X X

Как просто и радостно сознавать, что можно держать Большую Медведицу над левым или правым плечом, соизмеряя с ней свой ночной путь.

X X X

Каждый раз как будто навсегда теряешь родное лето, но всякий год оно возвращается.

X X X

Только бабьим летом, в отличие от июня, июля и августа, солнце становится по-особенному уверенным и добродушным.

X X X

Нужно научиться забываться в лесу, прежде чем сможешь почувствовать себя в нём чем-то.

X X X

Пара чирков-свистунков прочертит зеркальную гладь лесного озера, шумно взмахнёт крыльями белая цапля, напугав выводок отъевшихся за лето крякуш, и опять воцарится покой, чутко поджидающий подлёт следующих уток.

X X X

Когда цветёт земляника, в лесу ещё нет такого обильного и высокого разнотравья, что мешает различать отдельные цветы… Старые, протоптанные с осени тропинки не заросли, и ходить по ним очень приятно, с удовольствием разглядывая аккуратные беленькие цветочки с жёлтой сердцевиной.

Всё в природе чисто, доступно, необременительно, и, любуясь на цветущую маленькую земляничку, за листьями которой и пришёл в июньский лес, чтобы заваривать потом с ними чай, будто уже пьёшь этот живительный напиток природы, незаметно обретая жизненную стойкость и красоту.

X X X

Лес тем прекрасен, что дремуч.

X X X

Молодые берёзки, незаметно подтянувшиеся и возмужавшие прямо посередине старой вырубки, почему-то напоминают одиноких воинов на поле битвы, и даже светятся корой как-то по-особенному напористо и неустрашимо.

X X X

Зверь без всякой необходимости никогда не будет испытывать судьбу, а пройдёт в обход лишние десятки вёрст, и воспримет это как должное.

X X X

В зиму люди по деревням часто вынуждены скрывать друг от друга желание к общению, когда уже, кажется, не по разу посетил всех соседей, больше, вроде бы, некуда и не к кому пойти, и душу остро одолевает чувство одиночества… Но в этом хочется видеть не злую обыденность надолго затянувшейся суровой поры, а её доброе участие, располагающее к заботе о своих соседях.

X X X

Ночуя в лесной избушке, нет даже мысли взглядывать в тёмные окна, ничего в них не видя, но сладостно представлять, как всё там, в ночи, происходит.

X X X

В марте, особенно под вечер, отчётливо нарастает шорох обрывающегося с крыш снега, подтаявшего за день, воздух необыкновенно ширится и окрыляет, всё становится сиренево-таинственным, многоликим, хотя настоящая весна должна наступить ещё не скоро.

X X X

Хорошо возвращаться мягким сентябрьским вечером из лесу в деревню, когда свет в домах ещё не зажигали и окна чуть теплятся потухающей зарёй, а ты идёшь, убаюканный этой дремотной тишиной, и ничего больше не желаешь.

X X X

Бывает, что только когда серое облако заслонит солнце, и становятся видны силуэты многих птиц…

X X X

Зеленовато-серое брюшко милой овсянки ясным апрельским утром превращается в яично-жёлтое, солнечное.

X X X

Омытый дождём сад почему-то сразу напоминает утраченное детство, и благодаря именно этому саду, посвежевшему и чистому, ты, как в детстве, впервые открываешь для себя существование неведомой природы.

X X X

Темна ледяная чистота осенних потаённых ручьёв, что, кажется, ничего уже не обещает, но вглядевшись в эту темноту, неожиданно обнаружишь в ней свой свет.

X X X

Обыденное слово «постель» сразу предполагает в себе лёгкую и белую, похожую именно на снег прохладу, что стелется белоснежной скатертью, готовой всех обнять и принять за своим самобраным уютом и чистотой.

X X X

Удивительно крепко сидит самка рябчика на гнезде, иной раз подпуская человека на метр, чуть ли не вплотную! Сидит, смотрит, видит всё, что происходит вокруг, и даже бровью не поведёт, но если внимательно всмотреться в её немигающий блестящий глазок, в глубине его заметишь отчаянную тревогу.

X X X

Даже когда застывают в камень последние грибы и волглый лист смерзается в сплошной хрустящий покров, в редкие солнечные утра ещё угадывается застоявшееся дыхание лета, которое почему-то не уходит, замирает немым изваянием в самых неожиданных местах, и как будто напряжённо решает: что же ему делать дальше?!

X X X

Высшая заслуга – не только пройти лес, но и правдиво написать об этом.

X X X

После весны света и воды, с их проникновенной ясностью и ласковой теплотой, наступает, наконец-то, всеохватная и пышущая весна цветов, казалось бы, самая долгожданная, родная, но она уже, скорее, опьяняет и кружит, чем придаёт силы.

X X X

Когда лес обнажается, поля пустеют, а последние птицы улетают на юг, более естественно появление изумрудной озими, чем серовато-пегого снега.

X X X

Ранней весной зацветают душистые ландыши, изящный подснежник, трёхцветная красавица-медуница, завораживающие лиловые колокольчики сон-травы с загадочным горицветом, неудержимо тянет к солнцу ярко-жёлтые головки мать-и-мачеха, а пчёлы слетаются за первым мёдом на цветы ивы…

X X X

В ноябрьские оттепели и берёзы, и дома, и дымки над крышами словно нарисованы мягким рассыпающимся угольком… Даже носатое вороньё, неловко

переворачиваясь в невидимых потоках влажного воздуха, кажется, само вычерчивает в небе своё изображение и тут же его стирает.

X X X

Издавна принято думать, будто именно сова сопровождает душу умершего человека в последний путь, но, как всякие мудрые существа, догадываясь о бесконечности жизни, она, наверное, ещё и приветствует его возбуждённым клокотанием.

X X X

Морозные узоры на окнах так изящны и хороши, что часто на них никто не обращает внимания.

X X X

Постепенно приходишь к тому, что даже не любование, каким бы продолжительным оно ни было, а только кропотливое и вдумчивое всматривание в природу, не думая о времени, приносит истинное удовлетворение. Природа сама пригласит тебя в свои собеседники, когда почувствует, что ты преодолел поспешность и суету, и, наконец, готов к неторопливому разговору.

X X X

Дятла всегда отличишь от других птиц, когда он передвигается по стволу дерева, но вот если дятел присаживается на ветку – его не сразу угадаешь по нескладному силуэту, а какое-то время разглядываешь, недоумённо гадая: что это за птица?!

X X X

Ни утру, ни звёздам, ни копалухе посвящает глухарь свою восторженную песню, а самому себе.

X X X

Глядя на цветы подснежника, никогда не подумаешь о скрытой в них силе яда, что часто используют при лечении мышц и суставов, но именно благодаря этой потаённой силе недоумённо переживаешь тихое поклонение, даже – почтение, когда ласкаешь взглядом чистые и трепетные головки.

X X X

Все мыши чиркают хвостиком по снегу, оставляя на нём изящные росписи-завитки, а малютка несёт свой хвост столбиком, как белка, потому что, наверное, ещё не научилась писать.

X X X

Разве вздумаешь подбирать в лесу подходящее имя для Бога, но стоит ему обозначить себя папоротником, сосной, мхом или лишайником, и сразу приметишь это его простое лесное прозвище, и возрадуешься.

X X X

Медленно заползает в дом июльская ночная тьма, которую долго не замечаешь, потому что она … зелёная.

X X X

Осенняя красота не боится увядания, и даже напоследок дарит только счастье.

X X X

Простая лесная правда, без прикрас, всегда невероятна.

X X X

Заяц на лёжке всегда основательно утаптывает под собой снег, чтобы первый прыжок, в случае тревоги, получился длинным и стремительным.

X X X

Странное забытье испытываешь ночью в лесу, когда вроде бы и проснулся, а прийти в себя до конца не можешь. Так, не очнувшись, и живёшь до утра, и даже с рассветом в тебе не рассеивается что-то тревожное и тёмное, как несмолкающее таёжное эхо.

X X X

Помнится, в детстве мне не составляло никакого труда выхватывать из травы за яркие головки вёртких ужей, безбоязненно помещать их за пазуху, и чуть ли не весь день носить так в рваной майке, время от времени вытаскивая их извивающиеся тела и пугая ими девчонок…

Увидев же однажды, в зрелом возрасте, безобидно свернувшуюся на пеньке змейку, мгновенно пережил липковато-отталкивающее, неприятное чувство, которое ещё долгое время возбуждало в душе суеверный ужас.

X X X

Чёрный дятел не стесняется нарушать таёжную тишь своим громким протяжным криком и безудержной гулкой стукотнёй.

X X X

Отцветает шиповник, сыплет на землю свои роскошные душистые лепестки, а его пунцовые плоды только наливаются летним жаром и зреют.

X X X

О еже принято думать, как о молчаливом зверьке, но он не безголос и, раздосадованный чем-нибудь, часто издаёт крик, который, как не странно, напоминает резкий и громкий свист.

X X X

Человек может в любой момент жизни оказаться в гибельных снегах, в незнакомом дремучем лесу, на вершине неприступной горы, но самое главное, чтобы он очутился там заслуженно, в согласии с самим собой и окружающим миром.

X X X

Будто разбойник, неприметно и тихо, подобралась вдруг осень, и в одну ночь подожгла все леса.

X X X

Никогда, даже в самые пасмурные дни, небо не бывает серо равномерно.

X X X

В лесу всегда думаешь только о самом главном и близком, о том, что под рукой, и что кроме тебя никто не сделает, и это дело, которое для обыденной жизни в городе почему-то оказывается невероятно трудным, сейчас, в лесу, воспринимается необыкновенно легко и просто.

X X X

Вынужденный изо дня в день летать в поисках добычи, канюк, наверное, предаётся невесёлым размышлениям.

X X X

На дворе мечется лютая вьюга, завывает диким зверьём, но за окнами с синими узорами всё происходящее представляется таинственным и интересным.

X X X

Бывает, прогремит разудалая, дружная весна, а ты так и не наломаешь букет черёмухи или сирени.

X X X

Соседство растений никогда не бывает чисто случайным, хотя их расположение и создаёт ощущение живописной хаотичности.

X X X

Специально для игры лиса или волчица приносит детёнышам сухую лосиную ногу с копытом или большую медвежью кость, которую они пытаются друг у друга отвоевать, утащить и спрятать, но ничего у них не получается.

X X X

Потерянную или ещё не обретённую мысль человек способен отыскать именно в природе, в самом её обыденном проявлении. Это может быть капля росы, неприметное растение, либо солнечный блик, затерявшийся в его листве…

Но когда в лесу не находят объяснения тому, что не давало покоя, и не в силах увидеть чудо, обычно ссылаются на счастливый случай, который будто бы ещё не наступил. На самом же деле - он всего лишь редкое отражение его бесчисленных загадок, пока недоступных многим нелюбознательным людям.

X X X

Постоишь под ёлкой, послушаешь нежный пересвист синиц и вздохи ветра в её ветвях, и молчание это покажется полнее самого содержательного разговора.

X X X

Бесчисленные жаворонки стремглав бросаются сверху в цветы, и опять взмывают ввысь, настраивая между землёй и небом невидимые нежные струны.

X X X

До чего же хорошо слушать ночное пение сов и ветер, которые будто перекликаются между собой, вовлекая в свою игру и твоё смятённое весной сердце.

X X X

Есть в природе и отцовский грозовой гнев, и материнская благосклонность, и нежность ребячьей улыбки.

X X X

Не всегда возможно созерцать в природе избыток тишины и счастья, которые присутствуют в ней постоянно, а только в отдельные, наиболее удавшиеся тебе часы и минуты.

X X X

Сладко жужжат пчёлы в тяжёлой, как мёд, июльской тишине, и в какой-то миг подступает такое упоение от всего происходящего вокруг, что не нужно уже никакой воли, как весной, а только бы лилось и никуда не утекало это безбрежно дурманящее лето.

X X X

Во всём есть великий и замечательный смысл: в текущей между крутых берегов дикой реке, в умиротворённо замерших под снеговым покрывалом полях и в удивительных красках осени, какие никогда не используют люди. А ещё – в моей восьмидесятилетней соседке-бабушке, когда она тихонько сидит у окна…

В избе мирно тикают настенные часы, кошка сонно урчит на печке, и вдруг бабушка, после долгого молчания, промолвит: «А снегу-то сколько на крышах!»

X X X

У кого, как не у зверя, научишься соизмерять желания и реальность!

X X X

Полынь горька, обыкновенна и сиротлива, она не обладает таким ярко выраженным ароматом, как кипрей или лабазник, но попробуйте угадать её запах, приблизив растение к себе, и вы будете повергнуты множеством его самых разнообразных оттенков!

X X X

Выпал первый снег, и деревья облегчённо поникли под его тяжестью.

X X X

Порой выдаётся такой богатый на рябину год, что ягоды алеют аппетитными гроздьями всю зиму и даже остаются нетронутыми до самой весны, но снегири не обращают на них внимания, а усиленно обклёвывают засохшие семена сирени.

X X X

К концу зимы лисы справляют свои свадьбы по оврагам, волки – в давно затянувшихся вырубах, и только зайцы – на открытых солнцу полянах!

X X X

В лесу, в первую очередь, поражает пространство, которого, вроде бы, нет, оно пронизано бесконечными древесными стволами. К тому же, их венчают могучие кроны… Но именно здесь, среди высоких деревьев, ты сам себе начинаешь казаться выше.

X X X

Те существа, которые толпятся ночью у входа в лесную избушку, нужно обязательно впустить… Но когда, собравшись с духом, отворишь дверь, они сразу исчезают.

X X X

Запах расцветающей черёмухи обычно заполоняет собой всё весеннее пространство – кружит, дарит непередаваемые ощущения, куда-то уносит. Он почти неуловим и удивительно мягок.

Но вот подстрелишь по осени рябчика, зоб которого до отказа набит черёмуховыми ягодками, начнёшь его обдирать – и в нос ударит аромат черёмуховых косточек, что ощущается не менее таинственно и завораживающе, но уже очень резко, насыщенно и пряно.

X X X

Бывает, засмотришься на аккуратного, будто кем-то ухоженного снегиря, на его атласную чёрную шапочку, пунцовую грудку и чутко вздрагивающее нежное горлышко, и вдруг понимаешь, что в таком маленьком красивом тельце должна жить тонкая и трепетная душа!

X X X

Радостно сознавать, что и темень еловой чащи, и нежная бабочка-голубянка произошли от одного и того же.

X X X

Бесконечные, смешавшиеся между собой дни швыряет золотыми пригоршнями сентябрь, и они, точно блестящие монетки, рассыпаются по всей земле, но никто их не собирает, будто не замечая.

X X X

Выйдешь апрельской ночью из лесной избушки и не можешь надышаться запахом оттаивающего мха, коры и прелых листьев, а сырой ветер мягко обвевает лицо, шелестит в хвое и, роняя с ветвей последние комья снега, разрывает сердце на части.

X X X

Природа предполагает у человека такое состояние духа, которое невозможно без переживания им совершенной свободы. Постоянно ощущая её в себе как частицу Бога, то есть душу, каждый имеет всё необходимое, чтобы когда-нибудь стать сильней. Однажды ощутив это состояние свободы, и избрав единственно верный путь к самому себе, человек уже ничем не сможет быть на нём остановлен, а природа будет ему только благодарна за его терпение, несгибаемость и волю.

X X X

В детские годы, когда я ещё, конечно, не помышлял заниматься литературным творчеством, мне часто приходилось бывать с отцом в лесу, непроизвольно впитывая его краски, запахи и звуки, но я никак не реагировал на них. А вот сейчас я думаю, что в этих лесных прогулках под воздействием сгущающихся осенних сумерек, зарождающегося летнего утра, росы на листьях, проникновенной весенней тишины или благоухающего аромата ландыша во мне и

зарождалось то обострённое восприятие природы, благодаря которому я однажды начал писать, пытаясь максимально проникнуть в суть вещей и явлений.

X X X

Однообразным кажется медленно падающий снег, но если присмотреться, то каждая снежинка опускается не просто так, а с оглядкой, будто выбирая себе место.

X X X

К возможной встрече с любым зверем надо готовить себя загодя, порой – очень долго, а происходит она всегда внезапно.

X X X

Порой, созерцая обыкновенное распускание цветка, даже после многолетнего, самого кропотливого и пристального наблюдения за природой, не находишь для всего происходящего иного определения, кроме как – чудо!

X X X

Человеческая душа бывает наиболее свободной не в открытом поле или на берегу реки, а почему-то только среди деревьев, и именно в лесу.

X X X

Есть в молчаливой горбоносости лося, в его застывшей, словно окаменевшей, фигуре нечто такое, что отождествляет зверя с каким-то древним лесным призраком, беззвучно следующим через самые дремучие и таинственные чащи, и остающимся недосягаемым.

X X X

Иногда мне начинает казаться, будто я вижу ветер, который неистовствует над низиной таёжной реки, взлетает над высокими старыми елями, и я, не двигаясь, провожаю его глазами, впитывая всем своим существом, пытаясь запомнить, но как только ветер исчезает, перестаю думать о том, как он выглядит.

X X X

В лесу бывает, что кто-то вроде позовёт тебя, а ты сразу встрепенёшься, оглянешься и, осмотревшись, будто отойдёшь от колдовского сна, который мешал тебе жить.

X X X

Весной, в половодье, лиса не трогает зайцев, оказавшись с ними на плавучем острове: в эту пору все звери спасаются от беды вместе.

X X X

Когда приходит лето, кажется, что оно невозмутимо воцаряется на целую вечность!

X X X

Умение довольствоваться малым, что чаще проявляется в лесу, есть истинное понимание жизни, то есть – возможность всегда чувствовать себя счастливым.

X X X

Любовь человека или сохатого по своей сокровенной сути ничем не отличается одна от другой: взгляд, прикосновение, соединение и полное слияние.

X X X

Природа так распорядилась, что даже птицы одного семейства, например, синички, сильно разнятся между собой: московка и длиннохвостая, хохлатая и гаичка, ремез, большая, усатая и лазоревка… Но все они предназначены для одного – тихонько насвистывать в нижнем пологе леса, перелетать с дерева на дерево, крошить еловую шелуху на снег.

А ещё быть беззаботными в мороз, и одинаково в любое время года не унывать, в тоже время ни на миг не исчезая из поля зрения человека, всегда находясь поблизости с ним и в лесу, и в деревне. Не для того ли, чтобы смягчить зимой наше сердце и, не повторяясь, радовать неизбалованное восприятие, делая его богаче? Мала синичка, да ноготок остёр!

X X X

В первой ледяной лужице крестит весна апрель, и он на весь свой срок становится звонким и чистым!

X X X

Ни у одних птиц не встретишь такие великие побоища, как у крохотных воробьёв.

X X X

Пурга, застав в дороге, не голосит, как метель, надсадно в спину: «О-о-ой-й, возврати-ись!», а налетает мгновенно и, ослепив, просто забирает.

X X X

Иногда такое простое и обаятельное устройство русской природы бывает непонятно самому русскому человеку, так что он ведать ни ведает, как всё это объяснить…

Вот течёт тихая речушка, над ней, по склону невысокого холма, прилепилась махонькая деревенька, и тут же разлёгся важный лесок, а что там, в лесу, не ясно: то ли ягоды и грибы, то ли волки…

Но в душе всегда почему-то радуешься этому ничем не примечательному виду, как какой-нибудь неожиданной и очень желанной находке, и ничего иного не желаешь.

X X X

Увидел однажды, что медведь, то и дело, приседая на задние лапы, очень смешно, по-бабьи, ходит вокруг дерева и примеривается, как бы половчее его задрать. Но я даже не помыслил при этом улыбаться, а только отрешённо наблюдал, не в силах оторвать глаз от зверя.

X X X

Всегда кажется, будто в ночном лесу живёт нечто, смотрит на тебя, знает всю твою подноготную, но никак себя не проявляет.

X X X

После своенравной зимы, не желающей сдавать своих позиций, весна представляется такой же строптивой, то опережая саму себя, то отставая, и только лето всё выровняет и успокоит, отчего и на душе, наконец, воцаряется благостное умиротворение.

X X X

Особенно восторженными выглядят вершины сосен перед заходом солнца, когда ожидают прилёта красавцев глухарей и золотистых глухарок.

X X X

Осенью не выходишь на двор посмотреть – чисто ли небо, а принимаешь всё происходящее в природе как должное.

X X X

В июне дни ложатся, удобнее укладываются,
в июле – растекаются,
в августе – приподнимаются к небесам,
в сентябре – они готовы куда-то лететь,
в октябре – тихо растворяются повсюду, они везде и нигде,
в ноябре – чего-то ждут, затаившись,
в декабре – начинают робко показывать себя,
в январе – уже подбоченившись, чуть ли не пляшут,
в феврале – мятущиеся, не находят себе места,
в марте – пронизывают собой,
в апреле – обмякают, много и не по делу плачут,
в мае – вообще теряются, но далеко не убегают, к началу лета, наконец, обретая покой…

X X X

В детстве, на глухом лесном озере, чернеющем своей таинственной глубиной, мы с деревенскими мальчишками бесхитростно забрасывали лесу с крупным тройником на самую середину, где гуляли у поверхности толстогубые голавли, и, зацепив их за бок или красный плавник, запросто выводили рыбу на берег.

X X X

Весной всегда кажется, что самое настоящее в твоей жизни – впереди, а всё предыдущее было лишь необходимой подготовкой.

X X X

Мне нравится смотреть, как волк, рысь или лисица при встрече с опасностью прижимают уши к затылку, будто выказывая робость и послушание, но на самом деле – это только обаятельное ухищрение зверей, призванных лесным богом выжить и молниеносно напасть, чтобы спасти свою шкуру.

X X X

Жестокая тишина морозных январских ночей, в преддверии радужного февраля, нисколько не угнетает, а уж если представишь себе ослепительный март,

то и вовсе воспримешь её за сказочно крепкий утренник, который хоть и обжигает так, что дух захватывает, но всё же несказанно веселит!

X X X

Притаившись в тени хвойных ветвей, ждёт кого-то крепкий боровик, но не торопится себя объявить.

X X X

Не каждому дереву осенью дано быть красивым… В отличие от берёзы с осиной, ольха свои листья держит крепко, до самой поздней осени, и что примечательно – опадают они почти зелёные, хоть и покоробленные. Ольха будто несёт в себе вечную молодость, не желая сгибаться перед непогодой.

X X X

Весеннее небо в апреле, как набрякшая почка: с каждым часом всё бухнет, наливается живительным соком, и вот-вот лопнет, а маленький куличок-бекас будто сшивает его своим неудержимым полётом, когда, радостно взвизгивая, всё крутится, падает и вновь взмывает в необозримую вышину.

X X X

Никогда лесная красота не стесняла мне от счастья душу, а только радовала и окрыляла.

X X X

Весной, на току, крылья и грудь у тетеревов отливают бархатистой синью, а хвост у глухаря – золотой!

X X X

На макушке розовеющей в лучах восходящего солнца сосны настукивал большой пёстрый дятел, и дерево звонко и мелодично стонало от переживания своей могучей зрелости… Обняв шероховатый ствол и приложив к нему ухо, я с замиранием сердца вскоре почувствовал этот сладостно музыкальный гул в самом себе, через меня стремительно ускользающий в глубь земли, и не в силах был оторваться от него.

X X X

Неумолимый октябрь остужает запахи, звуки, желания, а жизнь становится ещё загадочней и краше, чем весной или летом.

X X X

В мартовские морозные утра синие тени так заманчиво и уютно выступают на снег из-за широких елей, что хочется потрогать их руками.

X X X

Трава – это непрерывно текущий поблизости природный источник.

X X X

Из всех птиц только жаворонок в воздухе купается…

X X X

Затаенность сосняков, когда там нет глухарей, настораживает неожиданной омертвелостью.

X X X

Осенью обычно бредёшь наугад, больше глядя под ноги, весной – устремлено летишь, не чувствуя под собой земли.

X X X

Только про зайцев почему-то можно сказать, что у них – народ, тогда как у лис – племя, у медведей – род, у волков – семейство, у оленей и кабанов – стадо, а барсуки и вовсе отшельники!

X X X

Звери и птицы живут настоящим днём, вкладывая в него всё своё жизнелюбие.

X X X

Бродя по лесу, животных обычно почти не слышишь и не видишь, но всё время сталкиваешься с немыми свидетелями богатой лесной жизни. То обнаружишь старый выцветший рог, когда-то сброшенный сохатым, то красивые перья птицы, разодранной хищником, то осиное гнездо или колоду, растормошённую медведем в поисках лакомых яичек, и эти немые свидетели

порой рассказывают о лесе неизмеримо больше, чем непосредственно его обитатели.

X X X

Забавные повадки медведя вполне соответствуют его не простому характеру.

X X X

Когда шагаешь по весенней дороге, ветер всегда дует навстречу.

X X X

Отдалённое дыхание осени порой навевает печаль более неизъяснимую и тяжкую, чем её самая слякотная пора.

X X X

До самых крутых морозов сохраняет сирень изумрудные листья и, если бы не долгая зима, кажется, зацвела бы под Новый год!

X X X

Я предполагаю, что волк и лисица могут улыбаться, но вряд ли над кем-либо потешаются.

X X X

Идя по сырой лесной дороге, усыпанной хвоей и сосновыми шишками, приятно ощущать, как они пружинят под сапогами, и земля совсем не ощущается.

X X X

Если привелось наломать елового лапника на постель у костра, или не удержался и порадовал себя по весне букетиком медуницы, то извинись перед растениями, поблагодари и пообещай, что сам когда-нибудь явишься для них источником жизненной силы.

X X X

Каждое осеннее утро является к человеку с обновами, но у осины – самое богатое воображение.

X X X

В начале апреля столько всего встретишь в лесу за целый день, что и рассказал бы об увиденном, да некому… Но никогда не сможешь объяснить кому-нибудь в городе, как упоительно пахнет там весной, талым снегом и хвоей.

X X X

Глухарь, в самый разгар тока, что было сил точит и щёлкает, порой даже хрюкает и щебечет, а чего-то главного у него так и не выходит. Это понимаешь, когда заканчивается очередное колено песни, и его хочется продолжить… Но глухарь всё равно пробует, не перестаёт надеяться и, надо думать, своего добьётся.

X X X

Зимняя луна и падающий снег умиротворяют лучше любого человеческого слова.

X X X

Когда увидишь, как рысь мягко спрыгивает с ветки, в первое мгновение с удовольствием представишь себя таким же красивым и ловким зверем.

X X X

Никто в лесу, наверное, и не замечает лаковые копытца лося, кабарги и уж тем более – крохотного оленёнка.

X X X

Любой цветок, если внимательно к нему приглядеться, так или иначе копирует солнце, и больше всего это удаётся одуванчику. Он дружит с солнцем, во всём ему подчиняется, и не может без него жить.

На ночь цветы сворачиваются в золотые корзиночки, словно стыдясь соперничать со звёздами, но поутру вновь открываются навстречу свету, и уже беззастенчиво слепят глаза тысячами маленьких солнц!

X X X

Не хочу уже просто выбегать на майский двор, подставлять лицо солнцу и слепнуть от его проникновенного света, а люблю замирать, сидя где-нибудь в тени ограды, и чутко вслушиваться во все доносящиеся с улицы звуки.

X X X

От осенней зари остаётся чуть заметно розовеющий след, а ты всё на что-то надеешься, смотришь на потухающее небо и не веришь, что незабываемый сентябрьский день вот так, просто, возьмёт и закончится, и его уже никогда не будет.

X X X

Никто, кроме обыкновенной крохотной синички, не в силах так тонко передать всю грусть онемевшего осеннего леса.

X X X

Любуясь по весне на умиротворённые, будто умытые ёлочки, вмиг заражающие своим мудрым спокойствием, сразу понимаешь, что голова всем деревьям в лесу – ель, а сосна, берёза или осина с ольхой лишь прекрасное ей дополнение.

X X X

Самое время искать волчье логово в самом конце весны, когда волк-отец или волчица таскают детёнышам зайчатину, и как только выпадет, на удачу, последний майский снежок, иди по его следу, и он непременно приведёт тебя к зверям.

X X X

Подлинная радость начинается тогда, когда я оставляю всякую внутреннюю борьбу с непроходимой лесной чащей, и предоставляю слово ей.

X X X

Печёт июльское солнце, земля пересохла, и цветы изнемогают от жары, но никогда они не пожалуются, не запросят воды, а терпеливо ждут дождика и улыбаются, чуть покачивая жёлтыми, белыми и золотисто-лиловыми головками.

X X X

Как на крыльях, качусь я по утвердившемуся к марту насту, лыжи еле слышно поскрипывают, солнце неуклонно зажигает снега, и мне видно всё, что происходит в лесу.

X X X

Черёмуха всегда кажется приподнятой над землёй, легковесной, даже с появлением глянцевых, аккуратно поблескивающих и исполненных тихого восторга ягодок, а вот калине надо широко рассесться и замереть так, обременённой алыми гроздьями и своими непонятными мыслями.

X X X

Манит зверя зимняя спячка, притупляет в нём звериное начало, и постепенно обнажает милое дитя, которому бы только уютнее уткнуться носом в собственный бок, причмокнуть губами и сладко заснуть.

X X X

В начале осени, рано поутру, выдаётся редкий денёк, будто вылитый из прозрачного синего стекла, разукрашенный позолотой, и хотя к полудню он незаметно истаивает, вся его красота не пропадает, а перетекает в пронзительно-синеющую сказочную даль.

X X X

Весной через растворённое окно в комнату с шумом врываются разные запахи и звуки, а из дома, наоборот, неслышно выскальзывают перезимовавшие в нём невидимые существа…

X X X

В лесу не хочется говорить даже шёпотом, что, кажется, раскалывает тишину.

X X X

Катится по коре еловая чистая смола, слеза слезой, но через какое-то время застревает в расщелинах, густеет и наливается мутновато-белёсой лечебной желчью.

X X X

Это только на первый взгляд представляется, что око у леса зелёное, потаённое, но на самом деле оно - царственное.

X X X

Мы любим и лето, и осень, и зиму, но весь год мечтаем о своей весне.

X X X

Качаются на розовеющих шишках бордовые клесты, и оживают еловые верхушки, сдержанно вспыхивая изумрудным огнём.

X X X

Всегда кажется, будто ты первым услышал жужжание пчелы в апреле.

X X X

Если природа не дала зверю возможности быстро бегать или постоять за себя, она наделяет его способностью притворяться мёртвым. Например, барсук проявляет невероятную выдержку, когда его треплют собаки, и не подаёт никаких признаков жизни в рюкзаке охотника, пока не окажется на свободе.

X X X

Крайне редко показывается в ноябре солнце, но даже тогда почти уснувший лес становится цветным.

X X X

Странное это было для меня время, когда я ходил лесами, чего-то искал и, находя, вновь устремлялся в свой поиск. Так, постепенно и незаметно, открывался себе я сам.

X X X

Подумаешь про ёлку – и уж обязательно вспомнятся и грибы, и белки, и рябчики с глухарями, и моховой ковёр, усыпанный ягодками брусники, и пунцовые шишки, будто ёлочные игрушки, замершие в её верхушке, и верная надежда, что найдёшь свою келью и под елью… Толкуй про сосновое, а еловое крепче!

X X X

Чуткий зверь не обращает внимания на разнообразные лесные шорохи, но сторожко замирает на тропе, услышав неожиданный пробег ветра по кронам деревьев.

X X X

Даже по знакомому лесу не ходят напрямик.

X X X

И горькая полынь источает тонкий аромат.

X X X

На только что вытаявшей опушке стоит пряничный дух и леденцовая свежесть!

X X X

И в зимнем безмолвии угадаешь волнение трепетного лесного сердца.

X X X

До середины апреля порой спит медведь в берлоге, шуба его подмокает, но он всё равно не встаёт, и уж только когда совсем приспичит - с великой неохотой выбирается наружу.

X X X

Умершие от старости или поваленные бурей деревья в лесу ничуть не жалко, тогда как в городе они вызывают необъяснимые переживания, боль и тревогу.

X X X

У леса своя жизнь, у людей своя, но лес, в отличие от человека, всегда и для всех открыт.

X X X

Только на миг появилась у опушки огненная лисица, чуть повела носом – и сразу тебя охватила неописуемая радость!

X X X

Невозможно утолить потребность вдыхать хвойный аромат, и чтобы избавиться от этого чарующего колдовства, вынуждаешь себя отказаться от него.

X X X

Без страха взираешь на лениво шествующую по просеке рысь, и невольно переживаешь вместе с ней всю её величественную красу.

X X X

В лесу хорошо думать о чём-то одном, и всегда додумывать до самого конца.

X X X

В ольховнике или осиннике ольха всегда теснит ольшинку, а осина – осинку, но вот в березняке, как бы кучно не росли между собой деревья, никогда не возникает ощущения, что берёзы толкаются и мешают друг другу.

X X X

Хорошо ходить по лесу, и где-то поблизости ощущать лося или медведя.

X X X

Как бы ты ни был бескорыстен в отношении к лесу, он всё равно отблагодарит за твои душевные и физические затраты.

X X X

В конце лета, под самую осень, рык из звериной утробы вырывается особенно протяжно и звонко.

X X X

Буйный шиповник цветёт у края дорог подобно розовеющему прибою, что подкатывает к морским берегам, но никогда не нарушает омываемой им границы.

X X X

В погожие апрельские сумерки, под вечер, молодой свет весны никак не хочет уходить, без устали роится снаружи домов и настойчиво пытается проникнуть внутрь… Так велика сила его нерастраченной жажды жизни!

X X X

Произносить слово «цветы» весело.

X X X

Часто бывает так: природа касается человека своим божественным крылом, но он не готов к её восприятию, так как не потрудился душой, и оттого суетится, бегает, восторгаясь увиденным, а обрести радость не может.

X X X

Представляя скитающегося в лесной чащобе медведя, я никогда не воспринимаю его как страшного и свирепого зверя.

X X X

Поздняя осень… На дворе холодный ветер и моросящий дождь, слизкая земля и жуткая темень, а на душе много тепла и света.

X X X

Даже забравшись в самую глубину дремучего леса, нелегко предаться переживанию полной тишины, непрерывно простирающейся вокруг и в нас самих. Восприятие уже сместилось, но мысли ещё присутствуют, и не так просто наслаждаться тем, что с тобой происходит, ощущая, как протекает рядом Мироздание. Полное слияние с ним происходит только с осознанием себя.

X X X

Иной раз пурга так разгуляется, неудержимо задувает навстречу, пронизывая насквозь, что можно наклониться на неё, почти лечь, и не упадёшь.

X X X

Когда молодой Шопен создавал свои неподражаемые ноктюрны, за окном у него, наверное, бушевала не весна, а безудержная метель.

X X X

То, что самый ценный жир у медведя, по мнению знатоков, сосредоточен в подошвах, объясняется, наверное, его неприхотливым образом жизни, который предполагает неспешное бродяжничество по цветистым лугам, укромным болотам и чудодейственным лесам, где ещё сохранились дикие пчёлы, муравейники и необыкновенная лесная тьма.

X X X

Старый лес всегда величаво неподвижен: он всё видел и познал.

X X X

К весне всё в лесу ещё укрыто чистым снегом, но вкусный запах свежести появляется, только когда с ветвей сорвётся мокрая снежная глыба и, шлёпнувшись, разлетится прозрачными брызгами!

X X X

С детства помню, что натруженные ладони бабушки всегда пахли нагретой на солнце полынью.

X X X

Часто во сне мне видится почему-то ночной лес, залитый лунным светом, и будто я стою в этом лесу, свет пронизывает меня насквозь, и нет никакого страха перед обступающей темнотой.

Но как отправлюсь на самом деле по ночной дороге в нескончаемую лесную чащу, то тьма только сгущается, лунный свет отсутствует, и всё более растёт непонятная, стесняющая отчуждённость, что, впрочем, тоже постепенно становится приятной.

X X X

Грибы кажутся созревшими плодами огромного дерева, уходящего корнями в самую глубь земли.

X X X

Иной раз звери прямо выбегают на меня в лесу, по-видимому, чувствуя моё хорошее отношение к ним, а может – не замечая ничего плохого.

X X X

В лесу даже в минуты самого высокого физического напряжения не перестаёшь замечать все происходящие вокруг перемены.

X X X

С наступлением марта, особенно в оттепель, от леса исходит сырой аромат снега, талой коры и хвои, который поначалу крадётся к жилью человека мягко, по-кошачьи, но к концу апреля просто ошеломляет.

X X X

Незаметно пропадут яркие первоцветы, притихнут восторженные птицы, и лёгкую весеннюю радость вдруг сменит тяжёлая ответственность за весь предстоящий год.

X X X

Всякий зверь, в первую очередь, жаждет не расправы, а покоя.

X X X

Вот ведь что интересно: за полвека жизни у меня накопились достаточно определённые отношения ко многим зверям, птицам и растениям, которые я постоянно пытаюсь, как можно более точно, выразить, максимально приблизившись к пониманию их глубинной сути…

Но даже в своём утвердившемся знании, проверенном за годы неутомимых наблюдений, порой совершенно теряюсь при довольно простой мысли: а почему любой цветок, в пору своего весеннего или летнего расцветания, возбуждается, и у него даже поднимается температура?!

X X X

Только человеку дано прославлять синие глаза марта, тогда как сам месяц просто смотрит и сияет.

X X X

Волчий вой и разбойничий свист бури родились в единой утробе.

X X X

Поздняя осень в лесу… Какая ещё пора может быть более грустной и, тем не менее, самой милой для человека, привыкшего бродить с ружьём по нехоженым тропам, никого не убивая?!

X X X

Ныряю в каждый летний день, как в июльский, разомлевший от жары деревенский пруд, и всё не могу в нём наплескаться, пропитавшись, наконец, его бесконечным довольством.

X X X

После первого весеннего грома дождь всегда радостный, напористый, но у него ещё нет желания ластиться к земле.

X X X

Утраченная человеком способность удивляться в лесу, рано или поздно, возрождается.

X X X

Осень в деревне тем хороша, что чувствуешь, как быстро и сладко утекает куда-то жизнь, а ты будто ничего не теряешь.

X X X

Матёрый волк, который замыкает хвост стаи и внимательно стережёт её тылы, давно забыл, что называется жалостью к самому себе, и именно поэтому проявляет её и к прибылым, и к переяркам, и к самой волчице, идущей впереди.

X X X

Умереть – это значит, подобно дереву, принести вкусный и здоровый плод, которым, на своё счастье, смогли бы воспользоваться другие.

X X X

Любовь к природе рождается не в лесном краю, а в душе, если она привыкла трудиться.

X X X

После первого выпавшего снега деревья предстают в двойном изображении – белом и чёрном, и этого достаточно, чтобы всё вокруг ожило…

X X X

Весенний простор земли так огромен, что боишься дышать и только вкрадчиво вслушиваешься в своё сердце: оно сейчас для тебя и небо, и воздух, и неудержимая вешняя вода.

X X X

Ничего не ответишь каркающей вороне, стрекочущей сороке, возвещающей о чём-то сойке, и только ухающей в сгущающихся сумерках сове тихо промолвишь: «Здравствуй, сестра!», а если неподалеку подаст голос волчок, тихо промолвишь: «Серый брат…»

X X X

То зажигаются, то угасают ночные светлячки в весеннем лесу, будто звёзды вспыхивают между деревьями… Вроде бы, ничего особенного не происходит, а печали – как не бывало.

X X X

Листья цветка трепещут при малейшем ветерке, но не дрожат.

X X X

В сентябре, у костра, и чай воспринимается огненным и ароматным, как пылающая осень.

X X X

Есть ветер на земле, а есть – в небесах… Но как тот, так и другой рождены из стремления радоваться и созидать, проникая в человеческое сердце.

X X X

Какими бы заслугами или огрехами ни обладали всем нам известные звери, но у волка хвост в народе всегда назывался «поленом», а у зайца – «цветком».

X X X

Лягушки по весне орут свои дикие песни.

X X X

Оглушённый пережитым в лесу страхом, человек, сам того не подозревая, становится более глубоким.

X X X

Осенняя темень тяжела медвежьей поступью и смрадным дыханием зверя.

X X X

Служить богам рек, холмов, гор, лесов и родников – значит, служить самому себе.

X X X

Иной августовской ночью, с полной жизненного сока светлой луной, кажется, что волки не воют, а поют.

X X X

Бывает, талая апрельская вода проскальзывает в тебя мутновато-дурманящим холодным настоем, ничуть не веселя, но всегда невольно хочется думать, что любимая женщина непременно принесёт с собой аромат чистых апрельских дождей.

X X X

Лес хорош тем, что, идя по нему, не замечаешь, как втягиваешься в его жизнь, и она, так же незаметно, становится и твоей.

X X X

Посмотришь на осиновый мысок, мягко выплывающий в озимое поле, и так и пахнёт заячьим теплом.

X X X

Пребывание на глухарином току – это свидание со своим далёким детством, с какой-то твоей древней жизнью, что когда-то была, но почему-то совсем забылась.

X X X

Пока ещё не облетел с деревьев весь лист, но лес стоит уже задумчивый и печальный, только оранжевые осинки напоминают в нём весёлых и беззаботных детей, что то и дело куда-то перебегают, прячутся и чуть слышно смеются.

X X X

Вкус лесной ягоды или гриба естественнее самого откровенного желания человека.

X X X

Сирая, молебственная осень покорно сутулит плечи, как бедная инокиня, а неугомонный дятел-желна, подобно очумелому звонарю на колокольне, стучит настойчиво, даже зловеще… Так осень, нехотя, возвещает о своём уходе.

X X X

В весеннем круговороте может показаться, что капель торопится, бесперебойно отсчитывая время долгожданного пробуждения природы, на самом же деле она невероятно терпелива.

X X X

В глухомани звери ведут себя не так, как их сородичи, что держатся неподалёку от человеческого жилища.

X X X

Древние леса были девственны, полны зверя и птицы, но без человека выглядели, наверное, очень пустынно.

X X X

Растения с крупными цветами растут обособленно, свободно, даже чуточку заносчиво… Те же, кто незаметен и мал, стоят вплотную, лист к листу, и всё это лишь для того, чтобы радовать.

X X X

Разложишь обычную карту любого лесного района, и вскоре обо всём позабудешь, прочитывая таинственные названия здешних мест: Сергинцы, Воеводинка, Ветляны, Сова, Кутамыш, Кедровка, Таборы, Олени, Шадейка, Волокушино, Задорная, Кулига…

X X X

В осенних лесах очень далеко видно, облака же стоят над остывающей землёй совсем низко, но остаются незамеченными.

X X X

Жду весну терпеливо, с затаенной радостью, потому как знаю, что она обязательно проснётся, и на высокой чистой ноте зазвенит во всём, не минуя и мою, истосковавшуюся по ней душу.

X X X

Только у зайца в лесу не бывает постоянного жилья: сегодня он здесь, а завтра – где придётся. Живёт, говорят, заяц на слуху!

X X X

Редко переживаешь такие моменты, когда весь заполнен лесом, отчего кажется, будто Бог - совсем рядом, чуть ли не в тебе, а он на самом деле – далеко-далеко…

X X X

Умереть, как настоящий лесовик, когда всю жизнь посвятил таёжной чаще, это значит в полном сознании, спокойно и вовремя уйти в неизведанную никому лесную даль, и не вернуться.

X X X

Гулкий звук удара лыжи о лыжу в ночном весеннем лесу отдаётся многократно и, наверное, перегоняет по дальности барабанную дробь дятла.

X X X

Поздней осенью лес нахмуривается со всей присущей ему мрачной неприступностью, но уже в декабре, в редкие солнечные утра, неожиданно оживает и многозначительно улыбается.

X X X

Кто-то всё время как будто поправляет меня, ненавязчиво подсказывая: вот светит солнце – и надо бы, не щадя себя, устремиться к нему… Или: вот дует ветер – и необходимо полностью отдаться на его волю… Но я не всегда доверяю этому внутреннему голосу и, в итоге, пропускаю в своей жизни прекрасные солнечные дни и незабываемо пронзительные вселенские бури.

X X X

Природа – это удивительная загадка, и человек ничуть не лучше всего, что его окружает. В течение всей своей жизни он должен накапливать те секреты и силу, которыми располагает обыкновенное растение, постепенно становясь с ним равным.

X X X

В лес ходи – волю свою блюди, ибо, поддавшись его силе, себя уже не сбережёшь.

X X X

Еле слышно шуршит от лёгкой позёмки заснеженная мёртвая трава, и становится так хорошо от ощущения безвременья, что она навевает… Так же неспешно идёшь по обочине подмёрзшей дороги, предвкушая скорое печное тепло, с удовольствием всматриваешься в окружающую природу и ни о чём не сожалеешь.

X X X

Юркий воробей – это всегда воришка, плут, забияка и драчун, но никогда он не бывает нахальным.

X X X

Только оттаявшая и ещё нехоженая весенняя дорога напоминает молодую женщину, что терпеливо ожидает появления самого неравнодушного и любознательного мужчины, бесстрашно отправляющегося в дальний путь.

X X X

Если настоящая темнохвойная тайга, состоящая из ели и пихты, просто угрюма, то лиственничная – безысходно тосклива, особенно осенью, когда перезревшая хвоя желтеет и осыпается.

X X X

Глазурный ледок в апреле тает в мгновение, как сахар, но внезапное появление нежной голубизны в нахмурившемся небе охватывает предощущением нескончаемого полёта.

X X X

Никакая весенняя трава не выглядит так загадочно и свежо, как осенняя озимь.

X X X

Часто в лесу я переживаю ощущение, что как будто меня нет, и происходит это, наверное, благодаря постоянному общению с природой, после которого никогда ничего не болит, мало того – силы твои прибавляются, и на душе всегда так легко и покойно, что ты сливаешься со всем окружающим, и растворяешься в нём.

X X X

До сих пор меня удивляет, что после суровой зимы приходит радостная весна, на деревьях распускаются листья, в глухом овраге весело бормочет талый ручей, в бездонном небе озабоченно постанывает бекас, повсюду расцветают подснежники, в густых зарослях ивняка жарко заливается соловей, душной ночью квакают на болоте лягушки, а лес становится царственным.

X X X

Если ты встречаешь в лесу то, что останавливает тебя, и ты любуешься увиденным, позабыв обо всём, у тебя не возникает желания не только идти дальше, но и двинуться с места, и ты готов простоять так, кажется, всю жизнь, значит, всё это уже жило в твоём сердце. Оно отражает красоту того мира, в котором ты родился и рос, а мир – это всегда отражение нас самих, и потому встреченное в лесу – и твоя душа, в которой и звёзды, и деревья, и звери, быть может, также обнаруживают себя.

X X X

Не стоит обижаться на весну, когда она поманила и бросила, а надо терпеливо дожидаться её очередного приступа восторга, и радоваться хотя бы мимолётной милости, которой она всех одарила.

X X X

Может быть, только раз в году, когда свежесть весны незаметно перетекает в летнюю разомлевшую дородность, сердце моё на какое-то время совершенно успокаивается, и обо всём забывает.

X X X

Люди веками собирают в лесу бесчисленные корзины боровиков, рыжиков и маслят, охапки лечебных трав и цветов, туески черёмухи, земляники, морошки, увесистые кошели орехов и … уходят, так и не поблагодарив его.

Но лес, одаривая всех своим добром, не ищет благодарности, потому как верит в людей, терпеливо ждёт их и надеется, что они вернутся с открытой душой.

X X X

В своём искреннем устремлении проникнуться жизнью возрождающегося по весне леса, ты порой готов пожертвовать чем угодно на пути к нему, но вот осенью листья опадают с деревьев, птицы улетают на юг и уже зарядили нескончаемые холодные дожди, а ты вынужден, не смотря ни на что, жить полной жизнью.

X X X

Переливающиеся трели невидимого в весеннем небе бекаса более трепетны, чем бьющийся на ветру листочек или вырывающийся из-под снега ручеёк, но именно они есть пик восторженного восприятия пробуждающейся жизни.

X X X

Порой мне кажется, что иному дереву, роняющему свои плоды, их необычайно жаль, в отличие от листьев, которые оно теряет безо всякой печали.

X X X

В зависимости от ветра, снега, дождя и солнечного тепла хвоя на деревьях благоухает по-разному.

X X X

Шелест травы, как ни странно, напоминает не укромную поступь животных, а счастливые детские возгласы и смех.

X X X

Весной всё время хочется куда-то бежать, боясь не успеть, и ты торопишься, бежишь, но никуда не успеваешь.

X X X

В жизни мы порой не сразу осознаём, что к нам приходит большая любовь… Так и я не распознал этого, когда впопыхах, ещё в детстве, подстрелил свою первую лесную птицу.

X X X

С последним листопадом шествие золотой осени прекращается, но начинается праздник пронзительно-вдумчивой предзимней тишины.

X X X

Только в первый зазимок так обворожительно, до головокружения, пахнет палым листом и отмирающими в земле кореньями… Эти запахи пронизывают всё насквозь, и кажется, что они жили в тебе всегда, но пробудила их осень.

X X X

Многие люди искренне недоумевают: зачем им нужен лес? Значит, для каждого сомневающегося человека ещё не наступил тот особенный весенний день, когда в душе начинает распускаться молодая листва.

X X X

Живя в клетке, птицы теряют яркую, красивую окраску, а вместе с нею и голос, в отличие от человека, которого неволя учит песням.

X X X

Где-нибудь за дальним перелеском застрекочут растревоженные кем-то сойки, и почудится, будто там собрались неведомые музыканты. Они настраивают на разные лады свои диковинные инструменты, и по лесу разносятся обрывки незнакомых и очень приятных мелодий.

X X X

Тихо, почти неслышно плывёшь на лодке вдоль берега глухой речушки, а навстречу высовывают из чащи головы лоси, пришедшие на водопой, и, кажется, дружески кивают, приветствуя тебя, и улыбаются.

X X X

Замечено, что хорошо поют именно малоприметные птицы: соловьи, славки, жаворонки… Природа, обделив их оперение яркими красками, наградила взамен звучной и звонкой песней. Но почему бы отменному певцу не быть ещё и

красивым? Обрекая птиц на невзрачный вид, природа, наверное, таким образом позаботилась о их сохранении.

X X X

Иной раз ждёшь от весны или лета очень многого, чего-то невообразимо чудесного, и оттого теряешь самое удивительное время впустую, пропуская настоящие, порой совсем неяркие, но истинные возможности для раскрытия своей души перед пустым величием воображаемого.

X X X

Перенова – какое замечательное лесное слово! Оно означает только что выпавший снег, случающийся обычно под утро, весною, когда душа приноравливается уютнее обустроить свою судьбу, а свежий снег ей в этом незаметно и ладно помогает.

X X X

Из всех певчих птиц русского леса у клестов самка откладывает яйца и выводит птенцов зимою. Во время кладки яиц и высиживания птенцов она не слетает со своего глубокого гнезда, сидит терпеливо в январскую и февральскую стужу, стараясь сохранить тепло. А самец заботливо кормит её, сидящую в гнезде, и, чтобы как-то облегчить её самоотверженную материнскую заботу, усаживается на вершине дерева, на котором свито гнездо, и услаждает подругу бодрой красивой песенкой.

X X X

Ничто так не трогает, как первая нежная зелень, первое дуновение тёплого ветерка, первые птичьи трели… И хотя каждую весну, с одной и той же последовательностью, всё неизменно повторяется, оно, как ни странно, никогда не надоедает.

С годами ты ещё более проникаешься особой важностью поры, когда жизнь только пробуждается. Не богатую осень, не мудрую зиму, не радостное и полное тайн лето, прежде всего, принимает твоё сердце, а весну.

X X X

Выросшие за ночь на пнях бравые папахи придают им притягательную неукротимость минувшего снежного бурана и, обретя красоту и силу, пни стоят, лихо подбоченившись, пристально вслушиваясь в потаённые шорохи замершего леса.

X X X

Вдохи земли явственно ощущаются весной, когда она вбирает в себя весь дух зарождающейся жизни, и происходит это шумно, восторженно… Выдохи же вкрадчивы и случаются только осенью, отчего воздух полнится еле улавливаемым перешёптыванием, полунамёками и угасающей надеждой.

X X X

Таинственность в природе на деле до такой невероятности проста и реальна, что порой это обескураживает, и потому не всегда следует без устали добиваться раскрытия природных тайн.

X X X

Летом над тихой уютной заводью в воздухе держится нечто неуловимое, но такое чудесное, что хочется жить, пытаясь угадывать его, и ни о чём больше не думать!

X X X

Я бы женился на весне, навсегда влюбившись в запах её шелковисто-дымчатых волос, зелёные лучистые глаза и воздушную улыбку.

X X X

Всегда человека неудержимо тянуло к непознанному им миру животных, птиц и деревьев… Человек стремился узнать о их существовании как можно больше, стараясь заглянуть в неизведанное, и обязательно открыть при этом то, что помогло бы ему самому в жизни, подсказало долгожданный ответ и единственно верный путь.

Чисто инстинктивно, должно быть, ищет человек контакта с животными, а обретя вдруг понимание их природы, может быть, даже язык, сможет ли содержательно сформулировать лесу свои вопросы? Спросит ли о счастье, вечных законах бытия, и о том, как жить ему в мире, или же ограничится частными сторонами их замкнутого лесного существования? Да и станут ли звери допускать такие разговоры, если даже человек обратится к ним на их собственном языке?!

Скорее всего, так и оставят в неведении, удалившись по своим неотложным, таинственным делам. И нужно положить немало сил, мужества, неутомимости и добра, чтобы зверь не отринул от тебя, а хотя бы на мгновение заглянул в твои глаза.

X X X

В осеннем прозрачном воздухе будто живёт нечто, появившееся после пролёта стаи, медленно растворяющегося тумана или падения только что оборвавшегося листа…

Отзвучали голоса пролетающих птиц, а это что-то осталось в воздухе. Не эхо, а после эха, то, что уже не слышимо, а чувствуемо нами.

Это осень… Её недвижимые тени, запахи и ощущения. Осень полна следов недавно истаявших событий и звуков.

X X X

Часто поездка в лес оказывается утомительным душевным странствием в желании, во что бы то ни стало, возродить себя в его глазах. Наблюдая гармоничную во всех отношениях работу его обитателей, ты вдруг открываешь собственную неустроенность в этом удивительном мире.

Появляясь на свет, освоив в нём первые шаги, повзрослев и утвердившись в своём здоровом физическом существовании, человек в душевном смысле напоминает, скорее, его бледную тень, какое-то неясное отражение бесконечных поисков и мук. Мучительно не находя ответа о причинах и смысле своего появления на свет, он безрезультатно тратит отпущенное ему природой драгоценное время на что-то пустое, не имеющее ничего общего с его истинной природой. Тогда, как каждый зверёк, цветок или птица приходят в этот мир уже наделённые опытом предыдущих поколений, без тени сомнения убеждённые в своей пусть незаметной, на первый взгляд, но такой необходимой правоте и пользе.

За что же человек обречён на этот тягостный путь познания смысла собственного появления в мир, в котором он может чувствовать, осязать и обонять всё живое, в тоже время не находя в нём достойного для себя места? Что это за жизнь, и кто, кроме самого человека, на неё согласится, если, быть может, только ему одному, на деле, и суждено разобраться во всех тяготах его земной судьбы?

И человек страдает и радуется на пути к своему возрождению, и обращает пристальное внимание к лесу, насыщая сердце и память его скрытыми секретами в надежде на то, что когда-нибудь лес, всё же, сжалится и отвернёт от него холод, непрекращающиеся испытания и печаль, распахнув ему навстречу свои радушные объятия.

X X X

Человек не может быть подобен птицам, в том смысле, в котором для них целиком заключена жизнь. Полёт человека – это вполне реальное и необходимое воспарение над самим собой, вернее, достойное только его, человека, продвижение в познании своей природы. А поскольку последнее невозможно без совершенствования, то рано или поздно у него появляются внутренние крылья.

Единственное превосходство человека над животными – его разум, в действительности может и не быть лучшим качеством, но именно он в силах оставить перелётных птиц позади, как бы высоко и далеко они ни залетали.

X X X

Робкая берёза обычно первой распускает по весне свои нежные листочки… За ней – более уверенная и мягкая липа. Всё время забывающийся в себе тополь и непостижимая на сюрпризы осина заслоняют собой незаметно нарождающуюся зелень лиственницы и первых цветов.

Так и в женщине: видимая робость и чистота на деле оборачиваются скрытой мудростью, искренним сопереживанием и силой.

X X X

Звери неправдоподобны для людей именно своей реальностью.

X X X

За все твои слабости нередко достаются тебе в лесу только заячьи хвосты, но и их надо ещё заслужить. Лес наполняет твою душу тайнами только в том случае, когда шёл ты к нему навстречу достойным путём. Слившись же с лесом воедино и ощутив в душе, хотя бы на короткий миг, его покой и мудрость, можно быть уверенным, что жил ты на земле до сих пор верно. И тогда окончательно пропадут границы, разделяющие лес и тебя, и даже надолго оставив его, ты уже не рискуешь потерять связующую с ним живую нить.

X X X

В апреле солнце целует более нежно, чем в июле.

X X X

И воздух, и вода, и деревья в лесу словно состоят из мыслей, которые они, время от времени перебирая, меняют.

X X X

Шум деревьев в лесу – это тоже его тишина…

X X X

Каждая поездка в лес начинается с транспорта… В городе к лесному человеку относятся с равнодушным непониманием, молчаливо и недоумённо

созерцая его амуницию и обитые камусом лыжи. Эта отчуждённость городских жителей неминуемо делает их далёкими и в понимании природы, а значит – самой жизни.

В пригородном автобусе сельские жители воспринимают твоё устремление как дело, с хозяйской точки зрения, нужное и, в глубине души, не осуждают за якобы пустую трату времени. Они шутливо подтрунивают над тобой: «Что будет – заяц или лисица?», и улыбаются добродушно, без злобы. Именно в простом деревенском народе живёт истинное понимание, в отличие от тысяч изо дня в день встречающихся и безвозвратно теряющих друг друга горожан.

X X X

В состоянии ли человек долго наслаждаться красотой в природе? Сила гармонии так велика, что одного дня обычно хватает, чтобы утомлённая человеческая душа наполнилась ей до краёв. Большего он выдержать не может, ибо вольный лесной дух неумолимо опьяняет сознание, чрезмерно пресыщая всякое восприятие.

Человек берёт от природы ровно столько, сколько требуется ему для восполнения в нём недостающей жизни, и чем чаще происходят у него такие сокровенные соприкосновения с миром леса, тем нерасторжимей его связи с самим собой. Редко повторяющиеся, пусть даже яркие и поразительные открытия постепенно стираются, не упражняя необходимое для жизни душевное здоровье.

Но выпить день до дна, не пролив ни капли, сумеет далеко не каждый: на это способен лишь тот, кто сам, подобно могущественной врачевательнице-природе, наполняет сердца людей неизбывной радостью и надеждой.

X X X

Весенней ночью почему-то всегда чудится, будто мутное пятно луны – это твоя не родившаяся любовь, что только ждёт своего пробуждения.

X X X

Музыка человеческих поступков идёт, несомненно, от души, не перестающей трудиться. Именно в поэзии её движений рождается то понимание, что изначальную мелодию следует услышать сначала в окружающей нас природе, а затем отыскать в себе.

X X X

Если человека, после посещения им леса, мучают сомнения, и он озадачивается вопросом: «Был ли я там принят?», значит, слияния с лесной чащей не произошло. Оно возможно лишь спонтанно, и вы, конечно, не озадачиваетесь по этому поводу. Понимание слияния приходит сразу и не требует какого-либо

подтверждения: просто так повелел ОТЕЦ-ЛЕС, и он явился свидетелем твоего подлинного переживания. Мы способны принять знания, если только готовы к их приходу.

X X X

Если вы хотите, чтобы божественная энергия стала для вас благословением, вы должны совершать над собою душевные усилия, то есть – изменяться к лучшему.

X X X

Волчица, преисполненная заботою о сохранении своего потомства, чувствует присутствие человека, когда он только входит в лес.

X X X

Буровато-малиновые клесты усаживаются исключительно на верхушки елей и поют свои незамысловатые для зимы песни неожиданно нежно и переливчато: «уить-трюиу-трюиу, уить-трюиу-трюиу, уиить…» Птицы преображают свои пронзительные голоса скрещенными между собой половинками клювов, так устроенными природой для более удобного шелушения крепких еловых шишек.

X X X

После многолетнего опыта посещения леса к радости своей приходишь к пониманию, что воспоминания о нём могут ублажать твою память, если только это было пережито тобой, но нельзя вообразить того, чего никогда не испытал.

X X X

Иной раз начинает казаться, будто осенняя луна, забравшись высоко на небо, не случайно подсказывает человеку, как ему надлежит достойно следовать по завораживающей дороге ночной жизни.

X X X

Апрель смотрит на мир серо-зелёными глазами в предощущении любви, тогда как март уже отсмотрел её своей ослепительной синью. Май же глядит на свет с восторженностью непрекращающихся птичьих песнопений… А ещё он – взор проникновенных и удивительно трогательных очей.

X X X

Июльский лес чуть ли не убивает многообразием запахов и наваждений, а разгорячённая на полуденном солнце хвоя жарко дышит ни с чем несравнимым ароматом…

Влажная душистость трав с рост человека, мягкая грибная прель, струящаяся от вывороченных корней под пологом старого леса, едко ударяющий в нос запах муравейников, коры и выцветших сосновых иголок - все эти божественные ощущения просто повергают человека. Они совершенно не передаваемы и не постижимы.

X X X

Удивительным покоем и равновесием в мире деревьев веет от освещённых солнцем стволов сосен, среди которых удаляется вглубь леса человек… Их неподвижные, словно светящиеся изнутри розовеющие стволы, кажется, останавливают время. Великое умиротворение снисходит тогда на землю.

X X X

Ночь была большая и грозная, как медведь, но с ней, почему-то, не хотелось расставаться…

X X X

Искусство, на деле, может оказаться лишь восхитительным обманом, но, в лучшем случае, корни его стоит искать в волшебных ритуалах птиц и животных.

X X X

Всеобъемлющая зимняя тишина в лесу – одно из его чудес. Её несказанно чарующий свет покоится в низких небесах, глубоких сугробах и уснувших деревьях. Свет этой волшебной тишины окрашивает их в белый цвет, подчиняя и растворяя в себе утомившуюся и пресыщенную жизнью зелень и желтизну.

X X X

Лес имеет самостоятельную, никому не известную душу. Человек всегда с затаенным удовлетворением это отмечал, и почему-то не шёл дальше своих ощущений. Как будто в полной мере обходился тем малым, чем уже обладал в общении с ним.

Но душа леса не переставала тревожить человека, и он, с замиранием сердца, наблюдал протекающую мимо лесную жизнь… Тогда лес чуть-чуть приоткрывал в себе то самое важное и необходимое, что определяло смысл его существования для не успокаивающегося и любознательного человека.

X X X

Глядишь в апрельский ветреный день на небо, выше жемчужно-серебристых, быстро сменяющих друг друга облаков, и представляешь себе огромные цветы недостижимой Вселенной.

X X X

После длительного общения с лесом всегда чувствуешь себя бессмертным и … одиноким.

X X X

Порой начинает казаться, будто чудесное равновесие природы сводится, в сущности, к тому, что всяк смотрит: как бы кого съесть. Но это только на первый взгляд. Главная же тонкость при этом определяется отпущенной каждому мерой, превышать которую недопустимо.

Таким «правом» наделяет себя только человек. В ущерб общей жизни, начинающей давать сбои в самых непредсказуемых местах. И в первую очередь, в самом себе.

X X X

Можно найти довольно убедительное предположение тому, что вечером вороны неизменно тянут в деревню, но вот почему сороки из неё в лес, остаётся загадкой.

X X X

Зимой всегда много восхода и заката… Бродишь по тихому зимнему лесу, смотришь, молчишь. Кругом царство бирюзы, порфира и нежного агата, а жемчужное небо можно вбирать в себя без конца и края.

X X X

Для каждого человека очень важно ощущение самого себя, а чтобы пробудить собственный ум и сердце, ему надлежит войти в лес. Жизненные примеры природы при этом могут легко завоевать его сердце, и он научится не бояться думать и чувствовать.

X X X

Настоящая святая вода – это чистые апрельские ручьи.

X X X

Бесполезно пытаться подчинить себе природу, потому как её величественная замкнутость никогда не позволит даже приблизить к себе уничтожающую силу, что, скорее, погубит самого человека.

X X X

Когда зажигается на небе первая звезда, люди и не подозревают, что это верный знак волкам: пора трогаться в свой нелёгкий ночной путь.

X X X

Если в апреле всё время смотреть вверх – будет казаться, что нет никаких времён года.

X X X

Зимой наиболее приятно вести записи… Успевая запечатлеть на бумаге как можно больше, с жадностью стараешься выговориться до наступления масляно-сонной весны.

X X X

Не может у животных инстинкт быть звериным в том понимании, в котором его привыкли воспринимать люди. Всюду в живой природе парность – наиболее высокая форма отношений, при которых самец никогда не предаст подругу, а она, в свою очередь, ни за что не оставит детей.

Нравственность применима, скорее, к животным, нежели к человеку, и это – их замечательная тайна. Всё же тёмное порождено социальным устройством человека – ничего такого в живой природе, вероятно, и не существует.

X X X

Сколько, интересно, нужно осуществить человеку полезного в жизни, чтобы полностью отработать своё пребывание на земле? Чем определяется этот долг? Какими делами и знанием? Что должна представлять из себя жизнь: с одной стороны – обыкновенная, а с другой – возвышенная?!

Наверное, на это уходит несколько его жизней, которые вмещаются во всеобщую, одну, и понимая это, всё предстоящее уже не видится человеку таким неосуществимым. Ему лишь следует правильно распорядиться своей единственной настоящей жизнью. Дорогой, неповторимой и обязательно счастливой.

Счастье, когда найдёшь в жизни для себя самое важное. Вот это важное и следует, несмотря ни на что, осуществить. Если ты не справишься с возложенным на себя жизненным обязательством, тебе придётся вновь насладиться восхитительной несправедливостью и красотой этой земной жизни в лице другого человека, собаки или глухаря, обретая недостающее знание.

X X X

Ни за что бы ни догадался, что обычный апрельский ледок имеет свойство увеличительного стекла: если его вовремя не разбить внизу ствола, он напрочь сжигает корневую шейку плодовых деревьев.

X X X

Сколько зимой не броди в округе, а не сыскать столько лисиных набродов, как вблизи деревни… Так привлекает рыжую кумушку дух куриного и гусиного жилья, что она пренебрегает главной опасностью – человеком!

X X X

До боли в сердце мрачнеют дали в октябре…

X X X

В природе, как и в человеческой жизни, всё происходит далеко не так гладко, как это, на первый взгляд, кажется. Чтобы создать спелый отборный лес, ей требуются десятки столетий, слагающихся из бесконечного множества сменяющих друг друга древесных стволов, из года в год неудержимо взметающихся к небу, перегнивших от них долговременных завалов, и ветров, образующих переносом семян новые лесные массивы, устремлённые к свету…

Благодаря этой невидимой для глаз работе природных сил земля когда-нибудь родит необыкновенный сосновый бор под облака, вековечную раскидистую дубраву или несравненную по красоте рощу белоснежных берёзок, налитых её живительными соками.

X X X

Волчьим оком светит в сумерках, вдали, обездоленная луна, зыбко видится за полем присмиревший лес… Всё сильней заметают и кружат в нём злые метели, заносят неуверенные санные пути.

По деревням дрожат, словно оледенелые зрачки, окна изб. Идёт по земле зима, и покажется вдруг, что всякий в ней, как старый ворон, одинок…

X X X

Иной раз день, проведённый в лесу, бывает так хорош, что не знаешь – как его пережить?!

X X X

Нередко человек, подобно животным, умело подлаживается под обстоятельства, чтобы спасти свою жизнь или достичь необходимой цели. Но должно ли подобное свойство проявляться в такой мере в человеке, и не означает ли это то, что он в какой-то момент оказывается наравне с животными?!

Человек не в силах оторваться от природы, вернее, преодолеть её в известном смысле, ибо природа в нём ещё очень сильна, а особенному её усилению, как ни странно, способствует разум. Неугасающий животный инстинкт, подстёгнутый изощрённостью мысли, порождает удивительную неразрешимость, вынуждающую человека, спасаясь, уничтожать.

X X X

Проснутся зелёные лягушки, запоют озабоченные дрозды, потянет над берёзками лесной кулик-вальдшнеп, разломится на груди апреля весна, возвращая на землю долгожданную для всех радость… «Ква-ква», - скажет она, и во весь рот улыбнётся.

X X X

Что заставляет людей примеривать зверей на свой лад?

Кому-то нравится выдра, медведь или рысь, кому-то – глухарь. Каждый, почему-то, ищет и находит в животных своё…

Может быть, прошлое? Или то, чего человек не в силах разгадать в себе в настоящем?!

В любом случае, он не может обойтись без живых примеров в окружающей его природе, и звери с птицами олицетворяют для него возможность обрести собственную исконную суть.

X X X

Человеку должно вернуть зверей и птиц на расстояние глаз, и с этой точки начать своё открытие их до сих пор непознанной жизни.

X X X

Сыплет осиновый, липовый и рябиновый листопад, и в лесу становится мягко, неслышно… В этой завораживающей дух тишине нет ни звуков, ни

мыслей, ни чьего-либо присутствия, но от этого не одолевает пустота, и твоё незаметное нахождение здесь полнится отрешённым созерцанием.

X X X

Первоначальная непорочность человечества унаследована им из неистощимого родника природы. Кладовая её так богата, что, умирая сердцем при жизни, каждый человек возрождается вновь в своём ребёнке.

X X X

От любых бед спасает удивительный мир природы, кроме предотвращения того дня, что уже никогда для тебя не наступит… Но даже в нём этот живительный мир останется и прольётся над тобой слепым дождём, заблестит солнечным лучом или прошумит вольным ветром в верхушках раскидистых сосен.

X X X

Чем чаще человеку удаётся найти в лесу такое, что смогло бы поразить и, быть может, даже повернуть жизнь иначе, тем больше он начинает опасаться этих открытий из-за их кажущейся конечности в приобретении неведомых дотоле знаний. Не подлежащая сомнениям убеждённость или опыт, когда он ограничен каким-либо не зависящим от воли человека обстоятельством, часто убивают энергию поиска, тогда как хочется всё же верить в беспредельную цельность природы, ибо в её неутомимом познании человек обретает для себя смысл существования. Каким будет его завтра, если человек доберётся до основных, не дающих ему покоя истин?

Хорошо, если эти знания позволят ему когда-нибудь заглянуть в новый, ещё неизведанный мир, который распахнёт перед ним неисчерпаемые возможности для радостного труда. Только бесконечность в открытии радостей бытия поможет лишить человека серости в его пребывании на земле.

X X X

Однажды, весной, я понял, что самое приятное для меня – возвращаться с глухариного тока в натопленный деревенский дом, который был подарен судьбой.

X X X

Ароматней земляники в июльском лесу могут быть только воздух, утро и жемчужная роса.

X X X

Важно ощутить гармонию взаимоотношений в природе, когда она быстро проникает в тебя и великодушно вводит в свой мудрый круговорот, что в полной мере недостижимо среди людей.

X X X

Человек, если захочет, всегда может услышать голос природы, потому что она говорит с ним на языке чувств.

X X X

Беззащитен заяц, чаще всего пуглив и осторожен, а всегда рад зимнему солнышку, сиянию синих снегов и сладкой осиновой корке.

X X X

Попав в лес, человек почему-то не терпит в нём соседства другого человека, и всяким образом его избегает.

X X X

Человек безрассуден, если в расцвете сил не предполагает возможного наступления смерти. Он должен жить так, чтобы всегда быть готовым к ней. Способность оставаться спокойным и мудрым сближает его с достоинством существования зверя.

X X X

Однажды, к своему удивлению, я обнаружил, что осенними листьями может пахнуть и … чёрно.

X X X

В мире животных разумность гораздо более универсальна и отшлифована природой до недосягаемой человеком простоты. Щепетильность принимаемых человеком мер по усовершенствованию своего рода выглядит очень невыгодно и убого на фоне жизни животных.

Так, право называться птицей обретает только перелетевший океан и породивший затем здоровое потомство. Перелёт – экзамен для духа и плоти, и тот, кто не преодолеет это испытание, не оставляет слабых птенцов. Своей уязвимостью он уже не будет обременять сородичей.

Человек, обнаружив в себе порок, из общего движения не выпадает, а старается путём недобросовестности и злого умысла достигнуть желаемого

сохранения, даже - превосходства. Изощрённость и ущербность его разума потенциально усиливаются при этом, а способность быть мудрым не развита в нём в той степени, чтобы предотвратить насилие, предполагающее вырождение.

В отличие от человека птицы поражают и восхищают своим совершенством, но даже эти неограниченные возможности они используют очень рационально. Часами парящий над лесом коршун обычно не машет крыльями, а использует силу и скорость ветра, умело лавируя в бесчисленных потоках воздуха.

X X X

Идёт весна… И всё вокруг – земля, птицы, деревья и небо в восторге от происходящего!

X X X

Тонет лиса по уши в рыхлом декабрьском сугробе, а никуда не деться – это её лесная обитель: холод, голод и куриная лавочка.

X X X

Вошёл в лес охотник – и всё в нём насторожилось.

X X X

Природа поступает очень мудро, компенсируя возможность беспрепятственной деятельности человека его неминуемой расплатой за поступки, осуществлённые им против неё, то есть – вопреки здравому смыслу.

Чем ниже находится живое существо на эволюционной лестнице, тем сильней должно быть воздействие, чтобы болевая реакция стала очевидной. Боль, которая ожидает человека, может оказаться для него невыносимой.

X X X

Да, я – апрель… Но почему я стремлюсь к тому ноябрьскому ветру, что однажды ночью унёс меня от земли?

X X X

Неизвестно, когда глухарю приятнее набивать зоб: осенью – осиновым листом и сосновой иглой, или весной – ольховой и берёзовой серёжкой, подснежником и молодым хвощом? Глухарь, должно быть, рад любому времени года, если оно не тяготит его своей несправедливостью, исходящей, на деле, только от человека.

X X X

В глазах животного над другими чувствами чаще всего преобладает дерзость, предполагающая отчаянное противление людскому варварству и нахальству. Не желая иметь с человеком ничего общего, звери только оставляют его в пугающей безвестности, словно пронзая своей неукоснительной лесной правдой. Дальше этого отторжения себя от природы человеку никогда не продвинуться в узнавании животного мира, пока он сам не обратится в очаровательного, дикого, но мудрого зверя.

X X X

Как мне нравится идти навстречу жестокой апрельской вьюге, что случается даже в самый разгар весны, и знать, что назавтра обязательно выглянет солнце!

X X X

Для любого человека лес хорош тем, что в нём можно свободно выбирать для себя самое нужное, без чего не обойтись в людской жизни, именно сейчас. Может быть, это будет сказочная жуть потаённой лесной тропы, светлая земляничная поляна или укромный перелесок с крепкими боровиками… А кого-то увлечёт нескончаемость первозданной тайги, скрывающей под своим таинственным пологом радости и печали дикого звериного мира.

X X X

В лесу иногда забываешься и идёшь туда, куда несут тебя ноги… А потом вдруг обнаруживается, что лес всё понимал про тебя и направлял в твоих неясных устремлениях, и ты подчинялся ему беспрекословно, потеряв счёт времени и ощущение пространства. Лес выводил тебя именно к тому, о чём ты больше всего мечтал, и чего даже не решался попросить у него.

X X X

Бывает так, что душа ожидает снегопадов, а как только они зачастили, она уже грустит о первых капелях, и это выказывает в человеке неудовлетворённость его собственной жизнью, непонимание того, что всему в жизни – своё время, и его необходимо принимать с радостью и достойно.

X X X

Люди и не подозревают, что Господь даровал им жизнь на равных правах с животными и птицами. Те немногие, кто догадываются об этом, минутами живут мудро, хотя и ходят подолгу разочарованными. Разочарование их допускает такое

сознание, что минуты эти не способны изменить мир. Но имея всё необходимое для постижения таинственной звериной жизни, человек всегда оставляет за собой возможность к духовному возрождению.

X X X

Ни в небесной лазури апреля, а в непроходимых сугробах января постигаешь потаённую суть лесной жизни.

X X X

Глаза весны в апреле полны ручьёв…

X X X

Устройство природы таково, что она обязывает человека, в первую очередь, к обыкновенному терпению.

X X X

Тысячи сладких поцелуев природы заключены в глотке берёзового сока, но она ещё никогда и никому не отдавала всё без остатка. Природа имеет свою тайну, чтобы не растратить накопленное в себе величие и богатство: иначе бы её давно и бессовестно опустошили.

X X X

Когда всё в жизни человека складывается удачно, судьба благоволит к нему, значит, он всё делает правильно, угадывая оставленные для него Существованием знаки. Одно из самых запоминающихся знамений – сокровенное слияние с лесной чащей, её полное принятие… Человеку на своём жизненном пути совершенно невозможно обойтись без неё, лучше кого-либо преподающей ему знание, развивающей душу и остающейся при этом вечнозелёной.

X X X

Животные обладают свободой, которой так не достаёт человеку.

X X X

В отличие от сытых лесных голубей вяхирей, что любят подремать и погреть свои грудки на ласковом солнцепёке, наливаясь его мягким пурпурным цветом,

удобно расположившись на одиноко замершей посреди поляны старой осине, глухарь набирает краски в сумраке потаённой сосновой чащи.

X X X

Странно, но в апреле ты не ждёшь, когда распустятся нежные листья и первоцветы, хотя и любуешься ими, а всё больше проникаешься свободным дуновением вешнего ветерка, что и приносит в нашу жизнь восхитительные перемены.

X X X

Хорошо известно утверждение Солженицына о том, что в тюрьме интеллигент способен выжить только достаточно отупев, огрубев в своих чувствах. Не схоже ли подобное состояние с положением животного, у которого простые и понятные инстинкты заменяют неприкаянные людские мысли, и не легче ли ему по этой причине переносить невзгоды лесной животной жизни? Так бы и человеку, ибо внутренние пустые метания, наверняка, когда-нибудь его погубят.

X X X

Природе свойственно удивительное внешнее обаяние, но только благодаря внутренне присущей ей твёрдости, она, отчасти, и воспитывает мир человека. Сознание же человека удивительно трагично, потому как человек не приучился к непрестанной внутренней работе, незаметно и ежечасно совершаемой в природе.

X X X

В лесу хорошо и чисто вокруг, но это лишь внешний мир, а внутренний неимоверно насыщен и сложен.

X X X

Всегда ли для собственного удовольствия поёт соловей?!

X X X

Почувствовав себя однажды апрелем, я понял, что в один миг могу рассмеяться или заплакать.

X X X

Человеку присуще обожествлять природу, придавая несвойственные ей черты, тогда как у неё имеются свои добрые стороны, очень приятные и обаятельные, через которые человеку и следует примериваться к собственной жизни.

Это – неназойливое и надёжное природное добро, воплощённое в тысячах маленьких жизней. Непременное ангельское терпение, претворяющееся в заботах родителей о будущем всех этих звериных существований, и, в связи с этим, врождённая и спокойная уверенность в предназначении собственных жизней.

А как не упомянуть верность обитателей леса по отношению к друг другу? Вдобавок - высокая организация природного бытия, хотя и повторяющаяся от поколения к поколению, но не дающая сбоев. Всё это, и ещё многое другое, что, как ни странно, призвано привести человека к духовному обновлению.

Животный мир природы ему в этом – необходимая опора, что постоянно присутствует рядом и ненавязчиво напоминает о себе. Непростительный грех – не замечать его. Ещё более опасный путь – сведение неподражаемой природы на нет.

X X X

Можно годами ходить в лес, довольно часто натыкаясь на волчьи следы, и ни разу не увидеть серого разбойника. Так устроен этот зверь в отличие от лисы, лося или медведя, что хоть изредка да посчастливится наблюдать.

Волк держится совершенно обособленно, скрытно, заведомо предугадывая малейшую опасность, и тотчас исчезая из поля зрения человека. В этой удивительной способности проявляется ум животного, призванного лесом к сохранению своей жизни более, чем какое-либо другое животное.

X X X

В каждом из нас живёт природа. В одном – неудержимым волчьим воем, в другом – трубным журавлиным провозвестием, а в ком-то – таинственной глухариной песней… Счастлив тот, кто отгадал её в себе и принял.

X X X

Лес по-своему разумен, и разум этот, на деле, оказывается более здоровым восприятием существующей вокруг жизни, чем не внушающая доверия убеждённость человека.

X X X

В неведомой глубине леса живёт неведомое чувство природы, лишь иногда улавливаемое человеком, но являющееся постоянным сюжетом его неясных помыслов. Человеку очень хочется верить, что когда-нибудь он преодолеет своё незнание, и всё это неведомое и такое притягательное рано или поздно откроется

ему. Ведь лес неравнодушен к неутомимым людям, и дарит им за преданность к собственной жизни свои чудесные тайны.

X X X

Даже если ошибёшься в своей любви – апрель всё исправит.

X X X

Я рано понял то, что должно было понять в отношении моих частых поездок в лес: в таких случаях следует оставаться непременно одному. Только тогда наступает спасительное обретение.

X X X

Чутко прислушивается к неугомонной жизни весеннего леса таинственный глухарь и, наверное, совсем не мечтает о лете.

X X X

Иногда мир лесных обитателей кажется скучной и давно исчерпанной истиной. Самое необычное тогда становится привычным, оно просто надоедает.

Но невозможно вытолкнуть из себя природу: рано или поздно в душе просыпается ощущение счастья, когда видишь, как она живёт.

X X X

Злые метели звериному чуткому сну не помеха.

X X X

Больше всего на свете мне нравится собирать из общеизвестных слов музыку чудесных мыслей. Апрель, как никакой другой месяц, помогает в этом. Только в апреле постигаешь: в тебе есть всё для того, чтобы стать по-настоящему радостным и счастливым.

X X X

Когда ты чего-нибудь очень долго ищешь и не можешь найти, к тебе приходят звери и птицы… Это могут быть книги или фильмы о них, рассказы бывалых людей, надолго связавших свою жизнь с миром леса, твои собственные встречи с лесными обитателями: они – подарок судьбы. Их появление – это напоминание о том, что ты должен сделать как человек. Например, не уставать

приобретать для себя достойное знание природы, и не быть к ней пренебрежительным.

X X X

Горечь хвойной иголки глухарю слаще любой ягоды.

X X X

Трагедия каждого человека заключается в невозможности или чрезвычайной сложности установления подлинных взаимоотношений с другими людьми. Она основана на серьёзной ограниченности веры в себя: человек в состоянии быть собой пока только в уединении.

Редко, кто способен преодолеть собственную отрешённость и выйти за её рамки, открыв свою душу. Но рано или поздно он должен их превозмочь, и в этом ему постоянно помогает природа.

X X X

Почти у самой деревни наблюдал любопытное зрелище: ворона, во много раз превосходящая по размерам дрозда, спасалась от него бегством. Что вынудило её к этому, а дрозда, наоборот, окрылило?! Должно быть, только наглое воровство, при том, что дрозд, наверное, бесстрашно защищал своё семейство.

X X X

Человек понимает, что испытывая заботу к себе подобным, он всё более возрождается для новой жизни. Но вместе с тем, в отличие от животных, что не перестают быть преданными к своим сородичам, со временем почему-то утрачивает постепенно эту замечательную способность. Любовь имеет значение, если ты готов изливать её из своего сердца бесконечно.

X X X

Не знаю, как объяснить, но я всегда чувствовал свою связь с лесом. Даже маленьким мальчиком, когда меня пугали дедушкиной охотничьей плетью, тяжело свисающей на ржавом гвозде в тёмном чулане…

X X X

Если человек лезет в мир природы, она давит его с неравнозначно большей силой. Природа очень серьёзна и не терпит безоглядного вмешательства. Следует понимать, что живя на её поверхности, человек может добывать себе всё

необходимое, а если берётся вступать в таинства природы, то должен совершать это с уважительным благоговением.

X X X

Как бы ни было развито твоё воображение, но по-настоящему его будят только беспрестанные, и, кажется, совсем обыденные наблюдения леса.

X X X

Медведь не спеша переходил лесную просеку, старый заброшенный волок, а вокруг было так тихо, что казалось – это сон. Усталые листья неслышно осыпались на мокрую землю, бледно-голубое небо безмолвно перевернулось в зеркальных лужах, а ночная сырость стёрла даже запахи. Царственная осень ненавязчиво расположилась у самых твоих ног, и тоже как будто задремала.

Но вдруг луч солнца высветил лоснящийся густым мехом бок зверя, и сразу всё всколыхнулось, задвигалось и … проснулось.

X X X

Как бы человек ни стремился ублажать свою жизнь обворожительными тайнами леса, а не выходит у него с ним согласия: собственное неустройство не позволяет.

X X X

У Соколова-Микитова в одной из книг приводится любопытный факт каннибализма среди птиц. Речь шла, в частности, о голодных совах, оказавшихся в общем вольере. Известно, что, в отличие от дневных хищных птиц, совы съедают добычу вместе с перьями и мелкими костями, которые отрыгивают потом в виде круглых комочков – «погадок». Так вот, совы в ночной темноте убивали и съедали своих подружек, оставляя в память о них только маленькие иссохшие шарики.

Несомненно, что на свободе совы не вели бы охоту на своих собратьев, но критическая ситуация вынудила их к подобным действиям. Трудно представить и то, если бы совы, являющиеся к тому же хищниками, умерли с голоду, так и не тронув друг друга. Сочетание поразительного ума и изощрённости, что кажутся порой непостижимыми для человека, с одной стороны, и жестокости, на которую в полной мере способно лишь животное, с другой, всегда обескураживает.

Отмечая у некоторых зверей и птиц удивительную способность выходить из тупикового состояния, как вида в целом, преодолевая якобы установленный для них природой непреодолимый барьер, мы ещё более поражаемся, когда узнаём о каких-то, казалось бы, не заслуживающих внимания повадках животного. Наш ум и сердце не в силах принять эту удивительную звериную неразрешимость, от

столкновения с которой всегда хочется предполагать у лесных обитателей склонность к гармонии, нежели неизменно суровое жизненное поведение.

X X X

Дивному снегу все чудеса доступны.

X X X

Неисчислимыми поколениями зверей, птиц и цветов лес копит в себе воспоминания о лучших днях своей молодости и никогда не стареет.

X X X

Цветы – это незабываемые знаки памяти земли, хрупкие символы преданности самому лучшему, что она хранит в своих недрах.

X X X

Не надо забывать, что как бы тяжело природе не приходилось, она никогда не перестанет быть нашей защитницей.

X X X

Над самой головой вдруг качнулась еловая ветвь: это куница прыгнула на неё с другого дерева. Лапы зверька мгновенно напряглись, разъехались в стороны, но не удержались. Куница сорвалась, тукнулась о землю и, раскрыв пасть, дохнула своим утробным облачком пара, и в этом маленьком зверином оскале выразилось всё существо леса, призванного не нападать, а оберегать себя.

X X X

Неимоверной силой и гармонией наполняют меня мои сокровенные бдения в лесу. Но трудно бывает сохранить и употребить это недолгое волшебство могущественных лесных сил.

X X X

На ласковом мартовском солнышке коричневатые серёжки доверчивой берёзы ласково копошатся, незаметно приобретая пушистый красноватый оттенок, и … не знают, как передать себя обманщику-апрелю.

X X X

Как сонно и сладко длится зимою жизнь, как до жути замечательно и просто берегут её покой волки.

X X X

Родившись мальчиком-октябрём, юношей я стал в июле, мужчиной же почувствовал себя в апреле… Старость, наверное, попытается занести меня февральскими метелями, но именно в апреле я окажусь опять на краю крыши своего дома.

X X X

Жить стоит хотя бы ради того, чтобы записывать мысли, любить женщин, вдыхать звуки и запахи леса.

X X X

Дикие животные прекрасно понимают голоса друг друга, чего не скажешь о людях.

X X X

Уже немало о жизни леса знает тот, кто его своим видом не озадачивает, усталости и чрезмерному веселью в нём не предаётся, а смотрит вокруг спокойно, в полной и незамутнённой ничем определённости своего присутствия среди лесной тишины.

Лес замирает при появлении такого человека и если принимает его, то сразу оживает, оглашая сонмом звуков и представляя частью себя. Когда же что-то в человеке становится лесу не по нраву, он, затаившись, ждёт долго, пока шаги человека не растворятся совсем.

X X X

Ворона всегда сидит головой к ветру, потому, что это для неё самое выгодное положение: ветер скользит у неё по перу и птица не зябнет так, как если бы повернулась к нему боком или задом.

X X X

В каком бы настроении не приходил в лес – всегда стережёт тебя в нём мгновение, когда дыхание непроизвольно учащается, и ноги сами начинают нести

навстречу чему-то неизведанному. На этом пути всё вокруг проникнуто тайной и красотой.

Но торопясь, ты рано или поздно понимаешь, что тем самым отдаляешь переживание подлинной остроты чувств и видение. Околдованный красотой, человек обычно безоглядно забывает, что ни одно откровение ОТЦА-ЛЕСА не касается его так ощутимо, как это происходит в момент неторопливого и вдумчивого созерцания.

X X X

Утренние и вечерние сумерки в природе абсолютно схожи… Но, однако, о первых говорят поэтически возвышенно и проникновенно – сиреневые, а о последних, с налётом необъяснимой грусти, – тёмно-синие.

Виной тому – разделяющий их день… Утром наше отдохнувшее восприятие переполнено радостью; к вечеру же, уставшие, мы не ждём ничего, кроме успокаивающей темноты.

X X X

Только месяц холодными зимними ночами греет спины волков, и нет для них в лесу иного тепла.

X X X

Человек, в отличие от животных, более разносторонен в своих возможностях, но тайна, которую он несёт в себе, объединяет тайну всех живых существ на земле.

X X X

Чтобы быть свободным, достаточно почувствовать себя им, и лучше всего для этого отправиться в лес.

X X X

Господь Бог вырастил леса на пользу человеку, и потому каждое дерево, зверь или птица в нём – Божьи, их надо оберегать. Зима помогает человеку в этом, заботливо укрывая лесных обитателей своим теплом от ненужных волнений и тревог.

X X X

Когда сталкиваешься в лесу с границами своего понимания, по-видимому, так никогда и непреодолимыми, становится неописуемо грустно, и тебе хочется

превратиться в глухаря, медведя или волка, чтобы их насыщенный внутренний мир стал и твоим.

X X X

Доблесть, красивые птицы и необъяснимая тоска – всё исчезнет, не исчезнет только величественный ветер.

X X X

Чем больше мы желаем увидеть какого-либо зверя или птицу с целью узнать о них нечто ещё неизвестное, тем реже нам это удаётся. Человеку надлежит вести себя в лесу естественнее, поскольку чувствительные животные на расстоянии улавливают исходящую от нас энергию мысли, и остерегаются. Как тут не вспомнишь случаи, когда, по разным причинам, мы забываемся, не концентрируя своё внимание на обитателях леса, и именно в такие моменты неожиданно совершаем для себя удивительные открытия!

X X X

Наивысшая сладость ягоды не в лукошке, когда усталый и довольный приносишь его домой, а в том, что ешь её в лесу, прямо с куста, может быть, под слепым дождём или в разомлевший августовский полдень… Всё своё волшебство любая ягода теряет в тот момент, когда её срывают и выносят из леса.

X X X

Ничто не приносит такого блаженного покоя, как летнее солнце!

X X X

Как замечательно, должно быть, хоть раз в жизни справиться с собственными недугами и ленью, что оставляют ни с чем, встретить в деревне дружную весну, и прошуметь вместе с ней от начала и до конца, пережив все её головокружительные всплески!

X X X

Любой животный или растительный организм, переживая какие-то необычные явления – смерть, болезнь, нежелательное воздействие посторонних, неминуемо создаёт вокруг себя чувствительное энергетическое поле, оказывающее влияние на находящиеся рядом организмы.

Если человек пилит живой кедр, то рядом стоящий гигант обязательно реагирует на это действие, неимоверно переживая и мучаясь. Человек же, как

правило, ничего не чувствует, в лучшем случае изредка ощущая в душе необъяснимый дискомфорт, который, впрочем, скоро исчезает.

X X X

Густую ветку ели в народе не зря издавна называли «ведьмина метла», потому, что никакое другое дерево, кроме ёлки, не может подарить нам настоящую сказку про загадочный русский лес.

X X X

Как поступаем мы при виде зверя вблизи нас?

Сначала смотрим на то, что из его поведения может явиться угрозой нашей безопасности. Затем подобное следствие принимаем за намерение действий животного и приписываем ему обладание такими качествами, которые на самом деле, может быть, отсутствуют. Ну, а если зверь проявляет агрессию, что в его положении вполне естественно, то наше восприятие принимает её за основу его дикого нрава.

Так, неминуемо и сразу, мы заблуждаемся относительно природы медведя, волка или рыси, тогда как должны были оставаться для себя и для них высшим мерилом блага, оставляя за собой в поступках и мыслях только доброжелательный интерес.

X X X

Человеку невозможно пропустить весну мимо себя, особенно – вне города, потому что именно в эту пору он необычайно открыт и восприимчив.

X X X

В лесу иногда встречаешь на деревьях узлы самой невообразимой формы… Эти наплывы – неясные для человека движения души деревьев, их горестная память и скрытые переживания, которые они почти всегда преодолевают и не перестают тянуться ввысь.

X X X

Так ли уж бесплодно бывает на деле восхищение каким-либо зверем или птицей?!

X X X

Бывает, и у зверей случается такая опасность, когда даже матёрый волк покидает стаю, но и это сигнал для других волков: каждый заботься о себе!

X X X

Когда ты ещё молод и не нашёл в своей жизни ни одного глухариного тока, душа твоя томится неизъяснимой тоской… Кругом журчат ручьи, зяблики оживлённо перебегают по первым проталинам у крыльца лесной избушки, солнце без устали жарит снежные бока оплывающим сугробам, а тебе не сидится на месте.

Всё не то и не так, чего-то главного не хватает в этом восторженном празднике света, где всюду тебе чудится подвох. Душа твоя тянется к самой важной тайне весны - к недостижимым глухарям, что таятся и величественно провозглашают в предрассветной темноте о нескончаемости земной любви.

Где и как отыскать её в многоголосом весеннем лесу?!

X X X

Со всей очевидностью иной раз представляется, что лес по-человечьи думает, дышит и так же, как и человек, отчего-то на время забывается.

X X X

Дымящиеся на крутогоре проталины – первая улыбка пробуждающейся ото сна земли, отчего и тебе хочется им улыбнуться.

X X X

По повадке глухарь осторожен, скрытен и могуч, но и у него есть нежные перья, что украшают налившуюся яркой зеленью грудь и распушившееся опаловое подхвостье во время страстного токового пения.

X X X

Может ли человек пройти иную жизнь, не связанную с жизнью природы? Нет, он стремится переосмыслить опыт природы из побуждения познания и себя, и окружающего мира. Стремление это его благородно и единственно верно, поскольку более человеку ничего не остаётся. Став на путь поиска, он обретает право быть действительно свободным, в чём, впрочем, отчасти напоминает обычного зверя.

X X X

Кругом ещё лежит снег, а на вытаявших пригорках загорелись жёлтыми головками первые цветы мать-и-мачехи… Всегда спешишь дотронуться до них, опустившись рядышком на колени, и даже не обращаешь внимания на то, что штаны намокают от липкой глины. Обо всём готов позабыть в охватившем тебя весеннем удивлении: как нежно пахнут скромные первоцветы мёдом!

X X X

Ночью, в хорошую погоду, река или ключ всегда шумят в низовьях, а если вверху – жди дождя или ненастья.

X X X

На первый взгляд кажется, будто сучок на дереве глядит в тебя равнодушно, не проявляя интереса, на самом деле - это мудрое око чащи, что по-медвежьи, исподтишка, внушает преклонение перед неизменной лесной древностью и тайной.

X X X

Во сне мне часто снятся одни и те же лесные места, в которых я, вроде бы, неоднократно бывал, но вот что странно: наяву ни одно из них мне не встречалось.

X X X

Ясный апрельский день может сравниться с чисто вымытым оконным стеклом, через которое пробивается в дом ласковое тепло.

X X X

Сон в лесу – наилучшее средство против телесной усталости и душевных огорчений.

X X X

Многим людям стоит поучиться предусмотрительности зверей… Так, волки, оставляя информацию о себе, стараются подвесить помёт на ветку куста. Делают они это по весьма уважительной причине: на земле жуки-навозники быстро уничтожают такую «визитную карточку», а на ветке она для них недоступна.

X X X

Лесная птица рано просыпается – к доброму дню.

X X X

Множество созвездий может ссыпаться в ладони страждущего человека драгоценным подарком, но осторожно, с трепетом снимаешь с неба лишь одну бриллиантовую подвесочку, а то и вовсе, не прикасаясь к этому небесному сокровищу, любуешься какой-нибудь еле приметной звёздочкой, и ощущаешь себя самым богатым.

X X X

Времена года проходят сквозь меня, и каждое оставляет в душе или искристый налёт инея, вязко хрустящий от мороза, и поэтому приятно осеняющий её зимними ясными картинками, или вкрадчивый шорох опадающей листвы, навевающий тихую неизъяснимую грусть, либо роскошный жар середины лета с еле угадываемым в нём ароматом васильков и ромашек… Все времена года созданы для того, чтобы, научив человека хранить память о жизни, помочь ему ощутить на земле истинную свободу.

Люди не зря привыкли вкладывать в состояние природы собственные настроения и, сами того не замечая, наделяют неодушевлённые предметы и явления присущими себе свойствами. По нашему разумению, ветер должен быть щекаст, и он непременно дует, солнце не иначе как ласкает своими лучами, резвый ручеёк бежит меж камней, а дождь идёт. Человек, не утруждая себя необходимыми догадками, желает, чтобы всё было так, как он хочет! Разве это не пример, как природа помогает нам оставаться самими собой, как она дорога нам своим неповторимым обаянием и простотой!

X X X

В начале декабря трудно представить, что обычный белый снег может сверкать всеми цветами радуги, которые он незаметно копит в течение долгой зимы, и так же неприхотливо дарит нам к началу весны.

X X X

На местах лесных пожарищ в первую очередь появляется кипрей, или иван-чай, обладающий колоссальной энергией прорастания. Именно кипрей залечивает ожоги земли, укрепляя её поверхностный слой и вдыхая в него своим появлением жизнь.

X X X

Вскрикнет в свете потухающей зари ночная птица, землю обнимет тишина, а в лесу словно кто-то чуть слышно заплачет, и тогда вдруг дрогнет твоё сердце…

Долго потом не спишь и всё думаешь: что бы это могло быть, и отчего на душе становится так невыразимо тяжко?

X X X

Как старая медведица вытаскивает за собой из берлоги молодого лончака, так и Большая Медведица вытягивает за хвост Малую, указывая ей на небе её звёздное место.

X X X

Лесной человек всё видел и всё знает.

X X X

Лучезарный восход, роскошный закат, а между ними – ослепительное золото целого летнего дня, что так и не успевает до конца отгореть, и остаётся в душе до следующего, ещё более ослепительного восхищения разомлевшей роскошью летней жизни.

X X X

Светило яркое солнце… Вдали, у самой кромки леса, два волка гоняли по белому полю зайца. Казалось, это собаки играют, и вот-вот прекратят свою жестокую забаву. Но всё же волки добрали косого, как это обычно происходит у зверей: просто, с хрустнувшими позвонками, брызнувшей на снег кровью…

И навалилась вдруг на сердце тягостная безысходность, спеленала его так, что трудно было жить весь тот день, и ещё всю ночь, и даже под утро забывался я в рваном полусне, не в силах преодолеть в не успокаивающемся сердце необъяснимую и дикую тоску.

X X X

Всякий человек невольно забывает себя в лесу, и мысленно превращается в кого ему захочется, но никогда не может объяснить, как и почему это происходит.

X X X

Весной, на глухарином току, мне всегда кажется, что давно утерянная радость от переживания жизни возвращается.

X X X

Если хочешь, чтобы природа открылась во всей своей силе, помыслы твои должны быть абсолютно чисты, ибо природа безошибочно угадывает, когда человек этого достигает.

X X X

В поисках понимания всего живого человеку может помочь только его доброе сердце.

X X X

Смотришь строгой январской ночью на небо и начинаешь воспринимать всё это бесконечное пространство как глубину души гигантского существа, как ни странно, похожего на человека.

X X X

Как красная тетеревиная бровь горит над лесом узкая декабрьская зорька, а самим тетеревам ещё спать да спать.

X X X

Сочинение лесных рассказов необыкновенно ещё тем, что, передумывая однажды приключившееся с тобою в лесу происшествие, повторно переживаешь своё удивительное путешествие, открывая в нём то, чего ранее и не заметил.

X X X

Полночной порой ловишь себя на мысли: такая странная проникновенная освещённость исходит от луны, что её околдовывающая гармония, перетекая в душу, незаметно усыпляет все чувства.

X X X

Так хочется понять язык горихвосток и пчёл, жаворонков и журавлей, трубный зов сохатых, восторженные трели синицы поутру и, наконец, секреты глухариной песни, звуки которой древняя птица величественно роняет весенней порой, но более всего почему-то завораживает холодящий душу вой волков, его неизбывная таинственная тоска.

X X X

Может быть, из-за привычки видеть каждое лето наши обыкновенные луговые и лесные цветы мы и не замечаем их истинной прелести, а всё больше восторгаемся надменными розами и дикими орхидеями?!

X X X

Страшно оставаться в ночном лесу одному, хочется с кем-нибудь разделить свои опасения, но только в одиночестве можно открыть и в нём, и в себе что-то важное.

X X X

Что грезится в стране деревьев тем, кто ещё достаточно не выросли по сравнению с великанами, упирающимися макушкой в небо? И замечают ли их эти великаны, достающие по ночам до звёзд?

Все деревья, независимо от возраста, сосредотачиваются, наверное, только на себе, и нет предела их устремлённому подвижническому терпению.

X X X

Любовь у зверей, прежде чем перейти в яростный гон, всегда начинается безобидною игрою.

X X X

Когда научишься принимать безудержную декабрьскую метель как устремление собственной души, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся твёрдое желание быть любимым и любить, и ты веришь, что желание твоё обязательно сбудется.

X X X

Осенняя роса неприметная, серовато-прозрачная, и, бывает, пройдёт целый день, а ты её так и не разглядишь в сердцевине лопуха… Только принимая всю природу близко к сердцу, мы не рискуем ничего пропустить.

X X X

Ничто так не возвышает по весне людскую душу, как зрелище птичьего перелёта.

X X X

Август с сентябрём – родные братья, они идут рука об руку, однако высокое и серое сентябрьское небо, в отличие от припавшего к земле августовского, с большими лебяжьими облаками, становится строгим и недоступным.

X X X

Укромно и незаметно живёт земляничная поляна, но только подует лёгкий ветерок – обдаёт ароматом всю округу.

X X X

Возможно, оттого, что я очень люблю глухарей и давно наблюдаю за ними, они в последние годы и стали жить в каких-нибудь полутора-двух километрах от нашей деревни.

X X X

По весне земля – будто желторотый птенец, переполненный жаждой жизни. К осени же она незаметно вырастает в огромную диковинную птицу, которая не ведает, куда и зачем ей лететь.

X X X

Снежные сугробы за зиму так уходят в себя, что их спокойствие не возмущают даже стремительные апрельские ручьи!

X X X

Бывало, забредёшь за чем-нибудь июльским утром в прелые заросли крапивы, что притаились в укромной тени за баней, и вдруг обнаружишь там совсем иную жизнь, которая никак себя не проявляет и, бывает, пройдёт всё лето, а ты о ней так и не узнаешь.

X X X

Природу отличает непрестанное очищение, ему подвержено существование всех птиц, зверей и растений. Итог же развития человека таков, что он не испытывает чувства преклонения перед лесом, даже не думая о нём.

X X X

Выдастся в конце февраля оттепельный день с размытой неопределённостью пахучего воздуха, с замирающей под самым сердцем тревогой, и ты не спеша отправишься в лес и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нём окружает,

вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в самом себе.

X X X

Иной раз, по каким-то необъяснимым признакам, угадываешь, что вот именно в этом лесном месте должен выйти тебе навстречу какой-либо зверь, и он действительно появляется.

X X X

Белые грузди – словно лебеди среди грибов, с присущим только им разлётом плавных линий сияющей белизной шляпки.

X X X

Жалко до слёз поваленную под Новый год зелёную красивую ёлку…

X X X

Осенью, как и весной, чутко вбираешь в себя всё происходящее и слухом, и дыханием, и глазами, но тебе, всё-таки, не достаёт чего-то особенного, что так отчётливо проникает в душу в мае, а в сентябре утекает из неё.

X X X

Белый снег так одинок в своей всеохватности, что никто не в силах разделить её с ним, и он пускает холодные белые стрелы в воздух, будто силясь добиться чьего-либо расположения, но ничего у него не выходит. Обессиленный, отрешённо кружит он, не находя приюта, покорно ложится на землю и замирает, в мечтах, наверное, уносясь к равнодушному небу, что однажды обрекло его на неразделённость необъятной печали, и тотчас о нём позабыло.

X X X

Осенний лист безжизненно срывается с ветки, но, оторвавшись, будто обретает недостающую ему после долгой неволи свободу, наслаждаясь возможностью закружиться и улететь.

X X X

Ни одна черта в образе оляпки не выдаёт её пристрастия к воде, однако как ловко бегает она по дну ручья, выбирая при этом стремнину!

X X X

У птиц и зверей от вольной жизни вырабатывается особый ум, которого недостаёт закрепощённому в собственном эго человеку.

X X X

Я всю жизнь шёл к солнцу, но, ощущая его живительное тепло, мне всегда было совестно оставлять без внимания холодную тьму.

X X X

Всё в лесу имеет свою душу, и если прислушаться как-нибудь к тому же ветру, то сразу отличишь: он сам заводит с тобой разговор о том, что и почему для тебя наиболее важно, но пока почему-то недостижимо.

X X X

Смотреть – значит, стараться понять, думать – значит, стремиться проникнуть в любое время и в любую точку Вселенной.

X X X

К лиловым крупным колокольчикам у меня почему-то всегда особое отношение, но спроси отчего – и не скажешь.

X X X

С первой порошей прибавляется белого чистого света, вроде бы, раньше зажигается робкое розоватое солнце, и ещё ярче искрится на лёгком морозце прозрачный воздух… Даже вездесущие чечётки, снегири и синицы, и без того, кажется, никогда не унывающие, приободряются и без устали перепархивают с дерева на дерево. Но более всего в эту пору, как ни странно, оживляет лес заливистый лай гончих собак, что целыми днями разносится по округе, наполняя лес необыкновенным весельем!

X X X

Только в апреле, в пору обильного снеготаяния, воздух в лесу так насыщен свежим смолистым духом, что невольно хмелеешь, голова идёт кругом, и, присев на пенёк или поваленное дерево, ещё долго не можешь придти в себя, ошарашено оглядываешься, но всё равно с жадностью впитываешь, вбираешь в себя весну.

X X X

Всегда меня настораживало строгое и какое-то неуютное название беличьего дома – гайно… Оно как будто не подходило всему, что было связано с обаятельным и милым зверьком. Но вот однажды услышал, что в народе его переиначили по-своему – «гаюшко», где белочке не дует, и где ей тепло и уютно пересиживать жестокие холода, и сразу всем сердцем принял.

X X X

В короткое бабье лето, благодаря щедрому солнцу, ещё не поникшие цветы, травы и не успевшие облететь деревья, кажется, как-то по-особенному славят землю, и от этого в природе всё становится ещё краше, чем в августе и июле.

X X X

Не зря шоколадного цвета бабочек с торжественно-жёлтой каймой по краям крылышек и строгими синими мазками вдоль неё называют в народе не иначе как «траурницами», ибо именно они провожают красное лето.

X X X

Невзрачны галки, обычно, мало кто этих птиц замечает, но каждый звук их голоса всегда означает что-нибудь особенное, и человек, заслышав его, непроизвольно обращает к нему внимание, постепенно обнаруживая то, чего сам, наверное, никогда бы не приметил.

X X X

Как замечательно сидеть в лесу у костра и спокойно думать обо всём, что произошло с тобою за день… Но ещё лучше вообще ни о чём не думать, а отдаться приятному ощущению слитности с окружающим миром!

X X X

В народе издавна воспринимали берёзу как самую женственную и скромную красавицу леса, но вот осина, несмотря на её дурную славу, не менее обаятельна и лишена не нужного женщине жеманства. В отличие от целомудренности берёзы – качества, что в женщине нередко мужчинам претит, осина, дрожа листом и быстро обнажаясь, совсем не выглядит вызывающе, и не менее желанна.

Завидев же в конце осени ещё не облетевшую, золотисто-пурпурную осинку, вдруг обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого, может быть, ждал всю жизнь, и уже не чаял увидеть, а он взял и объявился тебе на радость.

X X X

Каждый зверь хоть как-то устроен в суровую зимнюю пору, и только волчья дорожка тянется через всю зиму от беды к беде.

X X X

До первой пороши, в красных шапках с белыми пуговками, стоят в своей неприкосновенной ядовитой красе бравые мухоморы…

X X X

Перед самым рассветом в лесу наступает такой час, когда становится особенно темно, и это надо знать, потому, как если ты заблудился в жизни, но не отчаялся, будь уверен: за самой страшной тьмой, как бы долго она не продолжалась, всегда ожидает тебя большой свет.

X X X

Долгую зиму копишь сокровенные желания и духовное здоровье, знания и усталость, а пришла весна – и забыл про всё!

X X X

Весенний рассвет льётся зеленовато-перламутровыми отблесками на укатанную дорогу, прямо под ноги, и начинает казаться, будто ты подымаешься по ней прямо к восходящему солнцу.

X X X

Всё в лесу кажется необыкновенным, даже самые обыденные вещи… Вот и грибы, хорошо известные каждому с детства, и чаще всего появляющиеся на одном и том же месте, на самом деле перемещаются в зависимости от погоды: в сухое лето гриб тянется к стволу – там побольше влаги, а в сырое – как будто отбегает погулять на полянку, где почва суше, так как прогревается сильнее, чем под деревом.

X X X

Шорох листвы, когда по ней пробирается проснувшийся вешней порой ёжик, может быть нежнее шелеста самого первого ветерка, что будоражит молодые ветви, ласкает их и ничего никому не обещает…

Но иногда зверёк, выбираясь из своего зимнего укрытия, производит в пустынном весеннем лесу очень отчётливый звук, так что он разносится достаточно далеко, а когда ёж ещё и засопит, мило зафыркает блестящим носиком, то невольно улыбнёшься и позабудешь, какой беспощадно затяжной выдалась надоевшая всем зима.

X X X

В канун весны, когда вся природа ещё молчит, моё нетерпеливое сердце уже трепещет маленькой птичкой, изредка замирает, словно пугаясь своей смелости, и в этой полной, на миг обретённой чуткой тишине устремляется к большой и ещё не сбывшейся любви.

X X X

Гаичка-пуховичок так легка и воздушна, что не перестаёт без устали работать, даже повиснув на веточке вниз головой!

X X X

Надо очень дорожить лесной жизнью, что приоткрывается порой лишь на мгновение, которое и побуждает к творчеству.

X X X

Кажется, нет ветра, а высокие ели вдруг закачаются, будто приветствуя кого-то невидимого, и ты не в силах понять, что и кому они пытаются рассказать. Или, может быть, о чём-либо предупреждают?!

X X X

По тенистым лесам, низменным лугам или в оврагах часто встречаются заросли пушистых цветов с белыми пахучими шапками: это – любимая лосями таволга, которая для них и самый желанный корм, и мягкая душистая постель.

X X X

Всю зиму скрипят над берлогой медведя высокие старые ели, а сон его от этого становится ещё крепче.

X X X

Всем хорошо известны белые кувшинки… Они целыми днями красуются на поверхности лесного озера, придавая ему особое обаяние и загадочность. Но лишь

немногие знают, что с наступлением вечерних сумерек таинственные цветы сворачивают лепестки в тугой бутон и погружаются под воду, на всю ночь, оставляя после себя тонкий, еле уловимый аромат.

X X X

Только по весне вдруг замечаешь, каким смелым стал маленький лесок, всю зиму окружённый бескрайними заснеженными полями.

X X X

Кто не ходил морозной апрельской ночью на глухариный ток, тот никогда не узнает, как весело и жгуче прихватывает за щеки крепкий весенний утренник, и как обрадовано, словно зазывая в гости, посверкивает в алмазах бархатное предутреннее небо. А как таинственно крадётся рядом лунная апрельская ночь, гулко ударяются в ней об наст лыжи, и снег, будто сыпучее серебро, стелется под ними увлекательной и всё время ускользающей куда-то дорожкой, которая здесь, в глухом, отдалённом от людского жилья лесу, становится самой дорогой и желанной!

X X X

Человек читает великую книгу природы, а видит в ней только своё, человеческое.

X X X

Зимой не хочется говорить много и громко возможно оттого, что она продолжительна: всё успеешь обсудить в ней, научишься быть внимательным и немногословным.

X X X

С улыбкой выглянув из-за туч, августовский месяц так же весело скатился с неба, искупался в деревенском озере, прислонился к раскидистой сосне, затем взобрался на бабушкину избу и, присев на коньке, свесил ножки… Был бы он человеком, то непременно бы ещё и прошептал всем перед сном: «Спите, крещёные, но не просыпайте… Скоро осень».

X X X

Яркая луна скучна в окне нелюбознательного человека.

X X X

Когда терпеливо, в течение долгих лет, выискиваешь, чем живёт лес, то сила его уже не подавляет, а спасает.

X X X

Как это ни странно, но, сколько ни бываю в лесу, чаще всего просто доверяюсь ему, а не пытаюсь его осмыслить и понять.

X X X

Невольно хочется думать, что любимая женщина непременно принесёт с собой аромат чистых апрельских дождей…

X X X

Берёза ободряюще шумит, осина неутомимо трепещет, а липа ненавязчиво нашёптывает и нежно овевает.

X X X

Мала синичка, а своим тоненьким голоском всех будит.

X X X

Раньше я думал, что мир природы в безлюдье становится только прекрасней, а теперь убеждён: без заботливого человека он, наверняка, недопустимо дичает.

X X X

В особо лютые зимы в гайно собираются по две-три белки.

X X X

Тихо слетают с неба снежинки, со всех сторон лишь они и душистый апрельский воздух… Но как надёжно, благодаря только им, утверждается в своих устремлениях к Богу твоя мятущаяся душа, спокойно возносясь в серовато-размытую пасмурную вышину.

X X X

В январские оттепели, первые предвестники весны, души людей так неожиданно обнажаются, что не ведают, куда себя деть.

X X X

Свист рябчика морозным утром – будто неожиданно пробившийся из-под гнёта зимы ласковый ручеёк.

X X X

Летним утром, на приятном солнцепёке, никогда не помыслишь о пронизывающей метели, и только наслаждаешься раздольем этой благостной жизни, что как будто остановилась в продвижении вперёд, всю свою силу сосредоточив на росте вверх, к солнцу. Всё радуется, тянется, становится стройным и красивым, подобно лиловым султанам кипрея, а ты и не подозреваешь, что и сам невероятно вырастаешь, обращаясь душой к солнечному свету, незаметно отражающему её тепло для всех живущих на земле.

X X X

Зима стояла бесснежная, морозная, и все так и думали, что земля в этот год обойдётся без привычной для неё талой влаги. Но к началу апреля всё в развивающейся весенней природе повернулось и обдало студёным метельным жаром: началась ослепительная весна … снега!

X X X

Всё время ждёшь весну, ещё с конца января отмечаешь её неприметные вехи, надеясь, что она ворвётся в тебя и захватит целиком. А весна прокрадывается в твоё сердце с последними, слетающими с небес, в начале мая, трогательными снежинками, они незаметно распахивают свои голубенькие чарующие глазки и нежно ими околдовывают.

X X X

Временами, очень редко, я ощущаю, как лесной бог обращает на меня своё внимание, смотрит ясно, очищающее, но при этом полностью доверяет мне проявить себя самому, даже в мелочах, которые на деле оказываются самыми важными.

X X X

Человеку всегда следует помнить: лес – источник той огромной силы, которую ничем нельзя заменить.

X X X

В непроглядную студёную вьюгу, случающуюся нередко в конце марта, почему-то всегда знаешь, что под утро ветер успокоится, небо прояснит, и глухари неспешно выйдут на припорошенный снежком наст, чтобы подарить всем чудесную лесную сказку.

X X X

Любоваться и не принимать природу сердцем – невозможно, но только немногим, кто понимает её силу, удаётся почувствовать в ней свою собственную жизнь.

X X X

Природа никогда не отдаёт человеку душевный покой даром, а только так, чтобы он непрерывно работал над собой, расцветал изнутри и когда-нибудь узнал своё подлинное счастье.

X X X

Мартовский утренник как ничто крепит наш дух, возбуждая во всём теле недостающую для возрождающейся жизни бодрость.

X X X

Из всех времён года старинный геральдический герб применим, наверное, только к зиме, где может быть отображено благородство её здоровых помыслов, верность данному ей крепкому слову и необъятность волшебной силы, перед которой всякий неверующий перекрестится.

X X X

Ещё вчера, несмотря на позднюю осень, лес жил какими-то скрытыми к зиме приготовлениями, был широк и неустрашим, а сегодня уныло свернулся серым звериным клубком и затих. И ты понимаешь: это последние птицы покинули свою родину, что в одну ночь стала без них чужой и холодной.

X X X

Увидишь без удержу токующего в февральскую оттепель косача, но и не подумаешь усмехнуться, а заглядишься на него и тоже непроизвольно вовлечёшь себя в этот радостный и, может быть, немножко глупый предвесенний обман.

X X X

Как глубоко надо понимать и любить жизнь, чтобы она – и дневная и ночная, и несчастная и счастливая, и беспечно-сонная и яркая, и, конечно, необыкновенно живая – одинаково бы серьёзно просилась на бумагу.

X X X

Иногда мир лесных обитателей кажется скучной и давно исчерпанной истиной. Самое необычное в нём становится привычным, оно просто надоедает.

Но невозможно вытолкнуть из себя природу: рано или поздно в душе просыпается ощущение счастья, когда видишь, как она живёт.

X X X

Переживание весны во мне так глубоко, что я начинаю воспринимать её задолго до февральских оттепелей, в глухих отрогах января, когда даже не отсияли рождественские звёзды, но к весне не исстрачиваю себя, а наоборот, становлюсь более определённым в своих душевных устремлениях.

X X X

Преисполненный довольства августовский вечер от избытка радостных ощущений часто заводит с человеком нехитрый, но добрый разговор, в котором человеку достаточно просто молчать, слушать и думать.

X X X

В иной год сосульки вырастают толщиной в хороший берёзовый ствол, но и ими не дорожит весна.

X X X

Мартовские утренники такие сияющие и жгучие, что готовы, кажется, превзойти всё торжество просыпающейся природы, но и они неудержимо поглощаются всё более нарастающими в апреле праздничными потоками воды и ароматом первых, только что пробудившихся цветов.

X X X

Промозглый октябрьский день подарил мне огромного глухаря, с пугающим хрустом сорвавшегося с высокой сосны, стремительного тетерева, пронёсшегося

прямо над головой, пушистую белочку, легко перебежавшую дорогу, но только маленькая стайка вездесущих чечёток по-настоящему развеяла осеннюю скуку.

X X X

Апрельская дорога раскисшая, чёрная, и пока бредёшь по ней, след твой очень скоро расплывается, и мало-помалу вовсе исчезает, отчего на душе, несмотря на весну, становится беспокойно и как-то неопрятно…

Но только войдёшь в лес – и угодишь в зернистый чистый снег, что сразу отрезвит резким запахом уже надломленной зимней свежести, вскружит голову и заставит оглядеться: ведь вот она, весна, пришла, а ты её всё не замечаешь!

X X X

Столько воли отмерено Вселенной человеку, и до чего же он беспомощен и несчастен!

X X X

Увидишь в траве крохотные незабудки – и сразу вспомнишь про высокое небо. Не выгорает их цвет на солнце, ничуть не тускнеет, и всегда они смотрят мягко и доверчиво, переполненные своей скромной любовью.

X X X

Ни с чем не сравнить силу весенних ночей, так что даже не хочется искать ей каких-либо объяснений.

X X X

Любая погибель жизни во Вселенной не есть что-либо страшное и беззаконное, совершенно не содержащее в себе какого-либо смысла и бесповоротно и навсегда скрывающее от тебя свет, если принимается эта погибель достойно, с пониманием, что смерти в божественной природе не существует, и любой уход – лишь вынужденная смена одежды, то есть – перерождение.

X X X

Только в сентябре, когда он уже ничего не обещает и, кажется, не даёт и тени надежды на какое-либо возрождение, такой зеленой и сочной бывает совсем не увядающая трава – отава, наросшая после последнего августовского сенокоса.

X X X

Красота – это не инстинктивно воспринимаемое нами ощущение целесообразности сущего, а как раз сама сущность – никем не объяснимая и ничем не прерываемая, простая по своей восхитительной сути, но и не роскошествующая излишними свидетельствами своего непревзойдённого обаяния. Красота - есть язык Господа, на котором Он с нами разговаривает, и которому мы должны неустанно учиться.

X X X

Как только на южном склоне лога, под старой елью, закипит муравейник – со дня на день поднимется из берлоги лесной воевода-медведь.

X X X

Если бы человек не только загадывал свои праведные желания, но и добивался их осуществления, что невозможно без тесного единения с природой, он был бы поражён тому, как можно измениться, становясь подобным Богу.

X X X

В мае всего много, и так неописуемо чудесно, но душа не чувствует себя пресыщенной, и жизнь, всё время переливающаяся через край, не утомляет.

X X X

Приняв тайну природы, даже отчасти раскрывшуюся тебе, очень важно какое-то время не рассказывать о ней никому, бережно нести в себе и благодаря ей черпать желание жить.

X X X

С вечными поисками смысла своего существования, человек есть явление не противоестественное, а наоборот – правое, причём, более, чем любое дерево или цветок, ибо он один в природе способен развивать себя бесконечно.

X X X

Чудные слова переполняют меня и осенью, и зимой, ещё более - раннею весной, отчего пишется легко, а на душе всё это время – покой и радость от осознания того, что она невозможна без нашей русской природы.

X X X

Обычная жизнь человека вполне достаточна для свершения всех мыслимых и даже самых немыслимых дел, чтобы успеть стать в ней по-настоящему неуязвимым, то есть – свободным, когда достигнутое тобой благо защищено, и ты сам ощущаешь в себе силу, которая бессмертна.

X X X

Гаркнет в морозный зимний день старый ворон, и лесная прозрачная тишина будто расколется на множество мелких хрусталиков.

X X X

Глаза весны в апреле, не в силах сдерживать нахлынувших чувств, полны безудержными ручьями любви…

X X X

Порой создаётся впечатление, что лесная тишина очень долго и вкрадчиво обдумывает любое, зарождающееся в ней движение, но так ни к чему, кажется, и не приходит.

X X X

Поздней осенью опустишь ладонь в лесную лужицу и, к своему немалому удивлению, не ощутишь холода: это давно опавшие чёрные листья, разлагаясь на дне, копят тепло, прогревая воду.

X X X

Если по весне не вспоминается твоя горячая молодость, значит, ты ещё не отгулял, а только ждёшь, как бы повернее, подобно одинокому селезню, броситься на крик любви и не промахнуться.

X X X

В старину «противный» ветер, дующий человеку в лицо, называли «встречей»… Как это хорошо и верно!

X X X

До чего осторожен, чуток животный и растительный мир: ласточка никогда не прилетит даже в июне, если опасается холода, деревья же так и простоят голые, с набухшими почками, чуть ли ни весь май, не поверив раннему теплу.

И действительно, заморозки, бывает, ударяют аж в третьей декаде первого летнего месяца и длятся целую неделю, а в конце мая выпадает снег, так что утопаешь в нём по щиколотку, и не прекращается он три дня кряду. Растения же словно ждут своей очереди, терпеливо всматриваясь и вслушиваясь в проистекающую жизнь: ждать - не устать, было бы чего!

X X X

Далеко разносится в майском лесу завораживающий голос кукушки, но сколько не идёшь до неё – никогда, кажется, не достигнешь.

X X X

С конца апреля, и ещё почти весь май, стоит по лесу упрямый шорох обрывающейся капели, что роняют переломленные ветви берёзы, но шорох этот никогда не надоедает, а мокрые от сока стволы хочется нежно обнимать.

X X X

Весенняя молодая зелень постепенно скрывает старую прошлогоднюю траву, и всё плохое незаметно забывается, а новое, хорошее уверенно прокладывает себе манящую вдаль дорожку.

X X X

Для любого человека лес хорош ещё и тем, что в нём можно свободно выбирать для себя самое нужное, без чего не обойтись именно сейчас: или сказочную жуть потаённой чащи, или светлую земляничную поляну, а кого-то увлечёт нескончаемость тропы, хранящей в себе радости и печали дикого звериного мира.

X X X

Обычно безболезненно пережидаешь пору сенокоса, когда в лесу полно людей, не видно зверя и птицы, да и грибы с ягодами ещё не поспели. Но так захочется иной раз открыть свою душу лесной чаще, побродить по тенистым тропинкам и помечтать о благодатном августе, что отправишься июньским полднем в лес и, забывшись там, вдруг прямо-таки заболеешь этим околдовывающим царством буйных трав, цветов и теней.

X X X

Устройство природы таково, что она обязывает человека, в первую очередь, к обыкновенному терпению.

X X X

Потаённую суть лесной жизни постигаешь и в непроходимых сугробах января, и в небесной лазури апреля.

X X X

Перед самым заходом солнца оранжевая заря на западе иной раз замыкается на короткий миг в себе, стекленеет, и весенние лужи на дорогах горят от неё, как окна в неизвестность: и умиротворённо, и до непостижимости безучастно.

X X X

В пору первой молодой зелени, когда природа ещё достаточно оголена, всё в ней находит своё место, каждый может смело заявить о себе, и даже какое-то время покрасоваться у всех на виду.

X X X

Когда в глухом лесу отсутствует солнце, и ты немного запутался в его потаённых дорожках, лес, кажется, замыкается в себе, охваченный глубоким равнодушным сном. Человек невольно поддаётся этому сумрачному настроению, не замечает времени, которое тянется удивительно медленно, и начинает спешить, а, следовательно, ещё более блуждать, идя наобум.

Лучше всего не поддаваться подобному состоянию и противопоставить ему спокойную волю, когда вся окружающая обстановка должна восприниматься как неотъемлемая часть твоей жизни. Нужно помнить, что у тебя всегда имеется неистощимый запас энергии и знаний, позволяющий жить в мудром согласии с лесом, каким бы отчуждённым он ни представлялся. Меньше паники, больше доверия и любви к лесу – и ты непременно достигнешь с ним гармонии, и выйдешь к людям.

X X X

Как мне нравится идти навстречу жестокой апрельской вьюге, и знать, что назавтра снова выглянет солнце!

X X X

Всё, что я узнаю в природе, было в ней всегда, нужно только это знание время от времени открывать и обязательно передавать другим.

X X X

В апреле бывают такие сильные утренники, что и на быстрине схватывает ручей.

X X X

В доме тепло, уютно, а берёзовые дрова так весело потрескивают в печи, что морозная зимняя ночь за окном кажется маленькой мышкой, которая острым коготком осторожно царапает застывшее стекло, и время от времени в растерянности затихает.

X X X

В человеке собрана вся природа, но её не так просто различить, так же как и растерять.

X X X

Весной у человека всегда пробуждается надежда, но она может пропасть в течение следующих времён года, если не относиться ко всему серьёзно. Серьёзной должна стать твоя собственная жизнь, в которой ты не будешь позволять себе обманывать людей, в первую очередь, обманывая при этом себя, когда пренебрегаешь постоянно возникающими перед тобой возможностями.

И ещё не нужно забывать, что радостную весну в твоей душе и природе предопределяют строгая зима, её холод и сумерки, морозы и снежные бури, пронизывающие ветра и кажущаяся нескончаемость всего происходящего. Но на самом деле зима любит весну, потому как они сёстры, и зима уступает своему родному существу то, что не уступила бы никому другому: возможность просто появиться, чтобы каждый мог воспользоваться её преимуществами.

Весна улыбается вашей жизни!

X X X

Дружно снимаются с заснеженных верхушек сосен большие чёрные птицы – глухари, но идут над лесом не одна к одной, а каждая в свою сторону.

X X X

Из всех хвойных деревьев почему-то только пихта отдаётся огню с большой неохотой, долго бережёт плотную гладкую кору, подгорая исподволь, и всё, кажется, надеется сохранить себя для какой-то неведомой ей самой жизни.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной нежно голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: каким бы цветом ещё разгореться напоследок, при этом даже не замечая, что, переполненные жизнью, незаметно гаснут.

X X X

Если человеку постоянно везёт, значит, он не отпугивает от себя счастье, верно выстраивая свои отношения с миром, общение с которым невозможно без природы.

X X X

Глядя, как быстро проносятся над головой вольные птицы, никогда не завидовал их независимому счастью, а только любовался ими.

X X X

В городе борьба весны с морозом уже давно закончилась, но в деревне солнечные лучи не в силах одолеть крепкие утренники, что по-прежнему красочно разрисовывают оконные стёкла, а лес за околицей никак не приходит в гости.

X X X

Даже в самых справедливых словах человека может быть всё так и не так, и только в природе живёт одной ей ведомая ясность, воспринимаемая людьми как нечто неоспоримое.

X X X

В зимней чаще с восходом загораются бесчисленные алмазы, яхонты и рубины – вся тайга вспыхивает яркими драгоценными блёстками, восторженно сверкает, переливается… А это - всего лишь с вечера замёрзшие на веточках капельки влаги, их на короткое время оживили первые лучи солнца.

X X X

Время твоей жизни не пропадает бесцельно, если весной с запахом проснувшейся земли, ты ощущаешь не растерянность, а причастие ко всему происходящему в природе.

X X X

Наши лебеди – это пример того, как заслуженно приходят в жизни мудрость и красота. Молодые птицы – серые, неказистые, а взрослые – царственно-белоснежные красавцы, что вызывают только ощущение законченного совершенства.

X X X

Основу творчества составляет притяжение энергии из Вселенной… Именно творческий человек становится источником знаний, претворяя мощь космических сил в необходимую для жизни на земле энергию.

X X X

Весной в окружающей природе всегда ощущается именно весеннее, а осенью – осеннее, отчего и переживаешь непередаваемое счастье.

X X X

Мохнатый шмель, возбуждённо жужжа, ловко ныряет в распустившийся цветок, и сразу примолкает там, опьянев от нектара и удовольствия. Выбирается он оттуда через какое-то время уже с трудом, чуть пошатываясь из стороны в сторону, то и дело, охорашиваясь и лениво перебирая перед собой лапками.

Шмель долго приходит в себя, озабоченно возится, видимо, не желая покидать гостеприимный бутон, а поднимается в насыщенный ароматами июльских воздух еле-еле, что, впрочем, вскоре опять наполняет его неописуемой лёгкостью, с какой он устремляется в небесную высь.

X X X

В морозный солнечный день снежинка иной раз так брызнет в глаза золотистым светом, будто долгие хмурые дни копила его в себе, а потом в один миг отдала.

X X X

В солнечные июльские дни, заполненные золотом колосящейся ржи, не помышляешь о чудесной жар-птице, что тайком, наверное, прилетает сюда покормиться. И только к началу осени, под прохладной золотой луной, вдруг вообразишь весь жар её перьев, царственное достоинство и ту единственную ночь, когда птица его теряет, отчего-то доверяясь человеку.

X X X

Шелест трепещущих нежных листиков сердце по-настоящему переживает только весной, летом успокоено затаивается, почти не обращая на него внимания, а осенью будто бесшумно обрывается и куда-то улетает.

X X X

Зимой всё время кажется, будто она тихонько стоит за твоей спиной и не дышит… Не то, что весной, когда во весь дух бежишь за ней, хочешь коснуться, а догнать не можешь.

X X X

В лесу всегда хочется одним долгим, всё запоминающим взглядом охватить его глубинную красоту, и ты охватываешь её, постепенно постигаешь, и в какое-то мгновение она становится понятной и родной.

X X X

В томной испарине весеннего дня незаметно отходит от зимы безмолвный лес, будто переводит дыхание, и ты вдруг чувствуешь, как он благодарен пришедшей поре. О своём настроении лес сообщает пока лишь запахом набухших почек, подтаивающего ноздреватого снега и упрямого ветерка, приятно дурманящего голову.

X X X

В старину пользовались шкуркой ежа, чтобы отучить телят от материнского вымени: с убитого зверька сдирали шкурку и привязывали её подросшему телёнку на лоб. Когда телёнок хотел пососать корову, он утыкался ей в вымя. Иглы кололи её, она отпихивала телёнка от себя и больше не подпускала.

X X X

Никогда не увидишь, а только почувствуешь, как сладостно настаивается терпкий запах весны, её зеленовато-прозрачный, пьянящий, но не видимый аромат.

X X X

Любая птица, если к ней приглядеться, сказочная, и так и просится на картинку.

X X X

Случится, набредёшь в лесу на замшелый медвежий череп, уложенный кем-то на полусгнивший старый пень, и будто соприкоснёшься с неведомым лесным духом. Череп чуть ли ни врос, в осевшую древесину, и ты пытаешься разгадать его историю, олицетворяющую тайну большого зверя, и по каким-то еле заметным знакам угадываешь её: какой был этот медведь, отчего череп его оказался именно здесь, на твоём пути, и куда улетела его дремучая душа.

X X X

Очень важно жить по велению сердца, ибо жизнь необыкновенно хороша, если ничего не бояться и принимать всё с открытой душой.

X X X

Легко шагается на лыжах по застывшему насту мартовским утром, и на душе бодро и радостно от морозного утренника, неторопливо пробуждающейся весны и ожидания новых впечатлений от встреч с родными сердцу глухарями.

X X X

В морозные зимние ночи снег словно прислушивается к шороху, который издают на небе звёзды, и чутко впитывает их свет.

X X X

Казалось бы, как легко ни во что в лесу не вмешиваться, но попробуй прожить так хотя бы один день, и ты поймёшь: быть учеником неизмеримо тяжелей, чем признавать себя всезнающим хозяином.

X X X

Природа красоты всегда желает своего проявления.

X X X

По осеннему хмурому небу величественно проплыла клином стая журавлей, и за ними вдруг открылась потрясающая синь.

X X X

Что меня поражает во всех временах года, так это то, что каждое начинается будто впервые, и воспринимаешь его всегда по-новому.

X X X

Тонко чуют приближение весенней поры букашки, спрятавшиеся под глубоким снегом, многие из них, когда солнце особо пригревает, уже выбираются наружу, и часто, ещё в марте, можно увидеть, как они ползут куда-то по мартовскому снегу, и вроде бы ничего уже не боятся.

X X X

Из всех деревьев только сосны умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают это всегда так трогательно, будто не виделись целую вечность.

X X X

Как было бы хорошо для человека не вмешиваться в дела природы, а только наблюдать и учиться!

X X X

В апреле непрерывно спорят солнце, снег, ручьи и вьюга, но выходит это у них без всякой злобы, задорно!

X X X

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как это принято считать, сало его за долгие зимние месяцы остаётся почти не израсходованным, а на период весенней бескормицы. Когда зверь поднимается из берлоги голодный, он может отыскать в пустом лесу лишь малость личинок, муравьёв или кореньев, в лучшем случае - горсть кедровых орешков в разорённой им норке бурундука.

X X X

Волк ничему и никому не доверяет: ни тишине, ни ночи, ни кустам, ни подвернувшейся было добыче, ни самому себе.

X X X

Лес к весне оживает только после того, как солнышко заглянет в самую глухую ложбинку, где не бывало едва ли ни с осеннего равноденствия… Вот когда в природе наступает настоящая радость!

X X X

Бесшумен снегопад, и с ним всё в мире становится ещё тише…

X X X

Наблюдая как-то за сорокой, я вдруг подумал: птица эта всегда доставляет хлопот больше себе, чем другим, и это ей ужасно нравится!

X X X

В отличие от обыденной жизни, лес быстро и просто воспитывает привычку: чего не понимаешь – сразу, не тушуясь, спрашивай.

X X X

Когда случается злое ненастье – круто гнутся ели и надрывно завывает ветер, приятно думать, что можно всё это увидеть и, несмотря ни на что, отправиться в лес, не дожидаясь хорошей погоды.

X X X

Как хорошо, что человек не в силах одомашнить диких животных… Благодаря этому возможна жизнь суровой и таинственной природы.

X X X

После долгой, надоевшей всем ноябрьской непогоды особенно радостно бывает увидеть на небе свежие декабрьские звёзды, по-хозяйски раскинувшуюся бархатную ночь, и, наконец, ошеломляющее движение молодого месяца. Месяц взбегает наверх с такой удалью, будто готов светить там, не уставая, всю зиму, весну и лето, пока опять не подступит в природе самое беспросветное время, когда никто почему-то не противится однообразию промозглых дней и безысходной скуке.

X X X

В начале июня в воздухе держится нечто до боли знакомое и родное, кажется, ещё с самого детства, чего уже, как ни старайся, ни за что, наверное, не вспомнишь.

X X X

В волчьем вое, доносящемся из лесной тьмы, слышится и бессильное отчаяние, и жалоба, и необыкновенная сила.

X X X

Сила в мужчине должна непременно сочетаться с нежностью… Именно из такого сплава отливались мечи самураев, на которых были выгравированы хризантемы.

X X X

В удивительной стройности и чистоте березняка почти никогда не отмечаются тёмные полоски, как-то неприметно разбросанные по белоснежно-матовой коре, но и они необыкновенно хороши в своей чёткости на светлых стволах. В них постепенно проглядывает особая берёзовая красота, что не сразу бросается в глаза…

X X X

Когда с берёз и осин начинает быстро утекать лист, хвойные деревья стоят молчаливо насупленные, словно разделяя грусть лиственных деревьев и прощаясь с ними до весны.

X X X

В лесах бушует ветер, от натуги горбятся спины старых сосен, скрипят стволы берёз и елей, а на душе у тебя всё равно хорошо и покойно.

X X X

Трудно представить себе море без бури, а лес – без шума ветра и звериного гонного рёва… Именно эти грозные звуки подчёркивают красоту и мощь природы.

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что более внимательно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все времена года.

X X X

Вроде бы, жарко горит снег в мартовский полдень, но его ещё так много, что приглядевшись – утвердишься: он пока лишь сладко подрёмывает.

X X X

Проснулся однажды в деревне от торопливого сорочьего стрекотания - и сразу подумал: это ведь неугомонная птица делится своими новостями! Стрекочет и стрекочет без малейшего перерыва битый час… Слушаешь и удивляешься: сколько же их у неё?

X X X

По-особому уютно бывает в лесу, когда от непогоды стонут деревья, и ветер завывает в старых дуплах.

X X X

В гнетущее предзимнее время солнце оборачивается полумёртвым совиным глазом, подёрнутым плёнкой, что изредка вспыхивает над безликим горизонтом и быстро потухает, но, между тем, зорко следит, как бы кто-нибудь раньше времени не восстал против суровой грядущей поры, а в почтении поклонился.

X X X

В конце октября устанавливается великая пустота леса, с будто выкованными морозом тропинками, пронизанная звонкой тишью и подёрнутая непрозрачным тёмным ледком… А надо всем этим – холодное безжизненное небо.

Лес – весь в себе, но почему-то хочется закричать от появившегося в нём именно сейчас, переполняющего всего тебя ощущения свободы: «Ого-го-го… Эге-гей!». И лес сразу будто оживёт и отзовётся каким-то необыкновенно раскатистым долгим эхом, с удовольствием подтверждая это неожиданно открывшееся в себе, совершенно обнажённое осеннее пространство…

X X X

Запах у распускающейся яблони не пронзительный, как у черёмухи, и не сильный, как у сирени, он – очень скромный, едва ощущается, но, мягко смешиваясь с воздухом, незаметно проникает в душу и неотступно куда-то манит.

X X X

Тревожный зов осени никогда не удовлетворяет, хотя и зачаровывает своей печалью.

X X X

В жизни более всего раздражает отсутствие веры у многих людей в собственные безграничные возможности, безразличие к своим судьбам, которые можно было бы такое же бесконечное количество раз устроить по-другому, несравненно лучше. Вот что по-настоящему разочаровывает: равнодушные люди, не желающие роста, а ведь и у них в детстве горели глаза, когда они с изумлением обнаруживали в чашечке цветка мохнатого шмеля!

X X X

Никогда не упустишь возможности купить маленький букетик незабудок у какой-нибудь старушки, стремясь, наверное, возвратить какие-то очень приятные, но давно утраченные воспоминания… Однажды, тёплым майским днём, тебе вдруг неудержимо захочется такой неожиданной встречи с безвозвратно растаявшим прошлым, и именно небесно-голубые цветы успокоят твоё сердце.

X X X

Уже к концу января солнце пробует светить по-весеннему, но получается это у него ещё не в полную силу, а с лёгкой задумкою на яркое будущее.

X X X

Как вкусно грызть в лесу ржаной сухарь, когда другого ничего не находится, причём, усевшись на пенёк у какого-нибудь говорливого ручейка… В душе сразу вспыхивает огонёк любви ко всему, что живёт безрадостно.

X X X

В ласковое весеннее утро и дикие звери целуются.

X X X

Цветут липы, пахнет липовым мёдом, и на душе так хорошо и празднично, что ты даже не в силах дать происходящему отчёта, и больше ничего не желаешь.

X X X

Крепко спят старые ели, а только прошумит лёгкий ветерок, они тотчас просыпаются и тихонько шушукаются.

X X X

В жизни случается такое, что всё, кажется, умерло для тебя. В памяти не осталось ни добрых воспоминаний, ни мест, где ты был счастлив, и весь твой путь представляется мучительным, никчёмным: какая ещё беда стрясётся с твоей израненной душой? Но стоит только заслышать шум леса, просто увидеть его издали, пусть даже мысленно – и всё сразу изменится в лучшую сторону.

X X X

Голодная весна страстно, во всеуслышание провозглашает себя в лесу, сытое же лето лениво молчит и в благодушном довольстве своего огромного разнеженного тела сладко дремлет.

X X X

Иногда в душе возникает нечто лучшее, чем просто добрые мысли о природе, и хочется, чтобы это лучшее потихонечку росло, зрело и никогда не прекращалось.

X X X

Прежде, чем войти в лес, ты должен обратиться к нему с приветствием. Войдя – следовать его законам. Открывая – познавать и радоваться. Прощаясь – благодарить, петь песню и никогда не прерывать с ним внутренней связи.

X X X

Только ночью слышно, как тяжело опускаются на землю опадающие листья…

X X X

Ждёшь весну, стремишься к ней всей душой, и когда она наступает, вдруг понимаешь: весна – больше, чем жизнь, она – любовь.

X X X

Густым праздничным тестом ползёт над долиной таёжной реки душистое облако тумана, и вода в ней постепенно становится тягучей и по-домашнему тёплой и уютной.

X X X

В первобытной животной силе, которая может быть страшна, есть нечто удивительно притягательное и красивое.

X X X

Красногрудые снегири на фоне придорожных снегов – это румяные яблоки, кем-то щедро высыпанные на белую скатерть зимы.

X X X

Весенний сумрак быстро окутывает лес, в темноте стирается разница между берёзами, соснами и елями, но ты чувствуешь каждое дерево, цепляясь взглядом за их еле уловимые очертания, и путь твой, несмотря на распутицу, совсем не тяжёл, а только становится невероятно чутким и радостным: ты идёшь по земле вместе с весной!

X X X

Обследуя глухариные тока, бывало, бредёшь целый день на давно отсыревших лыжах… К ним постоянно липнут комья подтаявшего снега, пальцы на ногах сбиты, спину ломит, шапка намозолила вспотевший лоб, но, завидев на краю лога чёрный лоскут старого сосняка, всё равно повернёшь к нему, и любой ценой тщательно обследуешь. Там, в глубине вековой чащи, из каких-то её неведомых источников, почти незаметно, вливается в твоё уставшее тело невероятная сила…

Только в лесу узнаёшь цену времени, что течёт бесконечно в сменяющих друг друга непреклонных деревьях, и тогда уже пренебрегаешь любой усталостью.

X X X

Идёшь, бывало, по лесу и день, и другой, а вокруг одна и та же картина: за сосняком – ельник, а за ельником – сосняк, под ногами – еле уловимая тропка, после очередного поворота – следующий… Нужно бы остановиться, передохнуть, да место неудобное, хочется выбрать получше.

И только с возрастом, начиная по-настоящему чувствовать преданность лесу и его чуткое отношение к тебе, заставляешь себя сделать привал где угодно, чтобы ещё более проникнуться своеобразием самого обыкновенного места, а потом отправиться дальше, и так – до бесконечности.

X X X

Лес для людей, что книга: для кого-то нет её ничего дороже, а кому-то – лучше бы и не читать! Но, между тем, всякому несёт она на своих страницах знание и покой, умиротворение и усладу.

X X X

Липа – красивое и, может быть, самое нежное лесное слово.

X X X

Мирно перекликаются в ночной весенней тиши маленькие сычи, не давая впасть в полное забытье огромному старому лесу, и лес только дремлет, довольно улыбаясь от удовольствия в косматую хвойную бороду.

X X X

Жизнь в лесу приучает ничему не удивляться, но всегда наблюдать, радоваться и самому жить всем, что происходит и вокруг, и в собственных мыслях.

X X X

В ожидании глухариного тока, скорчившись возле огня на еловом подстиле, никогда не удаётся уснуть. Зато видишь, как радостно вздрагивают в небе разноцветные огоньки апрельских звёзд, словно торопятся воспользоваться недолгой весенней темнотой.

Из темноты наплывают чёрные силуэты елей и сосен, похожие на древних старцев, склоняются над тобой, а лицо овевает тёплым дыханием душистый ветер… Тихо в лесу, но сон не идёт, и, то и дело, кажется, что кто-то бесшумно бродит возле кострища, но не хочет тебя беспокоить.

X X X

С марта, особенно в дни оттепели, лицо обдувает не сильный, но приятный сыроватый ветер, в сером небе изредка появляются голубоватые пятна, напоминающие чьи-то нежные задумчивые глаза, и сердце мягко вспыхивает радостью: пришло тепло, а вместе с ним – глубокое чувство удовлетворения от полноты жизни.

X X X

Увидишь, бывало, как на фоне пылающего зарева заката неистово мечутся вороньё и галки, будто намётывая своими чёрными стремительными телами затейливо-зловещий узор, и поверишь, что вездесущие птицы пророчат нелёгкий день…

Но утро выдастся удивительно покойным и ясным, без какой-либо птичьей суеты, и ты с радостью ещё раз убедишься, как чудесна природа, мудро

предоставляющая человеку возможность бесконечного выбора своего отношения к жизни.

X X X

Пришла весна, и мысли мои, как ласточки в небе, неуловимо и радостно замелькали, и вырвались на волю.

X X X

Глядя на цветы, мне иной раз кажется, что они желают стать женщинами, сохранив при этом свои чудесные имена: вероника, маргаритка, астра или гортензия… В них живёт какая-то иная нежность, может быть, более трогательная, чем у женщин. А женщин, наоборот, прельщают восхитительные соцветия, и они думают о том, какими бы они стали неотразимыми красавицами, если бы распространяли над землёй такой же непревзойдённый аромат.

X X X

Как сладко иногда почувствовать свою беспомощность в объяснении природы, и готовность удовлетвориться лишь сказкой…

X X X

Весной в лесу начинается такая большая мудрая жизнь, что никак не хочется верить, что она когда-нибудь окончится.

X X X

И воздух, и вода, и деревья в лесу словно состоят из мыслей, которые они, время от времени перебирая, меняют.

X X X

Когда застигает тебя в лесу ночь, нужно улечься спать, где бы ни пришлось: в еловом шалаше, в стогу, у горячего костра или даже под снеговым надувом.

X X X

Первые ноты скворца – будто зажжённые спички, что он поспешно швыряет в зернистый снег, и они с шипением гаснут.

X X X

Пока осень не доскажет всё человеку – ни за что его не оставит.

X X X

Зимнее солнце, кажется, не приносит в природу ничего живого: лишь изредка холодно посверкивает из-за туч и тотчас исчезает, но его острые искорки, всё же, вонзаются в сердце, и оно, перевернувшись, как зверь в берлоге, вдруг тоже вспыхивает как солнце, и уже до самой весны не угасает.

X X X

Шум весенней воды наполняет сильнее, чем любовь.

X X X

Когда в лесу со всех сторон тебе откликается звонкое эхо – погода будет хорошей. В пасмурном воздухе звук вязнет и глухо замирает.

X X X

Работал в море – и мечты носились в воздухе серебряными чайками, крачками и поморниками, теперь живу лесом – и все мои мечтания превратились в мысли. Какие-то из них незаметно потянулись, как и стволы деревьев, к солнцу, другие обратились вместе с корнями вглубь, в землю, а особо любознательные побежали, как за волшебным колобком, по тропинке, и ни одна из них не взлетела.

X X X

Многие думают, что берёза плачет, сгибаясь под тяжестью снега, а она просто безропотно принимает на свои плечи лесную ношу.

X X X

Можно годами быть связанным с лесом, постоянно натыкаться в нём на волчьи следы, но, ни разу, не встретить их – одних из самых осторожных и таинственных зверей.

X X X

Голос неугомонной кукушки в звонком весеннем лесу завораживает своей исступлённостью, но ничего не разрешает.

X X X

Неся в себе своё одиночество, которое на деле оказывается вполне естественным и даже очень благотворным для человека состоянием, человек не всегда способен преодолеть его в себе, верно распорядившись им в течение всей жизни. Из года в год убеждаясь в этой необъяснимой природной обречённости, кажущейся временами нелепой, человек, может быть, именно поэтому часто стремится к лесному уединению, что оказывается для него поистине одухотворяющим.

К счастью, человек ещё достаточно близок к природе, откуда черпает знания о мире, и ему сподручнее оставаться наедине с собой в окружении нерушимой лесной тишины. Она, пожалуй, наилучшее и наиболее мудрое состояние, в котором человеку чаще всего надлежит находиться, чтобы в полной мере постигнуть простую истину: одиночеством мир силён!

X X X

Издали лес представляется сплошь чёрным, немного приблизишься – он голубовато-синий, ещё ближе – почему-то становится серым, с бура, вот уж рукой подать – густая тёмная зелень, а прикоснёшься рукой к хвойной ветке – чистый изумруд!

Чтобы познать истинную суть леса, нужно сначала заприметить его на горизонте, затем превозмочь на пути к нему необъятные заснеженные поля и не отчаяться. Мало того, важно не растеряться при прямом столкновении с вековой чащей, не потеряв чуткости видения и интереса – возгореться ещё большим желанием овладения её тайной, и уж потом осторожно подойти к ней вплотную.

X X X

Ночуя в лесной избушке или у костра, я замечал, что всегда происходит так: разумная часть твоего существа сразу засыпает, но другая, неведомая, свободно уносится в окружающее пространство, летает там и только под утро возвращается.

X X X

Метель может быть жестокой, всегда испытывающей тебя на крепость и даже неодолимой, но никогда – страшной.

X X X

С нетерпением ожидаемое цветение садовых кустов и пение соловья – есть, на деле, самое тяжёлое дыхание весны, когда она просто душит ароматом

жасмина, черёмухи и сирени, что перешёптываются в ночи, как заговорщики, и незаметно всех одурманивают.

X X X

Когда бредёшь на глухариный ток весенней ночью, её темнота ослепляет.

X X X

Из последних сил светит ущербный месяц, подобно боевому быку загибает кверху источенные рога, но получается это у него не угрожающе, а изящно, будто он только играет: вот-вот смирённо опустит голову и, ударив о небесную твердь копытом, выбьет мириады ослепительных созвездий.

X X X

На окраине маленькой лесной деревушки, у давно заброшенной дороги, неожиданно наткнулся я поздней осенью на старого глухаря… Глухарь, видимо, был болен и, потеряв всякую способность ориентироваться, выбрался прямиком к людям. А может быть этого он и хотел?

X X X

Апрельская ночь не может быть глуха…

X X X

Окружающее людей богатство красок животного и растительного мира, а также многообразие его положительных примеров создают для человека исключительную возможность в достижении более достойного существования.

Так, не склонного к самопожертвованию в любви природа отсылает к стремительным и бесподобным в эротической страсти лососям, изо всех сил рвущимся каждую весну к местам былого рождения, чтобы, несмотря ни на какие преграды, продлить древний род. Верность в человеке воспитывают белоснежные лебеди, которые объединяются не на один сезон, а на всю жизнь, и если один из пары погибает, другой остаётся одиноким навсегда, и не делает никаких попыток вступить в новый союз. Взаимное проявление нежности между супругами представляет собой трогательный пример для многих людей. А разве не могут не вызывать уважения упорство и основательность барсука при рытье новых нор после того, как прежние, в который раз, заняла хитрая лисица или енотовидная собака?

Природа как будто подсказывает человеку не отрываться от неё. Оставаясь верной своим законам, она безмолвно оделяет уже тем, что просто существует поблизости. Всегда можно собраться и отправиться в путешествие к её тайнам,

тем более, что тайны эти являются достоянием каждого человека в отдельности. Всякий поэтому должен когда-нибудь задуматься над происходящим вокруг, в конечном итоге – над тем, что мешает ему стать сильным и счастливым.

X X X

Звук глухариной песни настолько не похож на всё когда-либо слышанное, что ухо не всегда его улавливает, даже если находишься недалеко от птицы.

X X X

Увидишь в мглистом ноябрьском лесу запорошенную снегом красную рябину – и вдруг поймёшь, что не сломлена твоя любовь, а только на время склонилась и терпеливо замерла.

X X X

Сумерки в лесу – время более волнительное и тревожное, нежели сама ночь.

X X X

При всей видимой простоте и очевидной устремлённости дерева к росту, человек почему-то не чувствует его жизни так, как он догадывается о секретах существования неуловимых и скрытных животных.

X X X

Не раз примечал, что сосна, на которую глухарь чаще всего присаживается и у которой обрывает верхушки веточек, среди лесовиков она ещё называется «присадочной», почему-то не чувствует себя так привольно, как другие деревья, а будто замыкается, и живёт уже более настороженно, как-то обособленно…

X X X

Много чудес встречает тебя в лесу, и самое запоминающееся – когда, обнаружив его, ты обо всём забываешь.

X X X

Бывает, солнце перед закатом всегда как будто … взбунтуется. На миг шевельнётся в нём последний живой луч, взметнётся ввысь и тотчас потухнет, но ещё долго потом рдеет успокаивающаяся заря, а душа почему-то не перестаёт тянуться к этому солнечному всплеску.

X X X

От солнца кора деревьев светлеет, а от тени – темнеет, и потому светлая сторона, если дерево растёт в редколесье, всегда смотрит на полдень.

X X X

Вымокшие после сильного ливня молодые глухари, тетерева и рябчики становятся лёгкой добычей медведей, которые ловко стряхивают их с деревьев.

X X X

Из всех умирающих времён года жалеешь почему-то только золотую осень…

X X X

Можно иметь от рождения какую-то младенческую слитность с лесом, чувствовать его нутром, не испытывая к нему недоверия и страха, но он всё равно будет проверять тебя своей пугающей дремучей глубиной, в которую не всякий зверь сунется, а заглянув – отпрянет.

X X X

Только весной можно одержать победу над временем, позабыв обо всём.

X X X

Апрельский дождь мочит распахнутую по весне душу так незаметно и чисто, что она и не думает запахиваться, а только ещё более открывается и расцветает.

X X X

Природа может обойтись без человека, но вот человек без природы быстро истратится и изживёт себя.

X X X

Когда тебе хочется поймать птицу, чтобы ощутить её трепетное тепло, ты забываешь, что и сам являешься ею… Всем, чем природа наделила жаворонка или соловья, она в полной мере наделила и человека.

X X X

От холодных ветров северные ели опускают нижние лапы к самой земле, и образуется еловый шатёр – уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека.

X X X

Если не сумел с детства войти внутрь природы, то куда потом ни пойдёшь в лесу – всё везде будет не так и не твоё… Чтобы действительно научиться замечать лесные звуки и запахи, принимая их как свои, нужно жить ими с самого рождения.

X X X

Поведение многих животных и птиц люди воспринимают почему-то только как карикатуру на самих себя, и так же охотно подмечают в человеке животные черты.

X X X

Природа и жизнь всегда обещают, что горсть заботливо посеянных семян даст мешок, так же, как не раз атакованная, но всё выдержавшая правда привлечёт к себе несгибаемую духовную мощь… То, что мы получим больше, чем сажаем, вселенский закон, и необыкновенно радостно сознавать, что он безошибочно работает.

X X X

Каким же чистым надо быть, чтобы, встретившись в лесу лицом к лицу со зверем, не покуситься на его жизнь и не испугаться, а заговорить с ним ласково и просто, как со старым, давно не виденным другом!

X X X

Прекрасная летняя ночь – благодатное время для вольного ветра, что всегда забывается в эту пору на божественном небесном ложе со своей возлюбленной зарёй.

X X X

Развеяв зимние сновидения, ветер к весне становится густым, отягощённым длительными холодами, отчего сердце тревожно, словно вслепую, начинает тукаться в груди и, не давая одуматься, заставляет куда-то спешить. Душе тоже нелегко чувствовать себя стеснённой, она не находит себе места и рвётся наружу…

Успокоиться ей суждено только под осень, когда от неё потребуется вдумчивая проницательность. Весной же все помыслы души - чуть ли не распяты, когда она возносится к ослепительно синим, волнующим небесам…

X X X

Как хорошо, когда в ночном лесу гукает большая и невидимая птица филин… То налетит, то надолго пропадёт, а потом опять неожиданно появится, и всё гукает, гукает, гукает, как будто чего-то ищет и не может найти.

Сам ты тогда тоже невольно начинаешь отыскивать в себе утерянное, и не замечаешь, что ночь, как мать, потерявшая ребёнка, уже нашла тебя и великодушно приняла в свои объятия.

X X X

Надёжно скрытый в глухой чаще глухариный ток – забота природы о сохранении древних таинственных птиц.

X X X

Ни за что не заметишь, как загорается первая звезда, если не будешь пристально смотреть на небо, а когда приглядишься, то различишь и вторую, и третью, и десятую.

X X X

Говорят, ворон кричит – горе вещует, но значит ли это, что он – худая птица?!

X X X

Только в августе неожиданно замечаешь, как утомлён пронизанный светом лист… Так, незаметно и во всём, растворяется когда-то многообещающее буйное лето, а ты и не знаешь – как и зачем тебе жить дальше.

X X X

Пойдёшь, бывало, в лес, задумаешься о чём-либо хорошем, и, не уставая, незаметно забредёшь далеко-далеко, а когда спохватишься – идёшь обратно уже тяжело, и кажется, что не будет конца этой изматывающей дороге.

X X X

Веками находясь на полном лесном пансионе, человек способен возместить понесённую природой утрату только вновь посаженным им лесом.

X X X

Ещё совсем недавно мне так хотелось подстрелить глухаря, подержать его в руках, принести домой и похвастаться перед близкими редкой добычей…

А теперь я и в мыслях не допускаю убийства, и только расплачиваюсь за былое невежество, моля лесного бога о великодушном снисхождении.

X X X

Сорвавшийся в тиши сентября лист не спешит ложиться на землю и долго кружит в воздухе, будто выбирая место, куда лучше упасть. Октябрьский листопад в этом смысле уже не имеет никаких желаний: берёзовый и осиновый дождь сыплет без удержу, потому как ветки спешат избавиться к зиме от лишнего веса, а ветер разносит безжизненные листья куда придётся.

Хорошо в такую пору ощутить и себя одиноким порыжевшим листом, уносимым непогодой в необозримые осенние дали…

X X X

Если на току стоишь прямо под поющим на самой верхушке дерева глухарём, то кажется, что песня его исходит неведомо откуда.

X X X

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются между собой, как осенью или летом, а только прислушиваются друг к другу, и ждут всеобщего пробуждения. Но иногда, где-нибудь в глубине января, налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутся, недовольно застонут, и ещё долго будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому, что потревожили их величественный покой. А потом – опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание.

X X X

Урчит котелок на костре – и это уютное клокотание напоминает какую-то диковинную лесную песню, что смешивается со звёздами и дымом и, убаюкивая, безвозвратно утекает.

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого мира.

X X X

Природа только тогда наделит нас всей своей силой, когда наша душа придёт в полное соответствие с ней.

X X X

Когда в ясную апрельскую пору встречаешь в лесу весну, всегда думаешь: с кем бы поделиться этим счастьем?

X X X

Как замолкнет кукушка – из тенистой лесной чащи начинают осторожно выступать на солнечную опушку озорные бесенята, а их батька – старый лешак, так и сидит в потаённой глуши, но не пропускает мимо своего внимания ни одного человека.

X X X

Когда цветы отцветают, они уже пахнут не собой, а тем, ради чего жили.

X X X

Сколько бы ни ожидал, ни лелеял в душе весну, а она всё равно обрушивается на всех как неминуемое тепло и благо.

X X X

Старое, давным-давно поломанное грозой дерево в своей жизненной борьбе проживает порой более насыщенно, чем молодое и здоровое.

X X X

В лесу постепенно обнаруживаешь в себе какую-то не знакомую раньше звериную повадку, и совершенно забываешься как человек.

X X X

Иногда можно опьянеть от апрельской лесной дороги и задремать прямо у обочины, на снегу, под открытым синим небом и ярким солнцем!

X X X

Так ярко, зазывно играют звёзды всю зиму, что к концу весны постепенно старятся, бледнеют и вскоре становятся совсем немощными.

X X X

Чудесен старинный сосновый бор, в который вступаешь, непременно перекрестившись.

X X X

Жизнь состоит из тёмного и светлого, но никогда это сочетание в ней до конца не смешивается. Рано или поздно всё светлое тянется к солнышку, а тёмное убирается в тень.

X X X

Случается, буря повалит ель прямо поперёк тропы, и вывернутые вместе с дёрном корни угрожающе вздымаются над ней, как разъярённый медведь… С опаской обходишь такой вывороченный корень и долго не можешь избавиться от ощущения, будто кто-то неведомый заглянул тебе в душу, предрёк нечто ужасное, но ты всё равно продолжаешь свой путь, зная, что и старое, поломанное грозой дерево в своей борьбе за жизнь нередко проживает более насыщенно, чем молодое и здоровое.

X X X

Мой самый дорогой апрельский день смотрит на меня, как преданная собака: глаза расширены от переполняющих чувств, они несут в себе всё то замечательное, что между нами было, и никогда этого не забудут, оставаясь со мной навсегда.

X X X

Копалуха на току может неожиданно, со всего лёта, удариться человеку прямо в ноги или в грудь, отчего сразу опешишь: что вдруг почудилось в тебе возбуждённой весенней страстью птице? Может быть, сам царь лесов – глухарь?!

X X X

Иногда, в январе, над лесом повисает такая беспросветная холодная ночь, что глядеть в неё, даже из деревни, жутко. И всё же душа твоя, не задумываясь, отправляется туда, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на встречу.

X X X

В запахе цветущей сирени соединяешься с чем-то бесконечно далёким, полузабытым в душе, но не исчезнувшим до конца.

X X X

Учёные обнаружили у животных целую гамму чувств с очень большой общественной значимостью: потребность в общении, самоутверждение, лидерство, подчинение авторитету сильного и более опытного. Есть ещё и сопереживание с подражанием, и любознательность. Допустимы, вероятно, и биологические корни справедливости, даже - определённая склонность к искусству. А у детёнышей, например, наблюдается потребность в игре, и она, разумеется, включает в себя зачатки воспитания будущих чувств и поступков…

Не переставая трудиться, природа, на примере животных, словно готовит существование нового человека, способного более достойно относиться к жизни животных, и не пропустить своей, настоящей.

X X X

Токующий глухарь обычно сидит вполдерева, ближе к стволу, будто боясь, что ветка его не выдержит в момент наивысшего любовного возбуждения.

X X X

Люблю лето за потаённость тенистых аллей и опушек, где никого нет, но всё-таки кто-то присутствует…

X X X

Белое зимнее солнце, то и дело, ныряет в серых облаках и, кажется, совсем не светит, но если не упускать возможности понаблюдать за ним, вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

X X X

Сойка, как и сорока, птица очень беспокойная, крикливая, что само по себе порой неприятно, но, всё же, песня её отличается от сорочьего стрекотания неожиданной мелодичностью.

X X X

Ночные снежинки падают на землю словно бы из ничего, радостно переливаются, играют и, отражаясь от собственного волшебного света, устилающего землю, так же просто зажигают в невидимой вышине живые звёзды.

X X X

Просто смотришь на бесконечное пространство русских лесов и полей, а к себе возвращаешься уже с новым, углублённым взглядом.

X X X

Отсутствие необходимых знаний о природе порой создаёт у человека не совсем верное отношение к жизни животных.

Характеризуя, например, взгляд сов как пристальный, не многие догадываются, что оно основано на их способности видеть предмет одновременно обоими глазами.

Кровожадную устремлённость волка принято путать с постоянно присущей ему потребностью неутомимо покрывать большие расстояния в отыскании добычи, которую он находит далеко не везде и не сразу.

Чиж, по неизвестной причине, наиболее дружелюбен в отношении к человеку, нежели другие птицы. Даже пойманный во взрослом возрасте, он способен быстро установить с ним контакт. Но что побуждает его к этому, и так ли он на самом деле к нему привязан?

Когда наблюдаешь высоко кружащего в небе ворона, складывается впечатление, что он, в основном, летает, чтобы доставить себе удовольствие, с радостью используя всю полноту предоставленной природой свободы. Да только ведомо ли человеку, что в действительности занимает таинственную птицу?

У всех зверей и птиц способность чувствовать находится в прямой зависимости от уровня развития потребностей, и потому самые высокоразвитые живые существа напоминают в этом смысле человека. У многих из них глубина переживаний, вероятно, неизмеримо выше, и пока, по большей мере, недоступна для нас.

X X X

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами великан лось или присевшая на ветвь птица. Ослабевший листок может отделить от ветки

зацепившийся за него паучок, что благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья…

Но иногда у листа хватает сил оставить дерево самому. Без чьей-либо помощи он вдруг отчего-то шевельнётся, оборвётся и полетит, принадлежа теперь только себе.

X X X

В лесу, особенно после достаточно длительного общения с ним, иной раз приходит такая ясная мысль, что от неё начинается новый, более интересный жизненный путь.

X X X

Смотришь на огромный, в два обхвата, ствол лиственницы, и не можешь поверить, что это мощное древесное тело созидалось невидимым воздушным пространством!

X X X

Красотой и мудростью природы можно насыщаться бесконечно, только нужно на время остановиться, попытаться переварить вмещённое и обязательно от него избавиться, в чём-либо выразив.

X X X

Под тёмным еловым пологом леса идёт своя замкнутая, неторопливая и мудрая жизнь, и утомлённая от постоянного отчаяния душа человека здесь, со временем, отмякает, делая его лицо кротким, а поступки – небоязливыми.

X X X

Огонь и ветер не любят напора, хотя это и составляет их суть. Вот и от человека они, порой, ждут благонравия в поступках, и время от времени даже подсказывают, как ему надлежит поступить.

X X X

Весенняя луна восходит, обычно, крадучись, осенняя, кажется, взгромождается над твоей судьбой.

X X X

Когда подступает тепло, лес темнеет и затаивается, так что не знаешь, чего от него ждать.

X X X

Звёзды на небе сверкают как будто из одной плоскости, но на самом деле – из разных точек бесконечности. Ночная земля – самое удобное место для созерцания их зримой недосягаемости и беспредельности.

X X X

Если лес с рождения живёт в тебе, то, попав туда, достаточно раз всё увидеть, чтобы полностью принять и впитать его.

X X X

Стремление бабочки на свет – это соблазн неосознанного постижения ею своей природы.

X X X

Сырой апрельский туман не рассеивается обычно до тех пор, пока не напитает живой влагой деревья, кусты, землю и воздух, и только когда этим ароматом проникнется и человеческая душа, из-за тяжёлых туч покажется, наконец-то, радостное солнце.

X X X

Добродушным кажется лесной боярин-топтыга, когда спит целую зиму в берлоге. Соляными горами высятся над ней крупчатые снежные сугробы. Не будит медведя даже мартовская капель.

И вот однажды, когда день уже обогнал ночь и в потёмках апрельской тишины скрипнул под кем-то крепкий наст, поднимается из-под снега седой и рассерженный на весь свет ворчун…

X X X

Не красота поражает во встреченном в лесу зверьке, а какая-нибудь удивительная особенность жизни, отличающая его от других животных.

X X X

Только весной понимаешь, что сильнее всего на свете ни солнце, ни вода и ни ветер, а человек.

X X X

Когда все деревья в лесу сбросят свой наряд, рябина алеет яркими круглыми бусами.

X X X

В жизни, как и в лесу, человеку хорошо бы, как можно раньше, отложить всякие надежды на чью-либо помощь, и надеяться только на самого себя.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь, как бы быстрее пережить зиму и обрадоваться весне, но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от жажды незаслуженных приобретений.

X X X

Ночная пороша лежит легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – поднимается вдруг целой тучей мятущихся звёздочек, и ну всех жечь да колоть без разбору!

X X X

К человеку приходят именно те звери и птицы, которые ему нравятся, а привлекает он их своим теплом, вернее – духовной энергией.

X X X

Чуждо и омертвело разносится по лесу охотничий выстрел, так что всё сразу в нём притихает и, насторожившись, тревожно вглядывается своими зелёными глазами в то, как бьётся во мху, теряя выдранное дробью перо, раненая птица…

X X X

Посреди холодного апрельского дня поверхность всех больших луж вдруг заволновалась от множества лягушек, воздух наполнился самыми разнообразными звуками, и вскоре стало совсем тепло.

X X X

От солнца, ветра и поблескивающего наста молодой березняк, вроде бы, отрывается от земли и плывёт над ней нежно-розоватым вздрагивающим облачком.

X X X

Коротка медвежья любовь, длится от силы неделю-другую, и оттого медведица, по народному убеждению, пролежав в берлоге чуть ли не полгода и поднявшись из неё с прибылыми медвежатами, которые не отстают от матери всё лето, якобы, оставляет при себе пестуна в качестве няньки. И ещё на тот случай, чтобы не оказаться по осени холостою, если ей не повезёт встретить взрослого самца…

На самом деле всё это, конечно, далеко от истины, и больше похоже на добрую сказку, да только нет суда на заботливую народную молву!

X X X

Каждая птица, дерево или лист тянутся ко мне в лесу рассказом, ищут меня и будто подсказывают, что всё замечательное в них уже давно есть, и ничего не надо выдумывать.

X X X

Случайные впечатления в лесу бывают более весомы, нежели длительное и кропотливое изучение природы.

X X X

Ночью берёзы излучают какой-то странный свет, сокрытый в дневную пору.

X X X

Для каждого человека жизнь устроена так, чтобы нельзя было насладиться ею до конца, и именно поэтому мир природы, даже в своей повторяемости, одаривает нас удивительным разнообразием и увлекает в недосягаемую бесконечность, призывая не успокаиваться, останавливаясь на достигнутом.

X X X

Нередко случалось мне встречать в лесу медведей, но ни один из них ни разу не повёл себя агрессивно, а стремился поскорее избежать столкновения, оставляя о себе память лишь мелькающим маленьким хвостиком.

X X X

Нет ничего милее ночёвки у костра в весеннюю тихую ночь, перед выходом на глухариный ток… В такую ночь любишь всех людей, весь лесной мир, глухо окруживший тебя, и всегда почему-то чувствуешь, что ты не одинок.

X X X

Меня всегда необыкновенно занимали повадки дикого лесного зверя, но ещё более усиливали чувство жизни бесшумная грациозность полёта птицы и её безграничная воля.

X X X

Каждую весну приходит такой день, когда всё в природе стряхивает сон, радостно перешёптывается, вскрикивает и ухает на разные голоса, играет, а человек этого не замечает.

X X X

Как звери живут, так и мы, но только мы не перемогаем себя, как они, и убегаем от своих человеческих обязанностей.

X X X

Всю зиму держишь в голове мысли и про зайцев, и про волков, и про куниц с лисицами, и про медведей, а придёт весна – и занимает только своя собственная душа, которая полнится светом, водой и цветами.

X X X

Стылый апрельский дождь заметно съедает последние следы зимы, но пока его не сменит тёплый, движение сока в берёзах не начнётся.

X X X

Порой почему-то кажется, что среди всех лесных деревьев одна ель постоянно спит, ничего не видит и всё пропускает мимо своего внимания, но именно она у людей пользуется особенной любовью.

X X X

Страшен разъярённый лесной исполин – медведь, но если, по утверждению бывалых лесовиков, удастся однажды неожиданно для зверя хлопнуть в ладоши в

непосредственной близости от него, да ещё при этом пронзительно крикнуть или свистнуть, с медведем может приключиться известная болезнь, а при сильном испуге – даже смерть.

X X X

Натолкнувшись на потаённую тропу в каком-нибудь глухом ложке, с укромным ручейком, первым делом почему-то подивишься: что тут делали люди? И уж потом только сообразишь: ведь это набили себе путь к воде великаны лоси, и здесь же водил на водопой свой выводок старый барсук!

X X X

Множество икринок в рыбе или семян в отдельной шишке не есть свидетельство того, что в будущем каждая из них станет особью, а есть только стремление к объединению и умножению, подтверждающее невероятную мощь природы.

X X X

Свобода выбора, присущая только разумному существу, подразумевает под собой, в лучшем случае, движение вперёд, к росту… Ей, этой свободой выбора, как ни странно, не обладает природа. Природа уже создана на такой гармоничной ноте, которую человек должен почувствовать и продлить в своей душе. Если он нарушает эту окружающую его гармоничную тональность, то обрекает себя на бесследное исчезновение, тогда как мир природы будет существовать вечно.

X X X

Одиночество дерева и одиночество человека…

Дерево в одиночестве гонит сок, тянет ветви к небу, радует птиц, зверей и человека, совместно с другими деревьями созидая богатый лес.

Человек одиночества не переносит, дичится его и не ведает своей сокровенной судьбы.

X X X

Как легко, должно быть, жить, не ставя себе никаких целей! Но сможет ли жить подобным образом человек без ущерба для своего душевного здоровья? Наверное, душа - есть осознанная потребность трудиться в отыскании верного пути, а в лесу она не может себя не обнаружить, и как будто впервые появляется на свет, испытывая ко всему окружающему неподдельный интерес.

X X X

Раньше, покупая лошадь, люди обычно смотрели, какие она оставляет следы… Если на следах недоступ – лошадь плохая, ленивая или больная, а коли переступ – хорошая.

Только лесные звери ставят задние ноги на след передних. Никогда не сбиваются они с тропы, не теряют ритма бега. Лёгкие их дышат свободно, сердца не думают уставать, и не удостоенные искреннего внимания человека, звери не позволяют себе быть хорошими или плохими.

X X X

Нет в лесу ничего страшнее, чем качающиеся в бурю деревья.

X X X

Наступает весна, и птицы, набирая силу, готовятся к перелёту. Скоро они уже будут дома: впереди – самые сильные и выносливые, принимая на себя основную тяжесть нелёгкого пути, молодые – несколько отставая и теснясь боязливо к середине, где воздух более разряжен от махания сотен крыльев их старших товарищей.

Полёт птичьей стаи – это не хаотическое взмахивание крыльев, а строгая внутренняя организация, не в пример человеку справедливая и жизнеутверждающая.

X X X

Выдастся осенью такой день, когда оранжевые сыроежки попадаются под ногами, как бесчисленные осиновые листочки – яркие, притягивающие, живые, и ты бредёшь среди них, и выбираешь самые привлекательные, спешно избавляясь от тех, на которые позарился поначалу, а грибов с каждым шагом становится ещё больше, и все они кажутся радостнее и краше…

X X X

Давно сошёл в полях снег, но навоз, в обилии оставшийся на дорогах после зимы, до сих пор предохраняет от таяния лёд, по которому можно ездить на санях.

X X X

Когда листья на деревьях закрыли собой оголённое весеннее пространство, на душе становится покойно, и ты уже, кажется, не способен на какое-либо безумие, как это было совсем недавно.

X X X

Осенние прохладные цветы за окном, как бы робко они ни смотрели, чаще всего вызывают в душе надежду, что любовь обязательно придёт к тебе, если даже упустил её буйным летом.

X X X

Листья падают, шепчутся, а заяц, слушая, замирает и дрожит.

X X X

Подчас защитные уловки некоторых насекомых, птиц и зверей бывают доведены до такой художественной изощрённости, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг угрожающего ему вида. Так, у некоторых бабочек сложенные крылышки создают не только удивительное подобие сорвавшегося с ветки осеннего листа, его сухих прожилок и окраски, но даже дырочек, в точности воспроизводящих прокусы личинок жуков.

Зачем природе понадобился столь утончённый обман, если в нём нет острой необходимости? Может быть, она заранее предчувствуя катастрофические для себя изменения в будущем, готовится к ним, стремясь во что бы то ни стало сохранить жизнь? Любопытно, что в этом созидательном стремлении природа до совершенства оттачивает свою красоту.

Несомненно, что красота должна нести в себе определённые функции. Так же, как белый снег убаюкивает сознание, давая ему возможность передышки, красота наполняет сердце радостью жизни. Но может ли красота, развившаяся как результат воссоздания защитной реакции, вдохнуть в душу весну?

Наверное, красота рождается для того, чтобы в окончательном варианте на земле восторжествовал мир, и никогда не исчезало удивление от его неповторимости.

X X X

Расцвет зари продолжается четверть часа, но как нескончаемо радостно горит рождённый ею мимолётный свет!

X X X

Снег падает бесшумно, но когда поднимается ветер – слышится шёпот снежинок, как неясный разговор, доносящийся откуда-то сверху, с небес…

X X X

Весной налетают совершенно голые, не прикрытые ничем запахи, лыжи гулко колотятся о застывшие края лесной колеи, и голова идёт кругом. Утренней

весенней порой представление о мире выходит из берегов и расширяющимися беспокойными кругами уводит воображение в далёкие, неведомые уголки сознания. Возрождающаяся в тебе жизнь как будто устремляется к кому-то с восхищённой благодарностью за переживаемую радость, но благодарить некого.

X X X

В осеннем воздухе иной раз мелькнёт нечто, что копилось в нём с самой весны, но не договорив и не додумав, вдруг угаснет… Посмотришь туда и подумаешь: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени и, не в силах противостоять, без особого сожаления уступило.

X X X

В последний миг рассудительной и серьёзной зимы ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться от её дремотных пут, полететь куда угодно и ни о чём больше не думать.

X X X

Человеку бы догадаться и подстеречь, как с восходом солнца распускаются белые лилии, осторожно показываясь из-под воды, но он пропускает это важное для себя движение Вселенной, без которого ему ни за что не подступить к осознанию своего счастья.

X X X

При видимом однообразии зимней повести – никогда не устаёшь листать её заснеженные страницы.

X X X

Ива, выворачивая листья под ветром, неожиданно становится … серебряной. Эта сторона жизни дерева, что часто остаётся незамеченной, удивляет и несколько озадачивает. От неё веет приятной и обаятельной тайной.

X X X

Без удержу играет глухарь в ночи, всё уверенней раздаётся его восторженная песня и неожиданно затихает. Вытянув шею, птица долго прислушивается к чему-то, переминается на суку и изредка зобает горлом, а потом опять принимается возвещать пробуждающейся земле о своей сокровенной судьбе. И ты, не в силах

постичь мотивов её поведения, но всё же наслаждаясь присутствием этого древнего гостя, вдруг с какой-то неизбывной горечью осознаёшь свою полную ненужность в этом удивительном лесном мире.

X X X

Ворона всегда сидит на гнезде так, что с одной стороны, если хорошенько приглядеться, у неё виднеется нос, а с другой – хвост, и всё вместе представляется удивительно смешной толстой птицей, вот-вот готовой разродиться какими-то невиданными птенцами, которые с неслыханным доселе криком скоро разлетятся по лесу и разбудят его.

X X X

Скрытые весенним туманом, громко перепархивают в ельнике рябчики, от звука их крыльев, будто разрывающих шёлк, тревожно вздрагивает в груди сердце. Чистый призывный свист пронизывает лес неожиданно и ошеломляюще откровенно. Доступность безбоязненно привлекающих к себе внимание птиц – есть признак совершенства лесной жизни, и рябчики – её восторженные и тонкие провозвестники.

X X X

Осенью всегда заглядываешься на отражение деревьев и неба в какой-либо лесной колее, заполненной водой, но никогда не додумаешься вглядеться в весеннюю лужицу.

X X X

Из всех певчих птиц, пожалуй, самая близкая человеку – скворец. Скворцы прилетают ранней весной, когда ещё лежит на полях снег. Прилёт скворцов – верный признак близкой надёжной весны. После прилёта птицы тотчас начинают устраивать гнёзда, выводят птенцов. В это время скворцы поют звонкую и радостную песню.

Чем больше подрастают птенцы, тем короче становится песня скворца. Когда молодые скворчата начинают летать, вся семья покидает домик, заблаговременно приготовленный человеком, и песни скворцов прекращаются. Летом скворцов очень трудно увидеть: они стаями кочуют в густом лесу и на отдалённых полях.

Что вынуждает птиц разрывать соседство с человеком, в непосредственной близости с которым они выводили совсем недавно своих птенцов, и вроде бы должны быть благодарны ему за это? Наверное, неизбывная воля, что в природе и две возьмёт!

X X X

Мороз сердито куёт, а тоненький месяц радостно светит ему, и чему-то улыбается.

X X X

Весенняя ночь светла долгожданной надеждой!

X X X

Сорока обклёвывает спелые вишни и клубнику, выбирает самые сладкие яблоки, но получается это у неё так весело, что почти не сердишься на шкодливую птицу.

X X X

Вода в ладошках человека – это не только чистый глоток, но и отражение колыбели всей его жизни.

X X X

Понимая, что люди из-за собственного несовершенства всегда обоготворяли слабых зверей, наделяя их только добрыми свойствами, а сильных и приносящих, по их мнению, беды – глупыми, хочется не обращать лесную жизнь в красивую сказку, а честно показать её удивительную быль.

X X X

Зима ещё тужилась январскими морозами, а душа уже желала ослепительного марта, когда же в лесу потеплело и во всём почувствовалась весна, в ней незаметно совершился счастливый поворот на лето… Теперь на дворе стоит батюшка июль, и я не знаю – наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый сентябрь?

X X X

Весной особенно досадно становится оттого, что мало знаешь о жизни леса, и начинаешь с большим пристрастием вглядываться в него, постепенно постигая: чувство жизни и память у человека несоизмеримо меньше, чем у многовековой лесной чащи.

X X X

В апреле случаются такие живые ночи, в которые ничто не знает сна, двигается, кричит, и наоборот, в мае, когда всё расцвело и жизни только прибавилось, на лес вдруг наваливается мертвецкая тишь, и кажется – уже не бывать рассвету.

X X X

Когда перестаёшь охотиться на зверей и птиц, природа постепенно приближается к тебе и трогательно открывает самые заповедные секреты.

X X X

При общей схожести жизни, звери и птицы, между тем, значительно различаются… Без назойливости настойчиво кычет в ночной чаще сова. Отрешённо, будто задумавшись о чём-то, бродит по закраинам затягивающихся мелколесьем вырубок лось. Неотступно преследуя кого-то, пакостливо шляется по лесам росомаха. Медведь неторопливо ступает. Озорно метнётся в высоких ветвях белка. Тронет лёгким галопом по полю весь подобравшийся изнутри косой. Кажущийся понурым, бредёт пробитой в глубоком снегу тропой несгибаемый волк. Крадучись, тянется под утро к деревенским задам след рыскающей лисицы…

Всем им суждено в близком соседстве просуществовать свои неповторимые жизни, не отдаляясь и, в тоже время, не мешая друг другу своим присутствием. А человеку надлежит разгадать эту скрывающуюся под тёмным еловым пологом разнообразную звериную тайну, от познания которой его безнадёжно отдаляет собственное невежество и отсутствие терпения.

X X X

Мартовской морозной ночью стоит такой хруст, что кажется, будто это звёздам на небе тесно, они сцепляются своими острыми краями, и никак не могут расцепиться.

X X X

Как важно увидеть природу правильно в первый раз, суметь не привыкнуть к её красоте, переставая всему в ней удивляться!

X X X

Словно забавляясь, беззлобно тешат весной людские души бесплотные, но сильно ощущаемые лесные существа, аж дух захватывает. С укоренением лета в лесах начинает дурить леший, обходя незадачливого путника или грибника. «Чёрт ногу сломит», - можно сказать про осень. Но ни в какую другую пору, кроме как

зимой, нечистая сила не действует на человека с такой одурманивающей тайной и мраком, отчего становится ещё слаще жить, втайне загадывая у жизни о самом сокровенном.

X X X

Никогда не различишь в густоте еловых веток беличье гайно, сколько его не высматривай, а белка появится всегда неожиданно, и своей доступностью развеет желание, во что бы то ни стало, отыскать её скрытое жилище.

X X X

Хотя берёзы и осинки с началом зимы одеваются в воздушные пелерины и балетные пачки, а ёлочки торжественно расправляют на себе накрахмаленные кружева и воротнички, они не спорят и не хвастаются друг перед другом нарядною белизной.

X X X

Будет лучше, если оказавшись в лесу, ты сразу преодолеешь неудержимое желание завладеть зверем, сделав его только своим.

X X X

Бывает, в одну ночь всё вокруг застилает белое остолбенение пришедшей зимы, и именно тогда возвращается всем известная, но забытая новизна радостного отношения к жизни.

X X X

Только весной, когда всё распускается и набирает аромат, можно сидеть рядом с женщиной до самого утра, смотреть на неё и молчать.

X X X

Рад старый мошник лесной тишине, когда его никто не беспокоит… Бродит между заснеженных деревьев в ожидании скорого тока, неспешно щиплет опавшую сосновую иглу, и не ведает, как он таинственно красив.

X X X

В предрассветном зимнем сумраке волки после ночной охоты спешат на лёжку в мрачные крепи. Человеку трудно вообразить, что звери с удовольствием

укладываются там прямо на мёрзлый снег, и сладко дремлют в лучах еле пробивающегося сквозь частые ветви скупого морозного солнца.

X X X

Всю зиму, в нескончаемые метели и стужи, ждал я того, как положу на ладошку, не проснувшуюся до конца, бабочку, дохну на неё, а она встрепенётся, качнёт крылышками и вмиг улетит.

X X X

Полная луна легко скользит в чуть замутнённом морозном небе. Всё в природе околдовано её пустынным светом, а вокруг совершенно безлюдно. Сверкающие сугробы подчёркивают залёгшие между ними таинственные тени. Ни единого звука не доносится с укромно замерших поблизости деревень…

Стоит чудесная зимняя тишина, и синие, рассыпающиеся морозной пылью колеи дорог убегают в неведомую глубь заснеженной России.

X X X

Очень важно не расплескать себя за весну и, когда всё в ней приходит в движение, подняться и вместе со всеми лететь, переживая необычайную радость.

X X X

Все заботы весеннего леса умещаются и в твоём сердце, потому что главная из них – любить.

X X X

На белой чаше кувшинки замерла голубая стрекоза, покойно отливает затаившейся глубинной чернотой лакированная поверхность воды, и воздух дышит разомлевшим жаром, но перед глазами почему-то встают промёрзшее до дна болото, застывшие пузырьки во льду и неприкаянно шелестящие порыжевшие стрелки иссохшей осоки. Одна душа, а вмещает в себя весь мир!

X X X

Как завораживающе потягивает весной острой сыростью из тёмных оврагов, представляющихся бездонными! Их ледяная прохлада и сковывает, и манит, и не позволяет чего-то до конца постигнуть. Она насквозь пронизывает ускользающим дыханием зимы, что ещё многое хочет сказать, но уже не может.

X X X

Когда пыльца цветущих растений засыпает поверхность лесного озера и оно уже не отражает зажигающихся над ним звёзд, распустившихся веточек деревьев и весёлых солнечных бликов, душа тоже как будто укрывается невидимой ароматной плёнкой и, уютно завернувшись в неё, с благоговением замирает.

X X X

Зимой самая обыкновенная деревенская жизнь становится волшебной.

X X X

Многие названия птиц, зверей и растений произошли, вероятно, от подражания человеком их голосам и шорохам. Названия эти, конечно, не точны, поскольку изобразить звуками человеческой речи голоса и песни природы просто немыслимо. Звери, например, издают не совсем ясные музыкальные тона, и каждый человек передаёт их на свой собственный лад.

Но, тем не менее, птицы и звери, как и многие явления природы, научили человека говорить. Благодаря им он обрёл удобство в возможности различать и выражать многообразие жизни.

Ещё названия зверей и птиц несут на себе отпечаток их собственного характера и повадок. В силу многих обстоятельств, они отражают, более или менее удачно, суть зверя. Зачастую своё наименование зверь получал лишь за какую-нибудь одну, даже не выражающую полностью его характер или привычку черту, как, скажем, медведь за любовь к мёду… Все же остальные его склонности оставались в тени.

Если название зверя при этом было достаточно поэтично, то оставленным без внимания достоинствам приходилось потесниться. Ведь тот же медведь, которого древние славяне именовали «ортоксом», мог с таким же успехом называться «малиноедом» или «топтыгиным», но в народе остановились именно на «медведе» - звере, поедающем мёд, то есть – «медоуед». А уже затем это слово постепенно преобразовалось в «медведь», потому как люди видели в этом ещё и забаву, некоторую симпатичную черту животного.

X X X

В апреле за километры слышно, как чёрный дятел-желна выбивает крепким клювом дробную трель на сушине… Где-то далеко, на разливах реки, трубят по зорям журавли, и их голоса напоминают звук охотничьего рога. На высоких деревьях, прямо за деревней, старательно хлопочут у гнёзд грачи, заражая своей озабоченностью всю округу. С заходом солнца над сиреневато-коричневыми верхушками ольхи и берёзы слышится мерное хорканье и цвиканье вальдшнепа.

Вроде бы, пришёл конец лесной тишине, в воздухе дохнуло вешним теплом и пробуждающейся жизнью, но на ночь умолкает даже говор ручьёв, и они покрываются тонкой плёночкой льда…

X X X

Самыми обычными цветами – подснежниками, горицветом и медуницей, весна лечит наши израненные души.

X X X

Если снега к весне навалило много, и он достаточно уплотнился, но крепкого наста ночной мороз, всё же, не замостил, то, забравшись днём глубоко в лес, можно не бояться утонуть во влажных сугробах: лыжи даже среди деревьев не проваливаются и, сильно намокнув, как ни странно, не собирают на себя липкий снег.

X X X

Когда берёзки и осинки начинают сыпать золотые «монетки», ярко-оранжевая большая сыроежка становится ещё красивее, и ты даже без особой нужды поклонишься ей и срежешь.

X X X

Из надломленной ветки берёзы в ручей капает мутновато-белый сок, но раствориться не торопится, а лишь вытягивается по течению в мутновато-белые струйки, напоминая сказочную молочную реку с кисельными берегами.

X X X

Почему-то именно у куниц, норок и соболей, обладающих драгоценной шкуркой, часто случается так, что самка после родов тотчас погибает, истратив все силы.

X X X

Только поэзия природы сохраняет в нас то и дело угасающий вкус к жизни, а без него не было бы никакого творчества.

X X X

Почему-то всегда вызывают недоверие люди, которые слишком любят животных или не любят их совсем.

X X X

Ветер, кажется, несёт в себе такую неизбывную грусть всей необъятной Вселенной, что Земля не в силах принять его целиком: так он далёк от неё в своём гордом одиночестве, лишь на время прилетая из дальних миров… И хоть ветру, говорят, пути не заказаны, но как это верно, когда именно от человека пахнет дальней дорогой и ветром!

X X X

Из всех лиственных деревьев берёза с липой по осени - ближе всего человеку, потому как отдают всё до последнего, оставаясь наедине с непогодой.

X X X

Совсем недавно замкнутый, глухой и тяжёлый, белый простор полей в марте становится неожиданно выпуклым, ясно очерченным, и кажется, будто снега поют!

X X X

Майские холода – совсем иная весна, далеко отличная от той, что только намечала рождение жизни, затаиваясь в глубине розовеющего мартовского утренника.

X X X

Выпадет такое время в жизни, когда ты не в силах объяснить свои поступки: сильно заколебалось твоё сердце, и душа, кажется, оборвалась… Но, пробудившись однажды поутру, в деревне, выйдешь на двор, и через всё чистое в природе вдруг неожиданно откроешь себя самого – нового, другого.

X X X

Весной зайцы, бывает, подолгу замирают на утренних опушках столбиками, так что скоро наскучивает наблюдать за ними. Они почему-то сразу представляются неинтересными и почти не волнуют.

Идёшь не спеша дальше, а зайцы всё так же стоят, словно позабыли что-то и никак не могут вспомнить. А может быть, они просто наслаждаются ласковым солнечным теплом, и так им от этого хорошо, что они никого не замечают.

X X X

Будучи здоровым и счастливым, никогда не придашь в лесу значения тому, что составляет суть его жизни, и по-настоящему оцениваешь её лишь после глубоко пережитой сердечной боли.

X X X

В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми.

X X X

Тысячи лет назад людей переполняла боязнь диких зверей, которых они поэтому и одухотворяли. Боязнь, что звери могут принести человеку зло, породила в людях чувство бессилия…

Чтобы перебороть страх, человек избрал путь уничтожения животных, отчего в нём постепенно развилось обманчивое ощущение власти над природой. Власть эта стала его неистребимой и унижающей страстью.

X X X

Перед самой зарёй каждое дерево, травинка и птица всегда хранят тишину, будто ожидая: что она принесёт им сегодня?! И мир на какое-то мгновение становится совершенной тайной.

X X X

Если находиться в лесу какое-то время неподвижно, то вскоре звери и птицы перестанут тебя замечать.

X X X

Тихо падает снег, укрывая землю благодатным теплом, а в человеке так же незаметно растёт понимание жизни и её красота.

X X X

От золотого солнышка и утро золотое, и день, и вечер, и голоса птиц, и твоё настроение.

X X X

Пахучие апрельские туманы не задерживаются на открытых местах и быстро растворяются, в густых же ельниках застревают надолго и будто ждут там чего-то глубоко желаемого, но несбыточного.

X X X

Сорочье царство всегда чёрно-белое, вроде бы, давно наскучившее, но не каждый догадывается о скрытой в нём перламутровой зелени… Ведь именно по ней в народе судят о необыкновенной сказочности этой птицы!

X X X

Встречаются люди, от природы имеющие пристрастие, даже – любовь к определённым животным, так что между ними тотчас возникает какая-то инстинктивная внутренняя связь, миновать которую они не в силах. Животные словно околдованы вниманием, что проявляет к ним человек, его внутренней тайной, которую он сам для себя пока объяснить не может. Чутко угадывая, что мучает человека и лишает его покоя, звери, быть может, узнают в нём нечто родное, и именно поэтому, наверное, пытаются ему помочь, изредка попадаясь на глаза.

X X X

Наблюдая весной за птицами, порой теряешься: чего же больше в их пении – труда или праздной радости?

X X X

В лесу я больше предпочитаю чувствовать, догадываться, и не стремлюсь сразу всё увидеть и понять.

X X X

Весенний ветер несёт по небу лёгкие облака – и такими же вольными рождаются во мне мысли… Жажда невидимых устремлений гонит по стволам деревьев сок – и тело моё заполняют уверенность и сила.

X X X

Если хоть раз наблюдал, как грациозно поднимаются по склону глубокого распадка отъевшиеся за лето медведи, то никогда не забудешь круглые, забавно колышущиеся зады зверей, их блестящие роскошные шкуры и поразительную

игривость, с какой они способны передвигаться в эту пору. А вспомнив однажды всё это, улыбнёшься и поблагодаришь лес за его откровение и силу.

X X X

Человек и животные очень похожи, и им нечего делить.

X X X

Ясным апрельским днём, при добром морозце и ветре, солнце так остренько покалывает кожу, что по всему телу разливается весёлый жар. Кровь радостно ударяет в щёки, лоб и уши, они горят вместе с искрящимися снегами, всё вокруг играет. Вот когда забываешь об усталости и хочется, чтобы день этот никогда не кончался, и солнце светило всегда по-весеннему, без удержу, и ветер не позволял облакам скрыть напружиненную от восторга небесную синеву.

А как приятно чувствовать на этом ветреном и ярком солнце разухабистую весеннюю жару!

X X X

В народе бытует твёрдое убеждение, будто бы юркие ласки, часто проникая в деревенскую конюшню, вылизывают с крупов, хвостов и грив лошадей недостающую соль. Вёрткие и стремительные, они быстро запутывают жёсткий конский волос, постепенно заплетая его в своеобразные косички. Нетрудно вообразить себе беспокойство лошадей, но всё-таки хочется думать, что это доставляет им удовольствие.

X X X

Всё в природе растёт, цветёт и рано или поздно умирает, но ничего этого, умершего, почему-то не жаль.

X X X

Весною зверя в лесу становится вдруг много, он уже не может не бродить даже открытыми местами, безвольный во власти наступающей на него страстной поры…

X X X

Только с последней каплей берёзового сока молодые деревья одеваются в лёгкий зелёный дымок, робко преображая лесное пространство. Старая же берёза, давно распустившись, не перестаёт обильно осыпать землю ароматным дождём.

X X X

В мартовские утренние морозцы, в отличие от глухой зимы, деревья поскрипывают не жалобно, а со звонкой удалью!

X X X

Предчувствие скорого восхода солнца, когда оно вдруг задерживается в набежавших тучках, обычно завершается лёгким разочарованием, и происходит оно, по-видимому, от внутренней расслабленности перед кажущейся неминуемостью его появления.

Когда же всё обещает непогоду, и благодаря этому ты собран, неожиданно выходит тихая и надёжная радость: робкое солнышко нежно озаряет кусочек неба.

X X X

Деревья и звери – уши и глаза природы, птицы – её чувства.

X X X

Бывают полянки с весёлой травой, а иногда попадаются с хмурой.

X X X

Только поэзия природы сохраняет в нас то и дело угасающий вкус к жизни, и без неё не было бы никакого творчества.

X X X

Обращаясь всё чаще к природе, ты рано или поздно понимаешь, что лесная душа – это и твоя собственная душа, которую ты почувствовал только в лесу.

X X X

Всегда ищешь в лесу такое место, где бы душа твоя обрела покой. Обретя же его, не перестаёшь мечтать о чём-то новом.

X X X

Убить – значит, помешать божественному замыслу в отношении отдельного животного. Лишать жизни, пусть это будет хоть невзрачная птаха, прерогатива Бога, а не человека.

Только задумайтесь: человек убивает животное или птицу, и их уже больше никто никогда не увидит… Этот человек почему-то взял на себя право обрезать чьё-то существование, и не избежать за это наказания не может. Он должен быть тоже кем-то или чем-то убит.

X X X

С годами радость от общения с лесом получаешь даже от того, что не видишь этого леса, не ощущаешь силу ноябрьского ветра, не встречаешь на ночной тропе медведя и не слышишь грохота удаляющихся глухариных крыльев, но всё это, уже когда-то виденное, встреченное и услышанное, ты переживаешь заново благодаря своему воображению.

X X X

Обыденная жизнь с годами наводит на мысль, что на большее ты уже не способен, всё лучшее тобой давно исполнено, а мир окружающей природы всё-таки незаметно избавляет тебя от этого губительного настроения.

X X X

Ни с чем несравнимо переживание в весеннем лесу того, что происходит во время вальдшнепиной тяги. Полёт вальдшнепа совершенно завораживает той отрешённой устремлённостью, с которой возбуждённая птица несёт впереди себя длинный клюв: «хорр-хорр, цвиг-цвиг, хорр-хорр, цвиг-цвиг, хорр-хорр, цвиг-цвиг-г…» Обо всём забываешь, любуясь в мглистых сумерках на летящего за самкой вальдшнепа. Порой так засмотришься, что не вспомнишь про ружьё в руках, да и пропадает охота стрелять по уязвимой и близкой цели.

Даже когда вальдшнеп скрывается из виду, в ушах ещё долго стоят звуки его затяжного полёта, не похожего на полёт любой другой птицы. Вальдшнепиная тяга – подлинная поэзия весеннего леса, и она трогает сердце скоротечной любовью маленьких куличков больше, чем нескончаемое токование громоздкого красавца глухаря или увесистых ярких тетеревов.

X X X

Никакие деревья, кроме берёзы, не создают весной такую воздушную иллюзию текучести: кажется, дунь ветер посильней – и белые стволы поплывут над бескрайней землёй.

X X X

Я всегда гляжу в лес, как будто в себя, и там, как в зеркале, постепенно различаю Бога, терпеливо преодолевающего моё незнание и боль. Но иногда Бог

как будто не чувствует моих переживаний, предоставляя мне самому найти свой собственный путь, и в борьбе с собой из слабого стать сильным.

X X X

Барсучьи норы, всегда расположенные в лесных гривах и склонах логов, чаще глядят входом на запад, реже – на юг, и никогда – на восток или, тем более, на север. Предусмотрительный и очень чуткий зверь, ведущий, к тому же, ночной образ жизни, по-видимому, тянется к теплу, да и солнечные лучи предпочитает более жаркие, и ещё – заходящие, случающиеся на рубеже вспыхивающего напоследок света и наступающей, дорогой для него, темноты.

X X X

Кто живёт ощущением полноты природы, тот не нуждается ни в чём.

X X X

Иногда начинает казаться, что очень сильное желание любви и чистоты может разбудить предвесеннюю природу.

X X X

Звериная тропа всегда какая-то грязная, изредка прерывающаяся, даже – замысловатая, но тем не менее - верная.

X X X

Ещё в детстве я почувствовал, что в лесу живёт только радость и счастье, а всё тёмное в него приносит человек.

X X X

Ни в марте, ни в мае не ощущаешь того полёта, что охватывает тебя только в апреле, с внезапным появлением в небе трогательной голубизны, до которой всё время хочется дотянуться.

X X X

Стоит отправиться на глухариный ток в апрельскую непогоду, по глинистой раскисшей дороге, что превратилась в снеговую кашу, и впустую простоять там всю ночь, в густом промозглом тумане… Под ногами у тебя перебегают вездесущие мыши или испуганные бурундуки, иной раз мимо вдруг проковыляет загулявший косой, и может быть даже проследует после ночной охоты

озабоченный барсук, уже запели взбудораженные рассветом дрозды и протянул первый вальдшнеп, а глухари так и не прилетели…

X X X

Лес – это то, что дано человеку в первую очередь. Здесь он должен разобраться в себе и окружающем мире. Затем – воздух: бесконечно возвышенное, насыщенное энергией пространство. Всё оно пронизано чьим-то пристальным и ненавязчивым вниманием к тому, что происходит на земле.

И лес, и воздух, безмолвно обращаясь к человеку, ровно ждут: что-то будет?!

X X X

Только осенью зажигается божественный костёр леса, и бесконечные дожди, кажется, не в силах затушить его нескончаемо восторженный пожар.

X X X

Пунцовое перо трогательного снегиря, прилетевшего к нам в начале зимы, как раз подходит под цвет декабрьской зари, что ещё отличает необыкновенная нежность до наступления суровых январских холодов.

X X X

Словно весенний ветер, внезапно налетит на душу глухариная песня, и ровно коснётся её неизведанное счастье: взбудоражит нетерпеливым пробуждением, околдует роящейся тайнами темнотой и спутанными звуками, и ни с чем оставит.

X X X

Счастье жизни – в правде, которую чаще всего находишь для себя и людей в природе.

X X X

Для каждого поколения отыскание истины идёт своим путём, каждому поколению суждено преодолеть только ему посильные задачи, и каждое поколение видит мир животных своими глазами, добиваясь, в конечном итоге, одного: объяснения мира. Так, в 19 веке животные и птицы во многих книгах изображались какими-то неестественными, фантастичными и даже уродливыми, тогда как в наше время обитатели леса преподносятся художниками легче, изящнее, с более глубоким и тонким содержанием. Изображаемые в прошлом звери странны и непонятны для нас, а между тем в природе они остаются неизменными.

X X X

Только раз, быть может, взволнует тебя оборвавшийся жёлтый лист, что безжизненно укладывается на сырую осеннюю землю, но на его судьбу и этого счастья в достатке.

X X X

Сколько замечательного в природе минует человека, пока он не обретёт способность понимать и впитывать силу скалы, мощь моря, мудрость вековой чащи… Созерцая природу, человек только тогда берёт из неё лучшее, когда готов к этому.

X X X

Человек ничего не добьётся, если будет ценить животных только за пользу, которую можно получить от них.

X X X

Зимней ночью свет луны отражается от сугробов, и густой мрачный лес становится от этого просторным и уютным.

X X X

Бывает, что последний жухлый лист срывает с дерева лишь запоздалая апрельская метель.

X X X

Люблю, когда после первой грозы в майский тёплый день просыплется на землю первый солнечный дождь, и такие же солнечные и тёплые капли весело стекают по оконным стёклам и всем ласково улыбаются.

X X X

Ранней зимой, когда снежный покров ещё не установился, оголившиеся деревья в отрешённом отдохновении застывают от чёрствого морозца, который упрям и въедлив. Всюду проникает он своими невидимыми прикосновениями, так что и у человека с затаенным удовольствием замирает сердце, благодаря чему удаётся почувствовать неслышно ускользающее время, означающее приход зимнего всепоглощающего сна.

X X X

Радость восприятия лесной потаённой жизни – есть истинная мудрость.

X X X

Удивительно вольготна мягкая безморозная тишь солнечного октябрьского денька!

X X X

Когда только-только зацветает черёмуха – утро выдаётся удивительно красивым, чистым и крепким, всегда предвещая такой же радостный и уверенный в себе день.

X X X

Красавица-сосна или липа растут сотни лет, а человек хочет приспособить к их вдумчивой, размеренной жизни свой короткий и торопливый век.

X X X

Щедрое летнее солнце, доступное, кажется, сразу для всех, в действительности не способно до конца затронуть каждого своим теплом, а вот лунная ночь, незаметно всматриваясь полным глазом в уснувшую землю, внимательна к любому отдельному человеку.

X X X

Зимой деревья выглядят так, будто это и не они вовсе, а лишь их робкое подобие, в образе деревьев затаившееся в лесу. Но у каждого дерева и зимой есть своя жизнь, душа и сновидения, которые они тщательно скрывают.

Именно в зимнюю пору вдруг открываешь, что деревья в лесу всё видят, понимают и ненавязчиво, но пристально наблюдают за каждым твоим шагом и даже … мыслями.

X X X

Всё время кажется, будто крупные зимние звёзды непременно чего-то обещают, так они призывно переливаются в морозном небе, играют, но на деле, обычно, влекут за собой долгий мучительный рассвет…

X X X

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются в нужном порядке, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

X X X

Редко, когда обнаружишь в лесу яблоню или, скажем, иргу: больше там приживаются рябина с черёмухой. А ведь дрозды, снегири и свиристели в обилии поедают ягоды с деревенских деревьев и кустарников, перелетают в лес и, казалось бы, должны оставлять за собой их семена.

Лес как будто не принимает под свой кров эти деревья, ничем не отличающиеся от своих более «удачливых» собратьев. И загадка эта остаётся нераскрытой. Видно, у каждого дерева в природе есть своё место, и даже вездесущие птицы, разносящие семена по всему лесу, ничего тут поделать не могут.

X X X

В апреле даже дремучий, до конца не проснувшийся лес не в силах заслонить ни первых цветов, ни лучистого света солнца, ни яркого неба.

X X X

Если первый снег налетает неудержимо, с метелью, то и зима вступает в свои права сразу, по-настоящему.

X X X

Лес удивительно разумен, и разум этот, на деле, оказывается более здоровым в восприятии существующей вокруг жизни, чем убеждённость человека. Но иногда ловишь себя на мысли, что звери нисколько не лучше людей, и достойны только их беспристрастного внимания.

X X X

Звери всегда держатся тропы, проложенной человеком: для них это – новости, события последних дней, способные порой повлиять и на их жизнь. А

вот явное направление многих следов какого-либо зверя в одну сторону говорит о том, что в этом лесу стало плохо жить и животные уходят в другие места.

X X X

В начале зимы на деревне обычно слышится звонкий лай собак, пока они ободрены недавней сменой времени года – приходом новой, более весёлой поры, и первые морозы ещё не вызывают в них озабоченность будущей суровой жизнью. Пришла зима, и принесла пока только пляшущие морозцы, что одним своим появлением бодрят, отчего всем живым существам становится радостно!

X X X

Рано или поздно приходит в жизнь человека такое особенное место в лесу, где всё, что он с огромным трудом в себе нажил, в одно мгновение может померкнуть, а сам он отвергается, если просто не пришёлся по душе дремучей чаще… По святому месту, говорят, и честь, что ещё заслужить надобно.

X X X

Один из корешков у тысячелистника всегда розоватый, сильно вяжет во рту и унимает зубную боль.

X X X

В постоянной неприкаянности ветра живёт и неизбывная грусть земли, которая и хотела бы принять ветер навсегда, в свои потаённые утробы, но не в силах его возле себя удержать: так он далёк от неё в своём увлечении дальними мирами…

X X X

Только прожив полностью всё лето у себя в деревне, окончательно принял я его зелёные одежды, которые оно таинственно и просто распахивает для всех: всё, что сокрыто под зелёным летним покровом, помогает сберечь в душе каждого человека завораживающую тягу к жизни.

X X X

Свет в конце зимы становится наиболее насыщенным в зависимости от яркости солнца, снега, всего состояния природы в этот самый миг, и ещё каких-то важных перемен в твоей душе…

X X X

Кажется, никогда не уловить момент, когда начинается весна… Но я каждый год каким-то образом угадываю, потому что невозможно не почувствовать, как весна приходит тебе на помощь.

X X X

Первый заморозок прихватывает так крепко, что шибче солнца пронизывает воздух, и лист, с треском, начинает валиться с деревьев, в последний раз оживляя замкнувшийся в себе лес.

X X X

Особое чутьё в лесу – это, может быть, первичное состояние души, которая когда-то была к нему по-настоящему близка.

X X X

Сказать невозможно: какой именно запах у весны, и с чем его можно сравнить? Запах связанных с ней чувств и переживаний, птичьих песен, расцветающих трав и дуновений – всего, что она несёт в себе и открывает. Может быть, это - предощущение любви, призванной всегда хранить чистоту и надежду?!

X X X

Среди белого дня вспугнёшь сову, и она, не видящая ничего, полетит куда-то, неуклюже взмахивая крыльями, безуспешно тычась то вверх по отвесной линии, то по сторонам, и тебе вдруг станет жаль, что такая сильная птица никак не может найти нужного для себя пути.

X X X

Законы звериной жизни всегда тянут зверя идти по кругу, чтобы вернуться на старое место, откуда его согнали, но никогда – вперёд, как это присуще человеку.

X X X

На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стёклам… Но попробуй преодолеть в себе вынужденное

ненастье, войди в просыпающуюся от зимы чащу, и душа вдруг станет огромной, как лес!

X X X

В феврале рождается младенческий свет грядущей весны, такой робкий, незаметный, что почти всякий остаётся к нему равнодушен… Но он, задавленный этим невниманием, всё же пытается всех радовать.

X X X

Нужно сначала научиться вбирать силу природы, не причиняя ей при этом ущерба, не растерять себя в её необъятности, а затем быть готовым верно распорядиться приобретённым, великодушно отдавая его другим.

X X X

Бывает, станет так хорошо в лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь светлой и чистой сказки.

X X X

Чёрные галки с белыми глазами и в серых платочках напоминают худых старушек-странниц, что без цели скитаются по деревням, нигде не находя приюта.

X X X

Весна долго примеривалась, как ей лучше застелить потускневшую с прошлого года землю зелёными коврами, а когда пригляделась да раскинула – всё вокруг в один день стало уютно, чисто, и даже кукушка закуковала по-особенному – уверенно и звонко!

X X X

Распространено мнение, будто птицы и животные принимают незнакомого человека за другое существо, от которого лучше держаться подальше. Человека же, вошедшего в их жизнь, ухаживающего, кормящего, воспитывающего, они могут воспринимать как члена своего вида, или даже вожаком. При этом, наверное, не важно, что ты выглядишь непохоже на них: ведь если ворона и допускает к себе человека, то не потому, что видит его непременно вороной, только больших размеров… Срабатывает, по-видимому, животный инстинкт

подчинения более сильному, не приносящему, в свою очередь, никакого вреда – только пользу.

X X X

Бывает, лунной глухариной ночью вдруг выпрыгнет под самые ноги неприкаянный заяц-беляк и … отрешённо затихнет. С трудом сдерживая удивление, гадаешь: куда и зачем он направлялся, отчего нашёл приют прямо рядом с тобой?!

X X X

В отличие от обыкновенной серой вороны, угольно-чёрного ворона редко когда увидишь парящим над деревней. Он чаще всего тянется к границе леса и жилья человека, упорно соблюдая тем своё вековое предназначение и тайну.

X X X

Раньше я думал: прежде, чем постигнуть суть леса, надо непременно сначала обрести себя… Но не проникнуть человеку в свои природные глубины без примеров потаённой лесной жизни.

X X X

Скребётся в углу маленькой лесной избушки мышь, на столе вздрагивает неровным пламенем старенький огарочек свечи, а вверху надтреснутого окошка посверкивает недостижимая зелёная звезда… Кажется, ничего особого не происходит, но от всего этого ты переживаешь в себе неимоверную приподнятость и силу.

X X X

Мир леса – это не бессмысленно повторяющаяся, пусть и прекрасная череда заведённых им событий, а непрекращающийся пример жизни наравне с людьми и для них.

X X X

Как хрупкий рисунок нежнейших снежинок, в конце концов, образует тяжёлый несокрушимый лёд, так, незаметно сменяя друг друга, короткие дни слагают собой необозримо величественную зиму. Происходит что-то равносильно тому, когда снег, способный околдовать своим ледяным дыханием, в тоже время, укрывает людей, птиц и зверей от крайнего холода… Сочетание трогательного дыхания зимы с её крепостью неповторимо!

X X X

Вспугнутые с берёзы тетерева, пролетая над другими птицами, мирно кормящимися в значительном отдалении, увлекают за собой и их тоже, пусть даже тетеревов разделяла не одна сотня метров. По-видимому, устремлённость птиц, призванных природой, скорее, к состоянию постоянного благостного покоя, когда они неспешно кормятся тихим морозным днём берёзовыми почками, выражает в подобном случае тревогу, и её не могут не почувствовать их собратья, даже если они и не находились в зоне опасности.

X X X

Изо дня в день неприметно, но неотступно появляются мои лесные мысли, и так, капля за каплей, рождается на свет лесная книга – созданная мной новая радостная жизнь.

X X X

В труднейшей борьбе за дело своей жизни как-то перестаёшь замечать бегущие облака, ветер и дождь, но вся сила природы возвращается к тебе с обретением опыта этой борьбы.

X X X

Октябрьский день выдался пегим, невзрачным, а неожиданно вырвавшийся из-под ног вальдшнеп по-королевски расцветил его.

X X X

Зимой, как никогда, хочется смотреть на звёзды, невольно спрашивая у них совета…

X X X

Жизнь всякого зверя или птицы чего-нибудь да значит, особенно – во взаимодействии друг с другом. И как от звезды к звезде, неведомо для человека, зачем-то передаётся их первозданный древний свет, так и между животными, наверняка, возникает какая-то своя первородная тайна и светлая радость, имеющие скрытый от человека смысл.

X X X

Радостны зимой деревенские дворы, где дорожки расчищены, и оттаявшие окна улыбаются теплом и светом. В них, несмотря на суровую пору, угадывается здоровая народная сила, которую веками сосредотачивала в себе Россия! Но как тяжёл для сердца вид занесённых снегом ворот, у которых теряется даже собачий след…

X X X

Так просто и ясно воспринимается порой, что тучи могут греметь!

X X X

Птицы, деревья и звери в выражении своих весенних чувств неустанны, но человек, несмотря на зарождающуюся повсюду жизнь, всё же не в состоянии быть до конца свободным, и черпает силы из природы.

X X X

Очень мягка линия наметённых за ночь пуховых сугробов: они воздушны, легки, и дышат таким желанным покоем, что хочется улечься на них, переживая сладкое забытье.

X X X

Только облетело по осени дерево, а в его беспомощной обнажённости уже угадывается трепетное ожидание ещё невидимой жизни.

X X X

Никакая любознательность в лесу никогда не принесёт тебе того, что может открыть искреннее преклонение перед ним.

X X X

Придя в лес, сядь где-нибудь на пенёк, соберись в себе, и тогда, может быть, угадаешь адресованный только тебе тоненький голосок невидимой птахи.

X X X

Чего можно ожидать от встречи с волками в заснеженном поле или дремучем лесу, когда звери голодны и терять им нечего? Загнать зайца, даже – росомаху, в особо гиблые зимы – поднять с берлоги медведя и загрызть его, серым разбойникам ничего не стоит. Звери могут расправиться со свадебным поездом,

следующим с сочетающимися браком из церкви в деревню, не оставив ни единого человека в живых… Случалось и такое.

Но не зло застилает глаза животным, а необходимость продолжения рода и жизни. Многого звери не возьмут, если на то нет серьёзных причин, и истребляя кажущееся зло, так называемое добро погибает вместе с ним.

X X X

Всё в природе награждает человека своими непревзойдёнными качествами. Он становится лёгок и бодр при виде умытого утренним дождём облака, весело бегущего по небу. Могучим и глубоким душой от столкновения с лесным воеводой-медведем, не желающим уступать дорогу. А то бывает и так – становится пугливым и осторожным до беспамятства, подобно бедолаге зайчишке, что ещё до снега сменил летнюю шкурку на зимнюю, и вздрагивает от каждого шороха.

Сила природы так велика, что человек не может противостоять ей, невольно подчиняется и, преображаясь, порой не узнаёт себя.

X X X

С годами незаметно отходят самые невероятные желания, куда-то уносятся неосуществлённые мечты, но зато, благодаря постоянному общению с лесной чащей, обнаруживаешь лёгкость проникновения в окружающий тебя мир природы.

X X X

Разве можно себе представить весеннюю любовь без вездесущих воробьёв, вызывающих только улыбку!

И с какой грустью вспоминаются так и не разделённые чувства по осени, с печальными вскрикиваниями покидающих родину журавлей…

X X X

В лесу мои мысли обращаются и в птиц, и в зверей, и, конечно, в деревья, но свободнее всего они чувствуют себя, когда бегут быстрее облаков, впереди неудержимого ветра.

X X X

Если долго, из года в год, посещаешь лес, то порой начинает казаться, что только весной, на глухарином току, открываешь в себе всю силу природы, чувствуя себя по-настоящему русским человеком.

X X X

Солнечным утром на душе никогда не бывает такой тишины, что рождается солнечным вечером.

X X X

На первый взгляд кажется, что все звери для человека на один лад: среди медведей навряд ли отличишь одного от другого, волки – одинаково серые, неутомимые и кровожадные, а лисицы – огненно-рыжие пройдохи, охваченные единственным желанием без устали рыскать в поисках мышей. Но на самом деле животные разные.

Вот, к примеру, белки… Есть среди них очень хитрые: они ходят по кругу, и по их следам охотнику гайно никак не найти. Другие зверьки предусмотрительно прыгают по деревьям далеко от гайно, а потом на снег спускаются, путик протаптывают. Третьи – следы оставляют прямо от дерева, незамысловато прокладывая одну длинную тропу. У четвёртых же тропы от гнезда во все стороны идут – по какой ни пойдёшь, обязательно к гайно придёшь.

X X X

В глухую осеннюю ночь, без месяца и звёзд, в лесу можно ориентироваться по небу, которое всегда светлее окружающей темноты. Спасительный небесный путь вычерчивают верхушки деревьев, окаймляющие просеку или дорогу.

X X X

Радостно воспринимая лесную жизнь, человек обретает истинную мудрость,тем более, что лес при этом ещё и предоставляет ему прекрасную возможность вглядеться в себя.

X X X

Иногда ночь бывает такой светлой, что пугает зверей больше тёмного дня.

X X X

Когда осенний ветер, кажется, забирает твою душевную хворь, до тебя не сразу доходит, что это ты сам, благодаря его неудержимому порыву, почувствовал в себе неизведанные силы.

X X X

Однажды вдруг поймал себя на мысли, что за все ночёвки в избушках и у костров не помню ни одного лесного сна: только переполненные впечатлениями бессонницы!

X X X

В лесу во мне просыпается какой-то другой, незнакомый мне человек, тогда как сам я превращаюсь в восторженную птицу, дерево или ручей.

X X X

Осень можно ощущать в себе летом, зиму – осенью, а лето – зимой… И только весной твоя душа переживает весну!

X X X

С каждым годом лес уводит меня всё дальше и дальше, а сам я становлюсь к себе ближе.

X X X

Бывает, ветер намеренно накатывает на лес волнами, игриво цепляясь за верхушки самых высоких деревьев, а ты понимаешь, что он – твой брат, и каждый его вздох отдаётся в душе самыми невероятными открытиями.

X X X

Русский лес предоставляет русскому человеку прекрасную возможность вглядеться в себя.

X X X

Пока в тебе жива любовь к лесу – года твои проносятся вольной птицей, прокрадываются изощрённым красавцем-зверем или устремляются в поднебесье макушками величественных сосен.

X X X

В отличие от человека, звери и деревья принимают жизнь такой, какой она им досталась. Птицы же, кажется, вообще не соизмеряют свой полёт ни с чем, что бы могло их ограничить.

X X X

Вкус к жизни копится долго, зарождаясь ещё с редких январских оттепелей, а завершается в один майский день, расходясь повсюду и тотчас улетучиваясь в нежно-салатном благоухании молодой листвы.

X X X

Установился декабрь и, вроде бы, всех лесных птиц уравнял и объединил в зимних неприхотливых правах… Но тетерева облюбовали белоснежные берёзы, глухари прячутся в густых кронах сосен, на ёлках красуются краснопёрые клесты, шелуша шишки, а рябчики днюют на кормёжках в ольховниках по берегам овражных ручьёв.

X X X

В лесу становится особенно ясно: стоит сосредоточить внимание на какой-либо достойной цели, как сейчас же у тебя появляются невидимые помощники.

X X X

Тот, кто родился рядом с лесом, не сходит с ума от дурманящих голову весенних туманов, белоснежных кувшинок на покойной глади озера и розовых восходов… Только гость переживает в нём свою отторгнутость, страх и восхищение.

X X X

Единственное, чего никак нельзя лишиться, это – внимательного отношения к жизни, к тому, что нас постоянно окружает.

X X X

Последние клочки снега в поле – будто зайцы, залёгшие в меже. Долго смотришь, и никак не можешь понять: отчего они выбрали такое не выгодное для себя место и не убегают?

X X X

Во всю бескрайную весну только один раз приходит та желанная минута, когда по-настоящему вступаешь в цветущий мир, и ты должен обязательно дождаться её и не пропустить.

X X X

К зиме белка делает припасов в несколько раз больше, чем могла бы съесть сама, и это при отменной памяти, когда обнаруживает их под снегом с поразительной точностью.

Но даже если белка зароет поздней осенью горстку орешков, забудет за зиму про спрятанный запас или оборвётся её жизнь в зубах ненасытной куницы, о на том месте вырастет потом пышный куст лещины.

X X X

Открытие человеком сокровенных сторон собственной жизни невозможно без постижения им хотя бы поверхностного знания природы.

X X X

Мужественно перезимовавший на ветке листочек весной всё равно обрывается и, порхая между стволами, вдруг представляется маленьким букварём, всматриваясь в который все деревья будто заново постигают азбуку жизненных красок.

X X X

Когда пишу лесные заметки – всегда открываю для себя нечто небывалое, и с помощью родных для себя слов будто рождаюсь заново.

X X X

Совершающийся в природе праздник весны – есть не пример отдыха, а напряжённой работы, желание которой следует неустанно в себе воспитывать.

X X X

Хороши в ясное тихое утро припорошенные снегом берёзы… Редко увидишь на них кормящихся краснобровых тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоняя шеи то вниз, то в бок, тянутся к любимым берёзовым серёжкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, и весело искрится на фоне нежного голубого неба.

Желанна для тетеревов такая тихая морозная погода, когда можно спокойно теребить берёзовую почку. Позы тетеревов причудливы и округлы. Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжёлые чёрные груши повисли на деревьях.

Изредка тетерева бросят клевать, вытянут шеи и настороженно вглядываются в морозную даль… Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погрузившийся в сон лес. Но нет, всё тихо, и птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: тщательно

набивают зоб, чтобы ничто не мешало их сладкой дрёме под снегом, куда они скоро всем скопом дружно попадают.

Иссиня-чёрные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами выгодно дополняют унылый предзимний пейзаж, и природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись ими.

X X X

Если страх и уродлив, то только не в ночном лесу, где он восхитителен своим околдовывающим волшебством, в котором постепенно растворяется и исчезает.

X X X

В несгибаемости сосны, её непоколебимой твёрдости, я убедился однажды, в весеннюю пору, когда натолкнулся в апрельском лесу на след медведя, который протянулся вдоль старого лога… Вскоре след вывел меня к огромной одинокой сосне, где медведь поднялся на дыбы и оставил когтями метку, означающую, что это его владения, и он тут полноправный хозяин. Глубокие борозды лишь незначительно вспороли докрасна крепкую старую кору, но не поколебали гордости сосны.

Пихта же проявила по отношению к другому медведю, тоже весной, неожиданную мягкость и оголила на стволе, под медвежьей лапой, целый бок, так что содранная кора широким пластом свисала с дерева до самой земли. Пихта, в отличие от сосны, выглядела потерянной, даже – обездоленной, в своей беспомощности перед грубым звериным натиском.

X X X

Трудно представить, что ночью в лесу кому-то из его обитателей может быть плохо, и так легко поверить в нём в собственную, ничем не прикрытую удручённость.

X X X

Прожив в лесу хотя бы несколько дней, человек берёт от него то, что делает его сердце храбрым, походку твёрдой, а мысли светлыми.

X X X

С высоты самого родного для тебя весеннего дня не забудь оглянуться и поблагодарить предшествующую ему глухую зиму.

X X X

Обычно для лесных записей я беру на заметку, казалось бы, совсем незначительные мелочи, во множестве попадающиеся на глаза, но при соприкосновении с другими мелочами, взятыми ранее, может быть, очень давно, рождаются любопытные в своей правдивости картинки, которые сразу и не разглядишь.

X X X

Когда всю жизнь искал себя, пытаясь разобраться – кто ты есть на самом деле, однажды вдруг постигаешь, что достаточно быть просто человеком, осознавшим свою божественную сущность, неотделимую от окружающей тебя божественной природы.

X X X

Когда замечаешь, как одно дерево озорно выглядывает из-за плеча другого – замираешь от счастья: ведь оно угадывает твоё приподнятое настроение!

X X X

Иной раз так соскучишься по лесу, что оказавшись в нём – достаточно просто услышать шум глухариных крыльев, чтобы почувствовать себя счастливым.

X X X

Золотое воспоминание из раннего детства – это огромное солнце над лесом, которое ненавязчиво и ласково заглядывает в распахнутое окошко бабушкиного дома, неслышно разговаривает с тобой, а ты уверен, что когда-то уже видел его, слышал и чувствовал, как оно заботится о тебе.

X X X

Сладко дурманит голову источаемый цветами невидимый сок, мягко кружит воображение и уносит куда-то за синие леса нежный запах распускающейся в июле липы, а как необыкновенно трогательно заслышать поутру первую капель, даже через окно почувствовав её пьянящий аромат… Наши весна и лето просыпаются только для того, чтобы, не переводя дух, радостно жить и благоухать. Жива божественная природа – жива и душа человека.

X X X

Птицы, улетая на юг, уносят с собой что-то твоё, глубоко родное, а ты всё мучаешься, страдаешь и никак не можешь понять – чего тебе не достаёт? Только к

весне постигаешь, как не хватало тебе возможности взлететь вместе с птицами над собственным незнанием и усталостью, переживая в сердце то ощущение щедрости, с которым ты позволил им забрать осенью часть своей души.

X X X

Если весна поманила и бросила – значит, ты в неё не поверил.

X X X

И осень, и зима достаточно величественны, но кто из них более царственен – ни за что не разобрать!

X X X

Уныла ворона, серовата, а почему-то всегда хочется её видеть.

X X X

Переход от осени к зиме бывает порой так мучителен, что даже радость в нём печальна.

X X X

Когда начинаешь в лесу торопиться, спешить, не проявляя к нему должного внимания и уважения, он не отпускает от себя, то и дело издевается, пугает, а может даже отомстить.

X X X

Несмотря на свою неприступность, зимняя мгла, снег и чёрный лес порой оказываются ближе, чем самые родные люди.

X X X

Зверь, умирая, почему-то всегда ложится головой на восток. Может быть, даже перед смертью на него воздействует магнетизм возрождающейся жизни?

X X X

В лесу не надо искать красоту, она – всюду: и в воздухе, и в небе, и в задумчивой земле.

X X X

Свист снегиря зимой – её тонкая снежная печаль.

X X X

Ещё в своей душе, до того, как найти ток, ты чувствуешь, что она растворяется среди этого векового соснового леса и обретает … глухариные крылья.

X X X

Как замечательно идти в лес, не думая об охоте!

X X X

Многие птицы проводят большую часть времени в воздухе: полёт – их стихия. Но есть и такие, что живут в лесу скрытой красивой жизнью, стараясь не попадаться никому на глаза.

В вековых борах, перемежающихся старыми заросшими вырубками, впрочем, не изменившими их образа жизни, эти птицы копят в себе свои чудесные и таинственные имена: глухарь, тетерев, вяхирь, неясыть…

X X X

Дождь в июле только брызнет, прибьёт пыль, слегка смочит кусты и … опять жара. Так природа учит человека терпению, постепенно воспитывая в нём мудрость.

X X X

Поздней весной над оставшимися снегами всегда стоит густой туман, но он уже не может быть промозглым, а наоборот – очень тёплый и проникновенный.

X X X

Пришла зима и убелила снегом леса и землю… Невозможно подобрать цвет, кроме белого, который бы так успокаивал, умиротворял и усыплял всё живое. Чистый, обещающий превратиться в любую мечту, хотя бы только в сладком зимнем сновидении, снег принёс долгожданный покой, необходимый всякому лесному обитателю. За три предшествующих времени года звери и птицы порядком потрудились, и теперь, наконец, для них наступило время отдыха до чудесной весенней поры, а зима помогла им в этом.

X X X

Люблю следы зверей в природе, что стелются по снегу или траве, и в устремлении раскрытия их тайны, уводят тебя от непутёвого в себе к чему-то поистине главному и дорогому.

X X X

Давно замечено, что после обнаружения человеком гнёзд глухарки, тетёрки или вальдшнепа яйца на следующий же день исчезают. Самки, видимо, переносят их в безопасное место. Этого не скажешь о диких утках, которые часто бросают замеченное человеком гнездовье вместе с яйцами, и кладки погибают.

При всём том утка очень тщательно прячет своё гнездо от сладострастного грубого селезня и, отлучаясь, чтобы положить яйцо, старается обмануть мужа. Если найдёт селезень гнездо – перебьёт яйца, добиваясь самки. Ему от утки требуется только удовлетворение своих природных потребностей.

X X X

Волнующим дуновением ложится на душу таинственная глухариная песня… В роящейся предутренней темноте она околдовывает чарующими, куда-то спешащими звуками, мягко пронизывая ими и без того возвышенное весеннее пространство.

X X X

По-настоящему глубоко память может затянуть тебя в свои сердечные размышления только зимою, неотвратимо увлекая сначала в осень – неминуемый и с удовольствием переживаемый на этом пути рубеж. Затем – в лето, когда через зелень самой роскошной поры постигаешь радость жизни и нескончаемость бытия. И, наконец, в весну, что неотступно пронизывает своей всепоглощающей мечтой все времена года, снова незаметно приближая тебя к сладостным зимним воспоминаниям…

X X X

Все звери и птицы в совершенстве усвоили язык сорок, возвещающих о том, что скоро произойдёт в лесу или уже совершилось.

X X X

Приятнее всего открывать движение нашей планеты по яркому зёрнышку Венеры, которая перемещается всю ночную пору со стороны востока так

стремительно, что пока мысленно расставляешь для неё небесные вехи, она к предрассветному часу оказывается уже на западе.

X X X

Отсутствие тяги к тайнам Вселенной – есть наихудшее из бед, на которые обрекает себя человек.

X X X

В зимнюю оттепель, при сильном порыве ветра, деревья неистово и страшно стучат друг одруга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне…

X X X

Весной легко расставаться с городом: переполняющий душу восторг безотчётно влечёт в лесную даль… Очень важно при этом, чтобы человек нашёл там соответствие своему душевному настроению.

X X X

Всегда почему-то кажется, будто лесной паук в чём-то имеет преимущество над простым, домашним, и оттого к последнему относишься с некоторым пренебрежением, даже – с брезгливостью, когда заприметишь его, скажем, в бане, а повстречав в лесу умело растянутую, в капельках росы, паутину, обходишь её с уважением, стараясь не зацепить.

X X X

В лесу встречаешь интересное только в том случае, если обрёл в душе равновесие.

X X X

Звери и птицы не способны длительное время поэтически воспринимать природу, потому как с первыми проблесками тепла в них сразу возобладают заботы о выведении и поддержании потомства. И только глухарь, может быть, самый восторженный и выносливый в природе певец, уже с наступлением солнечных мартовских дней и до появления майской листвы не устаёт прославлять весну света, воды и цветов.

X X X

Природа может беспрепятственно одаривать всякого, даже если он не затратил по отношению к ней никаких добрых усилий, но по-настоящему она щедра только к тому, кто добивается права обладания её нескончаемыми богатствами.

X X X

Как дойдёт зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные залежалые мысли, так и ломается окончательно её рог!

X X X

Тихо падает снег, и с неба снисходит благодать…

X X X

Весной бывают дни, когда я усиленно работаю и не успеваю замечать происходящих вокруг изменений, но весна всё равно незаметно подкарауливает меня повсюду, невидимым потоком вливается в душу, и оттого становится однажды так хорошо, что оставишь на время всякое занятие, и только наслаждаешься этим насыщенным радостью покоем.

X X X

Именно в лесу, где всегда окружает только неподдельная чистота, я прихожу к выводу, что чем мы искреннее в своих действиях и словах, тем быстрее нас кто-то приближает к возможности жить более достойно и радостно.

X X X

Замечено, что деревья и кустарники лучше принимаются из семян, склёванных и разнесёнными по лесу птицами.

X X X

Запрокинув голову, с трепетом вглядываешься в великое звёздное царство, распростёршееся над лесом, забывая при этом, что не менее значимый мир лежит прямо у твоих ног, в чёрной сырой тени, среди стволов деревьев, пней и корений…

X X X

Редко, когда деревья простоят в богатом убранстве инеем весь день… Рано или поздно они его сбрасывают, после чего становятся какими-то оголёнными и задумчивыми, будто сожалеют об утраченной красе.

X X X

Всегда думал, что не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках. Но весной в этом приходится сомневаться, когда видишь, как празднуют не только солнце и земля, но и дрова под навесом, наличники на окнах, развешанное в ограде бельё, и даже облупившиеся оградки с кривыми крестами на могилках.

Природа, конечно, всё ломит, но всего в жизни можно добиться, если сам взял себе силу!

X X X

В ноябре, как ранней весной, ходить по дорогам становится колко и хрустко, но и не подумаешь про март или апрель, а весь подбираешься изнутри, серьёзно настраиваясь на суровую долгую пору.

X X X

Ни разу не удалось мне застать лес с открытыми глазами, потому что смотрится он в себя и вокруг ночью, только тогда и можно почувствовать его живое присутствие. Днём же лес чутко дремлет, и лик его выражает лишь неразгаданную тайну и неразрешимость, даже – некоторую удручённость.

X X X

Нет в природе ничего чище, когда сквозь берёзки просматривается голубое мартовское небо, по которому плывут белые прозрачные облака…

X X X

Ранним весенним утром маленькие берёзки будто произрастают из небесного малинового света, уцепившись хрупкими веточками, как корнями, за его живительную сочную мякоть.

X X X

В конце золотого летнего дня воцаряется умудрённая радость, с утра – восхитительная тишь, а после полудня в нём торжествует светоносность неиссякаемой улыбки!

X X X

Странно, что чувство беспричинного страха в ночном лесу вызывают не дикие звери, а знакомые с детства деревья…

X X X

Оцепенение от усталости в лесу делает человека почти безразличным, и вот именно тогда таинственная чаща открывает ему свою душу.

X X X

Зимняя тишина, обволакивая, глушит и холодит, а шелест снежинок успокаивает.

X X X

Неисповедимый на сюрпризы осенний ветер устремляется к людскому жилью, не только переживая незнание человека, но и мечтая о его величии.

X X X

Всем хорошо известны вороватые наклонности сороки: не зря она и летит-то, как будто что-то несёт…

X X X

Волка, конечно, не сравнить с медведем или лосем, но вот отпечаток волчьей лапы в снегу порой поражает воображение своей загадочной величиной.

X X X

Вроде бы, и пустяк, но как радует неожиданно встреченная в лесу живая звериная тропа, глубоко пробитая во мху!

X X X

Огромные глаза стрекозы всегда глядят на мир как будто с диким изумлением и восторгом.

X X X

Однажды поздним ноябрьским вечером, ночуя в лесной избушке, мне показалось, что витающий над глухим лесным распадком ветер льнёт ни к земле, и ни к лесу, а к человеку… Именно с ним он ищет желанной и дорогой встречи.

X X X

Когда осинки роняют тебе за шиворот свои прохладные пунцовые листочки, знай: деревья почувствовали твоё беспокойное сердце, не равнодушное к жизни леса.

X X X

Чем глуше осень, тем глубже в ней ощущается простор и звонкая даль.

X X X

Нежная белизна и свежесть мая так прекрасна, что даже не чувствуешь в себе недостатка собственной чистоты.

X X X

Иной раз так плохо становится на душе, что, отправляясь в лес, представляешь себя в нём озябшим одиноким паучком, у которого постепенно обнаруживаются своя радость, солнечное тепло и неизведанная любовь.

X X X

В отрешённые осенние дни, когда кажется, что жизнь умерла, особенно чутко ощущаешь на себе умные глаза леса, который, наверное, неспроста так пристально вглядывается в твою душу, но совсем её не бередит.

X X X

Ни один хищник никогда не нападёт, не предупредив своего противника угрожающим шипением, рыком или взглядом, попытавшись тем самым сначала избежать схватки.

X X X

В глухие зимние ночи, когда снег начисто заметает все пути-дороги, а луна тревожным бельмом вздрагивает на неясном небосводе, в удалённом от людей лесном зимовище твою душу согревает только робкий фитилёк поржавевшей от времени керосиновой лампы.

X X X

Если после долгого отсутствия в лесу начнёшь вдруг забываться в жизни, то со временем постепенно приходит понимание, что к самому себе может привести теперь только сокровенная лесная тропа.

X X X

В отличие от цивилизованного человечьего мира, закон дикого леса запрещает сытому нападать на голодного.

X X X

По рыжики и землянику человек отправляется в лес, а вот за зверем – в тайгу!

X X X

Мне нравится, что ветер никогда не предупреждает о своём появлении.

X X X

В весеннем лесу, наполненном смыслом и ежечасной работой, кажется, только ручей представляется беспечным: течёт, ни о чём не задумываясь, куда придётся! Но и его дорожка – не час пустого пути в природе, а поиск до самой поздней осени счастья для всех лесных обитателей.

X X X

Теперь уже, наверное, трудно представить, что лес по-прежнему с нетерпением ждёт человека, но он, всё-таки, никогда не обманывает его ожиданий.

X X X

Вся Вселенная без устали работает над тем, чтобы прилетевший на землю космический ветер не обуял, а возвысил и укрепил чувства человека, который, сидя у тёплой печки, с раздражением думает: когда, наконец, прекратится эта надоедливая непогода?!

X X X

Лес так величествен, что никогда не почувствуешь его заботу и любовь.

X X X

Представляя, как привычно укладывается на всю зиму в своём укромном гайно наша чудесница-белка, тоже подбираешься в себе с наступлением холодов в уютный комок и … застываешь от мысли, что никогда не сможешь, хотя бы на короткое время, остановить, как и она, своё разгорячённое сердце, оставаясь при этом живым…

X X X

Всё время, мечтая о лесе, понимая его и лелея в душе это постоянное присутствие чего-то до конца необъяснимого, но необыкновенно живого, хочется иной раз забраться в самую глушь, пасть лицом в пахучий густой мох и забыться там от переполняющего тебя ощущения счастья.

X X X

Поздней осенью некоторые водоплавающие птицы почему-то подолгу не отлетают на юг, а бьют крыльями наступающий на них лёд и держат воду, будто собираясь остаться на зимовку.

X X X

Никому невозможно объяснить, за что ты любишь лес даже тогда, когда он отворачивается от тебя и становится мрачным и неприступным.

X X X

Иногда вдруг начинает казаться, что горе зверя или птицы вряд ли уместится в человеческом сердце…

X X X

Обаяние леса так велико, что никогда не придёт на ум: раздавленная брусника алеет кровью, а роса стекленеет стекающей слезой. Скорее всего, лесная ягода напоминает налившуюся бровь токующего глухаря, а роса играет на свету живой жемчужиной!

X X X

Бывает, лес подкрадывается к человеческому жилью отдельно стоящими кустами или деревьями, задумчиво вглядывается во всё происходящее и, не в силах скрыть своего разочарования, опустошённо в них замирает.

X X X

Несведущему человеку трудно вообразить, что даже аромат хвои, источаемый лесом для всеобщей услады, способен раздирать грудь неизъяснимыми желаниями.

X X X

Иногда вдруг недоумеваешь: в молчании леса угадывается не дремучая затаенность невысказанной тайны, а виновато опущенные зеленоватые глаза…

X X X

Из всех деревьев с женским именем только берёза, наверное, не устаёт воображать себя невестой.

X X X

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжёлая пора непонимания, и зарождается нечто доверительное и надёжное.

X X X

Один из основных законов лесной академии – пристальное внимание ко всему, что тебя окружает. Это только на первый взгляд кажется простым и обычным делом, но попробуй-ка в непрекращающемся напряжении прожить в лесу утро, день, а то и неделю! Ни зверь, ни дерево не любят по отношению к себе поверхностного интереса: они уважают в человеке его глубину, которая подразумевает вдумчивость, неутомимость и отвагу. Столкнувшись с этой глубиной, звери обычно спокойно отступают, а деревья покачивают ветвями…

X X X

В весеннем ночном лесу так же холодно, тихо и пустынно, как и осенью, и зимой, и даже луна не в силах растопить этой замершей отрешённости… Словно начищенная снегом, она льёт между деревьями свой безразличный свет, и только воздух по-особенному трепетно ластится, льнёт к лицу, и именно поэтому можно отличить зарождение жизни.

X X X

Невыносимо даже помыслить, что никогда уже не попадёшь в настоящий дремучий лес с его таинственной тишиной, зверьём и завораживающим мраком.

X X X

Сколько бы ты ни старался постичь ветер, он всегда будет оставлять тебя в неведении, как будто допытываясь: по-настоящему ли ты искренен в отношении всего живого в природе, чтобы уже только тогда доверить тебе свою таинственную судьбу.

X X X

Хорошо любоваться в зимний день на солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе торжественные и восторженные!

X X X

Порой в лесу переживаешь такие удивительные мгновения, что начинаешь верить: смерти никогда не будет.

X X X

Если дым от костра или с печной трубы лесной избушки прижимается вниз, к воде, жди скорого ненастья…

X X X

Случается, что сидящие на дереве молодые глухарята не улетают при появлении вблизи человека, а, подобно белкам, перебегают с ветки на ветку, прячутся в их переплетении, да ещё время от времени выглядывают из своего укрытия, как будто оценивая ситуацию.

X X X

Весна может замучить человека, сделав его расслабленным, сонным, и всё же … счастливым.

X X X

Ночью в лесу ты ничего не видишь, но всё остальное, притаившись, молча разглядывает тебя, отчего на душе становится до жути прекрасно.

X X X

В зимнем лесу всё необыкновенно: и мороз, и солнце, и ты сам!

X X X

Тонкие, разреженные облачка, что появляются на небе в вёдренную погоду, есть верный признак близкой грозы.

X X X

Ручей весной бормочет так озабоченно, что кажется, будто кто-то внизу, в логу, переговаривается или беспрестанно набирает и сливает воду.

X X X

В отличие от моря, лес почему-то не пробуждает тоски по странствиям, но вынуждает более пристально вглядываться в себя и окружающий мир.

X X X

Бывает, попадётся тебе в лесу какая-нибудь неизведанная странная птица, напугает не слышанными ранее вскрикиваниями и видом, и ты на мгновение сделаешься отчего-то диким зверем, будто отбившимся от родной стаи и позабывшим её…

X X X

Галка летит – как будто о чём-то постоянно переживает, сорока в полёте преисполнена не скрываемым любопытством, а вот ворона – до сумасбродности целеустремленна и деловита.

X X X

В морозные январские дни между деревьями на снег ложатся такие голубовато-прозрачные, радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной.

X X X

Только проведя достаточно времени в лесном затворничестве, научишься по-настоящему понимать и слушать людей.

X X X

Весной часто ощущаешь в душе неясное смущение от того, что так бессовестно счастлив.

X X X

Клочки сена по краям заснеженной дороги, обронённые с саней, иногда вызывают в памяти далёкое лето, что, кажется, затерялось в каких-то неведомых далях, и его уже ни за что не вернуть.

X X X

Вмятинки-следы у куницы такие лёгкие, мягкие и округлые, что кажется, будто она ступает по снегу в пуховых башмачках.

X X X

Озорство и незаурядность осины проявляется даже под осень, когда её листочки тихо опускаются на воду, неожиданно поднимают черенки-ножки и весело бродят по глади лесной речушки расписными игрушечными корабликами.

X X X

Солнце в марте добавляет голубой краски небесам, а мороз закаляет её густоту.

X X X

Иной раз пишешь, думаешь про жизнь в лесу или в море, просто отдыхаешь, и вдруг какая-то тревога охватывает тебя: в окружающем мире всегда происходит ещё нечто такое, чего ты, кажется, не в силах никогда обозреть и постичь, но это ощущение непостижимости всего почему-то не приносит разочарования, и тебе ещё сильнее хочется жить, думать, радоваться и открывать!

X X X

Если не мыслишь жизни без леса, то, услыхав слова «красный», «жёлтый» и «синий», сразу воображаешь брызнувший на руки ягодный сок, хоть и опавший, но не смирившийся осенний лист, и ослепительно голубое зеркальце на крылышке вездесущей сойки…

X X X

Тушка убитого зайца холодна и тверда, как камень, чёрный глаз же смотрит всегда вопросительно.

X X X

Порой натыкаешься в лесу на самое обыденное место с запахом вереска, лысыми пнями, покрытыми мхом валёжинами и потаённым болотцем, а хочется поскорее миновать его: неизвестно как, но безошибочно угадываешь – оно гиблое!

X X X

Всякого человека, хотя бы раз в жизни, судьба подводит к открытию им природы, но не всегда и не каждый замечает это важное для себя событие.

X X X

Вид леса меня несколько смущает, порой, быть может, даже принижает, моря же – очаровывает и возносит.

X X X

Как бы охотник ни хорохорился, ни гнал от себя ощущение совершаемой вины, находя множество оправданий, когда он стреляет в зверя, любой выпущенный заряд всегда стегает и по его душе!

X X X

Обыкновенная жизнь в лесу выше и интереснее самых невероятных рассказов о нём.

X X X

Однажды сырым осенним вечером я вдруг постиг, что как бы человек ни стремился к чему-либо и ни желал, река жизни вынесет его своим руслом, уготованным кем-то свыше, а лес – лишь крохотный островок на её пути, где человеку уготовано набираться сил для дальнейшей дороги.

X X X

Почему-то испытываешь лёгкое разочарование, когда узнаёшь: глаза у рыси ни зеленоватые, как бы хотелось думать, а золотисто-коричневые, даже, в крапинку, рыжие…

X X X

Не связанному с миром природы человеку невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты.

X X X

Стоит однажды остановить время своей жизни, войти в лес и прожить в нём целую вечность.

X X X

От соприкосновения с морем в душе – гул, от слияния с лесом – тишина.

X X X

Возвращаешься из трёхдневного лесного похода, а будто много лет отсутствовал дома: так неожиданно чуждо и отстранённо воспринимается родное, оставленное совсем недавно.

X X X

Когда солнце освещает летящих птиц снизу, ты вдруг обнаруживаешь в них невероятно нежную, может быть, даже неведомую для самих птиц суть.

X X X

В конце октября берёзы стоят уже голые, но всё равно оживляют сизое осеннее небо паутинкой своих верхних, красновато-фиолетовых ветвей.

X X X

В последнее время всё чаще примечаю, что лес – будто сам не свой, словно нашло на него затмение: могучее тело осталось, мохнатые ветви-лапы так же надёжно охраняют хвойную тишину, спутанные корни-мысли еле слышно копошатся промеж себя, а душа уж неведомо как далеко!

X X X

Горько сознавать, что жизнь многих красавиц мира, небрежно набрасывающих на свои холодные плечи роскошные меха, не стоит жизни всех этих куниц, лисиц, песцов и белок.

X X X

В ноябре пегая жижа прыснет из-под сапога на первый хрупкий ледок, и на душе сразу станет как-то неловко, даже совестно, так что уж стараешься больше не оставлять за собой грязных следов, ступая только по твёрдой, покрытой инеем дороге.

X X X

В лесу почему-то ощущение первозданности мира вызывают не восходы солнца, а его закаты.

X X X

Какие сердце и душу нужно иметь лесному человеку, чтобы не впасть в отчаяние от беспросветности долгого осеннего вечера или нескончаемости студёной зимней ночи, когда он коротает их в глухой таёжной сторожке, а наоборот - переживать от всего происходящего вокруг только мудрость проистекающего времени, удовлетворение и покой!

X X X

Если лес когда-либо и склоняется внимательно к человеку, то только в рассветные сумерки, пока в его душе ещё не родилась бездумная радость от светлого дня, и он остаётся по-детски чистым в своих пробуждающихся помыслах.

X X X

Звериные нотки начинают звучать в голосе человека, когда он отрывается от леса или вообще не приходит к нему.

X X X

Спешишь, бывало, по выступающим из-под мха еловым кореньям, оскальзываешься сапогами, то и дело, запинаясь, и вдруг почувствуешь, как напрягаются души деревьев от твоего неловкого соприкосновения с лесом, воздух вокруг немеет, а недавнее ощущение слитности с ним куда-то безвозвратно истаивает.

X X X

Когда поднимешься к обрыву над потаённой лесной рекой, и тебе откроется огромное пространство леса, его нескончаемые синие дали, никуда уже больше не хочется идти.

X X X

Какая-то страшная, необъяснимая сила охватывает нас в северном лесу… Наверное, её слагают прожитые им века, что до сих пор властвуют над человеком, отдаваясь в его душе полузабытым дремучим эхом.

X X X

Весной, у костра, вдруг подлетают к самому пламени огромные бабочки, стремительно вьются над головой, исчезают и вновь появляются, и ты не сразу опомнишься от охватившего восхищения: откуда они в эту пору взялись?! А потом, придя в себя, угадываешь в них … обычных, только что проснувшихся летучих мышей, но разочарования не испытываешь.

X X X

Я люблю присесть в лесу на пенёк, как птица, чтобы на мгновение отойти от переполняющих меня впечатлений, оглядеться и вновь упорхнуть за своей неизведанной легкокрылой судьбой.

X X X

Осень сначала смешивает яркие краски, а потом размывает их, оставляя лишь те, что близки нежаркому солнцу, уже зародившемуся в её недрах неугомонному ветру и бесшумному стылому дождю за окном. Она имеет цвет затухающего пожара жизни, который, тем не менее, поддерживает в нас неугасимую потребность видеть, думать и сопереживать.

X X X

Пространство и свет заснеженного поля перед стеной чернеющего хвойного леса почему-то всегда вызывают особенно затаенную грусть, и не дают спокойно жить.

X X X

Переживаемый в ночном лесу страх велик, но он так целительно очищает душу, что под утро ощущаешь себя так, будто родился заново.

X X X

В глуби зимы, ещё задолго до наступления весенних радостных сумерек, вдруг внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, и в

этой своей открывшейся силе станет необыкновенно ясна вся последующая жизнь.

X X X

Часто нежелание жить приводит человека именно в лес, как в последний приют его исстрадавшейся души, и ему вдруг становится жаль себя от того, что допустил в сердце подобную слабость.

X X X

Весенние вспышки зарниц, в полнеба, и завораживают, и пугают своей немотой.

X X X

Приведётся тебе однажды столкнуться в лесу с ранним малиновым восходом – и ты словно причастишься к чему-то таинственному, к тому, что неосознанно переживаешь, силишься постигнуть, но никак не можешь вспомнить из своего далёкого прошлого.

X X X

При всей своей глуши, лесная чаща беззащитно обнажена сонмом самых сокровенных чувств, с которыми никогда не соприкоснёшься в открытом поле или на опушке.

X X X

Разнеженное солнце весной более благостно, нежели цветочное раздолье лета.

X X X

Становится не по себе от повторяемости человеческих судеб, которые ничего для себя не разрешают, тогда как жизнь зверей и птиц, в этом смысле ничем не отличающуюся от жизни людей, готов слепо боготворить.

X X X

Силы весенних ночей неисповедимы только в городе, в лесу же они совершенно оголены для всякого, кто хотя бы попытался постичь окружающий мир.

X X X

Неподвижность лесного существования для деревьев – это, на самом деле, их великое подвижничество.

X X X

Именно в порхании малоразличимых птичек, в их зыбком и трепетном полёте, что для кого-то по лёгкости своей кажется почти никчёмным, кроется неуловимое величие природы.

X X X

Возродившись в душе долгожданной и бурной весной, пропев полную восхитительных желаний жизнь летом, совсем не хочется угасать душой в благодатную осень, с благоговением замерев в преддверии самой величественной и важной поры.

X X X

Звери могли бы поделиться с людьми умением слышать, чувствовать и видеть, проявлять взаимовыручку и любовь, но что, кроме своей гордыни, незнания себя и великого одиночества, которым он не в силах распорядиться, способен предложить им человек?!

X X X

Одного прикосновения к себе руки человека достаточно взрослому дереву, чтобы почувствовать и вобрать в себя всю его духовную энергию и настроение…

Человеку же, даже обхватив ствол обеими руками, невероятно трудно хотя бы предположить свои неясные ощущения о жизни дерева.

X X X

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розоватый отсвет на сугробах бывает нежнее любого, самого трепетного цветка.

X X X

Как бы серьёзно не относился к лесу, всегда с затаенным восхищением надеешься, что когда-нибудь, всё же, постигнешь суть древней лесной тишины, однажды вырвешься за пределы своей ограниченной человеческой судьбы и, оторвавшись от земли, взовьёшься над полями и холмами, просёлочными

дорогами и лесом, чья тайна всегда была твоей сокровенной мечтой, и ты её осуществляешь!

X X X

Что может быть лучше чувствительного сердца, которое способно иногда угадывать язык зверей, птиц и растений!

X X X

Замечено: интересные встречи в лесу случаются тогда, когда на душе радостно!

X X X

Человек страдает за любовь и верность, доброту и открытость, и только за свою необъяснимую преданность лесу он остаётся никем не тронутым.

X X X

В природе всё рассчитано и основано на единении разного мелкого в большое целое, и потому, когда попадаешь в лес, неминуемо вливаешься в великий и неразрывный организм.

X X X

Даже в своей любовной привязанности к лесному миру не стоит делить его на птиц и зверей, чья жизнь тебя привлекает, и тех, кто почему-либо оказывается неинтересен и почти никогда не попадается на глаза.

X X X

Однажды обнаружив себя в нашем лесу зверем, а именно – барсуком, то же самое попытался я увидеть и в птице, которая бы стала моей… Чтобы птица воспитывала во мне неиссякаемое чувство радости, веру в бессмертие и постоянно стремилась к тайне. А ещё не покидала никогда мою душу, сроднилась с ней так, чтобы уже невозможно было различить – где я и где она. Птицей этой постепенно определил я для себя загадочного глухаря, чья жизнь, как и моя, навсегда соединилась с вековой неисхоженной чащей.

X X X

Бывают дни весной, когда ничего уже не замечаешь в природе – до такой степени она насыщена теплом и благостным светом!

X X X

В любом человеке угадывается тайная борьба, как за самого лучшего среди других людей… Звери же, за исключением редких случаев, лишены стремления, во что бы то ни стало, первенствовать, и им достаточно просто дышать, вслушиваться и вглядываться в жизнь, рыская в поисках добычи во имя продолжения рода. Но эта обыденность звериного существования, на деле, не может ограничить животных в их свободе стать неуязвимыми.

X X X

Когда в осеннем воздухе устанавливается такая тишина, что ни один листик не трогается с ветки, хорошо тоже замереть и подумать: готов ли и ты оторваться от того, к чему привык, но уже не приносит радости, и полететь?!

X X X

Как дерево осенью, избавившись от перезрелых листьев, даёт ветвям до самой весны отдых, так и писатель, вовремя освобождаясь от переполняющих его мыслей, вскоре возрождается в своих новых книгах.

X X X

В лесу хорошо постигается: не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках, но нужно постараться осуществить то, что зависит лишь от тебя.

X X X

Мартовское небо незаметно выклюнется из фиолетово-радужного февраля, ударит по глазам своей синевой, и всё в тебе сразу преобразится, заиграет, и сам ты станешь восторженно-неудержимым, ослепительно синим мартом!

X X X

В бабьем лете, несмотря на его видимое и радостное для всех раздолье, кроется нечто для него самого непостижимое, отчего оно, вроде бы, никуда и не торопится, в полном довольстве от достигнутого благоденствует, но никак не успевает до конца насытиться своей царственной красою.

X X X

Не сразу сообразишь: исчезновение какой сказки более ощутимо – весенней или летней? С завершением весны жизнь только ищет, где бы ей свить гнездо, тогда как с уходом лета тебе кажется, что жизнь утекла безвозвратно, и ничего необыкновенного с тобой уже никогда не случится.

X X X

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и голубое, что даже не верится: как может оно ещё более обновиться в марте?!

X X X

Ни у одного дерева ничто не может так зацепиться в ветвях, как у ёлки… Только в её дремучей кроне застревают душистая туманная тишина, сказочные думы леса и мягкий сиреневый вечер.

X X X

Как бы круто не забирал мороз в мартовский утренник – он кажется лёгким и беззлобным, что только оживляет всё вокруг!

X X X

Важно, войдя в лес, принимать обнаруженные там находки не на свой счёт, возвеличивая лишь собственную проницательность и ум, а на творчество самой природы.

X X X

С приходом дивных майских дней куда-то исчезает восторженная трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то уже не так: всё затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая радость.

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни…

X X X

Восторженность к природе исходит из незрелости души. Мудрость же восприятия подразумевает ни для кого не обременительное и вкрадчивое всматривание в неё.

X X X

Только народившийся ломтик месяца – тоненький, изящный, а, между тем, царит на небе!

X X X

Одно дело – просто ждать весну, а другое – заранее готовиться к ней. Готовиться именно к своей, единственной, что должна принести нечто недостающее и очень важное, что может открыть только она, весна… Твоя весна!

Хорошо начинать её, когда повсюду ещё снег… Февраль не сломил до конца рога зиме, и могут взяться крепкие утренники, такие крепкие, что если бы ни март, то ты даже бы засомневался в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие ветры, что и вовсе ранняя встреча весны покажется напрасной.

И всё же ты знаешь, весна уже где-то здесь, с тобой: если её ещё не видно и не слышно, то чувствуешь её несомненно! Она вливается в тебя пока не широким руслом, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нашёптывает что-то сокровенное, робкое, но и неудержимое, будит в душе молодые силы, не даёт спать.

Каждый февраль, загодя до этого ожидаемого весеннего праздника, мысленно отправляешься ты к своим родимым лесным местам, которые тревожат всякий раз по-иному, навевают сладкие думы и воспоминания. Никогда вёсны, какие только были у тебя, не соединяются в одну, торжествующую, но всякая весна по-своему оказывается незабываема.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: так просто она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо непременно выносить её в сердце за долгий год, соскучиться и возжелать радостного полёта, чтобы, оторвавшись от земли, пропеть её вместе с родными птицами, и вернуться обновлённым, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни.

X X X

Божественная красота природы в том, что и зелень, и голубое, и желтизна в ней – разные!

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все свои мучительные достижения на пути к нему, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны!

X X X

Если мартовский день – жених, то невеста его – светлая капель. Для апреля нет краше распустившейся нежными барашками вербы. Май же – бесшабашный гуляка, без зазрения совести мечтающий сосватать черёмуху, иргу, калину, рябину и сирень, что ещё даже не оделись в свои весенние наряды.

X X X

Весеннее утро приходит как счастье, день – как радость, вечер весною приносит покой и умиротворение, а ночь – знай, накручивает котам хвосты!

X X X

Хоть и ломают по весне, кроме черёмухи, и яблоню, и иргу, и сирень с рябиной, а всё равно у неё самое доверчивое и мягкое сердце.

X X X

Весенние дни не потухают, как осенние и зимние, не обрываются, а глядятся друг в друга детскими чистыми глазами, с затаенной радостью и надеждой.

X X X

До сорока четырёх лет я не задумывался о возрасте своей жизни и не считал лесных вёсен, и только когда мне пошёл сорок пятый год, я вдруг сказал себе: а ведь это моя сорок пятая весна!

X X X

Как в первый раз увидишь самые ранние цветы, так и проживёшь свою весну!

X X X

Мартовскими вечерами мороз всё ещё схватывает зазевавшееся чудо весны, пытаясь возвратить своё былое могущество, но получается это у него уже не грациозно и уверенно, как это происходило зимой, а надуманно, без присущего ему сказочного волшебства.

X X X

Весенняя перелётная душа у птиц – трепетна, осенняя же – неукоснительна.

X X X

Первые весенние перемены замечаются, как ни странно, ни в проникнутом их ожиданием лесу, а скорее - в растерявшем себя по мелочам городе или так и не опомнившейся от всего происходящего в природе деревне.

X X X

Всегда почувствуешь в себе мгновение, когда душа вдруг взвивается над травами и цветами, легко проникаясь всякой природной мелочью, отрешённо забываясь в ней и так же свободно оставляя её, но только попытаешься всё это записать, как лёгкость восприятия переживаемой правды исчезает.

X X X

В конце марта, когда солнце начнёт припекать всё сильней и сильней, молодой глухарь слетит на наст, неторопливо, как взрослый мошник, пройдётся меж сосен и, вообразив перед собой изнемогавшую от страсти копалуху, вдруг развернётся в неожиданном реверансе, изящно черканув кончиком опущенного крыла искрящийся снег…

X X X

В жизни природы есть такая таинственная и глубокая тишина, где, кажется, живут сказочно древние мудрецы, которые всё видят, слышат и чувствуют, но не вмешиваются в поступки человека, предпочитая до поры оставаться невидимыми.

X X X

Весенняя рыхлая земля, вскрывшаяся от снега, будто продолжается в тебе нескончаемыми запахами и желаниями, тело от этого становится набрякшим, как большая почка, и однажды лопается, а душа со звоном улетает куда-то, возвращаясь только под осень.

X X X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё мартовскими ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Один из корешков у тысячелистника всегда розоватый, сильно вяжет во рту и унимает зубную боль.

X X X

Густой весенний туман задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое зимнее время мысли леса, которые он незаметно для всех переживает и не ведает, на что с ними решиться.

X X X

Почему непременно так устроено: если что-то достойное, хорошее, то для его получения следует много испытать и пережить, а если наоборот – то и жить не стоит? Как это уродливо в понимании природы, которая вовсе не предполагает существование красоты без грубого к ней отношения! Именно природа ненавязчиво подсказывает нам, что всё хорошее рано или поздно будет атаковано плохим, и мы должны быть готовы к этому.

X X X

Всю зиму изумрудными хоромами высятся сосновые боры, не дают угаснуть потаённому лесному духу. Вторят им пушистые ели с пихтами, и тоже созидают лесную сказку. Все остальные деревья стоят голые, и, кажется, не содержат в себе никакой тайны, да только и в них живёт еле угадываемое, хоть ещё и не высказанное обаяние вековой чащи.

Вот прилетел на старую осину большой пёстрый дятел, удобнее упёрся о ствол хвостом, и затеял монотонную стукотню. И дерево ожило, зазвенело протяжно и гулко только ему дарованным лесом голосом, и сразу стало загадочным и красивым.

X X X

В живой природе, казалось бы, вдоль и поперёк изученной, люди порой не понимают самого простого.

X X X

Весной зайцы совершенно открыто гоняются друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания. И это нисколько не удивляет, а только веселит!

X X X

Понять разговор деревьев легко, если самому всегда стоять на своём, утверждая необходимость неустанного устремления к небу.

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка – красноватой… Но вот случится вдруг увидеть её зелёной, свет от неё проникнет в душу, и нащупает там неведомые ранее чувства и мысли.

X X X

Когда сильный ветер гнёт деревья, чувствуется, что они объединяются в споре с ним, даже самые разобщённые… Не сдаваясь его силе, деревья словно стараются убедить в чём-то ветер, как обычно отстаивают своё мнение гордые и правдивые люди.

X X X

Всю осень принимает в себя земля слякотную влагу, и никак не может напиться, чтобы весной отдать всё без остатка нескончаемыми слезами любви и восторга.

X X X

Любой зверь или птица, почувствовав тепло закатного весеннего солнца, хоть на короткий миг, а позабудет себя и сделается совершенно беззащитным.

X X X

Из-под молодых берёзок с пугающим хрустом вырвалась тетёрка, а там, где сидела птица, осталась примятая лунка. Бледно-жёлтая сухая трава была плотно прижата к земле и не распрямлялась. Среди оттопырившихся в одном месте изломанных травинок застряло тёмно-бурое, с белыми полосками перо.

Прикоснувшись рукой к траве, я взял перо, положил его на ладошку, и тотчас ощутил диковатое птичье тепло, от которого вдруг пахнуло безвозвратно ускользающим жарким летом…

X X X

Сладкое слово «земляника», если вдуматься, происходит от довольно обыденного и невкусного «земля»… Но с каким удовольствием мы его произносим!

X X X

Особым чутьём угадываешь, как птицы советуются между собой перед перелётом, спокойно уговаривают в чём-то друг друга, поучают, соглашаются и даже спорят, но с виду остаются почти невозмутимыми.

X X X

Зимняя поляна иной раз так ослепляет, что останавливаешься перед ней как вкопанный, стоишь долгое время, не в силах вместить весь её свет, что проникает в тебя, заполняя чистотой, и дальше уже идёшь совершенно распахнутый от того, что вобрала в себя душа. Белый снег ей к лицу!

X X X

Осень полнее и глубже других времён года потому, что последние сроки всегда до предела насыщены энергией мысли. В ней сплетаются и горечь отрыва, и радость полёта.

X X X

Отчего-то никакая другая птица, кроме утки, не держится так за жизнь, когда настигает её погибель… Подраненная, почти без сил, она всё же успевает нырнуть под воду и, ухватившись клювом за какую-нибудь травинку, терпит до последнего, но ни за что не дастся охотнику в руки.

X X X

По строгой заре и день выдаётся изморённый, с холодком, так что в народе скажут: худой зять к властной тёще на блины заглянул, да несолоно хлебавши откланялся!

X X X

Что, кажется, толку следить за тяжёлыми мокрыми листьями, со всех сторон отрешённо опускающимися на холодную землю, однако вдумчиво всматриваешься, вслушиваешься, и отчего-то не в силах оторваться от этого молчаливого наблюдения.

X X X

Если рядом с большим старым дубом начинает подниматься маленький – это не случайность, а мудрая мысль взрослого дерева, с ещё большей верой устремлённая к грядущему свету.

X X X

Когда человек на склоне лет начинает вспоминать былое, лесные струнки отзываются в его душе по-особенному тонко, и как ничто другое оживляют угасающую жизнь.

X X X

Люблю примечать прилёт зябликов в пору, когда снег в лесу ещё не тронулся водой, следить, как птицы перепархивают, насвистывают в еловых ветвях, и чувствовать, что во всём происходящем не хватает ещё какого-то очень важного тёплого творчества, без которого и солнце ни солнце, и весна ни весна!

X X X

Отправляясь ранним утром в лес, радостней всего сознавать, что он не скоро кончится и, кажется, будет длиться целый бескрайний день.

X X X

Принято думать, что заяц труслив и его пугает даже шорох падающих листьев, от того он осенью предпочитает открытое пространство лесу. На самом деле осторожный косой с началом листопада перебирается из чащи на вырубки только для того, чтобы вовремя услышать, как к нему крадётся волк, рысь или лисица, ибо в густом лесу ветви задерживают опадающий сухой лист и он почти не укрывает землю.

X X X

Оказавшись на долгое время в море, всегда предаёшься мечтам, а вот в лесу никогда ничего для себя не желаешь и думаешь только о том, что тебя окружает.

X X X

Огромный глухарь, с треском сорвавшийся с сосновой ветви, может напугать; неудержимый косач, тугим мячом выбросившийся из светлого березняка, ошарашить своей стремительностью; цокающая белочка, настороженно вцепившаяся в еловую шишку, позабавить… И только от писка какой-нибудь болотной камышёвки неожиданно захочется остановиться, замерев, и задуматься.

X X X

Увидишь в лесу змею, и она тотчас поселится в твоей душе: ползёт, замирает, шипит, но … не находит себе места.

X X X

Будешь изо дня в день жадно вбирать в себя всё, что окружает тебя в лесу, обязательно где-нибудь перехватишь лиха и захлебнёшься. После даже можешь захворать, долго приходя в себя. Но когда уже совсем потеряешь к лесу интерес, он же тебя ненароком и поправит.

X X X

В ноябре, по первому снегу, в лесу не видно никаких следов зверей, кроме редких беличьих переходов. Неугомонным зверькам никак не сидится в уютно устроенном ими гайно, и всё не терпится проверить: целы ли заготовленные на зиму запасы?!

X X X

Из всех деревьев более проникновенно и настойчиво заглядывают в вечность, может быть, только сосны, которые, в отличие от мудрых елей, святы…

X X X

Ни с чем несравнимо ощущение необыкновенной внутренней радости, что рождается только весной!

X X X

Принимая ветер, как брата, и понимая работу мысли, как самую свободную энергию, я вдруг почувствовал однажды, что ветер и есть та природная преобразующая сила, которую, в первую очередь, создаёт человеческое сознание.

X X X

Способность писать добрые заметки делает самую тёмную жизнь светлой. Но стремясь к свету, никогда не следует забывать про тьму, которая так же достойна серьёзного внимания. Особенно – в природе. По себе точно знаю: чтобы насладиться светоносным дождём радости, нужно к ней долго и упорно идти, может быть, всю жизнь.

Бывает, даже преодолев немало препятствий, тьма вдруг закроет для тебя свет. Нужно выстраивать жизнь так, чтобы познать её и светлые, и тёмные стороны, научившись распоряжаться в полной мере их силой, и только потом, выбирая ту самую золотую середину, неспешно, без взлётов и падений, двигаться по ней к познанию в себе Бога.

X X X

Случается такая весна, когда март едва миновал, не прилетели даже зяблики и зеленушки, а на льду лесного болотца, поджав ногу, уже стоит одинокий селезень…

X X X

С неохотой опадает оторвавшийся лист, долго кружит, планирует в остановившемся воздухе и, будто случайно, примостится на шляпку гриба… Даже напоследок ему хочется хотя бы ненадолго задержать своё угасание.

X X X

Осенью птицы летят молча, быстро и деловито, весной – в нетерпеливом напряжении, возбуждающем своей энергией открывающееся для жизни родное пространство.

X X X

Незаметно сменяют друг друга короткие дни, слагая необозримую зиму… Это незримое истечение умиротворённой жизни равносильно тому, когда снег, способный околдовать ледяным дыханием, в то же время укрывает и спасает всех своим теплом. Сочетание трогательного дыхания зимы с её крепостью неповторимо!

X X X

Времена года – это не бессмысленно повторяющаяся, пусть и прекрасная, череда природных событий, а непрекращающийся пример жизни для всех живых существ.

X X X

В одном из драгоценных парных изречений тангутов сосна олицетворяла собой процветание, туя – молодость, камыш – обман, а тростник – пустоту. Уподобившись мудрости древнего народа, я попытался в одном слове выразить

сокровенную суть всех наших самых любимых и известных деревьев. И вот что у меня получилось:

Лиственница - возрождение.
Ель – неистребимость.
Берёза – благо.
Липа – великосердие.
Рябина – тишина.
Черёмуха – ненавязчивость.
Пихта – память.
Ирга – тепло.
Осина – устремление.
Ива – задумчивость.
Клён – надежда.
Калина – беспристрастность.
Тополь – терпение.
Ольха – свобода.
Вишня – добро.
Яблоня – ожидание.
Сирень – душа.
И ещё:
Берёзовая роща – улыбка.
Сосновый бор – щедрость.

X X X

Весна, как великий праздник, затем и дана, чтобы люди позабыли обиды, и стали все друг для друга хороши!

X X X

Пегим ноябрьским днём заприметил в открытом поле лису и сначала подумал: собачонка… До того она была мала, худа и облезла. А разобрав, сразу прицелился и … спохватился: как глубоко поразила человека ржа бездушия, если он, не задумываясь, готов отнять жизнь у несчастного лисёнка!

X X X

Ночной лес не может быть страшен, если ухает над головой загадочным филином или завывает одиноким волком… По-настоящему жуткие ощущения рождает в нём мёртвая тишина.

X X X

Будешь добр к лесу – лесные духи непременно сделают счастливыми все твои осени и зимы, вёсны и долгие лета.

X X X

Слепой дождик бывает и золотым, и серебряным, и самым простым, но никогда незаметным.

X X X

Только весной постигаешь, что истинное царство света должно быть устроено не на небесах, а на земле.

X X X

Глухарь представляется мне той огромной загадочной птицей, которую я уже видел когда-то, давно-давно, и земля тогда не была ещё грешной…

X X X

За всю зиму хоть раз, да захочется протаять пальцем дырочку в замёрзшем стекле окна и увидеть там удивительный весенний мир.

X X X

В отличие от человека, звери и птицы живут так, будто не боятся ничего, что должно случиться с ними в будущем, в полном удовлетворении пребывая только в настоящем.

X X X

Высоко-высоко поднимается птица канюк, величаво наворачивает круги, будто пытаясь отыскать место, где бы ей можно было присесть, чтобы уже никогда не взлетать и не обременять себя полётом, но не находит его…

А кто-то восхищённо вглядывается в недостижимые круги птицы, которые она совершает, завидует ей и надеется когда-нибудь, хотя бы в мечтах, подняться в бездонное небо, связав с ним свою жизнь.

X X X

На закате с весеннего неба обращаются ко всему живому чьи-то всё понимающие прекрасные глаза…

X X X

Из всего живого только дерево, умирая, благоухает…

X X X

Без ребёнка в душе не узнаешь самый чудесный весенний день своей жизни.

X X X

Рано или поздно для каждого человека приходит в жизни время, когда ему надлежит разбудить в себе мир зверей, птиц и растений, и внимательно в него вникнуть.

X X X

Мысль человека, вероятно, свободнее и сильнее самого неукротимого ветра.

X X X

Если проходить мимо медвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не встанет.

X X X

Все звери и птицы несут какую-либо задачу по поддержанию жизнедеятельности в природе… Ворон, к примеру, питается исключительно падалью – это его законная добыча. Прозорливая птица загодя начинает кружить над местом будущей трапезы, а затем, в считанные часы, очищает его, предотвращая распространение заразы. Волк – неутомимый санитар леса, призван убирать больных зверей, потому как избавление от слабого потомства поддерживает хорошее биологическое состояние популяции. Бесчисленные ястребы, совы, канюки и луни успешно истребляют грызунов, что уничтожают корм других животных. Каждый зверь или птица, таким образом, отрабатывает во имя природы свою собственную лесную жизнь.

А нужен ли природе каждый человек? Или он, как отдельный вид, сочетая в себе, вместе с никчёмностью существования, ярко выраженные положительные примеры, способные на неудержимый творческий порыв, обречён, наряду с ними, тащить за собой огромный воз неразрешимых, за весь свой нелёгкий путь так ни к чему и не пригодившихся жизней?

X X X

Только прилетевшая с юга трясогузка такая оживлённая и весёлая, что само собой, без лишних слов, выходит: на свете нет ничего прекрасней русской весны!

X X X

Зимой, как никогда, хочется смотреть на звёзды, невольно спрашивая у них совета.

X X X

Почему-то всякий, не равнодушный к природе человек старается судить о лесной жизни по своей, человеческой судьбе, и ни сколько не гнушается сравнить свою душу со звериной.

X X X

Сколько помню свои походы в разном возрасте в зоопарк – никогда не получал от созерцания зверей в клетках хоть какого-нибудь удовольствия, которое всегда переживаешь в лесу. К тому же, наблюдая зверя в неволе, ни за что не скажешь о нём того, чего он на самом деле заслуживает и стоит, тогда как хоть раз увидев зверя в его родной среде – в мгновение открываешь огромный таинственный мир.

X X X

Без пения птиц удивительно медленно, словно нехотя, а порой даже со зловещей таинственностью, как-то сумрачно занимается утренняя заря в октябре.

X X X

Женщина, как и весна, должна быть совершенно чистой и бескорыстной. И это больше всего покоряет в ней мужчин, которые от природы несут в себе дух творца, а женщина своей чистотой поддерживает его в них.

X X X

Под серым и низким осенним небом, в густой и таинственной лесной чаще, весь день, не унимаясь, радостно пищат крохотные синички…

X X X

Весной, под ослепительной мартовской крышей, хочется остановиться и без цели, с улыбкой, смотреть на улицу, открывая всё новые и новые светлые лица.

X X X

Как же мягка линия наметённых за ночь пуховых сугробов! Они воздушны, легки, и в то же время уверенно дышат желанным и умиротворённым покоем.

X X X

Придёт к тебе однажды в лесу такое небывалое, что, кажется, не снилось никому на свете, но и его ты постепенно сможешь принять, по-своему объяснить и даже подружиться. А если не сможешь – будешь спокойно и молчаливо нести в себе, и оно станет твоей тайной, которая когда-нибудь превратится в недостающую правду.

X X X

Никогда не задумаешься, что посреди морозного января, где-то в таёжном северном лесу, медведицы рожают своих ещё непутёвых малышей. Лежат с ними под глубокими сугробами в мирном полусне, подоткнув их под мышки, и совсем не помышляют о навалившейся на них зиме, что так же уютно и заботливо, как это выходит у медведицы, обнимает собой весь живой мир…

X X X

Надо хорошо знать пойменное весеннее море, чтобы представить себе в эту пору наполненную до краёв радостью душу!

X X X

Чем мельче увиденное тобою в лесу, тем сильнее его воздействие. Большое, что удивительно, проходит, чаще всего, мимо, и, так и не замеченное, бесследно утопает в глубине необъятного лесного пространства.

X X X

Даже в самом захудалом, измученном людьми лесу всё же бьётся радостное зелёное сердце.

X X X

Лишь однажды в жизни замечаешь в небе ту единственную звезду, что любит только тебя…

X X X

Бывает, подолгу не идёшь в лес, как будто нарочно отдаляя с ним встречу. Как говорится: поехал бы в лес, да попался навстречу бес. Думаешь: пусть лес ещё поживёт без тебя, накопит больше интересного и необычного, так, чтобы и ты, соскучившись по нему окончательно, уже не чувствовал для себя никаких преград.

Но, оказывается, полный тайн лес всегда был готов к твоему восприятию, ждал с тобой встречи, а тебя удерживало от неё собственное несовершенство, неверие в свои силы. Ведь при взаимном сближении всякая встреча, тем более – в лесу, в радость, и никакая добрая молва её не заменит!

X X X

Лес и море подарили мне удивительный мир звуков, благодаря которому я постепенно выработал в литературе свой стиль.

X X X

Лес представляет человеку собственную жизнь давно обдуманной, где всё мудро взаимосвязано, и человек, незаметно для себя, пользуется ею и воспринимает все открытия души в нём на свой счёт.

X X X

Весной трудно написать о зиме, как это можно сделать осенью. Должно родиться нетерпеливое и твёрдое намерение ощутить зиму вновь. Только тогда она раскроет всю потаённость немеркнущих сумерек, бодрящую лёгкость морозца или пронзительную белизну плотно укутанных полей.

X X X

Устав от людей, затаиваешься в себе с мыслью о красавице-луне или прекрасных звёздах, желая оказаться вместе с ними там, в сказочной вышине, а они глядятся в тебя из неведомых небесных далей, и становятся всё краше и краше.

X X X

Очень нелегко, кажется, почти невыносимо, не судить о жизни леса по своему маленькому опыту. Но ещё сложнее, не находя в окружающем лесном мире никаких гарантий тому, что ты всё делаешь правильно, верить, что это именно так, и ты обязательно добьёшься раскрытия всех тайн, если сохранишь и разовьёшь в себе самое лучшее.

X X X

Пронизанные солнцем капельки хвойной смолы напоминают не слёзы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа.

X X X

Только однажды, весной, кто-то будто возьмёт тебя за руку и подведёт к самым звёздам, и ты на всю жизнь запомнишь и благословишь чьё-то незримое присутствие, которое ненавязчиво указало в тебе чистого человека.

X X X

Отшумев лето и осень неугомонным осиновым листом, наверное, ужасно не хочется опускаться на сырую стылую землю…

X X X

Когда зверь, смутно почуявший опасность, насторожился, нервно поднял взгляд и ещё не исчез в глубине леса, хочется, чтобы он поверил тебе и задержался.

X X X

Сколько видели глаза таёжного странника – не видел никто.

X X X

Замечательно, когда добрые дела и мысли с головой захватывают тебя, порой просто окрыляют, не отпуская, а приходишь в себя всегда в лесу, на берегу реки или моря.

X X X

Чем чаще и проще выдаёт за окном свои монотонные коленца синица, тем сложнее и богаче представляется её песня.

X X X

Глухари, тетерева, рябчики… Имена этих птиц звучат какой-то волшебной сказкой про неведомый дремучий лес.

X X X

Скромно улыбаются синие и алые сыроежки, в строгом оцепенении застыли удалые подосиновики, совсем притихшими и незаметными выглядят жёлтенькие моховики и серовато-зелёные грузди, и лишь яркий мухомор без всякого стеснения настырно напрашивается в корзину.

X X X

Так яро, с самозабвением играют на току краснобровые тетерева, что маленькие берёзки по краям поляны, в нетерпении от происходящего, кажется, приподнимаются на цыпочках, и готовы вот-вот полететь над взбудораженными птицами, купаясь в ласковых лучах весеннего солнца.

X X X

Некоторые животные и птицы, находясь всю жизнь друг подле друга, вроде бы, и не сосуществуют между собой… Заботы по воспитанию детей, постройке жилища или добыче пропитания выполняют в одиночку, и лишь в каких-то экстренных случаях прибегают к взаимной поддержке.

Так ведут себя вороны. Вряд ли кто-то видел, чтобы эти птицы совместно доставляли на постройку гнезда необходимые хворостинки. Подобные усилия они осуществляют, как правило, обособленно, на худой конец – парами. Но стоит поблизости появиться канюку, как вороны тут же преображаются в дружных единомышленников, оказывая хищнику самый жёсткий отпор.

Точно так же поступают и озёрные чайки. Отдельно друг от друга добывают они пищу, порой даже выхватывая добычу из-под носа своих сородичей, а когда среди них объявляется, скажем, та же ворона, чайки всем своим оглушительным сообществом обрушиваются на нарушителя их спокойствия.

Однажды мне довелось быть свидетелем, как непутёвая ворона в борьбе за свою добычу безуспешно оборонялась от целой стаи не на шутку растревоженных поведением нахалки озёрных чаек. Они были очень агрессивно настроены против настырной вороны и, в конце концов, добили её прямо на берегу, так что вороне даже не удалось доползти до камышовых зарослей…

Но, к немалому сожалению, такие случаи могут подтверждать у вышеуказанных птиц и противоположные мотивы поведения. Не исключено, что совместные действия, воспринимаемые многими как способность к взаимовыручке, на самом деле есть всего лишь подтверждение жадности, ярко выраженного индивидуализма, многократно помноженного на всех птиц в стае. Вороны или чайки громогласно демонстрируют вздорное негодование или чувство страха, а со стороны это выглядит как выражение их неподражаемой сплочённости. Немудрено браниться, ежели твоё негодование за мир принимают, тем более, когда на нём и смерть красна!

X X X

Есть в лесу невидимая граница, достичь которую по силам большинству людей, но вот перейти её удаётся немногим.

X X X

Сколько всего незабываемого несёт в себе молодая весна! Но порой в ней завораживает лишь то, как из сырых и тёмных оврагов потягивает ледяной прохладой притаившаяся там старуха-зима…

X X X

Парение орла величаво, падение – стремительно, овладение добычей – хладнокровно. И разве поверишь, что эта гордая птица может стать послушна человеку?

Для этого он просто надевает ей на глаза клобук, делая слепой, подсаживает, привязанной за ногу, на бечеву, и изредка, в течение нескольких дней, покручивает её, долго не давая орлу пищи. И всё для того, чтобы он уже больше никогда не смог успокоиться и прийти в себя, восстановив утерянную свободу, и тем самым навсегда подчиняет царя птиц своей воле!

X X X

Солнечным мартовским днём почудится, будто тебя окликнули… Обернёшься, а это – шелест падающих капель, еле слышно произносящих ласковые звуки весны.

X X X

Тихо живут в лесу камни, незаметно. И вспоминаешь о них, только когда подойдёшь напиться к ручью или вдруг покажется в обвалившемся склоне холма скалистая жила… И сразу какая-то скрытая уверенность утвердится в душе, а лес обретёт ещё большую ценность.

X X X

Даже нагону, уморённая, лиса всё-таки оставляет свою заметку там, где ненадолго пробует передохнуть, как если бы она бежала по лесу, никем не преследуемая, и просто метила свою территорию.

X X X

От последней утренней звезды до первой вечерней терпеливо ждёт весенняя душа всех влюблённых, что обращают свой взор к небу и забывают про себя, когда непонятная сила влечёт их лететь в прекрасную неизвестность…

X X X

Встречи с дикими животными всегда волнуют человека… Не потому ли, что его завораживает мудрость их самостоятельной, простой жизни, естественность существования, при котором нет необходимости завидовать, лгать или скрывать свои чувства? Звери и птицы свободны. Они могут быть самими собой, а значит – красивы.

Человека же всегда пугает, что его чувства, которыми он живёт, станут кому-то понятны, и потому он тщательно прячет свою личину, возводя вокруг себя клетку. Не свободный, человек не в силах кого-либо по-настоящему заинтересовать, и от того исчезает бесследно…

X X X

Зимой лес молчит величественно, осенью – проникновенно, весной он преисполнен надежд, летом же, как ни странно, просто немеет от нахлынувших на него чувств.

X X X

Идёшь, бывало, по лесу, и не видишь его глаз… Будто лес не понимает тебя, как понимаешь его ты, а переводит твои слова и мысли на свой, не понятный тебе язык, не наставляет и не запугивает, и даже в тех местах, где невозможно от радости не улыбнуться – он не улыбается. За весь день слова не вымолвит, лица своего не покажет. Но только ты вознамеришься его покинуть, как он неожиданно преобразится, подставит тебе подножку и расхохочется!

X X X

В лесу человеку, конечно, надлежит слышать, и видеть, но больше – чувствовать, понимать и догадываться.

X X X

Вкусен и ароматен апрельский воздух, замешанный на пробуждающемся ощущении любви, которая не врывается в сердце вихрем, а прокрадывается на цыпочках.

X X X

Ветер дует зимой и весной, летом и осенью, и всё не может нарадоваться своей способности – безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться.

X X X

Человек всё думает, да говорит, а лес – знает.

X X X

Грустно становится отчего-то, когда врасплох застигнутый тобой в лесу зверь, не шелохнувшись, какое-то время смотрит в твою сторону, затем неожиданно обмякает, как будто придя в себя, и, кинув на тебя последний раз свой необъяснимый взгляд, не торопясь удаляется в чащу…

X X X

Нечаянная радость – выпавший в начале мая последний нежный снег.

X X X

На весеннем перелёте утка валит, гусь – идёт, а вот журавль с лебедем именно летят.

X X X

Всё в природе находится в равном положении между собой, и каждое дерево, быть может, для того и простаивает терпеливо всю жизнь на одном месте, невидимо трудится и никого не обижает, чтобы помочь каждому человеку правильно выстроить свою судьбу.

X X X

Глядя весной на распевающую птицу, что успевает, к тому же, выполнять огромную работу по выведению и выкармливанию птенцов, понимаешь необходимость самоограничения и умения правильно рассчитывать время, чтобы быть по-настоящему свободным.

X X X

Случается осенью такой день, который ничем не отличишь от весенней поры. В нём так же пахнет землёй, снегом и листьями, и только по отсутствию в себе

приподнятой радости, когда внутри бродят нерастраченные силы, определишь: жизнь на время успокоилась, а душа, затаившись, замерла. Значит, в тебе отболела твоя золотая осень…

X X X

От свежего запаха коры, чистой капели с розоватых веточек, копошащегося под еловыми лапами душистого тумана - и облако апрельское становится прозрачно-жемчужным, душистым.

X X X

Тем, кто ещё не вошёл в лес, хочется поскорей туда войти. Тот же, кто уже побывал там, желает быстрее выйти. Что за сила влечёт нас туда и оттуда? И отчего, когда мы находимся в лесу, время, вроде бы, приостанавливается, и начинается какая-то новая, особенная жизнь, к которой мы так стремились, но от которой всё же бежим?

А кто-то и не думает ничего об этом, и равнодушие его, подобно девственной тайге, безгранично…

X X X

Несравненен зимний уют внутри жилья! Комната будто оживает, открывая неведомую ранее жизнь людей и предметов. Солнце заглядывает сквозь оголённые окна, каждому напоминая или подсказывая что-то сокровенное, своё. И каждый про себя, непроизвольно и с удовольствием, пересматривает собственную жизнь, и борется с воображаемыми слезами умиления.

X X X

Если прислушаешься, о чём рассказывает каждая травинка, цветок или деревце, то вдруг обнаружишь тайны, сообразные своей душе.

X X X

Первый снег, будто странствующий глухонемой: никогда не почувствуешь, как он приходит, ложится на остывшую землю и замирает в ожидании внимания.

X X X

Чуть пробивающийся сквозь снега звук мартовского ручья сначала не слышим никому, живёт как будто украдкой, но именно он робко начинает первую песню воды, которая вскоре обнимет всё пойменное пространство!

X X X

Когда после долгой осенней неустроенности приходит чистый и успокоенный декабрь, появляется до жути непреодолимое желание заглянуть в будущее – в предстоящую зиму, чтобы поскорее увидеть волшебные узоры на окнах, ощутить божественную темноту звёздной рождественской ночи и перехватывающий дух крещенский мороз. Кажется, что декабрь думает только о хорошем.

X X X

Люблю, когда вечерние тени зимой ещё не сливаются одна с другой, а подступают крадучись, неспешно. Точно так же и ты: с удовольствием догадываешься о своих самых сокровенных желаниях, незаметно перенося их в таинственный зимний сон.

X X X

Прозрачные ручьи, росистые луга и бесконечные снежные поляны не сравнятся в своей чистоте с устремлениями свободной человеческой души, и только ждут, когда человек обратит к ним своё внимание.

X X X

После дождя в весеннем лесу так приятно проясняет, что вспоминаешь только хорошее, а всё худое бесследно исчезает.

X X X

Поздняя осень… Кажется, всё умерло, но так хочется жить!

X X X

Проснувшись посреди ночи, всегда почему-то почувствуешь: пасмурно на небе либо сияют звёзды. И если небо звёздное – тотчас, неизвестно чему, обрадуешься и опять окунёшься в сладкие сновидения, а если пасмурно – долго ворочаешься, о чём-то думаешь, но ни к чему не можешь прийти, тяжело забываясь только под утро.

X X X

Пир мартовского восторга в природе только начался, а солнце явилось на него, уже упоённое счастьем, румяное и хмельное.

X X X

Когда я нахожусь на глухарином току, мне хочется пригласить туда всех музыкантов, потому что в их сочинениях всегда присутствует поиск смысла всего сущего, то есть – гармонии, а песня глухаря, пусть и не совсем складная, в полной мере заключает её в себе. Музыкантам не помешает послушать весеннюю песню замечательной древней птицы, чтобы не предавать в своём творчестве возможности быть по-настоящему свободными, убегая в музыке от жизненных печалей и бед, а приходить во всемогущий лес за недостающим для себя соразмерным благозвучием, проистекающим из самого Мироздания.

X X X

Оказавшись на краю заснеженного поля, среди притаившейся тишины и длинных синих теней от уснувших берёз всегда мечтается о том, чтобы появилась огненная лисица, быть может, пего-коричневый смирный лось, или, на худой конец, белоштанный зайчишка. Тишина бы вздрогнула в этот миг, закачалась на плечах леса, и всё вокруг ожило, заиграло радостным предвесенним светом. А ты бы стоял, не шелохнувшись, бесконечно долгое время, и любовался зверями, запоминая каждое их движение, взгляд и чуткое изменение настроения.

Налюбовавшись, тебе всегда почему-то захочется как-то проявить себя, чтобы зверь обязательно отреагировал на твоё присутствие, и ты слегка присвистнешь, после чего зверь насторожится, длинными неторопливыми прыжками пересечёт поляну прямо перед тобой, и исчезнет. Лес будет стоять тихо, и если бы ни следы, подумается, что всё чудесным образом тебе привиделось.

Наверное, можно многое узнать о звере вот так, один на один с ним, и почувствовать себя счастливым человеком. Ради этой возможности тебе не в тягость пройти десяток километров, и сколько угодно времени простоять, не двигаясь, на морозе.

Ожидание подобной встречи всегда томительно. Гадаешь, кто попадётся навстречу, и как это произойдёт? Но лес откроет новое, совсем неожиданное, потому как никогда не повторяется в своём откровении.

X X X

Стараясь изучить лес досконально, добившись в этом деле немалых успехов, однажды забьёшься в его тончайших подробностях, подобно птице в силках, и каким-то природным чутьём отдашься на волю провидения, ничуть не сопротивляясь, и оно, поначалу околдовав и запутав, неожиданно выведет тебя к нужному ответу.

X X X

Под осыпавшейся кручей, над самой дорогой, оголились и повисли длинные корни деревьев… Несмотря на свою беспомощность, они вызывали неприятное волнение: кажется, кончики этих корявых щупалец вот-вот достигнут твоей одежды, и больше не отпустят. Долго потом не можешь оправиться от этого неприятного ощущения, не в силах понять, что тебя вынуждает, не оглядываясь, ускорить шаг.

X X X

Многим хороша зима, но главное её достоинство – глубокие снежные покровы, которыми она устилает землю. Благодаря им можно без труда прочесть все подробности в книге жизни лесных обитателей. Ни в какое другое время года это невозможно, а зимой все тонкости поведения животных, как на ладони! Некуда им скрыться от снежной напасти, и звери с нетерпением ждут весну, когда зазвенят ручьи, ярко засветит солнце и растопит глубокие сугробы. Тогда смело можно будет бегать по лесу, щипать траву и ягоды, выискивать мышей и червячков.

Но не для всех лесных обитателей снежный покров в тягость. Для некоторых он служит домом – надёжным и тёплым укрытием. Мыши-полёвки лишь изредка чертят по снегу еле приметную вязь следков, большее время проводя в надёжно замаскированных норках. Ласки и горностаи – белые, как сахар, отличимые от снежной белизны лишь бусинками глаз и чёрным кончиком хвоста, так же проводят всю зиму под снегом. Не тронутая сверху белизна скрывает их многочисленные переходы.

На свет зверьки выбираются только за тем, чтобы оправиться, понаблюдать за всем происходящим наверху, да подышать свежим воздухом. Их неожиданно возникшие посередине поляны ямки, как правило, с испражнениями, свидетельствуют о проявляемом интересе к окружающей жизни, потребности время от времени следить за собственной безопасностью. Неровен час, налетит откуда ни возьмись ушастый филин или подберётся неслышной поступью кумушка-лиса!

Выбравшись на поверхность, горностаи замирают белыми столбиками, с любопытством осматриваясь вокруг. Мало горностаю иметь защитную шкурку, как зайцу: он норовит глубже под снег забраться, где ему и укрытие, и пропитание. Только непонятно, как такому вёрткому и пронырливому зверьку не надоедает всю зиму под снегом сидеть: ни порезвиться тебе, ни побегать привольно. Видно, хорошо горностаю под снегом живётся, и нет у него никакого желания что-либо в своей жизни менять.

X X X

Даже самый маленький ветерок не бывает случайным.

X X X

Чем человек глупее, тем меньше его понимает зверь.

X X X

Аккуратные головки копалух, грациозно вытянутые над травой и настороженные, легко принять за придорожные цветы, то появляющиеся под напором ветерка вдоль колеи, то исчезающие…

X X X

В мрачное ноябрьское время не сразу доберёшься в лесу до той жизни, что всё-таки не угасает, и уж если она откроется, то переживаешь неописуемую отраду.

X X X

Многие люди испытывают перед ночным лесом неподдельный страх. Человека, по-видимому, страшит в нём неизвестность. Когда же он столкнётся с тем, что вызывает боязнь, то тотчас забывает о ней, понимая: неожиданно обретённая тайна покрывает собой ранее безотчётно преследующее его неприятие неизведанной жизни.

Чтобы не пугаться ночного леса, человеку надлежит чаще бывать в нём, и он постепенно постигнет его законы. В силу привычки - боязнь уйдёт, а на смену ей явятся любознательность и уверенность в собственных силах.

X X X

Иной раз захочется обойти всю зиму по глубокому снегу, но постепенно выдыхаешься, волей-неволей умеряешь шаг и пыл, и лишь жадным взглядом не перестаёшь утопать в её великих сугробах…

X X X

У большинства животных – долгая память и твёрдые привычки, которые они без особой надобности ни за что менять не будут. Почему, скажем, лоси или кабаны часто посещают городские улицы, когда их можно легко обойти? Возможный ответ видится в том, что все города, в которые заходят звери, лежат на путях их вековых кочевий. Силу привязанности зверей легко представить, вспомнив возраст городов. А ведь миграции начались задолго до их возникновения!

X X X

В последнюю, порой очень отчаянную апрельскую вьюгу у снежинок уже не хватает сил быть озлобленными, и они бросаются друг с другом играть.

X X X

Изголодавшаяся хитрая лиса способна устроить ежу баню, обливая его собственной мочой, и ёж разворачивается себе на погибель, оказываясь в зубах хищника.

X X X

Как хорошо не чувствовать себя в лесу лишним, вернее – быть самим собой, принимая, в общем-то, непривычную лесную обстановку за свой дом!

X X X

Даже для изощрённого опытом восприятия в лесу не существует ничего обыкновенного: всякая мелочь в нём бывает неподражаемо привлекательна и значима. Как награда за сотни пройденных по лесу километров однажды выскользнет на лесную дорожку яркий колонок, усядется прямо перед тобой, и начнёт что-то вынюхивать под снегом, изредка взрывая его то одной, то другой лапкой, а ты заглядишься на зверька и позабудешь об усталости и всех своих бедах.

X X X

В апреле, с самого восхода, солнце мягко выпускает на землю лучезарные стрелы, они стремительно летят в разные стороны, и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц.

X X X

В лесу столько всего накоплено за века, что при столкновении с ним даже самому равнодушному человеку придёт в голову что-либо необыкновенное, он ощутит непередаваемую радость, и в следующий раз уже не усидит дома, бездумно взирая в окно.

X X X

Неожиданно застигнутый человеком в лесу лось редко когда ринется в чащу, а уйдёт всегда достойно, прежде выдержав некоторую паузу и напоследок величественно бросив на тебя неуловимый тёмный взгляд.

X X X

Летний дождь – это восхитительная паутинка звуков, красок и запахов, которая нежно и радостно обволакивает человека, когда тот меньше всего этого ждёт.

X X X

Вошёл я как-то в февральский лес и, кажется, не заметил в нём никаких изменений в сравнении с январём. Всё так же вокруг тихо, сонно, бездыханно. Только восход солнца чуть дольше разгорается за лесом: чем-то он безотчётно привлекает, неотступно манит, так что сразу хочется его перенести на холст.

Горит за чёрным еловым лесом розоватая утренняя заря, и отблески её мягко падают на заснеженные поляны, высвечивая на них чуть приметные впадинки, в которых притаились синие тени. И вдруг, неожиданно для этой неживой и еле приметной новизны, заслышится голос рябчика, затем ещё и ещё…

Целый табунок, рассевшись на деревьях по обе стороны дороги, перекликается, как ни в чём не бывало. Весь снег здесь испещрён аккуратными следками, что тянутся вдоль друг друга: рябчики начинают разбиваться на пары. Скоро им предстоит начать в себе новую жизнь, и рябчики ожили, огласив ещё не проснувшийся февральский лес призывным свистом: «тюк-тюк, терерюк-к!»

X X X

Только весной, на глухарином току, подходя под песню к токующей древней птице, ощущаешь в себе то первозданное и таинственное время, что когда-то породило самих глухарей, наполняя и тебя невероятным желанием жить и петь.

X X X

Старые пни не удручают высохшим видом, а наоборот, вызывают уважение.

X X X

Чувство природы рождается в нас в тот момент, когда, созерцая её многообразную красоту, мы добавляем к ней всё лучшее из себя.

X X X

Не может смириться душа с утратой интереса к жизни, тем более – к природе, ибо она незаменима ничем в своей божественной красоте.

X X X

Многие птицы прилетают к нам с юга в неодетую весну, когда на дворе ещё зябко, но только желанные зяблики получили благодаря этому своё имя.

X X X

Жестокость мороза и нескончаемо свирепые метели - есть та неотъемлемая от жизни сила, что заслуженно приближает нас к весне.

X X X

Веками передающаяся из рода в род природа инстинктов у животных необыкновенно гибка. Отделив от родителей детёнышей – волчат, медвежат, лисят и енотов, объединив их в одном вольере, и взяв под наблюдение с момента рождения, человек пытается изменить взаимоотношения зверей на противоположные тем, что существуют в природе. То есть, когда они остаются в отношении друг друга непримиримыми.

Но мудрость природы не позволяет животным «ломать» друг друга в неожиданной для них ситуации. Они, как ни странно, мирно сосуществуют, каждый находя для себя приемлемую нишу. Даже совместные трапезы обходятся для них благополучно. Они мирно подрастают, а «звериная» природа никак себя не проявляет: редкие драки обычно заканчиваются примирением, но никто из зверей при этом не теряет самостоятельности.

Без воздействия старшего, более опытного поколения, изолированные от сородичей и собранные вместе, маленькие звери способны сами выработать ряд условных рефлексов, не допускающих перехода определённых границ в отношениях между собой, за которыми, в свою очередь, могут последовать серьёзные осложнения. Инстинкт у детёнышей животных, где бы они ни находились – в зоологическом вольере или на воле, просыпается в определённое время только с помощью взрослых. До этого звери ещё могут играть между собой, ничего о себе не подозревая: рысёнок с медвежонком, а волчонок с лисёнком. Но как только родители начнут уделять своим щенкам внимание, связанное с обучением малышей охоте и сложностям лесной хищной жизни, так эта дружба прекращается.

Каждый волчонок тогда незаметно вырастает во взрослого независимого волка, и плохо придётся тому зазевавшемуся вчерашнему лисёнку, если он, в свою очередь, не поостережётся. По мере их взросления всякие контакты между зверьми в лесу пропадают, уступая место враждебному инстинкту самосохранения. Так бывает всегда, когда хищный род неизменно будит в своих потомках природные инстинкты, не заботясь о сохранении дружеских уз, связывающих когда-то малышей. В дикой природе, чаще всего, подобные отношения оказываются не только не нужными, но и невозможными.

Не человек влияет на взаимоотношения животных, изменяя якобы их поведение, а всесильная и мудрая природа заботится об этом. Человек в состоянии пока лишь разнообразить жизненные ситуации для зверей, не

прекращая в тоже время пристального и вдумчивого наблюдения за ними. Всё остальное осуществляет колоссальная энергия самосохранения, которой в полной мере наделены животные.

Души зверей, конечно, не похожи на человека: они менее сложны и принимают окружающую среду такой, какой она является, очень упрощённо. Но, тем не менее, звери тоже, как и человек, должно быть, испытывают потребность в свободе выражения своих чувств, и хочется верить, что иногда, даже будучи взрослыми, всё же, склонны отказаться от ожесточённости дикой свободы, чтобы обменяться с другим живым существом проявлением своей заинтересованности и, может быть, любви.

Если человек когда-нибудь освоит заложенные в себе возможности, он окажется всесилен.

X X X

Вряд ли кого-либо взволнуют обычные жёлтые листья, безжизненно устилающие землю всю осень… Но каждый, хотя бы на миг, способен коснуться их внимательным взглядом, внутренне поблагодарив самую вдумчивую пору за предоставленную возможность спокойно думать и созерцать.

X X X

Радостно воспринимая лесную жизнь, человек обретает истинную мудрость, тем более, что лес при этом предоставляет ему прекрасную возможность вглядеться в себя.

X X X

Как неясные думы дрожит над землёй апрельское трепетное марево, а вместе с ним – сама земля, лес, деревня, пашня, река за околицей, и всё это вместе, если взглянуть пристальнее, открывает нам разомлевшее тело потянувшейся ото сна весны.

X X X

С каждым годом лес уводит меня всё дальше и дальше, а сам я становлюсь к себе ближе.

X X X

Когда осенний ветер забирает твою душевную хворь, до тебя не сразу доходит, что это ты сам, благодаря его неудержимому порыву, почувствовал в себе неизведанные силы.

X X X

Весной как никогда удаётся обрести гармонию с собой и окружающим миром.

X X X

Когда-то, давно, лес, наверное, был похож на доброго хозяина, знающего себе цену и гордого за это своё доброе знание. А вот теперь, изрядно выщербленный и какой-то задавленный, он напоминает старого немощного колдуна, чьи угрозы никто всерьёз уже не воспринимает, но в сказку его жизни пока ещё верит…

X X X

Появление первой вечерней звезды, которую замечаешь только за городом, может быть, самое лучшее, что дарят тебе лес и небо.

X X X

В лесу во мне просыпается какой-то другой, незнакомый человек, и кажется тогда, что сам я превращаюсь в восторженную птицу, дерево или ручей.

X X X

Трудно представить, что ночью в лесу кому-то из его обитателей может быть плохо, но так легко поверить в нём в собственную удручённость.

X X X

Человеку стоит прожить в лесу несколько дней, после чего он непременно обретёт в себе то, что сделает его сердце более храбрым, походку твёрдой, а мысли светлыми…

X X X

Птицы, улетая на юг, уносят с собой что-то твоё, глубоко родное, а ты всё мучаешься и никак не можешь понять – чего тебе на самом деле не доставало? Только к весне постигаешь, как не хватало возможности взлететь над собственным незнанием и усталостью, а помогало тебе всю зиму, оказывается, ощущение щедрости, с которым ты позволил птицам забрать осенью часть своей души.

X X X

Иной раз так соскучишься по лесу, что, оказавшись в нём, достаточно услышать шум птичьего взлёта, чтобы почувствовать себя счастливым.

X X X

Хуже всего в лесу приходится дуплистому дереву, с пустотой, которое живёт, наверное, без чувств и мыслей.

X X X

Клесты любят целыми стайками присаживаться на самый высокий палец ели, слегка раскачиваются на нём и еле слышно перебирают замысловатыми, перекрещивающимися клювиками свои переливчатые колена… Так они, наверное, отдыхают, когда им наскучивает бесконечное шелушение шишек, и птички дружно забываются, вспоминая в этом коротеньком забытьи своё природное предназначение – радоваться и петь.

X X X

Когда снег почти истаивает, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки заполняются талой водой, кругом становится удивительно голо, но в этой оголённости – вся прелесть русской весны!

X X X

И осень, и зима достаточно величественны, но кто из них более царственен – ни за что не разобрать!

X X X

Не скоро дошло до меня: в лесу много такого, чего не видишь, но оно есть.

X X X

Всем хищникам, какими бы страшными они ни казались, в детстве присуща младенческая невинность.

X X X

Всегда только ранним утром, а не вечером или не ночью начинаю я по весне своё звёздное путешествие!

X X X

Как только заговорили по весне между собою деревья, землю окутал аромат цветения…

X X X

Осенняя ночь сладко пахнет невидимой раскисшей дорогой, вольным ветром, что доносит с деревни крепкий избяной дух, и горькими пожухлыми листьями.

X X X

Запах вечернего мороза в марте возвращает в зиму, аромат утреннего – множит весеннюю радость!

X X X

Переход от осени к зиме так мучителен, что даже радость в это время печальна.

X X X

У многих зверей в глазах стоит укор человеку за то, что он человек.

X X X

Встречаются такие места в лесу, которые будто созданы хранить его вековечную тайну, и люди почему-то не трогают их, словно не замечают, и обходят стороной.

X X X

Несмотря на свою неприступность, зимняя мгла, снег и чёрный лес порой оказываются ближе, чем самые родные люди.

X X X

Когда из коричневой почки проклёвывается зелёный клювик, на клювике этом повисает большая прозрачная капля, и всё вокруг будто приподнимается на цыпочках, чтобы её выпить, в природе наступает самая трогательная и преисполненная жизненных сил пора.

X X X

Ещё до того, как найти ток, ты чувствуешь в своей душе, что она растворяется среди векового соснового леса, и … обретает глухариные крылья.

X X X

Перед наступлением сумерек белый снег окрашивается в розоватый цвет, с заходом солнца – в голубой, в надвигающейся темноте – в сиреневый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый… Под утро он опять перевоплощается в синевато-лиловый, с таинственной бирюзой, и только к полудню оборачивается, наконец-то, самим собой: восхитительно белым, восторженным и от того немножко глупым.

X X X

Иногда бывает, что самые важные слова в жизни доносит до тебя ветер, и ты внимательно вслушиваешься и потихоньку складываешь из них недостающие мысли.

X X X

Сколько вокруг цветов, и разве можно окинуть взглядом все сразу?! А достаточно, оказывается, одного, твоего, чтобы согреть им душу.

Но вдруг подумаешь, что бесчисленные луга цветов так и остаются для людей безвестными, и опустишься перед лесом на колени…

X X X

Оцепенение от усталости в лесу делает человека почти безразличным, и вот именно тогда таинственная чаща открывает ему свою душу.

X X X

Голос воркующего в лесу дикого голубя только поначалу кажется однообразным и робким, но прислушавшись внимательнее, обязательно различишь в нём страсть, силу и гордость.

X X X

Зимняя тишина, обволакивая, глушит и холодит, а шелест снежинок успокаивает.

X X X

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распустившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же, отрываюсь в сентябре и опять уношусь в безвестность, которой нет конца.

X X X

Неисповедимые устремления ветра – это не только переживание им нежелания человека становиться любознательным, но и мечта о его величии.

X X X

При мысли о синеньком васильке – слегка улыбнёшься, а вспомнишь полевую ромашку – и весь изнутри засветишься.

X X X

Огромные глаза стрекозы всегда глядят на мир как будто с диким восторгом и изумлением.

X X X

Однажды поздним ноябрьским вечером, ночуя в лесной избушке, мне показалось, что витающий над глухим лесным распадком ветер льнёт ни к земле, и ни к лесу, а к человеку… Именно со мной он ищет желанной и дорогой встречи.

X X X

Ни у кого из зверей не таится в глазах такой сдерживаемой дикой воли, как у волка.

X X X

Весенняя предутренняя тишина всегда напряжена ожиданием чего-то прекрасного и несбыточного.

X X X

Ещё не одетая веточка, с только что проклюнувшимися листочками, стыдлива, как юная девушка, но почему-то кажется, будто она не хочет взрослеть и менять грациозную невинность на обременительную зрелость.

X X X

Иной раз так плохо становится на душе, что, отправляясь в лес, представляешь себя в нём озябшим одиноким паучком, у которого постепенно всё-таки обнаруживаются своя радость, солнечное тепло и любовь.

X X X

В отрешённые осенние дни кажется порой, что жизнь умерла, и тогда особенно чутко ощущаешь на себе умные глаза леса, который неспроста так пристально вглядывается в твою душу, но не бередит её.

X X X

После бурной весны света, которой предшествовала нескончаемая зима, я превращаюсь в неудержимый ручей, что уже лишён каких-либо чувств, но твёрдо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

X X X

Если долгое время посещать лес, то однажды обязательно затеряешься в его вневременном пространстве, и в каком-нибудь глухом осеннем распадке вдруг услышишь жаркое потрескивание костра, конский топот, возбуждённый говор людей и бряцание старинного оружия.

X X X

Что-то бесконечно дикое и непостижимое, даже страшное, но в тоже время вполне осознающее себя стекленеет в глазах добродушного на вид зайца, повергая своей нелепостью.

X X X

В глухие зимние ночи, когда снег начисто заметает пути-дороги, а луна тревожным бельмом вздрагивает на неясном небосводе, в удалённом от людей лесном зимовище сердце твоё согревает только робкий фитилёк поржавевшей от времени керосиновой лампы.

X X X

Сразу после прилёта кукушка почему-то не осмеливается куковать во всю силу, и голос её в лесу звучит робко и задумчиво.

X X X

Весенние ручьи, на первый взгляд, кажутся совершенно безропотными, даже - невинными, а приглядишься - они с великим трудолюбием раскрывают ещё не проснувшуюся до конца землю, которая дарит всему живому простор!

X X X

Однажды я заметил, что вроде бы не заполненное ничем лесное пространство не пустеет, а имеет скрытые ритмы и совершенную упорядоченность.

X X X

Иногда, натолкнувшись в лесу на белочку или бурундука, ловишь себя на ощущении, будто зверьки смотрят на тебя так внимательно, что по-своему всё в тебе понимают.

X X X

Когда восход солнца не видим из-за тяжёлых туч или облаков, всегда чудится, будто кто-то пристально подглядывает за тобой, но ничего не предпринимает.

X X X

Прежде, чем запеть призывным брачным голосом, синица большую часть весны радостно её превозносит!

X X X

Первыми весной зеленеют берега лесных ручьёв, и лишь затем – склоны логов и лужайки.

X X X

Лучшие сказки родились в нашем русском лесу.

X X X

Обнаружив сухостойное дерево, расщеплённое молнией или сломленное ураганом, медведь непременно начинает ударять по отколотой щепе лапой, с удовольствием слушает звонкое дребезжание, и эта добродушная черта совершенно подчиняет в нём дикого зверя, незаметно выводя общую для всего живого радость.

X X X

Майский снег нежен и колюч, и в этом сочетании уходящего морозца и надвигающейся живой поры он всегда нереален, как красивая, но пустая мечта.

X X X

Знаю точно: судьба определяется поступками, которые мы совершали в предыдущих жизнях, и ещё совершим в этой – непременно удивительной и неповторимой, что не представляется без нашего таинственного русского леса!

X X X

Серёжки в ушах весны, конечно, не золотые, как у осени, а совсем простенькие, недорогие, но зато - сколько в них желания очаровывать!

X X X

Лесному миру более всего нужна от человека потребность преодоления им своего незнания, накопление энергии и открытие себя для всех живых существ.

X X X

Религия – это не есть приверженность какому-то учению, а существующая ещё задолго до их появления убеждённость, даже – знание, что Творец – совершенная реальность, и она имеет единственную и неповторимую божественную суть.

X X X

Всё в природе происходит вследствие действия исконных законов Вселенной, и чудеса – это её не всегда объяснимые, но вечные неизменности, что даже после их понимания не перестают оставаться чудесными.

X X X

Отвага птицы, пересекающей огромные морские и лесные пространства, подаёт пример великой жизнестойкости, но никто не воспринимает её жизнь как подвиг.

X X X

Реальность жизни заключена в том, что ощущение холода, голода и беды никогда не исчезнет, но состояние духа должно быть таковым, что ничего его не поколеблет.

X X X

В весеннее время многим птицам присуще страстное постанывание, и потому, заслышав его в лесу, не сразу догадаешься: воркует ли это вяхирь, надувшийся от напряжения самец сороки, или, может быть, нежная горлинка не в силах сдерживать нахлынувшего любовного томления?

X X X

По рыжики и землянику человек отправляется в лес, а вот за зверем – в тайгу!

X X X

Одна из самых притягательных тайн леса в том, что в нём возникает совершенно особое чувство времени: там слышно, как длится мгновение, пробуждающее в нас память неведомых предков.

X X X

Мне нравится, что ветер никогда не предупреждает о своём появлении.

X X X

Венок радости плетётся из самых красивых соцветий окружающего мира, и это всегда созидательная работа для собственной души.

X X X

Иная птаха будто привязывает человека своей незатейливой весенней песенкой, так что он боится сдвинуться с места.

X X X

Теперь уже нелегко себе представить, что лес ждёт человека с нетерпением, как верного друга, и тем не менее никогда не обманывает его ожидания.

X X X

Бывает, когда осень, будто задумавшись, приостанавливается, провожая на юг многочисленных пернатых, вздорные галки и вороны, захваченные мгновенным порывом, всей своей неугомонной аравой бросаются вслед за ними,

так что их какое-то время не слышно и не видно, но вовремя спохватываются и возвращаются восвояси, предпочитая родной север неизведанному югу.

X X X

Апрельские дожди так неподражаемо шелковисты и чисты в недвижимом, насыщенном влагой воздухе, что хочется так же неподражаемо тихо и задумчиво, почти воздушно, замереть и не дышать.

X X X

Только раз в году, и лишь про первый осенний месяц в народе могут с лёгкой грустью, но в удовлетворении заметить: «Засентябрило…»

X X X

Пока стоят ясные мартовские дни с золотистой весёлой капелью, ждать прилёта долгожданных гостей с юга не приходится, и только когда наступит серый туманный апрель с холодными дождями, птицы появляются.

X X X

Вся Вселенная без устали работает над тем, чтобы прилетевший на землю космический ветер не обуял, а возвысил и укрепил чувства человека, который, сидя у тёплой печки, с раздражением думает: когда, наконец, прекратится эта надоедливая непогода?!

X X X

Не раз обращал внимание, что теплолюбивые ласточки-касатки, которые раньше других птиц отправляются на юг, перед отлётом всегда ночуют на тростинках у воды и никогда почему-то не встречаются в лесу. А потом догадался: вода в эту пору ещё теплее земли, и ласточки здесь пристраиваются на ночлег не случайно.

X X X

Лес так величествен, что никогда не почувствуешь его заботу и любовь.

X X X

Глухариная песня, как только ты её расслышишь в предрассветных сумерках, неясна, почти неосязаема, и поначалу даже не верится, что она способна

постепенно пробиться к твоему сердцу. Когда же сердце для неё всё-таки радостно откроется, ему захочется подарить кому-нибудь и свою любовь.

X X X

Если глядеть бездумно в море – оно никак не отреагирует на твоё невнимание. Быть равнодушным к лесу, оказавшись в его объятиях, чревато самыми неожиданными последствиями.

X X X

В весенних сумерках берёзки белеют девичьими платьицами по-особенному светло и радостно.

X X X

С молодых лет мечтая о встречах с лесом, понимая его и лелея в душе это постоянное живое присутствие чего-то до конца необъяснимого и глубокого, хочется иной раз забраться в самую глушь, пасть лицом в пахучий густой мох и забыться от переполняющего ощущения счастья!

X X X

Невозможно придумать поход в лес: его нужно пережить!

X X X

Никому невозможно объяснить, за что любишь лес даже тогда, когда он отворачивается от тебя и становится мрачным и неприступным.

X X X

С окончательным сходом снега и появлением парного тепла от земли пропадает, как ни странно, особый весенний уют, вернее, его ожидание, которое для русского человека, наверное, ещё более трогательно и самозабвенно, чем само наступление тёплой поры.

X X X

Лес стар, мудр, и никогда, даже в минуты наивысшего откровения, не допустит в себе улыбки ребёнка. Но иногда, чаще это бывает весной, что-то детское, всё же, оживит в нём замершее сердце древнего старца, и лес радостно рассмеётся.

X X X

Если весна выдалась дружная, то зайцы не успевают сбросить зимнюю шерсть, и на днёвку ложатся отдыхать в оставшихся сувоях снега.

X X X

Иногда приятно недоумеваешь: в молчании леса угадывается не дремучая затаенность, а виновато опущенные зеленоватые глаза.

X X X

Ружьё, патроны, котелок, нож, спички – это не просто средства для лесного существования, а символы мужской отваги, терпения и силы.

X X X

Может быть, только в самом начале весна предстаёт умудрённой, добропорядочной хозяюшкой, в остальное же время она – веснушчатая босоногая девчонка, за которой хочется бежать, не чувствуя ног!

X X X

Люди, попавшие в лес случайно, торопятся сразу многое узнать, не подозревая, что лес становится откровенен лишь с теми, к кому проникается доверием.

X X X

Когда в весеннем лесу, у костра, слушаешь перекличку журавлей, они представляются разумными существами, способными рассказать о чём-то очень важном.

X X X

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжёлая пора непонимания, и зарождается нечто доверительное и надёжное.

X X X

Только когда подтает на апрельских опушках последний ледяной черепок, и земля засверкает на солнце перламутровыми каплями, она становится по-настоящему умытой, а весна окончательно победившей!

X X X

Живёшь среди людей, и тут тебе гордыня и благоговение, рабская покорность и воля, жадность, любовь и сквернословие, а войдёшь в лес – лишь одно чувство: смиренная радость!

X X X

Пока никто из людей не встал и ничего не видел, а земля, лес и небеса до конца не проснулись, всё в мире представляется неизведанным.

X X X

Весь свет, бывает, обойдёшь, а учёным не станешь. Ты должен быть готов к восприятию знаний, и только тогда пробьёт твой час, который внесёт в жизнь недостающую весеннюю ясность!

X X X

Мир природы – это чудесные образы и слова, музыка и мысли, которые, попадая в душу растерявшего или не нашедшего себя человека, помогают ему обрести себя.

X X X

В весеннем ночном лесу так же холодно, тихо и пустынно, как и осенью. И даже луна не в силах растопить этой замершей отрешённости… Словно начищенная снегом, она льёт меж деревьями безразличный свет, и только воздух по-особенному трепетно ластится, льнёт к лицу, и именно по этому можно отличить зарождение жизни.

X X X

Когда-то, в детстве, я неожиданно открыл необычайное свойство хвойной смолы. Если намазать ею кончик сухой еловой палочки и спустить на воду, то благодаря отталкивающему действию смолы палочка превратится в быстрый кораблик, вольно бегущий по волнам. Соревнуясь между собой, мы, мальчишки, таким образом, запускали в жизнь свою первую пробную мечту, втайне надеясь на её осуществление.

X X X

Невыносимо даже помыслить, что никогда уже не попасть тебе в по-настоящему девственный лес с его таинственной тишиной, диким зверьём и завораживающим мраком.

X X X

Днём ли идти в лес или ночью – не имеет ровно никакого значения, если на дворе весна…

X X X

Сколько бы ни старался постичь ветер, он всегда будет оставлять тебя в неведении, как будто допытываясь и проверяя: по-настоящему ли ты искренен, чтобы уже только тогда доверить тебе свою таинственную судьбу.

X X X

Мудрое восприятие леса – это когда точно знаешь, что сейчас впереди попадётся навстречу зверь, птица или ягодное раздолье, а вот тот укромный лесок на пригорке полон желанных боровиков.

X X X

В зимний день хорошо любоваться на торжественно сияющие, солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе восторженные!

X X X

Порой в лесу переживаешь такие удивительные мгновения, что поверишь: смерти никогда не будет.

X X X

Особая тишина воцаряется в природе, когда сова, волк или лягушка смотрят на тебя, не мигая, и молчат.

X X X

Любовь животных бывает так неожиданно безумна и велика, что даже совсем, казалось бы, безобидный зверёк – заяц, в порыве страсти вырывает со спины зайчихи целые клочья шерсти, чем причиняет ей немало страданий.

X X X

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу неожиданно остро волнуют сердце… Хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого черноглазого зайца или ослепительно огненную кумушку-лису, и ни о чём другом не думать.

X X X

Мартовская звёздная ночь словно мирится с людьми после хлопотливого, ослепительно сияющего дня… Своим равномерным морозным дыханием она успокаивает всех и, загадочно таясь, усыпляет.

X X X

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе, издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-н-н!». До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё далёкой радостной поры!

X X X

Случается, что сидящие на дереве молодые глухарята и тетеревята не улетают при появлении человека, а начинают перебегать с ветки на ветку, прячутся в наиболее переплетённых из них, и время от времени выглядывают из укрытия, как будто оценивая ситуацию.

X X X

Иной раз уходишься по лесу до того, что совершенно лишаешься способности думать, но чуткости при этом никогда не теряешь, вслушиваясь, всматриваясь и даже дыша ещё более проникновенно.

X X X

Несведущему человеку трудно вообразить: всем известный аромат хвои, что лес источает всегда открыто, словно для всеобщей услады, способен вызывать в душе самые неизъяснимые образы и желания.

X X X

Нередко весна может просто замучить человека, сделав его расслабленным, сонным, и всё же … счастливым.

X X X

Выпадет тебе однажды случай столкнуться нос к носу с медведем, и так в тебе эта встреча всё всколыхнёт, взбудоражит, что на мгновение ты тоже почувствуешь себя диким зверем, будто давно отбившимся от своей родной стаи и позабывшим её.

X X X

Чтобы познать прекрасное в природе, им нужно обладать внутри себя.

X X X

Ночью, в лесу, ты ничего не видишь, но всё вокруг, затаившись, молча разглядывает тебя, и ты, чувствуя это, невольно страшишься неизведанного, и всё же оказываешься им очарован.

X X X

Поздней промозглой осенью, когда в жизни у тебя что-то не ладится, ты почему-то по-особенному остро начинаешь воспринимать хмурые лесистые холмы и молчаливые речные долины, замечая, как день ото дня чернеет и осыпается лист. Как растерянно сквозит лес неприкаянной наготой в туманных разреженных далях, и настроение твоё невольно следует за невидимой таинственной тенью, что оставляет после себя уходящая осень, и ты постепенно обнаруживаешь, что причина твоего невезения вдруг улетучивается. Былые неудачи, кажется, уже не донимают душу, и ты с удовольствием переживаешь в сердце звуки и запахи этой уходящей поры, в которой лес вспыхивает напоследок яркими шапками ещё не опавших деревьев, а воздух становится ароматен и свеж.

X X X

Внимательно наблюдая из укрытия за каким-либо зверем, начинаешь чувствовать его душу, как душу себя самого – затаившегося, чужого, готового к чему угодно.

X X X

Быстро уходит свет из опавшего листа, до которого уже никому нет дела, кроме любознательного человека.

X X X

Выйдешь в апрельскую ночь под звёзды – и сразу очутишься в совершенно живой тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью.

X X X

В зимнем лесу всё необыкновенно: и мороз, и солнце, и ты сам!

X X X

Весна, как самая пленительная женщина, в одно мгновение оглядывает всех, околдовывает и, никого не любя, увлекает за собой в манящую неизвестность…

Лес же в эту пору, подобно мудрому мужчине, оборачивается печальными глазами в себя, а добрым весельем – к людям.

X X X

Едва ли различишь, как сквозь еловую разлапистую ветку всматриваются в тебя чьи-то неведомые глаза, но обязательно почувствуешь их, постараешься преодолеть в себе страх и поблагодаришь лес за то, что он поделился с тобой ещё одной нераскрытой тайной.

X X X

Ни луна, ни звёзды не способны преобразить жизнь так чутко, как первый небесный свет.

X X X

Ручей весной бормочет так озабоченно, что кажется, будто кто-то внизу, на дне лога, тихо переговаривается.

X X X

В отличие от моря, лес почему-то не пробуждает тоски по странствиям, но вынуждает более пристально вглядываться в себя и окружающий мир.

X X X

Переживания души по весне никогда не бывают тяжкими, и всегда сравнимы со свежестью молодой травы, обласканной самым чистым апрельским дождём и ветром.

X X X

Галка летит – будто о чём-то всё время переживает, сорока в полёте преисполнена нескрываемого любопытства, а вот ворона – всегда, до сумасбродности, целеустремлённа и деловита.

X X X

Лес сразу понимает, когда человек хочет его обмануть, как ребёнок огорчается и убегает в самый дальний тёмный угол.

X X X

В морозные январские дни между деревьями на снег ложатся такие голубовато-прозрачные радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной.

X X X

Только проведя достаточно времени в лесном затворничестве, начинаешь по-настоящему слышать и понимать людей.

X X X

Как много светлых, возвышенных слов посвятил я промозглым дождям и ураганам, колючему мокрому снегу, въедливым туманам и разудалым вьюгам… Но почему-то рождается в сердце печаль при виде одинокого цветка, и хочется опуститься перед ним на колени, дотронуться рукой и молча улыбнуться.

X X X

Зарождению во мне любви к природе я обязан своей прабабушке – Ольге Филипповне: с маленьким женским ружьецом она пыталась охотиться на зайцев, но ничего у неё не получалось…

X X X

Когда я гляжу в застывшие волчьи глаза, они открывают мне тысячелетия бесконечных попыток зверя преодолеть потолок безукоризненно отточенных природных инстинктов.

X X X

Весной часто ощущаешь неясное смущение от того, что так бессовестно счастлив.

X X X

Клочки сена по краям заснеженной дороги, обронённые с саней, вызывают в памяти далёкое лето, что, кажется, затерялось в каких-то неведомых далях, и его уже ни за что не вернуть.

X X X

Следы у куницы такие лёгкие, мягкие и округлые, что, кажется, будто она ступает по снегу в пуховых башмачках.

X X X

У каждого из нас удивительный мир весны складывается из обыкновенных и всем известных вещей.

X X X

Апрельский день пасмурный, тяжёлый, а узкая полоска зари всё равно отливает нежно-розоватым пером лесного голубя, который пока не прилетел, но вот-вот появится.

X X X

В лесу, как во сне, вдруг смешается и словно бы остановится время, и ты за один обыкновенный день насмотришься столько, что уложилось бы в целый сезон. Потом долго думаешь: как такое могло случиться? Видно, привёл тебя зачем-то лесовик в один час в одно место, и оставил там на целый день, а ты не растерялся в этом остановившемся времени, и совсем позабыл про то, что ты здесь – гость…

X X X

Солнце в марте добавляет синей краски небесам, а мороз закаляет её густоту.

X X X

Обычная песенка лесного ручья по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – умиротворённостью, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

Декабрь, пожалуй, самый обаятельный зимний месяц, и хорош он ожиданием новогоднего праздника, после которого начинается иная, кажется, менее интересная жизнь. Ещё у декабря есть молодой снег, не обременённый собственной, надоевшей ему самому тяжестью, и его радостный блеск, и удивительный перламутровый цвет, и сказочный покой.

X X X

Тушка только что подстреленного зайца холодна и тверда, как камень, а остановившийся чёрный глаз смотрит ещё живо и вопросительно.

X X X

Иной раз задумаешься про радостную жизнь в лесу или в море, и вдруг какая-то тревога, вернее даже – неудовлетворённость охватит тебя: в окружающем мире всегда происходит ещё нечто такое, чего ты, кажется, не в силах обозреть и постичь никогда… Но это ощущение непостижимости всего почему-то не приносит разочарования, и лишь ещё сильнее хочется жить, думать, радоваться и совершать открытия!

X X X

Если, действительно, не мыслишь жизни без леса, то услыхав слова «красный», «жёлтый» и «синий» - сразу воображаешь брызнувший на руки ягодный сок, хоть и опавший, но не смирившийся осенний лист, и ослепительное зеркальце на крылышке вездесущей сойки.

X X X

Даже весной в серых глазах человека почему-то стоит туманная дымка. В карих – открывающаяся от снега земля, в зелёных – ещё не проснувшаяся лесная чаща, и только в синих глазах отражаются лазоревые отсветы преобразовавшихся чистых небес.

X X X

Порой наткнёшься в лесу на самое обыденное место с запахом вереска, лысыми пнями, покрытыми мхом вздутыми кореньями, и хочется поскорее миновать его: неизвестно как, но безошибочно угадываешь – оно гибельное!

X X X

Всякого человека хотя бы раз в жизни судьба подводит к открытию смысла какого-нибудь природного явления, но не всегда и не всякий замечает это важное для себя событие.

X X X

Обыкновенная жизнь в лесу несоизмеримо выше и интереснее самых невероятных рассказов о нём.

X X X

Всего-то и увидишь за день, проведённый в лесу, маленькую стайку тетеревов, с пугающим шумом вырвавшуюся из-под самого снега прямо у твоих ног, а радуешься так, будто овладел какой-то несоизмеримой ни с чем, замечательной тайной.

X X X

Не могу успокоиться, пока в весенней природе не произойдёт какого-то главного сотворения: мучаюсь, с нетерпением жду и только когда почувствую, осознаю его, то воспаряю и лечу.

X X X

У осени запах горьковато-пряный, зима же благоухает свежестью надкушенного яблока, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом обламывающихся сосулек и лопающихся почек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, смешивая их в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно.

X X X

Странно, что заяц –очень сторожкий зверёк, безбоязненно ведёт ночной образ жизни, когда лес полон нежданных подвохов, и по-настоящему страшится светлой, тихой поры, хоронясь весь день в непроходимом чапыжнике.

X X X

После длительного посещения леса хочется писать обо всём, о чём написать никогда бы не отважился, и всё задуманное обязательно воплощается в удивительные и простые образы, которые остаются незабываемыми.

X X X

Когда ветви деревьев ещё не одеты, а зелёные почки только напряжены, человеку остаётся короткий миг, чтобы успеть сбросить с себя последние тревоги, и проснуться поутру свежим и чистым, в благоухании первой весенней листвы.

X X X

В лесу у тебя нет ни друзей, ни врагов, лесные обитатели проживают там свою, неведомую людям судьбу, и ты лишь подбодряешь себя очень нужными тебе с ними встречами, томишься в ожидании их и стараешься заранее угадать: как лучше подобраться и подглядеть сторожкого зверя, которому нет до тебя никакого дела?

X X X

Не связанному с миром природы человеку невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты.

X X X

Когда задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвётся или свирепеет, а хочет добраться до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою мятущуюся душу, и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем нежным.

X X X

В лесу я собираю мысли в виде обыкновенной хвойной веточки, пушистого облака и птицы, до которой дотянуться можно только взглядом. Или - старого рассохшегося пня, земляники под ним, солнечного луча, затерявшегося среди тенистых папоротников, взлетающей к самым вершинам деревьев бабочки…

А дома вспоминаю, стараясь осмыслить все эти встречи опытом прожитой жизни, и так, постепенно, рождаются в моём воображении незабываемые образы, что, оказывается, уже давно существовали в природе, но тебе их нужно было там увидеть и извлечь трудом своей души.

X X X

Даже в самом благородном стремлении к ласковому свету нельзя отказываться от холодящей тьмы, которая порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

К весне потеряешься душой, отрешённо бродишь в лесу, вдыхая его елово-берёзовый дым, и даже боишься поверить, что скоро спадёт с тебя бремя нескончаемой зимы, а в сердце проснётся, наконец, что-то самое долгожданное, бесконечно близкое и родное, сравнимое с возвращением на родину дорогих сердцу журавлей, когда душа с Богом беседует!

X X X

Как бы хотелось однажды остановить время, войти в лес и прожить в нём целую вечность.

X X X

Самый сильный холод в весеннем лесу случается в конце утренника, когда заря только занимается и всё тепло сосредотачивается в верхушках елей…

Именно туда, к пригревающему розоватому свету, поднимаются с наста тяжёлые мошники и, усевшись удобнее, величественно замирают, чтобы переждать прокрадывающийся понизу мороз.

X X X

Бывает, находясь в лесу, неожиданно откроешь в себе мечту, от радости всплеснёшь мысленно ладошками, и сердцу станет так тесно, что оглянешься: нет ли поблизости кого, с кем бы можно всем этим поделиться? А вокруг тихо, безлюдно, но не одиноко.

X X X

Возвращаешься из трёхдневного лесного похода, а чувство такое, будто много лет отсутствовал дома… Отчего так неожиданно чуждо и отстранённо воспринимается родное, оставленное совсем недавно?!

X X X

Часто птицу убивают только за то, что у неё хищно загнут клюв, а пальцы ног вооружены острыми когтями.

X X X

Когда лучи заходящего солнца освещают летящих птиц снизу, ты вдруг обнаруживаешь в них невероятно нежную, может быть, даже неведомую для самих птиц, суть.

X X X

В конце октября берёзы стоят уже голые, но всё равно оживляют сизое осеннее небо паутинкой верхних, красновато-фиолетовых ветвей.

X X X

Приходит весна … И в сердце твоём будто распахнули окно!

X X X

Свист и шум крыльев множества прилетающих с юга птиц, присоединяясь к журчанию лесных ручьёв и порывам молодого весеннего ветра, незаметно рождают новые устремления уставшей за зиму души, и постепенно в ней сосредотачивается сила всей природы.

X X X

В последнее время всё чаще примечаешь, что лес, после долгого общения с человеком, будто сам не свой, словно нашло на него затмение. Могучее тело осталось, мохнатые ветви-лапы так же надёжно охраняют хвойную тишину, спутанные корни-мысли еле слышно в земле промеж себя копошатся, о чём-то недоумевают, а душа уж неведомо как далеко!

X X X

В лесу никто никого не притесняет, а лишь пользуется отведённым ему пространством.

X X X

Бывало, что часто в лесу надо мной кружился чёрный ворон, но никогда не произносил своего зловещего «гра-а-а…»

X X X

Иной раз обрадовано уверуешь: нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру… Но вдруг выдастся затишье, предшествующее ветру, и всё в душе смутится от нерастраченного чувства признательности к тому, что его порождает.

X X X

Скромная, почти неприметная пером подруга снегиря, наверное, никогда не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид, ведь весеннее солнце красит грудь самца только для неё.

X X X

Почему-то ощущение первозданности мира вызывают не восходы солнца, а его закаты…

X X X

Когда страстно защёлкает в кустах черёмухи долгожданный соловей, весна, как ни странно, уже не приносит того ощущения беспокойного ожидания, которое овладевает душой мартовским морозным утром, когда заслышишь за окном однообразный разговор синицы.

X X X

Жизненные границы леса никогда не кончаются, бесконечно продляясь в человеческой душе…

X X X

Пряный аромат опавших листьев сладок их горечью.

X X X

Какие сердце и душу нужно иметь лесному человеку, чтобы не впасть в отчаяние от беспросветности долгого осеннего вечера или нескончаемости зимней ночи, когда он коротает их в глухой таёжной сторожке, а наоборот, переживать от всего происходящего радостную удовлетворённость и покой!

X X X

Месяц наклонился, словно из сказочного ушата высыпал на небо синие, зелёные и голубые каменья, и душа переполнилась счастьем, и тоже весело заиграла!

X X X

Трудно поверить, что беспрерывный весенний свет может стать когда-нибудь в тягость, и душе страшно захочется непроглядной осенней ночи, но так оно и происходит.

X X X

Если лес когда и склоняется внимательно к человеку, то только в рассветные сумерки, пока в его душе не родилась безумная радость от вновь нарождающегося неповторимого дня, и он ещё по-детски чистый в своих пробуждающихся думах.

X X X

Берёзы в апреле плачут от радости, не в силах сдержать нахлынувших чувств!

X X X

Завидев к концу осени не облетевшую золотисто-пурпурную осинку, обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждал всю жизнь, а его всё нет и нет.

X X X

Звериные нотки начинают звучать в голосе человека, когда он отрывается от леса или вообще не приходит к нему.

X X X

Перед самым рассветом над макушками деревьев пробегает лёгкий предутренний ветерок, и одну за другой задувает на небе последние звёзды.

X X X

Спешишь, бывало, по выступающим изо мха еловым корням, оскальзываешься, запинаешься, и вдруг почувствуешь, как напрягаются души деревьев от твоего неловкого соприкосновения с ними, воздух вокруг немеет, а недавнее ощущение слитности с лесом безвозвратно истаивает.

X X X

Когда поднимешься к обрыву над потаённой лесной рекой, и откроется огромное пространство первозданного дремучего леса, никуда уже больше не хочется идти.

X X X

Даже самый глухой, отдалённый от человека лес никогда не может быть для него чужим и диким.

X X X

Какая-то необъяснимая сила охватывает нас в глухом северном лесу… Наверное, её слагают прожитые им века, которые до сих пор властвуют над человеком, отдаваясь в душе полузабытым дремучим эхом.

X X X

Переживаемый в ночном лесу страх велик, но он так целительно очищает душу, что под утро ощущаешь, будто родился заново.

X X X

Весной, у ночного костра, к самому пламени подлетают огромные бабочки, стремительно вьются над головой, исчезают и вновь появляются, и ты не сразу опомнишься от охватившего восхищения: откуда они в эту пору взялись? А потом, придя в себя, угадываешь в них … обычных, только что проснувшихся летучих мышей, но разочарования при этом всё равно не испытываешь.

X X X

Удивительное ощущение взаимосвязи дарят весеннее солнце с землёй, когда солнце освобождает землю от снега и наполняет её теплом, а земля, отряхнувшись от зимней спячки, трогательно тянется к солнцу. И ты вдруг понимаешь, что в основе отношений между мужчиной и женщиной должно лежать такое же неподдельное ощущение уверенности друг в друге, от которой рождается состояние бесстрашия перед самой жестокой жизнью.

X X X

Люблю присесть в лесу на пенёк, как птица, чтобы на мгновение стряхнуть переполняющие впечатления, оглядеться и вновь упорхнуть за своей неизведанной легкокрылой судьбой.

X X X

В лесу на всё надо смотреть глубоким, проникновенным взглядом, благодаря чему распахивается такое ясное пространство, которое свободно открывает ясность собственной души.

X X X

Так радостно, побывав в лесу, оставаться с чистой совестью…

X X X

Осень сначала смешивает яркие краски, а потом размывает их, оставляя лишь те, что близки нежаркому солнцу, неустанному ветру и бесшумному стылому дождю. Поздняя осень имеет цвет затухающего пожара жизни, что, тем не менее, поддерживает в нас неугасимую потребность видеть, думать и сопереживать.

X X X

Бывает, душной весенней ночью жалобно заголосит в отдалении сова, и душа тотчас откликнется ей какой-то глубоко скрытой сладкой тоскою, от переживания которой всё в тебе неожиданно встрепенётся и просветлеет.

X X X

Пространство и свет заснеженного поля перед стеной чернеющего леса всегда вызывают по-особенному затаенное неизбывное чувство, что почему-то не даёт спокойно жить.

X X X

В глубине зимы, задолго до наступления весенних радостных сумерек, бывает, внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, и в этой произошедшей с тобой перемене станет необыкновенно ясна и понятна вся последующая жизнь.

X X X

В отличие от неугомонных воробьёв, никогда не увидишь драки между такими же маленькими снегирями, что всегда обаятельны, скромны и обладают проникновенной и нежной песенкой.

X X X

Часто нежелание жить почему-то приводит человека именно в лес, как в последний приют для исстрадавшейся в миру души, и лес видит и слышит человека, неприметно унимая его сердечную печаль…

X X X

После дождя, в разомлевший июльский полдень, на какой-нибудь старом пне нередко можно обнаружить крохотные беловатые яички… Это - неутомимые мураши раскладывают их для просушки.

Продолговатые и аппетитные, яички оказываются желанной приманкой для многих птиц, но, тем не менее, муравьи не боятся вытаскивать их на ласковое тепло, обеспокоенно снуют вокруг и при малейшей опасности быстро прячут.

Только что вся колода была усеяна нежно-молочными лакомыми зёрнышками, а через какие-то мгновения уже ничего нет: и без того многочисленное семейство, в первую очередь, хлопотливо заботится о своём потомстве.

X X X

К концу апреля почти не тронутые метровые сугробы быстро оседают и растворяются, насыщая талой водой и без того влажную почву, а нахоженные за зиму уплотнённые тропинки белеют чуть ли не до мая, медленно истончаясь и превращаясь крепкими утренниками в хрустящий «черепок».

X X X

Весенние вспышки зарниц в полнеба и завораживают, и пугают своей немотой, когда сидишь в ночном лесу один, ожидая пробуждения глухаря – таинственного гостя из далёкого прошлого.

X X X

Когда над вершинами тёмных елей мерцает таинственный звёздный свет, всегда посещает ощущение чего-то радостного, ещё не сбывшегося, но ты веришь – рано или поздно оно обязательно утвердится в тебе, и наполнит душу настоящей сказкой.

X X X

Осенний королевский вальдшнеп взмывает среди стволов волшебной бабочкой и в мгновение исчезает, а весной, в сумерках, опускается за самкой выцветшим листом, и долго припархивает у земли, словно не находя себе места.

X X X

Приведётся однажды столкнуться в лесу с ранним малиновым восходом – и ты словно тайно причащаешься к чему-то, что уже давно и глубоко поселилось в твоей душе, переживаешь, силишься его постигнуть, но никак не можешь вспомнить из своего далёкого и неведомого прошлого.

X X X

Весна, как ни странно, постоянна в изъявлении своих чувств, а по-настоящему восторженной и радостной бывает только в самом своём начале, пока к ней не привыкаешь, всё же остальное время она одаривает лишь счастливыми мгновениями.

X X X

Осенняя ночь – как огромный фиолетовый плод, ещё с лета оставленный кем-то дозревать, да так и позабытый.

X X X

Бывает, бредёшь во тьме на глухариный ток, отчего-то остановишься и вслушиваешься в тишину, а там – будто разговаривают люди, перебегают с хохотом дети, кто-то весело вскрикивает, перекликаясь, и ненадолго замирает. Это значит, что весенняя ночь выдалась размашистая, открытая и бояться в ней нечего.

X X X

При всей своей глуши лесная чаща беззащитно обнажена самыми сокровенными чувствами, с которыми никогда не соприкоснёшься в открытом поле или на опушке.

X X X

Хоть и говорят часто – «ветер непостоянен», но вряд ли отыщешь что-либо более постоянное в своей свободе. Просто иногда ветер улетает туда, где в нём наиболее испытывают потребность, а как только почувствует в ком-нибудь ещё большее устремление к собственной мощи, тотчас возвращается. Ничто не в силах превозмочь его неудержимую природу быть всегда в нужном месте!

X X X

Утренняя бирюза в апреле так трогательна, что даже нежно-кремовое солнце, опасаясь её нарушить, взбирается на небо как бы невзначай, осторожно.

X X X

Содержательность каждого похода в лес определяется поведением в нём самого человека.

X X X

За рекой, на болоте, затрубили журавли, и сразу представилось, как им там хорошо и уютно…

X X X

Порой становится не по себе от однообразной повторяемости человеческих судеб, которые ничего для себя и других не разрешают, тогда как жизнь зверей и птиц, в этом смысле ничем, вроде бы, не отличающуюся от жизни людей, готов слепо боготворить.

X X X

Чем больше развита душа человека, тем больше он находит для себя в лесу знакомого.

X X X

Случается в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по жизненной дороге, и по крупицам находишь радость в лете, осени и, конечно, зиме.

X X X

Силы весенних ночей неисповедимы только в городе, в лесу они оголены для всякого, кто хотя бы попытался постичь себя и окружающий мир.

X X X

Бывает, в апреле, когда ещё не сошёл снег, засеет под вечер мелкий занудный дождик, из-под разлапистых еловых ветвей выползает промозглый сырой туман, а на душе от всего происходящего становится хорошо и покойно.

X X X

Именно в лесном отшельничестве, при сознательном переживании собственного самоограничения, в сердце зарождается страстная любовь к людям и жизни.

X X X

Неподвижность лесного существования деревьев, на самом деле, их великое подвижничество.

X X X

Медленный полёт цапли – не следствие её значительных размеров или раздумчивости странной птицы, а скорее – результат осёдлости и неторопливого образа жизни в царстве необозримых мелких речек и болот.

X X X

Мартовским вечером, когда неугомонное солнце всё же потухает, радость от весны света ещё более усиливается с зажигающимися в небе голубыми, зелёными и оранжевыми звёздами.

X X X

Менее всего меня занимает в лесу цветущий луг с бабочками, а больше – сырая темнота оврагов и не тронутая хвойная глушь!

X X X

Сколько бы я не писал о природе, моей героиней чаще всего оказывается весна!

X X X

Замечено: интересные встречи случаются в лесу тогда, когда на душе радостно!

X X X

Дремучий лес говорит даже своим безмолвием.

X X X

Именно в порхании мало различимых птичек, в их зыбком и трепетном полёте, что кажется для кого-то почти никчёмным, кроется неуловимое величие природы.

X X X

Всё в природе давно взыграло, она дружно справила весну, и только заснеженное поле затаилось, лежит недвижимо, и лишь по еле различимой светящейся дымке над ним догадываешься, что и оно вскоре сбросит сонную одурь и превратится в бескрайнее озеро весны.

X X X

За какой-нибудь год хождения по лесу можно пережить не одну сотню его дремучих таинственных лет.

X X X

Оживлённое бормотание тетерева по весне похоже на журчание скрытого под снегом ручья, который пробивается как бы ниоткуда, а слышится везде.

X X X

Есть нечто жуткое и необъяснимое в маленьком неприметном сорокопуте, который уничтожает за день множество птиц и мышей, съесть всё это не может, и насаживает оставшиеся излишки на острые ветви деревьев, отрывая, к тому же, у своих жертв головы…

X X X

Когда насытишься в лесу разудалой апрельской порой, и она перельётся в тебе через край, хорошо предаться мыслям о жизни больших древних городов, о их солнечных набережных, площадях и людях, что и не помышляют о великом празднике русской весны.

X X X

Глаза леса во тьме видят даже лучше, чем днём, и особенно радуются, когда встречаются в ней с доброжелательным взглядом любознательного человека.

X X X

Заглянув однажды в гнездо вороны, я был поражён увиденным… У примелькавшейся и невзрачной, даже порядком надоевшей всем птицы яички имели цвет голубовато-нежного весеннего неба…

X X X

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розовый отсвет на сугробах бывает нежнее любого, самого трепетного цветка.

X X X

Крупные хищные птицы в полёте неподражаемо легки, свободны, они царят в вышине – это их стихия, но вот у самой земли становятся вялыми, неуклюжими и на деревья присаживаются, неумело скособочившись.

X X X

Приятно представлять себе весеннюю раздольную картину, где можно свернуть на любую неприметную тропинку и … раствориться.

X X X

Что может быть лучше чувствительного сердца, которое способно угадывать язык зверей, птиц и растений!

X X X

Ранняя весна хороша тем, что начинает долгую пору радости, которая завершается лишь с началом пышного осеннего увядания…

X X X

Столько за жизнь набрано в себя от леса, что можно, оказывается, обойтись уже и без необходимости бывать в нём!

X X X

И заря, случается, иногда показывается неприступной царицей – холодной, гордой, чужой, а на следующее утро – опять добрая княжна, что, только народившись, принимается всем служить и радовать.

X X X

Даже в своей любовной привязанности к лесу не стоит делить его на птиц и зверей, чья жизнь тебя привлекает, и тех, кто почему-либо оказывается неинтересен и почти никогда не попадается на глаза.

X X X

Если весна опять зовёт в дорогу, лучше всего подчиниться её зову и, отправляясь в путь, с удовольствием представить, что не идёшь, а взлетаешь к убегающему вдаль горизонту.

X X X

В августовском солнце нет былых пыла и жара, что оно излучало в июле, а только видимость силы, которую незаметно перетянул на себя зарождающийся в просторах выцветшего за лето неба бродяга ветер.

X X X

Бывают дни весной, когда ничего уже не замечаешь в природе, до такой степени она насыщена теплом и светом!

X X X

Приходит весна – и небеса голубеют, леса становятся нежно-зелёными, а сердца людей ещё более наполняются тем радостным светом, который они когда-то в себе понесли, но по природе своей этого не заметили.

X X X

Когда в осеннем воздухе устанавливается такая тишина, что ни один листик не трогается с ветки, хорошо тоже замереть и подумать: готов ли ты оторваться от привычного, что уже не приносит радости, и полететь?!

X X X

Отправляясь в ночной лес, я и в мыслях не держу поигрывать с опасностью, а хочу только чувствовать его глубинную жизнь, и быть слитным с ней.

X X X

Иногда мне кажется, что мысли в лесу рождаются не в голове человека, а в окружающем его пространстве, какое-то время живут там, восхищают своей простотой, и потом потихонечку растворяются в душе.

X X X

Не со всякой сосны склёвывает глухарь хвою, а только с отдельного, понравившегося ему дерева, которое почему-то с виду всегда неприглядно.

X X X

Раньше думалось: вот придёт весна, и опять затрубят по болотам журавли, начнут гарцевать на укромных полянках в брачном танце, изящно задирая головы и звонко пощёлкивая клювами… Сейчас же: дай, бог, их хотя бы услышать!

X X X

Как дерево осенью, избавившись от перезрелых листьев, даёт ветвям до самой весны отдых, так и писатель, вовремя освободившись от переполняющих его мыслей, вскоре возрождается в новых книгах.

X X X

В иной год весна так обуяет душу, что ничего уже не разумеешь от охватившего приволья, а только, знай, бормочешь, как тетерев: «Бу-бу-бу, люблю-люблю, бу-бу-бу, люблю…»

X X X

В лесу хорошо постигается: не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках, но обязательно нужно постараться осуществить то, что зависит лишь от тебя.

X X X

Если журавли плывут в весеннем небе высоко и обязательно курлычут, погода всегда стоит ясная. В пасмурные, сырые дни птицы в молчаливом напряжении жмутся к земле, голос подают изредка, тревожно вскрикивая и тотчас умолкая, словно не возвращаются на родину, а покидают её.

X X X

Может быть, нет в лесу ничего более увлекательного, чем стараться рассмотреть у каждого зверя или птицы их истинную суть.

X X X

Мартовское небо незаметно выклюнется из фиолетово-радужного февраля, ударит в глаза безжалостно яркой синевой, и всё в тебе сразу преобразится, заиграет, и сам ты на время станешь восторженно-неудержимым, ослепительно синим мартом!

X X X

Если хоть однажды увидел в ночном небе апрельские звёзды и остался с ними до утра, то рано или поздно они укажут тебе верный путь.

X X X

В бабьем лете, несмотря на его видимое и радостное для всех раздолье, кроется нечто для него самого непостижимое, от чего оно, вроде бы, никуда и не торопится, в полном удовлетворении от достигнутого довольства благоденствует, но никак не успевает до конца насытиться своей царственной красой.

X X X

Весна неподражаема тем, что, разбив сердце, может в мгновение одарить великим наследством.

X X X

Нежно, но настойчиво блеет барашком с вечера до утра невидимый в вышине маленький бекас, и кажется странным, что из всех прилетевших птиц он один отвоевал для своей любви такое необъятное небесное пространство!

X X X

Всматриваясь в человека всем своим существом, лес ещё вглядывается в него каждым отдельным деревом, цветком, зверем и птицей.

X X X

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и голубое, что даже не верится: как может оно ещё больше обновиться в марте!

X X X

Только один маленький ручеёк проснётся под снегом – и всё вокруг оживает.

X X X

Из-за обилия впечатлений в лесу часто случается такое, что мыслей в голове рождается сразу много, и они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и исчезают, так до конца ни к чему и не придя, а надо бы выбрать только одну, заняться ею, и все остальные тогда остановятся, успокоятся и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

X X X

Дятел-желна, всегда неожиданно и как-то сказочно выпархивает на тебя из чащи, напоминая неловко выброшенную кем-то из костра головёшку, которую и не подумаешь тушить, а только залюбуешься огнём алой шапки дятла, без опаски провожая его взглядом.

X X X

Продолжительный и мелодичный свист рябчика схож с неведомой лесной дудочкой, что даже в самую непогоду настроена на трогательную радость.

X X X

В мае звёзды теряют яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее.

X X X

Всегда красив и по-хорошему печален русский лес, как бы безжалостно ни относился к нему человек.

X X X

Под вечер неожиданно покропил тёплый дождик, и, откуда ни возьмись, выполз густой туман, который стелился от низкорослых кустов до верхушек высоких елей: он и прибил вальдшнепиную тягу вниз.

Птицы в полёте прижимались к земле, самки вскрикивали, увлекая за собой самцов, и те налетали на них с ходу прямо на дорогах, вырвавшись навстречу друг другу из молочной туманной пелены, быстро спаривались и тотчас разлетались. Вместо них тут же появлялись другие птицы, и всё в точности повторялось.

Туман, кажется, внёс в поведение вальдшнепов непривычную для них нервозность: птицы будто боялись упустить этот вечер, а с ним – всю весну, и торопились любить, что со стороны выглядело до невозможности оголено и просто, но в то же время как-то притягательно.

Охваченные страстью, птицы были так возбуждены, что будто не понимали: туман скоро рассеется, закат опять будет нежно-розоватый, а воздух прозрачный, тёплый и спокойный. Но, бывает, следующий вечер выдаётся чудесным и тихим, а вальдшнепы почему-то не устремляются к своей любви…

X X X

Не сразу сообразишь: исчезновение какой сказки более ощутимо – весенней или летней? С завершением весны жизнь только ищет, где бы ей свить гнездо, тогда как с уходом лета начинает казаться, что жизнь утекла безвозвратно и ничего необыкновенного в ней у тебя уже не случится.

X X X

Весенний солнечный луч, особенно вечернею порой, - словно произнесённое кем-то доброе слово.

X X X

Только по-настоящему мудрый человек чувствует заключённую в лесу мысль, к тому же, не стремящуюся из него вырваться, а почувствовав, вдумчиво следует её движению, не желая полновластно ей обладать.

X X X

В марте от растаявших к полудню луж словно разносится детский восторженный крик, наполняя радостью весь воздух!

X X X

Редко, когда обратишь внимание на то, как неустанно кукует в бору кукушка, но обязательно насторожишься, если после долгого молчания скрытная птица вдруг подаст голос.

X X X

Люди никогда не ждут весеннего прилёта птиц, заглядываясь вверх и то и дело выискивая в небе журавлиные или гусиные косяки, а поднимают головы, лишь заслышав в вышине их торжествующе-волнительный, призывный крик.

X X X

Ни у одного дерева ничто не может так таинственно зацепиться в ветвях, как у ёлки… Только в её дремучей кроне застревают душистая туманная тишина, сказочные думы леса и мягкий сиреневый вечер.

X X X

С особым уважением смотрю я на тех людей, которым по душе сначала весна, и уж потом – лето и осень.

X X X

Мартовским ослепительным утром меня охватывает неописуемый восторг от всего происходящего в природе, а к вечеру я уже страдаю от невозможности удержать этот неповторимый и навсегда ускользающий день.

X X X

Выгоревший лес похож на холодную чужую планету… Кажется, он не хранит уже ничего, что бы помогло ему возродиться, но присмотревшись пристальнее, постепенно, всё же, угадываешь в нём ещё не высказанную мысль о жизни, которая ждёт его впереди.

X X X

Если бы ещё раскрылся для меня прекрасный цветок с синими лепестками и маленьким золотым солнышком посередине! Если бы я вновь смог удивиться ему и поверить в свою любовь, и если бы оно, это солнышко, оставалось для меня живым до самого конца, как бы это растрогало меня и обогрело, может быть, даже спасло и, конечно, раскрыло в душе всю забытую красоту и упущенное счастье!

Я бы стал перед ним на колени, и назвал его «любимым», понимая, что его больше нельзя потерять. И сердце моё превратилось бы в такое же золотое солнышко с синими лепестками, и слилось бы с моим «любимым», и настала бы та самая светлая ночь длиною в нескончаемую жизнь, что уже никогда не обманет…

Сейчас вокруг весна, и мне кажется, что повсюду рождаются маленькие синенькие цветы с солнышком внутри, а мой никак не может появиться, где-то прячется, затаившись, и, может быть, ждёт, что когда-нибудь в нём тоже раскроется прекрасная золотая душа, зацветут небесные глаза, и он меня увидит.

X X X

Когда токует глухарь, его налившиеся брусничным соком брови почему-то не выделяешь с таким восхищением, как огромный пятнистый хвост, переливающуюся перламутровой зеленью грудь или вздрагивающую в такт песне мохнатую бороду. Пышные же брови чудесных красавцев-тетеревов сразу бросаются в глаза, оживляя блёклые апрельские проталины неожиданно яркими, будто только распустившимися цветками…

X X X

Вместе с вскрикиваниями прилетевших с юга журавлей - к людям будто опускаются с неба звуки родной земли, вызывая в них желание устремить взор к небу.

X X X

Только весной, в апреле, рождается во мне волшебный мальчик, который готов всю оставшуюся весну и лето с восхищением встречать каждый день. К осени он незаметно подрастает, успокаивается, а перед зимой и вовсе исчезает.

Каждый год стараешься не пропустить, куда же он подевался, но неизменно отвлекаешься и упускаешь до будущей весны уже никем не замечаемую пропажу.

X X X

Цапля так устроена, что вспугнутая – не вылетает, а вымахивает на огромных крыльях из прибрежных зарослей камыша и рогоза.

X X X

Редко удаётся близко увидеть лесного голубя-витютня. Он нелюдим, и постоянно скрывается по весне в разлапистых ветвях ёлки. Бывало, неожиданно послышится из глубины леса чьё-то постанывающее, печальное воркование, и ты, остановившись, долго не можешь уразуметь: что это за диковинная птица подаёт голос? Так проникновенно разносится это грудное воркование, чем-то непонятным очаровывая и завлекая.

Потихоньку начинаешь подкрадываться к нему, а звук то удаляется, то слышится совсем рядом. И вдруг, в каких-нибудь двух-трёх шагах, заметишь в ветвях дымчато-розоватое оперение голубя, его раздувшуюся от напряжения гордую грудку, и поразишься неброской красоте птицы, что большую часть времени держится над раздольными полями, а силу черпает в густом лесу.

X X X

Весенний радостный свет действует на человека как свобода, которую никто и никогда не сможет у него отнять.

X X X

Порой, забравшись в какой-нибудь потаённый лесной уголок, что ничем особенным не отличается от множества подобных ему, поначалу несказанно чему-то обрадуешься… А потом долгое время дивишься, не в силах разобрать: отчего нет для тебя на свете прекраснее этого обычного лесного места?!

X X X

Как грациозны головы журавлей, когда они насторожены, и как страшны при этом в своей безжизненности их глаза!

X X X

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: вот-вот наступит весна! Но что послужило основанием для такой убеждённости?

Может быть, синица раньше времени восторженно заиграла под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то ещё, совсем не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же … весна!

X X X

Редко увидишь, когда кукушка прилетает на голый лес, но если это происходит, то год, как и жизнь у самой птицы, складывается неустроенно и осиротело.

X X X

Хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьётся колючая позёмка, а лес стоит седой, нахмуренный, всё вокруг голо. И только у самой обочины лесной дороги, на тоненьких тростиночках пустырника, оживлённо раскачиваются цветастые щеглы, о чём-то неугомонно переговариваются, и совершенно изменяют своим присутствием унылый зимний вид.

X X X

Часто люди, достаточно не зная и не понимая родной земли, обращаются в своих устремлениях к заоблачным далям, тогда как, для начала, им следовало бы разобраться в повседневной жизни. Например, научиться тому, как сажать и выращивать здоровую картошку или искать грибы, понимать голоса птиц и зверей, как жить с людьми, чтобы не злословить, не завидовать, а стараться видеть в них больше хорошего, и это хорошее поддерживать. Как найти себя в жизни, отыскав своё дело, и, развив его, оставить плоды потомству.

Множество работы ждёт человека на земле, и летать в заоблачном мире ему не пристало. Другое дело, если мечты не мешают земным заботам, и только помогают их осуществлению. Так бывает, когда человек устал, и он запевает песню, что уносит его на время от земли, а обратно человек возвращается отдохнувшим и сильным.

X X X

Трудно представить, что птица весной может устать в поисках корма для своих птенцов, и просто присядет вдали от них передохнуть.

X X X

Одно робкое весеннее утро способно подарить целый мир, бескрайнее же летнее царство не в силах превозмочь своё ослепительное довольство, с каждым часом всё более замыкается в себе и незаметно перегорает.

X X X

Только народившийся ломтик месяца тоненький, изящный, а между тем – царит на небе!

X X X

Всю майскую ночь напролёт слышится страстное посвистывание соловья в черёмухе под окном, и становится вдруг так явственно ощутимо, что повсюду в эти прекрасные мгновения рождается любовь.

X X X

Снегири – трепетные птичьи сердца, у которых, кажется, отсутствует всякая боязнь, и они уверены в своей вечной молодости.

X X X

Весной самое лучшее время – утро, когда день, со всеми его замечательными подробностями, ещё не расплёскан по пустякам и встаёт перед человеком полным надежд, нетронутым и прекрасным.

X X X

Только весенним утром, перед рассветом, вдруг ощутишь, как в тебе незаметно копятся огромные силы, и именно эта весенняя безмятежность происходящего вокруг зарождает уверенность в правильности твоих душевных устремлений.

X X X

Трудно представить у вечно зелёной лесной чащи перезревшую душу, которая всё время растёт, копит силу, но однажды ей приходится от неё избавляться…

Скорее, лесная душа никогда не старится, постоянно обновляясь в своих нескончаемых жизненных примерах, и даже когда деревья умирают, старые пни в лесу окружены его мудрым вниманием и покоем.

X X X

Кончается лето, ночь уже холодна, в небе – полная луна и яркие звёзды, а вокруг – высокие осины, в верхушках которых чутко спят глухари, и … я, маленький, прикорнул неподалёку, у затухающего костерка, потому, что мне обо всём этом надо знать…

X X X

Когда самец-вальдшнеп преследует на тяге самку, он издаёт двойной звук «хор-хор, цвиг-цвиг…» Первая часть производится им как бы в себя, утробно, в предвкушении скорой встречи с желанной возлюбленной, а вторая – с неожиданным и лёгким выдохом, утончённо моля дождаться его и больше не покидать.

X X X

Пока по весне от земли не пахнёт парным теплом, она всё как не родная.

X X X

Слова, как цветы на лугу: чтобы составить чудесный букет, нужно с чувством собрать их… Причём, отбирать следует самые разнообразные, обращая внимание не на их поэтичность названия и аромат, а на энергию внутреннего содержания, которая сама по себе всегда прекрасна.

X X X

Египетские мистерии указывали на особую силу мысли, посланную через пламя… Оттого и все мои ночные бдения возле костра, под утро, завершались радостными откровениями.

X X X

Давно держу и сад, и огород, но только недавно задумался о том, что собирание плодов ещё утомительнее, чем посев и посадка.

X X X

Именно неутомимость, терпение и наблюдательность дают твёрдое основание к творчеству, энергия которого накапливается постепенно, но принадлежит к неистребимым завоеваниям развивающейся души.

X X X

Для того, чтобы находить правильные слова о мире, нужно постоянно отдавать ему энергию своего сердца.

X X X

Глаз должен быть незрячим на отвратительное, устремляя своё зрение в прекрасную природную беспредельность, ибо она божественна.

X X X

Посеявший - пожнёт. Ничто и никто не изменит этот неукоснительный закон Вселенной, независимо от того, посеяны ли семена добра или зла. Жатва в любом случае будет произведена, и окажется справедливой.

X X X

Лесу нелегко скрывать от любознательного человека каждую минуту своей жизни, вырастающую незаметно в мудрые века, но лес ещё тяжелее переносит человеческое невнимание, мгновенно становясь неприступным.

X X X

Больше юга люблю север: взбунтовавшиеся дикие силы природы и стонущую тайгу, неистовые порывы студёного штормового ветра и долгий изматывающий путь, потому как только в них и растёт душа.

X X X

Ранний крик журавлей на болоте вызывается первым робким проблеском света, когда узкая полоска зари только-только проглядывает из-под небесного одеяла, и человеку её ещё не видно.

X X X

Бывает, подолгу вынашиваешь какие-либо сведения о птице или звере, но чего-то всё-таки не хватает, чтобы начать рассказ. Чего-то связующего, что могло

бы озарить повествование обаятельной чёрточкой, мыслью, может быть, даже неожиданным открытием. И вот однажды это маленькое недостающее открытие появляется, все накопленные до него знания, представляющиеся до этого неинтересными, неживыми, чудесным образом оживают, и тотчас складывается сюжетная линия рассказа, его развязка и, конечно, долгожданная первая фраза.

X X X

У многих северных народностей слово «погода» означает, как ни странно, нечто хорошее и весёлое, что радостно идёт навстречу человеку, пусть даже падает снег, шумит ветер или кругом стоит непроглядный промозглый туман.

X X X

Как бы круто ни забирал мороз в мартовский утренник, он кажется лёгким и беззлобным, и только оживляет всё вокруг!

X X X

Важно, войдя в лес, принимать обнаруженные там находки не на свой счёт, возвеличивая лишь собственную проницательность и ум, а на творчество самой природы.

X X X

В июльский вечер, когда всё вокруг дышит жаром, только души деревьев льют сдержанную прохладу и успокоение.

X X X

Весной больше, чем когда-либо, хочется идти до той лесной стороны, где никто никогда не бывал, а когда дойдёшь – ни за что об этом не догадаешься, и, не уставая, продолжаешь свой путь.

X X X

С приходом дивных майских дней исчезает восторженная трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то в природе уже не так: всё затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая радость.

X X X

В народных поговорках и сказаниях лисица рисуется животным хитрым и вероломным, ещё более хищным, чем волк, но издавна знакомо людям и такое качество лисы, как осмотрительность… Лиса завсегда с оглядкой живёт, и ходит только своим пятником, чтобы не оставлять за собой лишних следов.

Прежде, чем перейти, скажем, через замёрзшую реку где-нибудь в начале зимы, лиса долго прислушивается, как подо льдом вода течёт, и поэтому судит, достаточно ли он прочен. Если лиса через лёд пройдёт, тогда можно через него и пушки возить, до того он крепок, замечали в народе, а уж в феврале, после Сретения, по тем же народным наблюдениям, она вообще на лёд не ступает – боится… Сторожка лиса так, что семерых волков проведёт!

X X X

Пение птиц по весне – это всегда, в первую очередь, радость возвращения.

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло своим ослепительным теплом, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни…

X X X

Весело ведёт себя лес в апрельскую непогоду, особенно – перед погожим днём… Далеко разносится его мятущееся радостное звучание, даже – гул, и на душе становится широко и вольготно, словно река вот-вот ударится в половодье и заполнит всё своим безудержным весенним разливом.

X X X

Как легко и хорошо живётся человеку среди родной природы, если он заботится о ней и понимает.

X X X

Восторженность к природе исходит из незрелости души. Мудрость же подразумевает ни для кого не обременительное и вкрадчивое всматривание в неё.

X X X

Глядя в апреле на звёздное небо, похожее на огромное ночное поле, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и, заблудившись там, не вернуться.

X X X

В свете скупой золотистой зари декабря горят только макушки вековых сосен…

X X X

Необычно и радостно наблюдать по осени за свободолюбивыми забияками-воробьями, когда они табунятся в плотные многочисленные стайки, где каждый чуть ли не касается своего приятеля, но совершенно никому не мешает.

X X X

В радостный весенний день от птичьих криков, брызжущего солнца и капели вдруг замрёт на мгновение сердце, оно сожмётся от сладостной боли, и вспомнишь, как, не уставая, пробирался через всю зиму к самому лучшему в себе, и верил в свой апрель.

X X X

Спастись от комаров можно … спокойным сидением у костра. За один раз натаскай дров и садись: больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе внимание кровососов.

Отойдёшь на минуту, а за собой обязательно приведёшь полчища надоедливых насекомых. Надо непременно перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут сильно досаждать. Маленькая хитрость, подсмотренная в июньском лесу, пригодилась мне на долгие годы.

X X X

Божественная красота природы в том, что и зелень, и голубое, и желтизна в ней – разные!

X X X

Правда лесной жизни такова, что белки, которых в народе всегда почитали как милых и безобидных зверьков, разоряют гнёзда и сильно тиранят певчих птиц, поедая их яйца.

X X X

Весенний день, словно молодой породистый рысак, он полон сил и способен одолеть всех, с кем только можно потягаться. Лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет. Осень склоняется над тобой повидавшей виды женщиной, нашёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь слушать. Зима наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон…

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все мучительные ожидания, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны.

X X X

Особая тихая прелесть возникает в апреле, когда воздух пахнет сырой корой и распускающимися клейкими почками, и хорошо, если время человека наступает именно в эту пору.

X X X

Обыкновенный комар, доставляющий нам массу неприятных хлопот, на самом деле очень необходим. В считанные дни он возвращает растениям еду, которую уносит с собой из земли талая вода, насыщает воздух недостающими химическими элементами, при этом оставаясь кормом для множества птиц, а в тундре или северной тайге, где шмелей и пчёл не густо, комар, испачкавшись в цветке пыльцой, опыляет растения.

X X X

Когда сгорает весна, вместе с ней сгораешь и ты, перерождаясь к лету в совершенно незнакомого, спокойного человека.

X X X

Иной весной, от самого её начала и до конца, переживаешь одну щемящую боль, ни в чём не в силах ощутить хоть маленькую радость, и даже черёмуха, кажется, не распространяет на тебя свой чарующий запах.

И только когда приходит осень, неожиданно отмякаешь сердцем, забываешься в себе и отправляешься в долгожданный душевный полёт…

X X X

В жизни мы должны серьёзно относиться ко всему, что нас окружает, научившись различать знаки, которые призывают осознавать неразрывную взаимосвязь с природой, представляющую для всех людей огромную духовную силу.

X X X

Если мартовский день – жених, то невеста его – светлая капель. Для апреля нет краше распустившейся нежными барашками вербы. Май же – бесшабашный гуляка, без зазрения совести мечтающий сосватать черёмуху, иргу, калину, рябину и сирень, что ещё не оделись в весенние наряды.

X X X

От осеннего утреннего морозца одни листья краснеют, а другие становятся бесцветными.

X X X

Постоянное и честное общение с лесом, где всегда приходится совершать над собой усилия и постоянно чем-то жертвовать, приучило меня ставить задачи, казалось бы, самые невыполнимые, желая добиться их разрешения, во что бы то ни стало. Результат никогда не заставлял себя ждать: я становился мудрее, а значит – сильнее, и уже никогда не обременял себя вопросом: зачем мне дано прожить ещё один день? Ответ оказывался очевиден: этот день – самый лучший в твоей жизни, и он дан судьбой для радостного постижения, благодаря которому я открываю в себе Господа и его способность к удивительным деяниям.

X X X

Никогда не увидишь, чтобы дятел, эта умная, бодрая и трудолюбивая птица, сидел на дереве в отрешённой задумчивости, без дела.

X X X

Пришвин писал: «Весной так всё роскошно вокруг, и так много всего, что душа моя, глиняный кувшин, не вмещает, и всё льётся через край из моего кувшина…»

Моя же весенняя душа представляется мне невидимой сутью проистекающего повсюду жизнетворчества, что впитывает в себя бесчисленные ароматы, волнуется и вырастает в ещё более восхитительное состояние, когда открываешь для себя смысл существования самой крохотной былинки.

X X X

Глухая метельная ночь не врывается нагло в сердце, не опустошает холодом душу, а приводит за руку к изголовью трогательную детскую память о неподражаемо чудесном сказочном мире.

X X X

Многие писатели используют животных в творчестве только потому, что не в силах избавиться от собственного несовершенства.

X X X

Когда устанавливается весна цветов, верится, что этому чудесному времени не будет конца.

X X X

Чутьё – это мгновенное погружение души во вселенский поток жизни, в котором судьбы всех людей связаны между собой. Ко мне оно пришло благодаря тесному общению с миром птиц, зверей и растений.

X X X

Благодаря нежной апрельской заре и чистому небесному пространству, что отражаются в первых лужах, вскрывшиеся от снега поляны, кажется, возносятся и повисают в воздухе чудесно переливающимися пейзажами.

X X X

Изо дня в день, неприметно, но неотступно появляются мои лесные мысли, и так, капля за каплей, рождается на свет лесная книга – созданная мной новая радостная жизнь.

X X X

В конце ноября со спелой берёзовой серёжки срываются, летят по воздуху и падают на снег берёзовые семена, что дерево нарочно приберегало к голодной поре для маленьких птиц.

X X X

У сахалинских нивхов, всю свою жизнь посвятивших охоте и рыбалке, научился я применять для каждой погоды лыжи, подбитые шкурками разных животных.

С камусом лося – в оттепель, ближе к концу февраля, когда лыжи уже идут хорошо, и из-за прочности лосиной кожи не промокают.

С камусом оленя – для лучшего скольжения в зимний мороз, или если снег ещё порядком не уплотнился и ходить по нему тяжело.

Ну, а коли приходится долго гнать зверя, не разбирая дороги и времени суток, то нет ничего удобнее лыж, подбитых нерпой. Шкурка её, в отличие от лося и оленя, легко скользит по любому снегу, и хорошо выдерживает вес охотника, не давая проскальзывать лыжам при подъёме на любую горку.

К тому же, она совершенно не подвержена быстрому намоканию по весне, в дневное время, и вдобавок так чудно отливает серебрящимися густыми волосками, что весело поблескивают на мартовском солнце!

X X X

В начале декабря, когда сильные морозы ещё не укоренились и воздух мягко пронизан розоватыми лучами, особенно ослепительно искрятся и играют в солнечных лучах молодые сугробы.

X X X

Весенние дни не потухают внезапно, как осенние или зимние, не обрываются, как будто их и не было, а глядятся друг в друга детскими чистыми глазами, с затаенной радостью и надеждой.

X X X

Когда снег в апреле уже совершенно не держит, и нога с хлюпаньем проваливается до самой земли, ловишь себя на мысли, что ты тоже переполнен живительным теплом, и готов броситься со всей накопленной за зиму силой навстречу жизни!

X X X

После первых бурных снегопадов, когда снег ещё не улежался, и в лесу ни пройти ни проехать, то ли дело для зверей открытое поле… Именно сюда первой устремляется коротконогая кумушка-лисичка. Мышкуя, лисица словно плывёт по снежному полю, утопая лапами в снегу, а почуяв грызуна под снеговой толщей, зарывается в неё с головой, так что на поверхности вздрагивает один огненный хвост.

Пискнула мышь в зубах хищника – и султан распушённого хвоста лисы застыл свечой, будто одинокий кустик. Но в следующее мгновение уже опять выгибается над снегом её ярко-рыжая спина, лисица отталкивается передними лапами и приподнимается на задние, а затем, изогнувшись в воздухе, опускается на передние, задрав задние кверху.

Движения лисы при этом грациозны, пластичны и легки: видно, как плутовка радуется подступившей зимней поре, чистому, только что выпавшему снегу, розоватому солнцу и возможности играть вот так с мышами, до которых она большая охотница!

X X X

Апрельскими вечерами мороз всё ещё пытается ухватить зазевавшееся чудо весны и возвратить своё былое могущество, но получается это у него уже не грациозно и уверенно, а как-то наигранно, без присущего ему волшебства.

X X X

Есть в лесу птицы и звери, встречи с которыми мы всегда почему-то превращаем в тайну, и никому о ней не рассказываем.

X X X

Бабочка, собирая пыльцу и оплодотворяя растения, делает это всегда еле приметно, воздушно, и оттого представляется особенно прекрасной!

X X X

Всегда почувствуешь мгновение, когда душа способна взвиться над травами и цветами, легко проникаясь всякой мелочью и сливаясь с ней, но только попытаешься всё это записать, как лёгкость восприятия переживаемой правды исчезает.

X X X

В жизни природы есть такие таинственные места, где, кажется, живут сказочные древние мудрецы. Они всё видят, слышат и чувствуют, но не вмешиваются в поступки человека, предпочитая до поры оставаться незамеченными.

X X X

Весенняя рыхлая земля, только что вскрывшаяся от снега, будто продолжается в тебе нескончаемыми запахами и желаниями, тело от этого становится набухшим, как большая древесная почка, которая однажды лопается со звоном, и душа улетает куда-то в непознанную даль, возвращаясь порой только под осень…

X X X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё мартовскими ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Сколько ни старайся, ни стереги весной час лесного пробуждения, а наступает он всегда неуловимо, как будто невзначай. В лесу словно кто-то проснётся в один миг, так же мгновенно потянувшись, закружит голову ароматом, и взглянет вокруг серо-зелёными глазами неудержимой любви. Кто пропустит для себя это время, останется на весь год в недоумении: отчего опять не задалась у него судьба?!

X X X

Пока всё в природе не слилось в одном цвете, самое время сказать благодарное слово весне, если не хочешь её в себе расплескать.

X X X

В тихий зимний день прилетит из леса большой пёстрый дятел, и что-то встрепенётся в твоей душе. Взмахнув крыльями, дятел усаживается на старом тополе у самого дома и, упруго упершись хвостом в ствол, тотчас уверенно затевает гулкую стукотню.

Мелкой пылью осыпается источенная шелуха, между ветвей испуганно замирает тишина, а дятел, равнодушный ко всему, неустанно бьёт носом. И зима ему, вроде бы, не зима, и насторожившейся тишины он не замечает: озабочен до предела.

Глядя на неугомонную птицу, и тебе захочется, не откладывая, стать неутомимым. Упруго взмахивая крыльями, стучаться в злую людскую разобщённость, или негаданно врываться в чью-либо печаль. И ещё жить так же неудержимо, не ведая усталости, чтобы всё вокруг замирало от излучаемой тобой силы, наполняющей сердца людей проникновенным светом божественной зимней тишины.

X X X

Иногда ясная солнечная погода в марте выстаивается так долго, порой – весь месяц, что возбуждение от всеохватной радости света, кажется, уже невозможно вынести, но истосковавшаяся по ослепительному теплу весны душа не отступает – всё дай сюда!

X X X

Если способность видеть лица у диких птиц и животных, угадывая их повадки, присуща лишь немногим людям, то как же мы сохраним хотя бы близко расположенную к нам родную природу?!

X X X

Осень по-особому пахнет притихшим лесом, берёзовым и брусничным листом, и ещё чем-то таким, что замирает в груди безмолвным эхом сладкой надежды…

X X X

Из всех времён года больше всего люблю весну, потому что только она может всё объяснить и показать человеку.

X X X

Живая ночь в лесу – это когда совершенно забываешь себя в ней, а она чувствует всё в тебе, и полностью доверяет.

X X X

Случается, весной, поднимешь неизвестно зачем голову к небу, и к неожиданной радости заметишь торжественные косяки уток… Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь в недостижимой вышине, утки летят с юга на север.

Всегда кажущиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие, беспокойные, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, по-видимому, подстраиваться под общий ритм полёта стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент не допускает какие-либо вольности, которые птицы могут себе позволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почуяв малейшие, одни им известные и неуловимые признаки наступления на родине весны, утки незамедлительно оставляют полные довольства жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

X X X

Апрельский лес всегда раскрывает объятия для мужчины, если тот обратил к нему своё внимание, и великодушно дарит для его женщины букетик бархатной медуницы…

X X X

Для полной встречи весны мне всегда очень не достаёт журавлиного крика, и как только услышу это восторженное «курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла», так и успокоюсь.

X X X

Чибис или ворона, расхаживая по открывшимся от снега полям, время от времени останавливаются и начинают притоптывать ногой, забавно встряхивая ею в воздухе… Так они, оказывается, имитируют приближение крота, сотрясая почву, и встревоженные черви тотчас выбираются на поверхность, становясь их лёгкой добычей.

X X X

Когда проходит последняя взволнованность от весны, страх перед будущей обыденностью существования совершенно исчезает, и тебе просто хочется жить.

X X X

Бывает так: стоит золотая осенняя пора неделю, другую, даже месяц, и не берёт её никакая непогода: лучшей охоты по рябцу на манок и не придумаешь! Но вот случается всего лишь одно морозное утро, а солнце к полудню пригревает так крепко, что весь лист на берёзах с осинками в одночасье осыпается.

Вокруг становится до пронзительности пустынно, и даже частые вспархивания рябчиков в оголившемся лесу уже не приносят удовлетворения, скорее – пугая. Подступила пора, когда овсы морозом лупит, а кафтан с шубой сдвинулся, и к сердцу невольно подкатывает совсем иная истома: предзимье, когда природа, кажется, отдыхает от переполнившей её жизни.

X X X

В русском лесу нет ничего, чему бы нельзя было не поклониться, и потому мне до глубины души жаль наших исковерканных, выщербленных лесов, которые слагали и, несмотря ни на что, продолжают слагать родную для всех нас русскую красоту. Жаль так, что хочется плакать навзрыд, ибо не вернёшь эту первозданную дичь и глушь, те сказочные уголки, которые ещё недавно тешили душу, воспитывали её своей неописуемой потаённостью, звали в дальнюю дорогу. Нет их теперь, почти не осталось, но память жива.

Жива она тем, что всё-таки успел человек кое-что увидеть, и по этому малому и старинному, когда-то открытому им знанию, потихонечку воссоздал картину прошлого. Какой дремучей и радостной предстаёт она мысленному взору, какой желанной и близкой для памятливого несгибаемого сердца! Веки вечные стоять бы этой первобытной чаще, а человеку учиться у неё истинной жизни!

Но верится, что не кончилось ещё древнее царство лесов, как не изменилось к нему глубокое сердечное чувство русского человека. След и того и другого, хочется думать, неискореним.

Мир тебе, родной русский лес, пребывай во веки веков в крепком здравии, пусть не затронет твоих могучих дерев незаслуженно ранняя кончина, пошумишь ты ещё своими раскидистыми вершинами не один десяток лет, ублажая душу человека голосами птиц, свивших себе в них бесчисленные гнёзда, порадуешь неописуемой волей и красотой, навевая неприкаянные, но прекрасные мысли. Я с тобой, живи светлым покоем своей тёмной дремучей души. Аминь.

Вторая часть. Листопад

Если всю жизнь ходить в лес, то постепенно в тебе скапливаются невидимые силы, как в дереве, которое расцветает весной, в довольстве и неге проживает лето, а под осень, умудрённое опытом жизни, роняет отшумевшие листья, и листопад этот бесконечен.

Листья летят, подставляя бока осеннему солнцу, и оно высвечивает их разноцветную суть: рыжую, оранжевую, фиолетово-пурпурную, жёлтую – всех оттенков не перечесть. Каждый лист своеобразен, и если ты внимателен и неравнодушен, он навсегда останется в памяти во всей своей красе. Надо не пропустить в жизни этот листопад, которым не перестаёт одаривать нас природа, лететь вместе с ним, отгадывать его для себя и других, и никогда не увядать в чувствах.

Вот и мои мысли о лесе, подобно листьям, рождаются, зреют и отлетают, готовые к восприятию их другими людьми. Но, оторвавшись, они не уносятся безвозвратно в небытие, а становятся достоянием тех, кто больше других желает увидеть, услышать и почувствовать. Именно им – неравнодушным, любознательным и терпеливым адресуются эти строки. Хочется верить, что тот, кто их прочтёт, научится у деревьев, зверей и птиц тому, что долгое время было от него сокрыто.

Когда мысленно восполняешь в памяти все эти, казалось бы, обыкновенные лесные мелочи, мысли-листочки, то постепенно понимаешь, что именно через них входишь в желанный мир, где твоё маленькое «я» заполняется большой неведомой душой леса. Я храню множество таких мелочей и очень хочу, чтобы они стали частицей души всех читателей. Ведь в мире правды нет ничего чужого, и при внимательном рассмотрении всё почёрпнутое в лесу может стать общим, если кто-то пожелает сделать его своим.

Лес – кладовая жизненных сил, и листья-мысли не умирают: заботливый ветер уносит их к человеку. Кажется, что если листик оторвался от родимого дерева, то с ним надо распрощаться, он погиб, на самом деле он только начинает жить. Всякий листочек, если его вовремя увидеть и подобрать, не пропадёт и станет маленьким открытием.

Листья-мысли созревают, падают, а ты собираешь их, и так постепенно слагается урожай знаний. Сердце твоё, как и весной, наполняется радостью, и радость эта рождает близость всего живого с человеческим миром, призванным реализовать своё истинное «я» в соединении с лесом. Осенний листопад в нём – это плод долгих размышлений, дождь мыслей, предназначенный сыпать для людей неустанно, чтобы они, не переставая, вглядывались в вечность и поверили, наконец, во всемогущего Бога.

Осенний листопад – это ещё и дождь чувств. Зарождаясь зимою, они копятся весну и лето, вспыхивают, угасают и вновь, с новой силой, возгораются под осень, даря человеку надежду. Жизненный листопад – это и

встреча, и прощание с дорогими сердцу воспоминаниями, своего рода окончательное освобождение от накопившихся мыслей и чувств, порождённых общением с удивительным миром русского леса, с его чудесным обаянием.

УЛЫБКА ЛЕСА

При всей своей видимой неприступности, лес иногда способен глядеть на человека с особенным доверием, отражая трепет его огромной, таинственной души. Но человек чаще всего ничего не воспринимает, и лес, огорчённый этим невниманием, надолго закрывает свои глаза.

И тогда человеку отчего-то становится одиноко, и он начинает замечать в чистой воде отражение летающей стрекозы, и как от каждого растения исходит свой особый свет, и что над его головой проносится неслучайный ветер…

А лес упорно молчит, погрузившись в свои таинственные размышления, и не спешит дарить человеку свою великодушную улыбку.

УСТРЕМЛЕНИЕ ДЕРЕВЬЕВ

Что грезится в стране деревьев тем её обитателям, кто ещё достаточно не вырос по сравнению с великанами, что уже упираются в небо? И замечают ли их эти великаны, подступающие по ночам к звёздам? Наверное, все деревья, независимо от возраста, устремляются только к самим себе, и нет предела их подвижническому терпению.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Каким же чистым надо быть человеку, чтобы встретившись в лесу лицом к лицу со зверем, не покуситься на его жизнь и не испугаться, а заговорить с ним ласково и просто, как со старым, уже давно не виденным другом!

ОБЪЯТИЯ НОЧИ

Как хорошо становится на душе, когда в ночном лесу гукает над тобой большая невидимая птица филин… То нагонит, то надолго пропадает, а потом опять неожиданно появляется, и всё гукает, гукает, гукает, как будто чего-то ищет и не может отыскать. Сам ты тогда тоже невольно начинаешь угадывать в себе нечто таинственное и дорогое, что было когда-то утеряно, и ты не замечаешь, как ночь, словно мать, потерявшая ребёнка, уже нашла тебя и великодушно приняла в свои объятия.

СТАРЫЙ ЛЕШАК

Как замолкнет в лесу кукушка – из тенистой чащи на солнечную опушку осторожно начинают выступать озорные бесенята, а их батька – старый лешак, так и сидит в потаённой глуши, но не пропускает мимо своего внимания ни одного человека.

ВЫВОРОТЕНЬ

Случается, буря повалит какую-нибудь ель прямо поперёк тропы, и вывернутые вместе с дёрном корни угрожающе вздымаются над ней, как разъярённый медведь… С опаской обходишь такой выворотень, и долго не можешь избавиться от ощущения, будто кто-то неведомый заглянул в твою душу, предрёк нечто ужасное, но ты продолжаешь свой путь, зная, что и старое, поломанное грозой дерево в своей борьбе за жизнь нередко проживает более насыщенно, чем молодое и здоровое.

ЛЕСНЫЕ ДОРОЖКИ

Собираясь накануне в лес, всё думаешь: надо бы завтра, натолкнувшись на свежий след рыси или лисицы, обязательно пройти по нему в пяту, ни на что не отвлекаясь и до самого конца. Но как только окажешься поутру за околицей, на мгновение замрёшь в ознобе восторга от увиденного и … будь здоров, позабыв обо всём, куда глаза глядят… Так увлекательны и благословенны бесчисленные лесные дорожки!

ГЛУБОКАЯ КОЛЕЯ

Бывает, человек так возгордится, что оставляет всякие попытки, хотя бы изредка, сдерживать себя… И жизнь тотчас напоминает ему о своей божественной сути, низводя его до положения обыкновенной полевой мышки, что по воле случая оказывается в глубокой колее лесной дороги. Края у этой колеи крутые, подняться по ним мышка не в силах, и чтобы выбраться – зверьку приходится бежать к самой деревне, а до неё – с десяток вёрст!

СВОЙ ДОМ

Птица просто сидит на дереве, подымет крыло и, загнув голову, начнёт чесать под ним клювиком… Щиплет часто, быстро, не уставая, а у тебя вдруг родится в сердце острая потребность в своём доме, и прогулка в лес только усилит её.

ПАХУЧИЕ АПРЕЛЬСКИЕ ТУМАНЫ

Пахучие апрельские туманы не задерживаются на открытых местах и быстро растворяются в воздухе, наполняя живительным ароматом взбудораженные весной сердца; в густых же ельниках застревают надолго, и как будто ждут там чего-то глубоко желаемого, скрытого ото всех, но несбыточного.

ЖАРКАЯ ВЕСНА

Ясным мартовским днём, при добром морозце и ветре, солнце так остренько покалывает кожу, что по всему телу разливается весёлый жар. Кровь ударяет в щёки, лоб и уши, они горят вместе с искрящимися снегами, всё вокруг играет.

Вот когда напрочь забываешь об усталости и хочется, чтобы день этот никогда не кончался, и солнце светило всегда по-весеннему, без удержу, и ветер бы не позволял облакам скрыть напружиненную от восторга небесную синеву. А как приятно чувствовать на этом ветреном и ярком солнце разухабистую весеннюю жару!

ОБАЯНИЕ ЛЕСА

Если хоть раз видел, как грациозно поднимаются по склону глубокого распадка отъевшиеся за лето медвежата, то никогда не забудешь круглые, смешно колышущиеся зады зверей, их блестящие роскошные шкуры, и ту поразительную игривость, с какой они способны передвигаться в эту пору… А вспомнив однажды всё это – улыбнёшься и поблагодаришь лес за его обаяние и силу.

ВЫНУЖДЕННОЕ НЕНАСТЬЕ

На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стёклам, но попробуй преодолеть в себе вынужденное ненастье, войди в просыпающуюся от зимы чащу, и душа вдруг станет огромной, как лес.

КАК В ДЕТСТВЕ

Бывает, станет так хорошо в лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть ли не дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь от неё светлой и чистой сказки.

ЗЕЛЁНЫЙ ГУЛ

Ещё с ночи из леса потянулся какой-то неясный шум: это лопались переполненные жизнью почки, словно зазывные сваты восторженно перешёптывались между собой, еле сдерживая себя о чём-то совещаясь. А потом весь день молоденькие берёзки, осинки и черёмушки, подобно невестам, одевались прямо на глазах в светлые одежды, и тоже, еле слышно, радовались своему счастью, распространяя вокруг себя живительный аромат…

Так, незаметно, еле различимый, но трогательный шум от лопающихся почек постепенно превращался в зелёный неудержимый гул всеобщего праздника любви.

ТРЯСОГУЗКИ

Из всех птичек, что радуют нас по весне – трясогузки самые бойкие… Именно они безбоязненно присаживаются на крыльцо лесной избушки, то и дело заглядывают вовнутрь, вздрагивая хвостиком поправляют на груди свой чёрный галстучек и, быстро склонив голову на бок, посверкивают бусинкой-глазком. Молниеносно оценив для себя обстановку, птички никогда долго не задерживаются на одном месте и устремляются дальше: невидимо семенят крохотными ножками, ловко ныряют из стороны в сторону, и до того настойчиво попискивают, что кажется вот-вот вскрикнут – мы очень неустрашимые и смелые, но почему же тогда такие маленькие?!

БУКВАРИК

Мужественно перезимовавший на ветке листочек всё равно рано или поздно обрывается, и, порхая между стволами, вдруг представляется маленьким букварём, всматриваясь в который, все деревья будто заново постигают азбуку предстоящей им захватывающей жизни.

ВНЕЗАПНАЯ РАДОСТЬ

Согбенное снежным гнётом молодое деревце, к весне, обычно не распрямляется в один миг, после сильного удара по нему лыжной палкой, как об этом рассказывают досужие до всего люди, а так и остаётся долгое время

согнутым в три погибели, пока его, постепенно, не выправят весенние дожди и солнечное тепло. Снег всю зиму гнетёт верхушку молодого деревца, пригибает его к земле, и, обессилев, деревце, наконец, сдаётся и поникает. К весне оно становится совсем неприметным, так что ходишь над ним по насту, даже не подозревая о его существовании.

Но бывает, в апреле, когда снег уже быстро сходит, случайно тронешь лыжей такую неприметную веточку, а она вдруг распрямится, выпрыгнет на свет во всей своей красе, и душа твоя тоже неожиданно встрепенётся и обрадуется.

ЖЕЛАННОЕ ОКОНЦЕ

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле – просыпающаяся земля, а в мае – напоённый жизнью воздух, что всеобъемлющ, многолик, и так, улыбка за улыбкой, как по ступенькам, всё это радостное в природе возносит в голубеющую над лесом даль, распахивая перед тобой желанное оконце.

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

Человек не в состоянии воспринять всю мудрость леса целиком, а складывает её годами из разных сказочных преданий и небывальщин, собственного бесконечного хождения по нему, и лишь потом, незаметно, обнаруживает для себя удивительную, и вместе с тем очень простую лесную быль.

КАК ТОТ САМЫЙ ДРОЗД

Иной раз выдастся такая весна, что и дрозд поёт сиротливо, как будто бы он один остался на весь промокший апрельский лес, вскоре часом простудился, засипел и постепенно вовсе умолк.

Но только подумаешь о весне плохо, как она возьмёт и огорошит тебя совершающимся повсюду торжеством, и ты, конечно, сразу простишь ей неприкаянную сиротливость, позабудешь обо всём худом, что породила временная природная неопределённость, и вдруг необыкновенно возрадуешься жизни, словно она ещё и не начиналась. И уж теперь до самого лета будешь прославлять её, как тот самый дрозд-белобровик, что сначала не поверил в весну, а потом, как и ты, её полюбил.

ЛЕСНОЙ ПАУК

Всегда почему-то кажется, будто лесной паук имеет преимущество над простым, домашним, и оттого к последнему относишься с некоторым пренебрежением, даже с брезгливостью, когда заприметишь его, скажем, в бане, а повстречав в лесу умело растянутую, в капельках росы паутину, обходишь её с уважением, стараясь не зацепить.

ЗЯБЛИКИ

Люблю примечать прилёт зябликов, когда снег в лесу не тронулся, следить, как они перепархивают, насвистывают в еловых ветвях, и чувствовать, что во всём происходящем не хватает ещё какого-то очень важного тёплого творчества, без которого и солнце ни солнце, и весна ни весна… Но вот маленькие птички своим присутствием будто обогрели зябкую пору, и всё вокруг вскоре задвигалось и заиграло!

НЕБЫВАЛОЕ

Придёт к тебе однажды из лесу такое небывалое, что, кажется, не снилось никому на свете, но и его ты постепенно сможешь принять, и по-своему объяснить. А если не сможешь – будешь спокойно и молчаливо нести в себе, и оно станет твоей тайной, которая когда-нибудь превратится в правду.

БЕРЁЗКИ

Так яро, с самозабвением, играют на току краснобровые петухи-тетерева, что маленькие берёзки по краям полянки, в нетерпении от происходящего, кажется, приподнимаются на цыпочках, и готовы вот-вот полететь над взбудораженными птицами, купаясь в ласковых лучах весеннего солнца.

ЦАРЬ ПТИЦ

Парение орла необычайно величаво, падение – стремительно, овладение же им добычей – хладнокровно, и разве поверишь, что эта гордая птица может стать совершенно послушна человеку…

Для этого он просто надевает ей на глаза клобук, делая слепой, садит, привязанную за ногу, на бечеву, и, в течение нескольких дней, покручивает её. Изредка шевеля бечеву, человек долго не даёт орлу пищи, чтобы он уже больше никогда не смог успокоиться и прийти в себя, и тем самым навсегда подчиняет царя птиц своей воле!

ОЗОРНОЙ ЛЕС

Идёшь, бывало, по лесу и не видишь его глаз: будто лес не понимает тебя, как ты его, а переводит все твои чувства и мысли на свой, непонятный тебе язык. Не наставляет и не запугивает, и даже в тех местах, где невозможно от радости не улыбнуться – он не улыбается. За весь день слова не вымолвит, лица своего не покажет, но только ты вознамеришься его покинуть, как он неожиданно преобразится, подставит тебе ножку и расхохочется!

ЛИСИЙ ХВОСТ

Увидел однажды в заснеженном поле лису и сразу подумал: зачем у неё такой пушистый и как будто совсем ненужный хвост? Уж, конечно, не для того, чтобы следы заметать, кому, если понадобится, он и без того разберёт. Да и с красотой не всё так просто обстоит, что в лесу как раз не должна в глаза бросаться.

А как-то зимой поднял с дневной спячки хитрого зверя, подошёл к тому месту, где он лежал, свернувшись калачиком, так что на снегу осталась вмятина, наполовину обвитая неглубокой бороздкой, и понял: хвост позволяет лисе не застудить лёгкие в сильные морозы. Когда лиса, оборачиваясь им, утыкает в него нос, холодный воздух, вдыхаемый через густой мех, успевает согреться. Не хвост, а носогрейка!

К тому же, лиса-Патрикеевна, при всей своей изворотливости не имея в природе явных врагов, призвана заявить о своей красе во всеуслышание! Посмотрите, какая я пригожая, и собой красива, и по уму мне молвят славу: чего же мне бояться?

У волка хвост – полено, замечали в народе, у медведя – куцык, у бобра – лопата, а у лисы – труба, им она на весь белый свет и трубит о том, как хороша. Он у неё – что след огненной кометы, озаряющей собой и без того дивный лес. Лиса хвостом виляет, но зубы скалит, и если зайца ноги носят, волка зубы кормят, то лису хвост бережёт. С ним она от любой беды отыграется, оттого сытей волка и живёт!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег – будто странствующий глухонемой: никогда не почувствуешь, как он приходит, ложится на остывшую землю и замирает в ожидании внимания…

КОРНИ

Под осыпавшейся кручей, над самой дорогой, оголились и повисли длинные корни деревьев… Несмотря на свою беспомощность, они вызывали неприятное волнение: кажется, кончики этих корявых щупалец вот-вот достигнут твоей одежды, и больше не отпустят. Долго потом не можешь оправиться от этого неприятного ощущения, не в силах понять, что тебя вынуждает, не оглядываясь, ускорить шаг?!

ВЕЛИКИЕ СУГРОБЫ

Иной раз захочется почему-то обойти всю зиму по глубоким снегам, но постепенно задыхаешься, волей-неволей умеряешь свой шаг и пыл, и лишь жадным взглядом не перестаёшь утопать в её великих сугробах.

НЕТЕРПЕЛИВЫЙ ВОСТОРГ

Весенний цветок, пробиваясь из почвы сквозь старые листья, вопреки укоренившемуся заблуждению, не испытывает при этом никаких усилий: он переживает нетерпеливый восторг!

ЛИСТОК

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами лось-великан или присевшая на ветвь птица, зацепившийся за лист паучок благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья, но ни за что у листа не хватит сил оставить дерево самому, без чьей-либо поддержки, когда он вдруг отчего-то оборвётся и полетит, принадлежа теперь только себе.

Только когда ветер шевельнёт старым листом, вдруг покажется, что он ожил… И сразу представится, как лист родился весной, сколько сил земля, вода, солнце и воздух положили на то, чтобы он распустился. А затем, как он менял свой цвет, становясь, поначалу, тёмно-кремовым, с чёрными прожилками, дальше – оранжевым, ярким, и вскоре – фиолетово-пурпурным, переполненным жизнью.

И вот пришло время ему оторваться и улететь, и лист упал где-то, зарылся в ворох таких же обессиленных листьев и, свернувшись, вдруг почувствовал, как его высушенных боков коснулся живой воздушный поток. И лист, быть может, откликнулся ему, на миг поверив в оставшиеся силы, и на какой-то миг действительно ожил, перевернувшись на другой бок, а человек заметил это, поверил тому, что произошло, и улыбнулся.

ДОРОГАЯ ПРИРОДА

Случится с тобой однажды такое, что жизнь оказывается остановлена: и еда не лезет, и работа в тягость, и сон отлетает, и в лес идти совсем не хочется… Так проходит день, другой, третий, а то и неделя, и даже месяц. Вот уже и солнечный март подступил – у тебя же одна мысль: как бы одолеть свою кручину и поверить в нечто спасительное, чтобы оно нежданно-негаданно коснулось твоей души и та, хоть маленечко отогревшись, радостно затеплилась?

А надо-то было всего лишь забыть на время себя самого, помочь какому-либо доброму человеку и, отрешившись ото всех случившихся с тобой переживаний, улечься пораньше и пробудиться рано поутру от барабанной дятловой трели, что протяжно и звонко разносится в ближнем лесу, куда-то зовёт и обещает только счастливые события! Ведь если человеку всё надоело, и он устал, ему надлежит узнать то, что не подвержено даже смерти, а что это такое?

Вся жизненная удовлетворённость, наполненность благословенным смыслом существования находится, оказывается, в нём самом, необходимо только всё это отыскать, но сначала – прийти к желанию поиска, насытившись обыденной, пусть и приятной жизнью. Человеку не достаёт решительного броска навстречу самому себе, к заложенной в глубине своей природы божественности, с пониманием, что она не отделима от тела.

Единство тела и духа – вот, где заложена причина человеческого счастья, и когда человек достигает этого благословенного слияния, он обретает в душе недостающую удовлетворённость, то есть – Бога. Но Его невозможно воспринять без поклонения и постижения такой дорогой всем нам природы, что для русского человека – всё мирозданье, то ежедневно зримое благо, которое и призывает, и высит его дух!

РАЗОМЛЕВШЕЕ ТЕЛО ВЕСНЫ

Как неясные думы дрожит над землёй знойное марево, а вместе с ним сама земля, лес, деревня, пашня, река за околицей, и всё это вместе, если взглянуть пристальнее, открывает нам разомлевшее тело потянувшейся ото сна весны.

СТАРЫЙ КОЛДУН

Когда-то, давно, лес, наверное, был похож на добротного и рачительного хозяина, знающего себе цену и гордого за это своё добро, а вот теперь, выщербленный и какой-то задавленный, он напоминает лишь старого немощного колдуна, чьи угрозы уже никто всерьёз не воспринимает, но в сказку его жизни всё же ещё верит.

САМАЯ ТРОГАТЕЛЬНАЯ ПОРА

Когда из коричневой почки проклёвывается зелёный клювик, на клювике этом повисает большая прозрачная капля, и всё вокруг как будто приподнимается на цыпочках, чтобы её выпить, в природе наступает самая трогательная и преисполненная жизненных сил пора.

БЕЗЫЗВЕСТНОСТЬ

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распустившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же, отрываюсь в сентябре и опять уношусь в томящую безызвестность, которой нет конца.

МАЙСКИЙ СНЕГ

Майский снег и нежен и колюч, и в этом сочетании уходящего мороза и надвигающейся живой поры он всегда нереален, как хоть и красивая, но пустая мечта.

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

Одна из самых притягательных тайн леса в том, что в нём возникает совершенно особое чувство времени: там слышно, как длится мгновение, пробуждающее в нас память предков.

ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ ОГОЛЁННОСТЬ

С появлением парного тепла от земли, как ни странно, пропадает особый весенний уют, вернее, его завораживающая оголённость, которая для русского человека, пожалуй, ещё более трогательна и самозабвенна.

СМИРЕННАЯ РАДОСТЬ

Живёшь в миру людей – и тут тебе гордыня и благоговение, рабская покорность и воля, жадность, любовь и сквернословие, а войдёшь в лес – лишь одно чувство: смиренная радость!

ПЕРВАЯ МЕЧТА

Когда-то, в детстве, я неожиданно открыл для себя необычное свойство хвойной смолы: если намазать ей кончик сухой еловой палочки и пустить на

воду, то благодаря отталкивающему действию смолы – палочка превратится в быстрый кораблик, вольно бегущий по волнам. Соревнуясь между собой, мы – мальчишки, таким образом, запускали в жизнь свою первую пробную мечту, втайне надеясь на её осуществление.

ПЕРВЫЙ ВЕСТНИК ВЕСНЫ

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе и издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-дон-н!» До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё не проснувшейся радостной поры!

ОДИНОКИЙ ЦВЕТОК

Как много светлых, возвышенных слов посвятил я промозглым дождям и ураганам, колючему мокрому снегу, въедливым туманам и пурге, но почему-то рождается в сердце печаль при виде одинокого цветка, пусть и прекрасного, и хочется молча опуститься перед ним на колени, нежно дотронуться рукой и улыбнуться.

ДЕРЕВЬЯ

Каких только деревьев не встретишь в лесу! Лирообразные, кажется, от самого комля порождающие неподражаемое музыкальное звучание; сросшиеся в три, а то и в четыре ствола; наподобие рассерженной змеи – прямо поднимающиеся от земли и потом извивающиеся в сторону с замершей настороже верхушкой-головой; угрожающе распластавшиеся во мху сказочной куриной лапой; с невообразимыми по форме и размерам наплывами или с таинственными дуплами, охватывающими изнутри чуть ли не весь ствол… А иногда набредёшь на согнутую в дугу берёзу – это она однажды под тяжестью снега к самой земле вершинкой склонилась и разогнуться уже не смогла. В общем-то, ничего особенного в том и нет – таких берёз по всему лесу встречается достаточно, но эта была особенная: у неё на спине, словно подберёзовики, дружной семейкой вытянулись стройные отростки.

Как-то на одном из таких согнутых деревьев я насчитал более двадцати молоденьких берёзок! Восторженные от возможности дотянуться до ближайших соседей и окончательно пригнув к земле породивший их ствол, они представлялись живыми памятниками незаметно поддерживающему их

дереву, которому лес уготовил судьбу невидимого и вечного труженика. Так и среди людей: одному – знай только пляши да пой, а кому-то – всю жизнь хоть вой!

БРОДКИ

Охотиться по бродкам – это значит находить росистым утром следы птиц на траве и по ним добирать, как собака, схоронившуюся дичь. Но вот одним июльским утром, собирая на знакомом покосе землянику, мне привелось наткнуться на подобные бродки … медведицы с медвежатами.

Сначала я обратил внимание только на аккуратный следок, напоминающий детскую ножку, и очень удивился: час был довольно ранний, да и от деревни изрядно, а тут ребёнок. Откуда бы ему взяться?! След убегал в глухой, непролазный ельник, и это меня насторожило.

Чуть поодаль пролегал ещё один, точно такой же след, и у меня как-то подспудно, но без уверенности, зашевелилась догадка: это, должно быть, медвежата, которые не могут сейчас оставаться без матери одни и, значит, следует быть внимательнее.

И только я об этом подумал, как взгляд мой упал на крупные продолговатые отметины в глубине травы, что почему-то сразу напомнили отпечатки лаптей. Будто деревенская баба с двумя малыми детьми отправилась рано поутру по ягоды в лес, невольно заплутала, но не растерялась и вывела своих малышей. Такая в этих следах чувствовалась уверенность и забота, хотя они и не пересекались.

Оглянулся я вокруг, присел в растерянности на пенёк и, глядя на быстро растворяющиеся под солнцем полосы в траве, вдруг с необыкновенной ясностью для себя ощутил, как неизмеримы запасы нежности в природе.

УВЕРЕННОСТЬ ДРУГ В ДРУГЕ

Удивительное ощущение взаимосвязи дарят весеннее солнце с землёй, когда солнце освобождает землю от снега и наполняет её теплом, а земля, наконец-то отряхнувшись от зимней спячки, трогательно тянет к нему свои ладони, наполненные живительным цветом, и ты вдруг понимаешь, что в основе отношений между мужчиной и женщиной должно лежать такое же не оскорбляемое ощущение уверенности друг в друге, от которого рождается состояние бесстрашия перед самой жестокой жизнью.

НЕУТОМИМЫЕ МУРАШИ

В разомлевший июльский полдень, после дождя, на каком-нибудь старом пне нередко можно увидеть крохотные беловатые яички… Это – неутомимые мураши раскладывают их для просушки.

Продолговатые и аппетитные – яички оказываются желанной приманкой для многих птиц, но, тем не менее, муравьи не боятся вытаскивать их на ласковое тепло, обеспокоенно снуют вокруг, и при малейшей опасности очень быстро прячут.

Только что вся колода была усеяна нежно-молочными, лакомыми зёрнышками, а через какие-то мгновения уже ничего нет: и без того многочисленное семейство, в первую очередь, хлопотливо заботится о своём потомстве.

О ПРИЯТНОМ

Ночью, в ожидании глухариного тока, редко, когда удаётся уснуть, и ты лежишь на ворохе елового лапника, и думаешь о чём-нибудь приятном, связанном, почему-то, всегда с природой…

Например о том, как приятно, наверное, быть маленькой птицей, что неслышно переносит на крыльях свою тихую, прелестную жизнь, и никогда ни о чём не тоскует.

Приятно встречать утро года, весной, открытое для возрождающейся жизни, смотреть на распустившуюся вербу и не срывать её, разводить в лесу костёр, поддерживать его всю весеннюю ночь и вслушиваться в ночные звуки.

Приятно наблюдать, как кудрявятся в весенний день белые облака над садом или лесом, а между ними замирает ласковая синева.

Приятно, когда волосы твои ворошит лёгкий весенний ветерок, ласково запуская в них свои невидимые пальцы…

Приятно, когда свою нежность отдают тебе апрельские звёзды! Посверкивают тихо, настойчиво, как будто что-то подсказывают и окрыляют. Ты им, конечно, благодарен за это.

Рождественские звёзды вспыхивают в морозном небе уже как-то по-оперному торжественно, беспокойно шевелятся и подмигивают тебе, отчего на душе тоже становится очень приятно.

А как приятно замирает сердце в предвкушении дальней дороги! Что-то принесёт она тебе? Веришь, что только незабываемые встречи, восхитительные открытия, всё самое неизведанное…

Приятно шагать по ней летом, может быть, за малиной, и ощущать рядом маленького человечка – сына или дочку, который сжимает в руке корзиночку. Чувствовать, как ответственен за него, и что это твоё продолжение на земле, пока ничего не ведающее, но такое трогательное, чистое.

Как восхитительно июньское солнце, пронизывающее воздух радостью и ожиданием только хорошего, как приятен ласковый день в июле, который длится долго, и кажется, что он никогда не кончится.

Ещё приятна неясная печаль, что касается тебя осеннею порой… Опустели леса, воздух замирает меж облетевших деревьев, хочется только чего-то радостного и настоящего. Душа твоя болеет за всех, она полна добра.

Приятно бродить в тенистой прохладе притихшего сентябрьского леса в поисках грибов, смотреть, как кружит высоко в небе одинокий канюк, а вечером любоваться на большую осеннюю луну, что неторопливо взбирается на небо, и с этого момента повелевает всем в природе. Приятно наблюдать, как осенью птицы собираются в стаи у горизонта, и подолгу переговариваются между собой.

Приятно ощущать в душе добро, когда сажаешь деревья… Вроде бы, ничего не происходит: ты дотрагиваешься до тоненьких прохладных стволов и веточек, в ноздри ударяет запах земли и навоза, над головой внезапно взмахивают крыльями вездесущие сороки. До тебя даже не доходит – как важно и замечательно то, что ты делаешь. Это придёт после… И от осознания этого на душе опять становится приятно.

Приятно сознавать себя человеком, который мудро относится ко всему живому.

Приятен труд на воздухе, когда тело напряжено и мышцы налиты силой, и только что расколотые осиновые поленья так приятно пахнут весенней свежестью, нежно белеют на солнце и мягко ложатся под ногами на снег. Взглядом дотрагиваешься до них, ласкаешь и восхищаешься замершей в них жизнью.

Приятно стоять под высокой раскидистой елью и ждать, когда закончится дождь… А дождь всё не кончается, льёт и льёт, но тебе не становится грустно: ещё так много принесёт лето, вознамерившееся перевернуть твою жизнь. Эта небесная капель, часто никем не замечаемая, дотрагивается до твоих рук и лица с такой нежностью, что отдаётся в сердце ещё неизведанной любовью.

Приятно представлять себя каким-нибудь неведомым лесным зверем, который крадётся в девственной шелковистой траве и радуется своему звериному существованию. Ты живёшь замечательной звериной жизнью, жаждешь всего живого для своих детёнышей, учишь их этой непростой жизни и надеешься на добрый день.

Приятно думать обо всём хорошем в природе и ощущать его… Вот солнце выглянуло ненадолго и скрылось, а потом опять взошло – сколько счастья в душе! Скоро его сменит вечерняя печаль – приятная, лёгкая, неземная, и ты задумаешься о чём-нибудь, таком же неземном, и загадаешь про себя то, что обязательно сбудется!

Приятно, вообще, жить, видеть, как цветёт земля, и переживать ко всему свою большую любовь.

ВОЛШЕБСТВО

Разве передашь кому – что охватывает тебя при входе в сосновый бор, поутру, с мартовскими синими тенями от стволов, между которыми пролегли бороздки глухариных набродов! После того, как ты это увидел – в лесу, почему-то, начинает показываться ещё много такого, чего ты раньше вообще не замечал.

И тогда всё вокруг представляется чудесным: и снег, и воздух, и солнце, и глухари, которые только что были здесь, улетели, но ты не в силах сдерживать своего волнения от их недавнего присутствия… Нужно всегда самому, осознанно войти внутрь дикой природы, и открыть для себя её волшебство.

ЛУКАВАЯ ЛУНА

Только однажды, в ноябре, увидел я огромную красную луну, и до того она меня поразила своим зловещим ликом, с какой-то отрешённой неукоснительностью провозглашая надо всем земным миром своё небесное превосходство, что ещё долго потом вспоминалось, как луна неожиданно, будто хищная и лукавая рыба, выплыла на чёрном небе, завалилась вдруг на бок, и так, остановившись в своём завораживающем восхождении на ночное небо, очень пристально и совершенно открыто заглянула мне в душу… Но я перед ней почему-то не раскрылся, как раскрыл бы душу перед любой, даже самой маленькой звездочкой, а только стоял и, не отрываясь, любовался.

ВАЛЬДШНЕПИНАЯ ЛЮБОВЬ

Под вечер неожиданно покропил тёплый дождик и откуда ни возьмись выполз густой туман, что стелился от низкорослых кусов до верхушек высоких елей: он и прибил вальдшнепиную тягу вниз.

Птицы прижимались к самой земле, самки вскрикивали, увлекали за собой самцов, и те налетали на них с ходу прямо на дорогах, любом открытом месте, шумно сталкивались, вырвавшись навстречу друг другу из молочной пелены, быстро спаривались, и тотчас разлетались. Вместо них, тут же, вскоре появлялись другие птицы, и всё в точности повторялось.

Туман, кажется, внёс в поведение вальдшнепов некую непривычную для них нервозность, будто птицы боялись упустить этот вечер, в целом – всю весну, и торопились любить, что со стороны выглядело до невозможности просто, но в тоже время как-то необыкновенно притягательно.

Охваченные страстью, птицы были так возбуждены, что будто не понимали: туман скоро рассеется, закат опять будет нежно-розоватый, а воздух – прозрачный, тёплый и спокойный. Но, бывает, выдаётся чудесный тихий вечер, а вальдшнепы почему-то не устремляются к своей любви…

ВИТЮТЕНЬ

Редко удаётся увидеть лесного голубя-витютня, который скрывается по весне в разлапистых ветках ёлки. Бывало, неожиданно послышится из лесу какое-то непонятное постанывающее воркование, и ты, остановившись, долго не можешь уразуметь: что это за диковинная птица? Так проникновенно и гулко разносится её грудной голос, чем-то непонятным очаровывает и привлекает…

Потихоньку начинаешь подкрадываться к нему, а звук то удаляется, то возникает совсем рядом. И вдруг, в каких-нибудь двух-трёх шагах, заметишь в ветвях дымчато-розоватое оперение голубя, его надувшуюся гордую грудку, и поразишься неброской красоте птицы, что большую часть жизни держится над раздольными полями, а силу свою черпает в густом лесу.

БЕЗЫМЯННАЯ ВЕСНА

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: скоро весна! Но что же послужило основанием такой убеждённости? Может быть, синица, раньше времени, восторженно запинькала под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то ещё необычное, совсем уже не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же … весна!

О ЗЕМНЫХ ЗАБОТАХ И ЗАОБЛАЧНЫХ ДАЛЯХ

Часто люди, ещё достаточно не зная и не понимая земли, уже обращаются в своих устремлениях к заоблачным далям, тогда как для начала им следовало бы разобраться в жизни, которая их окружает. Например, научиться тому, как сажать и выращивать здоровую картошку или искать грибы, понимать голоса птиц и зверей, как жить с людьми, чтобы не злословить про них, не завидовать, а видеть в них больше хорошего, и это хорошее поддерживать, как найти себя в жизни, именно своё дело, и развив его – оставить плоды своего труда потомству.

Множество работы ждёт человека на земле, и летать в заоблачном мире ему не пристало. Другое дело, если мечты не мешают земным заботам и только помогают их осуществлению. Так, когда человек устал – он поёт песню, которая уносит его на время от земли, а возвращается он уже отдохнувшим и сильным.

ДУНОВЕНИЕ ВЕТЕРКА

Бывало, подолгу вынашиваешь в себе какие-либо сведения о птице или звере, но чего-то всё-таки не хватает, чтобы начать рассказ… Чего-то связующего, необычного, что могло бы озарить повествование обаятельной чёрточкой, мыслью, может быть, даже открытием.

И вот, однажды, это маленькое недостающее открытие появляется в лице обычного дуновения ветерка, после чего всё накопленное до него знание, представляющееся до этого неинтересным, неживым, чудесным образом оживает, и тотчас складывается сюжетная линия рассказа, его развязка и, конечно, недостающая первая фраза.

ЗИМНЯЯ КАРТИНКА

Говорят, что зима тетереву за обычай, и длится всего лишь ночь. Морозный же декабрьский день для птиц – в одну кормёжку, когда они вылетают из-под снега на берёзы и, рассевшись по ветвям, как будто стерегут торжественный зимний покой.

Неторопливо склёвывая пахучие берёзовые почки, тетерева изредка прислушиваются, настороженно поворачивают головы к розовеющему востоку и, убедившись, что тишина не тронута, опять принимаются за корм. Нужно успеть набить зоб за короткий светлый день, чтобы хватило на двое-трое суток неподвижного пребывания под снегом.

Насытившись, тетерева никуда не улетают, а тяжёлыми чёрными грушами срываются прямо под деревья, в сугроб, и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим на краю поляны лункам: из них они неожиданно вырвутся однажды поутру, и опять ненадолго разбудят зимнюю тишину. Краснобровые птицы на заснеженных берёзах, может быть, самая красочная картинка зимы, отражающая её короткое пробуждение и предвкушающая нескончаемо сладостный, дивный сон.

ТЕМНОТА

Когда подкрадывается темнота, устраивается поудобнее и замирает, в ближнем логу, за домиком, начинается не ведающая покоя ночная жизнь… Осторожно ступает она там среди разного зверья, птиц и насекомых, а невидимые растения источают оттуда таинственные и душные испарения, что дурманят голову, будят воображение и страх. Тишину разрывают клокочущие глухие звуки, крадущиеся шорохи и чьё-то ворчание: темнота вступает в свои права.

Никогда в эту пору не ударит по дуплистому стволу дятел, ночь растворила и его… Ночное море теней затопило и землю, и лес, и небо. И только луна спокойно сияет в недосягаемой для темноты вышине, и льёт

свои холодные лучи на дремлющие спины могучих елей, укромные поляны и мою избушку.

АПРЕЛЬ

Мой самый любимый месяц в году – апрель. Он смотрит на мир ласковыми глазами любви, в которой, кроме пронзительного солнечного света и отчаянной растерянности обессиливающих снегов, случаются и жестокие метели.

И вспомнишь вдруг, как, не угасая, пробирался через всю зиму к себе самому, и верил в свой апрель, в тот радостный весенний день, когда от птичьих криков, солнца и звенящей капели переживаешь в сердце огромную любовь и силу, наслаждаясь неповторимым мигом апрельского просветления.

МАЛЕНЬКАЯ ХИТРОСТЬ

Спастись от комаров можно … спокойным сидением у костра. За один раз натаскай дров и садись: больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе внимание кровососов.

Отойдёшь на минуту, а за собой обязательно приведёшь полчища надоедливых насекомых. Надо перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут досаждать тебе. Маленькая хитрость, подсмотренная в июньском лесу, пригодилась мне на долгие годы.

ВЕЧНОСТЬ

Особая тихая прелесть возникает в апреле, когда в воздухе пахнет сырой корой, распускающимися почками, и почему-то начинает казаться, что именно в эту пору наступает время человека. Время для любознательности, обретения знаний и будоражащих душу сомнений, что помогают исследованию жизни. Это исследование позволяет однажды почувствовать вечность, как единственно верное и дорогое состояние души для её постоянного изменения к лучшему.

ВАЖНЫЙ МАЛЫШЁК

Обыкновенный комар, что доставляет нам массу хлопот, на самом деле очень важен: в считанные дни он возвращает растениям еду, которую уносит с земли вода, насыщая воздух недостающими микроэлементами, без которых теряют силу и травы, и цветы, и деревья, сам при этом оставаясь кормом для

птиц и рыб, питающихся комариными личинками. С комаром в народе связывали только добрые приметы: появился комар – пора рожь сеять, нет комара – и овса не будет, устроили насекомые в воздухе толкотню – к вёдру. Мал малышёк, хоть и буян на носок, да зато песенкой звонок!

СИНИЧКИ

Природа так распорядилась, что даже птицы одного семейства – синички, сильно разнятся между собой: московка, длиннохвостая, буроголовая гаичка, хохлатая, усатая, лазоревка… Но все они предназначены делать одно дело – тоненько насвистывать в нижнем пологе леса, перелетать с дерева на дерево, крошить еловую шелуху на снег.

А ещё быть беззаботными в любую непогоду и никогда не унывать, в тоже время, ни на миг не исчезая из поля зрения человека, всегда находясь поблизости и в лесу, и в городе. Не для того ли, чтобы смягчить наше ожесточившееся за зиму сердце, и, не повторяясь, радовать его, делая богаче? Мала синичка, да ноготок остёр!

ЯСНЫЙ МЕСЯЦ

Морозной зимней ночью, когда слышен каждый шорох и сон не идёт, а ясный месяц так весело заглядывает к тебе в окошко, ты постепенно обнаруживаешь в нём, помимо приевшегося всем куска сыра, и ломтик сочной дыни, дольку лимона, озорную улыбку прекрасной лунной девушки или уголок небесной монетки. Архангелы, наверное, потёрли её, чтобы им лучше было наблюдать за тем, что происходит на земле…

Ещё месяц представляется изящно изогнутой щёлочкой, через неё можно глядеться в звёздные миры, сказочной хлебной краюшкой, что вот-вот зацепится за угол бабушкиной избы, или рожками чёртика, убежавшего от старого чёрта и взявшегося развеселить всё звёздное небо.

А разыгравшееся воображение уже рисует хрупкую материнскую ладошку, будто поддерживающую головку ребёнка, колыбельную люльку этого загадочного младенца, в окружении бесчисленных звёздных нянек не ведающего своего небесного возраста, и, конечно, волшебное коромысло, что наклонилось от обилия ещё не просыпавшихся на землю драгоценных подарков для всех людей.

Уже засыпая, и находясь в сладостном полузабытьи, когда лунные образы незаметно сменяют друг друга, вдруг увидишь в месяце обгрызенный волками бочок ночного солнышка, что, всё же, не пожелало быть до конца съеденным, в последний миг взметнулось от зверей на небо, и замерло в довольной улыбке. И всё это – проделки ясного месяца!

ЧАС ВЕСЕННЕГО ПРОБУЖДЕНЬЯ

Сколько ни старайся, ни стереги весной час лесного пробужденья, а наступает он всегда неуловимо, как бы невзначай… В лесу словно кто-то проснётся в один миг, так же мгновенно потянувшись, закружит голову своим ароматом, и взглянет вокруг серо-зелёными глазами неудержимой любви. Кто их для себя пропустит – останется на весь год в недоумении: отчего опять не задалась у него судьба?!

НЕУТОМИМОСТЬ

В тихий зимний день вдруг прилетит из леса большой пёстрый дятел, и что-то встрепенётся в твоей душе. Взмахнув крыльями, он усаживается на старом тополе, у самого дома, и, упруго упершись хвостом о ствол, тотчас затевает гулкую уверенную стукотню.

Мелкой пылью осыпается источенная шелуха, между ветвей испуганно замирает тишина, а дятел, равнодушный ко всему, неустанно бьёт увесистым носом. И зима ему вроде бы не зима, и насторожившейся тишины он не замечает: озабоченность до предела.

Глядя на неугомонную птицу - и тебе захочется, не откладывая, стать неутомимым. Упруго взмахивая крыльями, стучаться в злую людскую разобщённость, негаданно врываться в чью-либо печаль… И ещё жить так же неудержимо, чтобы всё вокруг замирало от излучаемой тобой силы, наполняющей сердца людей светом восхищённой зимней тишины.

В ОЖИДАНИИ РАССВЕТА

В высоком апрельском небе, в окружении переливающихся зелёных звёзд, сияет полная луна, у самой опушки, напротив, замерли безмолвные большие осины, в верхушках которых спят глухари, и … я, маленький, свернувшись клубочком в стожке сена, притаился у их подножия в ожидании рассвета, потому что мне обо всём этом надо знать…

НЕУГОМОННОСТЬ

Постоянно находясь в напряжении творческого труда, порой хочется просто отдохнуть, ничего не делая, например, прогуляться в лес… Но только выдаётся возможность такого ни к чему не обязывающего времяпрепровождения, и уже чувствуешь себя неловко, не в своей тарелке.

И вот опять, кляня себя за собственную неугомонность, ищешь и докапываешься до всего, пристально всматриваешься в окружающую тебя лесную жизнь и стремишься к чему-то очень важному, что вот именно сейчас

никак нельзя упустить, отложив на другое, вроде бы, более удобное время, и ничего не можешь с собой поделать.

ЖИЗНЬ ТАК УСТРОЕНА

Жизнь так устроена: чтобы обрести нечто ценное, его необходимо непременно потерять. Не заработав – ты ничего не приобретёшь. Иначе человек не осознает – чего он лишается. И тогда начинается длительная внутренняя работа по поиску недостающего, оно достигается мучительно, чаще всего – не одну жизнь, но это – неминуемая часть нашего взросления.

Так, постепенно, мы познаём свою бытийную сущность, что неотделима от сущности всей Вселенной… Именно таким образом мы приходим к естественному восприятию жизни, к возвращению себе чудесной непосредственности, когда-то утерянной, и к пониманию, что и у богов не сразу всё получалось…

… Разве мог я написать и почувствовать подобное без глубокого почитания мудрого устройства нашего русского леса, без своих многолетних поисков и разгадок его тайн, не соприкасаясь со сказочным торжеством природы?! Природа и жизнь всегда обещают, что горсть заботливо посеянных и выращённых семян даст мешок, так же, как не раз атакованная, но всё выдержавшая правда привлечёт к себе несгибаемую духовную мощь. То, что мы получаем больше, чем сажаем, вселенский закон, и необыкновенно радостно сознавать, что он безошибочно работает.

ПЬЯНЯЩИЙ ВОСТОРГ

Не припомню, чтобы попав в самую гибельную пургу, я был охвачен безудержной яростью или тоской, а всегда меня переполнял только пьянящий восторг, какое-то необыкновенно приподнятое, до счастливого безумия, настроение!

ТВОРЕЦ

На земле существует около трёхсот тысяч видов трав и цветов, которые человек изучил и придумал им названия, не зная в то же время, как они называются на самом деле. Каждое растение своеобразно и хоть чем-нибудь да отличается от остальных.

Но поражает более иное: наверняка Творец, всё это сотворивший, знал, что создаёт, совершенно чётко представляя себе образ ромашки, василька или георгина. Ведь не могли все растения стать такими, какими мы их знаем, сами по себе, постепенно, пусть даже в длительном – много миллионов лет – процессе эволюции, ни разу при этом не повторившись!

А теперь попытаемся себе предположить возможности этого Творца, его воображение, глубину и мощь замысла, добавив к бесконечному перечню растений не менее многочисленные виды насекомых, птиц, рыб и зверей!

ВОЛЧЬЕ СОЛНЫШКО

Редко, когда что-либо значительное в природе олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванной народом в их честь «волчьим солнышком». Луна и горит по-волчьи, наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детёнышей, и они вырастают с присущей только им – непостижимой лунной мастью.

МОГУЧЕЕ ДЕРЕВО

Недоступность вершины у старой красивой лиственницы почему-то не обескураживает, когда, запрокинув голову и придерживая шапку, вдруг обнаружишь в её ветвях великанов глухарей, что присаживаются сентябрьским днём на самую макушку, важно расхаживают там и осторожно склёвывают сладкую листву, после чего устраиваются у самого ствола и замирают. Не сразу различишь их в переплетении мощных сучьев, но как приятно обнаружить эту пего-коричневую литую тяжесть птицы и еле уловимый свет белого пятна на её плече! Могучее дерево от присутствия в своём лоне древних птиц будто склоняется над тобой, и становится доступнее, ещё красивее…

СВЕТ И ТЬМА

Посещая годами глухариные тока, я не только научился различать в ночном лесу предметы, но постепенно пришёл к пониманию, что свет и тьма – не разные вещи. Тьма – есть минимальное количество света, так же как и свет – почти не воспринимаемая темнота.

И свет, и тьма – ступеньки одной лестницы, разница только в их количестве. Где нет света, нет и тьмы: в основе того и другого присутствует единая энергия, а она зависит от способности человека видеть. И всё это открылось мне благодаря нашему лесу и собственной неутомимости.

СОКРОВЕННОЕ БОГАТСТВО

Звери, птицы и растения предназначены для того, чтобы обратить наше внимание на более тонкий, глубинный мир леса, который люди никогда не замечают и не используют. Люди настолько не чувствительны, что не осознают происходящего рядом, а ведь мир природы, каким бы это ни

казалось невероятным, создан для них, для их работы над собой с устремлением становиться лучше.

В жизни существует множество основополагающих и, в тоже время, простых вещей, достижение которых невозможно без мудрого отношения к окружающей тебя природе, к миру зверей, птиц и растений, в конце концов, к самому себе. Они незыблемы в стремлении жить осознанно, без них не сложить собственного здорового существования, и только с обретением этих самых знаний ты становишься собой.

Например, я не понимаю и не вижу смысла в желании предугадывать своё будущее, думать о нём и мечтать, надеясь, что всё в нём сложится самым наилучшим образом. Ведь живу я в настоящем, только оно меня радует, принося удовлетворение, и я делаю только то, что хочу, что для меня по-настоящему дорого и ценно, и ничего иного не желаю. А ещё в этом настоящем я люблю море, лес с его обитателями и дорогу, открывающую смысл моего существования.

Мне неинтересно то, что меня не касается, и ко мне никак не относится такое пустое понятие, как «мечта». Если у меня появляется цель, то я её просто достигаю, руководя собственной жизнью. Именно цель наполняет меня жизненной энергией, она заряжает необходимым энтузиазмом, и для того, чтобы осуществить её, нужно лишь проявить решимость, терпение и отвагу. А где эти качества проявляются в полной мере? Конечно, и в море, и в лесу, и на пути постижения себя. Пустое же мечтание ни к чему не приводит.

Далее… Когда тебе, скажем, хочется убить оскорбляющего тебя человека, необходимо, конечно, владеть собой. Но как этого добиться? Только благодаря богатому жизненному опыту, когда ты именно добивался своих целей, оказываясь, казалось бы, в самых невыгодных для себя условиях. Причём, не только в настоящей жизни, но и в предыдущих воплощениях: твой жизненный опыт должен быть неповторим по переживаемым впечатлениям, и, не имея его, ты никогда не научишься руководить собственным поведением. Тебе непременно следует обладать всесторонним и глубоким знанием проистекающего вокруг существования, в котором ты давно живёшь уже не только по человеческим законам, но и по божественным. Это знание невозможно без понимания себя и окружающей тебя природы.

Или любовь… В первую очередь, это способность любить самому, нести в себе это чувство всегда, проявляя его ко всему живому, и если вам встречается родной по духу человек, вы точно так же будете дарить свою любовь и ему. Важно, чтобы это любовное чувство жило в вас, вы были переполнены им, иначе вам не любить и не быть любимым.

Вы, конечно, спросите: а откуда такому чудесному переживанию взяться во мне? Ответ прост: его надлежит в себе копить, и это невозможно без отдачи себя миру птиц, зверей и растений, всем людям. Именно в нём ты обретаешь свободу, а истинная свобода – это когда и тело, и сознание

человека ведут себя так, как и ждёт от них божественное пространство, сама жизнь.

Благодаря этой свободе, осознанному отношению к себе, к своей жизни в этом божественном мире, человек движется в согласии и с ним, и с собой, ничего не придумывая, а именно чувствуя. Он интуитивно угадывает свою истинную природу, и оттого всё, что он делает – выходит у него совершенно естественно и верно, каким ему и надлежит быть.

Я никогда бы не обрёл эту свободу без слияния с природой, с нашим божественным русским лесом. Ведь природа – это творчество самой жизни, её непредсказуемо прекрасное поведение, каждый день очаровывающее нас своей неповторимостью. Так и человек должен двигаться, имея своё собственное, не похожее на других душевное поведение, воспринимая жизнь как божественное откровение. Ты должен стоять за свою собственную жизнь, как за самое важное, ибо это - твоё сокровенное богатство, твоя душа, и она - тоже божественна.

НА ОДНУ БУКВУ

Дочке одной моей знакомой в школе задали придумать несколько предложений о русской природе, в которых бы все слова начинались на одну букву. Мама девочки обратилась за помощью ко мне, и вот что из этого получилось…

Апрель азартно аккомпанирует аляповатыми аккордами, а август артистично аукает.

Бурый бычок бодает бедную бурёнку.

Выдра вертится в воде веретеном, вылавливая вёртких вьюнов.

Веселье волку – выть ветру вдогонку.

Весной всегда высыпают весёлые веснушки, а вешняя вода всё выводит.

Гулкими голосами гогочут у горизонта говорливые гуси.

Горазд глухарь греметь гордой гортанью.

Герасим-Грачевник гонит грачей гнёзда греть.

Достопочтенный дятел деловито долбит дремучее дерево, добывая дотошливых древоточцев.

Дубовыми дубинами дубасят дураков.

Ели еле-еле ершатся ежами, ежи елей ещё ершистей.

Жалко желтопузых жаворонков жгучею жарой.

Заря звонко заливается златогрудыми зябликами и зарянками.

Заяц – за заинькой: знать, замуж зовёт.

Злобным зверем завывает замороха зима.

Изморозь истово изливает искрящийся изумруд.

Ил испещрён изящными иголочками: ибис ищет источник идиллии.

Коричневым комочком крадётся колонок к камышовым корчажкам карасиков красть!

Лебедь ласково лелеет лебедят.

Могучего медведя манит мелкая малина.

Норка норовит незаметно набедокурить.

Осень окрасила оранжевыми оттенками облака.

По песку прытко побежало перекати-поле.

Песня перепела поутру полна подъёма: «Пора полоть! Пора полоть! Пора полоть!»

Редко радует разноцветная радуга.

Счастье сердобольной сороке – самозабвенно сокотать.

Синие сосульки свешиваются с солнечной стороны.

Тетереву токовать – только тетёрок тешить!

Толстому тюленю тяжко тело топить.

Ушлый удод удит утлым удилом.

Фасон фазана – фантастично-феерический фрак!

Хороша хозяйственному хомяку халупа худыми холодами.

Цепко цедит цель царственная цапля – цап!

Чьи чаянья чтит чёрный чибис частыми челобитьями?

Шилохвость шьёт шелковистым шёпотом шилохвоста шелестящий шум шальных шорохов.

Щедро щеголяет щеголеватый щегол.

Этак – эхо, эдак – элегия!

Юркий юрок ювелирно юлит юлой: «Юр-юл, юл-юр-р… Юрл-юрл-юрл!»

Язык ястреба – ясновиденье!

БЕСКРАЙНЕЕ БОГАТСТВО

Всегда жду весну, чуть ли не с осени представляю, как она нагрянет и вовлечёт всех в свой ослепительный круговорот, но при этом никогда не тороплю её, а дождавшись, не стараюсь оторвать больше себе, и тогда она сама неторопливо заполняет меня до краёв своим неиссякаемым богатством.

ВЕЧНОСТЬ

Однажды кем-то было сказано: вечность человеку не только недоступна, она ему просто не нужна.

На первый взгляд, вечность действительно не так необходима человеку, с головой погрязшему в перипетиях его настоящей и довольно непродолжительной жизни, но несомненно её невидимое присутствие, незаметно оказывающее своё воздействие. Чувство беспредельности и возможность в ней по-разному существовать всегда незримо проявляют себя в душе каждого, втайне настраивая её на самые неодолимые задачи. Чтобы постигнуть, казалось бы, недосягаемое, человеку следует отвоевать свободную бесконечность своего неиспользуемого времени.

Новые открытия ждут только в полной мере познавших ощущение дарованной им вечности. Вечность невидимыми пальцами прикасается к лицам тех, кто не устаёт смотреть на звёзды, ловя исходящий от них свет у весеннего костра, в потаённой лесной тиши. Только весной исстрадавшаяся по дальней дороге душа способна воспринять его для будущей нескончаемой жизни.

ОПУСТОШЁННОСТЬ

Розоватый апрельский вечер, тишина… Старая прошлогодняя листва, сквозь которую повсюду пробиваются подснежники, ударяет в нос ароматной сыростью, от парного воздуха, кажется, шевелятся и раскрываются почки. Всё это – лучшая весенняя пора, которая называется в народе поэтично и просто – вальдшнепиная тяга, когда над оттаивающей землёй, светлеющими верхушками осинок и оврагом, пересекающим поляну, проплывает молчаливая тень самки, за ней – утробно хоркающий и цвиркающий самец, и обе птицы, сбившись в комок любви, падают в кусты, время от времени вскрикивают там, а ты одиноко стоишь, смотришь на них, и отчего-то чувствуешь себя опустошённым…

ДИВНАЯ БЕЛАЯ ЗВЕЗДА

Земное подобие Вселенной – тишайшая и таинственная чаша кувшинки, что имеет, несомненно, божественное происхождение… Раскрылась кувшинка – и всё царство загадочного небесного мира как на ладони, сомкнулись лепестки – и опять воцаряется первозданная чистота и мудрость бездонного звёздного пространства. Лежит на глади лесного озера дивная белая звезда, словно в зеркале отражая далёкое небо, улыбается солнцу, и не хочется покидать родную землю даже во имя неподражаемо прекрасного божественного мира…

БРАТЦЫ-МЕСЯЦЫ

Январь незаметно и естественно переходит в февраль, февраль – в март, апрель своевременно вытекает из него бурными ручьями и рождает неудержимый красавец май, а за маем уже нетерпеливо подступает июнь, его, в свою очередь, торопит роскошный июль, и вот уже довольный август выносит из июльских недр бесчисленные плоды, которые не утомляют и сентябрь, октябрь же – будто брат-близнец первому осеннему месяцу, что, несмотря на угасание в природе, ничего в ней не нарушает. И только бедолага ноябрь неприкаянно мается своим иссечённым дождями неустроенным нутром, надрывается под нескончаемыми холодными ветрами, и всё ждёт не дождётся, когда, наконец, ступит на землю крутой воевода декабрь, и успокоит его исстрадавшуюся душу.

КЛЮЧ К ОТЫСКАНИЮ КЛАДОВ

В лощинах, где теряется солнечный луч, раскидывает перистые листья чудесный папоротник – ключ к отысканию кладов, по древним народным поверьям. В ночь на Ивана Купалу ходили смельчаки за его волшебным цветом и не могли найти, объясняя свои неудачи вмешательством леших и ведьм.

В своём воображении я тоже отправляюсь сказочной ночью в лес, и ищу огневой цветок папоротника, что вот-вот должен появиться и зацвести. Но он почему-то никак не показывается, хотя и сильно ощущается где-то совсем рядом, близко…

Там и днём сумрачно, а полная темнота наступает незадолго до полуночи, скрывая даже белые стволы берёз. Ходишь, ищешь и всё не можешь отыскать волшебства, которое, кажется, почти нашёл. Что-то ещё более значительное, чем трепещущий в ночи очарованный цвет, не допускает тебя к этой ослепительной колдовской тайне. Ключ от неё – в твоём беспокойном сердце, что главный клад жизни бережёт.

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Однажды всю ночь преследовал меня одинокий волк. Волк ничего не грыз, не рвал, никуда, вроде бы, не стремился, а если и делал что-то, то так, что его можно было неторопливо рассмотреть. Словно всё, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, не теряя способности жить, двигаться, смотреть по-волчьи равнодушно и как бы недобро.

Волк оставался открытым взгляду и воображению целую ночь. Похоже было, что он словно проживал вместе со мной мои мысли, но не тревожился и не уходил никуда, видимо, полагая их для себя безопасными.

Волк всё время находился в поле моего пристального внимания. Стоя на заснеженной утоптанной опушке, он изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от вынужденного безделья, даже некоторой настороженности. Медленно поворачивал лобастую голову, косил мимо застывшим от постоянного напряжения собственной жизни взглядом.

Мерно вздрагивающий в раскрытой пасти язык почему-то не обжигал жаром страха: он вызывал в душе, скорее, какое-то неустройство. Когда же язык показывался наружу, волк на мгновение казался и вовсе добродушным зверем, как собака.

К телу подступала приятная скованность, когда волк начинал двигаться. В такие минуты я не страдал, и меня не одолевали какие-либо разрушающие сомнения, а просто охватывала обыкновенная тихая жуть, которую почему-то также приятно было преодолевать.

Кружа по полю и приседая на задние лапы, волк изредка схватывал губами хрупкий снег, низко прижимая голову, озирался. Ему не составляло труда контролировать местность, тишину застывшего леса, приглушённые зимой запахи, не проявляя ни к чему окружающему своего пристального интереса. Озирался он как будто в поисках чего-то утерянного, но ни разу не снизошёл при этом до открытого недоумения или растерянности.

Порой волк отрешённо замирал, и непонятно было: вслушивается ли он в холодное завывание ветра в верхушках деревьев, шуршание сухой позёмки по мёрзлому насту или его изощрённое чутьё скользит где-то рядом, ни на чём конкретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, сердце начинало учащённо биться, и кровь немела в жилах от его безутешного воя, одиноко плывущего над лесом. Проникая в душу, вой оседал в ней неясной одурманивающей опасностью, а на лес навевал состояние безмолвия и пустынности.

Время от времени зверь видоизменялся, слабо пульсируя то в одном, то в другом обличье. Но в любом случае было очевидно, что это волк, и о нём я, оказывается, думал … во сне. Видение это не было чем-то пугающим, сон приятно тревожил и обескураживал, словно мне самому предстояло вот так же скитаться, самозабвенно что-то искать и отупело выть на мерцающую в облаках луну, может быть, к кому-нибудь проситься?

Я, конечно, знал, что волк никогда не вымаливает у судьбы подаяния, что он необыкновенно горд дарованной ему волей, и презирает человеческую ограниченность, хотя и пришёл ко мне по доброй воле. Вернее, я вызвал его из какого-то древнего забытья, извлёк своей памятью из таинственного глухого леса, потому что он был мне нужен. Волк, наверное, уже давно был моей лесной судьбой, что не принимала слепого смирения даже перед божьей милостью, а желала только одного: неутомимого поиска, и я был благодарен зверю за то, что он поверил мне и отозвался.

ВЫДРА

Есть у меня одно место на лесной реке, где я однажды застал катающуюся с горки выдру…

Был ясный мартовский полдень, и выдра на солнце казалась неугомонным ребёнком. Она неутомимо забиралась на самую вершину склона, скатывалась на животе, растопырив лапы, и шлёпала опять наверх, чтобы насладиться завораживающим скольжением. Было очевидно, что ей эта забава по душе и выдра использовала горку неоднократно: от вершины склона до самой воды протянулась узкая наледь.

С тех пор прошло немало лет, многое изменилось в моей жизни и в лесу, но я неизменно, по дороге на глухариный ток, захожу туда каждую весну, и прежде, чем выйти на берег, осторожно выглядываю из-за деревьев: а вдруг выдра опять там?!

ЧУДЕСНАЯ СКАЗКА

Чёрные жуки в своих обтекаемых панцирях похожи на чопорных господ в смокингах, сине-зелёные сухие стрекозы напоминают балерин в прозрачно-блестящих пачках, мохноногие пауки – волшебные чудища с восемью глазами, а улитки-невидимки со спиралевидными, тонко вылепленными домиками-кувшинками, будто заколдованные злой принцессой дворцовые слуги… И все они – герои чудесной сказки, в которую, как в детстве, до сих пор страстно хочется попасть и быть очарованным.

ГАРМОНИЯ

При всей красоте природы бесполезно искать гармонию вокруг себя! Гармония живёт внутри нас, только в мудром согласии души и тела, и уже через это мудрое сочетание выходит в мир, укрепляясь в нём всеобъемлющим и радостным утверждением жизни.

ХРУПКАЯ ПАМЯТЬ

Следы на снегу – это не только лесная примета или признак угасшего прошлого, но и отпечаток проскользнувшей мимо тебя жизни. По следу до всякого зверя можно дойти, и всякий след в народе имеет своё имя.

Заячий – малик, лисий – нарыск, волчий – сакма, медвежий – переступы, след такого мелкого зверька, как горностай или ласка, побежка, а чуть видные кресты, уводящие в заснеженную хвойную глушь, принадлежат глухарям, это – наброды. Торный же след выдры, протянувшийся сплошной полосой от одной излучины реки к другой, зовётся лазом.

Все они друг на друга не похожи, как и звери, что оставляют о себе на снегу хрупкую память, и всю зиму безуспешно от неё убегают.

ТАЙНА

Несмотря на то, что летом хватает тайны – и в ранних восторженно-проникновенных восходах, и в неописуемо очаровательных розоватых закатах, которые не хочется упускать, и в слепых солнечных дождях, осеняющих землю ещё более золотистым живительным светом, только зимой тайна по-настоящему необъяснима, сказочно обворожительна и так загадочно тиха, что кажется, будто она постоянно находится рядом, всё о тебе и всех знает, но не спешит себя проявлять, как будто предоставляя возможность самому постигнуть её завораживающую глубину.

НЕУВЯДАЮЩИЙ САД

Выкопали у меня однажды по осени все яблоньки, что так дружно однажды взялись, зашелестели и закудрявились, и пригорюнился я. А потом, с разочарованием в сердце, решил больше ничего не садить, удовольствовавшись лесной чащей за околицей.

Но пока длилась лютая зима, всё же переживал, вспоминая про свои деревца, а как начал сходить снег, вдруг подумал: кто знает, не явится ли погубившее молодые деревья зло той причиной, которая зажжёт в моей душе неувядающий сад? И в скором времени взял да и посадил на место выкопанных новые яблоньки.

СЕНТЯБРЬСКИЙ ДЕНЁК

Весь сентябрьский день провёл я в лесу, отмахал без малого двадцать вёрст, а кроме двух рябков так никого и не встретил. Лишь под вечер забрёл на старый заброшенный покос, спускающийся к глухому логу, и неожиданно потревожил у опушки крупного лося.

Лось неторопливо обрывал мягкими губами листья со свисающих до земли ветвей осины, вздрагивал ушами, изредка замирал и прислушивался, а завидев меня, не испугался и так же неспешно двинулся вниз, к логу.

Я стоял, как вкопанный, и, не отрываясь, наблюдал за ним. Сохатый же никак не реагировал на моё присутствие, лишь однажды замер посреди поляны, оглянулся, мотнув рогатой головой, и тотчас рядом с ним взмыли в воздух две золотисто-рыжие копалухи.

Лось мирно всхрапнул. И только ступил несколько шагов, как из-под самых его ног прыснул серовато-коричневый заяц, метнулся сначала в одну сторону, затем – в другую и, совершив огромный затяжной прыжок, исчез в ёлках.

Всё это происходило секунды, лось ещё не скрылся в лесу, мерно переставляя свои ходули-ноги, и когда я подошёл к тому месту, откуда вспорхнули глухарки, то обнаружил в траве два чистеньких подберёзовика…

ЗЕМНОЙ РАЙ

Задумаешься порой, ночуя в лесной избушке, о проистекающей вокруг неведомой жизни, и неожиданно осознаешь себя в ней неотъемлемой частицей. Понимание этого приходит к тебе легко, будто ты никогда и не сомневался в том, что мир устроен иначе. А помогает тебе разобраться в себе лес, его потаённая тишина, и именно благодаря ей ты осознаёшь, что земная жизнь есть продолжение существования небесного, и оно подразумевает не только осознание своего тела, но и устремления души, чётко представляя – что ты делаешь и для чего.

Каждый твой шаг, каждое движение души должны быть осознаны. Тебе непременно необходимо осознавать – зачем ты живёшь, что будешь делать сегодня, завтра и в течение всего года: перед тобой должна стоять глубоко осознанная цель, и ты осознанно должен идти к ней. Мало того, всё, что происходит вокруг – не минует твоего внимания, ты всё примечаешь, ничего не упуская, во всём участвуешь, как будто находясь над собой, озирая весь окружающий мир, понимая его и принимая. С течением времени ты научишься различать энергию всех предметов, находящихся рядом: все они одушевлены. И когда ты овладеешь пониманием окружающей жизни, то непременно начнёшь постигать саму жизнь.

Значения преисполнено всё, даже – тишина. Может быть, все звуки в природе только за тем и существуют, чтобы иметь возможность и умение обратить внимание на тишину, которая никогда не бывает пуста, она всегда заполнена ещё более содержательным составляющим, которое невидимо, но оно есть. Важно научиться чувствовать его, и находясь в нём – понимать.

Реальность такова, что невидимое в ней – наиболее значимо, именно оно определяет весь этот красочный мир. Нужно не забывать об окружающем нас пространстве, которое огромно в сравнении с горами, деревьями, даже звёздами, его, кажется, не объять, но мы должны стремиться к его познанию, относясь с великим уважением. Верно воспринимая невидимое пространство – всё, что нас окружает, оно необыкновенным образом оживает.

Осознание мира следует начать с самого себя, с собственного тела и мыслей, и только тогда ты освоишь более тонкие вибрации окружающего божественного мира с его необъятными далями, морями и лесами. Рай везде, где бы ты ни был, он неотделим от тебя, и в этом – истинное счастье нахождения на этом божественном свете. Нужно просто понять эту благостную истину, почувствовать Бога в своей душе, и следовать Ему, ничего не боясь и не прося. Да будет так!

ПОЦЕЛУИ ДЯТЛА

Иной раз заслышишь впереди дробную дятлову стукотню, и тотчас несколько разочарованно подумаешь: опять дятел, встреча с которым ничего нового уже не принесёт, поскольку за свой лесной век понасмотрелся ты на этих птиц вдосталь, всё, кажется, про них прознал и ничем тебя не удивишь!

Остановившись от дятла чуть поодаль, решишь немножко передохнуть и, опершись на палку, станешь без всякого интереса наблюдать, как он небрежно и в тоже время размеренно взмахивает головой, отбрасывает в сторону щепку и вновь ударяет: «Тук-тук, тук-тук, тук-тук!» Стоишь, смотришь и постепенно вдруг начинаешь замечать, что дятел прикладывается к стволу не как придётся, а аккуратно, будто его … целует.

ЧУДО ВЕСНЫ

Гаснут в небе звёзды – и всё более разгорается в лесу птичье пение, будто просыпающиеся птицы – это потухшие небесные светила… Исчезнет одна звезда – и пробудится зарянка. Не станет двух звёзд – засвищет пара дроздов.

Слушаешь целое утро, смотришь, считаешь и только диву даёшься: сколько же их прилетает к нам на самом деле в это чудесное весеннее время! И все поют, радуют, да ещё выводят птенцов!

А наступит ночь – птицы, кажется, опять перебираются на небо: светят призывно, завораживают своей переменчивой тайной и томятся ожиданием первозданного утра.

ЯД И ЛЕКАРСТВО

«Всё есть яд, и всё есть лекарство, тем или иным делает лишь доза», - гласит древняя мудрость, и это «всё» создал Бог, намеренно предположив существование в природе двух противоположностей, призванных к мудрому соединению.

Белоснежная пороша, укрывшая перегнивший чёрный лист, брачное оперение самца, скрашивающее блёклое одеяние самочки, разомлелый дневной жар бабьего лета, сменяющий пронизывающий холод сентябрьского утренника – всё это две ладони, способные сомкнуть в себе, а потом раскрыть торжество и красоту Вселенной.

И даже если переборщишь со светлой мерой, и она вдруг обернётся тьмою, то надо понимать, что и мир тьмы – это не какая-то иная, чужая жизнь, а именно дарованная нам Богом. Она по-своему замечательна, и её необходимо знать, но куда мы всё же так боимся заглянуть, и уж совсем не жаждем в ней открытий.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Поздняя осень, вечер, ещё не выпал снег, и я иду по тёмной деревенской улице на станцию. Холодный ветер отрешённо мечется между еле различимыми домами, и редкие огоньки светятся как-то неуверенно, кажется, они вот-вот погаснут. Под ногами чавкает стылая грязь, собак не слышно, а на небе не видно ни единой звезды. Жизнь будто умерла.

Идёшь, то и дело, оскальзываясь, вслушиваешься в эту объявшую всё предзимнюю немоту, а слышишь только удары своего взбудораженного за лето сердца. Вспоминаешь, какое лето было разудалое и цветное, с обилием грибов, ягод и ранними подъёмами, с запёкшейся на солнце земляникой и неугомонными пчёлами, разухабистое, неудержимое, самое желанное…

От этих приятных воспоминаний невольно улыбаешься, и тогда окружающая темнота постепенно расступается и тоже отвечает тебе улыбкой, в которой начинают угадываться и цветы, и ранний восход солнца, и алеющая по покосам земляника. Нескончаемое лето, оказывается, незаметно перетекло в осеннюю темноту, и она зачем-то чутко хранит в себе это радостное проявление жизни.

ПРИЯТНОЕ СОСЕДСТВО

Ещё в первых числах октября случился неожиданный снегопад. Снег валил два дня и две ночи, пригнул маленькие кустики и деревца к самой земле, а стылый северный ветер не прекращался. В эту непогоду все птицы бросились утеплять свои гнёзда. Но где найти подсобный материал?

И вот вороны, сороки и воробьи с синицами нацелились на мои окна: особо не церемонясь, присаживались наверх наличников, и сразу принимались вытягивать паклю, так что по всему дому стояла жуткая стукотня. Одни только сорвутся к гнезду, другие уже тут как тут – и опять шум, шорох, озабоченное копошение. Даже очередь установили: первыми, как водится, кто посильнее, ну а мелкота – последней. Не успевают друг друга сменять, того и гляди сцепятся.

А я сижу, слушая завывания холодного ветра, изредка поглядываю на птиц и работаю над новой книгой. Мне не жаль ни одной пушинки, которые они тащат прямо из-под моего носа, и очень хочется, чтобы птицы не замёрзли, а успели утеплить свои гнёзда. Я смотрю в окно на приближающуюся зиму, улыбаюсь птицам и пишу про весну.

ПО МЕДВЕЖЬЕМУ ХОТЕНИЮ

По медвежьему хотению, говорят в народе, зима студёная длится: как повернётся зверь в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. А по человеческому волеизъявлению – всё всегда кабы, да авось, то ли этак, то ли так, и в любое время года, как ни крути, человеку вечно чего-то не хватает.

Лето на дворе, вокруг сплошная благодать и радостное убранство, да вот только жар его шибко томит. С осенью наступают долгожданное умиротворение и прохлада, вроде бы, живи не хочу, но смущает опасение, что вот-вот зарядят нескончаемые дожди, а то ещё задует пронизывающий северо-западный ветер. Пришла зима – и все страсти утихомирились, в сердцах людей воцарились полное довольствие и покой, но и в эту пору отчего-то начинают мучить сомнения, белый свет становится не мил, и человека неумолимо клонит ко сну. И, наконец, прилетает на животворящих крыльях чудесница-весна: ни цветами её не измерить, ни голубизной небесной не объять, только проникновенный свет и великая радость, нескончаемый восторг и сладкая боль. А где-то в самой глубине души уже

закрадывается подозрение: исполнится ли на сей раз сокровенное желание, не обманет ли опять многообещающая, но непостоянная пора?!

Вот когда позавидуешь медведю и пожелаешь обустроить своё житьё так же просто, как это получается у зверя, чтобы и долгая зима была не в тягость, и лето не ложилось на плечи нелёгким бременем, и не наскучила однажды непогодливая осень, а весна принесла бы всё, о чём мечтает душа.

ЭХО

Весной всё живое льнёт друг к другу: веточка к веточке, кусточек к кусточку, птичка к гнёздышку, и даже эхо, радостно оживая, ищет, к кому бы приткнуться, а найти себе пару не может, так в эту пору всё слитно, насыщенно, многоголосо…

Только осенью ветер подхватывает его и беспрепятственно разносит по далёким лесным отрогам, и эхо какое-то время благодарно отзывается ему, но, обретя вдруг свободу, вскоре умирает.

ГРОЗНАЯ СОВА

Ястребиная сова… Вроде бы, звучит грозно, даже устрашающе, но ничего хищного в её облике нет.

Может быть, только слегка загнутый клюв напоминает страшную для всех птицу, да ещё то, что остальные совы отдыхают днём в дуплах, забиваются в самую чащобу, а эта, как нарочно, устраивается на виду.

Так и сидит целый день, подобно ястребу, высматривающему таким образом добычу, но не нападает, потому, как ничего не видит. Пристроится на самой высокой вершинке какого-нибудь дерева и спит, изредка поворачивая за солнцем свой грозный ястребиный профиль, на который никто не обращает внимания.

НА СЕВЕР

Случается, весной, неизвестно отчего, поднимешь голову к небу и, к своей неожиданной радости, заметишь в нём торжественные косяки уток. Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь между собой в недосягаемой вышине, утки летят с юга на север.

Всегда кажущиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие над головой, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, видимо, подстраиваться под общий такт полёта всей стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент жизни не допускает какие-либо вольности, которые птицы могли бы себе позволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почуяв малейшие, только им известные и неуловимые признаки,

утки незамедлительно оставляют жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

СЕРЕБРЯНЫЕ НИТОЧКИ

К концу зимы снегири пересвистываются как-то по-особенному тоненько и изящно, будто серебряные ниточки между деревьями натягивают, так что если приглядеться, кажется, воочию начинаешь различать эти трогательные прозрачные струны.

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА

Всю зиму завывали в лесу злые метели и вьюги, стонали верхушки деревьев, трещали от лютого мороза скованные льдом озёра и реки. Все лесные обитатели попрятались кто куда, будто умерли, кроме вездесущих синиц и дятлов.

Но вот зароился нагретый мартовский воздух, на южном склоне лога, под ёлками, зашевелился муравейник, и оказалось, что пережили зиму зайцы, глухари, тетерева и рябчики, выдры и лоси, волки и рыси, бобры, куницы и норки, поползни, белки, и все вместе возликовали от солнечного тепла и жизненной силы!

МУДРАЯ ПРИРОДА

Странно, что для таких первобытных птиц, как глухари, с осени и до весны употребляющих в пищу одну жёсткую хвою, природа не предусмотрела какие-либо «жернова» для её перемолки в их желудках, и они сами выходят из этого положения, собирая по утрам на лесных дорогах, по берегам рек и озёр маленькие камешки… К тому же, в древности на земле отсутствовали лиственные леса и произрастали только хвойные породы, что не могло не способствовать появлению у птиц в организме недостающего механизма.

А оказывается, так называемые «жернова» намеренно не предусмотрены мудрой природой, поскольку иглы хвои перевариваются примерно на десять-пятнадцать процентов, вся же основная древесная масса скапливается в толстой кишке, очищая её от ленточных глистов. Именно для этого предназначена грубая хвоя сосны, пихты или ели, а горстку твёрдых кварцев глухарям ничего не стоит отыскать в осенней тайге.

Вдобавок, птицам это ещё и очень нравится: прилетать ранним октябрьским утром на речные осыпи, подернутые серебристым инеем, изредка оскальзываясь, неспешно бродить по ним в поисках прозрачных

камешков, и отчего-то замирать на мгновение, чуть приподняв одну лапу, в то время как рядом длится и незаметно куда-то утекает красавица осень.

СТАТЬ СКВОРЦОМ

Всегда бывает так: только в один какой-то год прилетает много скворцов, и селятся они по всем дворам, даже в самых заброшенных скворечнях. Год этот помнят меж людей, передают из уст в уста с какой-то грустинкою о неповторимом былом, в ущерб безрадостной обыденности, но всё же не оставляют надежду на дружное возвращение птиц, необыкновенно оживляющее весну.

Затем, к следующей весне, появляется лишь небольшая стайка скворцов, и это на всю деревню, а то и вовсе один-два, так что даже не каждый селянин их увидит. Несколько лет птицы могут вообще не показываться, как будто повывелись, и во всей природе без них воцаряется уныние: без скворцов весной не достаёт чего-то главного. Так, незаметно, в какой-нибудь невесёлый год, про них и вовсе думать забудут, не замечая даже зябликов и горихвосток, и уж когда окончательно душой упадут, разуверятся в жизни, скворцы вновь радостно известят хозяев о своём прилёте в каждом дворе.

Я обо всём этом думаю следующее: чтобы получить возможность встречать птиц каждую весну, причём, всей деревней, нужно каждому человеку, и каждый год стремиться к пониманию жизни. То есть – необходимо внутренне расти, неутомимо добиваясь способности видеть и себя, и птиц со стороны. Как будто ты, наконец-то, так созрел, что вышел из себя и стал необыкновенно радостным скворцом!

КАВАЛЕР

Чтобы обворожить по весне самочку, лесной голубь сначала подыскивает для неё дупло, без которого она и не подумает остановить на нём своё внимание, затем заводит любовную песню, и когда голубица принимает его ухаживание и подпускает к себе, ласково разглаживает ей перышки и, наконец, вкладывает клюв в клюв.

ЧОМГИ

Случается, что чомги, спокойно плавая и кормясь, вдруг взметаются над водой вытянутыми столбиками, чуть выгибаются и, вспенивая воду, будто бегут по ней, не теряя при этом равновесия и какой-то необыкновенной грации, что, как и поза птицы, остаётся непонятной…

Немного подумав, относишь подобное поведение к строению тела этих птиц, у которых лапы значительно отнесены назад, и это не позволяет им двигаться по земле. Но в период брачных игр, когда самец преподносит

самке в клюве пучок травинок для гнезда, он в порыве чувств занимает такое положение и, не имея возможности ходить по суше, бежит по воде, восполняя тем свой природный недостаток.

В этом желании понравиться столько приподнятости и восторга, что, глядя на охваченных страстью чомг, и сам невольно приподнимешься на цыпочки, но спохватишься – и улыбнешься.

ЗЕРКАЛЬЦЕ-ЦВЕТОК

Природа оленухи или ланки, как и любой привлекательной женщины, такова, что сначала она совершает несколько шагов по направлению к тебе, затем круто разворачивается и в один огромный прыжок оказывается недосягаемой, мелькнув напоследок своим зеркальцем-цветком, за которым кто-то тотчас устремится, всё позабыв, а кто-то только залюбуется и улыбнётся.

НАПОЛНЕННАЯ СВЕТОМ ДУША

Тетерева токуют так страстно, что, кажется, вот-вот что-то произойдёт: птицы задохнутся, взорвётся на тысячи звенящих осколков их неугомонный весенний дух, они сами вознесутся под небеса вместе со струящимся от земли играющим маревом, но … ничего не происходит.

По-прежнему плывёт над полями жаркое, несравнимое ни с чем тетеревиное бормотание: то вспыхивает на короткое время, то опять затухает, но продолжает литься, заполняя собой всё весеннее пространство. И вот ты уже сам начинаешь замечать в себе нечто необычное, бормочущее в душе, что приподнимает незаметно над землёй, и так же незаметно куда-то уносит.

А иной раз, сидя в избушке и слушая в открытую дверь, как поёт совсем рядом какая-то лесная птица, зачем-то возьмёшь в руки обронённое ей у крыльца перо, непроизвольно крутишь его в пальцах, совсем не ощущая, и даже не заметишь, как лёгким перышком устремляется над весенней землёй твоя наполненная светом, бормочущая от счастья душа…

ЛЕСНЫЕ ДУШИ

В глубине непроходимой чащи живут души множества птиц, зверей и растений, которые лес однажды забрал, спрятал там и никогда никому не показывает. Их можно только почувствовать, когда они весной, как дети, без спросу выбегают поиграть на укромные полянки…

НЕЖНЫЕСОЦВЕТИЯ

Когда начинают набухать клейкие почки, и в воздухе разносится запах талой коры, повсюду ещё высятся сугробы, но как приятно сознавать, что под ними вот-вот зашевелятся подснежники и своими нежными соцветиями раздвинут прозрачно-зернистые ледяные кристаллы!

НОЧНОЙ АРОМАТ

Очень медленно, постепенно, истаивает весной ночной аромат, и даже когда день добрался до полудня, аромат всё ещё стелется у самой земли, жмётся в тени кустов, и как будто совсем не хочет уходить, но, всё же, с сожалением куда-то исчезает, так до конца, наверное, и не истрачиваясь.

ДЕКАБРЬСКАЯ МЕТЕЛЬ

Декабрьская метель, как заблудившаяся ведьма, тычется в стены и окна домов, наговаривает то там, то здесь страшные напасти, пророчит беду, а вырвавшись на широкую улицу, будто обо всём забывает, с безудержными причитаниями разыгрывая из себя святую. Но как ей далеко до обезумевшей вековухи-стужи, что только леденит до смерти, не ведая каких-нибудь перевоплощений!

Не верится, что скоро Рождество, с душистым еловым ароматом в комнате, печёными в сахаре жаворонками, румяными караваями на разноцветных полотенцах и спокойной верою в далёкую и близкую звезду, которая пророчит вечную радость все постижения.

ЛЁГКИЙ АРОМАТ

Даже не помню, обвязывал ли я в детстве ниткой крепкие маленькие мандарины, чтобы затем вешать их на ёлочные ветви, и доставляло ли мне это какое-то удовольствие, но никогда не забуду лёгкого, поднимающегося откуда-то снизу, из-под срубленного деревца, аромата, с появлением которого вокруг постепенно воцарялись не сравнимые ни с чем волшебный покой и неописуемая радость.

ЛЕС-БЛАГОДЕТЕЛЬ

Человек бывает невообразимо силён, и пылкий дух его неукротим, но случись с ним какая беда – и идёт он за помощью в лес, как будто высокие травы, лесные озёра или ощутимое присутствие зверя смогут избавить его от отчаяния и непреодолимого нежелания жить. В такие минуты он уже не

предполагает несовершенства среди лесных обитателей, убеждённо признавая, что звери страдают и мучаются точно так же, как и люди, а может быть даже сильнее, и справляются со своей бедой нередко более достойно.

Оглушённый болью, и в силу этого позабывший о её живительной сути, что так или иначе всё-таки поддерживает красоту в душе, человек стремится найти опору собственному духу в лесу, и находит её. Тихий ли свет пасмурного осеннего дня помогает ему в этом, или перебежавшая дорогу лисица, на мгновение настороженно замершая у самой её обочины, он вскоре неминуемо для себя отметит, что жизнь удивительно полна и ни на секунду не собирается утихать. А обретя вновь уверенность и желание жить, человек вдруг незаметно почувствует скрытую от него причину неведомого спокойствия и смысла именно в лесу. Кабы не лес, кто бы нам помог?

Но, несказанно обрадовавшись этому, человек не в силах взять в толк, каким образом одним своим видом лес достигает такого счастливого поворота в его душе, и как справляется со всеми несчастьями? Что испытывают сами звери, когда беда настигает их в одночасье, неизъяснимым грузом ложится им на натруженные лопатки, и гибель неслышно стелется под их лапами сухим прошлогодним листом, либо заметает тропы непролазными предательскими сугробами? Как быть им и надеяться ли сегодня на помощь других лесных обитателей, если вчера они были тебе непримиримыми врагами, только поджидающими твоей слабости, чтобы самим бойко продолжить свой бег?

Ждать такой поддержки, наверное, было бы безнадёжно, и потому одинокая дремучая сосна, сражённая молнией, заяц, защемивший лапу в расколотом пне, обессилевший сохатый, загнанный в глубокие снега волками, все они предоставлены, скорее всего, самим себе. В необъятных лесных просторах гибель их незаметна, никак неощутима и влиять, в целом, на жизнь природы, конечно, не в состоянии, и всё же природа позаботилась о них.

Не в силах уберечь, природа напитала плотью погибших зверей тех, кто остался жить, а значит, должен есть, выкармливать своих детёнышей, передавать им необходимый опыт. Останки ещё долгое время могли служить птицам лакомым кормом, а истлев, удобрили собой почву, на которой в густом влажном мху заалеет когда-нибудь глянцевыми боками клюква или брусника.

Не в пример человеку, лес не оставляет без внимания ни одну былинку, мудро предоставив ей возможность благодарно воскреснуть в каком-либо ином обличье. Своим существованием лесные жители обязаны друг другу, и эта не нарушаемая взаимосвязь между ними помогает лесу преодолеть любую беду. Беда не по лесу ходит – по людям, что в лесу лесеют, а про меж себя потом добрее становятся!

ЛЕТНЕЕ ТЕПЛО

Летним вечером, после заката солнца, в воздухе долго бродит тепло, тычется в окна, сени, ограду, как будто не зная, куда себя ещё деть, и даже когда зажигаются звёзды, накопленный за день жар не угасает, а поднимается в небо и согревает их мерцающий далёкий свет, отчего звёзды начинают казаться более земными…

ВОЛКИ

Часто от людей можно услышать недоумение или даже негодование по поводу «бессердечности» волков-родителей, когда они будто бы равнодушно взирают на то, как охотник по одному достаёт из логова волчат и бросает их в мешок. По крайней мере, звери никогда ничего не предпринимают в защиту своего потомства, смотрят со стороны и не приближаются, в отличие, скажем, от глухарки, что скорее пожертвует собой, чем бросит птенцов, а во время пожара закрывает их своим телом и погибает вместе с ними. Но так ли трусливы и равнодушны звери, что на самом деле являются нежными и мудрыми воспитателями?!

Именно потому, что волк исключительно умён и отважен, он и не защищает волчат, обнаруженных человеком в его отсутствие. Когда волк заподозрил, что логово раскрыто, и он успевает опередить человека, зверь немедленно переносит волчат на новое место.

Но если поздно – никак себя не проявляет, хорошо понимая: дать себя обнаружить, значит, быть самому уничтоженным, что невыгодно для продолжения рода. А вот затаиться, перетерпеть, как бы ни было больно, и в следующем сезоне начать всё сначала - будет истинно по-волчьи. За эту силу духа, которой порой не достаёт даже многим людям, волк должен вызывать у них искреннее восхищение, но уж никак не осуждение.

Не беда, что волк сер и овцу съел, благо – духом смел!

НЕСКОНЧАЕМЫЙ ПУТЬ ПОСТИЖЕНИЯ

Непоколебимая вечность стоит в небесах, безмолвно распростёрла своё необъятное дыхание по всей земле: и день проходит, и ночь, и нескончаемые века, и не видится ни конца ни края этой бесконечной жизни. Зачем она, что за великую тайну скрывает в себе, и куда всех нас несёт? Неужели – просто так, без всякого смысла, лишь бы только жить, дышать, плодиться, и … умирать?

Не может того быть: во всём этом завораживающем истечении жизни должен быть заложен какой-то скрытый ото всех смысл, но отчего – неведомый, будто нарочно утаенный? Одолеет ли его когда-либо человек, доберётся ли до исконной вселенской правды?! Нет ответа…

И потому ничего не остаётся человеку, как отправиться в этот, должно быть, нескончаемый путь постижения, и на этом пути ни в коем случае недопустимо унывать, нельзя предаваться печали и чувствовать себя растерянным, а всецело, с удовлетворением, отдаться преодолеваемой дороге, не страшась никаких преград, прекрасно при этом понимая, что иначе не достичь истины, той самой божественной правды, которая чудесным образом сокрыта от нас, и её так хочется разгадать.

И вот, если осознаешь в полной мере значимость этой вселенской загадки, или, вернее, твёрдое намерение её прояснить, то и настраивайся уже на жизнь мужественную и решительную, с желанием все беспокоящие тебя вопросы наилучшим образом разрешить. Причём, без оглядки, уповая только на свою стойкость, терпение и выдержку, а верной порукой тому может послужить твой добрый настрой и такое же искреннее устремление души. Взялся, как говорится, за гуж, так уж каляниться не пристало: жарь по жизни во весь дух, покуда его хватает, ибо разменяваться на мелочи времени нет!

Нет ничего хуже бесплодно прожитой жизни, и хоть представляется она, по большей части, обыденной, но и эта её обыденная простота с непонятной быстротой минует: не успеешь оглянуться, а все жизненные страницы уже пролистаны. Хватишься так, бывало: где находился ты, чем был занят, и опять не находишь ответа…

Не дорожил ты, как зеницей ока, отпущенным тебе временем, не озадачивался пробуждением собственного сознания, и зря, потому как нет ничего более сладостного для человека, чем постигать и себя, и окружающую чудесную жизнь с её лесами, горами и морями, и быть для этого прекрасного мира пригодным. Ведь раньше смерти не помрёшь, и нужно успеть до правды добраться!

ПРИДЯ В ЛЕС

Придя в лес, надо двигаться и дышать в такт его ритму, а не принесённому с собой. Это – не боязнь заслужить его неодобрение, просто так удобнее найти с ним общий язык.

Лес обостряет чувства, и неопытный человек быстро устаёт от их насыщенности. Постепенно он начинает переносить весь интерес, подаренный ему лесом, на себя, и в результате оказывается в плену разыгравшегося воображения.

Быть наедине с природой нелегко, и для этого необходимо войти в неё как можно раньше. Как примет тебя лес, зависит от тебя самого. Можно прожить рядом с ним целую жизнь – и так и не увидеть его. Можно подолгу находиться в его окружении, страстно и искренне желая раскрытия лесных тайн, но так и не добиться ничего на этом пути. Наконец, можно попытаться пробыть среди лесной тишины максимально продолжительное время, пристально наблюдая за происходящим вокруг, и всё же потерпеть неудачу.

Как бы ты ни был изощрён и настойчив в стремлении дотянуться до неизведанного, лес без желания расстаётся со своими секретами… Он не прощает ни единой, допущенной тобой в жизни, моральной ошибки, независимо от того, произошла она по недоразумению или из-за собственной духовной небрежности.

Последствия такой допущенной небрежности неминуемо скажутся когда-нибудь на твоём отношении к лесным жителям. Происходит это, по большей части, неосознанно, исподволь, а лес, конечно, всё чувствует и по-своему мудро реагирует на это. Лес, скорее, допустит к себе человека, не обременённого жаждой познания, даже невежественного и глупого, чем того, кто, тайно вынашивая планы проникновения в его непревзойдённый разум, сам в тоже время его не достоин.

Извращённый человеческий ум может принести много вреда природе, и потому сложного человека лес не один раз пропустит через себя и выслушает, прежде чем удостовериться в чистоте его намерений. Умный человек более опасен для него, нежели дикарь, в котором больше естества, и потому лес даже может его проглядеть. Но как только человек-злодей проявит себя, лес тотчас отлучит его от своих тайн, станет вдруг недоступным и замкнутым. И нет ничего хуже, чем оказаться тогда в лесу одному.

Человек – более способный ученик природы, нежели животные, но, тем не менее, ему приходится преодолевать, в сравнении с ними, ничуть не меньшие недостатки. Самое парадоксальное заключено в том, что, даже преодолев их, он оказывается в итоге перед суровыми реальностями того же мира, от которого когда-то оторвался в силу собственного развития. Только с большим пониманием происходящего вокруг и в себе самом. Наверное, именно поэтому человеку бесконечно интереснее жить на белом свете в отличие от любого животного и птицы, при этом искренне желая хотя бы на время побыть аистом, волком или только что родившимся жеребёнком.

Так поступил канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон, который, оставаясь самим собой, представил себя по-человечески находчивым и умным лисом Домино, отчаянно свободным мустангом-иноходцем, царственным волком-великаном Лобо и многими другими зверями. Обострённость и полнота восприятия окружающей лесной жизни была у него порой несоизмеримо выше, чем у любого из описанных животных, несмотря на многообразную гамму обладаемых ими чувств, а происходило это по причине неудержимого стремления к познанию, способного преодолеть любые инстинкты, в том числе страх.

Неутомимому писателю это отчасти удалось, как удалось бы осуществить ещё талантливее более тонкому человеку, надолго очутившемуся однажды в лесу. Лес принял бы его под своей осеняющей тайной и укачал на еловых душистых лапах, вдохнув в сердце оцепеняющий восторг и благость. Придя в лес – дыши и двигайся с ним в едином ритме!

ДЯТЛОВА КУЗЕНКА

Бродя целый день по лесу, и привыкнув к однообразию ходьбы и лесных пейзажей, всегда с удовольствием отметишь гору сосновых или еловых шишек, заботливо натасканную дятлом в небольшую впадинку с корневым выступом, либо к пеньку на краю опушки, чем-то привлёкшему птицу. Приверженность дятла к какому-то одному месту давно известна.

Бывает, годами остаётся привязан к нему дятел, по нескольку сотен шишек выбивает за зиму, но места не переменяет. Хороша именно эта «кузня», а вернее – «верстачок», где он защемляет шишку и выколачивает из неё семена.

Может быть, эта приверженность – из-за неприхотливости дятла, его несравненной работоспособности? Некогда дятлу искать более подходящую «наковаленку», и, повстречав более-менее подходящую, он ударяется в свою бесперебойную стукотню… Всю зиму настукивает, несмотря на вьюги и метели, с утра до вечера, с осени до весны.

И что ещё интересно: порой встречаются «кузни» всего лишь с несколькими шишками, тогда как однажды я насчитал даже до тысячи. Устав перебирать шишки, помнится, стал их десятками отбрасывать в сторону, а они всё не кончались… Видно, любимое то было место у дятла, и бросать его старательная птица не желала.

Пристрастие дятла к какой-то одной избранной «кузнице» отличает в нём не только старание и основательность, но и особый вкус: всё бы стучал да стучал, а шишки росли горой, всем на удивление. Видать, сам Господь умудрил дятла служить в лесу «кузнецом», была бы только шея крепка!

СЕМЕЧКО

Бывало, положив семечко на ладонь, опустишься на колени, прежде, чем его посадить, и вдруг задумаешься: отчего в каждом мельчайшем проявлении природы заложено стремительное движение к будущему, и все силы её работают на то, чтобы ему прорасти? И вот, задумавшись так, и позабыв обо всём, неожиданно ощутишь, как трогательно ждёт природа такого же внимательного и чуткого отношения к себе человека.

Жизнь, таящаяся в каждом крохотном семечке, поддерживает и вдохновляет меня на не прекращающийся творческий труд, когда взращённая в себе радость, кажется, куда-то однажды уходит, и тебе уже не верится, что доживёшь ты до очередного праздника жизни, побеждающего любую неустроенность, нежелание созидать. А как подумаешь при этом обо всех семенах, несущих в себе жажду к жизни, так и вовсе одумаешься, и обратишь свой взор ко всем маленьким и большим деревьям, что тянут свои веточки к солнцу, не упуская ни единого шанса к росту, развитию себя, как самостоятельного, не похожего на другие деревья растения. И эту силу одинокого растения перенесёшь на себя, отчего сделается стыдно за

допущенную слабость, и уж тоже, как любое деревце, стараешься тянуться к свету, радуя при этом других.

Такова сила природного примера, хотя бы это было обыкновенное зёрнышко, почти не приметная на ладони былинка, побуждающая не забывать в себе великие возможности, заложенные в тебя Существованием, исключая всякое чувство личной ненужности и неспособности помочь другим, в конце концов, ощущая себя настоящим человеком.

НЕ ПРЕДАВАЙТЕ СЕБЯ!

Очень сложно радоваться на пустой желудок, но именно подобное отношение к жизни проповедовали отшельники, тем самым будто бы очищая и приближая себя к Богу. Чего же они добились, кроме бессмысленности и скудости своего отрешённого от мира прозябания? Дух их, на деле, был невероятно измучен, вместо того, чтобы с радостью владеть всем – и прекрасной землёй с её волшебными плодами, и божественными небесами.

Мы не должны отказываться от одного мира в угоду другому, а призваны сочетать их в себе одновременно: в этом суть нашего пребывания в этом божественном мире, наилучшая возможность реализовать свою внутреннюю природу. Не предавайте себя!

ПОКЛОНЕНИЕ ЖИЗНИ

Религия – это законы обращения с божественной энергией, верное отношение к ней, подразумевающее величайшее уважение, чуткость и любовь. Религия означает почитание божественного духа, и если это почитание исполнено глубокого понимания, божественное становится для вас благословением, в противном случае – энергия Бога оказывается разрушительной. Причиной тому или другому являетесь вы: совершая над собой душевные усилия – наделяетесь благодатью, не желая изменяться к лучшему – обрекаете себя на утрату собственных возможностей.

Для меня религия – это поклонение жизни, призванной радоваться, наслаждаться ей, ощущая себя целостной личностью, не подверженной какому-либо иному, так называемому «религиозному» влиянию, когда ты не принадлежишь себе, а полагаешься на кого-то другого, тогда как рассчитывать ты должен только на самого себя, на своё радостное восприятие существования, поклоняясь и принимая единого для всех Бога. Только такая религия позволяет раскрыться твоей внутренней природе, ты сможешь быть здоровым и наслаждаться жизнью во всей её чудесной полноте, в согласии с окружающей нас природой.

Чудесно было сказано одним мудрецом: только оказавшись на небе, люди, наконец, поймут: истинная религия – есть поклонение божественному духу. И всё…

Нет религии выше этой истины, и нет истины без понимания того, что именно сейчас подошло время для человека перестать, наконец, выдумывать жизнь, в том числе – в лице разнообразных религиозных учений, а начинать её с чистого листа, становясь настоящим. Это, несомненно, предполагает способность быть ценным, самому обретая в себе божественные черты, тем самым продолжая и развивая глубинную суть Бытия, заложенную в него Богом. Не отказывайтесь от этой абсолютной свободы, поклоняясь создавшему вас божеству!

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Всегда почему-то стремишься в мечтах к какому-то неведомому, скрытому от глаз людей лесному озеру, к которому они, обычно, испытывают суеверный страх… По берегам его живут дикие звери и птицы, бесконечным ковром расстилается морошка с брусникой, а вокруг витают злые и добрые духи.

Никто не знает его названия, озеро защищено дремучими лесами, и вода в нём всегда чёрная и спокойная. В этом озере водятся пудовые старые щуки и караси с локоть, но никому ещё не удавалось их поймать.

Хорошо бы побывать там, взглянуть хоть одним глазком и ничего не тронуть. А потом зачем-то вспоминать и рассказывать о том, как это далеко, и что туда почти невозможно добраться, но вот тебе, каким-то чудесным образом, всё же удалось.

НЕПРИМЕТНОЕ СЧАСТЬЕ

Всё наше радостное восприятие природы происходит от нелёгкой доли русского человека в течение многих веков, оттого и не могло не проснуться в нём любовное чувство к лесу и земле, воде и луговым просторам, ко всему родному, может быть – самому драгоценному, что у него было. И так, незаметно, несмотря на частые стихийные бедствия, родилось доброе, вдумчивое отношение народа к природе, дарившей людям жизненное благо. И именно через свою не простую судьбу и благодаря дорогой природе пришло к человеку его неприметное, но верное счастье: быть преданным родине и близким, в конечном итоге, к Богу в себе.

НЕДОСЯГАЕМАЯ КРАСОТА

Потаённая гладь лесного озера – будто отражённое в зеркале небо, на котором плавают дивные белые звёзды, кувшинки… Чуть набегут тучи – лепестки звёзд сразу закрываются и тонут, выглянет солнце – прекрасные бутоны всплывают и распускаются, словно улыбаясь. Как хорошо, что обычная земная красота вдруг воспринимается небесной, и от этого представляется недосягаемой!

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ТЕМНОТА

Только весной по-особому ощущается опустившаяся на землю ночная тишина, когда вокруг замолкает на свой положенный срок всё то, что живёт в лесу и терпеливо ждёт пробуждения, подчиняясь короткой, но торжественной темноте.

Так и ты: умолкаешь и подолгу заворожено слушаешь, как проистекает рядом таинственная весенняя ночь, а ухватить в ней самого главного – не в силах. Лес же, будто насупившись, пристально вглядывается в твою душу, но ничего не предпринимает.

Поёживаясь от пронизывающего холода, зеваешь, то и дело разминаешь онемевшие ноги и вдруг замечаешь над высокой чёрной елью большую зелёную звезду. Это Венера тихо струит свой чарующий свет на землю. А на востоке, над тёмным лесом, уже занимается тихая заря…

СИНИЙ ГУЛ

Ни мартовское солнце, ни открывающиеся небеса, ни звонкое карканье воронья, ни напоённый ослепительной свежестью воздух не манят в ускользающую весеннюю даль, а манит какой-то неведомый синий гул, за которым готов отмахивать нескончаемые вёрсты, спать вполглаза, и опять бежать без устали, ошалело улыбаясь.

ВОРОБЬИНЫЙ СКОК

После Спиридона-солнцеворота хоть на воробьиный скок, да прибудет денёк. Так издревле говорили на Руси, когда солнце в конце декабря поворачивало на лето, а зима на мороз. Каждые сутки прибавляли хотя бы минутку светлого времени, и до Нового года день прирастал, по народному мнению, на скачок маленькой неунывающей птички, может быть, более всех радостно встречающей движение к теплу и свету.

К середине января, в самые рождественские и крещенские морозы, когда миновал праздник покровителя свиней Василия, день неприметно увеличивался, по тем же народным приметам, уже на куриный шаг, но он не воспринимался так восторженно и не был столь дорог, как крохотный воробьиный прыжок. В заснеженном метельном декабре, после надоевшей осенней распутицы и стылого предзимья, этот неприметный подвиг любимой всеми птицы дарил несравнимое ни с чем счастье. Разве можно придумать что-либо более русское, поэтичное и земное, чем «воробьиный скок»!

Слово это казалось самым дорогим в отпущенное на знакомство с суровой зимой короткое декабрьское время, которого на её пороге если и становилось больше, то на незатейливый, но милый русскому сердцу воробьиный скок. Тот самый воробьиный скок, с которого начинают проведывать человека неустанные вьюги, метели заносят постройки под самую крышу, и когда выходишь на заснеженный двор проводить старое надоевшее всем время, в ворота стучится молодой новый год!

ВЕСНА В ЯНВАРЕ

Бывает, ещё в конце января в воздухе вдруг запахнет весной, и ты недоумеваешь: откуда взялся этот запах? Ведь ещё вчера его не было, хотя так же веял тёплый ветер и с крыш срывались крупные капли, а вот сегодня запах возник и разбередил душу.

Выйдя на улицу, замрёшь и стараешься угадать, где его источник. Вот сейчас, думаешь ты, стоит только сосредоточиться – и, наконец, всё узнаешь. Терпеливо вслушиваешься, всматриваешься и вдруг нечаянно обнаруживаешь, что запах весны источает … подтаивающий снег, который в оттепель всегда становится нежным, навевает добрые мысли и заставляет учащённо биться сердце.

Так я думал раньше, и верилось, что окончательно подошёл к отгадке на мучающий меня вопрос. Но вот однажды, в двадцатых числах января, я так же вышел поутру из дома и сразу почувствовал, как остро пахнет весной. И хотя оттепели не было, будоражащий сердце ветерок не веял и подтаявший снег с крыш не соскальзывал, ощущение от дыхания весны было непередаваемым. Казалось, на дворе уже давно стоит март, а январь с февралём затерялись где-то в далёком прошлом.

Долго я не мог понять, что задолго до наступления марта в самом январском воздухе происходит какой-то неминуемый и еле уловимый поворот к весне, точно также, как в начале мая – к лету. Если ты почувствовал его, странная тяжесть от бесконечных снегопадов раньше других спадает с твоей души, и в ней неминуемо начинает зреть ощущение радостной новизны. Это уже не сладкий зимний сон, а ясная предвесенняя полудремота, готовая в любой миг прийти в себя от подступающей волнами пьянящей свежести, как это бывает только в марте.

ОСЕНЬ

Осень обычно пьянит своими туманными сумерками, тревожащими голосами птиц, собирающихся к отлёту у горизонта, последним трепетом берёз и осин, настоем из опавших листьев в колеях лесной дороги, остервенелым воплем лесовиков по дикой чащобе, но сама головы никогда не теряет, хоть и бредёт перед самой зимой простоволосая, в затрапезном платье, то и дело оступаясь и оглядываясь.

ЛЕСНОЙ ТЕАТР

В начале ноября, когда выпадает коренной снег, лес окончательно замыкается в себе и становится похож на заколоченный, пустой театр, в котором все представления давно окончились, труппа разъехалась на каникулы, и только стены его, вдалеке от движения и былой суеты, стали постепенно полниться каким-то необыкновенно чистым, молодым светом.

СИДЯ НА ПЕНЬКЕ

Бывало, охваченный переполняющими тебя впечатлениями, присядешь на пенёк, отдохнуть, и вдруг поймаешь себя на ощущении своей ненужности здесь, в лесу. Поразившись этим открытием, долгое время не можешь прийти в себя.

А потом, успокоившись и переболев эту свою ненужность, во всей простоте того, что совершается вокруг, постигнешь: таинственный лес за тем и существует, чтобы ты пришёл к нему, присел на пенёк, и записал всё то, что он с таким упорным трудом, веками, готовил для встречи с человеком.

В природе заключено много такого, что не сразу попадается на глаза, но, даже попавшись, ничего не объясняет: его надлежит неспешно и вдумчиво разглядеть. Работа эта, если ею заняться всерьёз, доставит немало удовольствия, обогатит душу, разовьёт внимание и воображение. И тогда сказкой дохнёт на тебя лес, обдаст с головы до ног своим дремучим величием и явит нечто незримое.

Вот у края опушки, на склоне пологого холма, расположилось небольшое семейство ёлочек… Все ёлки одинакового роста, но на одной из них – гроздья шишек, тогда как остальные – пустые. Шишек на единственно плодоносящей ёлке так много, что они еле умещаются на небольшой вершинке.

Долго я не мог ничего понять, сидел на пеньке, думал, и только обнаружив в траве пни от спиленных деревьев, наконец, нашёл тому, что увидел, разгадку. Оказалось, что ёлка с шишками просто намного старше своих соседей, и не давали ей роста мощные деревья, которые закрывали её своей тенью. Потом большие деревья срубили, и ёлка оказалась открытой. Она была намного старше рядом стоящих ёлочек и, конечно, начала плодоносить, тогда, как догнавшие её по росту были ещё не зрелы, отчего и получилось это несоответствие на небольшом участочке леса.

То, что на первый взгляд казалось необъяснимой тайной, неожиданно раскрылось, если просто предаться неспешным размышлениям, сидя на пеньке. Скрытен и смирён пень, а в лесу и ему молятся, ибо не найти в нём лучшего места для думки!

ВЕСНА ВСЁ ПОКАЖЕТ!

Истосковавшиеся по теплу маленькие птички к концу зимы необыкновенно оживляются, и в своём предвесеннем возбуждении начинают издавать не свойственные им звуки.

В зимнем лесу, когда большинство его мелких обитателей держится в верхнем пологе, поближе к шишкам, на фоне тёмно-зелёных верхушек елей, нелегко разглядеть - клесты, щуры или многочисленные снегири подают свой голос. Идя на лыжах и заслышав эти волнующие и непривычные для зимы мелодии, даже остановишься, долго вслушиваешься и никак не можешь разобрать: кто же это поёт? Но хорошенько присмотревшись, вскоре с удивлением узнаешь в вездесущих птичках обыкновенных гаичек, которые совершенно изменились благодаря своему необыкновенному творчеству!

Вот и дружные чечётки с приближением весны становятся непохожи на самих себя и вместо присущей им нежной песенки: «чет-чет-чет, чет-чет-чет, чет-чет-чет», вдруг оглашают лес чуть ли не стрекотанием, превращаясь в каких-то неведомых маленьких сорок, только милых и ненадоедливых.

Даже воробьиный сыч, обычно скрывающийся в лесной чаще, норовит в эту пору перелететь раз-другой просеку или дорогу впереди идущего человека, как будто напоминая, что и он не в силах сдерживать себя в преддверии пробуждающейся повсюду жизни, вопреки своей природе утрачивает осторожность, и тоже чего-то ждёт от грядущих перемен, безбоязненно выбираясь к белому свету…

Скорая весна всё покажет и скажет!

ЗАТАЕННАЯ РАДОСТЬ

С детства принимая и понимая мир как обаятельный и волшебный, призванный удивлять, приносить незабываемое и несравнимое ни с чем удовлетворение, когда только счастливо созерцаешь и воспринимаешь все вещи такими, какими они существуют, я и в зрелом возрасте, как бы меня не пытались запутать, представляю всё точно так же, по-прежнему, с затаенной радостью… И если вижу, как роскошным летним днём золотая пчела утопает в цветке, неспешно копошится в нём, и от этого цветок слегка покачивается на тонкой ножке, а воздух вокруг полнится её волшебным жужжанием и томным ароматом распускающихся трав, опять чувствую себя необыкновенно счастливым, без оглядки радуюсь в душе, и будто лечу.

ШАГАЯ ИЮЛЬСКОЙ ДОРОГОЙ

Что за восторг шагать выбеленной от жара июльской дорогой, будто вытянутой пастушьим кнутом среди колосящейся ржи, перепрыгивать через небольшие канавки, обрывать васильки, пробуя их на зуб, тут же весело сплёвывать, жмуриться от разошедшегося солнца…

Но вот заслышится конский топот, и ты сразу спрячешься в поле от встречного проезжего, переждёшь, когда осядет пыль и, выбравшись на обочину, уж не скачешь, не срываешь васильков, а идёшь разомлевшей дорогой степенно, раздумчиво до самой деревни, будто не замечая проистекающей повсюду опьяняющей воли!

НЕБЕСНЫЙ ЛЕДОХОД

В марте вся земля и реки ещё покрыты снегом, но небесный ледоход уже тронулся: солнце растопило хмурые тучи-глыбы, небо голубеет, как вода, и по нему, будто льдинки в весенний разлив, быстро плывут маленькие лёгкие облака.

ОБЫКНОВЕННОЕ ТЕРПЕНИЕ

Вся трудность вхождения в контакт с животными, птицами или растениями заключена для человека в терпении, поскольку чтобы понять их, он должен принять условия жизни животных, птиц и растений, безоговорочно подчиняясь её темпу и ритму.

Нестерпимо мёрзнут ноги в стылой снеговой каше, когда, не шелохнувшись, стоишь в ночном весеннем лесу в ожидании глухариного пробуждения, - терпи; промозглый холод от земли предательски забирается под суконную куртку, в рукава, за шиворот, если неподвижно наблюдаешь из укрытия за заячьей свадьбой, - терпи; февральская безумствующая пурга застала тебя далеко от деревни, сбивает с ног, пронизывает насквозь, норовит погрести под своими нескончаемыми заносами, - терпи; тридцатиградусный мороз, то и дело, выстужает лесную избушку, так что приходится подтапливать её каждые полчаса, скорчившись, разводить никак неподдающееся пламя огня, дуть до одурения на не желающие гореть ольховые полешки, - терпи; завела лесная нужда шагать по глинистой раскисшей дороге вёрст двадцать с гаком, под непрекращающимся нудным дождём, - терпи…

И так, в любую погоду, независимо от времени года, потому как в хорошую, солнечную пору никогда не увидишь того, что можно узнать в ненастье. Преодолевая нескончаемую лесную дорогу, ты вынужден запастись, в первую очередь, обыкновенным терпением, которое незаметно слагают твоя необыкновенная неутомимость, отвага и воля.

ВНИМАНИЕ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Часто не покидает ощущение, что птицы, устремляясь на юг, в тоже время ведут себя так, будто хотят остаться. Они то и дело кричат, по необъяснимой причине надолго задерживают свой отлёт, и отчего-то очень беспокоятся, словно передавая свою тревогу всей округе – лесу, прибрежным

камышовым зарослям и маленьким озеркам. Им важно, наверное, чтобы их непременно кто-то услышал, и задремавшим было деревьям, реке и холмам ничего не остаётся, как невольно думать про них всю ненастную осеннюю пору, долгую зиму и терпеливо ждать их радостного возвращения. Только почувствовав это незримое внимание родной земли, птицы, наконец, отправляются в дальние края.

КРАПИВКА

Крапива содержит много полезного, но никогда не показывает этого, и, более того, всеми способами защищает свою скрытую помощь, будто стесняясь её. Так и стоит на страже таящегося в себе секрета, для многих – злая, не сваришь с неё пива, а она, вот, и под твоим забором нашла приют: коли узнаешь, чем крапива пахнет, она тебе своё волшебное зелье наведёт. Набери, человек, крапивки хотя бы на зелёные щи!

ВОЛНУШКИ

Волнушки получили своё название не только потому, что на их шляпках, от самой впадинки по середине, разбегаются к краям хорошо различимые радужные волны, но, наверное, и из-за волнения, которое они вызывают у грибника в конце сентября, после первых заморозков, когда многие грибы уже не растут, а розовые волнушки радостно выглядывают из пожухлой листвы и будто восклицают, умоляя: «Возьмите нас с собой, мы ещё очень ароматные и крепкие!»

ЗАЯЦ КРУГЛЫЙ ГОД

Наша зима – это большой и ослепительно белый заяц, что весь год живёт открыто для всех, но в тоже время остаётся невидимым.

Весна – уже сероштанный бойкий зайчишка, который вдруг резко выкатится из зацветающего тальника, смело тронет по полю, затем сдвоит, скинется и опять где-то скачет, пока и там не исчезнет. Не заяц, а лёгкое сизое облачко, озорно затерявшееся за ближайшим леском.

Лето – укромно притаившийся в шелковистой траве зайка с тёплой шёрсткой, что показывается лишь изредка, как ненавязчивое, милое видение, на мгновение радует душу, и тотчас забывается, так вокруг много других завораживающих ощущений, красок и запахов.

Осень же сначала только поманит буровато-молочными заячьими ушами, забавно торчащими в озимых зеленях… Не сразу различишь самого косого с пегими подпалинами на боках в быстро светлеющих гачах. Заяц как-то неловко, скособочившись, подтягивает зад и незаметно оказывается всё ближе и ближе. Уже слышно, как шуршат по сухим листьям заячьи пазанки,

кровь гулко ударяет в висках, а у самой деревни, в частом осиннике, оживлённо перекликаются сороки. Заяц вдруг останавливается и, поводя чуткими ушами, косит боязливо: неужто и до него дойдёт в эту пору черёд?

И вот, с отъезжего поля уже гулко доносятся радостные возгласы охотников: «До-о-шё-ёл!». Красоваться косому в сенях, на крепком гвозде, со свисающими толстыми усами! Но не сегодня-завтра Покров покроет землю снежком, опять незаметно подступит зима, и укутает всех в пушистый заячий мех.

ЛИШАЙНИК

Длинные лоскуты голубовато-сизого лишайника, свисающего с ветвей, напоминают душистый дымок лесного костра, что будто бы для забавы зацепился за их края, а улететь уже не в силах. Так и колышется слегка на ветерке, будит воображение, и оно рисует ещё бороду лешего, торчащую не клином - целым заступом, величиною с лопату, когда он от нечего делать притулился к костерку в глубине чащи, зажмурившись от удовольствия. Вроде бы, всего лишь обыкновенный лишайник, но непременно хранит в себе какую-нибудь притягательную тайну, что всегда ненавязчиво присутствует в лесу рядом, и также незаметно исчезает.

ЧЕМ ПАХНУТ ВРЕМЕНА ГОДА?

Чем пахнут времена года?

Обычно не вызывает никаких сомнений зима, которая, по мнению многих, не может пахнуть чем-либо, кроме ёлки и мандаринов, да ещё, пожалуй, яблок. И действительно, иногда снег источает аромат этих фруктов, но разве присуще зиме то, что ей не принадлежит, и какие запахи она порождает? Что на самом деле составляет её головокружительную или, быть может, усыпляющую суть?!

Одно я знаю точно: запах зимы – свежий и душистый, как только благоухают щёки молодых девушек с мороза, а ещё хвойные ветки, принесённые из леса в натопленный дом и поставленные в воду. Медленно оттаивая, они будто отходят ото сна, кажется, даже немножко распускаются и что-то нашёптывают. Ночью отчётливо слышится их ласковый шорох, и вместе в ним – чья-то таинственная поступь, что постепенно обволакивает сознание и уводит в неизведанные заснеженные глубины. Зима очаровывает скорее звуками, чем запахами, и более всего – своей загадочно переливающейся, будто колокольчики, мелодией.

Но вот пришла весна, самый её разгар, и сразу запахло талой корой… Остальные запахи лишь дополняют этот дурманящий аромат, который течёт над открывающейся прелой землёй, пронизывает всё вокруг и опьяняет. И снеговая вода, и сладостный перезвон сосулек, и завораживающие дуновения упругого ветерка, и даже вскрикиванья воронья с непрекращающимся

щебетом воробьёв пахнут зарождающейся жизнью, то есть – волглой корой. Под ней начинает струиться тот самый живительный сок, который вскоре всех напоит и от всего излечит.

Лето – это, наверное, свежее сено, липовый цвет и земляника… Тысячи будоражащих запахов и их оттенков, что просто околдовывают, повисают над деревней. Но как различить тот единственный и верный, без которого лето – не лето? Самый приятный, одинаковый и в дождь и в вёдро, незабываемый и тёплый? Запах короткого уральского лета, который почему-то особенно дорог.

Чистый золотой мёд! Вот в чём нельзя ошибиться, говоря и думая о лете. И свежее душистое сено, и аромат земляники, и цвет шиповника, кипрея и липы, все цветы и самые сладостные летние дуновения стекаются в мёде, и именно мёд, как ничто другое, заключает в себе силу и красоту лета.

Когда окажешься на пасеке, у медогонки, где по стенам висят розовато-кремовые, будто светящиеся, рамки, сладко пахнет воском и пчёлы ненадоедливо, но настырно бьются в заляпанное мухами стекло, устремляясь к разомлевшему июльскому жару, ты почувствуешь, что суть лета, его запах, находится где-то здесь, рядом, и оно немыслимо без этого золотистого медового духа, которым пронизано всё вокруг.

Ну, а к осени, в пору увядания, все запахи сводятся к пряной горечи палого листа, в которой, пожалуй, ещё угадывается сытный аромат кульбиков и сыроежек. Так и хочется наломать этих красивых грибов, присесть где-нибудь на пенёк и, посыпав солью да сдобрив свою нехитрую снедь куском чёрного хлеба, с аппетитом уплетать их, впитывая вместе с ними чудесный дух уходящей осенней поры.

САМЫЙ ЧУДЕСНЫЙ НА СВЕТЕ ЯЗЫК

Каким чутьём, мужеством и знанием необходимо обладать, чтобы не бояться писать и говорить просто, от сердца, как и думается всем нам в минуты, когда мы слушаем его, не изменяя божественному сознанию, заложенному в нас с рождения. Но часто мы отчего-то не доверяем своему внутреннему голосу, уповая порой только на удивительно проникновенные слова хорошо всем известных русских писателей, а свои душевные рассуждения считаем чем-то незначительным, боясь им поверить. Но именно эти простые мысли, которым мы не придаём значения, и являются тем недостающим знанием, которого мы чаще всего дичимся, но оно в нас существует. Причём, произносится это знание в душе каждого русского человека на самом чудесном, народном языке, коим мы с испокон веков обладаем.

Как необыкновенно хороша обычная русская речь, что дарит человечеству мир восхитительного покоя и отдохновения, ей нужно наслаждаться и беречь, в тоже время, проявляя и терпение, и решимость, и замечательную отвагу для её сохранения. Без неё не обойтись русскому

человеку, и он проживает неповторимую судьбу, наследуя прекрасный язык Толстого и Тургенева, Бунина и Чехова, и, конечно, Михаила Михайловича Пришвина, что превратил нашу русскую речь в неподражаемо чудесное искусство, сотворение мудрости, и она божественна!

Как прекрасен русский человек, когда он общается с другими людьми на этом удивительном языке, как чудесен наш неподражаемый русский мир вместе с неповторимой русской природой. Именно Михаил Михайлович Пришвин, благодаря своему простому и доходчивому языку, произвёл на меня самое незабываемое впечатление. Он убедил всё моё существо в глубокой привязанности и к русской речи, и к русскому лесу, в конечном итоге, к его чудесным тайнам и желанию познавать их, создавая при этом свой собственный мир, невозможный без творчества.

Созидать после того, как открыл для себя что-то значительное в жизни, пусть это будет море, лес или наш замечательный русский язык, особо радостно. Радостно оттого, что ты соприкоснулся с чудесами, с божественным проявлением этого мира, и они преобразили тебя, твою жизнь. Жизнь сама по себе прекрасна, но после того, как ты осознал, что тобой движут небеса, она становится ещё более чудесной.

Чудесно человеку самому созидать чудеса, отчего и другим хочется идти за тобой, также пристально вглядываясь и в себя, и в небо. Это единственно верный путь, которым хочется идти по жизни, и иного, более достойного предназначения, не существует.

Хорошо и приятно писать по-русски о лесе, что не стал для тебя околдовывающим обманом, а именно другом, вестником прекрасного мира, где ты открыл для себя и весну, и свадьбу журавлей, и свой первый глухариный ток. Как радостно всё это было слушать и впитывать, позабыв обо всём. А потом, затаив дыхание, пытаться изложить на бумаге все свои переживания, не забывая и холода осенней ночи, когда добирался по раскисшей дороге, в темноте, до деревни, и печного жара лесной избушки в сорокоградусный мороз, и устремления диких гусей и уток на родную северную сторону…

И, конечно, ты помнишь, как какая-то неведомая сила повлекла тебя под потаённый полог нашего таинственного русского леса, о котором писал и Толстой, и Тургенев, и Пришвин, и в твоей душе незаметно пробудилось нечто такое же потаённое и неведомое, именно исконно русское, уходящее в глубину его бесконечно таинственных веков. И однажды тебе захотелось рассказать обо всём этом простым и чудесным русским языком. Всяк язык Бога хвалит, а русский – почитает.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Иногда луна бывает совершенно безжизненной, равнодушной. В лунном свете зимнего леса лицо человека тогда превращается в застывшую маску, что кажется неестественным на фоне непередаваемой ночной красоты.

Трудно не впустить в себя выхолащивающего лунного сияния, не испытав его безжизненной оголённости.

Но, отдав себя однажды на волю безучастного лунного света, знай: тебе уже не будет так, как если бы ты ещё не входил в ночной лес, и смотрел на него только со стороны. Соединившись с ним, ты остаёшься наедине с не знающей преград луной: дикой, неживой и властолюбивой. Лишь на мгновение повеет она своим бесчувственным холодком – и раз и навсегда осадит все твои желания, растворит их в околдовывающем безразличии. Пусто станет тогда на душе, так что даже жаждущий добычи зверь равнодушно пройдёт мимо, не обратив на тебя внимания.

Прозрачные лесные призраки насторожатся, выступят из-за деревьев, и ночное забвение постарается навсегда прикрыть твои веки, остудить сердце и сомкнуть уста безжизненной улыбкой. Только неясные пятна, чёрные тени, и вечная безысходность лунной тьмы окутают собой всё вокруг.

Так коварно может вести себя зимней ночью равнодушная луна, что никуда не спешит и равномерно льёт на синие сугробы свой холодный, безучастный свет, а человек, если он неравнодушен ко всему, что его окружает, впитывает этот свет, незаметно полнится им, но не замерзает душой, становясь ещё более сильным.

НЕВЫРАЗИМО ПРЕКРАСНАЯ СУТЬ

Чистое апрельское утро… Казалось бы, обыкновенная для этой поры картина - синий угор, кротко замершие по его склону пушистые ёлочки, воздух, звенящий весенней чистотой, лазоревые тени от берёз, будто продляющие собой на снегу проникновенное апрельское небо, но вдруг до щемящей в душе боли осознаёшь, что не сможешь ни какими словами передать эту красоту…

Остановившись посреди дороги, пристально вглядываешься во всё, что тебя окружает, и опять зачарованно повторяешь: синий угор, приукрашенные снежком ёлочки, звенящий воздух, лазоревые тени, проникновенная небесная голубизна, но чего-то самого главного, составляющего прекрасную суть только что увиденного, высказать не в силах… Оно всё равно остаётся невыразимым.

В ПРЕДВЕРИИ ЗИМЫ

В преддверии зимы, после отшумевшей листопадной метели октября, устанавливаются такие тихие и чуткие дни, что, кажется, даже воздух насторожен в ожидании грядущей непогоды, но её всё нет, и затаившаяся тишина до дрожи трепетно и оголено вторит малейшему звуку, а сердце сладко замирает от ощущения надвигающегося холода.

ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ

Люди пытаются выразить любовь к жизни в танцах и картинах, музыке и стихах, и если кто-то из них просто живёт – это вызывает недоумение. Но именно в обыденной жизни, ни к чему, вроде бы, не обязывающей, совсем, кажется, непритязательной, и отображается истинная признательность человека к тому, что составляет её суть. Ты просто живёшь, заботясь при этом о самых, казалось бы, обычных вещах, и, конечно, не можешь обойтись без обаяния таинственной лесной чащи, открывающей для человека примеры достойного существования.

Идёшь, бывало, в предрассветной темноте по лесу, и ничего не видно, только беззаботные звёзды перемигиваются меж собой. И вдруг, задумаешься об этом огромном невидимом небосклоне как о родном, хотя и недостижимом пространстве, и на душе отчего-то сразу теплеет. А небесная звёздная река, заботливо ополаскивающая землю, проистекает повсюду, ласково и бесконечно льёт свет, и ты начинаешь ощущать, как земля раскрывает ему объятия в своих необозримых лесах. Леса, ты чувствуешь, сохраняют энергию Вселенной, копят её в себе, и незаметно отдают всем живым существам.

Людям же только остаётся отнестись к божественной природе с уважением, признательно, подобно Божественному Существованию копя и сохраняя уже своё сердечное тепло, ополаскивая им тех, кого оно не коснулось. Этот круговорот энергии вечен, он образует жизнеутверждающее движение не только к непознанному, но и непознаваемому, и всё это приходит к тебе на ум, когда ты просто идёшь ночной дорогою на глухариный ток, к своим любимым глухарям, ни о чём таком высоком, вроде бы, и не помышляя, и думаешь только о своей обыденной жизни, которая прекрасна.

ГДЕ-ТО ТАМ?!

Уже в середине мая, без всякой надежды на успех, собрался я в последний раз к глухарям, и чем дальше шёл по дороге, тем более убеждался: поздно… Давно угомонились в лесу ручьи, вроде бы, недавно вспыхнувшие первоцветы разлились в целые поляны, на вырубках, у старых пней, появились шоколадные шапочки строчков. Закрылся лиственный лес.

Воздух туманился от растекающегося аромата, листья уже по-летнему шептались на ласковом ветру, трава в некоторых местах доходила чуть ли не до колена. Как-то не верилось, что мошник прилетит на ток, да ещё запоёт. Но в положенный час единственный глухарь действительно проснулся, долгое время сидел молча, а потом пропел только одну песню, после чего собрал хвост, гортанно цокнул и улетел.

И стало так грустно на душе, что весна кончилась… Впереди, кажется, бесконечное буйное лето, за которым даже и не видится зима. Где-то там

дорогая сердцу весенняя радость, что однажды опять слетит на мартовский наст, пройдётся по нему красавцем-глухарём, и запоёт, позабыв обо всём?!

ЛИСЫ И ЛИСИЧКИ

Интересно, только ли из-за цвета, схожего с известными всем зверями, названы грибы лисичками? Ведь встречаются лисички и светло-жёлтые, и блёклые, серенькие, и даже ярко-оранжевые, как и сами лисы, но понимаем мы сущность этих грибов, наверное, благодаря чему-то другому…

Может быть, это какая-то игривая загнутость краёв у шляпок, их рыжая волнообразность, наподобие вздутого ветерком меха, воздушность неуловимых звериных повадок, призывающих самку красться в глубине леса и очаровывать своего лисовина?!

Так или иначе, но лисички и лисы – из одного семейства, и друг без друга почему-то не воспринимаются: говоря «лисица» - мы тотчас представляем во мху ярко-оранжевое и дружное грибное племя, произнося «лисички» - вспоминаем милых звериных детёнышей…

ЕЛЕ УЛОВИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Ещё от деревни толком не отойдёшь, и слышно, как горланят петухи, до настоящего леса далеко - кругом пеньки да чапыжник, но и здесь, в кажущемся безлесье, ощущается еле уловимое присутствие почитаемого тобой лесного бога. Он не высится вековым сосновым бором, не зачаровывает шумом величественных дубрав, не околдовывает своим древним знанием, что, бывает, по-хозяйски укореняется прямо рядом с жильём, в ещё не сломленных могучих стволах редких сосен и елей, а тихо и неприметно живёт в обгрызенных непогодой лысых пнях, в маленьких, только что пробивших себе дорогу ёлочках, теряющихся под осень в пожухлой траве… Даже - в разбросанном повсюду хворосте, и в не замечаемом никем сером небе, которое тоже, порядком истомившись, тихонечко прислонилось к самой деревне, и со вздохом улеглось за старым молчаливым прудком…

МАЛЕНЬКАЯ ПРИХОТЬ ПРИРОДЫ

Красный цвет редок в природе, особенно среди зверей средней полосы, где выделяться им, особенно в зимнюю пору, не резон. И всё-таки лиса-огнёвка поражает нас своим ярко-оранжевым мехом, когда мы неожиданно застаём её мышкующей посреди заснеженного поля и, радуясь тому, что увидели, в тоже время мучаемся вопросом: отчего природа оказалась такой неосторожной?

Оставаясь мудрой и сильной, она, наверное, просто позволила себе эту маленькую прихоть, безбоязненно демонстрируя свою неповторимую красоту.

ЖЕЛАНИЕ ДОРОГИ

Люблю лес, люблю ходить по нему в любую погоду. Но всегда ли с удовольствием отправляюсь к нему в гости? Нет, не всегда.

Иногда, по каким-либо причинам, мне этого делать совсем не хочется, и всё-таки - я иду. Порой так и подмывает повернуть обратно, но я, несмотря ни на что, продолжаю свой путь, и постепенно желание дороги всё более усиливается, жажда встречи с дорогими сердцу местами нарастает, и вскоре я просто не могу остановиться.

ЕСЛИ ТЫ БОЛЕН ДУШОЙ

Если ты болен, упал духом и во всём отчаялся – приди весной в лес, посиди немножко на каком-нибудь пеньке или поваленном дереве, поласкай взглядом распускающуюся медуницу, потрогай руками цветущую сосну, а затем прижмись к ней щекой… Да смотри не переборщи, к другим деревьям больше не прикасайся, хватит и её одной, солнечному лучу улыбнись, ненароком вспугни махонькую бодрую птичку и испугайся вместе с ней неизвестно чему, угоди ногой в ноздреватый, шумно осыпающийся голубоватый снег, радостно оглянись вокруг, набери полную грудь воздуха и, протянув к небу руки, засмейся!

ЖЕЛАННОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Я лежу на нарах лесной избушки и слушаю, как близится за стеной вечер. Неимоверная тоска не одолевает моё сердце, потому что ночь в лесу не может быть к тебе равнодушной. Среди глухой неизбывности и темноты она дышит неведомой силой, незаметно натягивает синие сумерки на чёрные ели, и окружает совершенным покоем и тишиной, отчего одиночество становится желанным и неуязвимым.

Кажется, что если я усну, ночь вместе с чем-то, что давно меня ждёт, пропадёт бесследно и никогда уже не вернётся. Мне хочется, чтобы она всё время была со мной, пела над моей головой, убаюкивала своими дикими сомнениями, но в тоже время не давала забыться. Здесь, в лесу, ты будто оторван ото всех, долго не можешь уснуть, и всё о чём-то думаешь…

Ветер едва-едва трогает невидимые верхушки деревьев, тихонько раскачивает их, и в такт им рождаются мои неотступные спасительницы-

мысли, мои лесные бессонницы, что незаметно приводят меня к самому себе. Вернее, к пониманию, что здесь – твой дом, и оттого все думы покойны и легки.

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

У человека не хватает сил самым пристальным образом вглядываться в облака, когда те безмятежно катятся по небу, все до бесконечности наполненные пронзительным белым светом, такие лёгкие, пушистые, недоступные… Или сосредоточенно и спокойно вслушиваться в мягкое, может быть, чуть ворчливое, но ненавязчивое бормотание укромной лесной речушки.

Заострять своё внимание на неуловимой чёрточке в природе способен лишь человек спокойный и мудрый, достойный предпочесть общему ликованию тихую вкрадчивую радость. Такое всматривание в окружающий тебя мир под стать глубокому чувству или единственно верной мысли, высказанной не впопыхах, на бегу, а наедине с природой, её голубыми лёгкими небесами и зелёными сочными нивами.

Живёт человек на земле не год и не два, и кажется, всё ему давно известно, но только не приходит он в лес для потаённого с ним разговора до тех пор, пока не обнаружит в своей душе истинную боль, пока не произнесёт про себя всерьёз слова о смысле жизни и смерти, и не почувствует жгучую потребность кого-нибудь полюбить… И безвозвратно проплывают мимо напоённые лёгкой радостью облака, холодные речные струи чуть слышно нашёптывают присмиревшим берегам что-то удивительно приятное и убедительно важное, сдержанно покачивают упругими верхушками гибкие сосны, величественно и мудро расходуя скрытый в своих телах свет. Всё в лесном царстве дышит полной жизнью, в спокойном созерцании ожидая внимательного прикосновения к себе человека.

ЛЕСНАЯ ДОРОГА

Лесная дорога человеку не чужая, но и не близкая… Наполняя его жизнь недостающим смыслом, в напарники к нему она не просится, душу свою исхоженную и, тем не менее, никем не понятую, не открывает. Радуется или печалится дорога, только когда человек её собственными чувствами меряет, причисляя ей, незаметно для себя, собственные переживания.

Но не измерить её ни шагами, ни ежеминутно сменяющими друг друга настроениями. Неторопливо бежит она под ногами, за каждым лесным поворотом открывая новое только тому, кто неутомим.

ДУШЕВНЫЕ МАНТРЫ

Осуществляя однажды у себя в деревне горловое пение как одну из практик древнетибетской дыхательной гимнастики, я неожиданно обнаружил, что исходящая при этом звуковая вибрация отрицательно воздействует на … комаров. Только что надоедливые насекомые кружили по всему дому, мешая мне сосредоточиться, как куда-то все исчезли, будто их и не было. А может быть, наоборот, необычная звуковая тональность так зачаровала насекомых, что они, словно околдованные, просто замерли, безропотно внимая пронизывающей воздух мелодии.

Комары, видимо, были не в силах пошевелиться от этого охватившего всё пространство оцепенения, необыкновенной для них музыкальной дрожи, почему-то предпочитая её своему заунывному жужжанию. Горловое пение человека оказалось более глубоким, гармоничным, совершенно повергнувшим своей силой и мелодичностью неугомонных насекомых, и я решил впредь непременно воспользоваться им, оказавшись в летнем лесу.

Правда, при этом меня самого не покидало ощущение, что моя внутренняя мелодия исходит не из меня, а из Вселенной, и реакция комаров будто открывает во мне неведомое око возрождения, благодаря чему ты постигаешь, какое важное значение может играть в мире лишь одна растущая душа, черпающая силы из неистощимого источника Мироздания.

Вскоре я действительно очутился в июльском лесу и вынужден был заночевать в маленькой избушке у реки. Усевшись, поджав под себя ноги, у костра, я принялся сосредоточенно производить горловые звуки, которые лились над водой низко, сочно и полно. Вокруг тихо качали головами сосны и ели, зудящие комары будто замерли в воздухе, и я стал замечать, что мой сознательно пониженный тембр голоса, как это ни удивительно, постепенно изменяет течение струящейся рядом жизни.

Мантры, со своим особым вибрационно-резонирующим строем, вызывали в окружающей природе ещё большую гармонию, будто возвращая ей нечто молодое и мощное, но однажды почему-то утраченное. А комары, кажется, только радовались предоставленной им возможности побездельничать, восторженно приплясывая на одном месте в мягко роящихся над землёй летних сумерках…

НЕВИДИМЫЕ НИТИ ПТИЧЬИХ ТРЕЛЕЙ

Что заставляет птиц петь? Может, песней птицы благословляют радость своего поднебесного существования, ни с чем несравнимое ликование от возможности бесконечно парить в вышине? Но так ли безмятежны воспарения их маленьких душ, если рано или поздно им придётся всё-таки опуститься на землю для выполнения своих самых насущных забот – сооружения гнёзд и выведения в них птенцов?!

Неповторимыми голосами птицы знаменуют, вероятно, разрешение собственных проблем, и песня незамедлительно вырывается наружу, свидетельствуя о торжестве жизни. Птица искренна в своих побуждениях, её веселье и печаль не замутнены сомнением, и чем вдохновеннее она поёт, тем справедливее её отношение к самой себе. Ведь любое пение предполагает чистоту помыслов, и нет существа более ответственного за переполняющую его жизнь, чем птица.

Недаром говорят, что жаворонок на невидимых нитях своих, никем не превзойдённых, трелей удерживает всю землю.

ВОСТОРЖЕННЫЙ АПРЕЛЬ

Весной я становлюсь восторженным апрелем, что прилетает на землю неведомым и прекрасным юношей, готовым всех обнять и осчастливить. Каждого касается он своим невидимым крылом, и каждый чувствует его проникновенное присутствие, и становится моложе.

Только один месяц продолжается это чудесное перевоплощение, но его вполне достаточно, чтобы летом ты заслуженно пресытился роскошным июлем, а осенью ощутил себя умудрённым ноябрём. Пронизанный искрящимся светом своевольный январь отзовётся тогда в твоей душе сладостным предчувствием долгожданной юности мира.

ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ

Замечал ли кто за собой, как улучшается настроение после соприкосновения с лесом? Вся злость сразу исчезает, хочется быть добрым, перестать лгать и подличать, более справедливо относиться к старшим и детям, стать достойным собственных возможностей. Не каждый труд способен открыть для человека подобное состояние.

Сродни общению с лесом в пробуждении здорового душевного настроя – пробежка с вёдрами на колодец…Стоишь над уходящим в холодную темноту срубом, смотришься, запыхавшись, на колышущуюся в ведре студёную воду, и чувствуешь себя весёлым и добрым. А идя обратно, и стараясь не расплескать ни капли, здороваешься с каждым встречным, пусть даже и незнакомым тебе человеком.

Ни следа какой-либо лени или печали в себе уже не испытываешь. Дверью впустую теперь не хлопнешь, при виде первых капель дождя за окном не скривишься, и до беспричинного окрика ни за что не опустишься. Так велика власть окружающей человека природы с её пушистыми облаками, грибным дождём и первозданной в своей чистоте колодезной водою.

В лесу открываются глаза, и ты начинаешь различать в себе то, чего никогда бы не ощутил в городе. Увидев себя, мир другого увидеть не так уж

сложно, а разобравшись во всём достаточно хорошо, можно встать рядом. Например, с деревом, которому необходима помощь, или с выпавшим из гнезда птенцом. Все, кто бы они ни были, оказываются тебе родными и близкими, будто ты вместил в себя и их полноту восприятия мира.

ПРАВО БЫТЬ СВОБОДНЫМ

В конце февраля возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга, которым, после боёв, остаётся самый сильный. Каждый волк, в меру сил и возможностей, старается отстоять собственную свободу выбора. Волк знает, что делает: добившись победы, он доводит права победителя до логического конца.

Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа, и когда он настанет, также надёжно, не теряя выдержки и достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не теряют права быть свободными, сильными и независимыми, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободным. Свобода не даёт ему покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он старается поскорее найти более лёгкий путь следования, отказавшись от неё. При этом человек ещё посягает и на свободу других, не имея на то никакого права.

Жизнь обитателей леса более гармонична, нежели жизнь людей, потому как является самым обыденным естеством всего сущего. В отсутствии извращённого разума, то есть разума с расчётом, животные живут, конечно, суровее, но значительно проще и надёжнее человека, а боль у них присутствует лишь в той мере, в какой её не достаёт для поддержания жизни.

МОИ ГЛУХАРИНЫЕ ХЛОПОТЫ

Целый месяц хлопотал я как-то рядом с глухарями: будил их, разбирал на снегу замысловатые наброды и чертежи, искал места новых токовищ, радовался их стремительному и тяжёлому полёту, слушал непостижимую весеннюю песню, но … не стал им ближе. Глухари жили своей трепетно-осторожной жизнью, а я своей, начинающей казаться мне непутёвой и бездумной. Все попытки сблизиться ни к чему не приводили. Я был бесконечно далёк от великолепных птиц, и всё же они меня безотчётно манили.

Каждый день, затемно, я уходил к ним из избушки, чтобы приблизиться, хотя бы на чуть-чуть проникнуться их таинственным существованием, подсмотреть что-то недостижимое, ещё не виданное мной, но всё было напрасно. Глухари, в лучшем случае, терпели моё присутствие, а в самый неподходящий момент – улетали. И ничего нельзя было с этим поделать. Просто принять, как вынужденную и не совсем приятную действительность.

Глухари не издевались надо мной – они жили своей потаённой, лесной жизнью, в которой я оставался лишним. Но как было приятно пытаться почувствовать себя глухарём – этой диковиной птицей, что каждую весну поёт о неизведанной для нас древней любви.

ДРЕМУЧИЕ ЕЛИ

Когда густые ели вдруг сменяют могучие сосны, неожиданно вырастающие перед тобой нескончаемым бором, лес становится, на короткое время, привлекательнее, но потом скучнеет. Однообразие безукоризненных корабельных стволов и пышного благородия крон почему-то утомляет.

В соснах редко услышишь щебет птиц, хотя они очень красивы, и пристальней вглядываясь в эту убегающую ввысь розоватую недостижимость, в душу закрадывается, скорее, задумчивое равнодушие, нежели радость. А чуть позже – затаенная убеждённость, что сказочную таинственность придают лесу только дремучие ели.

ВЬЮГА

Иной раз, сквозь сон, чувствуешь, как тоскливо за окном вьюге… Уютнее свернувшись под одеялом, думаешь, как она одинока и беспомощна в бушующем море снегов. Даже не смотря на свою удаль.

Можно представлять себя ясным месяцем, изредка посверкивающей в холодном небе звездой или даже голодным волком, но никак ни вьюгой. Знаешь наверняка, что сердце не выдержит её безжалостно застывшего крошева, и лопнет от невыразимой тоски, когда закружится, как и она, в безудержном танце зимы.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Каждому времени года присущи свои черты… Зима, например, имеет ровный, уверенный почерк. Ей не страшна никакая оттепель, пытающаяся опередить время.

Весна – самая доброжелательная пора, в ней – высшая откровенность природы, когда всё раздаётся, поёт и ширится, раскрывая её необозримую глубину.

Лето до предела насыщено жизнью, которая создаёт общее настроение удивительной радости и покоя, оно с наслаждением вторит каждому шороху под ногами, птичьему возгласу, копошащимся вокруг запахам. Всё окружающее в нём создано для того, чтобы подчеркнуть, выявить любую

мелочь в отдельности во имя общего жизнетворчества, благодаря которому всякая былинка в природе умывается и очищается.

Осень же приносит ясность дальнего видения, что не отрывает от земли, а только приземляет и делает её ещё более родной.

Уверенный и открытый, очищенный и просветлённый, устремляешься невольно ещё к какой-то неизведанной стороне этой удивительной жизни, что, может быть, вознесёт к такому чудесному времени, в котором всё пережитое ранее покажется лишь полузабытым отголоском бесконечно утраченного, но дорогого вселенского детства.

ВСЕСИЛЬНЫЙ ЛЕС

Лес всесилен. Какую бы большую кручину ты ни приносил с собой в него, он при этом не обезличивается. Стойко и невозмутимо стоит он, поглощая собой любую беду, и всегда незаметно спасает.

Часто я забывался в лесу, потому что он навевал сладкий сон, какое-то неведомое счастье, с которым, была такая боязнь, более уже не встретишься. Незаметное блаженство, что живёт рядом, но часто не замечаемо, снисходило на меня.

И ещё глубокая убеждённость: когда-нибудь наступит такое время, что сама собой поднимется и навсегда исчезнет опустошающая человека буря бессердечности, по закону торжествующей добродетели на землю спустится прародительница-справедливость, берега рек и равнины опять оденутся девственным лесом, в лесах заведутся дикие звери и птицы, а на небе по-оперному вспыхнут божественные звёзды. И, наконец-то, уснут мёртвым сном человеческие дикие нравы там, откуда им никаким злым воображением не достичь светлого мира, даже если этому воображению представилась вероятность хоть на мгновение воскреснуть.

ЛЕСНОЙ ЗАКОН

В лесу необходимо оставаться умудрённым зверем, но не человеком. Не открывай раньше времени себя и то, что знаешь, другому в лесу, и тогда всё у тебя будет по-прежнему получаться. Начинаешь же кому-либо что-то показывать, объяснять – тотчас теряешь понимание, слух, зрение и, в конце концов, жди неприятностей.

Человек, если он не случайно оказался в лесном мире, должен оставаться один, и сам дойти до всего. Быть незаметным, взвешивать каждый шаг, восхищаться только в своей душе – таков лесной закон.

Неприменим он, пожалуй, к зверёнышам – смышлёным детям с ясными глазами и тёмной душой, лишь изредка притихающим перед силой лесной жизни, а затем вновь принимающимся беззаботно резвиться, позабыв обо всём. Радость их лесного бытия призвана временами смягчать извечную настороженность чутких и мудрых родителей.

ГДЕ-НИБУДЬ В СТАРОЙ ЧАСТИ ГОРОДА

Бывают такие зимние сады, в которых с наслаждением бродишь по дорожкам, осыпаемых снежными хлопьями… Где-нибудь в старой части города или села, достаточно удалённые от шумного центра, чаще всего – неподалёку от леса, они удивительно располагают к уединению.

Под вечер окна ближайших уютных домиков, непременно с какими-либо непритязательно вырезанными, но загадочно украшающими их наличниками, зажигаются оранжевыми огоньками, и тёплые лучи от них ложатся поперёк заснеженных аллей. Всё окружающее пространство постепенно тонет в потемневшем воздухе, так что скоро уже нельзя различить опускающихся снежинок, и ты с приятными надеждами ступаешь по ровно устланной ими земле.

НЕИЗГЛАДИМЫЙ СЛЕД ЛЕСА

Порой начинает казаться, что деревья в лесу всё видят и понимают. Наблюдают пристально, но ненавязчиво за каждым твоим шагом и, может быть, даже мыслями.

Все перемены настроения и повороты растревоженной лесом души им хорошо известны. Не сказать, чтобы ты носил в себе это ощущение постоянно: оно лишь временами подкатывает к горлу неизъяснимым комком, с мягким томлением тревожа грудь. И всегда кратко, словно лёгкий ветерок, появится откуда ни возьмись, опалит застоявшимся прохладным холодком, и отпустит, в тоже время оставив в душе неизгладимый след.

След этот ты можешь беречь очень долго, и он часто никак не проявляет себя. Живёт в тебе незаметно, скрывая истинную суть леса: то отступает в темноту, то появляется во снах. Однажды, по одному ему ведомой причине, он негаданно исчезает, уступив место удивлению и … страху. Страху не слепому, а коленопреклонённому – из уважения и почитания к лесу.

С этого момента лес уже не спускает с нарушившего его чистоту своего недремлющего таинственного внимания, но человек сам, рано или поздно, наказывает себя, теряя осмотрительность и совесть, и неминуемо когда-нибудь оступается, потеряв над собой контроль. Лес в подобных ситуациях не становится зловещим: таковым он начинает казаться утратившему достоинство человеку. И вот тогда он пугает своими очертаниями, темнотой и звуками, и даже ясные отсветы тонкорогого месяца стелются по притихшей земле как бы с потаённым коварством.

Охваченному гнетущими сомнениями и ужасом окружающей обстановки человеку хочется укрыться от неумолимого взгляда чащи, а любое бегство, как известно, оборачивается тупиком. Лес оказывается западнёй, на которую то и дело наталкивается бегущий. Своей неприступностью лес будит в человеке осознание допущенного им зла, и

несоразмерность совершённого опускается на плечи того невыносимым грузом. При всём этом лес остаётся непререкаемо величествен: ведь он ещё в достатке располагает тем, что и не снилось многим, не вошедшим в него людям.

ОБРЕТЕНИЕ ПОКОЯ

Неоднократно замечал за собой, но так и не понял до конца: в лесу всякий раз ты становишься другим: отрешённым, делающим всё непроизвольно, зато точно так, как надо, и без лишней суеты. И никогда не обращаешь внимания на подобное состояние, воспринимая его как должное.

А однажды вдруг открываешь: сколько в тебе существует простого звериного знания, проявляющегося только здесь, в лесу. Оно, это, несомненно, врождённое умение вести себя в привычной и, между тем, давно забытой за предыдущие жизни природной обстановке, тотчас просыпается, как только ты в ней оказываешься. Как будто именно для этого тебе предназначено жить, и лишь в лесу твоя душа обретает недостижимый среди людей покой.

НЕБО НА ПЛЕЧАХ

А так ли высоко на самом деле небо?! Оно соприкасается с землёй везде, где жив человек…

Совсем необязательно дотрагиваться до него вздёрнутыми ладонями: небо всегда лежит на плечах человека, незаметно перетекая в его душу.

ОБАЯНИЕ ЛЕСА

Обаяние увиденной тобой лесной жизни обычно возникает благодаря какой-нибудь мелочи. Может, это будет кучка наваленных дятлом сосновых шишек, нанизанная на сучок сорокопутом крохотная синица, утерянное тетеркой, ещё тёплое перо или изгрызенный белками лосиный рог… Что угодно может подвернуться тебе в лесу, но всегда оно как-то тихо поражает, и ты идёшь не спеша, и с удовольствием размышляешь о своей замечательной находке. Радуешься незаметно, сам с собой разговариваешь, а то и рассмеёшься: счастливее тебя сейчас, кажется, никого не отыскать.

Поначалу – это просто подсмотренная у леса тайна. От обладания ею на душе действительно становится радостно. Затем неожиданно рождается мысль, что постепенно складывается в удивительно простую и замечательную фразу. Тебе уже хочется написать рассказ, и ты мучительно

подыскиваешь к неожиданно возникшей фразе или мысли сюжет, чтобы он был краток и наполнен поэзией леса.

Лихорадочно подбираешь название своему ещё не обрётшему форму рассказу, а мимо неслышно проскальзывают удивительные лесные картинки, будоража твоё воображение. Но название никак не приходит, что, впрочем, не расстраивает. Просто ты по-хорошему уже заболел всем, что тебя захватило в лесу, и лечиться никакого желания не испытываешь.

СЕРОЕ УТРО

В весеннем лесу никогда не бывает тихо, даже ненастной ночью… Ещё до пробуждения глухаря, под монотонный холодный дождь, вдруг сипло запоёт встрепенувшийся дрозд, и не умолкает уже до самого рассвета. Часа в три лениво протянет над самой твоей макушкой невидимый вальдшнеп и, утробно прохоркав своё недовольное «хор-р-хор-р, цвиг-г-цвиг-г», свалится в молодые ёлочки, у самой опушки.

Промозглый туман медленно ползёт из глухолесья на поляну, а глухарь беспокойно гомозится на суку, утробно зобает своей древней гортанью, и никак не может уразуметь: петь ему или не петь? Его переживания подхватывает серое утро, что, кажется, тоже досадует на непогоду, и льёт на еле различимую поляну свой белёсый промозглый свет…

СОЛОНЦЫ

Сколько раз находил я в лесу старые лосиные солонцы с обветшалыми корытами, выдолбленными когда-то из мощных осин, куда уже давно никто ничего не подкладывал. Солонцы эти устраивались обычно в ложках у ручьёв – местах достаточно сырых и долго удерживающих запахи, и потому следы зверей хорошо отпечатывались во влажном грунте, а подсохнув, надолго сохранялись.

Запах же, особенно в летнее время, стоял и слышался в воздухе за сто шагов. Лоси, как ни странно, продолжали из года в год посещать заброшенные солонцы, опять устраивая там лёжки, где иногда оставались на отдых, и словно чего-то терпеливо ожидали… Велика привязанность зверей к человеку, которых он однажды приманил лакомой солью, но безответственно позабыл об этом и оставил.

ДЕЛА

Бог для меня – истина, которая постоянно укрепляется благодаря духовному опыту, приобретаемому в совершаемых делах. По ним-то и видно сознание каждого. Дела могут касаться чего угодно: и литературы, и взаимоотношений с людьми, и обыденной жизни.

Например, однажды у меня выкопали яблони, а я взял и, несмотря ни на что, посадил другие. Или, случилось дело, сломал я как-то при весенней посадке хрупкий саженец груши, но не выкинул его, а осторожно перевязал, посадил и поливал сухую веточку два с лишним месяца, пока она не выпустила листочки…

Решаясь в своей душе на определённые усилия, мы непременно обретаем знания, с ними к нам приходят необходимый опыт и вера в божественное начало. В конечном итоге, осознание того, чем мы обладаем с рождения, но никак не можем воспользоваться для достижения подлинной жизненной мудрости…

КЛЁН

Всем известен клён – дерево, хотя и не лесное, но не менее интересное благодаря разлапистым листьям, напоминающим ладони. На первый взгляд, действительно, кажется, будто он всё время куда-то пытается дотянуться и что-то удержать. А может быть, так дерево охорашивается?

Но если посмотреть внимательнее, то листья его не воспринимаются как лапы, и это неожиданное открытие приводит к видению в нём иной сути: клён, скорее всего, остаётся неравнодушным к тому, что его окружает, и просто всех дружелюбно приветствует. Дерево способно на такое…

Оставаясь в домах людей неугасимым отголоском уходящей осени, он своими листьями-опахалами ласково урезонивает наше разыгравшееся за лето воображение, а утихомирив его – неожиданно обескураживает незавершившейся в себе доброй жизнью.

РОДНЫЕ СУЕВЕРИЯ

Удивительно наблюдательный и сметливый русский крестьянин, не пропуская мимо ни единой мелочи, и в суевериях своих оставался обаятелен, ярок. Так, в неумелом полёте коростеля с несуразно вытянутой шеей и коротким хвостом, он готов был углядеть способность птицы пешком совершать далёкие путешествия: осенью – на юг, а весной – на север, хотя виною тому служили её ночные перелёты, которых видеть никто не мог.

За то, что мёртвые клесты долго не разлагаются, простой человек считал птиц святыми, и это народное поверье подтверждал их крестообразно устроенный клюв, которым они, якобы, вытаскивали гвозди из креста с распятым на нём Христом. Тогда как на деле клесты просто всю жизнь питаются смолистыми семенами сосны и ели, и тельца их оказываются сильно забальзамированными, а перекрещивающимися половинками клюва птицам сподручнее управляться с замёрзшими шишками.

По убеждению мужика, даже обычный удод признавался не иначе, как зловещей птицей, предсказывающей человеку смерть. Но всё, опять же, по причине того, что птицы эти исконно живут в глухих лесных местах, нередко

облюбовывая старые, заброшенные кладбища с покосившимися крестами, да помимо всего, именно благодаря стараниям того же находчивого крестьянина, ещё издают голосом звуки, напоминающие недобрые слова: «Худо тут! Худо тут! Худо тут!»

ЛИСТОЧЕК

Свежо в весеннем распустившемся лесу, густ и покоен ароматный воздух, и вдруг закружится в нём иссохший прошлогодний листочек… Падает медленно, долго, и так тебя это тронет, что позабудешь и про весну, и про богатую вальдшнепиную тягу накануне, и про то, как горят раздавленной клюквой брови у старых петухов-чернышей, чья страстная песня всё утро разносится над подёрнутой душистым парком речной долиной, и не смолкает.

А всего лишь – сморщенный листочек, трепетное напоминание о том, что давно отжило, но … не умерло.

ЧАС ПРЕОБРАЖЕНИЯ

К середине апреля лес, наконец-то, пробуждается и оторопело смотрит вокруг зеленовато-мутными глазами. Множество запахов кружат в нём голову, первые цветы решительно раздвигают подстилку из слежавшегося прошлогоднего листа, а берёзы наливаются соком, так что из каждой надломленной ветки летит на оживающую землю сладкая капель.

Набухают почки, густо течёт по стволам елей чистая смола, сдвинувшийся неведомо куда воздух так чист и прозрачен, что слезятся глаза. Тронулась, вроде бы, весна, пошла-поехала по потаённым лесным сузёмкам, но самый час преображения в природе подступает неуловимо: вчера, ввечеру, лес стоял ещё совсем голый, буровато-серый, а под утро уже весь окутался нежной зелёной дымкой.

НОЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Сколько бы ни мечтал унестись в звёздное небо зимой или весной, помочь в этом способен лишь ночной ноябрьский ветер… Удивительно, но только с ним почему-то можно ухватить часть звёздной жизни, быть там, сколько захочешь и, пока все спят, беспрепятственно вернуться на землю.

МИЛЫЙ ШМЕЛЬ

В отличие от хозяйственных домовитых пчёл, всё лето усердно переносящих пыльцу и нектар в ульи, шмель не имеет своего дома и, нагулявшись в своё удовольствие за нескончаемо летний день, лениво засыпает под вечер где придётся: внутри лилового колокольчика или в закрывшемся бутоне ароматного шиповника.

ЗАЮШКА-ГОРНОСТАЮШКА

Приходит весной такой день, когда всякому живому существу в лесу хочется показать себя с самой выгодной стороны, и оно так забывается в этом неудержимом стремлении, что на время теряет свою природную суть. Зайцы, к примеру, начинают ошалело носиться по закраинам полян и в перелесках, силой и прыткостью хвалясь перед возлюбленной. Вся эта беготня сопровождается истошным верещанием, так что заяц, в порыве страсти, совсем теряет осмотрительность, и даже может в своей суете угодить человеку прямо под ноги, изрядно его напугав.

Возбуждая себя подобным образом к любовным достижениям, заяц порой доходит до такого состояния, что уже ничего, кажется, не боится, а вернее – не замечает. И вот, бывало, если окажешься в этот момент с ним рядом, да изо всех сил свистнешь ему чуть ли не в ухо, то зверёк сначала оторопеет, затем с него слетит вся весенняя бравада, и мигом сделается он опять робким заюшкой-горностаюшкой, обретя тем самым своё истинное лицо.

МОЯ ЛЕСНАЯ ДУША

Удивительно мне теперь вспоминать, что в детском возрасте я прекрасно чувствовал и понимал природу, хотя и не мог ещё этого объяснить. А вот отец, который рано начал брать меня в лес и не зря слыл в своём кругу отменным стрелком, сам, не без оснований, считавший себя заправским охотником, её так тонко не воспринимал.

Мало того, он был очень удивлён, даже поражён, когда десятилетним мальчишкой я вывел его, заплутавшего вместе со мной, из чащи, да ещё, в подтверждение своей правоты, указал ему на глухариные наброды, которые мы миновали несколько часов назад, оставив рядом и свои следы. И это в совершенно незнакомом лесу, вообще, оказавшись в нём в первый раз!

Как будто вышло так, что лес зачем-то, ещё давно-давно, забрал меня в свои недра - и так и не выпустил, а я жил в нём в разных образах, узнавал всё больше и больше, и постепенно приближался к тому, что я сейчас из себя представляю. Куда-то приведёт меня эта таинственная лесная душа!

РАДУГА

Только радуга в земном мире не имеет оборотной стороны, она не отбрасывает даже тени, но, находя прелестные отзвуки лишь в наших душах, не перестаёт радовать именно тогда, когда мы менее всего ожидаем её чудесного появления.

УШЕДШЕЕ ЛЕТО

Вот и ушло лето… До чего же хорошо было в нём! Как-то неторопливо, но скоро пронесло оно перед нами своё прекрасное тело, и душа тонко прочувствовала все его ароматы, цветы и песнопения, и запомнила их. И, конечно, восхитилась роскошному жару, проникновенному свету нескончаемых дней, томительному ароматному духу, тихо пробирающемуся каждую ночь через окно прямо к тебе в постель… А как прекрасно было в саду поутру!

Жизнь же людей за всё это время воспринималась несравненно упрощённее, скучнее, почти условно, как некое достаточно обременительное и вынужденное действие, без которого, к сожалению, не обойтись…

С великой радостью и печалью несу я в душе ушедшее лето, думаю счастливо обо всём приключившемся в нём, с благодарностью принимаю в сердце его ласковое засыпание, и сам, незаметно, становлюсь покойнее, чище.

МАЙСКИЙ СВЕТ

Майский свет уже не назовёшь ярким, как мартовский или апрельский, которые ослепляют, свет этот не такой проникновенный, и он уже не врывается в твоё восприятие, зато, благодаря ему, душа начинает всё видеть, становясь огромной.

ВСЯ ПЕЧАЛЬ И МУДРОСТЬ МИРА

Вся печаль и мудрость мира заключена в том, что самое крохотное животное подвергается угрозе быть истребленным, но, тем не менее, пытается уцелеть, любыми путями защищая своё появление на свет.

ЕЛЕ УЛОВИМЫЙ АРОМАТ

Потаённая нежность маленькой лесной гвоздики сродни прикосновению девичьих губ или взмаху ресниц, в мгновение вспорхнувших и вернувшихся к своему покою. Цветы так же неожиданно вспыхивают в траве, обдавая своей восхитительной невинностью.

У неё, конечно, есть свой запах, вернее, еле уловимый аромат, и он, наверное, становится присущ молодым девушкам, когда они, сидя в траве, составляют для себя из этих цветов маленькие букеты.

ОТЧЕГО СТАРЕЕТ ЧЕЛОВЕК?

Человек стареет не столько от возраста и несчастий, ощущения собственной никчёмности и осознания невозможности никогда больше не стать молодым, сколько от нежелания принимать жизнь такой, какая она есть, и идти, несмотря ни на что, дальше, оставаясь сильным в жизненных бурях. Как это выходит у деревьев, что переживают лишь подлинную радость и цельность от взаимодействия с окружающей средой, отчего существуют дольше человека и, даже когда оказываются покалеченными, не прекращают роста.

СТРАСТЬ К ЛЕСУ

Страсть к лесу пробудилась во мне ещё в раннем детстве, когда отец принёс домой огненную лису, тяжело покоящуюся у него на плече. Мать поцеловала отца, перегнувшись через подоконник, а я никак не мог отвести глаз от пушистого хвоста лисы, свисающего до самой земли, и её хитрой вытянутой морды. Казалось, будто лиса только прикинулась мёртвой, вот-вот встрепенётся и ускользнёт с нашего двора.

КОГДА УЛЕТАЕТ ДУХ ВЕСНЫ

Вот и распустилась сирень, и сразу стало ясно, что дух весны уже улетел куда-то далеко-далеко, совсем растворился, а лето ещё не наступило, хотя повсюду разрастаются травы и появляются всё новые цветы. И тебе вдруг отчего-то становится так грустно, что хочется превратиться в маленькую бледно-голубую фиалку и, как весна, затеряться под каким-нибудь низеньким кустиком.

БЕСПОКОЙНЫЕ ЛИСТЬЯ

Даже когда листья опадают, они не находят себе покоя: кружатся, вихрятся, подымаются до самых верхушек деревьев и опять укладываются на холодную землю, а то опрометью мчатся над опушкой, беспомощно застревают в густых еловых ветвях, и всё рвутся и рвутся куда-то, не успокаиваясь… Куда-то им ещё, должно быть, надо долететь, чего-то успеть, и ты никак не можешь постигнуть: в каком листе больше жизни – в растущем или в оторвавшемся, уже совершенно от всего свободном?

ИЮНЬСКОЕ СОЛНЦЕ

Солнце июньским вечером нехотя опускается за горизонт золотой красногрудой птицей, толкается в малиновых облаках, будто влюблённое рыжее сердце, и всё машет своими огненными крылышками, машет, даже на короткое время не желая оставлять только было очнувшегося от весны и вновь позабывшего себя в летней роскоши человека… В преддверии скорого солнцестояния ему совсем не хочется поворачивать на зиму, что кажется сейчас такой недостижимой!

БЕЛКИ

Милые пушистые белки, лишь изредка доводящие себя до озорства, в апреле просто преображаются, когда затевают брачные схватки. Их гибкие тельца неумолимо сталкиваются, хвосты переплетаются, встревожено летят по воздуху колчья шерсти…

Взметаясь упругими комочками к самым вершинам высоких елей, белки тотчас скатываются вниз, на снег, ошалело бегают между валёжин и возбуждённо цокают. А потом - короткая возня, жалобный писк, и вновь, стремглав, наверх, где победителя уже встречает другой разъярённый соперник.

Белки так забываются в этой схватке, что ничего не замечают. Маленькие бусинки глаз грозно горят, тельце то и дело вздрагивает, а хвост бессильно бьёт по веткам, так что вниз сыплется мелкая шелуха.

Где уж тут, кажется, до самки, что сидит тихонечко на нижнем суку, почти у самой земли, и даже не решается принять какую-либо сторону. Бесшумно переживает она бой самцов, лишь изредка издавая протяжный ласковый звук, как будто призывая их прекратить всякие распри и, наконец, обратить на неё внимание.

ЖЕНЩИНА И ВАСИЛЬКИ

Обычные полевые васильки так трогательны и чутки, что легко переливаются в глаза женщины, наполняя их небесной чистотой, когда она, бросившись в траву и широко раскинув руки, готова обнять все цветы. Подставив лицо солнцу, женщина поначалу даже не заметит, что медленно впитывает их аромат, и пронзительная приподнятость цветов входит в неё благословенным теплом, проявляясь в глазах синевой. Она, скорее, причислит это счастье только небу, и будет невольно теребить махровые лепестки василька в руке, чему-то улыбаясь… Цветок тогда сразу отдаст всего себя, и женщина, наконец, почувствует это, поднесёт его к губам и поцелует.

ФИАЛКА

Тончайший дивный цвет и прохладу нежных листьев изливает в лесу божественная фиалка… Небесным провидением, наверное, уготован фиалке чарующий свет, что обронила однажды на землю природа.

Фиалка – символ неизбывности девичьих страстных сил, терпеливо копящихся в ней и выплеснутых весною. В имени её – великая нежность, изысканность и ароматный пыл. Фиалка – девушка, слегка вкусившая любовного напитка: с невинностью уже простилась, а броситься опрометью в водоворот любви – сладостная жуть!

Удивительные предания витают над ней, любовные видения, муки – как всё это превозмочь молодому, жаждущему любви сердцу? Терпения набраться? Или священными запретами всё же пренебречь? Недаром фиалку нарекают кроткой и застенчивой, скорее скромной, чем роковой.

Божественный цветок свят и в изъяснении своих чувств. Лишь изредка позволит себе сладкую игру, которую никто и не заметит. И так все пленены нежным ароматом, который фиалка никогда не теряет.

Заложенная когда-то мужчиной между страницами книги, давно высохшая, фиалка не перестаёт изливать горячий и пряный запах своей сохранённой юности. За вереницей бесконечно сладостных утех её первый и последний любовник, тот, кто её сорвал, уже забыл подаренную ему фиалкой прелесть восприятий, а она всё надеется, ждёт и, как и прежде, во мраке ли ночи или чутком утреннем пробуждении, своим ароматом погружает мужскую душу в благоговейную сосредоточенность, окрыляя. Тем и живёт.

Полюбить фиалку легко, завоевать же её любовь не просто. Будь ты хоть гиацинтом, маком или тюльпаном! Фиалка выбирает своего возлюбленного сама.

Им может стать и не цветок, а просто ветер, разбрасывающий семена цветов. Как Гёте, что не выходил из дому, не насыпав их в карман. Шёл и сеял семена вдоль дорожек в окрестностях Веймара, где тогда жил. Фиалка бы, наверное, влюбилась именно в него – божественно-задумчивого, милого и неземного.

И всё же более всего фиалки благосклонны, вероятно, к женщинам. Для них покачивают цветы поутру головками, им распускают свои хрупкие лепестки. Без женщин, кажется, фиалки скоро бы увяли, и они ласково глядятся в их глаза, тянутся к ним и в восхищении трепещут, а женщины не в силах им чем-либо ответить.

ВЕСЕННИЙ РОКОТ

Иной раз какая-нибудь птаха поёт на вершине высокой ели, а песня её не достигает земли… Видно только, как раскрывается клювик и распушаются перышки на горле, но ты почему-то не уходишь, терпеливо вслушиваешься, пытаясь разобрать тоненькие птичьи трели, и, всё же, ничего не слышишь.

Ухо улавливает лишь общий весенний рокот, то ускользающий, то нарастающий, в который, ты вдруг понимаешь, внесла свои мелодичные нотки и эта маленькая птичка… Гул от перекатывающихся весенних звуков опускается до земли, возносится над ней, и ты невольно улетаешь вместе с ним, пытаясь тоже привнести в него хотя бы стук своего растревоженного сердца.

СЛИЯНИЕ С ЛЕСОМ

Чтобы увидеть зверя или редкую птицу, лучше всего ходить по лесу одному, терпеливо вслушиваясь и всматриваясь в окружающую чащу. Если ничего не помешает, какое-либо животное обязательно объявит себя, и тогда нужно, замерев, слиться с лесом. Очень возможно, что зверь даже не почувствует твоего присутствия, приблизится почти вплотную и, может быть, не заметив, пройдёт совсем рядом. Полный радостного открытия, ты будешь стоять, охваченный волнением, с трудом сдерживая свой охотничий пыл.

Так, однажды, отрешённой походкою проследовал мимо меня сильный лось, у которого я разглядел цвет глаз и длинные ресницы, а один сохатый, не обращая никакого внимания на моё близкое соседство, спокойно обдирал молодые веточки осины, изредка всхрапывал, как лошадь, и шумно шевелил толстыми губами…

Разве можно назвать такую охоту бесплодной, когда после всего увиденного возвращаешься осенним вечером в натопленный дом, и по-особому приятно воспринимаешь его тепло и уют!

ЛАНДЫШ

Ландыш – один из немногих цветов, чей аромат, кажется, никогда не забывается. Неназойливый, лёгкий и в тоже время устойчивый, он уже не прерывается в тебе, если ты его хоть однажды изведал. Аромат ландыша что-то вещает и неотступно манит, но встреча с ним всегда неожиданна, и происходит только тогда, когда ты совершил над собой усилие.

Жил ты напряжённо, не замечая даже весны, и вдруг захотелось тебе остановиться и ощутить тайну. Не подозревая, что она может находиться совсем рядом, отправился ты однажды в распускающийся лес, приподнял нижнюю еловую ветку и онемел… Словно лёгкий небесный призрак в тихом блаженстве воскрес перед тобой.

От него пахнуло ароматной прохладой, вмиг опьянило невидимым вином. Благоухающая воздушная струя ударила в голову и закружила, как музыка, что сначала стесняет дыхание, а затем вынуждает лететь, питая неуёмное сердце огнём неистраченной природной любви.

Счастье тотчас охватывает тебя при виде этого скромного цветка. Не зря его свернувшиеся листья напоминают уши лани, а в трогательном имени слышится её девичья пора – ланка, и ты почему-то не решишься завладеть цветком: ландыш предпочитает укромное одиночество. Лишь неунывающая незабудка в соседстве с ним не вянет, а чувствует себя даже лучше и дольше живёт.

СЕРДЦЕ ЛЕТА

Насытившись солнечным раздольем и красками июня, только в конце месяца вдруг, к своему удивлению, обнаружишь, что сердце лета хранится в каком-нибудь тенистом уголке сада, где когда-то весной пощёлкивали соловьи, а теперь глухое затишье и тайна.

ДЕЛО СОЗИДАНИЯ

Добившись совершенства в созидании растительного и животного царства, Творец, однажды удовлетворившись содеянным, вознамерился создать бессмертную душу, которая бы в разных воплощениях своих не уставала расти от жизни к жизни, стремясь достичь божественного состояния… Творцу, наверное, страшно интересно, что из этого получится, и у него для этого давно заготовлено неиссякаемое терпение. Давайте не будем его разочаровывать, потому как нет в жизни ничего более достойного, чем дело созидания, и оно так увлекательно!

ТРАУРНИЦЫ

Шоколадного цвета бабочки-траурницы обычно ни за что к себе не подпускают, а под осень успокаиваются, и их можно брать руками – не улетают. Но вот летом, когда отправляешься в лес за грибами, они кажутся совершенно неутомимыми, летают быстро и высоко, подымаясь даже к верхушкам деревьев, и поймать их почти невозможно.

Отдыхая однажды после удачной грибной охоты, я с наслаждением снял отсыревшие сапоги, поставил их перед собой и стал наблюдать за тремя траурницами, что без устали кружились в воздушном танце над поляной. Бабочки скоро почувствовали привлекающую их соль, и начали смело присаживаться на голенища сапог.

Как только какая-нибудь из них исчезала внутри, я тотчас набрасывал на сапог портянку, и бабочка оказывалась моей пленницей. Отпуская одну, я

таким же нехитрым способом ловил следующую, но бабочки, не боясь тёмного плена, всё возвращались и возвращались.

ЛИСТОПАД

Если всю жизнь ходить в лес, то постепенно в тебе скапливаются невидимые силы, как в дереве, которое расцветает весной, в довольстве и неге проживает лето, а под осень, умудрённое опытом жизни, роняет отшумевшие листья, и листопад этот бесконечен.

Листья летят, подставляя бока осеннему солнцу, и оно высвечивает их разноцветную суть: рыжую, оранжевую, фиолетово-пурпурную, жёлтую – всех оттенков не перечесть. Каждый лист своеобразен, и если ты внимателен и неравнодушен, он навсегда останется в памяти во всей своей красе. Надо не пропустить в жизни этот листопад, которым не перестаёт одаривать нас природа, лететь вместе с ним, отгадывать его для себя и других, и никогда не увядать в чувствах.

Вот и мои мысли о лесе, подобно листьям, рождаются, зреют и отлетают, готовые к восприятию их другими людьми. Но, оторвавшись, они не уносятся безвозвратно в небытие, а становятся достоянием тех, кто больше других желает увидеть, услышать и почувствовать. Именно им – неравнодушным, любознательным и терпеливым адресуются эти строки. Хочется верить, что тот, кто их прочтёт, научится у деревьев, зверей и птиц тому, что долгое время было от него сокрыто.

Когда мысленно восполняешь в памяти все эти, казалось бы, обыкновенные лесные мелочи, мысли-листочки, то постепенно понимаешь, что именно через них входишь в желанный мир, где твоё маленькое «я» заполняется большой неведомой душой леса. Я храню множество таких мелочей и очень хочу, чтобы они стали частицей души всех читателей. Ведь в мире правды нет ничего чужого, и при внимательном рассмотрении всё почёрпнутое в лесу может стать общим, если кто-то пожелает сделать его своим.

Лес – кладовая жизненных сил, и листья-мысли не умирают: заботливый ветер уносит их к человеку. Это кажется, что если листик оторвался от родимого дерева, то с ним надо распрощаться, он погиб, на самом деле он только начинает жить. Всякий листочек, если его вовремя увидеть и подобрать, не пропадёт и станет маленьким открытием.

Листья-мысли созревают, падают, а ты собираешь их, и так постепенно слагается урожай знаний. Сердце твоё, как и весной, наполняется радостью, и радость эта рождает близость всего живого с человеческим миром, призванным реализовать своё истинное «я» в соединении с лесом. Осенний листопад в нём – это плод долгих размышлений, дождь мыслей, предназначенный сыпать для людей неустанно, чтобы они, не переставая, вглядывались в вечность и поверили, наконец, во всемогущего Бога.

Осенний листопад – это ещё и дождь чувств. Зарождаясь зимою, они копятся весну и лето, вспыхивают, угасают и вновь, с новой силой, возгораются под осень, даря человеку надежду. Жизненный листопад – это и встреча, и прощание с дорогими сердцу воспоминаниями, своего рода окончательное освобождение от накопившихся мыслей и чувств, порождённых общением с удивительным миром русского леса, с его чудесным обаянием.

ЗВЕРИНАЯ МОРОКА

Иногда представляется, будто природа допускает огрехи, трудно соизмеримые с широко распространившимся мнением о её гармоничности. Многие животные, питающиеся в основном растительными кормами, вынуждены испытывать потребность в соли, без неё состав крови у них становится неестественным, то есть – нарушается, у них заметно ухудшается пищеварение и соль эту они в лесу, чаще всего, не находят.

Так, лоси и зайцы с удовольствием приходят на подготовленные человеком солонцы… Столь предупредительная природа почему-то не позаботилась о нормальной жизнедеятельности растительноядных зверей, и они вынуждены сами отыскивать способы утоления соляного голода. Зато полностью удовлетворила в этом ценном продукте хищников, поглощающих соль из мяса и крови своей добычи, тогда как растительноядным, соответственно, стоит немалого труда накопить её в себе.

Но, может быть, всё-таки это только кажущаяся недоделка в природе, объясняющаяся очень просто… В отличие от хищников, обречённых на вечный поиск пищи, растительноядные животные, при обилии корма, оказываются более свободными от него, и именно поэтому природа предопределила им хотя бы немного двигаться. Человек же однажды подглядел звериную мороку и решил им помочь.

ОЛЬХА

Ольху, способную заполонить собой всё свободное пространство, не зря прозвали в народе «вражье племя». Нахрапистое дерево неутомимо надвигается сизокорым полчищем на всё живое и душит без разбору, не замечая при этом ничего вокруг. Мало кого из-за этого привлекает ольха, и поэтому её неприглядная сорнячная жизнь протекает скрытно, невыразительно.

Правда, есть в ольхе нечто такое, без чего невозможно представить всё живое: это - её непоколебимое стремление к свободе, когда ольха покрывает собой большие пространства. Но присмотревшись внимательнее, вдруг отличишь в ней нескрываемое намерение действовать по-своему, безо всякого стеснения, отчего вскоре приходит на ум, что не стремление к

свободе одолевает ольху, а необузданное желание теснить всех отовсюду. Только тот по-настоящему свободен в природе, кто не подчиняет других своим страстям!

ЖИВОЙ ОГОНЬ

Огонь в весеннем костре гудит, как в печи с хорошей тягой, и когда я смотрю на небо, то вижу искры, летящие, словно из трубы, вверх, они смешиваются там со звёздами. Не разберёшь: где на мгновение вспыхнувшие искры, а где – вечный свет далёких миров…

Жгучие морозы грызут лес изнутри, в еловых ветвях повисли клочья промозглого тумана, предутренняя тьма незаметно прокрадывается в озябшую душу, но костёр неизменно потрескивает в ночи, хранит алое тепло и добрую печаль, не даёт затухнуть твоему интересу к загадочной лесной чаще. Постепенно кровь опять начинает бодро струиться по жилам, сердце ударяет в такт неизвестным силам, что поддерживают в ночи живой огонь, и хочется лететь, окутанным его пламенем, к не умирающему звёздному свету, и не угасать душой.

БЕССТРАШНЫЙ ЗАЯЦ

Порой звери объявляют себя совершенно открыто, вроде бы, даже не замечая человека. Так, однажды, выскочил мне навстречу заяц, когда я переходил огромную поляну. Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул, и мчался во всю прыть прямо мне под ноги.

Остановившись, я стал наблюдать, чем всё это закончится. Заяц тоже замер, чуть приподнявшись на задних лапах. Когда я шевельнулся, зверёк как-то играючи ударил передними лапами о землю, распрямился и припустил наворачивать кругами по поляне, словно бы и не замечая моего присутствия.

Так он бегал минут пять, даже не пытаясь улизнуть в лес, время от времени приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без устали носиться, а я никак не мог постигнуть: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно, и почему он меня не боится? Боязно, наверное, любое дело, если к нему не приступиться!

ЛЕСНЫЕ СЕКРЕТЫ

Давно уже заметил, что по большей части мне приходится выхаживать лесные секреты, затрачивая при этом значительные физические усилия. Что-то я ищу в лесу и надеюсь в нём однажды увидеть, ведь не просто так часами брожу я по его неведомым тропинкам.

После тридцати пройденных за день километров ноги нестерпимо тяжелеют, под лопатками неприятным холодком свербит тягучая боль, на душе становится как-то неопрятно и пусто. Всё, что ты видел и слышал,

кажется тебе уже незначительным, ты не можешь понять, какие силы гнали тебя в дальнюю дорогу, что именно заставляло тело напрягаться, словом, вразумительных для себя объяснений ты не находишь.

Так обычно думал я, возвращаясь из лесу разбитым, и не верил, что под вечер, подле жарко мятущегося в печке огня, мне вдруг сможет открыться нечто удивительное… Но со временем заполнившие тебя пустота и усталость постепенно отстаиваются, и ты обнаруживаешь в прожитом дне достаточно непознанного, вместившего, оказывается, столько впечатлений, что их, пожалуй бы, хватило не на одну лесную прогулку.

В расслабляющем тело и мысли домашнем тепле, возле жаркой печки, начинаешь понимать, как нелегко бывает достигнуть раскрытия лесных тайн, и что цена каждого, даже самого маленького секрета неизмеримо высока. Порой она вынашивается и выхаживается долгие годы, а многие загадки так и остаются неразгаданными.

МИРНЫЙ ЗВЕРЬ

Довольно-таки мирный зверь барсук на деле оказывается злобным, когда ожесточённо сцепляется с собаками, и невероятно хитрым, если человек застанет зверя в невыгодном для него положении: барсук с поразительным терпением и выдержкой прикидывается … мёртвым. Бывали случаи, когда зверь никак не выказывал своего отчаянного положения даже в рюкзаке охотника, «оживая» у самого дома, когда ему уже не уделяли никакого внимания. Барсук исчезал из-под самого носа, а человек и помыслить не мог, что зверь был жив и обвёл его вокруг пальца.

НЕЖДАННАЯ СВОБОДА

Страдает ли уставший от жизни волк, когда его отринула полная сил молодая волчица? На что волк решается в этой, казалось бы, потерянной для него жизни, если волчица находит более привлекательного и сильного самца?

Обезумев от горя, он, наверное, уходит далеко-далеко, в самые потаённые сузёмы, идёт, сбивая лапы, спотыкается и постепенно обретает в этой беспросветной чаще нежданную свободу, в которой его уже никто и никогда не сможет предать…

ВЕСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

Весеннее солнце всегда будто подсмеивается над тобой, играет в вымытом апрельскими дождями небе, брызжет разноцветными лучами, и ты сам становишься, как игривый ручей, что звонко переливается вдоль

раскисшего большака, по которому ты бредёшь, еле передвигая отяжелевшие от налипшей грязи ноги…

Именно весной, в самую распутицу, охватывает неудержимое желание странствовать, тогда как солнце весёлыми кругами расплывается в небесной синеве, и невозможно удержаться от улыбки, то и дело, взглядывая на него и от удовольствия щурясь.

ОБЫЧНАЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ КАРТИНКА

Всегда памятна и очень радостна обычная деревенская картинка: зимний морозный день, крыши домов укрыты богатыми снежными шапками, над которыми лисьими хвостами тянутся в небо сизые дымки, скрипит под валенками смёрзшаяся узенькая тропка, ведущая к колодцу, а вода в ведре не колышется – стоит стылая, тягучая и такая чистая, что от одного вида её начинает приятно ломить в затылке… Переминаясь с ноги на ногу, долго смотришь в эту прозрачно-выпуклую, переливающуюся на солнце чистоту, и думаешь про себя о простом и хорошем.

САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ

К началу октября погода в наших местах обычно выдаётся тихая, сухая. В лесу всё в постоянной суете: двигается, перелетает, скачет и бегает. Готовятся к зиме белки. Занятные зверьки ведут себя шустро, и выглядят несколько беззаботными.

В такую пору рябчики летят на манок плохо, нужно осторожно подкрадываться к ним, пристально разглядывая в ветвях. Кругленький рябчик на оголённых деревьях бывает скоро замечен, и остаётся только рассмотреть его в образовавшееся на несколько секунд окошко. Многое тут зависит от выдержки, терпения и успокоенной слитности с окружающим лесным царством, покидать которое никогда не хочется.

Подбитый рябчик летит вниз быстро, воздушно тукается в мох и, перевернувшись пухлым животиком кверху, затихает. Подходя к предполагаемому месту падения, в волнении ищешь птицу глазами, и обнаруживаешь у самых ног. Полюбовавшись красной бровью и бравым хохолком рябчика, а также ощутив в руках приятную тяжесть тушки, в глубине души понимаешь, что самое прекрасное – его потаённая лесная жизнь, уже больше не повторится.

Интереснее наблюдать, как озабоченно расхаживает петушок по ветке, аккуратно склёвывая перезревшие ягодки рябины, а жизнь его остаётся нетронутой. Но неимоверно трудно удержаться от соблазна овладения этой красотой. Требуется немалое время, чтобы отказаться от него, и ещё большее, пока научишься любоваться красивой статью лесной птицы, не присваивая себе право распоряжаться её прекрасной жизнью.

РОЖДЕНИЕ ГАРМОНИИ

Ночью проснулся от чего-то непонятного, вошедшего в меня… Открыв глаза, долго лежал, вслушиваясь в распростёртую над землёй ночь. Потом до меня дошло, что вошедшее было тишиной, в которой слышались вкрадчивые шорохи чьих-то шагов, еле уловимое шуршание ветвей и непрерывный блеск звёзд.

Я ещё подумал, что именно так, незаметно, наверное, и рождается гармония. И тогда я вновь уснул, теперь до самого утра.

Во сне к моему затухающему костру приходил зверь, постоял возле и удалился неслышно, а я даже не открыл глаза: так мне было хорошо и покойно. Уже проваливаясь в какие-то неведомые глубины, подумал, что это была рысь, но такая догадка почему-то нисколько не растревожила. Она только слегка коснулась моего засыпающего сознания, так что я почувствовал её тёплое дуновение, и тотчас отлетела ночной потаённой птицей. Шорох её крыльев поглотила темнота…

А потом наступило утро.

ЗАПАХ ДОРОГИ

Чем пахнет лесная дорога?

Она пахнет раздольем незабываемых мужских устремлений, замечательным одиночеством, наполненным гармонией с окружающим тебя миром, и ещё – еле уловимой звёздной пылью, на мгновение охватывающей тебя морозной весенней ночью, когда хочется жить от счастья сопричастности со всей Вселенной.

Лесная дорога напоминает тебе позабытый с детства вкус радости, которую ещё может принести, наверное, только женщина, что однажды принесла в твоё сердце любовь.

Дорога – сама женщина, безоглядно увлекающая и повергающая тебя в прекрасную безызвестность, а потом - возвращающая к самому себе. Запах дороги и леса всегда с тобой, если ты им никогда не изменял, как не изменял заключённому в твоём сердце божественному сознанию, и той самой женщине, которую ждал всю жизнь.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ДЕРЕВО

Даже в самый тихий, безветренный летний день листья осины дрожат… Долго эта загадка оставалась для меня неразрешимой, пока я не обнаружил, что виной тому – длинный и сильно сплюснутый с боков черешок листа, вращающийся из стороны в сторону при малейшем дуновении ветра.

Но найденное объяснение, как ни странно, не обрадовало, а скорее обескуражило досадной незамысловатостью. Втайне почему-то верилось, что необыкновенное дерево не раскрыло до конца всех своих секретов, и только снисходительно подрагивает приветливыми листьями, словно осеняя твоё не угасающее стремление к правде.

МУЗЫКА ЗИМНЕГО ПРОСТРАНСТВА

Поначалу кажется, будто слуховое пространство зимой сжимается… Оно становится густым, вязким, человек словно и вовсе перестаёт слышать. Как глухой, когда слуховой орган у него заменяется на физическое восприятие совершаемого рядом сотрясения. Усвоение музыкальности, проистекающей в окружающей природе, вроде как, пропадает, и согласие всех существующих в ней звуков тоже нарушается.

Но стоит вороне морозным утром гаркнуть во всё своё воронье горло – вмиг лопается слуховая перепонка, и на тебя будто обрушивается звон из-под повизгивающих полозьев салазок, поскрипывающих валенок прохожего, переливающейся на солнце хрустальной воды у колодца, весёлого треска льда на реке, и особенно хорошо звучит в напрягшемся от удовольствия воздухе соседская пила, взявшаяся с самого утра перепиливать пузатые берёзовые чурбаки… А как поют в остановившемся, будто замершем от мороза воздухе обыкновенные дровни!

Нет, гудит зимнее пространство невообразимой гаммой самых расчудесных звукосочетаний, отчего и тебе самому, как и вороне, захочется гаркнуть на весь белый свет: «И душа видит, и сердце слышит студёною зимой, какая радость!»

КРАПИВНИК

Редко кто видит махонького крапивника, чья мелодичная песенка то и дело доносится из густого кустарника у изгороди. Только на миг прошмыгнёт он рыжевато-бурым мышонком среди ветвей, у самой земли, и опять его не видать. Нужно немало терпения, чтобы хорошо разглядеть крохотного певца.

Но при всей своей осторожности и скрытности крапивнику не занимать совершенно бесшабашной повадки, когда он низко склоняет головку, а рыжеватый хвостик залихватски топорщится кверху, - вот-вот, кажется, перевернётся и упадёт. По этой позе его можно безошибочно отличить от других птиц, если, конечно, удалось подкараулить бравого удальца, которому по удали и его имя: не всякая птица способна в крапиву садиться, а только этот маленький молодец, и потому глядеть на него всегда любо!

ПРАВДА ЖИЗНИ

Очень странное, двоякое чувство вызывает весной линяющий заяц… Сверху белый, каким его привыкли видеть зимой, с чёрными глазами-пуговками и ушками, снизу он становится неопрятным, жалким зверьком, у которого старая свалявшаяся шерсть свисает рваными клочьями. Даже походка у него меняется: из недавнего бойкого зайки, совсем недавно отчаянно гоняющегося за длинноухой красавицей, он превращается в колченогого зайчишку-бедолагу, которому бы только проковылять незамеченным через распутицу-дорогу, да поскорее скрыться с чужих глаз в хвойной чащобе.

Грязновато-белый, как последний снег на тёмной земле, заяц в эту пору будто норовит лишний раз приостановиться и, в тоже время, поскорее улизнуть… Но не наряд по весне зайца красит, а правда жизни!

ДЯТЕЛ-ПЧЕЛОВОД

Дятел-желна – большая чёрная птица с красной головой, что, кажется, забыла себя в лесу, отрешённо перелетает с дерева на дерево, то и дело пронзительно взывая неизвестно к кому, и всё больше таится, не ведая: зачем ей суждено быть такой?

Услышишь по осени, как протяжно и жалобно заголосит над лесом желна, и непременно отчего-то вспомнишь худое, на какое-то время поникнув душой… А дятел, не переставая, по-прежнему монотонно вскрикивает где-то вдалеке, будто неотступно просит о чём-то, и вспомнишь тут, что в народе желну почему-то прозвали «бортником», тогда как обычного дятла – «дровосеком».

И тотчас подумается: может быть, это он не жалобится, а мёду у кого-то выпрашивает? От этого невольно улыбнёшься, представляя, как дятел, охочий до мёду, лазит в дупло, пытаясь отыскать соты. Большой, чёрный, с красной шапкой, да ещё – пчеловод!

ВЕСНА ПРИШЛА!

Никакое время года не тревожит душу так, как весна… Ушастым филином прокричит и взмахнёт крыльями апрельская ночь. Предрассветные майские сумерки огласят лесную тишь скрытым глухариным щёлканьем. Мартовское утро восторженно озарит своё пробуждение пронзительным пиньканьем вездесущей синицы. Полдень же весны возвестит о себе радостным щебетанием жаворонка…

И ещё целых полдня, до самой вечерней зари, будут восторженно провозглашать долгожданную весну старый тетерев-косач, что пережил-таки суровую зимнюю пору, недавно появившийся на освободившихся от снега полях кулик-чибис, проникновенно призывающий обратить внимание на

свою озабоченную персону, крохотная и аккуратная овсяночка, пробавляющаяся вдоль раскисших от солнца дорог обронёнными зёрнами, и, конечно, неугомонные родные журавли, трубно прокричавшие: «Курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла-а!»

Вот когда захочется, позабыв обо всём, вознестись вместе с ними в небесное пространство, и с нескрываемым восторгом воскликнуть: «Весна пришла! Весна пришла! Весна пришла-а!»

НЕЗАБЫВАЕМАЯ СКАЗКА

Часто из-за своей неловкой голенастости, по излишнему любопытству или неосторожности, птенец цапли вываливается из гнезда… Родители, что было не раз замечено, не проявляют при этом какого-либо беспокойства, и оттого представляются невменяемыми, почти равнодушными. Трудно поверить, будто они трезво воспринимают утерю малыша только как неминуемый природный отсев, и не пытаются ему ничем помочь. Холодность птиц так обескураживает, что ты просто не в силах постигнуть их поведение.

Оправдать видимое равнодушие птиц имеет право сама природа, в которой оказывается место и для вполне объяснимой удручённости. Упавшие птенцы достаточно крупны, чтобы родители могли вернуть их обратно в гнездо, и последние, наверное, свыкаются со своей судьбой, и их давно уже ничего не тревожит. Как не тревожит журавлей неминуемая гибель одного из детей, менее развитого и слабого, и всю свою любовь они отдают самому выносливому.

И всё же становится не по себе от этой вынужденной смерти только народившегося на свет существа… Как будто кто-то предал его и остался незамеченным, а тебе надлежит к этому привыкнуть. Если такая привычка станет обычной, когда-нибудь ты недосчитаешься и своих детей.

Мало того, все дети с недоумением задают вопрос о том, почему взрослые убивают животных? Дети не в силах воспринимать совершаемое взрослыми зло против животных, как неминуемую данность, многое в них самих уже решено природой изначально, и тем не менее, дети вырастают и … начинают охотиться.

Но убивающие живое существо, в сравнении с теми, кто ратует за отказ от этого, как ни странно, быстрей достигают спасительной истины, если при этом не устают мучиться и искать. Для того, чтобы понять суть существования и никого больше не убивать, человеку, оказывается, просто необходимо пережить недостающий духовный опыт, лишая жизни птицу или зверя. И именно им, не раз погрешившим против природы, надлежит рано или поздно распутать клубок собственных противоречий, отказавшись от её разрушения. Радетели же, ни разу не погрешившие против себя, чаще всего не приближаются к истине вовсе.

Желая, во что бы то ни стало, постичь тайну зверя или птицы, человек стремится приблизить их к себе выстрелом, но осознанности это не прибавляет. Если человек не в силах преодолеть своё незнание, ему всё ещё нравится убивать. Может быть, с луком и стрелами он выглядел бы более привлекательным, но изменится ли от этого суть?

Хлёстко и неумолимо обрывая жизнь с помощью ружейного выстрела, человек только усугубляет впечатление от производимого насилия, безжалостно не оставляя себе и животным выбора. Он не в силах обойтись без надругательства над природой!

Впрочем, последнее слово всегда остаётся за человеком, постепенно вырастающем в своём ребёнке, и самое замечательное в лесу то, что он всегда, как бы глубоко ты не проник в его душу, остаётся незабываемой сказкой.

ЗАЙЦЫ НА ГУМНЕ

Зимняя ночь… Светит полная луна, мерцают звёзды, а в воздухе стоит морозный шорох. В такие ночи зайцы любят поиграть на гумне, затем дружно выбегают в поле и от души резвятся вокруг стога до самых утренних сумерек, пока небо не окрасит румяный восход. На снегу остаются только растрясённые пучки сена – излюбленное лакомство косых, которые с рассветом растворяются, как дымка, будто их и не было.

В общем-то, вполне простая и обычная для русской зимы картинка, но нужно невероятно много неутомимости и терпения, чтобы подглядеть её, восприняв для себя как чудесную и незабываемую сказку.

ПОЛЯНКА

Полянка в лесу – важное жизненное пространство. Благоухающее и привлекающее к себе всё живое летнею порой, непритязательно увядающее осенью, полное загадок зимой, весной оно становится раскрепощённым и открытым, впитывая в себя все накопленные за год настроения, чтобы чуть позже отдать их цветам, травам, деревьям, воздуху и … человеку.

ОСОБАЯ ТИШИНА

Весенняя ночь робко растворяется в сиплом вскрикивании совы, осенний рассвет – в слепом шорохе холодного дождя по опавшим листьям, летний день, кажется, не видим от копошащихся повсюду ароматов зацветающих трав и запёкшейся на солнце хвои, зимний же вечер с удовольствием застилает себе постель под еле угадываемый шёпот перемигивающихся разноцветных звёзд…

Лес жив своей особой тишиной, слагающейся из самых обыденных звуков, запахов и невидимых устремлений.

БЕЗМОЛВИЕ ЛЕСА

Безмолвие леса… Как оно прекрасно. И это безмолвие никогда не должно прекращаться. Тянется бесконечно, как океан, но не надоедает. В нём – такое же бесконечное переживание жизни, которое ты ощущаешь только молча: молчание сохраняет энергию и приумножает её.

Для чего? Для постижения Бога и приближения к Нему. Во имя чего? Чтобы самому стать Богом. А потом? Сначала необходимо пройти этот путь в безмолвии, наполняясь божественной тишиной, потому что она нескончаемо благотворна.

Безмолвная божественная тишина… Невозможно не прочувствовать её вне нашего величественного ОТЦА-ЛЕСА, призванного мудро продлять её в человеке.

ЖИВЁТ ДУША

Весенний ветер развеет сладкое зимнее сновидение, взбудоражит сердце, и душа уже не находит себе места: она рвётся на волю, потому что молода.

Летом душа становится слегка самодовольной, ей нравится состояние достигнутой благости, она переполнена им.

Успокоиться душе суждено под осень, когда её накопленное богатство подёрнуто прелестной печалью. Душа уже узнала пределы жизни, поняла её суть, и от неё требуется только вдумчивая проницательность, которая присуща зрелости.

Зима может стать для души временем большого отдыха, но это и пора созидания будущих возможностей на пути её движения к лучшему, может быть даже – к непознаваемому.

Живёт душа своими потаёнными заветами, будто зная: каждое время года ей свою сердечную весть подаёт.

ТЕРПЕЛИВАЯ БЕРЁЗКА

Робкую и очень отходчивую берёзу, особо любимую за это в народе, между тем сложно обольстить временным теплом, и когда май с помощью своих чар настойчиво уговаривает дерево показать первые листочки, берёза не торопится распускаться. Не верит она ни ласковому ветру, ни соловьям, ни кукушкам, ни вальдшнепам, ни очаровательному обманщику-маю…

Терпеливо ждёт своего часа берёза, чтобы не разочаровать людских ожиданий. А уж коли берёзка наперёд опушается, то жди сухого лета!

ВЕСНА - ТВОЯ СУДЬБА!

Хорошо, когда можешь отыскать в себе настоящую силу, и самое подходящее для этого время – весна. Весной себя совершенно забываешь – как будто тебя и нет, но ты есть: просто ты так незаметно соединяешься с окружающей природой, что не чувствуешь собственного тела. Живёшь в единении со всем, летишь подобно весенним дням, и ни о чём худом не помышляешь. Только радость окутывает тебя, сладость чудесных песнопений, восторг и благолепие.

Хорошо весной не замечать себя, а жить одной этой порой. Сливаешься с весной и становишься единым с ней по торжеству утверждающегося духа. Полниться до краёв весною – твоя судьба!

СЫРОЕЖКА

Мякоть сыроежек необыкновенно чиста и опрятна, но более трогательна их неизменная белизна, с которой не сравнится даже царственный белый груздь.

Берёшься за такую ножку с особой нежностью, стараясь не надломить её, а если всё-таки нарушишь гриб, в нос тотчас ударит тонкий аромат его хрупкой плоти, так что невольно поднесёшь ко рту отломившийся кусочек, легонько вдохнёшь его пряный дух и … съешь.

Недаром название самого распространённого гриба русского леса – сыроежка!

ВЕСНА!

Весна… Белые осевшие поля ещё не перечёркнуты коричневыми проталинами. Санные дороги чернеют осыпавшимся с возов сеном и навозом. Краснеют по оттаявшим кустам тальника надутые снегири.

За окном то и дело прочерчивают воздух носатые вороны, без устали свербят вездесущие сороки… Густеет от влаги воздух, в котором мгновенно сыреют крыши и стены домов. Всё как будто замерло в ожидании прилёта первых птиц, которые окончательно разбудят этот сладкий зимний сон. Весна!

ГЛАЗА ПТИЦЫ

Сколько раз приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения,

долго и медленно подбирался к густому кусту сирени, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в невзрачное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча.

Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

ЧУДО БАБЬЕГО ЛЕТА

Когда осень окончательно вступает в права, и на короткий миг одаривает всех чудом бабьего лета, многие травы и цветы в эту пору не уступают по яркости окраски летним нарядам. Земляничник становится пунцовым, багульник – бронзовым, голубика – фиолетовой, толокнянка – пурпурной, черничник – ярко-красным, ивовые листочки багровеют, на них высыпают лиловые крапинки… И даже стебель почти увядшего зверобоя неожиданно зардеется в этой раскрасневшейся от удовольствия компании!

КРАЕШЕК СВЕТА

Зимою часто попадаются на глаза небольшие дырочки в снегу… Идёшь не спеша на лыжах, посматриваешь вокруг, а вдоль лыжни то и дело возникают неприметные отверстия. Бывало, остановишься и, присев на корточки, разглядываешь внимательно: кому это отверстие может принадлежать? Ясно, что маленькому грызуну – мышке-полёвке или бурозубке, но вот зачем зверьку выбираться в мороз на поверхность, оставляя свои тёплые кладовые, заготовленные ещё с осени, не сразу разберёшь…

А оказывается, мышка время от времени выглядывает посмотреть: ночь наверху или день, и скоро ли зиме конец? Очередной снегопад завалит выходы, заметёт всё вокруг, а под утро глядишь – опять виднеются тут и там аккуратные углубления-оконца… Не сидится мышке под снеговой периной, хочется поскорее краешек света белого увидеть, что для неё - милая отрада!

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

В народе говорят: Бог не только людей, но и листьев на дереве не уровнял, не то, что их облик, и даже облетевшие с деревьев листочки сохраняют своё лицо, приобретая, к тому же, ещё что-то новое. Берёзовые напоминают маленькие рысиные шкуры, ирги – словно аккуратные монетки, засветившиеся изнутри золотистым жизненным соком, осиновые – бушующие пламенем сердца и души, тополевые – просто выкрашены жёлтым цветом, черёмуховые же почему-то не докрашены, а ясеневые –

широкие, с тёмно-зелёными грязноватыми боками – принимаешь за чёрные грузди.

Только наклонившись, убеждаешься в неподражаемой осенней игре опавших листьев, которую они ненавязчиво и тихо затевают, а если лист доволен, так и грядущий год выдастся добрым и удачливым!

ДОБРАЯ НАРОДНАЯ МОЛВА

Ходишь годами каким-то одним лесным местом и никогда даже не помышляешь встретить здесь волков. Место это ты всегда воспринимаешь только как рябчиное или беличье. На худой конец – ягодное или грибное. Но уж никак - ни волчье.

И вот однажды, каким-нибудь глухим декабрьским вечером или под хмурое утро, натолкнёшься в лесу на тропу, оставленную недавно прошедшей стаей, и тропа эта войдёт в тебя словно осиновый кол. Взберединт в душе всё, что ты знал об этих зверях, напугает, отчего вдруг мысленно перекинешься в такого же хитрого и кровожадного волка, ровно, как оборотень-ведун…

Вспомнишь тут, что в народе издавна сказ идёт, как в самую непроглядную ночную тьму выбирается такой ведун в лес, перекидывается через старый осиновый пень и превращается в волка. Всю ночь он своей неуязвимостью и нахальством потешается, безжалостно людям сердца, якобы, выедая, а под утро оборачивается вновь в человека, и ведёт жизнь неприметную, праведную. Ни за что не разобрать изворотливое обличье злыдня, коли только не решишься в полночь проследить за ним, да воткнуть в тот осиновый пень нож булатный. Оборотень тогда до окончания века своего останется зверем, рыскающим по лесу, но только не переходи ему дорогу, не искушай злую судьбу.

Это не тот волк, которого люди пророчили вместе с медведем, жидом и девкой с полными вёдрами к доброй встрече. Не дай Бог помянешь его про себя, а он уже тут. Вот когда придётся выть тебе по-звериному за свой недогляд и простоту, как никто понимая поговорку про то, что нужно верить волчьим слезам! Оборотню же доверять можно только убитому.

Недаром между людьми сани, что постоянно опрокидываются, телегу или какой кузов оборотнями звали. Своевольный декабрь вместе с народной молвой о зловещем волке-ведуне исподволь зиму поторапливали, скорого её разрешения желая.

Перед самым Новым годом за деревней костры жаркие растапливали, да снежных баб в огонь бросали, чтобы отступала зимняя темь от человеческого жилья, а жизнь на добрый лад поворачивала. Ведь декабрь, говорили в народе, старый год кончает, новому – дорожку с радостью и счастьем стелет, после чего тоже захочется пожелать и себе, и нашему чудесному декабрю, и всему русскому миру с его доброй молвой крепкого душевного здоровья!

КОГДА ТЫ СПОСОБЕН ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ КЕМ УГОДНО

Иной раз так устаёшь, что только в лесу постигаешь, как надоело тебе быть человеком… Вот бы, думаешь, взвиться звонким жаворонком в высокое июньское небо, или же обернуться матушкой-совой, что бесшумно и вольно парит в сумерках над укромною опушкой. А ещё хорошо почувствовать себя красавцем-шмелём, озабоченно перелетающим с цветка на цветок и, тем самым, поддерживая течение жизни. Кем угодно из лесных обитателей готов ты себя вообразить, хоть на мгновение желая забыться!

Но проходит какое-то время, и грудь твою начинает теснить неизъяснимое чувство растерянности, а затем и вины: как мог ты отказаться от всего человеческого во имя звериного, если и так способен почувствовать себя кем угодно?!

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНАЯ СОРОКА

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неутомимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, предупреждая всех о происходящем. По сорочьему стрёкоту можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось, хитрая лисица или перепуганный заяц.

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, которая увлечённо шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую сорочью трескотню. Сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего её волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала, вздрагивая всем телом, и взахлёб оглашала округу возбуждённым стрёкотом. Сорока была так увлечена, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках, роняемых неугомонной птицей, угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал и переживал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась … глухариная песня, вернее, её поразительно точное подобие, с присущими глухарю переходами, непередаваемым пощёлкиванием и самозабвенным точением. Сорока, охваченная страстью преследования, непроизвольно, может быть даже под воздействием этого самого волнения, передавала когда-то уже слышанные в лесу звуки, причём, хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках. И в какой-то миг показалось – это сам глухарь огласил округу неподражаемой трелью, холод куда-то постепенно отступил и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился.

ВСЕОБЩИЙ ПРАЗДНИК ЛЮБВИ

Ещё с ночи из леса стал доноситься какой-то неясный шум: это лопались переполненные жизнью почки, словно зазывные сваты восторженно перешёптывались между собой, еле сдерживая себя, о чём-то совещались, а потом весь день молоденькие берёзки, осинки и черёмушки, подобно невестам, одевались прямо на глазах в светлые одежды, и тоже еле слышно радовались счастью, распространяя вокруг живительный аромат… Так, незаметно, неясный трогательный шум постепенно превращался в зелёный неудержимый гул всеобщего праздника любви.

НЕИЗБЫВНАЯ БОЛЬ

Бывает, душевные мучения за лесных обитателей одолевают тебя больше, чем за окружающих людей. Боль не отпускает, даже когда ты покинул лес, и уехал от него за много километров в город: переживания тем острее жгут твоё сердце, чем дальше ты уходишь.

Так, однажды испытывал я муки за барсука, удавленного в петле охотниками… Не один год наблюдал я за ним, встречал в весеннем ночном лесу, на глухарином току, шёл по первым грязным отпечаткам его когтистых лап на сыром апрельском снегу, и стоял прямо над норой, в седых глубинах заснеженного января, с трепетом ощущая дикий звериный сон…

Снег тогда крупными хлопьями неслышно валил с невидимых небес, мягко укутывая землю, и было мне так, будто барсук знает, что я нахожусь рядом с ним, почему-то доверяет мне, и оттого ему ещё слаще преодолевать в своих снах добрую зиму. А вот теперь я никак не могу взять в толк, что барсука нет, навечно нарушены нехитрые зимние сновидения милого зверька, и сердце моё никак не может успокоиться, преодолевая неизбывную боль.

ТРОГАТЕЛЬНОЕ УСТРЕМЛЕНИЕ ОСЕНИ

Подступает осень, и ты невольно задумываешься о том, что самое трогательное устремление неминуемо увядающей поры – не тлен, а желание вернуться к чему-то, что на этот раз, кажется, не разрешилось, но на будущий год непременно получится, и будет намного лучше.

ТРЯСОГУЗКИ

Из всех птичек, что радуют нас по весне, трясогузки – самые бойкие… Именно они безбоязненно присаживаются на крыльцо лесной избушки, то и дело заглядывают вовнутрь, вздрагивая хвостиком, поправляют на груди

чёрный галстучек и, быстро склонив головку набок, посверкивают бусинками-глазами.

Молниеносно оценив обстановку, птички никогда долго не задерживаются на одном месте, и устремляются дальше, невидимо семеня крохотными ножками, ловко ныряя из стороны в сторону и до того настойчиво попискивая, что, кажется, вот-вот вскрикнут: мы очень неустрашимые и смелые, но почему же тогда такие маленькие?!

ТРИ ВОПРОСА

Чаще всего люди озадачены тремя вопросами: в чём заключён смысл жизни, её счастье и сила? Сила сосредоточена в самой себе, как производное твоих собственных душевных устремлений, но она непременно должна расти и нести правду. Счастье – в правде, которую ты чаще всего находишь для себя и людей в окружающей тебя природе. А смысл жизни – великое таинство, и отыскивая его, невозможно миновать на этом пути Бога, потому как открывая Его в своей душе, ты и сам становишься божественен, без понимания чего никогда не познаешь вкуса существования, смысл которого – в переживании радости, как это и происходит в природе, в нашем чудесном лесу, и нет на свете ничего прекрасней этого удивительного переживания, когда именно в окружении дикой природы ты ощущаешь себя как в родном краю.

ПОДАРОК

Густо заросшей вырубкой неспешно проследовал куда-то гигант-сохатый… Развесистыми рогами он ненароком задел на ходу осинку, и обломившаяся на морозе хрупкая веточка отскочила с треском, воткнувшись в розовеющий на закате снег. Выбежавший на жировку зайчишка напугался поначалу, встал столбиком, навострив длинные уши, но успокоившись, повёл усами и принялся с удовольствием обгладывать отломившуюся веточку…

Вкусна на морозе осинка! Спасибо за подарок великану-лосю!

СВОБОДА

Свобода – это когда тебя ничего не сковывает, ты обрёл в себе Бога, заложенное Им в тебя божественное сознание, развил его, и значит, живёшь осознанно, то есть – радостно и свободно. Но невозможно не ощущать себя свободным в нашем лесу, где всё проникнуто свободной волей, и её нужно лишь почувствовать и принять.

ЧУДОДЕЙСТВЕННАЯ НЕПОДВИЖНОСТЬ

Если какое-то время неподвижно постоять в лесу, то вскоре птицы и звери перестанут тебя замечать. В большинстве случаев они, конечно, видят человека, но принимают его за неодушевлённый предмет, относясь с каждым разом всё менее осторожно. А может быть, не теряя из поля зрения, они умеют просто не обращать на тебя внимания, продолжая заниматься своими делами, если твоё нахождение рядом не вызывает у них беспокойства.

Но закон этой чудодейственной неподвижности, позволяющей заглянуть в мир леса, действует не всегда и не со всеми его обитателями. Иногда приходится прилагать огромные усилия, прежде чем приблизишься к тайне и … опять окажешься в вынужденной неподвижности.

ЖЕЛАННОЕ ОКОНЦЕ

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле – просыпающаяся земля, а в мае – напоённый жизнью воздух, что становится всеобъемлющим, многоликим. И так, улыбка за улыбкой, как по ступенькам, всё радостное в природе возносится в голубеющую над лесом даль, и распахивает перед тобой желанное оконце…

МОЙ ЗВЕРЬ

Сколько лет хожу в лес, а никогда не задумывался: если бы мне суждено было жить в нём зверем, то каким? Долго думал, всех животных перебрал, и понял, что не заяц я, не волк, не медведь, не лось и не рысь, не колонок и не бобёр. Засомневался даже не на шутку: да есть ли, вообще, в лесу такой зверь, что, хоть отчасти, напоминает меня? И вдруг, неожиданно для себя, остановился на барсуке…

Так же, как барсук, брожу я, бывало, по ночным чащобам, натыкаюсь на корни, стволы и камни, что-то ищу. Очень не люблю, когда другие бездельничают и, ещё того хуже, незаслуженно присваивают себе твой труд, подобно лисе и енотовидной собаке, что бессовестно занимают в отсутствие барсука его нору. Основательно и с удовольствием работаю, стараясь обустроить своё жилище как можно уютнее, со вкусом.

Барсук предусмотрителен: в отнорках, прорытых им к выходам из основной камеры, он всегда оставляет земляные перемычки: их не в силах будут преодолеть его враги, а сам он очень быстро окажется на свободе. Так и у меня: не продумав тщательно свои планы на будущее, я не чувствую в полной мере обаяния жизни. А ещё я, как и барсук, достаточно чистоплотен и люблю порядок: в доме моём нет ничего лишнего, только самое необходимое и дорогое.

Так, поняв, наконец, кто я в лесу, ещё ближе стал для меня этот симпатичный зверь, а на душе сделалось легко и свободно, будто и в самом

деле все животные признали меня своим: трудолюбивым, обаятельным и мудрым затворником нашего родимого леса.

ДОБРОЕ СОСЕДСТВО

Вот уже шесть лет прилетают ко мне в огород хорошенькие птички – горихвостки… Имя это они получили благодаря огненному подхвостью, при взлёте на мгновение вспыхивающему оранжевым теплом, в воображении унося тебя вслед за ними неизвестно куда. Неизменно прилетая каждый год, горихвостки приносили радость и успокоение своим маленьким присутствием. С ними было хорошо и надёжно жить, каждую весну ощущая их доброе соседство.

С начала мая вездесущие птицы принимались за строительство гнёзд и материалом для них выбирали волокна пакли, выбивающиеся между брёвен дома. Цепляясь тоненькими коготками за выступы в бревне, одна птичка вытягивала клювом пух из пакли, а другая обрывала его, и вместе они уносили добытое в гнездо. Слаженность и сообразительность в совместной работе этих крохотных существ поражали…

Спрятавшись за стеной дома, у окна, я с интересом наблюдал за птичками и не мог надивиться. Очаровательные горихвостки и их сплочённое поведение представлялись мне чем-то совершенно невообразимым, и было совсем не жаль того тепла, которое они немилосердно воровали у меня прямо из-под носа.

ИНТЕРЕСНАЯ ПРИВЫЧКА

Заяц – удивительно обаятельный зверёк. Даже добытый на охоте, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы. Всё кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит. Отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, своего рода привычка, как способность рыть в мартовском, порядком уплотнившемся снегу глубокие норки.

Где-нибудь под охорашивающейся ёлочкой, в глубине леса, выбирает косой приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело, замирая и озираясь, смешно шевеля розовым влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не заметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть ли не ложась на живот и прижимая длинные уши к спине.

Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступивших в природе крепких утренников, что

откровенно оголяют и без того мало защищённую заячью жизнь. По привычке заяц живёт, и отвыкать от неё не намерен!

БЕРЁЗОВЫЕ ПОЧКИ

Встречи с людьми в лесу всегда редки и интересны, потому как лесной человек необычен сам по себе. Он в лесу всегда не случаен. От него веет какой-то самобытностью, особым взглядом на жизнь и добродушной лукавинкой, с которой он не без удовольствия поведает о чём-нибудь очень важном, о том, что непременно поразит даже самое избалованное воображение.

Такая встреча тем более любопытна весной, когда в лесу нет ни ягод, ни грибов, да и охота запрещена. Мой старичок собирал в апрельском лесу … берёзовые почки.

По его словам, примерно в последнюю неделю перед сходом снегов почки берёзы становятся клейкими, их можно обирать и затем сушить в полутёмном месте. Почки подсыхают, но не теряют своей клейкости. При больном горле они тщательно пережёвываются, а образовавшийся в результате этого сок время от времени сглатывается. Вкус горьковатый и не совсем приятный, но эффект поразительный: на следующий день воспаления как не бывало!

НЕПОСТИЖИМОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ

Ничто в ночном лесу не завораживает так твоё восприятие, как неведомые шаги… Кажется, что вот-вот разверзнется перед тобой темнота и мохнатой тучей навалится на тебя ни медведь, ни волк, а нечто непонятное, непостижимое. И ты с замиранием сердца ожидаешь этот страшный миг, и не замечаешь, как сам превращаешься в неведомого лесного гостя…

Шаги же, приблизившись вплотную, неожиданно истаивают, будто их и не было, и ты сразу понимаешь, что это нечто непостижимое уже прикоснулось к тебе, и ты стал в ночном лесу своим.

ГЛУПЫЙ СНЕГ

Перед наступлением сумерек белый снег незаметно окрашивается в розовый, с заходом солнца – в голубой, в надвигающейся темноте – в сиреневый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый. Под утро он опять перевоплощается в синевато-лиловый, с таинственной бирюзой, и только к полудню оборачивается, наконец-то, самим собой: восхитительно белым, восторженным и немножко глупым.

БЕЗ ТЕБЯ

Покидая лес поздней осенью, всегда странно и даже как-то неловко представлять, что все деревья и кустики останутся здесь без тебя до самой весны, и всю эту долгую пору будут мёрзнуть на стылом северо-западном ветру…

АПРЕЛЬСКИЕ ДОЖДИ

Апрельские дожди так неподражаемо шелковисты, чисты и, кажется, недвижимы в насыщенном влагой весеннем воздухе, что в них хочется так же неподражаемо чудесно замереть и не дышать.

БОСОНОГАЯ ДЕВЧОНКА

Может быть только в самом своём начале весна предстаёт умудрённой, добропорядочной хозяюшкой, в остальное же время она – веснушчатая босоногая девчонка, за которой хочется бежать, не чувствуя ног!

СЛЕДЫ

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу так неожиданно остро волнуют сердце, что хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого толстоусого зайца или ослепительно огненную кумушку лису, и ни о чём другом не думать.

ТАИНСТВЕННАЯ ОСЕНЬ

Поздней промозглой осенью, когда в жизни у тебя, кажется, ничего не ладится, ты почему-то по-особенному остро начинаешь воспринимать хмурые лесистые холмы и молчаливые речные долины. Замечаешь, как чёрен и гол становится лес, и как он растерянно сквозит своей неприкаянной наготой в туманных разреженных далях.

Настроение твоё невольно следует за еле угадываемой тенью, что оставляет после себя таинственная осень, и постепенно ты обнаруживаешь, что причина твоего невезения вдруг незаметно улетучивается, былые неудачи уже не донимают душу, и ты только радуешься возможности

переживать запахи и звуки этой уходящей поры, в которой лес вспыхивает напоследок яркими шапками ещё не опавших деревьев, а воздух становится ароматен и свеж.

НЕБЕСНЫЕ ЦВЕТА

Занятно наблюдать, как у горизонта постепенно теряет свои краски весеннее небо, а вскоре, будто перевернувшись в себе самом, подобно песочным часам, вновь наливается живительным светом. Из пронзительно зелёного, небо становится сине-розоватым, с кремовыми переливами и мягким радужным блеском. Затем – бледно-жёлтым, даже - дымчато-лиловым, неуловимо перетекая в фиолетово-чёрный цвет. И вдруг - опять, с нарастающей быстротой, как только что выдутое стекло, всплывает на востоке напружиненным и зелёным, очень густым, с белеющими в вышине зёрнышками предутренних, чуточку уставших за ночь звёзд. Всё в эту пору желает радости, счастья, и даже небесные цвета торопятся жить.

ВОЛЧЬИ ГЛАЗА

Трудно поверить, но однажды, в пасмурную осеннюю ночь, мне почудилось, будто волчьи глаза, на мгновение вспыхнувшие аметистовыми огоньками где-то впереди, отражают в себе всё звёздное небо, темноту, лес, и вместе с ними мою обыденную растерянность, а потом – убеждённость, что такой ночи уже никогда не будет.

ОБАЯТЕЛЬНЫЙ ДЕКАБРЬ

Декабрь, пожалуй, самый обаятельный зимний месяц, и хорош он ожиданием новогоднего праздника, после которого начинается иная, кажется, менее интересная жизнь… Ещё у декабря есть молодой, не обременённый собственной тяжестью, снег, и его радостный блеск, и удивительный перламутровый цвет, и сказочный покой.

ОПЬЯНЯЮЩИЙ ПОТОК

У осени запах горьковато-пряный, зима уже благоухает только что надкушенным яблоком, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом лопающихся почек и обламывающихся сосулек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, что смешиваются в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно…

СУРОВЫЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Когда задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвётся или свирепеет, а хочет допроситься до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою исстрадавшуюся душу и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем нежным.

ЧТО-ТО БЛИЗКОЕ И РОДНОЕ

Весной потеряешься душой где-то на пороге её тайны, отрешённо бродишь в лесу, вдыхаешь его берёзовый дым, и даже боишься поверить, что скоро спадёт с тебя бремя нескончаемой зимы и в сердце проснётся, наконец-то, что-то самое долгожданное, бесконечно близкое и родное…

МАЛЕНЬКИЙ КОРАБЛИК

Поздней осенью, когда она, кажется, позабыла саму себя, лес полностью облетел, душа ни к чему не лежит, и неукротимая сила жизни, что обычно так безотчётно манит вдаль, уже не одолевает твоего сердца, тебе вдруг приснится большой странный сон про молчаливо бушующее море, белые гребни волн до самого горизонта и маленький кораблик… Кораблик захлёстывает яростный ветер, огромные валы бросают его в бездонное чёрное пространство, а он остаётся неустрашим!

ВОЛШЕБНЫЙ МАЛЬЧИК

Только весной, в апреле, рождается во мне волшебный мальчик, который всю оставшуюся весну и лето с восхищением встречает каждый день. К осени он незаметно подрастает, успокаивается, а перед зимой и вовсе исчезает.

Каждый год стараешься не пропустить - куда же он подевался, но неизменно отвлекаешься и упускаешь до будущей весны уже никем не замечаемую пропажу.

КОГДА ЦВЕТЁТ ЧЕРЁМУХА

Вот уж кто по весне не бережёт ничего для себя, так это красавица черёмуха! Ароматная яблонька – майская невеста, что сама себе на уме, роскошная с виду сирень – на деле замкнута и скупа, а вся салатная свежесть берёзы, липы, ивы и ольхи подолгу как будто что-то выгадывает, прежде чем распуститься во всей своей красе.

Когда цветёт черёмуха, великодушно расточая свой душистый аромат, вся земля царствует, предвкушая богатое лето…

ЖИВОЕ ВРЕМЯ

Весенний день, словно молодой породистый рысак, полон огромных сил, способный одолеть всех, с кем только можно потягаться; лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет; осень склоняется над тобой повидавшей виды умудрённой женщиной, нашёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь её слушать; зима вдруг наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон…

Все времена года – живые, они играют с тобой, одолевают сомнениями и делятся знаниями, обогащают, в чём-то ты даже чувствуешь себя с ними обездоленным, но продолжительность этого чуткого существования не прекращается: последовательно осень сменяет лето, а весна – зиму, и сила этого неизбывного времени окрыляет. Так и хочется вместе с ним развиваться, становиться сильнее, и ты расправляешь крылья и летишь: время за тобой, время перед тобой, а при тебе его нет. Весь ты переполнен насыщенной жизнью, когда хочется жить так, как душа твоя божественная велит. Живое время, время радостных приключений и открытий!

ГОРИХВОСТКИ

Долго я искал у себя в огороде гнездо горихвосток, которые прилетали каждый год, и всё мне не везло. И чердак осмотрел, и сеновал, и баню, и дровяник, и даже на старую черёмуху забирался: всё напрасно. Горихвостки, неизменно прилетая в мае, жили в непосредственной близости от меня, питались насекомыми только в моём огороде, вытаскивали из пазов дома паклю на строительство и укрепление гнезда, но никак его не объявляли. Внешне – доброжелательные и неприхотливые, они были скрытными птичками, и им ловко удавалось провести меня.

Однажды, обкапывая по весне яблони, я вдруг заметил на проводах, в двух метрах от угла крыши дома, самца горихвостки с жирной личинкой в клюве… Казалось бы, он должен спешить с кормом к самке, высиживающей птенцов, или к самим птенцам, а самец не торопился: что-то, похоже, тревожило его, и он беспокойно крутился на месте, не желая залетать в гнездо. Я прекратил копать и, замерев с лопатой, стал наблюдать: решится

самец нырнуть в гнездо, которое явно находилось где-то под карнизом?! Но самец терпеливо ждал, по-видимому, остерегаясь, что я узнаю местонахождение птенцов и самки.

Тогда я решил усыпить его бдительность и потихонечку начал удаляться в сторону. Самец тотчас встрепенулся, вытянул шейку и юркнул под карниз, наконец, обнаружив своё убежище. А всего-то нужно было подсмотреть направление перелётов предусмотрительных птичек, что позднее использовал я в отыскании глухариных токов, подмечая, куда глухари устремляются под вечер и откуда слетают на кормёжку утром. Так, благодаря крохотным горихвосткам, обрёл я важное лесное знание о больших и таинственных птицах.

С ВЕЛИКОЙ БЛАГОСТЬЮ В ДУШЕ

В каком-то удивительном согласии выходят у меня отношения с яблонями, которые я каждый год сажаю в огороде, и всегда этому сопутствует какое-либо приятное знамение…

Грянет первый раскатистый гром, завозятся по лужам пучеглазые лягушки, скворцы вдруг запоют у самого дома так азартно, порывисто, что почувствуешь, как это им важно, а то за одну ночь вся южная сторона сада распустится ароматными крупными подснежниками. И ты после этого уже не сомневаешься: этой весной тебе не обойтись невинным романом…

Яблони же незаметно тянут ветви к небу, распускают нежные листочки и, наверное, радуются вместе с тобой возможности жить, чувствовать и любить, с великой благостью в душе, как и ты, осознавая себя частицей этого чудесного мира.

ПРОВОРНАЯ ЛИСА

Лиса - полуночный ловкий вор, и это ремесло составляет её лисью суть. Как и любой другой зверь, она всё время занята собой. Особенно, когда выходит на охоту до лакомых для неё мышей: их писк она угадывает под снежной или земляной толщей.

Сколько раз приходилось мне находить глубоко вырытые ямки по опушкам укромных лесных полян или полей! Всунутая в них рука обычно не достигала дна. Невообразимо, как лисе, имея довольно внушительное тело и короткие лапы, удавалось проделывать подобное?!

У всякого Мирона, как говорится, свои приёмы: имеются они и у Патрикеевны, по которым её только и знают. Проворная лисонька кого угодно собьёт с толку: у неё всё ловко!

Не зря лиса почти никогда не попадалась мне на глаза. Её оранжевый хвост, возбуждённо вскинутый кверху, озарял лес своей красотой только в моём воображении. Но как приятно было однажды действительно заприметить чудесного зверя, безоглядно охваченного поиском добычи!

В какой-то миг даже показалось, что всё увиденное - плод фантазии, так искренне ты был предан лесному царству, но видение не исчезало. Неизъяснимая радость от соприкосновения с лесной жизнью захватила мою душу: ощущение было такое, что ты - частица этого удивительного мира, а яркая картинка с мышкующей лисой ещё долго тешила разыгравшееся воображение.

Видимый образ огненной лисы до сих пор стоит у меня перед глазами, и я никак не могу избавиться от ощущения, что лиса жива, она как будто даже рада от того, что тоже ободрила меня своим красивым присутствием, вселяя уверенность, что я тогда не зря её увидел. Всякая лиса, конечно, собой красива, и хвост свой хвалит, да только не по красоте ей слава, а по сноровке!

НЕВИДИМЫЙ ПОВОРОТ

В природе важен какой-то маленький невидимый поворот, без которого и вода освободилась ото льда, и земля покрылась травой, и деревья оделись листом, а услышишь ли первый весенний гром – неизвестно.

Бывает, уже к середине мая с раннего утра задастся такой крепкий утренник, что, кажется, снежная корка выдержит лошадь с упряжью и телегой. Затем стылый северный ветер насеет по дороге крупы, разбросает её повсюду, но к полудню что-то неуловимое в воздухе повернёт на тепло, воздух как будто тронется, и, к всеобщему удивлению, из-за леса донесутся отдалённые раскаты грома.

А потом, прямо сквозь солнце, вдруг просыплется светлый радостный дождь, и всё вокруг оживёт. Тесно становится весне, и она совершает поворот у ворот на добрую жизнь!

НЕСКОНЧАЕМАЯ ТИШИНА

Представьте, что все звери и птицы решили отомстить человеку… Как они это сделают?

И звери, и птицы, наверное, просто покинут человека, оставив его наедине со своими недалёкими мыслями и устремлениями. Птицы лишат человека крыльев, а звери – проницательности и чутья. Им незачем будет возвращаться в предопределённую для них человеком несвободу. И звери, и птицы скорее предпочтут ей неведомую лесную глубину.

А что же деревья? Неужели они, лишённые возможности двигаться, так и останутся беспомощными и будут вынуждены терпеть? Может быть, их вершины просто перестанут шуметь, и эта отрешённая затаенность деревьев отзовётся в сердце растерявшего себя человека нескончаемой тишиной…

ПЕРВОЕ ПРЕДЧУВСТВИ ВЕСНЫ

Первое предчувствие весны – это ещё не природные весна света и воды, а тиснёные томики Аксакова, Пушкина и Мамина-Сибиряка, с трепетом перелистываемые глухим декабрьским вечером, у разгорающейся печки, когда чувство природы и её будущие ароматы заменяет запах слипшихся глянцевых страниц.

СЧАСТЬЕ ЖИЗНИ

Кому хоть однажды довелось оказаться зимой, под Рождество, в омшанике, и послушать через резиновую трубочку, вставленную одним концом в леток, как ведут себя в эту пору пчёлы, для того холодные звёзды в морозной вышине роятся по-особенному торжественно и празднично, а будущая жизнь представляется только счастливой.

ЖЕЛАНИЕ ЖИТЬ

Скребётся в углу лесной избушки мышь, на столе вздрагивает неровным пламенем старенький огарочек свечи, а в верху надтреснутого окошка посверкивает недостижимая зелёная звезда… Кажется, ничего особенного не происходит, но от всего этого переживаешь в себе неимоверную приподнятость и сильное желание жить.

ДРАГОЦЕННАЯ ТАЙНА

Каждый день – удивительно трогательная и упорно не замечаемая нами драгоценность. Чтобы понять это, стоит хотя бы однажды, с самого утра, понаблюдать за происходящим в природе. Заниматься этим лучше в деревне.

Никуда не спеша, следить в окно за тем, как уютно утверждается над землёй свет, и как радостно начинают сиять снега. Как неуклюже и чинно вышагивает в валенках по своим неотложным делам деревенский народ. Без устали «летают» в переулках собаки, завидев малейший для себя интерес. Как безропотно замерли в остановившемся предвесеннем воздухе веточки тополей, рябины и сирени. Розоватое солнце то меркнет за пухлыми облаками, то вновь озаряет умиротворённый крестьянский быт. Всё так трепетно, доступно, что кажется: вот-вот приоткроется тебе смысл этого удивительного природного порядка.

Но тщётно… Внимание ненароком проскальзывает мимо этого смысла, и на следующий день всё повторяется снова: и воздух, и спешащий по делам люд, и собаки, и солнце, и собственное умиление всем происходящим. И так, целый замечательный день: вспыхивая и затухая, незаметно и неизменно

протекает он мимо не дающей покоя драгоценной тайны в этом сладостном зимнем времяпрепровождении…

И всё чудится, что обязательно поймаешь убегающую суть простого и прекрасного бытия. Но близится вечер, а ты по-прежнему охвачен неясной игрой, от которой так же, как и утром, получаешь скрытое наслаждение, и всё же, к концу дня, только лёгкая усталость опять начинает донимать твоё взбудораженное приятными размышлениями сердце. День иссяк, и тебе нестерпимо жаль его утекающие краски, запахи и звуки… Что-то принесёт завтрашний?!

ПОД ХОЛОДНОЙ ЛУНОЙ

Лунные ночи тревожат сердце: они почему-то оказываются мучительными для человека. По ночам от мороза трещат стволы и лопаются ветки. На чёрном, скованном звёздами ночном небе безмолвно светит, словно начищенная снегом, луна. Кажется, что мороз от её света становится ещё крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным. Он старается не думать об этом, преспокойно забываясь в расслабляющем тело и мысли тепле. А тем временем, под холодной луной, выходит к своей потаённой жизни из глухих буераков зверьё. Лесные обитатели живут не по-нашему: обедают по ночам, днём же таятся…

Зверей не страшит блуждающий лунный свет. Он зачарованно манит их к себе и не даёт уснуть. Звери не умеют думать, и только стремятся утолить неотступно настигающее их под утро чувство голода. С робким зарождением дня жизнь в глубине леса уже почти не сопротивляется смерти…

ЛЕСНЫЕ РУЧЬИ

По-особенному прозрачны осенью лесные ручьи… Вода в них, кажется, недвижима, и на дне виден каждый камешек, пропускающий сквозь себя свет и мудрость окружающего его пространства. Неприметные тихие ручьи – глаза леса, что проникают в душу любознательного человека, и благодаря им он прозревает.

РЫЖАЯ ИГРУНЬЯ

В шляпке переросшего белого груздя скапливается обильная дождевая влага… Она переливается в лучах скупого осеннего солнца, и часто привлекает белку.

Ловко примостившись на краю гриба, белка жадно запивает чистой водой семена еловых шишек или кедровых орешков. Хорошо, вольготно жить рыжей игрунье в благодатном октябрьском лесу!

НА ПОРОГЕ В ВЕЧНОСТЬ

У самого края высокого обрыва, будто на пороге в вечность, растут величественные сосны, и так отрешённо тянутся оттуда в небо, что проплывающие над ними облака даже останавливаются в своём движении, в восхищении вглядываются и чутко прислушиваются. Величественное устремление могучих деревьев настолько увлекает их, что облака, наверное, не знают: в какие заоблачные дали им ещё плыть?!

ЕНОТКА

Водится в наших лесах довольно странный, совершенно неприхотливый и как будто замкнувшийся в непонятной для самого себя жизни зверёк – енотовидная собака, или, как его ещё называют старые лесовики, «енотка». Целый год он не показывается на глаза, ведёт жизнь замкнутую, потаённую, и вряд ли кто вспомнит о его существовании, пока он сам себя не объявит. Но с началом зимы, пока снежный покров не установился, вдруг повстречаешь в лесу блуждающий след и задумаешься: кто бы это мог быть?

След обычно неожиданно вывернется из-под какой-нибудь корчажки и петляет между деревьями, тычется ко всякой, мало-мальски приметной валёжине. Неведомый зверь словно ищет – сам не зная что, но найти никак не может, и всё плутает, плутает по лесу, пока не натолкнётся на более-менее приемлемое пристанище. Это может быть куча хвороста, старый пень-выворотень или своеобразный хвойный шатёр, образовавшийся из нижних разлапистых веток ёлки, придавленных к земле снегом. В таком уютном домике енотовидная собака может провести всю холодную пору, пока её кто-либо не потревожит или не наступит сильная оттепель. Случается, что енотка может обосноваться и в старой барсучьей норе…

После хорошо знакомых следов куницы, рябчика и зайца натолкнёшься на этот непонятный, теряющийся в снегах след, когда и думать забыл о существовании редко встречающегося зверя, пойдёшь по нему, да незаметно увлечёшься и опять обо всём позабудешь. Долго потом не можешь опомниться: отчего ты так же, как и этот зверь, чего-то ищешь в лесу, и никак не можешь успокоиться?!

ТИШИНА

Тишина в лесу бывает разная… Если переговариваются деревья и птицы – это естественно, и тишину не слышишь. Она незаметно приходит к тебе с долгожданным ожиданием обыкновенного чуда.

Случается, тишину замечаешь лишь тогда, когда всё вокруг замирает, как перед непогодой, и от этого начинает звенеть в ушах. Такая тишина настораживает, она полна необъяснимых желаний…

Но иной раз тишина открывается трепетным и тонким чувством, которое неожиданно охватывает тебя и не отпускает. Хорошо тогда вслушиваться в удары растревоженного этой тишиной сердца, жить и мечтать о счастье для всех людей.

Ещё тишина может быть задумчивой, как осень, а зимой – самозабвенной. К весне же она становится по-настоящему пронзительной, и хочется звенеть в ней восхищённым зябликом или жаворонком. Любая тишина только и ждёт, чтобы её услышали, прониклись её мудрым присутствием и поблагодарили за подаренную радость и покой.

ЛЕСНОЙ ПОРЯДОК

Медведи-сеголетки, в народе их ещё называют «лончаками», проводят первую зиму в берлоге с матерью. Чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть старую медведицу. Но оставить её сами медвежата не могут, а мать отогнать детей не в силах. Вот природа и распорядилась по-своему…

В мае-июне у медведей проходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим запахом, который передаётся и медведице, он отпугивает медвежат, а повторное сближение, если оно происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни.

Мало того, взрослый медведь способен загрызть лончака, только чтобы добиться внимания самки. Ему за обычай предлагать ей себя, тогда как малыши могут лишиться жизни, и мать не в силах им помочь. Оттого и говорят в народе, что свадьба у медведей выходит краденой, никто на ней не пляшет, и когда самец за самкой приходит, медвежатам остаётся только прятаться.

Так у природы с давних пор и заведено: одни крадут, другие хоронятся, и менять своё жизнеустройство она, по всему видать, не намерена: лесной порядок, пожалуй, крепче людского будет, ему потачки не давай!

СЛАДКОЕ ОЦЕПЕНЕНИЕ

В ветреный день заходишь под сень корабельных сосен, и будто оказываешься на палубе величественного брига, где кроны деревьев наполняются, как паруса, ветром, и стволы гнутся наподобие мачты. А вот если вокруг спокойно – ощущаешь себя в уютной тихой гавани, где можно помечтать о предстоящих странствиях или вспомнить героическое былое…

Только упавшая с дерева шишка выводит из этого сладостного оцепенения, но после её падения вновь хочется тотчас отправиться в увлекательное путешествие!

ВОЛШЕБНИЦА-ЗИМА

Всякий год зима возникает в твоём окне, и всё, что происходит за ним, в который раз оказывается необычным. Так же неслышно идёт снег, и с косогора напротив дома скатываются на салазках деревенские ребятишки. Всё просто. Но воспринимаешь всё увиденное с неописуемым восторгом. Зимняя красота так тиха, мудра и чиста, что вызывает в душе лишь сладостные мгновения долгожданного перерождения.

Короткий зимний день удручает только стариков, когда они, изредка взглядывая через плечо в окно, и отрешённо замирая в своей грусти, сидят неподвижно, прислонившись спиной к стене, и не произносят ни слова. Грусть их теперь схожа с бесшумно падающим снегом или таким же неслышным белым сном, что однажды сокровенно приходит хрупким розовым утром и ненавязчиво обнимает дома, сады, замершую подо льдом реку и лес. Невозможно постигнуть, как из года в год, с неукоснительной неизбежностью подступая в одно и то же время, волшебница-зима всех очаровывает и оставляет без ответа: зачем она это делает?!

СТАТЬ ЗВЕРЕМ

Заманчиво проникнуть в неведомый, не похожий на твой, лесной мир! Но для этого нужно преодолеть обустроенную домашнюю обстановку и уют, что отделяют тебя от обитателей леса, и попытаться увидеть ночь глазами совы, учуять добычу обонянием волка и услышать трубный призыв к единоборству с соперником ухом сохатого. Ты сам должен стать зверем, преисполненным жаждой добычи, таким же вольным и неудержимым в своих животных устремлениях, никого и ничего не боящимся.

И вот, как чуткий зверь, пристально вглядываясь и всматриваясь в потаённую лесную чащу, научишься ты постепенно видеть, слышать и чувствовать ещё более тонко, чем прежде. Так глубоко и проникновенно, что меж людей однажды скажут: он себе такую звериную сноровку взял, что у него, как и у леса, всего много… Не человек, клад!

ЧЕЛО

В лесу никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь, но всегда верно то, что тебя в нём ждёт открытие…

Радостно, легко на душе, когда неспешно идёшь на лыжах вдоль старых деревенских покосов, которые будто светятся и плывут над землёй в проникновенном мартовском воздухе. Во всём ощущается какая-то удивительная приподнятость. Идёшь, впитываешь все запахи и краски, и даже не заметишь, в какую глухомань заведёт тебя эта всепроникающая радость, а встрепенувшись, вдруг подумаешь: где-то тут спит под толщей

снега воевода медведь и, не ровен час, может пробудиться от твоего нежданного присутствия. Уже более осторожно выбираешь путь следования, то и дело поглядывая по сторонам, но тихо вокруг, снега лежат нетронутые, и только следы куницы и белки ныряют в глубокий лог, зачаровывая своей потаённой устремлённостью.

И всё же почему-то не перестаёшь думать о медведе, его дремучей косматости и силе, что в любой момент может нарушить устоявшийся за зиму покой. Но недаром говорят: от добра добра не ищут, от хлеба – хлеба, а от покоя – покоя. Медвежьему покою сопутствует особая лесная тишина, которую человеку надлежит не нарушать. Ну, а уж если потревожил, пренебрёг исконной таёжной заповедью, то делай это так легко, чтобы медведь не заподозрил подвоха и возмущённое тобой затишье стало частью лесного быта. Стань сам зверем, растворись в лесном мире, дыши в такт его дыханию, и медведь, чутко прислушиваясь к твоим шагам, лишь успокоено вздохнёт, перевернувшись на другой бок.

Безмятежное состояние медведя в берлоге не могут нарушить размеренные шаги лося, однотонное постукивание дятла или вскрикивание филина. И если даже рядом с логовом лесного исполина окажется человек, ему просто не следует совершать резких необдуманных движений, останавливаться, внезапной тишиной настораживая зверя, а спокойно и ровно продолжать свой ход на лыжах: шик-шик, шик-шик, шик-шик, как будто это лесной зверь проходит мимо, и дела ему нет до медведя и его снов. Любой звук в лесу должен звучать по-лесному, под стать шорохам ветра, ветвей, мёрзлой позёмки. Всё слышит ухо медведя, но не пугает его, если оно знакомо ему, и только чужой для леса звук может насторожить зверя, и он поднимется из берлоги.

Несмотря на умиротворённое мартовское солнце, синие тени от берёз, радостно сбегающие в лог, всю весеннюю восторженность в окружающей природе, ты не представляешь, что это на самом деле может произойти: зверь восстанет чёрной тучей, метнётся к тебе и в два счёта накроет с головой. Что ты тогда сможешь предпринять и как предупредить звериный натиск озлобленного со сна медведя?!

Сердце сжимается от страха при мысли об этом, гонишь её прочь, а глаза цепко вглядываются в сугроб или завал из деревьев. Предупредительно обходишь его стороной, осматриваешься и то и дело останавливаешься, чтобы успокоить учащённое дыхание. Прислушавшись же, осторожно продолжаешь свой путь.

Затаенно покоятся лазурные снега, уже покрывшиеся запёкшейся на солнце корочкой, непробудно спит ручей на дне глухого лога, но не долго ему осталось ждать: скоро понесёт он свои снеговые воды к лесной реке, которая будет становиться шире день ото дня, еле сдерживая подступающее возрождение, и однажды разбудит лесную тишину весёлым грохотом и шумом.

Перейдя лог, неспешно преодолеваешь замершие полянки, уже приблизившись к леску на горке, облегчённо вздыхаешь, будто сбрасывая с себя внутреннее напряжение: ничего не случилось и ты благополучно миновал глухие места. До деревни – рукой подать, стоит только преодолеть старую делянку на краю лога, да пару покосов. Затем – спуск к реке, отдых у родника, и через какой-нибудь час неспешной ходьбы по наезженной дороге окажешься в нагретом за день доме, у ещё не успевшей остыть печки…

И вот тут, когда этого совсем не ждёшь, в каких-нибудь шести-семи шагах от просеки, на которой ты замер, внимание твоё приковывает повалившаяся от старости осина. Переломленная почти у самого основания, с наваленными на неё молодыми ёлочками и берёзками, она создаёт впечатление неумело сооружённого кем-то шалаша. А под осиной, в небольшой впадинке, занесённой снегом, чернеет отверстие, с добрую краюху, облепленное оранжевой куржевиной. Это чело – изголовье дремучего лесного зверя, который лежит совсем рядом и, может быть, через мгновение проснётся…

ЖИВИТЕЛЬНАЯ ТЕМНОТА

В древности посвящения в великие мистические таинства сопровождались длительным пребыванием в темноте, она оказывалась живительной, когда человек преодолевал её своим внутренним зрением. Так и нахождение в ночном лесу, на глухарином токовище, невольно вызывает устремлённость к усилению в себе внутреннего света, позволяющего видеть…

Лесная тропа, в ночи, особенно – при поиске глухариных токов, сродни жизненной тропе мудрости, проходя которую, ты и не замечаешь, как постепенно, это происходит далеко не сразу, а в течение многих лет блуждания по лесу, твоё внутреннее зрение становится всё ярче. Какие-либо тревоги, связанные с темнотой, покидают сердце, и ты понимаешь, что о испытание тьмой, что уготовил тебе ночной лес, незаметно изменило твою душу, она наполнилась космической ясностью и глубиной. Ты, в конце концов, обрёл недостающие стойкость и мужество, сердце твоё достигло мудрого покоя, и всё это – благодаря потаённой лесной чаще, её завораживающей темноте, несущей в себе внутренний свет.

Именно благодаря глухариным токам я открыл для себя, что ночь не так уж непроглядна! Даже без луны глаз способен воспринимать окружающие предметы достаточно ясно, а по прошествии некоторого времени и вовсе осваивается в обступившей темноте.

Надо не лениться и как можно чаще бывать в ночном лесу, особенно – весеннем, и тогда увидишь многое из того, чего ни за что не встретишь днём. Лес устроен так, что ночь в нём полна жизни!

ФЕВРАЛЬСКИЕ ОТТЕПЕЛИ

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели… Снег на молодых ёлочках подтаивает, скатывается, и деревья стоят обнажённые, вроде бы, даже чуточку растерянные, будто и не зима вокруг, если смотреть только вверх. Ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежной пудрой, анна утро – опять тепло, и тогда припорошенные ёлочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блёстками, выглядят ещё более молодыми.

Стоит конец февраля, а птицы и звери уже начинают делиться на пары. Клесты в лесу единственные, кто выводит птенцов. Весь шум в лесу от них. Носятся стайками, неутомимо щебечут, обрывая шишки с верхушек высоких елей.

Дятлы, забираясь в осиновую гущину, с остервенелым вскрикиванием гоняются друг за другом, они в эту пору не похожи на себя. Белки, цокая и вереща, время от времени перебегают с дерева на дерево, возбуждённо играют. Все они сейчас задают тон в лесу.

А вроде бы, тихо протекает лесная жизнь, надёжно скрыта она от посторонних глаз, нелегко пробраться к ней через великие сугробы. Снег, не переставая, кружит и падает с небес, и наст никак не может установиться. То и дело посвистывают метели, морозы прижимают снежный покров плотнее к земле, а через несколько дней опять валит снег, и нет ему конца.

Тяжело стало передвигаться большим зверям: волку – скрадывать добычу, лосю – отыскивать более сочную кору. Только лёгкому на подъём зайцу всё нипочём: в тёплые дни изредка можно услышать его предвесеннее боботанье.

Долго ещё лежать снегам, дуть колючим ветрам, далеко до прилёта птиц, но в февральские оттепели уже ощутимо пахнуло весной, новой пробуждающейся жизнью. День усиленно прибывает, переваливает через надоевшую зимнюю стужу и длинную ночь. Чем больше света, тем больше радости в лесу!

ВОЗВЫШЕННЫЕ НАСЕКОМЫЕ

С раннего утра и до полудня собирал я однажды землянику, и так устал от надоедливых насекомых, что до станции решил добираться по железнодорожному полотну. Июльское солнце пекло неумолимо, и, шагая по шпалам, я не сразу обратил внимание на многочисленных бабочек, которые десятками витали над самыми рельсами. В основном это были переливницы ивовые, довольно крупные, отливающие перламутровой синевой, хотя среди них попадались и капустницы с боярышницами, крапивницы и «павлиний глаз».

Бабочки порхали вокруг разноцветным облаком и воспринимались летним днём совершенно естественно, но постепенно я обнаружил, что они

не отлетают от насыпи, а держатся, как привязанные, у железнодорожных путей. Причём, невысоко, на уровне человеческого роста, извиваясь впереди нескончаемой живой лентой. Я забыл и про комаров, и про землянику, и всё никак не мог разобрать, что привлекает бабочек в столь не подходящем месте, когда вокруг так завораживающе тянутся к солнцу налитые травы, источают аромат цветочные поляны, повсюду стрекочут неугомонные кузнечики?!

Но бабочки неустанно вились прямо под ногами, присутствие человека их ничуть не занимало и не отпугивало, и они были будто чем-то околдованы. Присмотревшись, я вдруг обнаружил, что многие из них вели себя, словно пьяные, перелетали как-то неровно, боком, некоторые вообще падали и, видимо, не в силах подняться, судорожно трепыхали крылышками. Временами попадались и вовсе окоченевшие бабочки, наверное, сбитые проходящими электричками, с изуродованными и разорванными тельцами, извалянные в пыли. Жалко было смотреть на эти беззащитные существа, ещё недавно порхающие в воздухе живыми цветками.

Остановившись и отойдя немного в сторону, я стал наблюдать за происходящим и вскоре убедился, что виной необычному поведению бабочек был креозот, им обычно обрабатывают шпалы, предохраняя их от гниения. Под палящими лучами едкая жидкость вытапливается, превращаясь в густые матовые капельки, а бабочки летят к ним, привлекаемые исходящим дурманом, присаживаются рядом и жадно пьют, тотчас пьянея.

Ни яркий солнечный день, ни его ласковое тепло, ни цветочный нектар уже не притягивали возвышенных насекомых: им хотелось впитывать только этот неведомый, но чарующий для них «сок», и с помощью него они, наверное, уносились в ещё более безоблачные и недосягаемые июльские дали.

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Белёсое, затянутое мутной плёнкой зимнее солнце как-то неловко выкатывается на хмурое небо и, прячась за рваные бесцветные тучи, начинает потихоньку светить. Делает оно это почти незаметно, но приглядевшись, от него трудно бывает оторваться. Чем-то неизъяснимым притягивает к себе солнце в этом занесённом метелями мире.

Солнце почему-то хочется запомнить и даже унести с собой, поэтому часто достаёшь фотоаппарат и снимаешь. Ждёшь, когда тучи минуют его кремовые, чётко очерченные бока, и нажимаешь на спуск. Теперь солнце в каждом своём неповторимом мгновении остаётся с тобой.

Но тебе всё мало, ты жаден до его непередаваемо загадочного и рассеянного света, и всё снимаешь, снимаешь, стараясь запечатлеть что-то важное для себя, не упустить его, а солнце, равнодушное к твоим попыткам обрести его тайну, неприметно перекатывается по зимнему небу, то исчезая, то вновь появляясь в туманных февральских просветах…

СТОЙКАЯ ЕЛЬ

Шёл я как-то по первому снегу глухой лесной гранью и увидел поваленную через неё пихту. Присел отдохнуть, достал термос, бутерброды, а взгляд остановился на стоящей напротив ели. Поначалу я в этом дереве ничего особенного не обнаружил: ёлка как ёлка, только почему-то вся в смоле, стекающей сверху и засохшей жёлто-белыми струями до самой земли. Долго не сводил с неё глаз просто потому, что она росла прямо передо мной, и только потом разглядел: под застывшим смоляным слоем почти отсутствует кора…

Кора оказалась содранной острыми медвежьими когтями, глубоко пропоровшими древесину. Весь бок ёлки был исполосован этими ранами, а выбросив вверх руку и встав на цыпочки, я ещё на полметра не дотянулся до начала борозд. Трудно поверить, что медведь просто метил территорию, обходя свои обширные владения. Слишком жестокими показались мне нанесённые дереву повреждения, и я представил, как всё это происходило.

Обойдя дерево, я вдруг заметил на уровне пояса гораздо меньшие по размеру углубления, принадлежащие, несомненно, совсем небольшому медведю. Вероятно, это был лончак или пестун, а глубокие зарезы от когтей на противоположной стороне оставила его мать – огромная сильная медведица. Что-то очень здорово разозлило её и она не придумала ничего лучше, как разделаться с неповинным ни в чём деревом, которое стояло открытым и, по-видимому, первым попалось под лапу разъярённому зверю.

Медведица долго не могла успокоиться, изуродовав страшными когтями ствол, но ель достойно выдержала этот натиск разгневанного животного, не сломалась, и постепенно, незаметно для всех, залечила раны.

БАБОЧКИ НА ЛУЖАХ

Всем хорошо известны бабочки-боярышницы и бабочки-капустницы. Белоснежные, с чёрными прожилками и редкими пятнышками на крыльях, они чаще всего попадаются нам на лесных тропинках и полянах. Именно боярышницы с капустницами рождаются в огромном количестве, больше, чем другие бабочки, потому что они просты, неприхотливы, и, наверное, их создание происходит без всякой натуги для природы. Это не замысловатые траурница или подалирий, кажется, требующие от неё более тщательных усилий, а всего лишь обыкновенные, примелькавшиеся бабочки, без которых, между тем, невозможно представить красочное лето.

В самом его начале все белые бабочки тучами присаживаются на грязные высохшие лужи по лесным дорогам, сидят скученно, сплошным шевелящимся покрывалом, и ты не сразу разберёшь: цветы это или какой-то белый налёт? Странное зрелище!

Только подойдя вплотную, вдруг различишь, что это – скопище бабочек, которые сидят тихо, чуть вздрагивая усиками, и будто уснули, неизвестно кем околдованные. Опустившись на корточки, попытаешься рассмотреть, чем бабочки занимаются, но, пристально вглядываясь, с недоумением обнаружишь, что ничего особенного не происходит. Бабочки сидят, прижавшись к земле, будто от кого-то таясь, и лишь изредка переползают с места на место. Они не пьют мутновато-бурую воду из почти пересохшей лужи, а просто замирают отчего-то, словно изможжены сильной жарой или дальней дорогой. Что им грязь!

Ты и сам, позабыв про усталость и зной, наподобие бабочек застываешь рядом с ними молчаливым изваянием, и пьёшь глазами этот лесной покой, незаметно освежающий душу. Вокруг разлеглось такое родное, полное загадок лето, тебе хочется продлить это маленькое удовольствие, и ты не в силах прервать своего короткого знакомства с белоснежными боярышницами и капустницами, хотя они и присаживаются по лесным дорогам в самую грязь.

Дедушка Георгий, живущий по соседству в деревне, взял меня однажды на свой покос, показать, где в обилии растёт земляника, и об этих скоплениях белых бабочек сказал так: «На дороге грязь, так овёс – князь, а если по ней бабочек рой – год будет грибной!»

КОСОЙ

Бывало, забредёшь зимой в густой ольховник и неожиданно поднимешь зайца. Сначала послышится еле ощутимый хруст, потом мелькнёт между стволами размытый силуэт, и, выскочив через мгновение на открытое пространство, зверёк полетит живой пружиной: весь настороже, навостря уши.

При этом чёрный глаз его будет косить себе вслед, и заяц станет различим так отчётливо, что подумаешь: белее снега его шкурка. Причиной тому - чёрные маслины мятущихся глаз зайца, что от перепуга кажутся большими и заметными.

Но так ли труслив заяц, как ходит о нём молва? С трусливым умом не наделаешь таких смекалистых петель и скидок, которыми он норовит запутать охотников до зайчатинки. Неторопливо плетёт зайка на снегу замысловатые кружева - основательно, с усердием.

Негоже ему торопиться: что, если распутает след хитрая лисонька, и тогда не миновать беды! Заяц всегда готов предупредить её, он ни на минуту не забывает вслушиваться и всматриваться в окружающий мир, и даже когда уносит ноги, большие чёрные глаза его косят назад, словно присматриваются: как там обстоят делишки? Не зря заяц получил в народе своё самое известное прозвище – «косой»!

СИЛА ПРИРОДЫ

Всё в природе награждает человека своими исконными качествами. Он становится лёгок и бодр при виде умытого утренним дождём облака, весело бегущего по небу. Могучим и глубоким душой от столкновения с лесным воеводой-медведем, не желающим уступать дорогу. А то бывает и так – станешь осторожен до беспамятства, подобно бедолаге зайчишке, что ещё до снега сменил летнюю шкурку на зимнюю, и вздрагивает от каждого шороха…

Сила природы так велика, что человек не может противостоять ей, невольно подчиняется и, преображаясь, порой не узнаёт себя.

В ГОСТИ К ЛЕСУ

Случится с тобой однажды такое, что жизнь покажется бессмысленной: и еда не лезет, и работа в тягость, и сон отлетает, и в лес идти совсем не хочется. Так проходит день, другой, третий, а то и неделя, даже месяц. Вот и солнечный март подступил – у тебя же одна мысль: как бы одолеть кручину и поверить в спасительную перемену, чтобы она, нежданно-негаданно, коснулась твоей души, и та, хоть маленечко отогревшись, радостно затеплилась, ожила?

А надо-то было всего лишь забыть на время себя самого, и помочь какому-либо доброму человеку. А ещё лучше - улечься с вечера пораньше, позабыв про все приключившиеся с тобой горестные переживания, радостно пробудиться поутру от барабанной дроби дятла, протяжно и звонко раздающейся в ближайшем лесу, и отправиться к нему в гости.

ЦВЕТЕНИЕ

Далеко не сразу я разглядел, что дожди бывают разноцветные… Первые, апрельские, обычно чисты и прозрачны, подобно драгоценным слезинкам земли – алмазным камешкам. В них сосредоточен весь весенний свет. Летние, с солнцем, золотисты, с туманной дымкой – нежно-перламутровые. Осенью же, в октябре, из-под высоких небес летят и разбиваются о ветви холодные серо-коричневые капли.

Но когда приглядишься к ним, то различишь, что скоро уже закружит в воздухе долгожданный снегопад – на одном часу и снег, и дождь, и после такой чистоты в природе заиграет в небе, сияя всеми красками, ясное солнышко. Быть было ненастью, да белый снежок помешал. Столько на свете разного цвету, что сердце играет, а лицо тоже цветёт!

К НЕБЕСАМ

Во сне мне часто снятся одни и те же лесные места, в них я, вроде бы, неоднократно бывал, но вот что странно: наяву ни одно из них мне не встречалось. При этом – я хорошо знаком с лесной местностью, что приходит ко мне во снах. Несомненно, я неоднократно оказывался здесь, ибо очень легко ориентируюсь среди речных распадков, перелесков, холмов и потаённых троп, прекрасно представляя – куда мне следует каждый раз направиться, чтобы достичь задуманной цели.

Я иду по диким безлюдным местам, совершенно не тронутым бездумным вмешательством человека, и в тоже время понимаю, что моё нахождение в этом загадочном лесном мире не случайно: оказывается, я давно уже исследую его, причём, всегда один, и никто из людей мне здесь никогда не встречался. И всё это – во снах, что происходит с каким-то неизведанным для меня постоянством, когда я прохожу и давно знакомыми тропами, и ещё неизведанными.

Продвигаюсь по ним уверенно, точно зная – зачем я это делаю там, в своих снах, но когда просыпаюсь – не могу вспомнить: по какой причине я очутился в лесу, что не существует в реальном мире, тогда как могу отправиться в любой момент в свои любимые лесные места в настоящем, не погружаясь в сон… И сон ли это, а не перемещение души в иное энергетическое пространство, может быть – параллельное тому, где я сейчас живу?!

Случалось, наяву мне встречались в лесу такие уголки, к которым стремишься в мыслях, но не находишь ответа: чем они так привлекают? Вроде бы, те же величественные боры, потаённые лога и тропинки, что и в других местах, и всё же в них скрывается нечто неповторимое. Как объяснить эту удивительную привязанность, когда весь остальной лес для тебя как будто бы отступает на задний план?!

Наверное, в таком кусочке леса живёт часть твоей древней души, которая когда-то не захотела его покидать, а при встрече с тобой обращает на себя внимание и неотступно манит. Может быть, даже это была не одна жизнь, а несколько, что ты прожил в лесу, и теперь уже не в силах обрести вновь. Оттого и приходишь под таинственный лесной полог, ищешь их и не всегда находишь. Лишь редкие островки былой памяти будоражат твоё воображение, и ты радуешься тому, что не забыл их до конца, и они когда-то были.

Но всё, что происходит с тобой во сне – совсем иное… И, тем не менее, ты бывал здесь, где всё тебе хорошо знакомо! Скорее всего, способность бывать в невидимых тебе на земле мирах, и только - во сне, связано с путешествиями души человека. Вернее, с помощью одного из тонких тел, принадлежащих ему, а именно - астрального, когда твоя духовная субстанция уже достаточно развита, она достигла более высокого уровня сознания, и

обрела возможность перемещаться в энергетическом пространстве более свободно, то есть – осознанно.

А поскольку тебя глубоко занимает изучение природы, желание разгадывать её многочисленные тайны, и ты нередко бываешь в родном лесу, в своих любимых местах, то твоя развивающаяся душа, конечно, стремится к постижению непознанного, что лежит за рамками хорошо известного. Ей не хватает раскрытия новых горизонтов, и она неудержимо устремляется к ним, где бы они ни пролегали, пусть и за окраиной земной поверхности: ничто не в силах удержать тебя от овладения недостающими знаниями.

Воображаемое тебя уже не устраивает, твоё бессмертное духовное существо, одарённое всевышним разумом и волею, просит достижения непознаваемого, чтобы оно стало известным. Нет пределов тому, что способно объять это внутреннее природное око, твою неизбывную живую душу, что устремляется в беспредельную и увлекательную вечность, без начала и без конца чудесный божественный праздник. А как известно, чего душа, обращаясь к небесам, желает, то Господь и даёт!

ПТИЧИЙ ДОМИК

Когда осенью опадает листва с деревьев, к удивлению своему замечаешь в лесу множество птичьих гнёзд, которые до сих пор были скрыты от наших глаз. Искусно слепленные из пуха, глины и сухих травинок, они так же искусно прикреплены к стволу или развилке сучьев, а то и подвешены к самому концу какой-либо ветви. Гнёзда ещё не разрушены непогодой, выглядят довольно аккуратными и, бредя мимо, ты всегда невольно попытаешься представить себе их хозяев, которые уже давно отлетели на юг.

Вспомнишь тут весну и то, с каким восторгом выплёскивается в наши леса эта неописуемая волна радости, которую приносят с собой птицы. Вернее, прилетающие птицы – сама радостная волна, что сменяет одна другую, и так до конца мая, с непрекращающимися заливистыми трелями, которые, кажется, символизируют утверждение всеобщего счастья на земле. Недаром говорят: счастье – что вольная пташка: где захотело, там и село. Так и птица: вроде бы не сеет, не жнёт, а сыто живёт, и уж чего ей не занимать, так это – воли, которая у птицы, между тем, в трудах праведных проходит, в особенности весной.

В эту пору есть у птицы и пение, и полёт, и ветка, которая ей лучше золотой клетки, но вот самое сокровенное, ради чего она и летит и поёт, это - её гнездо. И тесен будто бы дом, а для птицы просторен, в нём совершается великое таинство рождения, и птица очень ответственна в своём жизнетворчестве.

Нет дерева, на которое бы птица ни садилась, да только не на каждом она себе гнездо вьёт. Чаще всего это хвойные деревья, в особенности – ель, и всегда гнездо располагается с защищённой от ветра стороны. Птицы в первые дни просто таскают гнездовой материал в клюве, бросая его где

попало, подхватывают новый и собирают его в пучки, а затем уже начинают носить к месту постройки. Высокое расположение гнезда требует от птицы немалых усилий, так как ей приходится летать за гнездовым материалом и поднимать его на высоту.

Весь материал, какой птица использует на постройку гнезда, пустой, никому не нужный, развеваемый ветром: соломинки и пушинки, мелкий хворост, капельки воды и кусочки почвы – всё, что удалось раздобыть в освобождающемся от снега лесу. Сначала птичка обвивает клочок паутинки вокруг веточек, одновременно растягивая его в нить, затем обрывает торчащую снаружи бахрому, вновь используя её при оплетении. В то время, как самец впутывает всё новые и новые ленточки в стенки гнезда, самочка забирается вовнутрь и осторожно утрамбовывает собой своё будущее жилище, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Так создаётся полукруглая форма гнезда, и когда основа его завершена, в стенки гнезда всовываются мелкие веточки, листики и травинки, после чего лоток выстилается перьями и волосом. Без рук, без топорёнка строится птичья избёнка, и при этом птица никому не причиняет какого-либо неудобства, оставаясь неприметной.

За весенними заботами в своём огороде ты порой даже забываешь о существовании птиц, а вспоминаешь лишь с момента появления их возле твоего дома, когда родители с быстро подрастающей ватагой птенцов принимаются за уничтожение насекомых. Тут-то ты и порадуешься в очередной раз за своих неугомонных соседей, в душе поблагодарив птиц за оказываемую ими услугу. И опять, глядя на птиц, тебе покажется, будто они живут без забот и при этом ничуть не тужат: только бы не переводились червячки и мошки!

И вот пришла осень, за ней задули суровые метели… Птицы давно покинули родные края, и тебя уже не одолевают лёгкие, присущие только лету думы: сердце твоё околдовано несказанной тайной зимы. Сидя молча у окна и вперив взгляд за околицу, где возвышается присмиревший хмурый лес, ты вроде бы ни о чём не мечтаешь. Привычно переживать в себе эту устоявшуюся сладкую скуку, как будто забывшись в долгом беспамятстве зимы. Скоро ли ещё растопят её тёплые ветра?

Только с наступлением ослепительного марта, будто отойдя наконец ото сна, отправишься однажды поутру в гости к глухарям, желая проверить ток, да и набредёшь вдруг на чьё-то сорвавшееся с дерева гнездо. Всю ненастную осень и суровую зиму, убаюкивая, крепко держала его в своих объятиях старая сосна, а ближе к весне, видать, сама задремала и уронила. Весенний озорной ветерок подхватил гнездо, и оно закувыркалось по насту, отчего будто бы даже несколько ожило, но не знало, что ему делать дальше. Гнездо цело, а птиц нет.

На первый взгляд мне показалось, что в нём уже давно свила себе убежище смерть – таким одиноким и ненужным оно выглядело сейчас на снегу. Но подойдя поближе и взяв гнездо в руки, я убедился, что брошенный

птичий домик не вызывает ощущения безжизненности, пустоты. В нём оставалось розовое перышко, которое застряло между сухими травинками, чуть вздрагивая на ветру, и от моего прикосновения к нему само гнездо будто бы вздрогнуло и как-то подобралось. Судя по перышку, гнездо когда-то принадлежало зяблику.

Я держал гнездо в руках, неторопливо рассматривал его, раздумывая, как поступить, а оно будто затаилось. Высокие сосны мерно шумели над головой, ветер гнал по синему небу белые облака, и никуда не хотелось уходить из этого пробуждающегося царства умиротворённых теней и восхитительного света.

Я взял гнездо с собой, осторожно положив на дно рюкзака, привёз его домой, и теперь оно лежит у меня в шкафу за стеклом, так что я в любой момент могу подойти к нему и потрогать. В нём до сих пор чувствуется сила, которую когда-то вдохнули в него маленькие красивые птички, и иногда мне начинает казаться, что птичий домик терпеливо ждёт их радостного возвращения, и ни о чём ином не мечтает.

ВЕРБА

Стараясь как можно бережнее сохранять в себе внутреннюю тишину и желание соприкосновения со спасительной тайной, вошёл я однажды в февральский лес уставшим человеком, и он тоже очень трогательно отнёсся ко мне, как будто замер, слегка вздохнув, и стал внимательно прислушиваться к тому, что произошло в нём с моим появлением.

Мелкий, почти не видимый снежок сеялся среди стволов, лёгкая молочная пелена заволокла небо, солнце сквозь неё пробивалось едва ощутимо и только угадывалось по размытому кремовому пятну. Небольшая стайка чечёток встретила меня оживлённым щебетанием, и какое-то время легко и обрадовано сопровождала, пока я не углубился в глухой ельник. А вскоре на крутой сосновой гриве, между двух ложков, я согнал глухаря.

Как мне показалось, он не испугался, а спокойно и бесшумно спланировал впереди меня и, наверное, где-то неподалёку уселся. Больше я в этот день никого в лесу не встретил, и всё время продолжал чувствовать, что лес ненавязчиво всматривается в меня, будто хочет для себя понять: зачем человек потревожил его величественный покой и не принесёт ли ему это ненужные разочарования и заботы? А может быть, человек пришёл с добром или душевной бедой, и ему следует помочь?

И лес в тот день отгадал меня, он понял, как мне плохо, и, конечно, поддержал. Ничего, вроде бы, вокруг не изменилось: всё так же сеялся невесомый снежок, слепо пробивалось сквозь облака солнце, высокие ели стояли притихшие и безучастные.

А я шёл неспешно на лыжах, пригибаясь под склонёнными снежной тяжестью деревьями, слегка дотрагивался до них рукой и, освобождённые, они взмётывались вверх, уступая дорогу. Деревья, будто вскрикивали на

мгновение от радости, но тут же забывались и опять погружались в сон. Всё вокруг было недвижимо, печально.

Ничего, казалось, не могло произойти в лесу, что бы рассеяло эту неизъяснимую грусть, но незаметно что-то важное уже происходило во мне самом. Мне вдруг захотелось собраться с мыслями, а размеренное движение на лыжах почему-то не позволяло это сделать. Зато я начал пристальнее приглядываться к окружающему лесу, ещё более ценить всё, что он открывал мне в этот день, и, наконец, увидел то, к чему подсознательно, с самого утра, стремился: у самого края поляны стояла высокая … распустившаяся верба, и это в двадцатых числах февраля, в крепкий мороз!

Я бы и не обратил внимания на это огромное дерево, если бы не проходил под его склонившимися ветвями и не приподнял одну из них. Только тогда взгляд мой упал на распустившиеся барашки… Их было множество, они весело серебрились на фоне приоткрывшейся небесной синевы, и это никак не укладывалось у меня в мыслях.

Задрав голову, поражённый никогда не виданным зрелищем, я любовался им и не мог поверить, что подобное возможно. Это было самое настоящее чудо, подаренное лесом, и я не сомневался, что именно для меня.

ЛЕСНОЙ ШУМ

Трудно не запомнить день, не похожий ни на какой другой, тем более, на глухарином току, когда ещё с вечера, на подслухе, всё складывалось как нельзя лучше. Ты благополучно подсмотрел подлёт глухарей, запомнил место их присадки и, скоротав пару часов у костра, до рассвета осторожно подобрался к нему.

Рассвет тоже выдался на славу: величественный, малиново-пунцовый, без малейшего ветерка. Слышно было, как где-то медленно падает на землю сухая сосновая ветка, изредка цепляется, застревает, но всё равно валится вниз. Всё было готово к пробуждению птиц, и лес как-то по-особому замер, на короткий миг настороженно затаился.

Глухарь запел вовремя, впотьмах, когда даже на отдельно растущей ветке его не различить, а можно только услышать сухой стук от падающего помёта, и как гремит перо у токующей птицы. Всматриваешься до боли в глазах в настороженную весеннюю темноту, кровь стучит в висках, и всё кажется: глухарь почувствовал тебя или заметил, и вот-вот сорвётся в лесную чащу. Звуки его песни отчётливы и в тоже время как будто приглушены: от неё невозможно оторваться, и волнение твоё доходит до предела.

Глухарь изредка перелетал с верхушки на верхушку, и я неслышно перемещался за ним, так что к рассвету оказался на краю укромной, заросшей низенькими берёзками полянки, служившей когда-то покосом. В какой-то миг солнце выкатилось из-за леса, щедро брызнуло между стволов, и поляна окрасилась кремово-розоватым цветом. Песня глухаря от этого, кажется, ещё более оживилась, глухарь повернулся грудью к востоку и

восторженно рассыпал колено за коленом. Я стоял на краю опушки, почти под самой птицей, и был так увлечён глухариным токованием, что забыл про ружьё в руках.

И тут я отчётливо услышал за спиной чьи-то шаги… Кто-то осторожно шёл прямо в моём направлении, и шорох от этих шагов усиливался благодаря кровяным молоточкам, учащённо барабанящим в моих напряжённых руках. Шум шагов ширился, рос, и вскоре, боясь нарушить воцарившуюся таинственность, я уже воспринимал их почти за спиной, но повернуться не решался. Пересилив страх, хотелось дождаться мучающей разгадки, никак не выявив себя. Кем мог оказаться неведомый лесной гость в этот предутренний час на далёком глухарином току?!

А шум всё усиливался, но почему-то воспринимался воздушно, оторвано от земли. Он обтекал окружающие кусты и деревья, наполняя собой настороженную тишину, потому что был единственным, помимо глухариного пощёлкивания и точения. Шум вобрал, кажется, и меня, и когда он превратился во внутреннее переживание, и я решил уже было повернуться, что-то коснулось моей ноги… Стараясь не двигаться, я скосил вниз глаза и обнаружил … копалуху.

Не обращая на меня внимания, вернее, не замечая, рыженькая курочка, переваливаясь с боку на бок, ловко вышагивала по еле приметной тропинке, а я оказался прямо у неё на пути. Копалуха, наверное, приняла меня за дерево или пень, и не побоялась коснуться оперением, пробегая почти вплотную. Она была увлечена присутствием красавца мошника, которого уже давно заслышала из своего ночного укрытия, и теперь в возбуждении пробиралась на его песню, желая поскорее оказаться рядом с ним. Ничто не могло остановить копалуху в её страстном стремлении к любви.

Я с облегчением перевёл дух, ещё не осознавая, что впервые вижу подобное: как копалуха подбегает к глухарю на его песню, и он слетает к ней на землю. Какое-то время они милуются, играют, а затем уединяются в лесной чаще для совершения великого природного таинства.

Не шелохнувшись, стоял я и любовался этим чудесным тихим утром, увлечёнными друг другом птицами и невольно думал о том, что в лесу малейший шорох порой сродни неведомому и жуткому шуму. Должно пройти достаточно времени в лесных скитаниях, прежде чем ты научишься отличать опасность от обворожительной тайны, и будешь спокойно и радостно воспринимать всё так, как есть: и глухариную песню, и поднимающееся солнце, и пронизывающий ветер с холодным дождём, и столкновение со зверем, и самые неожиданные звуки и шорохи, на которые только способен пробуждающийся весенний лес… В лесу, говорят в народе, даже самую радостную думу думают без шуму, а любой лесной шум – это его благо и ум.

ОДИНОЧЕСТВОМ МИР СИЛЁН!

Чтобы выразить свои любовные чувства, многие птицы собираются по весне в одно место и принимаются токовать. Турухтаны резко, отрывисто трещат, дупели - будто лучину ломают, бекасы блеют барашком, глухари пощёлкивают, а тетерева бормочут. Редко, когда кто-нибудь из них остаётся один, провозглашая весну как будто в безвестности, потому что птицы в эту пору предпочитают оживлённые сообщества. Им нужно, чтобы кто-то видел их, восхищался, благоговея перед той красотой, которую источает всё их существо, и отдавал им своё сердце.

Дупели сосредотачиваются на рёлке, среди болота, бекасы – в воздухе, над какой-нибудь поймой реки, глухари – в чащобе, у старого заброшенного покоса, тетерева – на прогалинке, только что вскрывшейся от снега, вяхири – на укромных еловых опушках. Всем найдётся в лесу пристанище по весне, когда хочется любить и быть любимым. Но вот если ты остался один, то можешь выбрать место самое неожиданное, на первый взгляд совсем не подходящее. Одинокому, как говорится, везде дом.

Так, сам по себе, без дружки и подруги, затоковал однажды тетерев-косач прямо у нас на виду, когда мы с приятелем расположились на вытаявшем угоре у старой заброшенной пасеки. От пасеки осталась одна дощатая стена, выходящая на юго-запад, вокруг покоились полуистлевшие замшелые ульи и только кое-где проклюнулись из не одевшейся земли цветочки мать-и-мачехи, да редкие подснежники робко потянули свои головки в пробуждающееся пространство. В лесу воцарилось то ожидание всплеска жизни, которое бывает только весной, в середине апреля, когда, по народному поверью, даже одна голова и смеётся, и плачет, и скачет.

А тетерев действительно остался один, и трудно было разобрать: то ли он радуется, то ли горюет. Косач уселся прямо напротив нас, на противоположном склоне глубокого лога, и постепенно так распелся, что трудно было предположить, будто один в поле не воин. В народе говорят, что если один у каши загинет, то только не весной, и наш тетерев, наверное, всё про одно неутомимо токовал: как чудесна весна, как вкусна прошлогодняя клюква, которая перезимовала под снегом, как жарок его собственный голосок и неотразима выпяченная грудь, отливающая тёмно-бархатистой синью! Видно было, что тетереву никуда не хочется улетать: один одного весной стоит.

Перед нами стоял покосившийся стол, облупившийся от снегопадов и дождей, хозяева старой пасеки почему-то никак не представлялись, и это было хорошо: лес, старая пасека и, никому неизвестная, речушка Карабаиха будто замерли, затаились в преддверии именно их весны, которую разбудили люди. Нам нравилось уходить в лес далеко-далеко, мы как-то угадывали эти глухие места, в которых нас будто ждали неведомые силы, а придя туда и обустроившись, просто наслаждались покоем и тишиной. Всегда в этих лесных уголках поджидало что-то интересное, что запоминалось на долгие

годы, и этот одинокий косач, поначалу не вызывавший особого интереса, постепенно всё более приковывал наше внимание.

Косач не умолкал весь вечер, перелетал с дерева на дерево, и вновь принимался самозабвенно токовать. Тетерев будто догадывался, что мы за ним наблюдаем, никуда далеко не перемещался, и каждый раз норовил выдать ещё более переливчатое колено. Усевшись на суку, как баба на току, он то дребезжал крыльями, то разводил ими, словно руками, и беззлобно кому-то грозился: «бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу». Мы же молча любовались его расфуфыренным видом, и постепенно, через эту заброшенную пасеку, безудержно зарождающуюся повсюду весну и забавного косача, совсем, кажется, не переживающего своего одинокого положения, всё отчётливее для себя понимали: одиночеством мир силён!

КРАСОТА ЖИЗНИ

Красота жизни… Основу её, конечно, составляет божественное содержание, иначе – это просто занятная привлекательность. А божественное содержание предполагает высокую жизненную энергию и мудрую целесообразность, призванную обеспечить бесконечное развитие любого существования. Такова природа всего божественного, и в своей основе, не важно – лес это, горы или море, она всегда интересна, богата и прекрасна.

ЗВУКОВОЙ КЛЮЧИК

Всегда поражало: как завораживающе звучит в весеннем лесу барабанная дробь дятла! Думалось: лес необычайно гармоничен, если так мелодично несёт в себе однообразную стукотню дятла, и он полон невероятных проявлений, которые соединяются в его насыщенном звуками живом пространстве. А барабанная дробь, может быть, самая выдающаяся вибрация, услышав которую, настраиваешься в жизни на что-то самое важное, и терпеливо ждёшь, что за диковинную дверцу откроет в твоей судьбе этот звуковой ключик?

ЛОСИНЫЙ ВОЛК

За последнее время в наших лесах всё чаще стали попадаться лоси, у которых вместо лопатообразных рогов растут одинокие, очень заострённые пики. Подобные рога в природе опасны, особенно у таких агрессивных зверей, как сохатые, какими они бывают осенью, во время гона, когда устраивают между собой отчаянные турниры за самку. Случайно какой-либо самец может поранить своего соперника, порой очень тяжело, и это приводит к нежелательной гибели красивого зверя.

Среди охотников нередко можно услышать рассказы о таком «лосином волке», как его называют в народе. Но отчего, всё-таки, «волк»? Если уж говорить о каком-либо наносимом вреде, имея ввиду, что этот необычный лось обладает таким жутким «оружием», то под «волчью» характеристику подходит, скорее, какой-нибудь бык или, на худой конец, носорог, но в наших лесах эти звери не водятся.

И всё же, лося с устрашающими рогами нарекли не иначе, как «волком», по-видимому, только по причине того, что именно этот зверь в среднерусской полосе способен нагнать страху на кого угодно. Поэтому в народе и причислили хорошо известного всем сохатого, к тому же, наделённого от природы невиданными пиками-рогами, к волчьему племени.

Не зря многие охотники считают достойным поступком застрелить этого лося-убийцу. Мне и самому однажды привелось участвовать в охоте на этого необычного зверя, но сам по себе он не выглядел угрожающим, и только невиданные рога, неизвестно для чего доставшиеся ему от природы, вызывали содрогание.

Лось, конечно, не сознавал себя «волком», но выглядел таким в глазах людей. И хотя он лежал повергнутый, с неестественно задранной головой и вывернутыми копытами, его саблевидные рога как будто вонзались в тебя, и ты почему-то переживал в душе не страх, а вину. Но виноватого, говорят в народе, Бог рано или поздно отыщет. Правда, и то верно, что коли и был рог, так не сломил его Бог: правда всегда рогатиной торчит.

ЦВЕТОК

В начале ноября, по утвердившемуся снежному покрову, шёл я краем жнивья и вдруг увидел цветок. Скрытый от снега маленькими пушистыми ёлочками, цветок отнюдь не выглядел робким и тянул свою лиловую головку кверху довольно уверенно. Лепестки его тоже не выглядели поникшими, и, если бы ни снег, он бы, наверное, не привлёк моего внимания. Было похоже, что цветок, несмотря ни на что, жив, и это меня озадачило.

Я остановился, присел на корточки и внимательно его рассмотрел. Цветок отдалённо напоминал астру, только более утончённую и загадочную. Стройный стебелёк имел красноватый оттенок и был довольно высокий, с продолговатыми удлинёнными листочками. Сам же венчик представлял из себя множество нежно-лиловых пушистых нитей, сливающихся в изящный хохолок.

Пришедшая непогода, кажется, не особенно обременила цветок, и всё же это было странно: кругом лежал снег, было холодно, и даже травы давно пожухли. Что помогало цветку выстоять совсем одному и при этом сохранить живые краски? Как вообще могло случиться, что после двухдневной метели и крепких ночных холодов цветок не угас?!

«Наверное, он просто несгибаемый, - подумал я, - потому, что подобные ему существуют всегда. Они встречаются среди людей, зверей, деревьев, и

почему бы им не быть среди цветов?» Мой цветок оказался именно таким – непокорным судьбе. Он выстоял вопреки всему, что могло его убить, но не убило. Может, цветок остался цел благодаря какой-то одной ему известной истине, которую обретает только самый сильный, а значит – свободный?!

В последний раз глянув на цветок и осторожно коснувшись его рукой, я понял: самое настоящее в жизни до такой степени просто, что о нём никто не в состоянии серьёзно думать, и чаще всего оно остаётся незамеченным. Но это настоящее просится на язык и бумагу, причём, делает это ненавязчиво, как будто заведомо предугадывая непонимание в отношении себя. Оно всё терпит, чего-то ждёт и ещё более очищается в открытии того, что лучше честного и достойного восприятия окружающей жизни ничего не существует.

КУЛИЧОК

Неподалёку от нашей деревни, на маленькой заболоченной лужице, у самой дороги много лет подряд обитал куличок. Я встречал его всякий раз, когда отправлялся в лес за грибами. В первые два года я не обращал на куличка особого внимания, хотя он всегда очень оживлялся при моём приближении, усердно насвистывая: «кью-вьюи-уиксс, тэке-тэке, кью-вьюи-уиксс, уить-уить-уить!» Наверное, я тогда ещё просто не привык к нему и воспринимал присутствие куличка на одном и том же болотце случайным совпадением.

Но однажды, в пасмурный июльский день, когда многих обитателей леса непогода вынудила притаиться, куличок оказался на месте, и как ни в чём не бывало распевал незамысловатую песенку, что была мне давно знакома. Я остановился у края дороги и долго наблюдал, как самозабвенно крохотный певец превозносит своё маленькое болотце, тогда как небо затянуто мрачными тучами и сеется противный мелкий дождик. С тех пор я стал привечать эту необычную птичку и, подходя к болотцу, думал о ней и старался быстрее отыскать глазами.

Зимой я, конечно, забывал про куличка, но как подступала весна – опять ждал с ним встречи, гадая: прилетел ли он нынче, не пропал ли в дальней стороне? И очень радовался, когда обнаруживал птичку на прежнем месте, подающей голосок с засохшего дерева, стоящего рядом с болотцем. Куличок всегда усаживался на самую вершинку, сидел, повернувшись головой на юг, и мог часами, не переставая, насвистывать в невидимую дудочку, не обращая внимания на проезжающие мимо машины и проходящих людей.

Идёшь ранним утром, а он уже подаёт тоненький голосок, возвращаешься к вечеру из леса – куличок по-прежнему, не унимаясь, мелодично покрикивает. Вроде бы, и дел у него больше нет, кроме как нахваливать родное болотце, радуясь своей неприхотливой маленькой жизни. Я даже знакомым его показал, когда приглашал их в лес за грибами, всем

восхищённо рассказывая про то, какой куличок замечательный и неутомимый, и что мы с ним знакомы давным-давно. Но почему-то мало кто разделял мою радость, должно быть, размышляя так: прилетает на своё родимое болотце маленькая птаха – ну и пусть себе, на то она и птица, чего же тут особенного!

Признаюсь, такое равнодушное отношение к куличку меня немного задевало. Я уже и сам стал про себя подумывать: а, действительно, чего же необычного во всём происходящем? И всё же в голове моей никак не укладывалось, что этот крохотный куличок преодолевает каждый год тысячи километров нелёгкого пути. Неужели только за тем, чтобы вывести потомство в неприметной лужице неподалёку от нашей деревни, да всё лето исподволь радовать тоненьким голоском проходящих и проезжающих на покос деревенских жителей?

Так продолжалось несколько лет. Но вот в прошлом году, в июне, отправился я за грибами – по деревне разнёсся слух, что в лесу пошли первые красноголовики. Проходя мимо знакомой лужицы, куличка на ней, к своему удивлению, я не обнаружил. Долго стоял, вслушивался, надеясь разобрать в птичьем многоголосье песенку своего давнего знакомого, да тщётно: болотце пустовало.

Решил даже обойти болотинку с другой стороны, насилу пробравшись в кедах по вязкой трясине и чуть не расставшись со своей нехитрой обувкой: всё безрезультатно… Наверное, куличок погиб, печально подумал я, иначе бы он ни за что не изменил родному болоту! Всё в этой жизни рано или поздно заканчивается, не стало и этой маленькой птички, к голосу которой я незаметно привык.

Теперь никто больше не нарушает тишину у лесной дороги и не приветствует прохожих радостной песенкой. К тому же, болотце постепенно совсем затянулось тиной и заросло камышом. Стало как-то пустынно и скучно: с отсутствием куличка во всём окружающем пространстве, кажется, что-то нарушилось.

Долгое время я не переставал думать о куличке, а однажды поймал себя на простой мысли: мне не хватает этой маленькой неприметной птички, потому что она не раз дарила улыбку и поднимала настроение. Не велик кулик, а всё-таки птица!

ГВОЗДИК

Поздняя осень, выпал первый снег, и, как ни странно, наступила именно та пора, когда в нашем лесу оживляются самые маленькие обитатели. В разлапистых ветках ёлок без устали вертится и тоненько посвистывает зеленовато-оливковая птичка – королёк. Ростом он чуть больше стрекозы, разглядеть его можно только замерев и пристально вглядываясь в заснеженный лесной полог, а отличается он от других пернатых малюток

рыжевато-золотистой коронкой на молодцеватом хохолке, отчего и получил своё гордое имя.

За неугомонный нрав и несоответствующую его размерам бойкость лесовики ещё прозвали эту птичку «гвоздик», то есть, несмотря на малость, стойкий и неунывающий, сметливый и проворный. Не зря королёк поёт у нас и в морозы!

КУЛЬТУРА

Культура – это достигаемое человеком, в результате длительной работы души, состояние, неминуемо предполагающее гармонию с самим собой и окружающим миром. Непреложным свидетельством культуры остаётся уважительное отношение к собственным возможностям, что надлежит с неукоснительным постоянством, несмотря ни на что, развивать. Именно культура предполагает веру в то, что Творец, созидающий и наделяющий нас сознанием, желает для всех людей достойного и интересного существования, которое мы должны выстраивать сами, то есть - становиться культурными людьми. Это лучше, чем оставаться ничем, а значит – просто не быть.

РЯЖЕНЫЕ

В грибном царстве нашего русского леса нет равных по раскраске сыроежкам! Исстари повелась в народе поговорка о ряженых в цвета радуги грибах: тридцать пять братьев – и все от разных матерей. Зелёные, розовые и лиловые, ярко-красные и бордовые, пурпурные, голубые, синенькие и серые, тёмно-коричневые, некоторые даже счерна, а то и густо-фиолетовые – нарядные сыроежки неповторимы по цветовым оттенкам, но более трогательна их фарфоровая белизна, которая всегда располагает к доверию и не внушает никаких сомнений.

РУЧЕЙ

В весеннем лесу, наполненном особым смыслом и ежечасной работой, кажется, только ручей беспечен: течёт, ни о чём не задумываясь, куда придётся!

Но и его дорожка – не час пустого пути, а поиск до самой поздней осени счастья для всех лесных обитателей.

СОРОКОПУТ

Только дважды довелось мне увидеть в лесу синицу и мышь, нанизанных сорокопутом на сучки, и я сразу подумал: отчего он так безжалостен, этот сравнительно небольшой жулан, что своим загадочным поведением на самом деле будто плетёт сорок пут? Ведь если есть хотя бы

один глаз, который зорок, тогда не надо и сорок, а сорокопуту зачем-то надо. Может быть, только затем, чтобы постоянно устрашать потенциальную жертву, заранее угнетая её этой боязнью жестокой расправы? Но сорок пут хоть кого на чистую воду выведут, как бы ты мудрёно их не плёл, потому что они, скорее всего, для того и предназначены, чтобы запутать и увести от истины, да только сколько ни путай, говорят в народе, а концы выйдут наружу.

Когда-то на Руси слово «сорок» означало «много». Но как это относится к маленькой птице, вес которой не достигает и ста граммов? Скорее всего, из-за тех ухищрений, к которым она прибегает.

Сорокопут имеет способность подражать голосам многих птиц, чем, видно, вносит достаточно сумятицы в их отношения, и, взбудораженные, они становятся его лёгкой добычей. Затем, схватив птицу, ящерицу или мышь, он не сразу её съедает, а накалывает на какую-либо колючку. Так ему, имеющему небольшие размеры, во-первых, легче управиться с жертвой, к тому же, сорокопут очень хищен по натуре, хоть и ростом не вышел, и оттого вовсю свирепствует, наводя страх на мелких обитателей леса. Таким же образом маленький разбойник хранит и свои запасы, и если он даже сыт, то всё равно ловит, накалывает на ветки и, мало того, отрывает у своих жертв головы!

Однажды я наблюдал, как самка сорокопута кормила двух молодых птиц… Какие они были прожорливые и капризные, как горланили, требуя пищи! Уже достаточно взрослые, сорокопуты сидели на проводах, почти прижавшись друг к другу, и с первого взгляда на них было видно, что им ни до кого нет дела. А ведь была уже почти осенняя пора, середина августа, давно покраснела рябина, и птицам надо было скоро улетать, но молодые сорокопуты до сих пор чувствовали себя птенцами. В этой небольшой детали проявляется характер птицы, которой ничего не стоит угнетать, обманывая, другую, только чтобы удовлетворить свой каприз.

Взрослый сорокопут обычно устраивается на каком-нибудь возвышении – дереве или кусте, и цепко высматривает добычу. Сидит он всегда ссутулившись и как будто сонно насупившись, голову поворачивает медленно. Но вся сонливость его – опять же только видимая, запутывающая. На самом деле сорокопут зорко глядит по сторонам и, как только замечает мышь, мгновенно бросается вниз, не присаживаясь, хватает её и, пролетев низко над землёй, крутой дугой взлетает на вершину рядом стоящего дерева. Всё это происходит в считанные мгновения.

Да, у сорокопута не без умысла путается дело. Но зачем природе такая изощрённость? Птице достаточно просто убить, чтобы поддержать свои силы или накормить птенцов, а сорокопут именно изощряется, когда это совсем не нужно. Напутает так, что никто не распутает, даже, кажется, самого себя вокруг пальца обведёт и оставит всех в полном неведении. Как говорится, сварила бы баба путаницу, да спрягла бы глазунью!

Нет, видимо, птицу эту сам Господь попутал, и дал другим в назидание, чтобы не дремали!

ЯГОДКА

Среди мелкорослых сосенок, на моховых кочках, созревает последняя ягода – клюква. В ней сосредоточены сентябрьское солнце, влага земли, червонное золото лиственных лесов, изумрудная хвоя, подмороженный чистый воздух, аромат инея, горечь болот и задумчивость осенних далей… Берёшь ягодку, а в ней – весь мир.

УТЁНОК

Так уж сложилось, что у одной лесной мочажины, мимо которой я часто проходил во время охоты, меня всегда поджидало какое-нибудь интересное событие… То застану лося, забрёдшего по грудь в воду, то обнаружу свежие отпечатки косолапого медведя, прохаживающегося через дамбу, отделяющую озерко от глубокого лога… Бывало, залетали сюда и глухари с глухарками, неспешно бродили вдоль заросшей дорожки, выискивая недостающие им камешки, и пугали меня своим внезапным взлётом.

Неподалёку от мочажины, на укромной полянке, нередко подкарауливал я по весне краснобровых тетеревов, устраивающих здесь свои бурные токовища, по берегам озерка, на черёмухе, каждую осень кормились упитанные рябчики, а уж утка держалась постоянно. Попадались и селезень с серой утицей, и грязновато-пепельные гоголи, дружно взрывающие застоявшуюся тишину, и хлопотливые крякуши со своими беспокойными выводками, чирки же – чаще всего!

Однажды, прямо передо мной, с мочажины взмыла в воздух небольшая стайка чирков-трескунков. Совершив плавный круг над лесом, чирки готовы были плюхнуться в воду, но, напуганные выстрелом, ринулись в разные стороны, тогда как одну уточку всё же зацепило и, очутившись у камышей, она сразу куда-то исчезла. Подбитая птица никогда не тонет, всегда плавает на поверхности, и было ясно, что чирок просто умело схоронился.

Тихонько подойдя к тому месту, где пропал подбитый чирок, я стал внимательно вглядываться в прибрежную растительность, но ничего не заметил. Чирок словно сквозь землю провалился, хотя было понятно, что оставаться долгое время незамеченным, тем более, подраненным, он не может.А между тем гладь озерка ничем не нарушалась, вокруг стояла полная тишина, и я уже начал было подумывать, что чирок погиб или задохнулся, застряв в камышах. Ведь не мог же он так долго находиться под водой?!

От охотников я слышал, будто бы покалеченная выстрелом утка тотчас ныряет и, уцепившись клювом за подводные стебельки или какую-либо водоросль, терпеливо затаивается. Используя такой бесхитростный приём, она сбивает с толку нерадивого охотника и тем самым сохраняет себе жизнь.

Но, пристально всматриваясь в воду, я различал лишь жучков-плавунцов и маленьких зелёных улиток. Чирка нигде не было!

Я бы, наверное, так никогда и не раскрыл этот секрет, не покажись из-за облаков солнце. Лишь на мгновение озарило оно поверхность озерка с отражающимися в нём соснами и берёзками, и я вдруг сразу всё увидел…

Чирок прятался под круглым листочком кувшинки, причём, вытянулся под ним вертикально, как бы привстав на цыпочки, а кончиком клюва чуть приподнял его над собой. Так и дышал, оставаясь незаметным, и, конечно, пересидел бы меня, если б не случай. Недаром в народе говорят: уточка только с носка плоска, да умом баска, и черенок листика – тот же утёнок!

ВОЛЧИЦА

Исхудавшая волчица, понуро опустив голову и хвост, неспешно семенила у края дороги мне навстречу. Казалось, её ничто не тревожит. В каких-нибудь двадцати метрах, даже не глянув в мою сторону, она резко повернула в кусты и исчезла.

Я стоял опешивший от ощущения близости редкого зверя, и почему-то был уверен, что ещё увижу его. И действительно, волчица, обойдя меня в чаще, бесшумно выскользнула из-за деревьев чуть поодаль, и глянула прямо в лицо… Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту холодно смотрела мне в глаза, а затем, всё так же понуро повернувшись и не издав ни звука, удалилась.

Грустно становится отчего-то, когда врасплох застигнутый тобой в лесу зверь, не шелохнувшись, долго смотрит в твою сторону, затем как-то обмякает и, кинув на тебя последний раз свой потухший взгляд, не торопясь, удаляется в чащу.

В ГОСТИ К ГЛУХАРЯМ

Забрался я как-то в морозную февральскую даль к глухарям, километров за пятнадцать от деревни, чтобы проверить численность птиц перед началом брачных игрищ… Птицы сидели очень скученно, в глухом сосняке, и, наверное, им было хорошо и покойно.

Я же подходил к каждой птице нетерпеливо, попеременно поднимая одну за другой, жадно вслушивался в шум их полёта и ликовал, что и на этот раз обнаружил. Глухари, конечно, все разлетелись, но я особо не переживал, поскольку знал: весной они опять соберутся здесь вместе.

И всё-таки по дороге домой меня не покидала неприятная мысль, что я потревожил птиц, помешал их сокровенному зимнему существованию. И тут вдруг ударила жестокая метель, прямо навстречу, наотмашь, взявшись как будто бы ниоткуда, словно мстя за нарушение умиротворённой жизни таинственных птиц.

Метель вымотала, пронзила насквозь, но я не пожалел ни о чём, и когда, наконец-то, выбрался на дорогу в сплошной снежной пелене, то тотчас услышал гул приближающейся машины, которая очень быстро подбросила меня до самого посёлка. А вскоре низкие тучи незаметно рассеялись, и на небе засияло умытое солнце.

СНЕЖНАЯ ПОСТЕЛЬ

Как-то уходился я по солнечной апрельской дороге с лыжами через плечо, с рюкзаком, и улёгся от усталости прямо у обочины, на наст… После бессонной ночи на глухарином току, снежная постель показалась мне простой и удобной.

Небо над головой выгнулось необъятной синью, как шёлковое одеяло, и дышало теплом. У самых ног, в колее дороги, ласково журчал неугомонный ручей, так что мне тотчас захотелось спать, и я уснул. Но спал, не обрывая своего восприятия, всё чувствуя и замечая вокруг, так что время пролетало мимо и … оставалось на месте.

ВЛЮБЛЁННАЯ ГЛУХАРКА

Не перечесть всех случаев в лесу, и многие из них кажутся неправдоподобными, если они произошли не с тобой, а с кем-то, как бы правдоподобно ни рассказывал об этом «потерпевший». Но именно глухариные тока с их неведомой ночной жизнью могут подарить порой самые невероятные ситуации, которые бы никогда не пережил в менее богатом на впечатления дневном лесу.

Иногда в рассказах бывалых охотников, которых уж сейчас почти не осталось, встречаются упоминания о случаях нападения глухарей на людей во время весенних токов. Взрослые глухари не случайно, а именно целенаправленно атакуют человека, пытаясь задеть его крыльями, грудью или ударить клювом. Они налетают совершенно безбоязненно, как будто ясно представляя свои не понятные человеку намерения.

Причём, действуют порой с такой решительностью, что охотник в полном недоумении спешит ретироваться. Вероятно, подобные случаи происходят от неудовлетворённого полового побуждения самцов при малом количестве на току свободных самок. Но агрессивно могут вести себя и глухарки, нередко с лёта ударяясь охотнику в бок, спину или под коленки, как это произошло однажды со мной в рассветных сумерках в начале мая.

Обычно копалухи подлетают к месту токовища ещё с вечера, и ведут себя осторожно, лишь изредка и очень вкрадчиво подавая знать о своём присутствии: «кот-кот-кот, кот-кот». Но в поведении двух глухарок, что, то и дело, перелетали вокруг небольшой полянки, ощущалась нескрываемая озабоченность, а её мог вызвать в свободных птицах, к тому же – в их лесной обители, только человек. Поскольку рассвет над землёй только занимался, и

меня невозможно было увидеть и услышать, я решил, что озабоченность птиц объясняется их нетерпением в предвкушении любовного таинства. Вероятно, копалухи чувствовали друг в друге соперниц, претендующих на единоличное внимание мошника, и не в силах были сдержать свою страсть.

Я стоял посередине поляны, не успев ещё подойти к глухарю ближе под песню, как вдруг за спиной у меня просвистело и через мгновение забилось в ногах что-то живое. Я обмер от липко обволакивающего страха, коленки у меня подкосились, и сосны на опушке поплыли перед глазами. Надо представить моё состояние в глухом лесу, в не пробудившейся ещё предрассветной тиши, когда на тебя неожиданно налетает кто-то, и ты боишься предположить: что последует за этим?!

Обернувшись, я увидел копалуху. Быстро развернувшись, она с короткого расстояния вновь наскочила на меня, попытавшись клюнуть, тотчас уцепившись клювом за штаны. Злобно распушив хвост, она даже на какой-то миг повисла на них, но тотчас оборвалась и с шипением отлетела. Удивлению моему не было предела, и так, опешивший, я ещё долго не мог прийти в себя, в то время как глухарь по-прежнему, без остановки, токовал, и звуки его песни мягко разносились над пробуждающимся лесом.

Взбалмошная глухарка переполошила сначала меня, затем – себя, вместе со всем весенним светом, и такое нечаянное событие невероятно оживило это мглистое утро, так что невероятная суматоха, случившаяся в лесу, не пошла шиворот-навыворот, как это обычно случается в жизни, а обернулась улыбкой весны, что обычно богата на занятную кутерьму. Но можно ли было принять подобное поведение копалухи, как выражение агрессии? Ведь во время тока она должна быть преисполнена чувством проникновенного трепета по отношению к переполненному страстью петуху, вплоть, до полного подчинения его власти, и о каком раздражении тут может идти речь?

Я не раз наблюдал, как подобострастно, будто совершенно позабыв себя, глухарка отдаётся на волю сильного мошника: она отрешённо прижимается перед ним к земле, просто вдавливаясь в неё, если кто имел счастье всё это таинство наблюдать. А каким могущественным предстаёт перед ней глухарь со своим распустившимся хвостом и расправленными крыльями, намного превышая её по размерам?! Гордо вытянув шею и потрясая бородой, он, чинно приблизившись к ней, просто … взбирается ей на спину и начинает топтаться, отчего копалуха, по всему её виду, изнывает от счастья.

И вот, я вас спрашиваю: как может эта «дама», самозабвенно ловя каждое движение своего «кавалера», быть настолько очумевшей, чтобы бросаться на человека? И ко всему прочему, неоднократно, с каждым разом проявляя всё большую остервенелость?!

Понятное дело, она, конечно, не понимает, что я – человек, но тогда за кого копалуха меня воспринимает, бесстрашно атакуя? Ведь если предположить, что я – глухарь, только очень большой, она должна стелиться предо мной, ловить каждое моё движение, но она бесстрашно налетает, бьёт меня крылами, уцепившись клювом за штанину, принимается, что есть силы,

теребить её, как потом оказалось – прокусив мои замечательные лесные штаны, оставив в районе колена дырку!

Всё это кого угодно может ввергнуть в глубокий шок, и ладно бы подобное происходило в результате действия какого-нибудь зверька, защищающего свою норку или потомство, а то ведь в тебя вцепляется кроткая и любвеобильная по отношению к деткам мамаша, накрывающая их собой во время лесного пала и сгорающая вместе с ними! Не зная, что предположить, я рискну высказать и такую крамольную догадку, что отчаявшись встретить этой весной своего единственного и неповторимого петуха, копалуха решилась-таки произвести впечатление на какого-то неведомого крупного самца, то есть, на меня, без лишних «объяснений» откровенно потребовав, чтобы я проявил к ней своё внимание. Что я мог ещё думать?!

Но тут, как это обычно бывает, меня неожиданно посетила совершенно простая мысль: ведь сейчас идёт по земле весна, щепка на щепку, можно сказать, лезет, и копалуха, конечно, ничем не была раздражена, а пребывала в любовном опьянении, на этих самых крыльях любви несясь к папаше своих будущих глухарят. Сорвавшись с леса, она просто пикировала на призывный зов взбудораженного весной мошника, изливающего над поляной звуки своей любовной песни, и в чуть зарождающемся, тихо роящемся над землёй мглистом свете, не могла видеть меня, поскольку я уже битый час торчал посреди поляны, как вкопанный. И вот, мне под коленки ударяется нечто, отчего и в голове, и в животе, и, вообще, во всём теле что-то взрывается и уносится куда-то над лесом, как эта самая глухариная песня, разносясь повсюду, и я отрываюсь от земли, и лечу…

Что и говорить: влюблённая глухарка – мастерица по созданию неловких ситуаций! Но ведь необыкновенно счастливых, верно?!

ЗАБАВНЫЙ СЛУЧАЙ

Недвижима весенняя ночь перед своим скорым пробуждением. Первый вальдшнеп, утробно хоркнув, вдруг нарушит насторожившуюся тишину, где-то недовольно прогундит воробьиный сыч, и опять воцарится покой. Слух твой обострён в ожидании редкого глухариного скирканья. Всё кажется: с минуты на минуту произойдёт нечто удивительное, способное затмить собой и ночь с её скрытыми страхами, и красивых древних птиц, к которым ты, несмотря ни на что, отправился, и саму весну. Не зря в народе говорят: весной ждать – не устать, было б чего.

И вот что-то нарушилось в этом напряжённом ожидании. В воздухе вдруг повеяло неясной переменой, и появилась лёгкая тревога. Только в последний миг почувствовал я какое-то шевеление слева, у виска, и тут же его пронзила тупая боль, а в глазах померкло.

По лицу ещё раз шваркнуло что-то живое, забилось у груди и пропало, внезапно плюхнувшись справа, в светлеющую в колеях просторную лужу. Это были два чирка, один из которых с лёта угодил мне прямо в голову. Чирки, по-видимому, с высоты заметили поблескивающее пятно воды и наметились на него, неслышно планируя вниз над дорогой. На пути одного из них, в темноте, оказался я, и чирок сам, должно быть, порядком перепугался, натолкнувшись на невидимую преграду.

Свалившись в лужу, он долго не мог успокоиться, то и дело, оглашая лес своим трескучим кряканьем. А я, ещё не в силах оправиться от пережитого страха, стоял, не чувствуя ног, по щиколотку в снеговой воде и улыбался сквозь непроизвольно выступившие слёзы от комичности произошедшего. Мне вдруг стало жаль маленькую уточку, которая, наверное, перепугалась больше меня, и я рассмеялся, позабыв о глухарях.

КАК Я УЗНАЛ, ЧТО БУДУ ЖИТЬ ВЕЧНО

Недвижима весенняя ночь… Оранжевая луна крадучись прячется за деревьями, неслышно перебирается к чернеющему западу. Сновидения в эту пору не одолевают разгорячённое за день воображение, и всё живое лишь замирает в предвкушении скорого оживления.

Первый вальдшнеп неожиданно протянет где-то над верхушками елей и, утробно хоркнув, разбудит ненадолго задремавший лес. Всё как будто встрепенётся в нём, приготовится встретить скорое утро, и словно станет легче дышать.

Невидимый воздух плотен, свеж, и приятным откровением слышится в нём монотонная песня кукушки. То удаляясь, то наплывая, она сначала не привлекает обострённого внимания. Слух напряжён в ожидании редкого глухариного скирканья.

Но постепенно заунывное кукование доходит до твоего успокоенного ночной тишиной сердца, и ты начинаешь, в такт неугомонной птице, считать свои года, готовые в любой момент оборваться, и от этого сердце вновь охватывает волнение, а кукушка всё кукует и кукует, не оставляя никакой надежды на безудержный порыв. Только безукоризненная, даже чуточку надоедливая размеренность, вносящая умиротворение в зарождающуюся жизнь.

И всё же непонятно к чему призывающий крик кукушки так и не даёт до конца успокоиться, тревожит, и, остановив своё счёт на трёхстах, я ещё долго слышу, как над лесом разносится размеренное «ку-ку, ку-ку, ку-ку», и при этом не могу отделаться от не совсем приятного ощущения, что буду жить вечно.

ЗАВИСТЬ

Весенний день ласково струится над оживающим лесом. Ослепительно припекает солнце, а дорога упрямой лиловой лентой убегает к манящему горизонту. С маленьких придорожных лужиц, подпуская почти вплотную, пугливо срываются юркие кулики-черныши, и над затопленным в низинах тальником разносятся их отрывисто-восторженные вскрикивания.

Одинокий ястреб-тетеревятник плавно кружит над еловыми гривами, наворачивая круг за кругом, медленно уменьшается, постепенно становясь невидимым. Я лежу на маленьком стожке сена, оставшегося с прошлого года, и отрешённо наблюдаю за его размеренными, еле уловимыми движениями.

Нельзя даже различить: шевелит ли он кончиками крыльев? Должно быть, ястреб уже успел рассмотреть во мне незваного гостя и, охладев, гордо взмыл в недосягаемое для человека пространство. Вознёсся, наслаждаясь собственной свободой, не принимая какую-либо ограниченность. В его глазах сейчас, наверное, стекленеет презрение ко всему. На какой-то миг мне вдруг становится себя жаль.

Открывающаяся в лесу человеческая растерянность порой бывает постыдна. Правда, она не всегда достаточно ощутима. Главной виной тому – растраченная или пока так и не пробудившаяся в человеке совесть, свойство, которого лишены животные.

Совесть – робкое, а порой и довольно требовательное напоминание человеку о его душевном превосходстве над зверем, тогда как на деле это не всегда происходит. Более мучительным для человека оказывается постижение безвозвратной утраты им прекрасной звериной силы. И тогда человека начинает снедать тоска и неудовлетворённость, он заболевает полётом, и уже не мыслит себя без высокого неба.

Кажется, человеку нечего предпочесть одиноко парящему в вышине ястребу, этой отрешённости гордой птицы, что сначала незаметно окрыляет, унося вместе с ней в необозримую высь, а затем повергает в ошеломительную зависть…

Земля подо мной вдруг становится невесомой, какая-то неведомая сила приподнимает меня над лесом, и я уже не отдаю себе отчёта в своих чувствах, все они сливаются во всепоглащающее переживание дикой свободы, а её можно ощутить вот только таким, тревожащим сердце, весенним днём, превращаясь в мыслях в легкокрылого и недосягаемого ястреба.

МАЛЕНЬКИЙ СЕВЕРНЫЙ ЦВЕТОК

Если вообразить себя каким-либо растением, соединённым корнями с недрами матери-земли, то я представляю маленький северный цветок с бледно-голубоватым, неброским соцветием. Цветок стойко удерживается на обрывистом склоне высокой горы у какой-нибудь потаённой таёжной реки, и

то улетает мысленно вслед за свежим ветерком ввысь, то возвращается и с тихой мечтательностью вновь прижимается к родимой земле. Как будто в оправдание перед всеми за своё неприметное счастье, цветок иногда низко склоняется головкой, но никто этого не замечает.

ВЗГЛЯД ИЗ ОКНА

Нелегко отыскать в лесу такого зверя или птицу, чтобы они долгое время не подозревали, что на них смотрит человек. Встречи со зверями сами по себе не часты и, как правило, кратковременны. Что же касается птиц, то они скоро улетают, словно чувствуя чьё-то незримое присутствие. Так бывало не раз, когда я наблюдал за ними через оконное стекло лесного домика.

Подкравшись тихо к окошку, бывало, замрёшь и смотришь на расстоянии вытянутой руки, чем занимаются птицы, какое им свойственно поведение, или разбираешь яркое оперение, запоминая его всевозможные оттенки. Уже через несколько секунд птицы начинают выказывать тревогу, подхлёстывают себя ею, разжигают и, доведя своё обострённое восприятие до допустимого накала, улетают в возбуждении, тогда как ты всё это время, затаив дыхание, оставался недвижим. Значит, что-то они угадывают сквозь видимое раскрепощение, какой-то механизм предусмотрительности, заложенный в них природой, надёжно срабатывает, быть может, даже независимо от их воли.

Так, однажды, обнаружил я за окном избушки обыкновенного осоеда, птицу в наших лесах довольно редкую. В каких-нибудь десяти шагах от дома сарыч с нетерпеливым клёкотом переминался с ноги на ногу, рыл под собой землю в густой траве, а как только я подошёл к окну разглядеть его лучше, тут же улетел.

Осоед, как выяснилось позже, раскапывал осиное гнездо, не боясь при этом быть ужаленным. Осы – главная часть его обеда, но ест он только тех, которые не совсем развились и не могут повредить его своим ядовитым жалом.

Осоед был красив, вёл себя, в отличие от других хищных птиц, как-то раскованно, и очень свободно передвигался по земле. Но более всего поразила меня его резкая, совершенно неожиданная настороженность, поскольку следил я за ним с подсолнечной стороны, и видеть меня за двойным стеклом он не мог. Не мог он меня и услышать, потому как подобрался я к окну, закрываясь от птицы стеной, не делая резких движений. Я даже не слышал самого себя!

Какие-то мгновения сарыч ещё находился в полной отрешённости, был начисто раскрепощён в своём увлечении добычей осиных яичек, но затем молниеносно насторожился, беспокойно закрутился на месте и, слегка взмахнув мощными крыльями, улетел. Звук его голоса – торопливое, часто повторяемое «ки-ки-квик», ещё долгое время слышался над лесом, а я

подумал о том, что поводом для беспокойства осоеда послужил только мой взгляд, может быть, моё пристальное внимание к нему, и птица несомненно почувствовала это.

ОДНАЖДЫ ВЕСНОЙ

Однажды весной, на вечерней заре, поднял я двух журавлей, кормящихся у края потаённой полянки… Развернувшись на фоне заходящего оранжевого солнца, птицы потянули, призывно курлыкая, прямо на меня, и от взмахов их огромных крыльев так ощутимо повеяло древностью земли, что я неожиданно почувствовал, будто человеческая жизнь на земле ещё и не начиналась.

САМАЯ ЖИВАЯ ПТИЧКА

Самая живая птичка весны – светло-серая с чёрным бантиком на груди трясогузка: только прилетев, она уже куда-то зовёт за собой. Кокетливо помахивая хвостиком, то и дело, перебегая дорожку и трогательно попискивая, трясогузка будто приглашает в какие-то неизведанные края, в которые сама ни долететь, ни добежать, кажется, не в силах. Но почему-то не оставляет попыток, всё неустанно семенит ножками, перепархивает и, никого не дождавшись, возвращается, чтобы вновь зазывно увлекать.

НЕБЕСНЫЙ БАРАШЕК

Идя ночной порой на глухариный ток, задумаешься, бывало, о чём-нибудь, что давно не давало покоя, а окружающая парная темень жарко дышит в лицо и ещё более сгущает тяжкое настроение: радость равнодушно покинула твоё сердце.

Запинаясь о невидимые кочки, бредёшь в липкой темноте, и всё думаешь о чём-то тревожном, на душе неспокойно и сумрачно. Уже затемнели верхушки тальника на чуть светлеющем небе, утробно вздыхают по лужам разбуженные лягушки и, пустив несколько пузырей, умиротворённо замирают. Тяжело идти, тяжело дышать, нелегко думать!

И вот, крик случайного бекаса над самой головой выведет из охватившего оцепенения, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от невесёлых дум. Куличок стремительно падает в необозримой вышине, перышки на его крыльях вибрируют, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек…

Вглядываясь в прозрачное небо, какое-то время стоишь в приятной растерянности, вслушиваешься и ощущаешь только удары разгорячённого от ходьбы сердца. Такой же крохотной птичкой бьётся оно в груди, трепещет невидимыми крылышками, а ты и не ведаешь, что незаметно, благодаря маленькому бекасу, в тебе уже пробудилась утерянная радость.

ПРЕДЗИМЬЕ

Поздней осенью, когда ещё не лёг на землю снег, особо ощущаешь тишину, что непроницаемо стоит над замершими деревьями, застылым озерком и уходящей вдаль пустынной дорогой.

Уже все деревья обронили листву, и только дубы жёстко шелестят своими ржавыми листьями. Нескладными увальнями выглядят они по сравнению с притихшими осинами, берёзами и липами. Их размытые очертания ещё сохраняют в себе уверенность: они не желают так скоро расставаться с теплом и крепко удерживают высохшие листья на чёрных ветвях.

Ветви упрямо упираются в бесцветную полосу осеннего неба, в стылом воздухе веет скорым приходом снега, над сухой подмороженной землёй будто стелется чуть приметный дымок. На всём лежит покой, и природа, кажется, замерла, отдыхая от переполнившей её жизни.

Уже давно ожидал ты первого чистого снега и знал, почти до мелочей, как это будет, но вот снег выпал, и белизна его сразу стала непривычной. Белое равнодушие заснеженных тихих полей и остановившегося пасмурного неба сначала на миг заворожило, а затем со всей ясностью обескуражило. Как серьёзно то, что произошло! Вновь подступило предзимье…

Воздух свеж, ароматен и спел. Липучий снег цепляется к подошвам сапог, и позади остаются тёмные следы. В них виднеются бурые примятые листья, они прилипают к каблукам, но кое-где всё ещё зеленеет трава. Изредка переступаешь поваленные осинки с обглоданными верхушками, и сразу представляется, как в ночной темноте здесь прыгали зайцы, объедая вкусную, сочную кору.

С первым морозцем словно сам молодеешь. Возвращаясь же в дом, расслабленно оттаиваешь, так что недавнее возбуждение и радость сменяются благостным настроением, пока опять не выйдешь во двор. Предзимняя тишина тогда быстро вселяет в твою душу долгожданную уверенность, покой и надежду.

КОСАЧ

Каждый год на одном и том же поле у Новосёловской горы токует один и тот же косач. К нему не присоединяются другие тетерева, и даже самочки, кажется, не обращают на него внимания, а он неизменно токует всю весну, будто ему ни до кого нет дела.

Выдастся ли радостное утро или мягкий пасмурный день – это никак не влияет на тетерева: с восходом солнца или же в подходящий для этого час над долиной разносится его знакомое: «бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль, чух-фы-ы». Пение то разгорается, то притихает, то иногда вовсе исчезает, но через какое-то время вновь вспыхивает. Тетерев забывается

порой или отвлекается на что-то более важное, чем прославление очередного весеннего дня, а спохватившись, опять продолжает.

Поле там большое, и петух каждый раз выбирает себе новое место, словно ему наскучивает петь на одном и том же. Не раз наблюдая за ним, я убеждался: тетерев этот какой-то необычный, не похожий ни на кого. Мало того, что он всегда оставался один, он ещё и вёл себя своеобразно: резво бегал по полю, припрыгивал, выбирая при этом самые диковинные позы, будто соревновался с невидимым соперником, и что ещё занятней всего – на время куда-то исчезал. Бывали дни, когда он и вовсе не появлялся, словно уставал от возложенных на него природой обязанностей – славить весну, радовать всех и радоваться самому.

В такие утра без него чего-то не хватало в природе, и я, когда проходил мимо горы с глухариного тока, всегда прислушивался: не поёт ли косач? Если птицы не было слышно, даже немного расстраивался и подолгу стоял в нерешительности: идти дальше или ещё подождать? Всегда хотелось услышать, как косач токует. Будто песня его была каким-то добрым знаком, и когда тетерев молчал, душе чего-то не доставало, несмотря на окружающее весеннее раздолье.

И так, каждую весну, загадывал я: жив ли петух, уберёгся ли в суровую зиму от когтей коварной рыси или зубов хищной лисицы, будет ли опять, как всегда, токовать на любимой горке? И если косач токовал, весна непременно удавалась, всё вокруг радостно оживало, и не верилось, что когда-нибудь тетерев не прилетит на ток и восторженно не огласит округу: «бу-бу-бу, чух-фы-ы, бу-бу-бу, чух-фы-ы, бу-бу-буль, буль-ль, чух-фы-ы!»

ПОД РОЖДЕСТВО

Стоит ночь, огромная тьма объяла всё вокруг, и мы с соседским дедушкой возвращаемся на неторопливой лошадке с дальнего покоса, с сеном для скота. А в лесу шумит ветер: он словно рассказывает о своей неукротимости, которой очень гордится, настойчиво советуя обратить на себя внимание. Временами я чувствую его разгорячённое волнение, и сердце учащённо начинает биться в груди.

Тьма и холод зимы бросают в приподнятое настроение от неизвестности окружающего пространства. Оно будоражит кровь в жилах и возвышает душу, имеющую потребность к радостному оцепенению перед ночным лесом: хотя ничего и не видно, но до жути приятно. А без сказочной тайны и правда не стоит.

Не верится, что где-то, посреди этой темноты, бесчинствуют волки. В такую пору они, должно быть, охвачены неясной тревогой от собственной наглости и голода, в сладостной истоме мучительно переживая его на дне глухих оврагов. Неприютный ветер и бездонная темень зачем-то одолевают сердце нежданным желанием неразлучного слияния с жизнью загадочных

зверей, или, хотя бы на время, лёгким забвением в их неутомимой бродячей жизни. Так тебе хочется думать.

Через какое-то время, достаточно глубоко прочувствовав это единение с волками, я уже не слышу монотонного завывания ветра, не вижу беспросветной темноты. Мир обременительных ночных зависимостей постепенно отходит куда-то за пределы моего знания, так что остаются только тишина, воображаемые волки, сказочно посверкивающие из чащи своими аметистовыми глазами, и свободный дух, что безропотно несут в себе самые выносливые и непредсказуемые звери. Непередаваема дикая сила и глубина, растворённая в каждом волке.

Волки сбиваются в стаи в это время года под десятой сосной, рыщут артелями, жмутся поближе к сёлам. Видно, быть недороду. Повсюду встречаются их следы, они пересекают дорогу: не миновать запоздалому путнику беды!

Волчий месяц гонит зверей к силам тьмы, что оживают перед самым Рождеством. Колдуны и ведьмы – его непременные герои, их обличья неисчислимы, а самое злобное – волк-оборотень. Только под Рождество колдун втыкает нож в осиновый пень, кувыркается через него и становится волком. Если нож унести и не дать зверю обратного хода, он навеки останется в волчьей шкуре.

В январские ночи, под самое Рождество, зима водит свои торжественные хороводы, а люди сидят у печи, да тешат душу давними сказками и преданиями. Но, несмотря ни на что, тянутся сквозь снега нескончаемые санные пути-дороги. Сердитый мороз бодает через одёжку колкими рогами, рвёт холодом стволы берёз и сосен, ещё пуще зажигает на небе звёзды, никому не даёт спуску.

Мерно скрипит под санями снег… Дорога вьётся между деревьев серебряным замысловатым узором, а в воздухе неторопливо кружат пушистые хлопья. Они будто остановились, отчего начинает казаться, что кто-то тихо идёт тебе навстречу. По отворотам тулупа шуршат еловые ветви, сдержанно сияет с неба луна, и пахнет рождественским морозом.

ПУГАЧ

В густом еловом лесу поднял я однажды филина. Он бесшумно перелетел поляну, и уселся неподалёку. Летел ночной хищник плавно, так что можно было хорошо разглядеть его тёмно-рыжий окрас с ярко-чёрными красивыми подпалинами. Крылья у филина были неестественно вздыблены, потому как предплечья – самая сильная часть тела птицы, а когтистые ноги устрашающе свисали под брюхом.

Большую круглую голову, похожую на кошачью, украшали мохнатые уши, то есть – пучки перьев, напоминающие их, и мощный загнутый клюв. Огромные оранжевые глаза бесстыдно взирали вокруг, будто пронзая своим холодом. Весь он был невозмутимый и целенаправленный, в поведении

птицы чувствовалась ненаказуемость, призванная в лесу только брать, ничего не отдавая взамен.

И сразу дохнуло сказочностью, уверенностью в том, что лесной дух всё же существует. Если не в этом, бесшумно проскользнувшем между деревьев филине, то в силе, что движет и созидает его полёт. Показалось, будто какой-то непонятный сон на миг обволок сознание, но, даже избавившись вскоре от нахлынувшего видения, некоторое время я ещё оставался завороженным от увиденного, а цвет оперения филина тотчас напомнил цвет шероховатого елового ствола, о который я опирался рукой, наблюдая за необыкновенной птицей.

Филин вертел головой, словно она была на шарнирах, хлопал огромными глазами и возбуждённо раздувал шею. Выглядел он скорее забавно, нежели устрашающе, между тем как в птичьем мире филин слывёт самым загадочным хищником, которого многие птицы и звери не на шутку боятся.

Но несмотря на то, что облик птицы чаще всё-таки вызывает ощущение страха, в филине зловещего не больше, чем обаятельного, и лесной бог посылает его лесным обитателям только за тем, чтобы филин своим уханьем напоминал им о таящейся в чаще опасности и тут же от неё отпугивал, время от времени предоставляя возможность для спасения. В народе издавна чтили сказочную лесную глухомань, но вскрикивания ночной птицы восприняли по-своему и прозвали филина «пугачом». Крестьяне, заслышав в лесу ухающую птицу, всегда крестились и старались быстрее миновать «гиблое» место, приговаривая: «Из пустого дупла – либо филин, либо сам сатана!»

ДУШЕВНОЕ ВОСХИЩЕНИЕ

Разве можно точно передать то душевное восхищение, которое охватывает тебя поутру при входе в сосновый бор, с мартовскими синими тенями от стволов, меж которыми пролегли борозды глухариных набродов?! После того, как ты это увидел, в лесу почему-то начинает открываться ещё много такого, чего раньше вообще не замечал. И тогда всё вокруг представляется чудесным: и снег, и воздух, и солнце, и глухари, которые только что были здесь, но улетели, и ты не в силах сдерживать волнения от их недавнего присутствия… Нужно всегда самому осознанно войти в мир дикой природы, и отыскать для себя смысл её волшебства.

У ПОЛЫНЬИ

Утро было неживым, мглистым. Небо, кажется, всей грудью навалилось на землю, не давая ей хоть сколько-нибудь передохнуть, а воздух неприятно копошился, стелясь меж стволов рваными, тягучими слоёвищами, отчего всё время чудилось, будто кто-то бросается к тебе, пытаясь напугать, но, мгновенно отпрянув, тут же исчезает. И только свежий волчий след спокойно

и твёрдо тянулся вдоль пологого берега реки, растворяясь в густом тёмном ельнике.

Желая посмотреть его выход, я обошёл лесок верхом и вскоре наткнулся на уже разгорячённый звериный галоп. Волк, видимо, почуявший меня, уходил на махах через открытое поле к дальним берёзовым колкам, бесприютно замершим по склонам неглубоких ложков.

Через полчаса, возвращаясь по волчьему следу, я вышел к укромной промёрзшей заводи. Под самым берегом, в зеленовато-мутном вспузырившимся льду, обнаружилась прогрызенная, с изодранными краями, полынья. Повсюду валялись смёрзшиеся волосяные комки, лёд был изрыт когтями в глубокие борозды, а снег вокруг воды был плотно утоптан.

Стояли крепкие морозы, и по тому, как тщательно поддерживалась зверем открытая вода, было ясно, что приходит он сюда не случайно. Подойдя к самому краю полыньи и заглянув в неживую тяжёлую воду, я вдруг увидел затиснутую между откосым берегом и льдом бесформенную груду тел, в которых постепенно различил разбухших овец…

Лишь вечером, в деревне, мне рассказали, что в самом конце лета коровы, привыкшие возвращаться с пастбища вплавь, увлекли за собой стадо овец. Овцы, тупо следуя одна за другой, все поголовно угодили в сильный водоворот, который прибил их под берег, в тихую воду. Холодные подземные источники сохранили мясо, так что оно пролежало до самой зимы, постепенно вмёрзнув в полуметровый лёд.

Волчица, судя по следу, это была именно она, всю зиму приходила лакомиться бараниной. Со временем ей всё тяжелее было выволакивать одеревеневшие туши наверх, и она, охваченная неукротимым, всё возрастающим раз от раза желанием добыть пропитание, разъярённо кромсала лёд острыми когтями. В бессильной злобе от невозможности дотянуться до лакомого куска, волчица, наверное, с нетерпеливым урчанием грызла пресное безвкусное крошево, в отупелой отрешённости проклиная у этой затерявшейся в лесу полыньи свою вынужденную угнетённость и голодную зиму.

КРАСНАЯ ЛУНА

Только однажды, в ноябре, увидел я огромную красную луну, и до того она меня поразила своей зловещей неукоснительностью, что ещё долго потом вспоминалось, как луна неожиданно, будто хищная и лукавая рыба, всплыла на чёрном небе, завалилась вдруг набок, и так, остановившись в своём завораживающем восхождении, пристально и совершенно открыто заглянула мне в душу… Но я перед ней почему-то не раскрылся, как сделал бы это перед любой, даже самой маленькой звездой, а только стоял и, не отрываясь, любовался.

ЛАСТОЧКИ

Думал о том, почему ласточки более других птиц пользуются человеческой симпатией, особенно среди женщин. Приходили на ум и их внешняя красота, облачённая в белоснежную манишку и чёрный сюртучок, и трепетная забота о птенцах, ради которых вездесущие птички готовы неутомимо трудиться весь день, и стремительность завораживающего полёта, когда они львиную долю светлого дня свободно витают над землёй, ни на секунду не присаживаясь на неё. А ещё умение строить такие аккуратные и надёжные гнёзда под карнизами наших домов, не говоря уже о таинственных береговых норках, из которых, если потопать ногами, ласточки стрелой вырываются и долгое время носятся над водой, не в силах успокоить растревоженное маленькое сердце. Но все эти достоинства почему-то не удовлетворяли, в них не доставало чего-то самого главного, за что ласточками можно было восхищаться и любить.

И тут я вдруг остановил своё внимание на ласковости их имени, с какой в народе величали этих обаятельных птиц, и сразу вспомнил ласковое деревенское утро, которое невозможно представить без их стремительного полёта, и ласковое тепло солнечных лучей, и что-то ещё очень нежное, без чего ласточкино утро никогда не будет таким добрым и дорогим… Милые птицы, скорее всего, вселяют в сердца людей трогательную признательность за своё очаровательное добродушие, с каким они воспринимают жизнь, одновременно и божественно, и просто. И кому, как не женщинам, наиболее приятно представлять себя в тёплых струях живительного летнего воздуха именно ласточками, а не горихвостками или овсянками!

ЧЬИ ВЫ?

Что-то остановило меня однажды посреди майской дороги. Заставило поднять голову и, скорее, не увидеть, а почувствовать тревогу. И только потом услышать пронзительные вскрикивания кружащей над головой птицы, угадав в ней ширококрылого взбудораженного чем-то чибиса, с напряжённой суетливостью снижающегося к земле. А через несколько мгновений витающая над головой тревога удвоилась: ещё один чибис с тоскливым криком, как будто ниоткуда, взмыл над землёй и озабоченно запетлял над неширокой поляной.

И тут я увидел, как впереди по дороге, у самой её обочины, выбежала хохлатая самочка. На секунду замерев, будто прислушиваясь, она покосилась в мою сторону и, смешно переваливаясь, перебежала подальше. Чуть приподняв лапку, опять замерла и, как-то скособочившись, припустила по самому краешку, явно пытаясь увести меня от гнезда.

Но я оставался на месте, и птица застыла, повернулась ко мне и тихонечко простонала, в нетерпении поведя перышками. Я сделал несколько

шагов в сторону от дороги, туда, где поначалу показалась птичка, и она вдруг бросилась ко мне наискосок, через дорогу, неприметно семеня своими тоненькими лапками. Я тут же остановился, а птичка возбужденно закрутилась на месте, издавая всхлипывающие попискивания. Она была само отчаяние…

Не без муки представляя, как бьётся сейчас в маленькой груди бесстрашное сердечко, я всё же попытался поискать гнездо. Раньше мне не приводилось встречать в лесу чибисовых яиц. Поиски мои не увенчались успехом, и всё это время две птицы, не переставая, кружили над головой, изредка оглашая округу своим неизъяснимо-вкрадчивым криком: «Чьи вы, чьи вы, чьи вы, чив-чивы, чив-чивы, чьи вы, чьи вы, чьи вы?»

Потом птицы куда-то исчезли. Вероятно, они просто устали надрывать свои сердца и в бессилии удалились, а я остался стоять посреди разнеженного майского дня, не в силах двигаться дальше.

Постепенно вокруг опять воцарилась лёгкая дремотная тишина, и я подумал, что, может, никакого гнезда здесь у чибисов вовсе нет, а птицы, возбуждённые скорым выведением птенцов, вдруг увидели одиноко ступающего по дороге человека, и это вызвало у них короткий приступ эмоционального раскрепощения. Чибисы, как могли, разрядили свою озабоченность и вскоре забыли о моём существовании. Я иду дальше по дороге, думаю о них, и мне больше не хочется доставлять птицам переживания.

Но незаметно, с исчезновением чибисов, в моей голове тоже начинают рождаться всякие тревожные мысли. Например, о том, что не меня птицы боялись в этот майский полдень, а искали своих разбежавшихся по траве малых деток, которых я всё же, по неосторожности, разогнал. И тогда уже мои непутёвые чувства поднимаются ширококрылыми чибисами к небу, бесприютно вьются в отрешённо замершей синеве и тоскливо плачут: «Чьи вы, чьи вы, чьи вы?»

ГОЛОС ПРИРОДЫ

Есть в лесу много таких птиц, чьи голоса можно без особого труда передразнить. Например, вороны, когда она, забираясь в поднебесные выси, начинает играть в воздушных потоках и издавать своё: «крум-крум, крум-крум, крум-крум», а то просто и доступно для любого подражателя: «кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р». Или, скажем, всем хорошо известная синица, без остановки принимающаяся будить нас за окном каждое мартовское утро: «пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь», но может и рассыпаться, будто дробной капелью с крыш: «ци-ци-ци, ци-ци-ци, ци-ци-ци». Дятел желна всегда устремляется в полёт с тревожной озабоченностью: «крю-крю-крю, крю-крю-крю, крю-крю-крю», и потом плачуще, с жалобой на кого-то: «киу-у, киу-у, киу-у». Но вот песню глухаря, как ни старайся, никак не передашь: слишком уж она мудрёная!

На первый взгляд, голос глухаря, конечно, не сравнишь с пением соловья, но и поговорка, что у кого голосу нет, тот и петь охоч, к нему тоже не подходит. У глухаря свой голос, не похожий ни на какой другой, да к тому же бережно скрываемый природой под покровом темноты. Его не услышишь просто так, а нужно отыскать птицу в раздольную весеннюю пору, прокрасться к ней и остаться при этом незамеченным. Иначе древний житель лесов не удосужит тебя своей тайной, и звук его великолепной гортани не проймёт тебя до самых глубин души. Всяк в природе своим голосом славится, и важно проснуться с зарёю, почувствовать сердцем, что природа тебя поджидает, и каждому звуку в ней обрадоваться.

Самое начало глухариной песни как будто несложно, ровно капли падают в какой-то невидимый металлический сосуд: «тэк-е, тэк-е, тэк-е». Так глухарь только приноравливается к пению, как бы настраивая свой музыкальный инструмент, которым является его гортань. Вытянув шею и, вздрагивая всем телом, он сообщает ей в окружающее пространство эти капли-звуки, что, падая, будят весенний лес.

А вот сама песня невероятно сложна и требует уникального музыкального слуха, соответствующей подготовки и досконального знания глухариного образа жизни, чтобы хотя бы попытаться воспроизвести её. Представьте себе древнего лесного исполина, чей возраст превышает возраст человека! Безукоризненно вылепленное природой горло и мощный клюв, широкая грудь, загадочное и сильное нутро этой птицы, что зачаровывают и повергают своей тайной. И всё это оттачивалось веками, пробовало себя из весны в весну, и ничто не мешало такому неторопливому и вдумчивому самосовершенствованию.

По глубоким летам птицы и её безупречно отточенный голос, в котором нет ничего лишнего, только восхищение, переданное глухарём доступными ему средствами, прекрасная лесная глушина и нескончаемая мощь! За долгое время ученичества глухарь действительно бесподобно отшлифовал своё мастерство, не переставая каждую весну наслаждаться этим природным умением. Может быть, именно поэтому лес сберёг его песню, и глухарь начинает петь только ночью, когда многие птицы ещё видят сны.

Это даже не песня, а какой-то неведомый лесной голос, который вещует в ночи о чём-то непостижимом… Мало того, что он человеку непонятен, так к нему ещё надлежит добраться через лесные дебри, отыскать в необъятных таёжных просторах, потратив на это немало времени и усилий, а обнаружив – постараться слиться с лесом, стать незаметным, чтобы вслушиваться и постигать голос самой природы, сокровенно повествующий о том, во имя чего она, не покладая сил, трудится.

Голос природы – это и вековая память леса, а провозвестником её она выбрала именно глухаря, такую же древнюю, как лес, птицу, призванную, наверное, восхвалять самую главную лесную тайну. Хорошо бы когда-нибудь открыть её, и так же, как и глухарь, самозабвенно и радостно поведать о ней людям.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ГЛУХАРЬ

Однажды мне посчастливилось отыскать маленький глухариный точок неподалёку от деревни, и когда я подходил под песню к токующему глухарю, отчётливо было слышно тявканье собак. Глухарь в такие моменты замолкал, забавно замирая на суку с приподнятой лапой, настороженно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, внимательно прислушиваясь к доносящимся с деревни звукам, и новую песню заводил уже не так азартно, а как-то нехотя, в полсилы.

Родившись и живя рядом с человеческим селением, и будучи, по-видимому, достаточно молодым, глухарь чем-то неуловимым становился похож на деревенского петуха, оставаясь всё же лесным.

ТРЯСОГУЗКИНЫ ПРИЧУДЫ

Весь июньский день проходил я в лесу, собирая грибы с ягодами, и из-за сильного дождя опоздал на электричку. Вымок весь до нитки, промёрз, а до следующего поезда ещё два с половиной часа. Чем занять себя?

Вскоре дождь закончился, в воздухе сразу посветлело и стало тепло. Из круглого чердачного окна станционного домика молниеносно вылетали черноголовые ласточки, взмывали на тёплых потоках воздуха вверх, то и дело переворачиваясь, ложились в головокружительное пике, а у самой земли ловко выходили из него и, кувыркаясь, влетали через несколько секунд обратно в окно.

Некоторые из ласточек, прижимаясь к земле, выхватывали еле приметные в их клювах травинки, и тут же возвращались на чердак. Другие же, взмывая в небо, охотились за невидимыми насекомыми, находясь в воздухе гораздо дольше в отличие от тех, которые просто собирали материал для гнёзд.

С равным интервалом выпархивая из станционного окна, ласточки через такой же промежуток времени возвращались. Без боязни ошибиться - по ним можно было сверять часы. Но более занимало другое…

Неподалёку от круглого окошка проходили телеграфные провода, на которых, беспрестанно взлетая и вновь присаживаясь, располагались вёрткие белые трясогузки. Нетерпеливо покачивая хвостиками, они время от времени поглядывали в круглое окно чердака, как будто чего-то ожидая. Как только ласточки выпархивали оттуда, трясогузки бросались вслед за ними и, преследуя их клювом в самый хвост, не отпускали до тех самых пор, пока ласточки не залетали к себе обратно.

Далее трясогузки следовать почему-то остерегались и, усаживаясь на провода, вновь дожидались вылета ласточек, чтобы сломя голову броситься за ними в очередное преследование. Выделывая в нагретом воздухе сложные пируэты, они точь-в-точь копировали их волнительное парение.

Ласточки словно не замечали своих преследователей, иногда отвечали трясогузкам лёгким уколом, прямо на лету повернувшись к ним маленьким клювом. Это как будто ещё более распаляло юрких белых птичек, и они с усиленным рвением гонялись за недостижимыми ласточками. Случается, что во время охоты ласточки и сами часто сопровождают идущего человека, собаку или лошадь, ловя облепивших их насекомых.

До боли в глазах наблюдая за этой воздушной эквилибристикой, я никак не мог понять: играют трясогузки с ласточками или просто задирают их? Рядом, на самом карнизе, как будто совершенно равнодушные ко всему, сидели нахохлившиеся воробьи. Выглядели они для солнечного дня очень смехотворно, с озабоченным видом наблюдая за происходящим, и было не ясно, почему трясогузки никак не донимают воробьёв, оставаясь к ним безразличными.

Их маленькие сердца, наверное, переполняла радость от ощущения тёплого летнего дня, с обилием воды и вкусного корма, и взволнованным от всего этого трясогузкам не доставало чего-то увлекательного, вот они и предлагали себя ласточкам, только в них находя достойных для игры приятелей. Или, может быть, непоседливых птиц задевала та озабоченность, с которой ласточки ухаживали за птенцами и устраивали свои гнёзда?

Что бы там ни было, но трясогузки не оставляли свои причуды, и я, позабыв обо всём, отрешённо следил за их стремительными перемещениями и никак не мог найти ответа на мучающий меня вопрос. А что думаете вы?!

СТАРАЯ БЕРЁЗА

Хорошо иной раз улечься на землю и посмотреть, как разнообразно живут вверху деревья. Какие у них разные судьбы, что выражается в диковинной форме крон, изгибах ветвей и стволов, шуме листвы и всех звуках, которые они издают.

Вот заскрипела берёза, и ты не сразу определишь, какая из них подала свой голос. Долго вглядываешься и вслушиваешься в тишину леса и, наконец, примечаешь с необыкновенной радостью: вот эта… Смотришь и слушаешь, пока сам не почувствуешь, как она тоскует о былой молодости, словно это ты сам.

Если берёза начинает скрипеть, её нужно рубить, так считают люди, заготавливающие дрова. Но хочется почему-то пока повременить, и придти на помощь берёзе только тогда, когда ей будет невыносимо от старости. Сейчас же я слушаю, как старая берёза проповедует мудрость…

ОЩУЩЕНИЕ ЗВЕРЯ

На прямом участке лесной дороги, протяжённостью в несколько километров, в течение почти полутора часов наблюдал я как-то медведя… Стоял конец сентября, всю ночь сеялся занудливый мелкий дождик, и мишка

вышел на дорогу, видимо, под самое утро. Медвежьи следы были свежие и довольно крупные, с сочно отпечатавшимися в сыром грунте мякишами пальцев, глядя на которые невольно хотелось улыбнуться. И я, действительно, улыбнулся, когда вышел из леса на дорогу и увидел следы мишки, напомнившие мне почему-то детство.

Так, до самого родника у заброшенной деревни Новосёлы, и тянулись медвежьи следы. Не сворачивая в лес, медведь исправно обходил все лужи, будто боялся замочить лапы, и мне становилось интересно идти в след зверю, под дождём, который опять засеялся и обложил своею равнодушной заботою весь лесной мир.

Чуть бы раньше мне поднять голову, и я сразу бы увидел, как не спеша бредёт медведь по своим делам. Увидел бы, как колышется на нём лоснящаяся от жира шкура, и как он время от времени мотает головой, что-то бурча себе под нос. Но капюшон плаща был низко надвинут на глаза, и я мог разглядеть только почву у себя под ногами, где между луж отчётливо просматривались косолапые отпечатки медведя, с чёткими отметинами острых когтей. Я шёл под мерно убаюкивающим дождём, думал о медведе и немножко ругал себя за то, что вышел из дому слишком поздно, даже не обращая внимания на то, что взрыхлённая от когтей земля не успевает намокнуть.

А медведь, между тем, брёл так же неспешно, прямо передо мной, и никуда не сворачивал. Только где-то через пару километров поднял я отчего-то голову, поправив сползший на лицо капюшон, и вдруг увидел впереди медведя… Но медведь, не поворачиваясь, и в тоже время чувствуя моё присутствие, будто не обращал на меня своё звериное внимание, также степенно вышагивал по мокрой дороге, покачивая из стороны в сторону круглым пушистым задом, и, кажется, его ничего не волновало.

Нас разделяло, может быть, метров сто… Это меня сразу и обрадовало, и поразило: было приятно вот так, просто, идти за зверем, позабыв обо всём, упиваться этой таинственной лесной жизнью, и чувствовать себя слитным с лесом. Медведь был очень близко, брёл совершенно открыто, как в сказке или в волшебном сне, и я мог хорошо разглядеть его.

Вскоре лес разлучил наши пути, одарив меня таким редкостным соседством, но его было достаточно, чтобы почувствовать себя счастливым. Это ощущение зверя было так удивительно и невероятно, что мне даже захотелось прикоснуться к нему рукой. Зверь при этом не казался страшным и, главное, недостижимым, он выглядел совершенно доступным. И я поблагодарил лес за радостное ощущение близкого присутствия дремучего зверя, который незаметно стал для меня в это осеннее утро родным.

ПНИ И ВЕТЕР

Одинокие пни, на первый взгляд, кажутся безучастными ко всему, что их окружает, неторопливо перекатывая свои угрюмые мысли. Усталыми

корнями погружённые в темноту подземного царства, они отдалённо улавливают шёпот буйно подступающих к ним трав.

Иногда, откуда-то сверху, до них доносится неясный шум и, угадывая в нём для себя что-то очень знакомое, они, поднатужившись, пытаются вспомнить, где и когда уже однажды слышали подобное. Но одиночество их так беспросветно, и подступившая старость настолько неумолима, что, забываясь в дремотном полусне, они опять, на неопределённое время, утихают, пока ветер не принесёт им какие-нибудь чуткие мысли.

Но много ли они могут взять с него в этом неуловимом общении? Скорее всего, ветер и не замечает в своём порывистом напоре присутствия пней и, потеревшись какое-то время об их порядком иссохшие лысые спины, опять куда-то уносится. Старые пни, разволновавшись от его ласковых прикосновений, ещё долгое время не могут успокоиться, на разные лады вспоминая только что пережитое. Если в такие моменты по ним слегка ударить какой-нибудь берёзовой или еловой палкой, то они тотчас отзовутся тонким сухим звоном. Так пни реагируют на оказанное им внимание.

Натолкнувшись в лесу на сухой растрескавшийся пень, обычно ненароком посочувствуешь его утомлённому виду, и с неожиданным облегчением присядешь перевести дух. Рука твоя нащупывает приятную шероховатую колкость, и ты чувствуешь, как лёгкое волнение исходит от пня, и душа твоя мгновенно перенимает его. И тогда ты поднимаешься невольно и, поворачиваясь к пню лицом, долго смотришь, что же насторожило тебя в нём.

Пристально вглядываясь в померкшие годовые кольца, пытаешься прочесть память остановившегося времени. Словно это звуковые бороздки: проведи по ним зелёной хвойной иголочкой – и запоёт тихо обнажённая душа, разбуженная ветром. В мёртвом пне, вместе с чем-то отжившим, всегда проявляется неведомое новое.

ПАУТИНА

Бывает, не с той ноги вступаешь в лес, и сразу всё идёт наперекосяк. Упрямые ветви цепляют и не пускают тебя в самых безобидных местах, каждый корневой выступ норовит подставить подножку, проходя по бревну через речку, ты обязательно соскользнёшь в воду, а птицы и звери, по необъяснимой причине, оказываются для тебя недоступными. Именно в такой день ты и натыкаешься лицом на паутину.

Паутина стягивает на мгновение лоб, неслышно рвётся, и бесцветными, свернувшимися в трубочку лоскутами повисает на ресницах. На душе становится неопрятно и глухо, и ты понимаешь, что совсем недавно жизнь была где-то обманута тобой, и вот-вот должно произойти что-то ужасное…

Но ничего не происходит, и остаётся только неприятное ощущение от этого голого прикосновения, когда, кажется, вся неимоверная темнота жизни и её боль вмиг опутали твою обнажённую душу, не давая ей более

возможности вздохнуть. Весь такой день потом бродишь пустой, неудовлетворённый, будто кто-то против твоей воли увлёк тебя в неведомую чащу, посмеялся там над тобой, и безо всякого внимания оставил. Так и хочется сказать: лови паук мух, пока ноги ни ощипаны!

ЗАПОВЕДЬ КОРНЕЙ

Чувствуют ли корни дерева себя подневольными, постоянно находясь в темноте, тогда как верхушка кудрявится на чистом воздухе, ополаскивается дождями, окутывается солнечным теплом? Никогда не доходит до них белый свет, не уставая, работают они в своём заточении и, наверное, не могут не ощущать волны радости, которую переживает дерево каждый день.

Когда входишь в лес, всегда по-особому воспринимаешь течение времени. Это века в образе старых деревьев смыкаются над твоей головой, и среди них слышно, как длится мгновение. Ты поглаживаешь рукой их коричневую шероховатость коры, втягиваешь в себя запах смолы и, наконец, понимаешь: дух времени вдыхают в деревья корни. Они гонят накопленный сок жизни по устремившимся к небу стройным древесным телам, строят город из леса, и в нём появляются звери, и прилетают птицы.

Корни дерева недвижимы, но порывы их души можно определить по тому, как оно живёт: шелестит листом, машет ветвями, клонится к земле, чуть не надламывая себя, или стоит, не шелохнувшись. Невидимые миру, они пронизывают своим присутствием весь окружающий воздух, ненавязчиво касаясь каждого, кто проходит мимо внезапно зашевелившихся стволов.

А то вдруг разбушуются кроны под ураганным ветром, зашумят деревья ветвями и в окружающем пространстве вмиг повеет отрешённой пустотой: тяжело тогда станет на сердце. Но не обратится твой внутренний взор под землю, и совершающееся в воздухе смятение ты отнесёшь к поднебесным силам, ожидая только оттуда пугающего известия. Стоишь и не чувствуешь, как именно из недр земли, от шевеления корней начинает подниматься протяжный гул.

Взвоют тогда леса, ешё сильнее загремят ветвями деревья, будто идёт великое переселение. Тёмно-зелёное полчище неистовствует, грозно бряцает иглами. Увесистые шишки обрываются и с глухим стуком ударяются о землю. Но не даются деревья: труженики корни противоборствуют стихии, не боясь задохнуться, ещё более погружаются в спасительную тьму, и нет в этой упорной отрешённости корней беспамятства или безрассудства. Они – сама непреклонность.

В мире природы есть свои заповеди блаженства и изматывающего труда, и эти заповеди удивляют нас самым неожиданным поворотом, так что мы принимаем их с благодарностью. Ступая между вырастающих из-под земли корней, стараемся не причинить им боли, а преодолев видимое неудобство, которое они создают, взираем на них с немым любопытством. Исподволь копится тогда в сердце необъяснимая зависть от их затаенной мощи.

Пытаясь заглянуть в подземный мрак и не в силах представить себе вечное отсутствие света, мы проникаемся к корням тихим уважением и недоумеваем: как можно, оставаясь в этом извечно непроницаемом лоне, всю жизнь, не переставая, трудиться?! Но корни ни на что не обращают внимания, почти ничего не слышат и, не прекращая труда, молчаливо заповедуют нам свою непреложную созидательную истину.

ПОД ПОЛОГОМ ДРЕМУЧЕГО ЛЕСА

Оказавшись под пологом дремучего леса, объятого тишиной и величественным покоем, мне всегда хочется понять: в чём высшее предназначение моей собственной жизни? Но ели и сосны в молчании смыкают над головой густые макушки, и мои неприкаянные мысли, достигнув их, беспомощно растворяются в вышине, не находя спасительного ответа. Сам себе я тогда начинаю казаться ничтожно маленьким, можно сказать, вообще не существующим среди этого царственно могучего леса. Почему так неотступно терзает душу это необъяснимое желание, что каждый год влечёт меня в знакомое мне одному лесное место, точно обещая раскрыть некий тайный смысл, я не знаю.

Вглядываясь поздним вечером, сидя у костра, в неподвижно сомкнувшееся над головой небо, я чувствую, что есть нечто важное в таком, казалось бы, бессмысленном времяпрепровождении. Это открывается вдруг, с тревожащим душу ощущением даруемой лесом свободы и взаимосвязи со всем, что тебя в нём окружает: с могучими стволами древних деревьев, подпирающих собой звёздное небо, с ударяющей в голову грибной сыростью, буйством трав, обвивающих старые пни, с нежным цветом земляничника, распространяющего вокруг сладковато-пряный сонный аромат… Вместе с этим простым и ясным откровением душа тотчас наполняется мудрым покоем и ещё таким пониманием собственной жизни, что изредка проникающая в неё туманная грусть уже не пугает, а только убаюкивает: благословен будет твой путь, если ты в своём таинственном уединении, постигая тайны леса, не отдалишься от людей.

ТЁМНАЯ ЗВЕРИНАЯ ДУША

Думая об отражающейся в глазах душе, я часто вспоминаю животных…

У медведя, судя по взгляду, душа глубоко скрытная, может быть, непонятная ему самому. Он тихо изливает её сквозь глаза-щелочки и, такой же непонятый никем, бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоумённых снов, и он с головой погружается в них долгою зимою.

Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от её неприкаянности зависит непоследовательность его поведения: из

обаятельного косолапого недотёпы – неуклюжего и неловкого во всём зверя, он может через мгновение превратиться в разъярённого хищника.

У волка тело как будто создано для бездушья, но и в нём душа теплится и не даёт ему покоя. Гонимый неизведанным, заключённым в нём природой смыслом, волк неутомимо преодолевает бескрайние снега и вновь, безропотно, зарывается в них. Ему, конечно, не до размышлений о своей волчьей сути, и он с холодной непримиримостью принимает только необходимость обыденной скитальческой жизни.

Независимо от оболочки, звериная душа, должно быть, существует по своим законам. У человека более, чем у животного, она тянется к свету. Перебрав же многих зверей, понимаешь, что светлых глаз ни у одного из них не отыскать.

Только что-то глубоко забитое и невыразимое, скорее, неприступное в своём понимании, чем страшное. Словно и жива душа, но удручена чем-то очень строгим, чего ей никогда не преодолеть.

И всё же, темнота зверя притягивает своей неисчерпаемостью, и начинает незаметно казаться, что именно из неё однажды родилось начало всего. И тогда светла становится звериная неприкаянность, что звери, ничего о ней не ведая, несут в себе всю жизнь.

Животные чуют тонкости природного мира, но не осознают их. Люди могут и должны осознать связь с ним, но не замечают своего реального могущества. Чутьё зверей чаще оказывается вернее безволия человека и его жалких устремлений, когда он и не предполагает о заложенных в себе великих возможностях.

Не зря в давние времена было принято при дворе правителя показывать гостям диких зверей, коней и собак. При этом замечали отношение к ним животных. Многие послы прошли через такое испытание, не добившись для своих государств ожидаемых преимуществ.

А многие писатели используют животных в творчестве только потому, что не в силах избавиться от собственного несовершенства. Вернее, не желая преодолеть свою неосознанность.

Тёмная же звериная душа светла отсутствием какого-либо невежества, подлости. Она светла своими бесстрашными устремлениями к свободе, что даровал ей Господь. Душа зверей жива!

ПРО СЫЧА

Недавно я узнал, как поёт сыч… Он издаёт глуховатый, по нескольку раз повторяющийся свист наподобие того, когда ветер порывами задувает в дуле ружейного ствола.

Свист, начинаясь на высокой ноте, к концу выдоха идёт на понижение. Как будто неведомая насупленная птица, спрятавшись в укромном уголке леса, кому-то выказывает неразделённую обиду, не видя ничего, кроме своего маленького загнутого носа.

Сыч подаёт голос обычно в ветреную, дождливую погоду, словно желает подладиться под неё. Почему-то сразу хочется улыбнуться, представляя себе, как он это делает. Сидит нахохленный, сердитый, будто ничего, кроме его заунывного дудуканья не существует. Недаром говорят про недовольного чем-то человека: «Сычом смотрит!»

РАЗГОВОР С ТВОРЦОМ

Если спросит вдруг однажды Творец: «Что делаешь? Чего желаешь? Чем терзаешься? Чему радуешься?», то, не задумываясь, отвечу: «Проникаю в суть созданных Тобой вещей и явлений, пытаясь максимально приблизиться к истине. Желаю подняться на более высокую ступень развития сознания, заложенного Тобой в меня однажды. Терзаюсь, что не всегда могу верно использовать накопленные знания. Радуюсь возможности быть и идти к Тебе, не уставая».

ПРЕВРАЩЕНИЕ

В ноябре лес ещё не укутан в снежные шали, и потому хорошо видно, как он собирает к ночи все свои последние мысли и силы, чтобы, кажется, только выстоять в предверии грядущей суровой поры…

Но, неожиданно для самого себя, из зелёного вдруг незаметно превращается не в чёрный, а в изумрудный, затем – в фиолетовый, пронизанный золотым свечением искрящихся звёзд, и когда над лесом воцаряется малиновая луна – в обворожительно-трепещущее, не желающее угасать пурпурное лесное сердце, что потаённо вздыхает в таинственной ночной тиши, не желая угасать.

ОТЧЕГО ВОЛКИ ВОЮТ?

Отчего волки воют? Наверное, не от того, что им страшно и одиноко, а по той же вековечной причине, из-за которой мучается над смыслом жизни человек. Волк понимает это только по-волчьи и, угадывая в вое голос своих предков, собственным голосом вступает в нелёгкую звериную жизнь.

Вой - это сигнал наступления зрелости, приобщения к стае. Это знак причащения волка к его будущей неутомимой жизни, что кажется людям совершенно неустроенной, но для самого волка она остаётся единственно доступной и по-звериному священной.

Протяжно взывая в бесконечную даль ушедших времён, будто жалуясь кому-то на своё неустроенное житьё и неприкаянную судьбу, волк, несмотря ни на что, продолжает в себе жизнь рода. Живя для природы, платя дань неподкупному звериному богу, он, должно быть, приобретает нечто большее,

чем своё постоянное беспокойство, хотя печаль безысходности иногда и сквозит в его выразительной песне.

Но на самом деле в волчьем вое чувствуется проявление ума этого животного, постигшего предел собственной ограниченности. Вернее, невозможности идти дальше того, чего он уже достиг.

И всё же, волк зачем-то устремляется в это чутко угадываемое им, но неведомое бытие, в тайну своего лесного существования, и оттого светла, наверное, становится его неизбывная печаль, что ты с такою же глубокой заботою принимаешь к сердцу: печаль зверя тебе близка. Не зря и среди людей слывёт пословица: не пекись о насущном, пекись о нетленном!

Но пытаются ли звери, действительно, преодолеть мрак лесной жизни? Волки просто не устают быть волками, преданными самим себе, своей звериной душе, что даёт им способность угадывать загадочную правду жизни через собственную темноту. У зверей в теми свет виден, хоть он и лукав!

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ

Когда подкрадывается темнота, устраивается поудобнее и замирает, в ближнем логу, за домом, начинается не ведающая покоя ночная жизнь… Осторожно ступает она там среди разного зверья, птиц и насекомых, а невидимые растения источают таинственные и душные испарения, что дурманят голову и будят воображение. Тишину разрывают клокочущие глухие звуки, крадущиеся шорохи и чьё-то ворчание: темнота вступает в свои права.

Никогда в эту пору не ударит по дуплистому стволу дятел, ночь растворила его. Ночное море теней затопило и землю, и лес, и небо. И только луна спокойно сияет в недосягаемой вышине, изливая холодные лучи на дремлющие спины могучих елей, укромные поляны и мою избушку.

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ТЕТЕРЕВ

Каждая птица чудесна по-своему. Особенность тетерева – в его взрывчатости и стремительном напоре. Одинаково оглушительно режет он воздух зимой, неожиданно взрываясь из-под снега, и осенью, когда в умиротворённой тишине вдруг взметается свечой над частым осинником, исступлённо бьётся какое-то мгновение в его скрестившихся ветвях…

Сердце сладко замирает, подкатывая прямо к горлу, а потом словно срывается от невозможности вытерпеть эту восхитительную паузу, и разухабисто ударяет в виски. Короток миг тетеревиного порыва, но ещё долго стоит он в ушах, не давая на чём-либо сосредоточиться.

Когда же всё проходит, и первозданная лесная тишина вновь обволакивает твой слух, начинает казаться, что ничего не происходило, так стремителен был этот поразительный взрыв энергии, неизвестно зачем скрытый ото всех в этом чёрно-синем, отливающем воронёной сталью оперении чудесной боровой птицы…

СТРАХ

Лес по ночам наглеет… Вернее, наглеет в нём что-то неуловимое, так до конца, каждый раз, и не объяснимое, приходящее вместе с темнотой. Оно гуляет и порхает в непосредственной близости от тебя, переносится разорванными тенями между деревьев, исчезает и вновь появляется, но всегда остаётся загадкой.

Маленькая избушка, робко притаившаяся среди леса, кажется, не защищает от этого наваждения. Трепещущий огонь в печке, с уверенным гулом вырываясь из трубы наружу, сразу осекается, в мгновение поглощённый окутывающей чернотой. Где-то там, в холодной недосягаемости леса, витают мириады не распознанных диких существ.

Ощущение их присутствия порой так остро, что приходится то и дело приподниматься на нарах, с затаенным дыханием подолгу всматриваясь в окошко, и настороженно вслушиваться: не стоит ли кто за стеной?

Порой кажется, что посреди мятущегося ночного бытия, за монолитными, овеянными ветрами и временем стенами, копошится непонятное возмездие, что всё-таки нащупало в тебе уязвимое место. А может быть, это подбирается твоя, всё время поражаемая, но неистребимая судьба, или кто-то, ни за что ни про что, вдруг надумал тебя просто попугать, стараясь во чтобы то ни стало произвести впечатление твоего неминуемого поражения, как бы спокойно ты к этому ни относился. Во всяком случае, ощущение от кого-то, притаившегося за дверью, несомненно, не покидает.

Присутствует необъяснимый страх, над ним никогда не приходится долго задумываться, и, тем не менее, он всегда подспудно присутствует в ночном лесу. Но на всякую беду страха не напасёшься, и хоть глаза у него велики, и он в доме только хорош, а без этого страха почему-то менее приятно жить. В ком есть страх, в том есть и Бог!

СВОЯ ВЕСНА

Одно дело – просто ждать весну, другое – заранее готовиться к ней. Готовиться именно к своей, единственной, что должна принести нечто недостающее, важное и что может открыть только она, весна. Твоя весна!

Хорошо начинать её, когда повсюду ещё лежит снег… Февраль не сломил до конца рога зиме, и могут ударить крепкие утренники, такие крепкие, что если бы ни март, то ты даже засомневался бы в близкой весне. А

порой задуют до того пронизывающие ветры, что и вовсе ранняя встреча весны покажется напрасной.

И всё же ты знаешь: весна уже где-то здесь, с тобой, и если её ещё не видно глазу и не слышно уху, то душой чувствуешь её несомненно. Она вливается в тебя не широким руслом, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нашёптывает что-то сокровенное, робкое, но и неудержимое, будит в душе молодые силы и не даёт спать.

Каждый февраль, загодя до этого ожидаемого весеннего праздника, мысленно отправляешься ты к своим родимым лесным местам, мысли о которых тревожат всякий раз по-иному, навевают думы и воспоминания. Никогда вёсны, какие только были у тебя, не соединяются в одну, но всякая весна по-своему незабываема.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: просто так она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо непременно выносить её в сердце, соскучиться и возжелать радостного полёта, чтобы, оторвавшись от земли, пропеть её вместе с родными птицами и вернуться обновлённым, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни.

ДОБЫЧА

Чему, говорят, не быть, того не добыть, но я в тот день добыл и припрятал, чтобы не носить с собой. Это был увесистый заяц, совсем уже белый, и когда я держал его за задние лапы, мне всё казалось, что он вот-вот вырвется и убежит. Я тогда ещё не знал, что в лесу добыча ловца не ждёт, и привалил зайца большой кучей хвороста.

Уже к вечеру, подойдя к груде из веток, я вдруг увидел, что вся она усыпана заячьим пухом, и, отвалив хворост, обнаружил в боку зайца аккуратную дырочку величиною с пятак. Все внутренности были кем-то начисто выедены, так что стенки брюшной полости блестели от голубизны. Меня тогда очень удивило, что куча оставалась нетронутой, а пух, между тем, был рассеян по её поверхности. Попробуй, отгадай, что загадала природа, тем более, что загадки свои она загадывает по-особому, всегда с путаными дорожками, по которым нужно семь вёрст киселя хлебать!

Долго эта лесная тайна оставалась для меня не раскрытой, пока я не узнал от одного егеря, что хозяйничала в моё отсутствие ласка – юркий хищный зверёк. Егерь очень доходчиво объяснил и показал, как ласка это делает, что живёт она как раз в земляных норах, имеет ловкое, похожее на веретено, тело, и ей самой судьбой уготовано бесчинствовать в нижнем пологе леса.

А отчего вдруг пух оказался наверху, так потому, что лёгкий… Пока ласка разделывалась с внутренностями, да теребила зайца, пушинки подымались сквозь сухие ветки, и часть их, зацепившись, осталась на поверхности. Может быть, помог ещё и ветер.

Обычно не разрешённый вопрос всегда оставляешь себе на заметку и, бывает, долгое время носишь его в себе, так и не находя ответа, а обнаруживаешь его в том же лесу, когда научишься быть более внимательным. Ведь у леса на всё свои приметы, среди которых нет ни худых, ни хороших. Они лишь являют одно общее для природы знание о том, как просто живут в лесу звери, и человеку в его жизни тоже надлежит терпеливо и просто идти своей дорогой: так до всего и дойдёшь!

СТАРАЯ ПРИМЕТА

Есть среди лесного люда старая примета: возьмёшь с собой в лес ружьё – ждёт тебя неудача, пойдёшь с пустыми руками, чтобы только посмотреть на животный и растительный мир, лесной бог положит к твоим ногам самые невероятные и увлекательные встречи. Зайцы будут бегать перед тобой, не боясь быть подстреленными, глухари – пугать, взрываясь из-под самых ног, лисы – показывать свой огненный хвост и ушки на макушке, словом, все птицы и звери, будто сговорившись, перестанут замечать тебя, а ты почувствуешь невидимое присутствие какой-то силы, которая наблюдает за тобой и благоволит.

Когда ты слишком часто искушаешь судьбу, да к тому же норовишь её обмануть, эта же неимоверная сила, рано или поздно, неминуемо наказывает тебя. Так однажды по весне наказал меня ОТЕЦ-ЛЕС за двух подбитых без нужды рябков, когда трогать их не следовало. Спускаясь к реке по старому волоку с переброшенным через плечо ружьём, я вдруг поскользнулся на самом безобидном месте и упал так, что шейка у приклада переломилась.

Об охоте не могло быть и речи: ружьё вышло из строя, напрочь, но больше всего поразила именно неотвратимость произошедшего, при всей простоте ситуации. Будто кто-то на самом деле лишь слегка подтолкнул и надоумил: не шути с лесом, где всё про тебя известно и каждый твой шаг не остаётся без внимания, думай, прежде, чем что-либо совершить, а главное – не отделяй свои заботы от его интересов.

И действительно, лучше верить мудрой примете и не брать с собой в лес ничего, что могло бы навредить лесным обитателям. И тогда ты станешь самым богатым человеком: тебе будут доступны в лесу любые тайны, и ты сможешь рассказать о них людям. Истинное мужество – не взять лесного исполина на берлоге, проявив будто бы неслыханную отвагу, а знать, что при случае окажешься несгибаемым и не растеряешься, если от тебя потребуется решительность и отвага, но, всё же, без надобности не принесёшь никому вреда.

Оставь ружьё дома, захватив с собой только неутомимость с наблюдательностью, и ты почувствуешь себя по-настоящему счастливым. Ты поймёшь, что птицы и звери ждут, когда человек откажется от их бездумного уничтожения, и станут ему дороже, а поможет человеку в этом верная примета, и если будешь следовать ей, дойдёшь до самого Бога.

Ведь самые редкостные встречи в лесу случаются, когда человек чист намерениями, ружьё в его руках отсутствует, и лучше, если всё происходит сознательно, чтобы звери не принимали это за обман. Именно тогда они поверят человеку и станут ему близки так, как на заре жизни, когда яблоко познания ещё не стало яблоком раздора, и звери с птицами были нашими друзьями, а мы составляли с ними единый мир радости и любви.

ЁЛОЧКА ВРЕМЕНИ

Лесная задача у птиц простая, ничего в ней хитрого, вроде бы, нет, а распутывать её приходится не один год, хотя бы и с большим умом. Но иной раз требуется обыкновенный случай, чтобы увидеть то, чего раньше не замечал, ибо в лесных кладовых много той самой простоты, которую Бог любит, и открывается она человеку неожиданно.

Лишь однажды присел я в лесу на пенёк именно так, что вдруг увидел, как птицы прилетают к устроенной человеком кормушке в строгой очерёдности, будто зная, когда и кому сейчас кормиться, даже если время исчисляется минутами и секундами. Отпущенного срока обычно хватает всем, чтобы проглотить несколько семян, успевая при этом поклевать и сало.

Такая очерёдность нисколько не усложняет отношения среди лесных обитателей, а скорее, упорядочивает их: каждый берёт лишь допустимую ему порцию. Ведь сидеть у корма до полного насыщения никто из них не в состоянии: в любой момент может появиться более сильный. Завладев тем, что тебе доступно, разумнее будет удалиться глубже в лес, там разделаться с добычей или припрятать её в укромном месте, а затем попытаться воспользоваться кормушкой ещё раз.

От того, как скоро каждая птица или зверёк справляется со своими оправданными запросами, выстраивается удовлетворяющая всех лесная лесенка, своеобразная ёлочка времени, отпущенная как сильным, так и слабым. Пока белка, прихватив в кормушке лакомый сухарик, доставляет его в своё ухоженное гайно, предварительно разогнав по ближним ветвям мелких птах, сороки, поползни и гаички, в строгой очерёдности, успевают попользоваться сладкими остатками.

Сначала неприхотливая, но зоркая сорока бесшумно планирует к подножию ели, привлечённая усеявшими снег огрызками. Затем, выдержав необходимую паузу, целенаправленно спускаются вниз головой по стволу, как будто несколько замкнутые в себе, нежно-дымчатые поползни. Они без устали наклёвывают пшенные ядрышки, тут же норовя припасти их под корой соседних деревьев.

В тот момент, когда сосредоточенные птички заняты этой мимолётной, но важной для них процедурой, хитрая сорока ещё не управилась с доставшимся ей по случаю пропитанием, а белка только начинает из гайно свой обратный путь, расторопные синички пуховыми шариками скатываются с замёрзших веток к месту своего пропитания. Неугомонным птахам,

оказывается, хватает предоставленных им мгновений, чтобы не на шутку раззадорить друг друга доставшейся добычей.

Даже большой пёстрый дятел, как-то незаметно и, вроде бы, неловко пристроившись под самой кормушкой, не пугает их своим присутствием. Ведь давно замечено, что к соседству с дятлом многие птицы относятся сравнительно спокойно.

Но если дятел вдруг потребует своей доли, вполне очевидно, что ему обязательно уступят её те, у кого меньше потребностей. По крайней мере, они не используют его время, что существует в лесу для каждого обитателя на его заслуженной ступеньке. В противном случае звери и птицы будут лишены для себя необходимого жизненного пространства.

НОЧНАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Хорошо отправиться ночной электричкой в зимний лес, когда внутренность вагона туманно отражается в толстых оконных стеклах. За ними еле просматриваются тёмные верхушки неподвижных елей, и только ярко сияет месяц. В городе тоже видны огни фонарей и окон, но от их неясного света на душе почему-то становится тоскливо.

Проезжая станции, с замиранием сердца наблюдаешь, как зажигаются на путях красные и синие огоньки. Они таинственны, и кажется, что огоньки вот-вот погаснут. Но они не гаснут и горят долго. Даже когда поезда их минуют, они продолжают тихо светить кому-то, как будто безмолвно переговариваясь между собой, но, ни на секунду, не отвлекаясь.

Монотонно-усыпляющий перестук колес на прямых участках сменяется учащённым лязганьем, когда вагон проходит повороты. Ярко освещенный изнутри, он бережно несёт в своих стёклах отражение себя: желтые широкие скамейки, редких пассажиров, немигающие плафоны. Получается, что всё внутри вагона существует ещё помимо него самого, где-то сбоку, ближе к той темноте, за которой встаёт лес.

Туда очень хочется попасть, заглянуть под ёлки, пошевелить разлапистыми ветками, так что сбитый с них снег обязательно коснётся щеки или угодит за шиворот. Там, конечно, никого не окажется, в лучшем случае следы, уводящие разыгравшееся воображение в чащу, но попытаться, всё же, стоит: а вдруг?

Это «а вдруг» тешит тебя на всём пути, и ты представляешь, как бы это было на самом деле, если вдруг застанешь какого-нибудь зверя вот так, под ёлкой, и что предпримешь в первую очередь. Конечно, это будет не похоже ни на какой другой случай, ранее слышимый или прочитанный в умной и доброй книжке о лесе, и изучать её наиболее увлекательно, возможно, только зимой.

За окнами электрички становится черно, когда она выезжает за город, и только изредка пробегает слабо освещённая безлюдная платформа. Иной раз мелькнёт одинокая фигурка ожидающего, изо рта его идёт легкий парок, а неторопливый скрип валенок выдает хорошо сдерживаемое нетерпение сельского жителя, и, глядя на его закутанную неповоротливую фигурку, у самого в теле всё начинает сладко неметь и постанывать от предощущения холода, но приятная дорожная дрёма невольно погружает в сон. И тогда уже не хочется думать ни о чём, кроме жизни леса, рождения жёлтого ясного месяца, пухового снежного покрывала, надежно укрывшего землю, и следов на нём, уводящих незаметно за собой.

В эти ночные часы на душе становится так хорошо, что можно ехать долго, до самого рассвета. Поезд мерно продолжает свой путь, а ты изредка поглядываешь за окно и видишь, как постепенно наступает рассвет. Станция приближается, и даже не хочется выходить, теряя накопленное тепло.

Плотный морозец ловко обхватывает всё тело, вмиг наполняя звенящей чистотой, и вялость сразу уходит, а вместе с вялостью покидает его и суета. В полную грудь вдохнув этот морозный чистый воздух, с удовольствием вбираешь в себя и сладкий печной дым, что поднимается прямо в замороженное до неподвижности небо, и лес, чернеющий за приютившимися в глубоких сугробах домами, и отрывистый крик вороны, низко распластавшейся на мгновение над твоей головой,

отчего ты сам готов закричать от охватившего тебя восторга, как в детстве, когда кроме восхищения и веры, что они будут продолжаться вечно, ничего не было.

ЛИНИИ ЛЕСА

Идя в лес, пусть даже самый замкнувшийся в себе и неприступный, всегда хорошо иметь наблюдательность и воображение. Стоит только задаться определенной целью и сосредоточить на чём-либо своё внимание, и любая встреча с лесом обернется открытием. Радостное переживание рождающихся в лесу откровений является, несомненно, одним из источников творчества, а непрекращающаяся цепочка замечательных природных образований не только развивает внимание, но и обогащает душу самыми тонкими, порой фантастическими догадками.

Так, в один морозный и чуть ветреный день я вдруг почувствовал в природе результаты её невидимой глазу работы: вполне завершённые линии. Начёртанные природой знаки, как, оказалось, пересекались с движениями моей собственной души и, может быть, даже являлись её продолжением. Слияние это порождало подлинную красоту.

Скрытые подробности лесной жизни, по каким-то неведомым законам познания, на сей раз возникли из неустанной и довольно однотонной ходьбы на лыжах, когда открывающиеся виды как будто сливаются в один сплошной, и снежная белизна расплывается в глазах, слепя и лишая их верного восприятия. Постепенно ты начинаешь изредка оступаться, теряя равновесие в этой размытой белизне, не ощущая под ногами невидимый, но существующий бугорок или укромную впадину. И вот, когда твоё внимание полностью сосредоточено на мерно поскрипывающих под лыжами сугробах, их стремительно взлетающие и плавно опадающие линии, изо дня в день, к тому же, изменяющие свой рисунок, внезапно начинают околдовывать.

Эта неуловимая снежная нескончаемость, может быть, как ничто другое в зимнем лесу наполняет душу здоровьем, доводя внутреннее спокойствие до своего наивысшего гармоничного состояния - душевного покоя. Не безжизненного, отрешённого от всего земного, а полного красок, звуков и света. Ведь главное — скрытый смысл очарования, создаваемого в природе, и линии леса, в особенности — очертания сугробов, мягко подчеркивают его.

Еловый лес на пригорке трогает, скорее, не заключённой в себе тайной, а своими неповторимыми линиями в общем лице природы. Линиями, не принадлежащими никакому другому дереву, запечатлённому в памяти ещё с незабываемой поры детства, под Новогодний праздник, когда дурманящее еловое облако сладко убаюкивало, а редкие уколы настырно топорщащихся иголок лишь с томительным замиранием сердца забавляли.

Ель всегда была, пожалуй, самым завораживающим деревом, и линия всевозрастающей многоступенчатости разлапистых изумрудных веток только подчёркивала это обаяние. Исключительная форма дерева объяснялась сокровенностью назначения его в природе, предполагая беспрепятственное размножение и продолжение своего рода с помощью удивительной плодовитости. Прежде, чем розоватые спелые шишки, гроздьями жмущиеся к краешкам веток, свободно рассеют над землей невесомые семена, ёлка должна была ещё пробиться кверху сквозь серьёзное сопротивление, что оказывали ей свои же собратья. Вклиниться в еловую гущу деревце способно было, лишь имея определенную коническую форму, в которой нацеленное острие верхушки надежно поддерживалось бы подпирающими ее со всех сторон упругими ветвями.

Неповторимые линии дерева вместе с его чудесным запахом и чистотой пришлись по душе людям. Расположение сказочных игрушек на нём не было ничем затруднено, и всегда выглядело уместным. Увенчанная переливающейся стеклянной короной — самой бесценной и недостижимой, ёлочка протягивала свои ветви всё ниже и ниже, постепенно одаривая каждого тем, что он заслужил.

Если встанешь на цыпочки и, всё же, дотянешься, значит - твоё, не хватает роста - придётся потерпеть, только снизу зачарованно любуясь недосягаемым бесценным богатством. Эта постепенно воспитываемая деревом заслуженная награда, конечно, никогда не чувствовалась, никак в детстве не воспринималась, но была по-своему замечательна и незаменима.

Укромные коридоры просек, непреклонно пронизывающие лесную черноту, разного рода визирки и путики образуют заветные квадраты хвойных массивов, обежать которые за недолгий зимний день оказывается доступным. Доступность эта позволяет сделать выводы о нахождении зверя или птицы, а это важно. Важно знать сегодня, сейчас, не перекладывая на потом, если

серьёзно изучаешь лесную жизнь.

Окаймляя таёжные массивы линией открывшегося пространства, просеки ненавязчиво выделяют и подчеркивают то, о чём долго умалчивал глухой лес. Линии просек неразделимы с ним, они порождены его мощью и необъятностью. Им суждено разобраться в переплетениях самых потаенных лесных уголков.

Желая ещё более приоткрыть для себя доступ к лесным богатствам, человек с помощью этих простых и недвусмысленных линий, на какое-то время оставленных им в покое, с каждым разом подступает к заветной чаще всё ближе и ближе. Потом, через много лет, затянувшиеся и неузнаваемые, они сослужат должную службу любому, кто окажется неравнодушным к лесной судьбе, навсегда оставаясь в пытливой памяти, как самый короткий и верный путь.

Пригнутые верхушками к земле берёзы продолжают замысловатую анфиладу необычайных мазков природы, подобно несравненным сугробам, вздыбившим дугой свои белоснежные спины. Молодые берёзки пытаются быть под стать старшим собратьям, что непоколебимы в своей зрелой устремленности кверху: строго застывшие посреди заснеженного леса, они, кажется, ни у кого не спрашивают разрешения, свободно упираясь своими сиреневатыми верхушками в бездонное небо. Стройность их неподражаемых линий, на первый взгляд, не впечатляет, потому что неприметна, но как верна эта несгибаемая устремлённость!

Медленно плывут по небу тугие от мороза облака, и, кажется, дунь ветер посильнее - лёгкие берёзовые стволы зацепятся за них и, сладко прогибаясь, улетят в небесную голубизну. В их прозрачных кронах ветер не застаивается, а просеивается невидимыми струйками, звонко и нежно вздрагивая. Тонкая музыка берёз, рождаемая ветром среди их безукоризненно белоснежных линий, безотчетно пленяет.

Линия полёта вспугнутой птицы тоже заставляет пережить незабываемое волнение. Взметнувшийся из лунки рябчик приходит в себя молниеносно, неподражаемо лавируя среди частых веток. Делает он это легко, без единого взмаха крыльев, словно наполненных воздухом. Мягкий росчерк его невесомого тельца, словно дымчатое облачко, повисает в тёмно-зеленых хвойных верхушках, и, глядя на него, ты сам будто взлетаешь.

Был только что рядом незабываемо пегий, живой комок — и уже его нет: только короткое, как полёт птицы, воспоминание, да надежда насладиться им хотя бы ещё раз. В линии парения рябчика прослеживается его игривая уверенность, с которой он ненавязчиво обозначает своё жизненное пространство. И она непременно отзывается в душе, как будто вторит вспорхнувшей птице еле уловимым лесным эхом.

А начинаются тревожащие душу очертания с лесной избушки, что покидаешь под скрип перекосившегося от мороза крыльца, с уютно расстилающегося в звёздном небе дымового коромысла. Прямо из трубы над заснеженной крышей оно перекатывается за самый дальний край леса, без видимой натуги подпирая собой холодную и сказочную ясность январской ночи.

И ещё - с наглухо затиснутой в сугробах изгороди, слегка припорошенной снегом, вдоль которой весело вьётся выпуклая твердость нахоженной тропки. Пронзительно и тонко повизгивает она под ногами, в морозной дымке угадываются рассеянные тени от звезд, всё вокруг надёжно схвачено предутренней тишиной и покоем. Переживая в себе здоровую приподнятость, с лыжами через плечо и рюкзаком за спиной бодро выходишь на укромную лесную дорогу, что ведёт в особенный заповедный мир, где слышно, как длится мгновение, а в душе трепетно отзываются каждая линия и звук.

СНЫ

Часто в лесу мне снятся сны, в которых люди превращаются в животных или ты сам становишься каким-то диковинным зверем с неприкаянной душой. Очень не хочется потом терять его обличье, будто ты уже когда-то был им, жил нехитрыми звериными устремлениями и ничего не боялся. Втайне всегда желаешь вернуться к утерянной жизни, но происходит это только ночью…

...Вот, после захода солнца, с высокой горы над рекой вдруг скатывается тебе под ноги

старуха-тоска с огромными прозрачными глазами. Вертясь и вращаясь, вся в капельках серебрящейся воды, она неприметно перевоплощается в выдру. Выдра встаёт на задние лапы, и заглядывает тебе в душу.

Глаза у выдры глубокие, на первый взгляд, ничего не значащие и мутные, но такие пронизывающие. Они порождают в душе неясную тревогу, может быть, даже растерянность или настороженность. Кажется, ничего хорошего не предвидится.

Но сон проходит, наступает пробуждение, и всё увиденное отдаляется на неопределенное расстояние, когда трудно определить истинную суть того, что на самом деле происходило во сне, и пока, почему-то, не сбылось. В глубине души остаётся только неприятный осадок от того, что не осуществилось и отодвинулось на время, как что-то такое, чем можно воспользоваться, если захотеть. Это что-то создает иллюзию достижимости всего, что ты задумал, и она помогает сохранить вкус к жизни, не позволяя, впрочем, пока достаточно ясно разобраться в ней.

Бродя днём по лесу, я неожиданно вспоминаю глаза пришедшей из сна выдры, что на самом деле ещё несколько лет назад попалась в оставленный кем-то капкан на берегу таежной речки, и отчего-то становилось не по себе при появлении во сне этого зверя. Может быть, от того, что выдра, приспособившись тогда к своему незавидному положению, но не присмиревшая, напоминала мне себя самого с безвозвратной утерей в своей жизни чего-то важного.

А выдра, перевалявшаяся в речном песке, выпускала из оскаленной красивой пасти запашистые облачка утробного пара, что тотчас растворялись в остановившемся осеннем воздухе, и неотступно притягивала своей непостижимой звериной глубиной. Поражало в этой глубине то, что она не выглядела отрешившейся от всего в своей боли, какую полагается, по нашим понятиям, иметь затравленному зверю, а будто даже ещё более преображалась в своей восхитительной простоте жизни, не способная попусту недоумевать или предаваться отчаянию. Оставаясь в капкане, выдра не казалась несвободной...

Сова во сне появлялась ближе к полудню и, скользнув неуловимой тенью вдоль опушки, исчезала. Кажущаяся почему-то бездушной, она заполняла собой всё сонное пространство, будто повелевая им.

Появление её в светлую пору выглядело странным и немного жутким. Что-то неприятное неизъяснимым холодком закрадывалось в душу, и тотчас отступало в неизведанную темноту, когда сова проносилась над головой. Своим ненавязчивым возникновением птица вызывала ощущение невероятной кровожадности, даже какой-то неминуемой безысходности для всех, кто оказывался с ней рядом. Её парение сковывало чувства и мысли, подавляло, и даже во сне ты начинал сомневаться: была ли это на самом деле сова?

После своего исчезновения сова сразу перевоплощалась в вымытого белого мужика с маленькой бородкой, в опрятно скроенной и ладно обтягивающей плотную грудь рубахе. Большие рыхлые руки его напоминали бесшумные крылья, взгляд казался пустым, но светлым, а полные губы трогала непонятная улыбка. Весь он излучал плотоядное терпение, безразличие ко всему живому и был страшен.

На этом сон прекращался, а неприятное ощущение от того, что в тебе что-то пропало, будто его украли, ещё долго не покидало. Оно растворилось вслед за исчезнувшей совиной тенью: ни разу не ухнувшая сова несла с собой еле осознаваемое чувство завораживающего трепета перед чем-то глубоко скрытым и непонятным, но всё-таки сладко одолевающим воображение. Что всё это могло значить? Одно ясно: сова не принесёт добра…

Никогда не ездил на слоне, даже не помышлял об этом, наверное, очень приятном занятии, и вдруг, в затерянной посреди уральских лесов избушке, мне приснился сон: в нём нет ни единого звука, всё тихо до глухоты, но зато ослепительно светит солнце, и через большую цветущую поляну медленно идет слон. Спина у слона большая, покатая, а глаза – добрые. Смотрит ими безропотно, со своего высокого роста, и не мигает: как будто сказать что-то хочет, только не умеет.

Я сижу на морщинистом загривке слона, он им изредка покачивает в такт неторопливым шагам, смотрю вокруг и понимаю, что всё это сон. Огромные уши-лопухи колышутся и обдают утробным слоновьим духом. Ехать на слоне очень удобно, и многое недосягаемое становится доступным. Обидно только, что ощущение сна не покидает, и это несколько портит восприятие чуда.

Катание верхом на настоящем слоне и есть, наверное, самое доподлинное чудо. Во сне это

волшебное состояние выглядит, как ни странно, более реально, нежели наяву. Макушка слона с вихляющимися опахалами-ушами так трогательна, что представляется его самым уязвимым местом, и до него хочется дотронуться. Как только я протягиваю к нему руку, слон неожиданно пропадает.

Вероятно, всё увиденное свидетельствует о моей усталости, и даже некоторой бесприютности посреди огромного леса. Так в этом сне всё безжизненно и тихо. Только голубые и серые краски, не вмещающие необыкновенного лесного воздуха, какое-то странное дымчатое пространство, а в нём, благодаря слону, угадывается … присутствие большой желанной женщины с теплыми губами.

После пробуждения ничего не хочется делать, а только неподвижно лежать, слушать, как дышит за стеной избушки несгибаемый лес, и ощущать на лице чье-то неуловимое и нежное прикосновение.

ПОЧЕМУ ЗАЙЧИХУ ПЛОХОЙ МАТЕРЬЮ ЗОВУТ?

Не повезло зайчихе с потомством, из-за которого за ней худая слава повелась. Не успеет ещё мартовское солнышко, как следует, сугробы сахарные подточить, только-только праздником света в воздухе повеет, а у неё уже зайчата первые появляются. Несладко им, должно быть, морозными ночами приходится, неуютно и зябко, а ничего не поделаешь: знаменитая заячья неприхотливость от самого рождения, как видно, ведётся и ко многому обязывает. В народе этих зайчат настовиками прозвали, потому что свои первые прыжки они совершают по искрящейся снеговой корочке, как бы пробуя её на крепость.

После появления зайчат на свет зайчиха кормит их вкусным молоком, гораздо превышающим по жирности коровье, и, не задерживаясь надолго, убегает. Маминого молока зайчатам хватает на несколько дней, и они сидят, не двигаясь, тесной кучкой, греются и сохнут. Так проходит несколько дней в робком ожидании её первого прихода.

Когда зайчиха возвращается, она кормит малышей вновь, и вскоре опять их покидает. На сей раз, зайчата ведут себя смелей, и разбегаются неподалёку, припадая к каким-нибудь кустикам или ямке. Первую неделю-две они ещё остаются малоподвижными, и всё больше вслушиваются в окружающую их непостижимую жизнь.

К тому времени, как в полях начинают засевать рожь и пшеницу, зайчиха приносит следующий помёт – яровиков, что затаиваются уже в траве, и ведут себя более вольготно. Земля открылась от снега, появились первые всходы и насекомые, и зайчата в ожидании матери не разбегаются далеко, а выедают зелень вокруг себя, не оставляя следа. Двух-трёхнедельного зайчонка и поймать-то бывает очень трудно, так он быстро бегает, ловко увёртывается и скачет.

Что и говорить, не балует зайчиха своих детей вниманием. Оттого её, должно быть, и прозвали бессердечной. Но только в природе не всё так просто, и, может быть, зайчиха не такая уж плохая мать, как многие привыкли о ней думать.

Оказывается, шкурка у зайца почти не пахнет, в ней нет потовых желез. Все они расположены на подошвах ног, и потому сидящего зайца с прижатыми к земле лапками никто не чует: ни волк, ни рысь, ни лисица.

След зайца, только что вскочившего с лёжки, гончая собака почувствует много хуже, нежели долго бегущего, уже уставшего.

Оставляя зайчат, мать скорее заботится о том, чтобы не привести к ним по своему запаху хищника. Тяжело покидать ей своих несмышлёных малышей, да ничего не поделаешь. Но не выносит беспокойное сердце тоски ожидания, и зайчиха заводит себе других детёнышей, возвращаясь затем не один раз к первым. А ведь есть ещё и травники, появляющиеся в пору летнего изобилия и довольства!

Так всё лето и проходит у зайчихи в делах праведных: одних – провожает, других – встречает, третьих – обхаживает, и не видать конца её усердным хлопотам. Даже под осень, когда многие птицы уже собрались на юг, а некоторые и вовсе отлетели, сердобольная зайчиха приносит на свет своих последышей, ласково прозванных в народе листопадниками. Непутёвые и славные, они особо любимы в народе, и, примечая их, неторопливо ковыляющих через распутицу-дорогу, всякий с радостью восклицает что-нибудь весёлое и приветное.

Вот и выходит, что забот у зайчихи полон рот, и со всеми ей самой справляться надобно. Но плохо жить без забот, хуже – без доброго слова, которого ей от добрых людей не хватает. А добрые ли мы с вами после того, как зайчиху плохой матерью величаем?!

СМЫШЛЁНАЯ ВОРОНА

Как-то затопил я в деревне баню, а дрова в печь подбросил старенькие, худые. Дым из трубы повалил густой, едкий, и тотчас на крышу уселась ворона. Отчего-то завертелась беспокойно, заходила по коньку взад-вперёд. Ворону явно что-то заинтересовало. Спрятавшись в дровянике, я решил понаблюдать за ней, понимая, что смышлёная птица появилась на крыше не случайно.

И вот, когда дым чуть развеялся, а жар, по-видимому, спал, ворона воровато взгромоздилась на трубу, как-то неловко раскорячилась и замерла. Таким образом, птица, вероятно, намеревалась вывести досаждающих ей паразитов – перьевых клещей, и меня поразила её сообразительность. Ведь очутилась ворона у трубы сразу, как только из неё повалил дым: значит, она моментально среагировала и оценила возникшую ситуацию. Конечно, ворона могла проделывать подобное и раньше, но это никак не умаляет её способности быть поразительно смышлёной.

БУРОВАТО-СЕРАЯ МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с берёзового листа, и сразу, по прилёту, занимает густые ольховые поросли по опушкам и берегам рек. В деревнях же

выбирает, чаще всего, черёмуху и сирень. Буровато-серая маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, среди фиолетово-лиловых нежных султанов и вовсе остаётся незамеченной, но именно благодаря сиреневому одурманивающему кипению, наверное, и поёт всю ночь.

Не будучи ночной птицей, соловей превращается весной в неё, чтобы непревзойдённой по красоте песней извещать и приманивать самочек, что возвращаются с юга только ночами. Людям и невдомёк, что восхищённый певец всю ночь напролёт провозглашает не только любовь, но и сообщает всему миру о долгожданной встрече. В природе всё подчинено продлению жизни, а значит – работе, но с каким очаровательным восторгом она воспринимается маленькой серенькой птичкой с умными чёрными глазами!

Общеизвестно, что соловей – знатный певец, он не похож в своём природном умении ни на одну певчую птицу. Соловей не просто свищет и щёлкает, как обычно, не без восторга, принято упоминать среди людей о его непревзойдённом таланте, он именно поёт, издавая голосом восхитительные звуки. Охотники до соловьёв различают все колена его песни, и даже дали им названия: бульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешева дудка, кукушкин перелёт, гусачёк, юлиная-стукотня, почин, оттолчка, свисты, трели. Соловей поёт, говорят, себя тешит, но разве для всех нас по весне его песня не великая радость?!

Сколько раз мне приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени у себя в деревне, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в неприглядное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча… Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ночью на лес бесшумными хлопьями повалил снег. Зима пришла точно в те же числа, что и в прошлом году, только более уверенно, без надоедливых оттепелей и слякоти. Весь октябрь простоял тихим, сухим, и снег лег на чуть подмерзшую землю как раз вовремя.

Все, в особенности охотники, ждали первого снега с нетерпением. Они на разные лады пересказывали в своих нескончаемых спорах его качества, и древняя как мир страсть к охоте почему-то приобретала особое значение и интерес. Первый снег, по их понятию, представлял не что иное, как замечательное откровение природы, когда она беспрепятственно обнажает свои самые сокровенные тайны.

Пропустить первый снег для охотника представлялось просто невозможным, подобная мысль даже не допускалась. К первому снегу начинали готовиться загодя, тщательно перепроверяя охотничью амуницию и неоднократно прокручивая в памяти картины, которые снег когда-то щедро подарил. Первый снег олицетворял собой надежду на долгожданную удачу именно в этом сезоне, и снежная чистота проясняла для человека не только отношения лесных обитателей, но и его собственную жизнь.

Первый снег — это удивительное и почти непередаваемое ощущение новизны. Ты как будто

рождаешься заново, подойдя поутру к окну и неожиданно обнаружив за ним радостную перемену. Первый снег содержит в себе такой проникновенный свет, что, кажется, не знает преград, хотя и быстро истаивает, уже к вечеру совершенно себя теряя.

А с утра он первенствует во всем, наполняя души людей восторгом сопереживания с его чудесным появлением. Первый снег — это восхитительное открытие, которое замечательно тем, что его не ждешь, но оно рано или поздно приходит.

Хорошо встретить первый снег в деревне, где он наиболее естествен. Воздух там бывает проникнут им по-особенному широко и раздольно. С первым снегом в деревне воцаряется тот покой, что возможен лишь рядом с лесом. Чтобы неподалеку начинались темные остроконечные ели, восторженно замершие под его кисейной пелериной, покосившийся забор только бы ожил от чуткого снежного прикосновения, как-то необыкновенно и красиво обрисовался, а и без того насыщенная деревенская тишина наполнилась ещё большим радостным смыслом.

Первый снег, всегда, кстати, он никогда не бывает случаен, и если что-то способно излечить душу после нескончаемой осенней непогодицы, так это именно первый снег. Поначалу он просто повергает своей нетронутой белизной, и ты понимаешь, что чище его ничего на свете не существует. Первый снег — это и первая, еще не окрепшая надежда, что всё опять наладится, и первый народный праздник, с приходом которого кажется, что в жизни появляется нечто новое, чего раньше не было, и первое чувство уверенности в том, что ты всё делаешь правильно. Первый снег ненавязчиво помогает разобраться в самом себе, вмиг окрыляет и в то же время успокаивает.

Снег, открывая собой самое неповторимое время года, тихо и величественно падал всю ночь и весь день, так что к утру следующего дня ноги утопали в нём уже по самое колено. Я тоже с нетерпением ждал его, искренне веря в пришедшую чистоту как в истинный и неповторимый небесный дар. И почему-то совсем не приходило в голову, что первый снег может вдруг обернуться настороженным белым молчанием или оторопелой боязнью для тех зверей, чьё появление в эту пору представляется как нечто неминуемое, когда воцарившаяся в природе чистота неимоверно манит их своей воображаемой доступностью и простотой.

Поднявшись до рассвета, я вышел в притихший лес, пронизанный трепетным лунным светом и спокойной белизной снега. Легкая туманная дымка заволакивала луну, но свет от нее не казался приглушённым. Он лился на замершую землю ровно, проникая в самые потаённые лесные уголки.

А потом манящая снежная чистота потихоньку и меня завела в глухую утробу леса, где течёт скрытая от человеческого глаза жизнь, и я сразу почувствовал неприступный холодок, чуть ощутимо повеявший оттуда. Чётко и ясно вдруг открылось, что первый снег может быть отрешённым от всего происходящего, оставаясь в то же время негласным защитником птиц и зверей. Он словно завораживает их, даже, вроде бы, намекает: не ходите пока по мне, не оставляйте своих следов, это обернется для вас непоправимой бедой!

Звери и птицы будто слышат предупреждения первого снега. Кажется, что они неразделимы с ним в своем понимании жизни, и умело пользуются его мудрыми советами, предупредительно подыскивая себе место в самой глуши разлапистого елового леса, отчего несколько дней кряду снежная белизна остается почти нетронутой.

После недавней осени жизнь ещё не приспособилась к первому снегу, и всё вокруг как будто замирает. Лес стоит такой опущенный и онемелый, что от окружающей тишины становится не по себе. Словно птицы перекочевали в неведомые, труднодоступные края, порядком потревоженный зверь совсем исчез, и лес уже больше никогда и ничем не расшевелить. Он будто припорошен равнодушным ко всему снегом, и уснул непробудным тяжелым сном.

Но это, конечно, только невидимая сторона жизни лесных обитателей, что не всегда умеют хранить свою тайну. Тайна эта заключает в себе скрытый смысл их потаённого существования, что постепенно, по мере углубления в лесную чащу, всё же начинает приоткрываться, и первый снег невольно помогает ему в этом. Не в силах сдерживать свой восторг от воцарившейся в природе новизны, звери и птицы выбегают из своих укрытий, а где снег, там и след!

РАДОСТЬ

В детстве для радости не виделось никакой опасности: она казалась вечной. В зрелости человека всё чаще начинает будоражить память об этой радости, желание прочувствовать её вновь и понять, почему и куда она уходит. И он, нередко, обращается к природе, отправляясь именно в лес, и часто всё увиденное там помогает ему преодолеть накопленную усталость и разочарование.

Но от чего же закрадывается в сердце человека эта безрадостность, когда, вроде бы, надо только жить да жить, до последней капли впитывая каждый отпущенный тебе день? Ведь в детстве чувство разочарования было так мимолётно, а теперь радость всё время приходится отстаивать, вернее, добираться до радости в себе приходится всё труднее и труднее, но когда, всё же, доберёшься до неё – она оказывается такая же чистая и трогательная, как в детстве.

Лишиться радостного удивления всем тем, что есть в этом мире, значит, потерять единственную и изначально дарованную возможность обрести правду жизни, а правда всегда требует неиссякаемой честности по отношению к существованию, неутомимого поиска сердечной радости в самом себе.

ШКУРА ОДНА, А ХАРАКТЕР РАЗНЫЙ

При общей схожести жизни, звери и птицы, между тем, значительно разнятся. Без назойливости, но настойчиво кычет в ночной чаще сова. Отрешённо, словно задумавшись, ходит по закраинам затянувшихся мелколесьем вырубок лось. Неотступно преследуя кого-то, пакостливо шляется по лесам росомаха. Медведь неторопливо ступает. Озорно метнётся в высоких ветвях белка. Тронет по полю лёгким галопцем подобравшийся в себе от страха заяц. Понуро бредёт пробитой в глубоком снегу тропой несгибаемый волк. Крадучись, тянется под утро к деревенским задам след рыскающей лисицы.

Всем им суждено, в близком соседстве, просуществовать свои неповторимые жизни, не отдаляясь и, в тоже время, не мешая друг другу своим присутствием. А человеку надлежит разгадать эту скрывающуюся под тёмным еловым пологом разнообразную звериную тайну. И действительно, кого из зверей ни возьми – всяк на особинку, со своим, ни с кем не имеющим сходства нравом.

Всем хорошо известный Михайло Потапович, с виду, будто бы, как две капли воды похожий на другого косолапого, на деле - отличные друг от друга звери… Есть у медведя братья, да не свои!

Один отличается отвагой, другой - умом, этот, несмотря на природную силу, тугодум, а кто-то - не самого смелого десятка. У человека, говорят в народе, воля, у животного - побудка, но в медведе и ум, и нрав, и воля слиты

в один глубинный лесной дух, и дух этот у всякого зверя проявляется на свой лад.

Страшным представляется могучий медведь, а и с ним случается великий испуг, если зверя потревожить неожиданно: поднять спящего на берлоге, или медведь натолкнётся на охотника, впопыхах выстрелившего в него, и тогда, в паническом бегстве, у него возникает острое кишечное расстройство – «медвежья болезнь». Робеть, опасаться и откровенно трусить свойственно и лесному исполину: кого страх хоть раз в жизни не обуял? Жить бывает страшнее, чем умереть.

Порой попадается медведь и вовсе кроткого нрава, одним словом, добряк. Можно даже сказать, обходителен без меры в обращении с окружающим его лесным миром: кто его таким придумал? Шкура, вроде бы, одна, а характер у всех медведей разный! У Бога, как известно, много всего.

Но и то правда, что в медведе, как ни странно, всё кажется соизмеримым: неуклюжесть - с неведомой силой, видимая недотёпость – с удивительной прозорливостью, обаятельное добродушие – с немилосердной мстительностью. Сочетание, на первый взгляд, противоречивых качеств – есть, на деле, суть зверя, и отгадать её очень не просто. Может быть, даже невозможно, в тоже время хорошо представляя себе медведя, его образ жизни и держа на памяти незабываемые встречи с этим удивительным зверем.

Мало того, эти противоречивые свойства присущи не всем медведям, каждому из них свойственна какая-то своя черта, не похожая на другого зверя. Иначе бы как мы могли судить обо всех этих качествах, что уживаются в медведе? Ведь не могут они принадлежать одному зверю, подобное выглядело бы неправдоподобно.

О чём это говорит? Конечно, о том, что медведи могут сильно разниться друг от друга, причём, не без участия человека, бесцеремонно вторгающегося в дело природы, что, несомненно, нарушает жизнь зверей, и они теряют своё исконное лицо. У всякого косолапого, как не крути, свои козыри!

Один зверь оказывается по жизни доброжелательным недотёпой, его вполне удовлетворяет растительная пища, и он ведёт мирный образ жизни, а другой – являет собой разъярённого и кровожадного хищника. Причиной тому - многообразие природы, то, какая это неповторимая и непредсказуемая кладовая неизведанных богатств, полная неисчерпаемых возможностей для самих зверей, что в зависимости от места и условий обитания проживают непохожие друг на друга существования. Верно одно: всяк медведь на свой пошиб жизнь устраивает, ровно, как человек.

Вот какой-нибудь медведь, скажем, чёрно-бурой масти, слоняется неспешно по берегу таёжной реки в надежде, что подвернётся какое ни на есть пропитание, и дела ему нет ни до чего другого… Где камешек перевернёт, отыскивая под ним жуков и личинок, может приняться за рытьё сочных корений, произрастающих у самой воды, а то умудрится зацепить лапой зазевавшуюся на мели рыбёшку… Бывает и такое, что натолкнётся

медведь на муравьиную кучу, устроенную мурашами неподалёку от реки, в укромной низинке, никогда не оставит без внимания осиное гнездо, лакомясь вкусными яичками. Весь интерес этого медведя – в еде, и ни о чём ином он не помышляет.

Натолкнись человек на спокойно идущего по своим делам медведя, зверь, скорее всего, поспешит ретироваться в кусты, только его куцый хвост и видели. Человек, должно быть, и сообразить ничего не успеет, поскольку с перепугу и сам не знает – куда деваться. Так часто бывает, когда человек с медведем в лесу, за сбором лакомой малины, неожиданно нос к носу столкнутся, а через мгновение, с треском через кусты, бегут в разные стороны.

Случается и такое, что медведь, завидев человека, на дыбы от неожиданности поднимается, пасть разинет, передние лапы, чуть свесив, прижмёт к груди, и, вроде как, на него столбняк находит: замрёт, как вкопанный, будто бы человека впервые в своей жизни встречает… Обнаружив перед собой вскинувшегося на задние лапы зверя, опешившего от столкновения с человеком, невольно и сам застынешь в какой-нибудь неподобающей позе, так что ничего не остаётся, как воскликнуть от удивления: «Кому на радость, а вам, Михайло Потапович, на здоровьице»!

Немудрён, конечно, привет, а сердца покоряет, и медведь не ринется на тебя, сломя голову, только, для порядка, рявкнет себе под нос, прежде, чем убраться. Ведь по своим повадкам медведь не зря в лесу простофилей слывёт: нет в нём ни злобы, ни какой-то особой хитрости, как у лисицы, и ведёт он себя порой довольно беспечно.

Представьте себе, как ничем не занятый медведь бредёт по берегу такой же таёжной реки, и что у него на уме – мы про то не ведаем: зверь – он и есть зверь, да к тому же на сюрпризы горазд. По всему видать, наш медведь простоват, словом, характером не уворотлив, и думка о еде его, кажется, не особо занимает. Не то забота, что много работы, а то забота, как её нет, и надобно зверю какие-нибудь усердные хлопоты себе непременно отыскать: в этом – суть косолапого!

И действительно, весь интерес сердобольного медведя оказывается нацелен на … лодку, что совсем недавно вытащил на берег охотник, да и ушёл по делам. А лодка доверху заполнена свежей стружкой, что он приготовил для утепления охотничьей избы, и как раз эта самая стружка и привлекает более всего внимание зверя. Чего бы ему, казалось, с неё?!

Медведь, обнаружив в лодке ворох какого-то приятно пахнущего курчавого вещества, тут же запускает в него лапы и, ухватив целую охапку, принимается перетаскивать от реки к лесу. Идёт, чуть присев, как-то по-бабски переваливаясь из стороны в сторону, причём, проделывает это очень старательно, ни на что не отвлекаясь. Отнесёт одну порцию, свалит её у самой кромки леса, и спешит обратно, прихватывая стружек как можно больше.

При этом, время от времени, мотает головой, посапывает, будто разговаривает сам с собой, но не прекращает свою затею, пока не перетаскает все стружки. И разве может кто-нибудь из нас утвердительно ответить: зачем мишка это делает? Какая черта его характера вынудила медведя вести себя подобным образом? Уж явно – не злобность, и глупостью это называть тоже не хочется, предполагая в медведе, скорее, какую-то обаятельную наклонность его звериного нрава, во многом схожего с поведением человека.

Какие-то медведи, как и другие звери - волк, лиса, рысь или росомаха, обычно сторонятся капканов. Их даже не привлекает соблазнительная привада: наученные горьким опытом, хотя бы однажды случившегося в их жизни, они предпочитают держаться от неё подальше. И всё-таки, именно представители медвежьего племени, те из них, что обладают особой смекалкой, несмотря на опасность, не гнушаются этой привадой.

Приблизившись к ней, медведь забрасывает в сторону предполагаемого капкана куски мха, земли и коряги, всякие подвернувшиеся под лапу гнилушки, добиваясь того, чтобы капкан захлопнулся, и спокойно разделываются с приготовленной человеком приманкой. На подобный фокус в зверином царстве оказываются способны только медведи, и то, далеко не все: самые выдающиеся! Такой медведь никогда не поведёт себя просто: десятью девять девяносто! Он ларчик откроет с присущим ему вывертом, а между тем – действует по-простому, без затей: не украл, просто взял. Святая простота!

Но при этом мы подивимся находчивости медведя, отметим про себя его своеобразный ум: такую изощрённую простоту Бог любит. Кабы не она – мишка давно бы пропал!

Бог создал медведя по образу и подобию, что не присущ никому, кроме самого медведя. По облику - зверь мохнатый, а по уму - бес косолапый! Таинственное существо, не поддающееся разгадке, что деревьями качает, а людьми, как вениками, трясёт. Рад медведь, что родная обитель его – дремучий лес, где он как хочет, так и ворочит: дуги гнёт – не парит, а переломит – не тужит.

Словом, медведя под стать да под масть не подберёшь: образ зверя передать не легко. Порода медведя особая, и она тем быстрее будет понятна, чем чаще ты с ним в лесу одной дорожкой проследуешь, не уставая размышлять над его замысловатыми повадками, и уж только потом утвердишься, что медведь медведю – рознь. Не гляди, как говорится, на морду, а гляди на обычай: у медведя их не счесть, тогда как шкура одна!

СТРАННАЯ ПТИЦА

Золотистые глаза цапли кажутся недобрыми, и наблюдение за ней почему-то не доставляет особого удовольствия. При приближении человека цапля лениво взмахивает крыльями, и неторопливо перелетает на другое место.

Обычно она присаживается на макушку ели, замирая там изогнутым крупным силуэтом, и ты порой подолгу гадаешь: кто бы это мог быть? Разобрав же, разочарованно шагаешь дальше, и вскоре забываешь о существовании странной птицы, что живёт у воды, а гнёзда устраивает на вершинах высоких деревьев.

Гнёзда у цапли получаются широкие, сплетённые из толстых прутьев, и всегда располагаются в раскидистой развилке сосны, ели или берёзы, чтобы разместить в нём полдюжины своих колченогих неповоротливых птенцов. Цапля не любит какого-либо соседства, и, может быть, именно поэтому выбирает высокие деревья.

Однообразие дороги вскоре вынуждает вернуться в своих мыслях к цапле, и странной начинает представляться не сама птица, а то, почему её существование тебя не занимает. Странная птица чем-то будто отталкивает от себя, и хоть живёт всегда неподалёку от деревни, и часто попадается на глаза, но ничем не привлекает.

Её нередко можно увидеть на берегу лесной речки, неподвижно замершей в камышах. Птица терпеливо высматривает свою добычу, затем – неуловимый удар, и извивающийся уж у неё в клюве. Цепко цедит свою цель царственная цапля – цап!

ЗВЕРИНАЯ СВАДЬБА

От какого-либо, пока не встреченного, зрелища в лесу порой отделяет совсем несущественная мелочь, несмотря на то, что шёл ты к нему не один год. Кто-нибудь, случайно опередив тебя, к глубокому твоему сожалению, вспугнёт зверей, которых ты вот-вот должен застать за чем-то интересным, и, кажется, ничто уже не в силах помочь.

Но благодаря оставшимся на снегу следам можно без особого труда прочесть произошедшие недавно события, и ясно представить упущенную лесную картинку. Например, о том, как однажды лосиха с лосем вознамерились в потаённом осиновом уединении продлить свой род, и всё у них для этог было: и небольшая укромная полянка, и тихое октябрьское утро с ласково струящимся над землёй светом, и неизменное по осени желание зверей быть вместе.

Первый мягкий снежок, выпавший за ночь, осел и придавил слежавшуюся листву, отчего идти было легко и приятно. Что-то неясное несло меня сюда, в места, где я давно уже не был, и очень радостно переживалась возможность снова всё увидеть, но уже по-другому, так, как никогда ещё не удавалось. Прозрачные крупные капли от растаявшего снега застыли на мокрых ветках, изредка лесную тишину пронизывало тонкое посвистывание рябчиков, и хотелось верить, что за следующим поворотом просеки обязательно встретится нечто удивительное и неразгаданное.

И вот, впереди вдруг залаяла собака – отчаянно, заливисто, явно натолкнувшись на нечто неожиданное для себя и, похоже, сильно

распылившее её. Лай быстро удалялся, уходил вниз к реке, и это означало, что собака кого-то подняла и гонит. Когда зверь оказывается один, собака обычно держит его на месте, не давая уйти, но вот если она кого-то погнала, тут может быть что угодно.

Судя по расстоянию, откуда доносился возбуждённый собачий лай, я опоздал к месту развернувшихся событий на каких-нибудь семь-восемь минут. Пройдя до этого с десяток километров и, как будто догадываясь, что тебя может ждать здесь ещё невиданное зрелище, неприятно было испытать неудачу. А лай всё удалялся, и вскоре совсем затих.

Через некоторое время я вышел на открытое место. Это было пересечение двух просек, где весь снег оказался изрытым лосиными копытами. Сначала я подумал, что здесь недавно произошло сражение двух быков, тогда как самка держалась где-то рядом в ожидании победителя. Но внимательно рассмотрев место предполагаемой битвы, я не обнаружил следов крови и обратил внимание на то, что одни отпечатки следов округлые и широкие, а другие узкие и вытянутые.

Чуть поодаль, там, где снег был почти не тронут, следы расходились в разные стороны… Стало ясно: чья-то собака просто разогнала зверей, не дав продлиться самой поздней в лесу любви, что протекает у лосей осенью. Пришёл не зван, и ощущаешь, будто и сам изгнан, но разве за богатством я гнался? Мне хотелось соприкоснуться с чем-то неизведанным!

Долго я стоял, представляя, как здесь всё происходило… Лось неспешно подбежал к лосихе и замер рядом, величественно повернув рогатую голову, а она слегка коснулась мордой его щеки, положила свою голову ему на шею, и так они стояли какое-то время, чувствуя, как гулко ударяются их возбуждённые сердца, и ничего не предпринимали. Им, наверное, было радостно оказаться этим утром вместе, вбирая всем своим существом расстилающийся над землёй запах первого снега, а мне стало до боли жаль, что зверей вспугнули, и они, быть может, больше никогда не встретятся.

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

В конце февраля возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга. Им, после свадебных боёв, остаётся матёрый. Каждый волк, в меру сил и возможностей, старается отстоять собственную волю и свободу выбора.

Волк понимает: только добившись победы, он доводит права победителя до логического конца. Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа, и когда он настанет, так же надёжно, не теряя выдержки и достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не теряют права быть свободными, сильными и независимыми, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободен. Свобода не даёт ему удовлетворения и покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он, отказываясь от неё, старается поскорее найти более

лёгкий путь следования. При этом человек ещё посягает на свободу других людей, не имея на то никакого права.

Жизнь обитателей леса более гармонична, нежели жизнь многих людей, потому как является самым обыденным проявлением подлинности всего сущего. В отсутствие извращённого разума, то есть разума с расчётом, животные живут, конечно, суровее, но значительно проще и надёжнее человека, а боль у них присутствует лишь в той мере, в какой её не достаёт для поддержания жизни.

САМОЕ ДУШИСТОЕ ДЕРЕВО

Не на шутку может растревожить сердце, по весне, душистая черёмуха… Разухабистая и белопенная, всего в ней в достатке, а больше - приворотного дурманящего зелья, от которого голова идёт кругом. Упаси Бог напиться её красой в волю – навек тогда в душе своей заплутаешь: так говорят знающие люди.

Но как не встрепенётся сердце при виде зацветающей черёмухи! Ни невеста уже, а вся в белом. Неимоверной чистотой окрыляют её тонкие кружева. Раньше всех других деревьев расцветает черёмуха, но делает это не спеша, как будто желая убедиться: не опередил ли кто её в наряде?

А уж причёскою и вовсе нет ей ровни: распустит свои пышные пряди – будто одеколоном обдаст! Манит тебя самое душистое дерево с головой окунуться в свои ароматные кудри и насладиться белым пьянящим теплом. Так пахнет только она, черёмуха, но описать её чудесный аромат невозможно.

ЖИЗНЬ ДЛИНОЮ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Сколько интересно, нужно осуществить человеку в жизни полезного, чтобы полностью отработать и оправдать пребывание на земле? Чем определяется этот долг? Какими делами и знанием? Что должна представлять из себя его жизнь: с одной стороны – обыкновенная, а с другой – возвышенная?!

Наверное, на это уходит несколько его жизней, которые вмещаются в одну, вечную, дарованную ему Существованием, и, понимая это, всё предстоящее уже не видится человеку таким неосуществимым. Ему лишь следует правильно распорядиться этой своей единственной, длиною в бесконечность, жизнью: дорогой, неповторимой, и обязательно радостной и счастливой.

Счастье – когда найдёшь в жизни для себя самое важное. Вот это важное и следует, несмотря ни на что, осуществить. Если ты не справишься с возложенным на тебя Вселенной долгом, то придётся вновь насладиться

восхитительной несправедливостью этой земной жизни в лице другого человека, только с меньшими возможностями. Может быть даже – в облике волка, папоротника или чудесной красногрудой чечевицы, обретая недостающее знание и переживая не менее интересные открытия на пути постижения Бога.

ТАИНСТВЕННАЯ ПТИЦА

Как-то раз, ближе к вечеру, подглядел я в лесу загадочную птицу…

Птица сидела на вершине ели и издавала странные, не слышанные мною раньше звуки. Чуть подаваясь вперёд и осторожно отодвигая крылья от туловища, она как будто хрипела в себя, причём, очень ровно и долго, а в следующий миг раздавался утробный клёкот, и крылья её делали небольшой взмах, с замиранием звука возвращаясь в прежнее положение. Птица околдовывала таким необычным поведением, и хотелось идти на этот клокочущий голос, ни о чём не думая и просто наслаждаясь её диковинным присутствием.

Проделав порядка двух десятков необычных возгласов, птица сорвалась и улетела, а разбуженные верхушки елей скрыли её тревожащий полёт. Размером она была чуть ли не с доброго глухаря, тело вытянутое… Оперение же - тёмное, гладкое, и ещё какое-то неопределённое, разглядеть его более тщательно тогда не представлялось возможным из-за морозной туманной дымки, повисшей над лесом.

Позже я убедился, что это был ворон. Птица, как утверждают народные поверья, наделённая таинственной способностью перевоплощаться. Тайна перевоплощения заключается в её изобретательности: она не только безукоризненно копирует поведение и возгласы других птиц, зверей, поскрипывание старого дерева или завывание ветра, но и придумывает нечто не существующее, ранее не слыханное. Отчего-то ей необходимо вести себя таким загадочным образом, и тайна птицы зачаровывает. Принято думать, что ворон даже понимает речь человека, тем более, легко разгадывая его думы.

Ворон в лесном мире – само воплощение его древности и тайны, той глубины, которая незаметно уводит за собой и часто даже убивает. Верно хранит ворон лесную тайну, лишь изредка вскрикивая, не в силах сдерживать себя, но, спохватившись, опять замолкает. Тайные помыслы леса ведомы, наверное, и волку, и медведю, и старому лисовину, но только ворону подвластно владеть ими в полной мере, и иногда напоминать о них всем. Распахнув мощные чёрные крылья, ворон будто приоткрывает свою связь с таинственными силами, на миг овевая скрытой в себе темнотой.

Сразу чувствуется, что ворон – серьёзная птица… Не в пример нашей вездесущей вороне, у него даже свой подклювный мешок имеется. Ворона, своровав оставленные человеком монетки, зеркальце или пуговки, утаскивает их в гнездо, а ворон прячет все доставшиеся ему драгоценности в свой

потаённый кармашек. Потом вырывает где-нибудь ямку, аккуратно закапывает, и маскирует пучком травы или листочками. Может поэтому обыкновенные серые вороны не любят ворона, что он ведёт жизнь на особинку, и держится всегда в одиночку.

Зорко вглядывается ворон в окружающую жизнь, ничто не проходит мимо его внимания, но никогда не тяготит это пристальное присутствие необычной птицы. Всё замечает ворон, сам оставаясь невидимым, а показавшись, зачем-то перевоплощается. Чтобы, наверное, не переставали им восхищаться, постоянно думали о нём, удивлялись и немножко побаивались.

Ворон несёт в себе эту удивительную возможность перевоплощения и никому не открывает своего древнего знания, то и дело наполняя лес чудесами. Благодаря долгой птичьей памяти чудеса негаданно выплывают по её пытливым, сокровенным волнам из глухой непостижимой старины, и лес как будто оживает в такие моменты, возвращаясь к временам своей далёкой молодости. Может быть, именно поэтому я тогда и не разглядел эту таинственную птицу, а только засмотрелся на неё, позабыв обо всём?!

ХОТЯ БЫ РАЗ В ЖИЗНИ

Как бы хотелось однажды остановить время, войти в лес и прожить в нём целую вечность: волком, совой, медведем, глухарём, цаплей, барсуком и лисицей, лосем, кабаном, яркой сыроежкой, молчаливым рогозом, светлой берёзкой, могучим дубом и старым лысым пнём… Ещё, пожалуй, скромной медуницей, вольным канюком и неустрашимым ёжиком, вкрадчиво ступающей красавицей-рысью, стремительной белкой, безжалостной росомахой и сторожкой лаской, белоснежным лебедем, выдрой, пахучим мхом, вересковым диким мёдом, потаённым чистым ручейком, весёлым роем пленительных звёзд, переливающихся в морозном небе.

Сколько же их – замечательных и неповторимых, трогательных и до отчаяния смелых, божественно прекрасных и неуловимых, до невероятного чутких, проницательных и неутомимых существ, готовых в миг преобразиться, стать невообразимо выносливыми, или тотчас пожертвовать собой ради своих детёнышей, не страшащихся никакой напасти, а жаждущих только свободы! При этом – неукоснительно утверждающих свою непреклонную звериную волю, во всём, в любой мелочи, что касается глубинной лесной жизни.

И разве можно в ней обойтись без роскошных луговых цветов, богатства грибного царства, замшелых болот и потаённых буераков, сокровенных птичьих гнёзд и переливчатых трелей их восторженных хозяев? А разве забыть плеяду легкокрылых неведомых насекомых, таинственных, словно пришедших из сказки?

И все они – эти звери и птицы, вековые деревья-великаны и молодые рощи, диковинные растения и еле уловимые перламутровые стрекозы абсолютно безоговорочно преданы своему лесному богу, ОТЦУ-ЛЕСУ, к

коему взывают своими неповторимыми жизнями, чтобы Он их любил и оберегал. И ЛЕС, действительно, оберегает этот чудный трепетный мир, куда хочется попасть и тебе, чтобы быть там своим… Но зачем?!

Разве не лучше, при возможности представлять себя кем угодно, оставаться человеком! Научился бы я, как волк, рысь или медведь, тайнам звериной жизни, умению красться зверем, парить вольной птицей или оранжевым перевёртышем-листом, неслышно опускаясь на такую же яркую сыроежку, не узнал бы уже никогда сладости постижения в себе божественного духа. Но как заманчиво, хотя бы раз в жизни, всё-таки слиться с первозданной лесной чащей, стать в ней, действительно, своим, и прожить в этом таинственном мире такую же таинственную, ни на что не похожую прекрасную жизнь, захватившую тебя своей дикостью и свободой!

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Мир живой природы всегда неудержимо манил к себе человека, и, тем не менее, это не мешало ему убивать своих меньших братьев. Происходило это часто для того, чтобы выгоднее продать роскошную звериную шкурку, использовать дичь в качестве пищи с целью поддержать свою жизнь, или по той известной для каждого охотника пустой причине, когда из-под ног нежданно взмывает что-то трепетное и шумное, бросаясь впопыхах наутёк, и тебе зачем-то непременно надлежит остановить его выстрелом.

Всё это будоражит память и сердце охотника, и он не в силах удержать неумолимо вспыхивающего желания насладиться молниеносным подчинением себе дикой, неведомой природы, когда лесная глушь, кажется, отступает, и ты с колотящимся сердцем бежишь сквозь кусты, не чувствуя ничего, кроме жажды овладения зверем или птицей, а многообещающие тайны леса при этом всё-таки ускользают от тебя неразрешёнными…

Но на деле всё обстояло гораздо сложнее: в тайниках мятущегося сознания самого человека витало нечто негаданное и дремотное. Человека, скорее, тревожила его собственная дикая природа, тот зверь, что всегда находился у него в душе, или, быть может, в голове.

Человеку важно было приблизить к себе животное, даже ценой его умерщвления, как будто это могло что-то разъяснить для него. Ему думалось, что достигнув близости с этим животным, он, наконец, преодолеет не дающий покоя разрыв между незнанием и истиной. Но, ощутив тепло уходящей жизни на ощупь, почувствовав приятную упругость отяжелевшей тушки, человек понимал, в который раз совершая грехопадение: мучившая его тайна вновь остаётся неразгаданной.

Так, овеянные обаянием таинственной лесной жизни и многочисленных русских сказаний, звери когда-то были обречены на незаслуженное и жестокое выбивание. Это обаяние остаётся так велико, что покрывает собой как уже давно совершённые преступления, так и совершающиеся по сей

день, а также любые доводы в пользу охоты и рационального отстрела многих птиц и животных.

Человек бывает полностью захвачен красотой зверя, желанием непременно удовлетворить свою охотничью страсть, если не преодолел в себе этот с первобытных времён присутствующий в нём неудержимый порыв. Если не обрёл знание, что непозволительно убивать зверя только потому, что он неподражаемо прекрасен и загадочен. Зверь не виноват в этом, и существует сам по себе, он не принадлежит никому.

Человек должен понять, что птица в руках - ещё не есть обладание её природой, зверь в клетке – это пустота и не затихающая неудовлетворённость от совершённого предательства по отношению к нему. Только свободное общение с обитателями леса позволительно под его таинственным пологом. В противном случае человеку никогда не суждено ощутить красоту и радость собственной жизни.

Быть человеком – это, значит, в полной мере осознавать истинную свободу существования на земле: не посягая на свободу других, уметь сохранить свою собственную, не забывая, что в основе обе неотделимы друг от друга. Лес же, порядком напуганный, но не покорённый, остаётся человеку непререкаемым укором в его бездумном стремлении свести эту неповторимую жизнь, когда и Богу нечего будет взять.

Третья часть. Дух деревьев

Хоть сон и милее отца с матерью, говорили в народе, но иной раз не можешь никак уснуть, не досыпаешь ночами: заботливому человеку и сон не в сон. А вот деревья каждый год засыпают надолго, на всю зиму: кажется, забылись навечно. Какими снами убаюкивают себя они, в чём находят успокоение? Глубокими кажутся их непробудные сны, или, быть может, они очень чуткие?

Ещё в народе велось такое знание, что сон, на самом деле, не богатит, но это не может относиться к деревьям. Сон для них - что богатство: чем больше спишь, тем больше хочется, и копят они в нём недостающие для жизни силы, что определяют будущий весенний рост. Сон им самим Господом на душу положен, а значит, сладок и благостен.

Именно поэтому, наверное, зимой лес живёт особенной мудрой жизнью. Словно подаёт весть неведомому и всевышнему лесному духу, что следит за каждым его вздохом. В эту пору, как никогда, видно, что состоит лес из разных деревьев, и они будто приготовились к зимней сказке.

Но зима уравнивает в себе все деревья, когда они пытаются сохранить своё лицо, и деревья неустанно и молчаливо пленяют сердце зимы, чтобы она была к ним благосклонна. Под сенью леса как будто пробуждается невидимое движение, одним, еле уловимым дыханием касаясь пришедшего туда человека, и неумолимо захватывает его с собой.

Вот и зимнее молчание деревьев исполнено множества звуков, и они ещё более таинственны, чем летом. Родившиеся в глубине зимы, звуки эти помогают человеку хоть одним глазком заглянуть в великую книгу природы, казалось бы, наглухо захлопнутую на зимних страницах.

И вековечная тоска, и тихий свет радости, и несказанные тайны - всё это слышится в глубоком молчании родного заснеженного леса. Пробежит ветер по вершинам старых сосен и елей - и заскрипят могучие деревья, готовые помериться силой с зимней непогодой. Шумит величественная лесная крепь неизведанными и вещими голосами, неудержимо влечёт к себе и навевает думы о том, что человек - сам сын природы, что вырастила его и лес.

Близок лес сердцу русского человека, хоть порой им и не постигаем. Во все времена года обращается он к нему с молчаливым вопросом, и не всегда лес ему отвечает. Строго хранит он свои тайны, созидаемые деревьями.

Оказавшись под сводами деревьев, человек сразу ощущает удивительную благость и покой. На него снисходит непередаваемое чувство соединённости с окружившим его лесным царством: даже - какое-то умиление, западающее в самую сокровенную глубину души.

Любимые с детства деревья говорят русскому человеку неизмеримо больше, нежели не совсем понятные ему горы или море. Только лес, дарованный, как божественный сад, свыше, дает ему истинное отдохновение. Кажется человеку, что лес оберегает его от лиха, в нём он ищет свое пристанище, к нему обращает пристальные взоры.

Когда деревья засыпают зимой, они кажутся совершенно безжизненными: меж ними - благотворная замкнутость и покой. Не зря и у людей завелась пословица: сонного леса не буди - счастье зимы его нашло и захватило. Но именно зиме суждено выпустить лес из своих объятий: только когда это будет?

Зелёные грезы и видения слабо отражаются в забывшихся на всю зиму деревьях, и они будто не видят и не слышат. Сонный лес, что мёртвый: ни за что не поверишь в тлеющую в нём жизнь. Ему только подавай больше снега, чтобы стало ещё уютнее и теплее, и позабыл бы он про всё, не слыша шороха перебегающих в ветвях белок, не ощущая приятного порхания неугомонных синиц.

Неспешно думают свою неведомую думу замершие деревья, и самые величественные из них - сосны. Мысли сосен затерялись в высоких кронах - никак с земли не распознать. Ели стоят нахмурившиеся, седые, будто обиделись на сковавшую их движения зиму: что-то не доделали они, видимо, в своей укромной жизни, не успели. Берёзы нелепо распростёрли ветви в морозной тишине, и, кажется, не ведают, куда их девать. Осинки же чуть слышно переговариваются меж собой, на что-то ненавязчиво ропщут.

Каждый здесь живёт своими сомнениями и неспешным чередом. Ничто не может помешать раз и навсегда устоявшемуся зимнему порядку. Только ветер врывается сюда незваным гостем, и похожие с виду деревья начинают вести себя по-разному.

Сильные деревья, достигшие зрелого возраста, как будто подбираются в себе и выглядят несгибаемыми. Те, что поменьше и не в состоянии сопротивляться настырным порывам ветра, затевают вместе с ним жалобные вскрикивания. Совсем маленькие остаются для всех неприметными, и жмутся к тем, что покрепче, прося у них защиты. Старики же изо всех сил стараются переносить невзгоды достойно: им, как никому из деревьев, приходится трудно, и они скрипят и стонут, словно кляня свою уже давно безрадостную судьбу.

Задумаешься тут о духе, сокрытом, несомненно, в каждом дереве. Бесплотный житель недоступного нам мира, он невидим, но всегда ощутим. Относя слово «дух» к человеку, мы разумеем его душу, а в ней — высшую искру Божью, ум и волю, стремление к Всевышнему Отцу. То же присуще и деревьям, ещё более, чем человек, приземлённым, но и убегающим в бесконечную небесную высь.

Есть духи злые и добрые, самые светлые из них вошли однажды в деревья. В их телах они обрели ещё большую чистоту и мудрость. И тогда через них на человека стали снисходить благодать и вдохновение, сила его

души укреплялась и постигала собственную неограниченную самостоятельность, постепенно отвоевывая себе будущее милосердие и доблесть. А деревья не переставали полниться духом той самой, непревзойденной никем, божественной кротости: от неё и вырабатывается их размеренное, обогащающее всё живое дыхание.

Переводят дух деревья только с началом весеннего течения сока, и ещё, наверное, после сильного ветра, что, разбушевавшись, грозит надломить их. В суровую же зиму дух дерева так заложит снегом, что оно и не ведает, живо ли ещё? Но всегда в каждом дереве видится искра Божья. Так хочется думать.

В каких-то деревьях - дух вольный, в других - будто умеренный жар в печи, а в некоторых - худой, еле испускаемый. В молодых деревцах он весь направлен к свободе. Ещё бывают деревья, что горят духом, словно исполненные какой-то неизбывной ревности к самой жизни. Впрочем, присуще ли подобное деревьям?

Есть деревья покорные, тихие, они с каждым человеком ровно на духу исповедуются… Невозможно не заинтересоваться таким деревом, проходя мимо. Остановишься, бывало, рядом с ним, и впитываешь его робкие душевные наставления: верится почему-то, что дерево рано или поздно наберётся духовной смелости, и в полную силу заявит о себе.

Порой встречается дерево-душка - всё светящееся, радостное. Само не грустит, и другим печалиться не даёт. Остальные деревья, кажется, даже зависть берёт - какое оно приятное, да удачливое. Сами того не замечая, они тянутся к нему, привечают. А то только ещё веселей становится: чужими радостями и горем полнится, всё ему нипочем!

Нередко попадаются в лесу даже деревья-оркестры! Повсюду снега укрыли землю, с остервенением задувают вьюги, а они переговариваются меж собой на доступном только им мелодичном языке, неторопливо настраивают свои невидимые инструменты и тихонечко играют.

Эти деревья не так уж трудно разобрать в зимнем лесу. Достаточно остановиться и немного послушать: сразу различишь непрекращающуюся чудесную мелодию. Идя к ней, ты непременно набредёшь на вдохновенных музыкантов.

Некоторые деревья умудряются издавать чуть ли не духовную музыку, и выглядят от этого по-особенному торжественно. Они не напыщенны, а только необыкновенно приподняты в себе. Их духовые трубы льют над лесом неподражаемую песню, и ветер может поучиться у них волшебным нотам. Как отдыхает душа, соприкасаясь с этим звуковым потоком, что медленно наплывает, проходит сквозь тебя и уносит с собой твою неясную печаль!

А бывает, забредёшь в какую-нибудь мелкую рощицу - ни слуху, ни духу. Всё, как будто, вымерло, только неясные тени рассеянно переговариваются меж собой. К концу зимы жизнь здесь, кажется, вовсе замирает…

У деревьев же, с нанесённым им кем-то ранением, от переживаемых неведомых мучений дух захватывает. Всё в них изнутри скукожилось, будто кто опять вот-вот топором по ним хватит. Не переводя дух, стоят такие деревья в отрешённом оцепенении: кто им, кроме их самих, поможет?!

Но хоть духовное родство и пуще плотского, человек ненадолго около них задерживается. Его всё больше притягивают высокоствольные деревья, сильные, рядом с ними ему тоже хочется подумать о чём-то высоком. Им отдаёт он своё нерастраченное внимание, принимая за духовного отца, и будто исповедуется. Кто бывает на духовной исповеди - знает, каким подходящим для этого оказывается стройный лесной бор.

Благоговейное смирение просыпается в душе русского человека при входе под своды леса: он всегда признавал его своим храмом. В высоких и сильных деревьях, как нигде в природе, видна духовная крепость. Своим ростом и красотой они будто оставляют законно составленное ими завещание на случай предстоящего ухода: заблаговременно оговаривают могучее волеизъявление, подтверждая, тем самым, великую благожелательность ко всему живому и несгибаемый дух.

Дух деревьев - и в них, и повсюду. Он очищает собой лесной воздух, что слагается из еловых, сосновых, берёзовых, и ещё многих других душевных испарений. Как сложен он и, в то же время, прост, даже – ценен. Над ним невидимо работает весь ОТЕЦ-ЛЕС, и человек не должен пренебрегать им, ибо именно от дерева переходят к нему в лесу сила, любовь и верность. Ведь его корни - это связь с родной землей, а ветви тянутся к породившей всё живое Божественной Вселенной.

БЕРЁЗА

Едва ли не более всех прочих деревьев завоевала к себе любовь народа белоснежная берёза. Берёза любит обилие света, тень других деревьев угнетает её. Поэтому она стремится держаться одним белоствольным семейством-рощей, пронизанная насквозь свободой, не застоявшимся воздухом мимолетных и чудных дуновений. Ель же, несмотря на свою скрытность, тянется к общению и, как незваный гость, надоедает берёзе. Появившись однажды под её пологом, ель постепенно вытесняет берёзу из её собственного дома.

Берёза незлобива, и скоро прощает ель. Она, вообще, не терпит какого-либо душевного расстройства, и всегда остается благородной. Даже древесине её не свойственны гниль и косослои: берёза лишена присущих другим деревьям пороков.

Не страшится берёза и сырости, она стойко её в себе переживает, и никогда не жалуется. Даже в зимние метели, когда снегу наваливает много, и он пригибает берёзку к самой земле, ей, наверное, страсть как хочется распрямиться, но она покорно и кротко ждёт весеннего пробуждения. Не таит береза злой памяти на зиму, а безропотно, с достоинством её принимает.

Ещё берёза очень добра, и всегда всем помогает. Одним она мир святит, другим - крик утешает, третьих - от болезни исцеляет. Кто, как не берёза, для каждого чистоту блюдёт, а кому-то и душу согревает. Нет ничего худого в этом дереве - от него русскому человеку только польза и удовольствие. Больных на Руси не зря отпаивали берёзовым соком.

На Семик – один из важнейших обрядовых праздников восточных славян, его ещё называли «Зелёными святками», девушки шли в лес и завивали берёзку венком. Когда распускалась берёза, по древнему обычаю принято было крестить кукушку, прилёт которой олицетворял начало новой жизни. Девушки менялись при этом крестиками, приветствуя её и будто оберегая своею заботою, ходили хороводом вкруг наряженной лентами берёзки, принося её потом в деревню.

Так на Руси чествовали берёзу, как символ женского начала, вернее – саму жизнь. Берёзу считали воплощением жизненной силы и чистоты, а так же покровительницей девушек.

Даже при наказаниях берёзкой сказывали о ней в народе с обаянием, что свойственно этому милому дереву, любовно. Родная матушка-берёза ума давала тому, кто хотя бы однажды попробовал её розог. Оттого и велась пословица, что накормить берёзовой кашей – значит, постегать веничком из её ветвей, на добрую память.

А ещё говорили: сослали в Сибирь берёзки считать. То есть, за какую-либо провинность, отправлен по большой дороге на каторгу. Не ёлочки с сосенками, а именно белые берёзоньки…

С выпавшим снегом берёзовые рощи удивительно вытягиваются, становясь ещё более лёгкими, воздушными. Кажется, подует сильнее ветер - и поплывут белые стволы в бесконечное зимнее небо. Даже в еле приметный ветерок ветки берёз внятно отзываются на его прикосновение, будто их кто заботливой рукой перебирает, причёсывает.

Зимой берёзовый лес терпеливо томится ожиданием. Тишина полнит им воздушные стволы, и в душе невольно рождается доброе чувство. Свободно стоят заснеженные деревья, без какой-либо натуги копят в себе будущую радость.

Глядя на берёзы, понимаешь, что у каждого дерева есть своя жизнь, душа и сновидения, и у березы они, наверное, белые, воздушные и лёгкие. Стоишь среди берёз и, кажется, что легко можешь заглянуть в их тайну.

Берёзовые сны реют в верхушках деревьев, уносятся в бездонные небеса, а может, вьются невидимой дымкой среди воздушных стволов, нигде особо не задерживаясь. Ближе к весне берёзовые сны почему-то представляются выломанными из луж тонкими льдинками, через которые мы в детстве разглядываем облака.

Увиденный через такую льдинку пейзаж от этого медленно струится и тает, постепенно становясь прозрачным. Берёзы очень легковесны, и порой кажется, что они растворяются в своих снах. Даже зимой не покидает ощущение, будто деревья расправляют невидимые крылья.

Свои сны берёзы могут воплощать в жизнь. Увидишь в морозный солнечный день на горизонте сиреневую кайму в их верхушках - знай: это трогательные полунамёки того, что изведало дерево во снах. А может быть - его трепетное предчувствие скорой весенней поры…

Зимний воздух словно соткан из лёгких берёзовых переживаний, и иногда деревья путаются в них, как в сладких и желаемых тенётах. Когда же на заснеженную землю наваливаются свинцовые облака, редкое солнце радостно высвечивает яркие странички их внутренней прекрасной жизни на сдержанном и строгом фоне унылой зимы.

Всю зиму копит берёза в себе живительные соки и откровения, чтобы затем поделиться ими с человеком. Наполненная светлой музыкой своих волшебных снов, упрямыми завываниями северного ветра и приятной тяжестью белотелых снегов, она не в состоянии породить чего-либо неуместного. Сам цвет её и белоснежная свежесть родятся из матушки зимы, что хранит для всего живого ещё много хорошего и неизвестного.

Белая кора - это надежда для всего живого, необъятная тайна будущих перевоплощений и открытий. Это первозданный холст созидательницы природы для искусного художника, возжелавшего дотянуться до правды. И, конечно, самая чистая и чудесная посуда - это посуда из бересты.

Слово «белоснежная» приходит на ум почему-то именно в отношении к берёзе. Она - самое зимнее и привольное дерево, и её хочется видеть всегда.

Берёза не утомляет взор, сколько бы ты на неё ни смотрел, а лишь окрыляет его. Поднимаясь к небесам, взор не оставляет растворяющиеся в них верхушки, и как будто забирает с собой. Так берёза попадает в бесконечность.

Берёзу никогда не спутаешь с другим деревом, пока она жива. Поклоняясь её чистоте и нежности, ты будешь долго хранить в сердце волшебный образ берёзы. Будто невинная и прекрасная девушка одарила тебя проникновенным взглядом, от которого ты никак не можешь отойти и забыть его. Он преследует тебя всюду, не даёт успокоиться, и ты сладостно улетаешь с ним в бескрайние дали своего неистраченного воображения.

Стройная и немногословная всегда скромно стоит берёза перед тобой, где бы ты ни был. Пусть судьба заносит тебя в дальнюю сторону - берёза и там будет заботливо помахивать над твоей головой своими добрыми ветвями. Ничто не может взволновать сердце так, как её материнское внимание и ласка!

Зимой берёза как будто просит извинения за то, что прекратила на время дарить человеку своё признание и надежду, оставила его без своей опеки. Очень хочется берёзе осенять мир людей рождающимся в ней светом, и она несколько стыдится охватившего её оцепенения.

Но на самом деле внимание берёзы не умирает. Стоит только отправиться в лес и подойти тихонько к приглянувшемуся дереву, осторожно и бережно обнять его, и ты обязательно почувствуешь берёзовое тепло: дерево словно засветится им изнутри. Не зря из всех деревьев русского леса

дороже всего нам именно берёзка: сердечнее и чище её никого из деревьев не отыскать.

Клейкой нежной листвою одевается она по весне, и кажется, будто плывёт над землёй проникновенный зелёный дым. Молодые берёзовые листочки словно ластятся к пронизанному чистотой воздуху, кружат голову своим душистым дыханием. Из каждой надломленной веточки каплет на землю живительный сок, и она ещё более пробуждается, покрываясь шелковистой свежей травкой.

Идёт по земле весна, а наши берёзоньки - её добрые провозвестники, что знаменуют своим дружным хороводом будущую радостную жизнь. Недаром в народе пословица ведётся, что и соловей начинает петь, только когда напьётся росы с берёзового листка!

ОСИНА

Если тебе однажды вдруг захочется ощутить на себе неподдельную теплоту, обратись к осине. Нет в нашем лесу дерева более мягкого и чистого. Плотью своей жёлто-белая и лёгкая, осина свободно впитывает внимание, что ей выказывает человек, и так же спокойно его ему отдаёт.

В сравнении с другими деревьями осина требует к себе весьма деликатного обращения. С виду не царевна, она всегда оказывается благородной; помогая же кому-то в беде, поражает простодушием. Несмотря на недобрую славу, что бытовала о ней в народе, осина достойно держит себя в лесу, ничем худым, на самом деле, не запятнана.

Осина очень дружелюбна... Её стройные стволы с зеленовато-серой корой вверху и пепельно-серой внизу можно увидеть рядом с любым деревом. Не гнушается она соснового, елового и липового соседства. Ко всем одинаково радушно относится, никого не выделяет.

Но, всё же, больше любит осина оставаться в окружении своих подруг и близких родственников. Тогда у неё на устах появляется мягкая улыбка, веет от осины радушием и простотой. Осина, действительно, будто тепло излучает, и от того на душе становится хорошо и покойно.

Кажется, что осинники всегда насыщены этой неброской добротой, в них удивительная мягкость линий и света. В осинниках никогда не надоедает быть, несмотря на их видимое однообразие, и даже если станет тебе в лесу скучно, раздражения они не вызывают. Гладкие, сизовато-зелёные стволы будто взлетают к небу, и там плавно растворяются.

Везде растёт осина, потому как непривередлива и скромна. Уживётся на любой почве, потихоньку наводя вокруг необходимый порядок. Раздосадованную душу успокоит, отчаявшуюся - подбодрит. И делает это незаметно, с любовью.

Задумаешься, глядя на её доброхотство, о скрытой внутри дерева горечи. Так ли у неё все ладно? Ведь недаром в народе пословицу сложили: «Одна ягода — горькая рябина, одно дерево — горькая осина!»

Может быть, в глубине себя осина переживает чьи-то неурядицы и горе, хочет поскорее мир лесной от них избавить? Никому неведомо, до чего ей трудно приходится: осина никогда своей боли не выказывает. За то её горькой осинушкой, наверное, и прозвали.

Да, видно, нацепив на себя чужие грехи, осина для многих ещё и проклятым деревом стала. Издавна передаётся людьми поверье, будто Иуда на осине удавился, и с тех пор на ней лист дрожит. Ещё про осину говорят, что под корой у нее кровь.

Только её красная кожица, принимаемая людьми за кровь, есть боль осины, что дерево ото всех тайком бережёт. Боль оттого, что негодных борзых и гончих на ней вешали, да её колом вурдалакам грудь пробивали. И зачем ей участь такая несправедливая выдалась, во имя какой невысказанной правды?

Как заслышит осина людской плач о том, что кто-то намеревается удавиться на горькой осинушке, на самой её вершинушке, так задрожит вся листом: ровно жалобится на свою судьбу. Хочется ему, видать, с самим собой пошептаться, и дерево не перестаёт искать утешения в самом себе. Горечь невыплаканных слез и печаль осиновых откровений, видимо, не может не отразиться на жизни дерева: осина и без ветра шумит!

Все деревья представляются живыми существами, а осина – как никто: листочки её даже в тихую погоду не перестают дрожать. Но отчего такое происходит? Всё дело - в черенке каждого листа, устроенного у осины на особинку: он не круглый, как это заведено у других деревьев, и имеет несколько граней, поэтому постоянно и находится в движении, то есть – крутится.

Несведущие люди привыкли видеть в этом нечто таинственное, даже – гнетущее, связывая необычное «поведение» осинового листочка с какой-то дьявольской сутью, заключённой в осиновом дереве, но что спросишь с нелюбознательного человека? Он не желает понимать мир, что нас окружает, не замечая его прекрасной божественности.

А осина – мила и прекрасна, как и всё, созданное Божественным Мирозданием, и глупо было бы не обращать на это чудесное дерево внимания. Не зря даже в погожий день листочки её ласково шепчутся – шу-шу-шу, шу-шу-шу, отчего на душу ложится необъяснимая отрада и отдохновение. Хочется и тебе в лесу с кем-нибудь пошептаться, поделиться своей сокровенной радостью. А это – милая осинка незаметно тебя на доброе настроение надоумила, и как её за то не поблагодарить: ладило бы всё в жизни на осину!

С осиной было не поспорить, она оказывалась последним мерилом здравого смысла. Заколоти в него хоть осиновый кол – он всё будет говорить: соломинка! Если уж осиновое на кого-либо не влияло, почитай – делу аминь, остаётся бить баклуши, что опять же из осинки вытёсывались. Вот меж людей и велось: ты ему - про дубовый, а он своё – осиновый крепче!

Осина достойна самого доброго отношения, она – помощница многим животным нашего волшебного леса. Сладка осиновая кора бесшабашным зайцам, что с удовольствием поедают её всю зиму. Целые тропы с полянками вытаптывают они у поваленных в бурелом деревьев, до белизны снега изгладывая их тоненькие верхушечки.

Нравится зайцам припрыгивать между ними лунными ночами, и их следы оживляют однообразие застывшего в снегу осинника. О присутствии зверьков напоминают ещё и аккуратные орешки помёта, в обилии оставленные ими на снегу. Глядя на них, ты представляешь, как зайцы радовались всему, что несёт с собой укромная зимняя жизнь, и, наверное, ничего более не желали.

Не спросив на то разрешения у осины, заготавливают её на зиму неутомимые бобры. Перегрызают начисто толстенные стволы, что загромождают реку, а потом отделяют от них сучья. Там, в своих укромных и уютных хатках, они будут питаться осиной долгие зимние месяцы, не зная ни в чём горя. Долго не гниющая в воде, осина сохраняет бобрам на всю зиму недостающее тепло.

Лакомятся неказистой осинкой в зиму и лоси. Выбрав деревца, что моложе и нежнее, да где к ним удобный подход имеется, они надолго замирают возле них, пока не насытятся. Осинники в эту голодную пору для лосей — излюбленное место, и они неохотно его покидают.

Если присутствие зайцев осинкам лишь чуть докучает, то соседство таких величавых животных, как лоси, порой повергает деревья в отчаяние. Им изрядно достаётся от этих лесных великанов, что только за один день поедают до пуда осиновой поросли, и деревца в присутствии зверей безропотно и отрешённо замирают. Лосям до этого нет никакого дела.

А в дереве копится неумолимая горечь: осинка из-за того невыразимо страдает. Но не озлобляется дерево за это на животных, потому как понимает: не прожить им без осинового корма зимой.

Всю свою невидимую заботу отдаёт осина и человеку. На осину заговаривали лихорадку и зубы: вырезали кусочек из коры, приговаривая – во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, тёрли им дёсна до крови, и прикладывали его опять на своё место. Коли ноги сводит, то осиновое полено в ноги – самое верное средство, а от головных болей – в голову.

А ещё примечали: осина в серёжках – то есть, богато цветёт, будет урожай на овёс. Полетел в августе пух с осины – спеши за подосиновиками. Листья падают с осины чисто – к урожайному году. Без осинки в народе никак было не обойтись!

Более всего осина на Руси шла на резную деревянную посуду, за что и прозвали её баклушей. Очень подходило ей это название, сочетающее в себе мягкий стук и плавность линий, не глубоко скрытую гибкость. И, конечно, простоту, с коей осина относилась к человеческим помыслам в свой адрес: мол, всякому доступна я и светла, коли решишь взять меня на любое ладное дело.

В тех местностях, где хлеб не родился, а промышляли ложками и чашками, говорили: «Живы ельничком да осинничком». Из осины ладили на разную надобность лукошки и гнутые короба, мастерили лодки-долблёнки, а из прутьев плели корзины. Обыкновенное осиновое полешко и то не пропадало даром: его клали в бочку с квашеной капустой, чтобы та не перекисла.

В конце зимы, когда снег начинает быстро осаживаться под ласково играющим солнышком, мужики по деревням начинают рубку дров. Весело, с мягким стуком разваливаются аккуратные чурбаки, и чаще всего среди них попадаются осиновые. Так и хочется тотчас подойти и потрогать эту прохладную белизну, ощутить рукой приятную тяжесть осиновых поленцев. Ровные, не сучковатые, податливо ложатся они под размеренно взлетающим топором. Одно удовольствие смотреть на такую работу, а ещё лучше — колоть самому.

Без особой жалости сжигает человек осиновые поленья, на что они, быть может, и созданы. Легко воспламеняясь, дрова горят спокойным и не коптящим пламенем. Не отрываясь, смотришь в открытую печку на их ровный огонь, и перед глазами поднимается стройный осиновый лес, пожухлый лист и степенные глухари, замершие в его ветвях. Сладко и дремотно становится на душе, по-хорошему печально.

Вспомнишь тут, что семена осины очень быстро прорастают - буквально через несколько часов после того, как рассеет их дерево. Но нежным веточкам только что взошедшего растения ещё суждено пережить нелёгкую зиму: настойчиво гнетёт к земле и калечит их мокрый снег, ломает порывистый ветер, заносят жестокие метели, не многие из них дотягивают до весны.

Вот почему осина, в отличие от других деревьев, приноровилась размножаться корнями. Все мелкие осинки рядом со своими родителями поднимаются на их корнях, и порой образуют значительные по площади заросли. На одном материнском корне может обосноваться с десяток, а то и больше, отпрысков, что будут тянуть свои ветви к свету на общую радость.

Всем оказывается хороша и угодна осина, и в переживаниях своих она постепенно накапливает в себе стойкость. Даже давно срубленная и выделанная в доски, она очень долго сохраняет белизну, совсем не поддаётся червоточине и, главное, остаётся равнодушной к сырости. Недаром колодезные срубы, купола церквей, часто подвергающиеся воздействию влаги, да бочки с ушатами изготовлялись только из неё.

Стойкость и неувядающую красоту несёт в себе осина. Всеми цветами радуги тешит глаз в сентябре, удивляет своим таинственным поведением в тепло, когда дрожит всем листом, и не разочаровывает весною. Ради других страдает, во имя добра живёт.

Даже зимой от нее польза: греет, кормит, лечит. И еще ненавязчиво предостерегает человека, чтобы он, воспринимая деревья, как живые

прекрасные существа, не забывал и свою жизнь так же красиво ладить, иначе не миновать ему известного в народе проклятия.

ЕЛЬ

Вряд ли можно отыскать человека, равнодушного к такому чудесному дереву, как ель. Всякому оно известно с детства, которое немыслимо без пушистой, дышащей хвойным жаром красавицы, празднично сверкающей волшебными огнями в углу дома. Только за ней, так сладко пахнущей лесом, чудились сказочные волки с аметистовыми глазами, никогда не унывающие и кроткие зайцы, и невероятно тревожащие душу синие тени, растворяющиеся в таинственной и глубокой чаще. Всё это содержала в себе именно ёлка, как никакое другое дерево располагающая к лесному уюту.

Ель такое дерево, что о нём хочется говорить и думать бесконечно. Любимое с детства благодаря не только новогодним праздникам, но и русским народным сказкам, красочным книжкам о волшебном лесе и всегда с удовольствием воображаемому нахождению в нём, с присущим только ему незабываемым хвойным ароматом, оно имеет к себе особое отношение людей. Присутствием этого любимого всеми дерева пронизано существование каждого русского человека. Ель близка сердцу всякого, кто не мыслит себя без нашего сказочного леса, она поистине народное дерево, и, конечно, не может быть не любимо.

Ель, пожалуй, и самое обаятельное дерево на Руси. Оно, действительно, какое-то особенное, не похожее ни на кого и более всех людьми примечаемое. Словно живёт в нём лесной бог - старичок-еловичок, сказочник и затейник, что со зверьми и птицами на их языке разговаривает, да про каждого вступающего в лес главную его тайну тотчас узнаёт. Хочется поскорей к нему в гости отправиться, и ты ждёшь в нетерпении этой встречи, наслаждаясь рождественскими ночами еловым духом хотя бы у себя дома.

Встреча с ёлкой непременно должна состояться в жизни всякого человека. Только не в доме, ухоженном и обогретом, со сверкающими бенгальскими огнями и в свете свечей, а в лесу. В той самой сказочной чаще, что занимает с детства наше воображение, пугает его и тешит, влечёт к себе непрестанно, чарует. Именно в этой лесной чаще должно состояться свидание человека и дерева: несомненно, ему уготовано привнести в жизнь человека что-то очень важное и дорогое.

Человеку надлежит отправиться туда непременно одному. И знакомство со сказочным деревом должно произойти, конечно, не сразу, а постепенно. Как будто даже помимо воли самого человека, чтобы дерево только присутствовало рядом, постоянно излучая свой чудесный аромат, и ненавязчиво вливалось в его душу.

Может так получиться, что в лесу человека околдуют иные тайны... Захочется ему вдруг взметнуться над лесистыми гривами одиноким и гордым ястребом, представить себя каким-нибудь невиданным зверем или позабыть

обо всём на свете перед неизведанной хвойной чащей: чем чаще лес, тем крепче с ним дружба. Ни за что не передать этого ощущения, когда ты сталкиваешься с лесными чарами.

Да только не миновать человеку в его лесных устремлениях елового прикосновения. Чутко живёт на страже лесного мира неувядающее дерево, не пропуская мимо себя человеческого внимания. Дерево будто ждёт его, а взлелеянное любознательным присутствием человека - всё раскрывается, одаривая своей дурманящей тайной.

Тронув рукой пушистые веточки, человек вдруг ощутит в себе какое-то особое чувство, за что тотчас поблагодарит дерево, и как будто успокоится душой. Взглянет на шероховатую кору ели - и не уколется сердцем. Потом посмотрит на тугие сучья, густую хвойную бахрому и разомлеет от ощущения, что прикоснулся к чему-то родному.

Что-то необъяснимо прекрасное воцарится в нём, и ещё - очень глубокое, без чего ему никак не обойтись. Захочется человеку разделить с деревом свою радость, а оно, оказывается, и по-человечески понимает...

Слушает внимательно, в такт твоим мыслям разлапистыми ветвями покачивает. Мол, высказывай всё, что на душе накопилось, и ни о чём не тревожься: я тебя терпеливо выслушаю. И такая в нём сразу мудрость откроется, что даже занемеет всё внутри от этого невероятного откровения. Неужели, думаешь, на подобное обыкновенное дерево гораздо?!

А дерево не насмехается, прямо в тебя смотрит: текут ещё дальше и глубже его еловые душистые мысли. Ни уютным это дерево не назовешь, ни укромным - разве чуть притаившимся для какой-то внушительной лесной работы, благодаря которой копится неисчислимое природное богатство. Еловые кряжи несгибаемо несут его на своих плечах, не ропщут.

Кажется, что ель бывает одинаковой во все времена года, как бы ни играли вокруг неё яркие краски осени, по-весеннему оживлённо ни вспархивали в ветвях прилетевшие кукушки, ни окутывал твоего внимания душистый жар густого елового облака летом, а зимнее безмолвие ни сковывало её в своих суровых объятиях. Ель остаётся всегда одной и той же, может быть, только зимой ненадолго изменяя своё настроение, когда в ней начинает проглядывать умудрённость от прожитых лет.

Размеренно шумят её заснеженные верхушки, будто и не спали в долгие безлунные ночи. Зимний ветер не прекращает заунывно выдувать в них томительную для души музыку. Не хочется оказаться в такую погоду старой елью, хоть и несгибаемой, но гнетомой.

Тогда начинает казаться, что из всех деревьев, что встречают в лесу лютую зиму, ель - самое раздосадованное. Порой она так сопротивляется настырному ветру и сердится, что вот-вот надломится в себе: кажется, не выдержать ей его остервенелого напора. Старость – не радость, а горб – не корысть.

Но большей частью ель в зимнюю пору стоит присмиревшей. Осинки с берёзками уже мелкую дрожь зубами выбивают, могучие сосны недовольно

кудрявыми кронами покачивают, а она всё помалкивает. Ей, видать, не зябко и не колко в студёное время думы свои потаённые перекатывать, и ёлка ни о чём, вроде бы, не тревожится.

Сколько добрых пословиц мы знаем про ёлку! Наверное, ни одно дерево на Руси не удосужилось такого внимания со стороны народа, как ель.

«Ёлка чище метлы дом подметёт!» Или так: «Как хлеба край, так и под елью рай; а хлеба ни куска, и в тереме тоска». Когда желали получить ответ, задавали вопрос: «Ель, аль сосна?» То есть, «да» или «нет», где именно «ель» значило «да».

В России издавна любили ёлку. Древние люди верили, что в ели живёт дух леса – хранитель зверей, птиц и растений. Воздавая почести этому дереву, украшая его под Новый год, люди старались умилостивить этот дух. Ещё они видели в ели символ вечной молодости и силы, веря, что она никогда не увянет.

Замечали, что коли выпадет кому судьбой изба елова, зато сердце в ней будет здорово. Добрую, да статную хозяйку на деревне величали незамысловато и просто – красивая, как ёлка, а худую, да нескладную – колючая, как иголка. Ну, а ежели Новый год у ворот, то во всех избушках – ёлки в игрушках! Вот и за море хаживали не только за лучшей долей, но и по еловые шишки.

И хоть еловым веником не парятся, и сколько ёлку не щипли – яблочка с неё не будет, а только – шишка, но если приведётся в лесу бедовать, то найдёшь келью и под елью. Как говорится: и на ёлку бы лез, и ног бы не ободрал! Одним словом, иди в родной край, там и под ёлкою рай.

«Вековую ель рубить нельзя – к неприятностям», - наставляли старики. Понятное дело, что уважение и почёт необходимо выражать ко всем ценным и достойным вещам, иначе – не миновать Божьего суда, и, конечно, подобное отношение можно было отнести к любому дереву, дожившему до старости, но в народе оно родилось именно к ели, как дереву самому близкому и дорогому.

Когда не ладилось какое-то дело, вспоминали не осиновые, берёзовые или липовые, а еловые палки. «Ёлки-палки!» - восклицал в народе и досадуя, и удивляясь, и восхищаясь. А иногда – в сердцах, не находя приходящего на ум крепкого словца, и выходило это не ругательно и не обидно, скорее – с лёгкой иронией. Вроде, были поначалу пушистые и пахучие ёлки, а теперь – одни палки, да иголки. Но – еловые!

По деревням за первые дрова почитались берёзовые и осиновые, их обычно принимались колоть по весне, но в поговорках не забывали упомянуть и ель с сосной, что были те же дрова, как и оладьи с блинами та же еда. Иной раз приговаривали и на такой манер: «Ельник да березник, чем не дрова, хрен да капуста, чем не еда!» Но суть от этого не менялась: без родной сердцу ели русский человек не представлял своего существования.

Какой-нибудь пустомеля, бывало, с пренебрежением обронит: «шёл еловым лесом, а дров не видал!» И верно, еловые дрова – не самые горячие,

жар от них не долгий, горят они с треском, что, по заверению знатоков, нещадно крушит кирпич, но и то правда, что на печной огонь никаких дров не напасёшься! А еловое полешко к полешку – и, глядишь, дрова, когда же ни дров, ни лучины, то не жизнь, а кручина. Русский дровяной край был не только берёзовый, но и еловый!

Не зря меж людей велось ещё такое присловье: « ель не сосна – шумит неспроста». Да только отчего бытовала такая примета именно о ели? А дело в том, что ель шумит из-за ветра, что её колышет, сосны же сами, благодаря своему высокому росту, тихонько раскачиваются. Казалось бы, невелика разница, но наблюдательный русский человек никогда не оставлял без внимания окружающий его мир, и дорогое ему дерево – ель, входило в его жизнь на каждом шагу.

Часто можно слышать, что из-за лесу, мол, дерева не видать, и всякое дерево – ёлка ли, берёза с липой, либо та же ольха, погоды не делают. Но нет такого дерева, чтобы на него птица не садилась, и лист на лист на нём приходился.

Одно дерево среди бескрайних лесных просторов, конечно, капля в море, но кому малое не мало – тому и великое дастся, и как нам обойтись без него, особенно, если это наша изумрудная красавица-ёлка?! Ёлка более, чем какое-либо другое дерево отвечало русскому духу, глубокому и трепетному отношению народа к родной природе, ко всему, что несло в себе обаятельную лесную тайну…

Из небесной влаги, земли и солнца складывается любое дерево, а ёлка - ещё и из зимнего холода. Что-то неуловимое берёт она от зимы, только ей известное.

Если другие деревья зиму переживают, то она ею полнится. Неусыпной мощью, ветрами и морозами, лютыми метелями и снегами сыпучими: в них она по пояс увязает. Впитывает ель вместе с зимою только ей известную и неугасимую веру в то, как в лихую годину не отчаяться и выстоять.

Самозабвенно любим мы это дерево; несмотря на его мощь и силу, действительно, трепетно к нему относимся. Пристально всматриваться в жизнь елового леса нам помогает его сказочность. Вот когда человек начинает по-настоящему понимать темноту ельников и их тайну! Именно там, в русском лесу, находит он нужное ему успокоение.

Только зимой солнечный свет залегает среди елей не как среди других деревьев. Ёлки как будто завлекают его к себе и, в тоже время, не пускают. Ветви их лишь ополаскиваются скупым прикосновением солнца, не выдавая своей необыкновенной тайны. Они хранят её под своим покровом, а человек неудержимо стремится её познать. Особо хороша ель зимою.

Ближе к весне, когда солнце светит пристальней и ярче, и снег между мощных еловых стволов немножко осаживается, лучи начинают проникать туда не так осмотрительно. Ели словно отмякают под их влиянием, и всё больше расступаются.

Солнце постепенно обнимает еловые стволы, закрадываясь в самую их гущу, и тогда из них начинает просачиваться на свет невыразимая радость. Радость, способная осветить настроение любого любознательного человека. А может быть, это - необъяснимый дух дерева, дарованный человеку для нескончаемого переживания счастья.

Случится мне в лесу натолкнуться на какую-нибудь очень старую ель, будто забывшуюся во времени среди молодых ёлочек и берёз, и я, внутренне робея и дивясь, подолгу смотрю на могучий шероховатый ствол, теряющийся в вышине. Разглядываю бесчисленные толстые ветви - сами, как деревья, и не могу наглядеться. Всё в этом древнем старце - мудрость и красота, покой и непостижимое величие. Вот где хочется замереть душой и слиться с неизведанным прошлым, уносящим тебя вглубь несказанных столетий!

Когда в такие забытые уголки заглядывает солнце, они превращаются в настоящую сказку! Её оживляют юркие белки, озорно перебегающие с ветки на ветку. Кажется, совсем дикие, ещё не ведающие человека рябчики пронизывают застоявшуюся тишину волшебным пересвистом. В сокровенной глуши пугающе, так что ухает сердце, взрываются красавцы мошники. Развалистой походкой неслышно бродят по мху могучие и недоступные медведи, нетронутыми стоят в нём богатыри боровики…

Воздух отсюда никуда не уходит, а живёт вместе с деревьями, мхом, грибами, преумножая нескончаемое долголетие еловой чащи, что незаметно преображается в сказочную быль. Усталый, приляжешь отдохнуть под красивую древнюю ель, и она вдруг ненавязчиво овеет твой лёгкий сон несказанным покоем.

СОСНА

Никакие из лесных деревьев не растут так торжественно, как сосны. Тихо меж ними, покойно, и ты знаешь, что они не оставляют тебя без своего внимания, когда ты идёшь укромною тропкою меж их розовотелых стволов, наблюдают за тобой откуда-то сверху. Ты сразу чувствуешь это, когда остаёшься среди сосен один.

В такие минуты особо ощущаешь небесное пространство, в восхищении устремив взгляд к верхушкам деревьев. Неожиданная приятная прохлада вдруг обдаст лицо, и ты сразу будто приподнимешься над землёй и полетишь. Это сосны раскрыли тебе небо - они тоже глядятся в бескрайность.

Изредка, когда деревья возвращаются к себе и становятся самими собою, они нарушают лесную тишину величественным шумом. Поначалу он накатывается отдалённо, как если бы тут было море, и постепенно охватывает тебя всего. То равномерный, то резкий и порывистый, шум копится в верхушках сосен, а потом стекает по отлитым долгой жизнью стволам вниз, в землю, где несут свою нелегкую ношу их не менее величественные корни.

На редкость стройны сосны, создающие в лесу особое пространство, они воздушны и легки. Это пространство по-особенному полнится лесными звуками и птичьими песнями, в нём хорошо живётся и дышится, замечательно мечтается. В него постоянно хочется возвращаться, а если нет такой возможности - о нём покойно и радостно думается. Всякому готовы улыбнуться сосны, пока сам не перестаёшь удивляться.

Часто можно слышать, что нет дерева выше сосны… Верно ли это?!

Конечно, высоко в лесу вырастают и липы, и дубы, да и берёза с лиственницей не уступают другим деревьям в своём устремлении к небесам. Порой они не то, что отстают от сосны, а даже перегоняют её. Но может быть народная молва, отмечая сосну, как самое высокое дерево, подразумевает нечто иное?!

Например, то, что она из всех деревьев – самая стройная? Имея, почти по всей длине, голый ствол и густую макушку, сосна вынуждена, даже в погожий безветренный день, тихонько раскачиваться в силу своего высокого роста, и это не может не привлекать внимание человека.

Оказавшись в сосновом бору, невозможно не засмотреться на колышущиеся кудрявые верхушки, что будто завораживают своей недостижимостью и умиротворяющей красотой. И высота сосен тогда начинает восприниматься, действительно, как самая недостижимая. Убеждает в этом именно размеренное покачивание стройных корабельных стволов, не зря имеющих среди деревьев самое высокое звание. Выше себя, кажется, вырастают сосны, когда, мерно раскачиваясь, тянутся к небу.

А ещё говорят: зимой сосна кажется зеленее. И это не может вызывать сомнений, когда пушистые сосновые ветви кажутся изумрудными на фоне белотелых сугробов и белёсого неба! Зелёная хвоя сосны приобретает глубокую и таинственную густоту, присущую доброму отношению к жизни.

Зелень сосны – это не укор незрелому состоянию её души, а непревзойдённая никем из деревьев сусальная сказочная правда, хранящая в себе века постижения сосной вольного природного пространства, когда она, утверждая своим ростом мудрость, побеждает время. Так и у людей: тот, кто полностью реализовал себя – не только осознаёт свои возможности, но и постигает Бога.

«Зимой и летом – одним цветом?» - загадывают обычно о сосне, желая, наверное, огорошить слушателя, в общем-то, простым вопросом. Но какими разнообразными оказываются оттенки этого чудесного зелёного цвета, его еле уловимые сосновые настроения!

И зимой, и осенью, и весной они по-особому чутки, угадать их возможно, конечно, только в своё время года. Нужно быть неутомимым, чтобы оказаться в сосновом бору и в октябре, и в феврале, и майской порой, и погожим июльским днём. Сосна круглый год дарит что-то неповторимое и незабываемое, она распространяет вокруг задушевность, незаметно объединяя всех нас.

Иной раз заметят: сосна шумит со сна… Это значит, что она делится с окружающим её пространством своим внутренним воздухом. Сосна не может этого не делать, потому что её тело – воздушно, оно пропитано и умиротворённой тишиной, и птичьими трелями, и ароматом тонких испарений от наливающейся соком черники и хрупких молодых рыжиков. Энергия сосны проистекает не просто так: она именно созидает окружающее её пространство.

Входишь в сосновый бор – и будто окунаешься в прозрачную чистоту. Здесь не просто красиво, а чудесно. Причём, ненавязчиво, почти незаметно, но ты обязательно почувствуешь случившуюся с тобой перемену, и тихонечко обрадуешься ей. Как непередаваемо волшебно ощущать себя среди покойных величественных стволов, кажется, отлитых из розового тёплого золота. Так хорошо, что уже никогда не хочется их покидать.

В сосновом бору тихо, чуть слышно нашёптывают что-то верхушки сосен, и даже птицы здесь будто замирают, не желая, наверное, нарушить эту чуткую тишину. Её создают именно сосны.

Сосны… Идёшь по тропинке, между мощных корабельных стволов, и невозможно не глядеть вверх, туда, где они возвышаются к небу, сливаясь там с нежной голубизной. Верхушки, покачиваясь, неслышно приветствуют тебя. Мягко пахнет осыпавшейся иглой, устилающей тропинку, созревшей брусникой, и эта благостная сосновая тишина пронизывает тебя насквозь, ты сам становишься ей.

Не сразу различишь под ногами длинные узловатые корни, их тоже покрывает бурая сосновая игла и кустики заячьей капусты. Солнечные лучики, с трудом пробившись через густые верхушки деревьев, робко касаются их нежных листиков, редкие зайчики играют на золотисто-медной шероховатой коре, и застывшие стволы от этого, кажется, оживают.

В голову вдруг ударяет сладкий запах смолы, ягод и корений: тихо и благостно вокруг, и от этой пронизанной солнечным светом чистоты приятно кружится голова. В сосновом бору иначе и быть не может, и если по народному убеждению чужая душа – дремучий бор, то сосновый бор несёт в себе только свет и радость.

А как хорошо взирать на убегающие ввысь шероховатые стволы сосен зимой! Румяное золото коры нежным светом струится над белыми снегами, никогда не истрачивается и перетекает в волшебные кроны. В их ветвях, наверное, зацепились лёгкие, чудесные мысли. Размеренно покачивают сосны своими кудрявыми головами: умудрённые бременем лет, они, конечно, несгибаемы.

Можно без конца смотреть в размеренное и мудрое существование сосен, не переставая ими восхищаться. И ещё надеяться на то, что они не устают жить вечно, заглядывают, когда хотят, на звёзды, привечают у себя разную живность, напоминая этим своим мудрым существованием о чём-то неизбывном. О том, как качались они над землею сотни и тысячи лет назад, размышляли и мужали. Как близко подбиралось к ним загадочное небо и

светила луна, а они не прекращали своего роста. Соснам нужно было столько увидеть, чтобы потом обо всём рассказать любознательному человеку!

От этой способности - вглядываться в прошлое, у сосен, наверное, вырастала душа, а за ней тянулось и тело, и сосны становились ещё более прекрасными. Сколько увлекательного из своего прошлого могли поведать они, наверное, человеку, незаметно становясь ему учителем и другом.

И человек, благодаря сосне, разбирал в жизни важные вещи, порой ошеломляющие для себя самого. Думал о судьбе в лесу не только деревьев, но и зверей с птицами, отчего-то мучился, когда искал ответы на самые дорогие вопросы. Так хотелось быть похожим на это необыкновенное дерево, тихо проповедующее чистоту и мудрость.

Сосна обыкновенная по всей заснеженной России держит на своих плечах её великое свободное пространство. И дух дерева, такой же свободный, помогает сосне в этом. Сосна без этого как будто даже иссыхает, а ей предназначено стоять с высоко поднятой головой.

Человек нашёл в этом дереве всё, что необходимо ему для жизни. А извлекая из него знания, он должен был понять: кто он сам, какие деревья шумят в его душе? Может быть, лучшие мечты человека родились именно благодаря деревьям. Дарованные людям Богом, сосны, наверное, однажды возвестили и продолжают терпеливо проповедовать человеку о реальности более достойного существования.

Наш хвойный лес – одно из самых загадочных и красивых чудес, и я давно влюблён в него. Постигая его тайны, хочется оставаться именно одному, чтобы всё чувствовать, примечать и понимать, вслушиваясь и всматриваясь в создаваемое лесом пространство, не упуская из виду ни единой мелочи, не утрачивая того прекрасного расположения духа, когда переживаешь трепетное соучастие души во всём происходящем.

Сосна в этом лесном царстве, как никакое другое дерево, дарует человеку удивительный покой. Она создаёт в лесу особое существование, наполненное лесными звуками и птичьими песнями, в нём хорошо живётся и дышится, в него постоянно хочется возвращаться, а если нет такой возможности – о нём покойно и радостно мечтается.

Можно без конца вглядываться в размеренное и мудрое существование сосен, не переставая ими восхищаться. Сосны и зимой не скидывают свой кафтан, и тем оказывают великую услугу не только человеку, но и глухарям, что зимуют под их пологом в лютую пору, когда все в лесу спят. На протяжении почти всего года питаются глухари сосновой хвоей.

Сбиваясь среди сосен в укромные и таинственные стаи, птицы будто охраняют вековечный сосновый уют и покой, это – их дом. Сосновая мезга глухарю сладка: хоть на хвойке, как говорится, да на своей вольке. Таков глухариный хлебушек!

Нелегко отыскать глухарей в эту пору среди скрытной лесной чащи, не каждому они доступны. Притихший зимний лес как-то сразу возрождается благодаря этим удивительным птицам, обрётшим на время покой в сосновых

угодьях. Приверженность хвойным породам деревьев невероятно обаятельна в жизни глухарей.

Человек, восхищаясь лесом, не представляет себе лесной чащи без великолепных хвойных деревьев – сосны, ели и пихты. Он любит их, мечтает о возвращении под их живописный полог, и не позволяет себе быть равнодушным к судьбе родного леса. Человек этот болеет душой за вырубленные сосны, пихты и ели, берёзы с осинами, за весь наш удивительный лес, где мы находим для себя волшебное отдохновение, ту чудодейственную радость, без которой не жить.

Я плачу вместе с глухарями о потерянном для них хвойном доме, когда он бездумно искореняется, как будто и сам остаюсь в жизни без крыши над головой. Как же возместить нам всем эту утрату? Как проникнуться божественными лесными чудесами, чтобы быть достойными их великолепия? Как стать благодарным деревьям, желая им только доброй участи, когда ты веришь в себя, в своё доброе настроение и счастливую судьбу?

Ответ один: нужно самому стать настоящим, оставаясь достойным этих сосен и пихт, осин и берёз, глухарей и незабываемых вечерних зорь, дорогих сердцу избушек, что приютили тебя в непогоду. И даже лесные невидимые существа дороги твоему очарованному сердцу, потому как ты принимаешь весь мир целиком, переживая своё радостное нахождение в нём, как единственное счастье, существующее на этой прекрасной земле.

Я очень счастлив от того, что живу, могу отправиться в гости к дорогим сердцу глухарям, под их любимые сосны, и переживать любовь к этим древним птицам, живущим ещё при динозаврах. Именно по этой причине их основную пищу составляют сосновые иголки: ведь миллионы лет назад на Земле произрастали только хвойные породы, и глухари по утрам вылетают на отмели таёжных речек или лесные дорожки, чтобы склёвывать там камешки, служащие «жерновами» для перетирания грубой сосновой пищи в их желудках. Так уж издавна повелось, что именно сосновая хвоя обеспечивает глухарей природной энергией, и она ничем для них незаменима.

Ну, если только подмороженный осиновый листок, по осени, ублажит глухаря, он для птицы вроде изысканного лакомства. Или, когда уже появляются проталины, глухарь слетает на землю и выискивает прошлогоднюю клюкву, но первое блюдо – сосновая игла. Для того, чтобы не иссякли по весне его силы, глухарь непременно должен сосновой иглы пощипать, в ней – вся питательная сила, и без присутствия на соснах глухарей – эти деревья уже не воспринимаются такими сказочными.

Ещё в сосны заходят зимней порой медлительные лоси. Да им и ни к чему теперь быстрые передвижения: ждут они от сосен того же сладостного покоя и отдохновения, что и глухари. Нелегко лосям переживать зимой тягучее течение времени, и они как будто замирают в этом сосновом царстве, неспешно поедая молодые побеги. Редко доносятся до их слуха зимой

настораживающие звуки: кажется, лоси в сосняке даже теряют свою чуткость.

В заснеженных кронах сосен неслышно копошатся белки, и только изредка ты замечаешь их движение: жизнь таких маленьких зверьков в эту суровую пору тебе сразу представляется необыкновенной. Но не более жизни вездесущих клестов, в отличие от других пернатых обитателей леса ожидающих зимой появления своего потомства. Несмотря на то, что они совсем маленькие, им не привыкать зиму зимовать, и тепло в их тщедушные тельца зароняет сосновое зернышко.

Зернышко это, само по себе, тоже очень интересно: имея по два воздушных мешочка, оно может свободно парить в воздухе, преодолевая необъятные лесные просторы. Как мудра сосна в своей непревзойдённой лёгкости овладения временем, как она неудержима!

Правда, иногда зимой что-то как будто переворачивается в сосне, настраиваясь на непонятный для человека лад. Может быть, она в эту пору без меры печальна из-за своей возмужавшей и нескончаемой величавости, а может быть, околдовал её мороз-воевода. Сосне словно не хочется жить, и она наглухо замыкается, и льёт невидимые слезы. Из них потом рождаются солнечные янтарные камни – диво таинственной сосновой судьбы.

Но редко уже встретишь сейчас нетронутый сосновый бор… Правда, если долгое время ходишь в лес, не чувствуешь себя среди сказочных великанов маленьким, неприметным. Не покидает ощущение, что сосны, завидев тебя и лучше рассмотрев, будто склоняют над тобой свои гордые головы и по-дружески приветствуют.

Неспроста сосна, особенно - зимой, остаётся для человека самым живым деревом. Задрав голову так, что чуть не сваливается шапка, тебе хочется, не переставая, внимать её умудрённому покою и утешаться несказанной красотой. А дерево, ненавязчиво вкрадываясь в твои мысли с высоты своего возраста, как будто проявляя заботу о тебе, и ты понимаешь: сосна по-настоящему добра, она никому не завидует, и постоянно излучает щедрость. Что ни толкуй, а сосновый лес мудрее елового!

ПИХТА

Среди людей, что часто бывают в лесу, часто бытует мнение, будто бы пихта в нём дерево самое тёмное. Все деревья притягивают нас потому, что они сами выросли и знают себе цену. Пихта из них, пожалуй, делает это наиболее загадочно, и тайна её не даёт покоя человеку. Даже её пушистая изумрудная зелень не в силах заглушить этой таинственной темноты.

Кажется, что пихтовые деревья в своём невидимом росте до сих пор ищут себя и никак не найдут. Именно поэтому, наверное, пихта образует между собой частые сообщества, перед которыми никто не может устоять. Любое из деревьев другой породы, попади оно под крону пихты, чахнет: тень пихты для него губительна.

В пихтовом лесу - как в потёмках, хоть свечу зажигай. Недаром пихтовые леса в народе именуются чернью. Но обладая какой-то скрытой в себе тёмной силой, в остальном они довольно беззащитны.

Без тесного соприкосновения со своими близкими родственниками пихта страдает и выглядит довольно-таки сумрачным деревом. Под её пологом способны расти лишь мхи и некоторые травы. Благодаря своему крепкому сообществу пихтовые леса именуют «чернью» или «черневой тайной».

А ещё пихта не переносит прямого попадания солнечных лучей: кора её быстро подопревает и отваливается. К тому же, дерево не любит сильного мороза, отчего молодые деревца очень переживают и жмутся под покровительство более взрослых собратьев, но даже это их часто не спасает. Может быть, поэтому пихта и одевается в мохнатую изумрудную шубу.

Удивительная особенность пихты - в сочетании её быстрой гибели с вечной молодостью. Никто никогда не видел пихтовые кладбища. Происходит это, вероятно, от того, что смола у пихты содержится в коре, тогда как в самой древесине она отсутствует, из-за чего пихта и подвержена быстрому гниению.

Как только спелое дерево заваливается, на его месте тотчас поднимается густой молодняк. Ведь пихта способна размножаться отводками, и если нижняя ветка стареющего дерева коснётся земли, она даёт начало новому дереву. Так пихта всё время обновляется в себе, и делает это невидимо, будто таясь в лесу от других деревьев.

Словом, пихта кажется деревом нелюдимым, ведущим замкнутый образ жизни, и от него становится как-то зябко. Особенно в сумерках, когда другие деревья ещё излучают еле приметный свет. Зимой это бывает хорошо заметно, и хочется поскорее миновать неуютный пихтовник.

В пихтовом лесу неизменно присутствуют мрачное спокойствие и тишина, и первое, на что в эту пору обращаешь внимание среди замерших деревьев, это – строгость. Но не суровая, а вынужденная, кажется, даже осознанная, подобная монашескому образу жизни.

Сомкнувшись, будто постоянно находясь настороже, пихты не дают проникнуть в свою обитель какому-нибудь случайному деревцу. Нелегко прижиться ему здесь и подняться среди них к свету.

Стремясь к одиночеству, пихта старается повсеместно распространять своё настырное полчище. Даже у дерева, оказавшегося на освещённом месте, нижние лапы вырастают весьма длинными, и пихтовая ветка способна укорениться и дать начало новым побегам. Так, наподобие стланика, пихты расползаются в стороны от материнского дерева, утверждая непоколебимое ничем пихтовое царство.

У пихты есть ещё один секрет, благодаря чему она невероятно устойчива. Основной корень пихты уходит глубоко в землю, в этом – её преимущество перед елью. Корни ели располагаются преимущественно в

верхнем слое почвы, её стержневой корень развивается примерно до пятнадцати года, а потом отмирает.

В итоге сильные ветра способны повалить целиком даже очень мощную ель, выдрав её с корнями из земли. Кто из нас не натыкался в лесу на такие вывороченные деревья, что поначалу пугали, напоминая поднявшегося на дыбы разъярённого медведя. У пихты же стержневой корень остаётся главным всю жизнь, и она более цепко держится за почву.

Одиноко стоит пихтовый лес в своем мрачном обличье, но, почувствовав его строгость, ощутишь и мягкость. Её рождают пушистость веток и гладкая кора с нежными вздутиями пузырьков, наполненными смолой. Дотронувшись рукой до ствола, затаившегося в себе дерева, ощутишь такой желвачок и осторожно надавишь на него пальцем: из-под мягкой коры выступит янтарный и чистый смоляной сгусток.

Тотчас пахнёт на тебя незабываемый аромат, и вспомнишь детство, когда играл с этой смолою часами, самозабвенно запуская вдоль берега реки маленькие кораблики-палочки, намазанные ею с одного края. Как быстро бежали они по воде, отталкиваясь от её поверхности чудодейственным пихтовым бальзамом, и оставляли за собой переливающийся лазурный свет. Чей-то кораблик обязательно приходил первым, и если он был твой - ты боготворил дерево, подарившее тебе победу. Чаще всего это была именно пихта, а не сосна или ель.

Ты даже чувствовал, как пихта радуется за тебя, делая это молчаливо, неброско. Она словно мягко улыбалась про себя, и готова была потрогать твои лицо и руки своими пушистыми ветвями. Ты чувствовал это и был благодарен ей. Пихта благосклонно принимала твоё маленькое торжество.

Вспоминая с детства полюбившееся тебе дерево, ты уже обращался к нему с другим лицом - уверенным и посветлевшим. Пихта же только приоткрывала свою маленькую тайну, и стояла такая же строгая, величавая. Может быть, чуточку смущаясь от твоего доброго расположения к ней, но, несомненно, оказывая тебе своё внимание.

Впрочем, нельзя сказать, что пихта дарит покой и задушевность, или что-то созидает... Скорее, она таит в себе лесную сокровенность, а значит, и необходимое для леса знание, достойное уже человеческого внимания.

И это внимание невозможно не проявить, когда приходится заночевать в лесу. Хорошо и приятно наломать пушистых веток пихты, предварительно помяв их, отчего постель становится ещё более уютной. В морозную апрельскую ночь, у костра, пихта по-матерински, заботливо, тебя согревает.

Даже медведь, залегая по осени в берлогу, норовит устелить её пахучими пихтовыми мутовками. По этим «загрызам» на верхушках небольших пихточек легко можно определить место, где расположился на зиму косолапый. Мало того, хвоей и пихтовыми шишками он ещё наполняет желудок, желая сохранить до весны своё здоровый лесной дух.

Остановившись на ночлег в лесной избушке, прежде растопишь печь, а уж потом обязательно приготовишь веник из мохнатых пихтовых веток,

выметешь пол и бросишь его у входа, тщательно растерев ногами. Фитонциды, содержащиеся в пихте, обеззараживают воздух помещения, наполняя его ароматным лесным духом. Мягкость и пряный дух – неотъемлемые свойства чудесного дерева, что великодушно послал нам Господь, а что Бог послал – то и мягонько.

А как хороши пихтовые веники, запаренные в бане! Дух от них смягчает самые негодные настроения, наполняя тело удивительным умиротворением. Кроткой становится и душа, что только успевает вдыхать и крепкую волю, и головокружительную радость. Захватывает пихтовый аромат так, что не успеваешь от этой радости дух перевести, и всё тебе начинает казаться достижимым и верным. Баня с пихтовым веником – заветное дело: свищи душа через нос!

Зимою пихтовый лес - словно мир древних сказаний. Чутко хранится здесь тайна, так что никто не может и не смеет к ней прикоснуться. На того, кто дерзнёт покуситься на эту тайну, из пихтовника, кажется, пахнёт бедою. Будто злыми чарами околдован пихтовый лес.

Даже в солнечный морозный день, бывало, забредёшь в пихты – и тронет сердце неведомым холодком. Изумрудная на солнце хвоя здесь вдруг приобретает чёрный цвет. Завораживает его темнота, что, кажется, может быть темнее ночи. На душе становится зябко, будто тебя коснулась чёрная зависть.

Глубина сумрачного пихтарника тотчас порождает в душе неприкаянность, убежать от которой, кажется, нет сил, и ты стараешься поскорее выйти из этой тёмной прохлады, что распространяют сгрудившиеся вокруг тебя пихты. Безотчётно убыстряешь ход лыж, но чернь сгущается, и весь этот пихтовый мрак начинаешь относить к какой-то нечистой силе, что породили именно пихты, из-за чего их часто считают никчёмными.

Но пихтовый лес скрывает в себе много чудес. Пихтовые лапки мы сосали в детстве, как конфетки, они содержат не только необходимые витамины, но приятный вкус и запах. Пихтовый бальзам надёжно заживляет глубокие раны, волшебные ванны из него исцеляют безнадежных больных, а смола служит для остановки кровотечений. Кто-то ещё смешивал её с желчью кабана или медведя и пил полученную смесь при заболеваниях желудка. «Из пихтовой черни вышел да обчистился», - говорят в народе, имея в виду целебный воздух пихтовника.

Общепризнанным новогодним деревом на Руси считается ёлка, но многие предпочитают встречать праздник зимы с пихтой. Ёлка колючая, смолистая, а у пихты хвоя мягкая и не выделяет этой надоедливой липкости. Пихтовая смола более терпкая и быстро схватывается. Ещё ель быстрее пихты сохнет и осыпается. К тому же, пихта - дерево более ароматное.

На пихте также растут необыкновенные шишки. Эти шишки не похожи ни на другие, в первую очередь, тем, что стоят на ветках вертикально вверх. Имея непривычный для шишек красновато-фиолетовый цвет, они напоминают диковинные свечки, появившиеся к какому-то неведомому

лесному празднику. Не хочется срывать их, а хочется только любоваться ими и недоумевать.

Но как из такой шишки вылетают семена? Ведь не вверх они взлетают!

У ели шишки свисают вниз, и когда приходит пора им раскрыться, и солнце растворяет чешуйки, семена устремляются к земле. Пихта же ведёт себя иначе: осенью чешуйки сами отваливаются от стерженька шишки, тем самым освобождая семена, и оголённые шишки торчат всю зиму, как бравые солдатики, выявляя тем несгибаемость пихты.

Описать это дерево нелегко, и это описание, конечно, будет неполным, если не упомянуть, что ближе к зиме хвоя пихты начинает отливать приятной голубизной. Это дерево показывает свое очередное чудо.

А дело в том, что наступлением холодов хвоинки пихты поворачиваются вокруг своей оси, обращаясь к зиме своим голубоватым цветом. Так, наверное, пихта получает больше тепла – солнечного света, которого ей с наступлением холодов сильно не достаёт, а человека дерево радует к зиме необычным кафтаном. Видно, пихта хочет умилостивить величественную хозяйку, чтобы та позволила ей легко перезимовать суровую пору.

Зима благодушно относится к этому таинственному дереву, и как будто не замечает. Она наглухо заваливает его пушистыми сугробами, и густые ветви пихты сгибаются под их тяжестью, образуя никому невидимый шатер. Только маленькие птицы находят в нём укрытие, да, может быть, заплутавший по лесу зайчик приютится там в непогодицу.

Безропотно и тихо стоит пихта всю зиму, своим строгим видом проповедуя терпение. Стремление стоять, не изнемогая, её судьба, и пихта являет тем силу и величие здорового лесного духа. А ещё – кротость и смирение. Так века и живёт.

ЛИСТВЕННИЦА

Если какое из деревьев и славится своей долговечностью, так это лиственница. В сравнении с другими породами её древесина на редкость прочна. Многие сотни лет великолепно сохраняется она от порчи, приобретая со временем всё большую стойкость.

Откуда берёт она в себе эту силу? Что помогает ей сохранять вечную молодость?

Потемневшая от времени, лиственница приобретает твёрдость камня, а происходит это незаметно и красиво. Чудесными кажутся её превращения, созидающие собственную непоколебимость. Необычайной представляется её достаточно долгая жизнь.

Уже с рождения, наверное, лиственница имеет в себе упорство, замечательную решительность, с какой она потом устремляется ввысь. Превращаясь постепенно в великана, лиственница так, неукоснительно, постигает время, что только красит её и даёт силу.

Делает она всё это размеренно, неторопливо, переживая целые столетия. Вернее, вырастает из них во что-то ещё более мудрое и стойкое. Это «что-то» и заключает в себе дух дерева.

Не зря лиственница больше всего любит свет. Ночь для неё, как и для человека, - глубокий сон: лиственница не растёт в темноте. А вот как только занимается над лесом солнце – она просыпается, принимаясь гнать сок по своим многочисленным крепким членам. Может быть, поэтому так долговечен её возраст и ствол, а корни обретают прочность бронзы.

Мало того, лиственница, постоянно устремляясь к свету, вырастает за год чуть ли не по метру! В такой скороспелости лиственницы мне пришлось убедиться в собственном саду.

Когда, более тридцати лет назад, я привёз из лесу несколько рябинок, то в прилипшей к корням земле, на одной из них, обнаружил крошечную осинку, на которую даже не сразу обратил внимание. Но со временем осинка обогнала в росте и рябинки, и соседние ёлочки, намного превышающие её поначалу в высоту. Вездесущие сороки любили присаживаться именно на эту осинку, в возбуждении стрекоча и покачивая переливающимся на солнце хвостом.

А неподалёку, от корня давно вырубленной соседом старой лиственницы, как-то незаметно выклюнулось на свет молоденькое деревце. Произошло это гораздо позже уже давно посаженных рябин и осинки, и первые три-четыре года я вообще не придавал значения этой лиственнице, сиротливо прижавшейся к самому забору. Лиственница больше поражала своим изяществом и нежной, салатного цвета хвоей.

Так вот, буквально за десяток лет, эта лиственница не только догнала все соседние деревья, но и переросла их, в том числе – и осинку. Выросла и распростёрла к свету свои пушистые лапы, мощно расправив кряжистые плечи, и теперь уже сороки облюбовали её, а не осинку, вороны же свили себе в переплетении ветвей лиственницы гнездо… И родством, и дородством взяла лиственница: обычай у неё такой!

Другие деревья, если случиться буря, ветер с корнями выворачивает, а лиственница стоит, как вкопанная: не страшен ей ураган. Недаром лиственница ещё и самая морозостойкая порода: мороз её тоже не рвёт. Лиственница чувствует себя в лесу хозяйкой, хотя никак не выказывает своего превосходства – стойкость в ней сочетается со скромностью, что всякому к лицу, и, сохраняя в себе упорство, она проповедует мудрость.

Кажется, что лиственница проживает несколько жизней. Не сразу, а одну за другой, приобретая, в конце концов, удивительную цельность. Сколько вёсен и зим переживает она за это время, сколько новых неведомых перерождений.

С каждым годом перевоплощаясь, она перед самой зимой всё же осыпается... Может быть, именно это позволяет лиственнице по-настоящему отдохнуть, длительное время, до конца, не увядая. Ей, наверное, хочется жить ещё больше, но за долгой чередой лет она про это просто забывает.

Привилегия лиственницы оставаться удивительно молодой происходит благодаря её мудрому жизненному ритму, или, вернее сказать, дыханию, когда она по осени роняет свою ослепительно солнечную иглу. Оно, это дыхание освобождает корни от изнурительной работы, как этого не происходит у сосны, ели или пихты. Зимой, когда вся жизнь замирает, лиственница тоже дает корням отдохнуть, а сбрасывая хвою, облегчает ещё и крону. Как тут не позавидуешь её житейскому искусству!

Меня всегда поражала эта удивительная особенность дерева, которой лишены другие хвойные породы. Вроде сосен и ёлок, а зимою - без иголок! Да и почему, кстати, прозвали это дерево «лиственница», когда на её ветках произрастают иголки? Наверное, оттого, что осенью, как и у всех лиственных деревьев, золотые хвоинки, подобно листьям, опадают на землю. Они у лиственницы, в отличие от колючих елей и сосен, коротенькие, мягкие и пушистые.

Впрочем, лиственница не совсем расстаётся со своим прекрасным нарядом: на её ветвях остаются маленькие шишечки-розетки. Особенно трогательно выглядят они на белом фоне зимы. При взгляде на них зима уже не представляется такой холодной и пустой, а само дерево, в этих крохотных чашечках, будто простирает для всех какое-то дивное лесное угощение.

Правда, стволы лиственницы не назовёшь стройными, как у сосен. Они, скорее, прямые, с частыми ответвлениями, опять же прямо устремляющиеся в стороны и кверху. Зимой в лесу оголённые сухие ветви лиственниц образуют какие-то странные иглы: в них, кажется, отсутствуют жизнь и смысл.

Но нет, жизнь в лиственницах теплится, и особенно хорошо это видно по их вытянувшимся стволам. В них чувствуются такая крепость и мощь, что не страшна зима. Стволы лиственниц почему-то не хочется обнять или потрогать рукой, как это происходит с сосной, а хочется просто остолбенело стоять перед ними и представлять, как медленно копится в жилах деревьев живительный сок.

Не однажды стоял я так, заворожённый их немалым возрастом и силой, вглядываясь в далёкие верхушки, и всё никак не мог отвести взгляд. Нахождение в старом лиственничном лесу, среди огромных деревьев в два-три обхвата, необыкновенно завораживало. А если, к тому же, в их ветвях вдруг обнаруживались укромно сидящие у самого ствола, чуть ли не прижавшись к нему, покойные глухари, то и вовсе такой лиственничный бор воспринимался как сказочный. Но много ли отыщешь в наше время таковых?!

Величествен и глух лиственничный лес в зимнюю пору. Покой и немая тишина замерли меж его стволов, редко забегают сюда звери. Не прилетают и глухари, кормящиеся сладкой хвоей деревьев лишь осенью. Только одинокий ворон витает в небе над их оголенными верхушками, изредка вскрикивает что-то печальное, и отрешённо замолкает. Среди лиственниц вновь воцаряется суровая пустота.

Лиственница - дерево не из робкого десятка, к этому привыкаешь сразу. Не укротит её трескучий мороз, не властен над ней неудержимый ветер. Он только помогает ей зимой, повсюду разбрасывая крылатые семена. Немало припасло их дерево в многочисленных коричневатых шишках. С достоинством и спокойно продолжает свой род лиственница, ни на что другое не обращая внимания.

Успешно переносит лиственница любые невзгоды, вполне оправдывая оказываемое ей человеком доверие. И это неспроста, поскольку лиственница, действительно, необычайно скромна. Она нетребовательна к окружающим условиям, а быстроте её роста может позавидовать какое угодно дерево. Всё, кажется, лиственнице нипочём, и оттого у человека к ней почёт и уважение.

Какие только знамения бесконечного лесного времени не переживает это дерево-долгожитель, сколько поколений зверей и птиц прошло перед его недремлющим взором. Лиственница - непрекращающаяся гордость всего лесного мира, его непревзойдённая любовь. И если кто из лесных великанов и умирает стоя, так это лиственница, способная на самые невероятные подвиги.

Но, прежде, чем умереть, вернее – сбросить перед зимой порыжевшую листву, лиственницы успевают порадовать человека своим пышным увяданием. Нет ничего краше нежной желтизны осенних лиственниц, чей жар в сентябре греет так же нежно и сдержанно, как и осеннее солнце.

Лиственницы не вспыхивают и не догорают, а будто берут своё: деревья вкрадчиво готовятся к своему угасанию, и не перестают радоваться тому, что оно наступает не сразу, а постепенно, незаметно для всех. Лиственницы, как и все растущие существа, наслаждаются отпущенным им покоем, заслуженно обретённым к осени. Осень постепенно и радостно перевоплощает их в то, чем они и должны явиться в природе: стройными спокойными красавицами, у которых есть всё для того, чтобы очаровывать и замечательно, волшебно, молчать.

Охотники в эту пору говорят, что иголка на лиственницах начинает «закисать», то есть не только желтеет, но становится даже оранжевой, очень пахучей и сладкой, и глухарь до неё большой охотник. В сентябре иголка лиственницы составляет его основную пищу. На лиственницу глухарь вылетает утром, перед восходом солнца, и вечером, часа за три до заката.

Но не всегда иголка на лиственницах желтеет в одно время: в иной год – раньше, в другой – позднее. Всё зависит от того, когда случаются утренники. Глухарь ни за что не пропустит этого времени: он заранее вылетает на лиственницу, и пробует – легко или с трудом выщипываются иголки. Если легко – значит, самое время появиться на пожелтевших деревьях, а если с усилием – ещё рано.

В пасмурные дождливые дни глухарь просиживает на лиственницах целый день, не переставая щипать отмякшую листву. А в иной год, из-за сильных и частых инеев, игольник желтеет в какие-нибудь дни, и через

несколько суток отваливается. В такую пору глухарь также не покидает лиственницу в течение всего дня, даже ночует на ней, вероятно, угадывая, что лакомиться любимой пищей придётся недолго.

Вообще вылет глухарей на лиственницы продолжается до середины октября, пока не осыплется весь игольник. Была, говорят, игла, да спать легла. Если же игла с лиственницы спадает нечисто, быть строгой зиме.

Но прежде, чем оставить тихо светящиеся золотом деревья, глухари сами норовят напитаться их солнечной желтизной, а ещё – сентябрьским чистым воздухом и небесной синевой, предпочитая осуществлять это именно на лиственницах. Кажется, что лиственницы для них больше не корм, а душевная отсидка, какая-то скрытая радость, которую они безгранично переживают в эту пору, впитывая в себя последнее доступное тепло и забываясь в лиственничном удовольствии.

А лиственницы, кажется, не торопятся увядать. Они просто живут, с каждым морозным утром становясь всё более яркими, а на вкус сладкими. Глухари знают об этом, и прилетают на них ближе к вечеру, когда вдоволь наклюются зёрен на полях, или их кто-нибудь там потревожит. Лиственницы м птицы живут в эту пору одной жизнью, и лес от этого становится ещё краше.

Неспешно кормятся глухари сладкой лиственничной иглой, копят в себе томительную осеннюю дремоту, что вдруг наваливается на них ближе к полудню, и слетают куда-нибудь под деревья, на землю, где забываются на время, будто исчезая из жизни леса. Когда набредёшь на такого отдыхающего глухаря, поднимается он на крыло тяжело, с неохотой, и вскоре возвращается на пышущие спокойным жаром лиственничные верхушки, нигде не сумев обособиться. Схватившись лапами за ветку с самого её конца и размеренно раскачиваясь, глухарь потихоньку склёвывает листву, продвигаясь ближе к стволу, и, наверное, ничуть не задумывается: почему же замечательные деревья становятся к осени такими вкусными, доступными и так легко ему достаются.

Всё, что существует в этом мире, удивительно просто и доступно каждому, и каждый зверь, птица или человек выбирает для себя самое подходящее. Человек, например, способен решить – нужно ли ему убивать птиц и животных, если они оказываются рядом, или сохранить в своём сердце чистоту, присущую только апрельским дождям. Ему свойственно выбирать среди всего, что окружает его в жизни, и лучше стремиться к солнцу, лиственницам и глухарям, никому не досаждая, чем умножать в себе непонимание и раздражённость.

Человек призван идти к солнцу, осенью оно обжигает его душу светом огненных лиственниц, и глухари также внимают его теплу, и тихо про себя радуются.

Синее небо безмолвно висит над головой, яркие лиственницы подпирают его бездонную прозрачность, и хочется подняться над ними и посмотреть свысока на эту раздольную, красиво угасающую землю, а потом с

тихим сожалением вернуться на неё под самый вечер. Идти в сгущающихся осенних сумерках по подсохшей за день дороге и вспоминать, какие птицы были красивые и живые в опрятной лиственничной желтизне, и как хотелось дотянуться до них рукой, прикоснувшись к их тёплому оперению. Глухари бы, конечно, сразу встревожились и улетели, но приятное ощущение их близости осталось бы. Как очаровательна осень вот в такие тихие, безветренные дни, когда и солнце, и глухари, и лиственницы неразделимы!

Хорошо сидеть в ожидании глухарей, прислонившись спиной к шероховатому пахучему стволу, и смотреть, как угасает погожий сентябрьский день. Жёлтая игла, кажется. дышит жаром на фоне солнечной синевы, мягко утопает в ней, а от земли, устланной опавшим листом и мхом, приятно потягивает ароматным холодком. Хочется обращать всё своё внимание только кверху, к огненным верхушкам лиственниц, и, закрыв глаза, наслаждаться последним ласковым теплом.

Глухари, как и весной на ток, слетаются на лиственницы всегда неожиданно, молча. Но если вдруг обнаруживают в себе желание пропеть своё осеннее настроение, то быстро оставляют свою нехитрую заботу, как несущественную, необязательную для этой поры. Весной любви в их душе ровно столько, сколько силы содержат в себе восторженные апрель и май, но сейчас сентябрь, а то и октябрь, пора перебираться в хмурые сосняки.

Правда, напоследок, в отдельные тёплые дни, глухари осторожно пробуют горлом воздух: не разучились ли точить и скиркать? Но нет, всё так же таинственно и чарующе разносятся над поляной сухие, сдержанные ноты: «Т-тэк, т-тэк, т-тэк, у-оо-к!» Глухари ничего не забыли, всё помнят и просто не хотят сейчас раскрывать лесу свою душу.

Для кормёжки глухари выбирают особые лиственницы, на охотничьем языке – «присадочные», то есть – самые любимые, предпочитая их другим деревьям. На вид, казалось бы, лиственницы все одинаковые, но среди нескольких растущих рядом деревьев глухари отмечают одно, а на остальные не обращают внимания. Именно эту лиственницу птицы посещают всю осень.

Применительно к соснам я часто замечал, что глухари, как правило, предпочитают неказистые, будто ободранные кем-то деревья с несимметричными верхушками, а пышные, крепкие, с налитыми соком стволами игнорируют и не посещают. Так и с лиственницами: птицы выбирают самые неожиданные на вид, вроде бы, ничем не примечательные, но между тем заинтересовавшие их. Глухарей привлекает в таких лиственницах нечто недоступное человеку, никак им не объяснимое, и эта маленькая тайна птиц и деревьев ещё более очаровывает.

Кстати, в старину лиственницу звали «карачай» или «негла» - единственное хвойное дерево, которое, в отличие от других хвойных пород, всё-таки роняет к зиме мягкую хвою. А «карачай» - значит, упрямый, несговорчивый человек, что то и дело отступает, не стоит в слове. Но что

несговорчивого в самой лиственнице: дереве, казалось бы, податливом, живущем своей, незаметно устремляющейся ввысь жизнью?!

Может быть, её из-за этой упрямой несгибаемости так прозвали, или за прямолинейность древесины? Ствол лиственницы, как и сучья, действительно, всегда прям и несгибаем в своей устремлённости что вверх, что в стороны, и дерево порой, будто назло кому-то, отрешённо взбирается в немыслимое для других деревьев поднебесье, а отступить не в силах. Даже глухари никогда не присаживаются на его самые высокие верхушки, выбирая себе место посередине ствола.

Глухари сидят на ветках ближе к стволу, и почти бесшумно теребят лакомую иглу, но дереву достаточно лишь их щипка, чтобы она оторвалась и полетела: такую иглу в народе называли «посорка». Легка посорка, воздушна, а даёт со всего лиственничного бора тучное удобрение для будущих деревьев. Даже захваченная с земли целая горсть таких оранжевых душистых иголок совершенно не чувствуется в руке, но зато их запах кружит голову. Взял бы и осыпал ими весь лес, что, впрочем, и без того несёт в себе неисчислимые осенние ароматы.

Дровяной сор, свежая мелкая щепа, кора и луб не издают такого чудесного аромата, как эта перезревшая, но ещё очень нежная лиственничная хвоя. По осени она – словно невесомое лесное золото, ударяющее в глаза и голову всей своей драгоценной сутью. И ослепляет в солнечный день, и пьянит словно запоздалое, но благородное осеннее вино.

Хорошо лежать в тёплый осенний день на ворохе такой пахучей хвои и слушать лёгкий ветерок в высоких вершинах лиственниц. Могучие стволы неудержимо устремляются в бездонное сентябрьское небо, но тебе не хочется улетать так далеко, и ты, утопая взглядом в бескрайней вышине, остаёшься на земле, что убаюкивает своим удивительно чистым и по-осеннему ласковым покоем.

ОЛЬХА

Кто часто бывает в лесу, вряд ли отметит ольху раньше других деревьев. Больно она неприветливая, даже – задиристая, отчего не покидает ощущение, будто бы ей всё время хочется хорохориться. Зимой, проходя на лыжах между частыми её стволами, вдруг коснёшься голой рукой коры и отдёрнешь: такая она холодноватая, колкая и неуютная.

Ольха растёт преимущественно вдоль рек и ручьев, на богатых и сильно увлажненных почвах: видимо, она испытывает постоянную жажду. Крона её еле слышно нашёптывает что-то самой себе, и никем не замечается.

Летом сумрачный, тёмно-зелёный ольшаник таит в себе коварные участки трясины, и кажется пустым, безжизненным и заглохшим. Зимой он будто отдыхает от этой своей замкнутости и суеты комаров, но не преображается, а по-прежнему хранит какую-то неудовлетворённость,

глубоко скрытое желание когда-нибудь, всё-таки, показать всему свету свою настоящую сущность.

Листья ольха держит крепко, до самой поздней осени, и что примечательно - опадают они почти зелёные. Ольха будто несёт в себе вечную молодость, не желая сгибаться перед своей серой судьбой. Но упрямой её не назовёшь.

Ольха как будто усмехается тому, что отвели ей не самые лучшие владения, и не хочет быть на кого-нибудь похожей. Держится плотно, дружно, порой проявляя не в меру задиристый характер. Словом, живёт своим тёмно-серым полчищем отдельно ото всех, и в ус не дует.

Кажется, и зимой-то она не успокаивается, а стоит, нахохлившись, сердито: «Попробуй, забреди в мою чащу - обдеру начисто одежду, изорву в клочья, исцарапаю. Руки и лицо своими неудобными ветками исхлещу, пропадёт здесь любой, кто осмелится сюда забраться. Не потерплю никого!

Пью я болотную воду, сосу корнями влагу из ручьев, и тем богатею. Никому до этого дела нет, и мне оттого отрада. Что хочу, то и ворочу. Размножаюсь, как никто, новые территории завоёвываю».

Словом, ольха какая-то неуютная. Не тянет к ней человека, а только одно желание - поскорее бы из надоедливого ольшаника выбраться! Чтобы дух лесной ощутить, чистого воздуха вдохнуть. Зимой ольшаник кажется таким однообразным, что нет с ним никакого сладу!

Но непривлекательные частые ольховники, вернее даже было бы назвать их зарослями, скрывают, между тем, немало интересного. Это никем не любимое, сизо-серое лесное пространство, как ни странно, оказывается обиталищем многих птиц и даже зверей. Именно какая-то замусоренная неприглядность ольхи, произрастающей особняком, на удалении от всего лесного мира, в отличие от чистого березняка, сказочного ельника и светлого соснового бора, и привлекает лесных жителей.

Заросли ольхи служат надёжным убежищем для зайцев, они часто ложатся в них на днёвку. Бывало, забредёшь зимой в густой ольховник, тропя косого, и неожиданно поднимешь его в каких-нибудь десяти метрах. Сначала послышится еле ощутимый хруст, потом мелькнёт между серыми стволами размытый силуэт, и, выскочив через мгновение на открытое пространство, зверёк полетит живой пружиной: весь настороже, уши на слуху!

При этом чёрный глаз его будет косить себе вслед, и заяц станет различим так отчётливо, что подумаешь: белее снега его шкурка. Причиной тому – чёрные маслины мятущихся глаз зайца, что от перепуга кажутся большими и заметными.

Даже когда он уносит ноги, большие чёрные глаза его косят назад, словно присматриваясь: какая там сейчас обстановка? Не зря заяц получил в народе своё самое известное прозвище – «косой», и как оживает после него неприглядный на вид, серый ольховник!

В молодые ольховые кусты, что обычно располагаются поближе к лесным речушкам, к полудню с удовольствием слетаются на кормёжку

упитанные рябчики. В переплетении частых ольховых ветвей устраивают свои гнёзда скрытные сороки. А то вдруг юркая норка промелькнёт среди чёрных ольховых корней, и тут же исчезнет, будто её и не было.

Ольху на Руси в разных местностях называли по-своему: и ольшанина, и ёлха, и вольха, но наиболее подходящее ей название - это елоха. В нём слышится прозвище не мужское и не женское, а нечто несуразно настырное, не в меру надоедливое и своевольное. Существо, с которым и связываться никто не станет, потому как всё без толку! Посмеются себе, да в сторону отворотят.

Ольха от того, кажется, даже не переживает. Просто она такая сама по себе: ты её не тронь - и она тебя не заденет. Задирка, говорят, дерёт дырку!

Ольха, всё больше, старается замкнуться в своей невзрачной на вид обители, и ни до кого ей, вроде бы, нет дела. Проход в неё замкнут невидимой внутренней стеною, как это обычно выходит у замкнутого в себе человека: он сосредоточен только на себе. Вот и ольха – будто затаилась от всего мира, желая, кажется, заманить кого-нибудь в свои серые тенёта. Да только кому в этом охота?

В ольховые заросли, кроме норки и зайца, никакой другой зверь и не сунется: чего он там не видел! Всякий обойдёт их стороной, если на то есть возможность.

Необычность ольхи заключена и в её тёмно-серой невзрачной коре, вернее – древесине. Кому приходилось рубить это дерево - видел, как изменяет оно окраску. Только что надрубленная ольха - белая, через несколько мгновений она начинает розоветь, а когда подсохнет - приобретает нежно-красноватый цвет. Сколько скрытых настроений держит в себе ольха!

Отправившись зимнею порою в лес, и порядком намаявшись, остановишься под вечер в какой-нибудь избушке, неподалёку от реки, и, второпях, нарубишь попавшейся под руку ольхи. Ольховые полешки гулкие, сыроватые и совсем не горючие. Будто замкнувшись в себе, отрешённо лежат они у печурки, и, глядя на них, почему-то пожалеешь, что не потратил время на поиски елового сушняка. Нет в их горении ни жару, ни блеску.

В общем, как говорится, толкуй про ольховое, а еловое крепче! Не сразу вспомнишь, что в старину ольховые дрова, если их правильно заготовить, назывались «царскими». Из них получали уголь высокого качества, и затем выделывали отменный порох.

Именем ольхи звали в народе жёлто-бурый неброский цвет - ольшаный. Так окрестили и ястреба, всего бурого, без белизны и мелкой ряби. А ещё ольшаным величался меж людей непонятый никем человек, что держится обособленно, и для всех остаётся непостижимым. Может, это был бобыль или какой-нибудь шалый: в слове этом всегда звучало нечто людям чуждое, рябое.

Редко какое дерево забредает к ольхе в гости. Это может быть случайная ель или берёза. Другие же породы остаются на опушке, как будто

не решаясь заглянуть к ольхе. Им, видно, отчего-то неловко чувствовать ольховое соседство, и они всеми силами его избегают. Но непослушный ветер, всё же, временами заносит в ольшаник семена, и они прорастают там несчастливыми деревьями.

Незавидной и грустной кажется судьба у ольхи, впрочем, способной на многое. Ольха более, чем другие деревья, обогащает своими корнями землю. Может быть, она это делает исключительно для себя, но в лесу даже такое доброхотство приносит кому-нибудь пользу.

Ещё ольха очень быстро размножается. Это становится заметным зимой, на фоне белого безжизненного цвета. Деревца, что ты приметил робкими побегами весной, к концу зимы уже, оказывается, подтянулись тебе под пояс. Глядя на них, даже не знаешь, хорошо ли это. Но, видно, всякое лесное растение надлежит встречать с радостью, понимая: если оно народилось на свет – так тому и быть.

Смотришь зимой на сухие тёмно-коричневатые ольховые шишечки, и отчего-то улыбаешься... Из них будущей весной полетят по всей земле семена-орешки, и так будет длиться вечно. Забудешь тут и про то, что дерево кажется негостеприимным, и про его кажущееся внутреннее озлобление, и будто бы оно привыкло ломаться да важничать. Ну и что с того? Эка важность, если какое-либо дерево вздумало придать себе серьёзный вид!

Зато ольха лечит от всякой хвори: шишки ольхи, их собирают под осень, применяют как вяжущее средство при желудочных заболеваниях, а отвар из коры при ангине и воспалении дёсен. В народе часто использовали горячий настой коры дерева для снятия боли и усталости в ногах. С вениками из ольховых веточек ходили в баню: они источают приятный аромат и очищают кожу.

Крепким отваром листьев ольхи мыли в избах кровати, обрабатывая бревенчатые стены от клопов. Ольховыми дровами выжигали сажу из печных труб. Ольху, произрастающую на сыром месте, предпочитали при рубке колодезных срубов.

Ольховые опилки хороши при копчении мяса и рыбы: это знал любой рыбак. В старину рыбаки вываривали свои сети в настое ольховой коры, это придавало им крепость. Трудно отыскать на Руси дело, в котором невозможно было обойтись без ольхи, и, зная, что древесина её вязкая и не трескается, из ольхи даже выделывали тонкие духовые инструменты.

В народе верили, что ольха покровительствует семейному роду, она укрепляет родственные связи и не допускает, чтобы они распались, для чего высаживали это дерево вблизи домов. Иногда ветки ольхи помещали в снопы, чтобы не заводились мыши, а в огородах втыкали возле грядок, уберегая тем урожай от вредных насекомых. Бытовало даже мнение, будто бы ольха, растущая недалеко от дома, защищает от людской зависти.

Кому-то наивными представляются подобного рода суеверия относительно, казалось бы, самых обычных деревьев, но вера в нечто чудесное, ворожбу и всякие знамения были невероятно сильны в народе.

Порой в этой вере не было видно никакой причинной связи, но отвергнуть приметы и обряды люди, всё же, не решались.

Вот и считали само собой разумеющимся сажать за околицей чёрную ольху, в качестве оберега, убеждая себя в истинности совершаемого действия. Так было приятно сознавать, что именно чёрная ольха отведёт от родного дома все беды, потому как сильна была вера в духовную жизнь, где всякое живое существо, в том числе и дерево, принимались за божественное проявление. И, конечно, не возникало сомнений в том, что ольха, со своей мгновенно краснеющей древесиной, после того, как её срубили, есть тайное провозвестие природы, некий знак, сообщающий человеку истинное знание.

Дерево, пусть это была ель, либо липа с берёзой, представлялось, как нечто священное, ему даже поклонялись. Так поклонялись ольхе: в древности её почитали за душевное дерево, очищающее человека от злых духов и прочей скверны. Оно, якобы, обладало невероятно богатыми магическими свойствами. Сложно было не поверить в то, что даровала божественная природа, вот и ольху в народе воспринимали как чуть ли ни священный символ, а она – дерево деревом!

Правда, если быть честным, «ольха» - красивое слово. Произнося его, перенося при этом ударение на первый слог, незаметно начинает видеться что-то непутёвое, но милое. Представляешь почему-то веснушчатую девчонку из весёлого босоногого детства, где всегда светит солнце, всё – шиворот-навыворот, и радостно, отчего мысли об ольхе вызывают только улыбку. Воображаешь, будто это – бойкий ребёнок, убежавший от мамы, что ничего ещё в жизни не знает, а всё разумеет.

Так и ольха: растёт озорным дитятей – всё ей кстати. Но как не крути, а благодать Божья!

Всю зиму ольха отдыхает и ждёт своего пробуждения. Частые стволы стоят опущенными и присмиревшими: тихо меж ними, безропотно. Только неугомонный ветер порой врывается в оголённое ольховое царство, но надолго там не задерживается, и улетает. И тогда непоседливые чечётки оживляют его собой, суетливо перепархивая и что-то своё, еле слышное, напевая.

Бывает, в самой середине января выдастся пасмурный денёк, но в нём таится какое-то оживление: оно, то приближается к тебе, то удаляется. Его вносят чечётки – махонькие невзрачные птички с серовато-дымчатым оперением, под стать ольховым зарослям. Чечётки всю зиму держатся в них, оживляя хмурый ольховый лес.

С неугомонным щебетом срываются они с одной ольхи на другую, и в белом отрешённом затишье начинает вдруг чудиться, будто это облетают и ложатся на снег сами верхушки деревьев. Чечётки лишь издали кажутся невзрачными, на самом деле – они замечательные! Только зимой, среди заснеженной лесной тишины, можно услышать вкрадчивое нашёптывание – «чи-чи-чи, чи-чи-чи, чи-чи-чи, чет-чет, чет-чет, чет-чет».

Птички немедленно облепляют именно ольховые деревца, повисают на тонких веточках, часто боком или даже вниз головой, и их это нисколько не беспокоит. Главное, они нашли забаву – семена ольхи, висящие на ветвях аккуратными колбасками, и пусть маленькие птички останутся на некоторое время без нашего внимания, пробуя своё любимое блюдо. Хорошо, что они есть! И есть красноватые серёжки, что, как и чудесные крохотные птички с алыми шапочками, привносят в задремавший зимний вид свою маленькую радость.

А может быть, это сама ольха наговаривает им свои зимние сны, и, чуточку ободрённая от птичьего присутствия, душа её невидимо взлетает вместе с ними над белой землёй, но возвращается, такой же, неприкаянной и неприметной. Скучно, видать, ольхе в отпущенной ей природой свободе свою «сорную» сущность переживать, она, говорят, и грибы к себе не пускает.

Но зато ольха своим сизо-серым полчищем берега ручьёв и рек укрепляет. Она - заступница и сосне, и берёзе, и ёлке с осинами: в морозы дерево закрывает их от холодных ветров, своей невидимой заботою нянчит, отчего в народе и повелась пословица, что мороз перед ольхой шапку ломает. Исподволь, конечно, ольху согнёшь, но не переломишь!

ЛИПА

Сколько бы ты ни ходил по лесу, всегда встретишь в нём липу: бороздокорую, вытянувшуюся, прямую. Словно расправив плечи, возвышается она над другими деревьями, своими ветвями объемлет окружающий воздух, матереет. Ель, берёза да пихта ей не чета: она неудержима и легка в своём устремлении к небу. Липа, как никто в лесу, влечёт тебя в вышину.

Зимой дерево безлико и прямо простирает в холодное небо свои верхушки: не спит, а, скорее, умерло до весны. Навсегда, кажется, застыло в её стволах течение жизни, так что не покидает мысль: не понять тебе это дерево никогда. Но липа жива.

Она - волшебный шатёр, под сенью которого летом хорошо думать, мечтать, а зимой взирать на её раскидистые ветви и недоумевать: зачем ей такой простор? Да, видно, дереву лучше знать, каким быть, и липа живёт по-своему.

Ещё с детства, когда мы с бабушкой отправлялись в лес за грибами, полюбил я сладкий запах липы. Всегда привлекали её пушистые зелёные верхушки, уходящие в недосягаемую высоту. Казалось, никогда не попасть туда, на самый верх, где запах, наверное, наплывает волнами, как море.

Во взрослом возрасте я ещё более не мыслил себя без леса, и конечно, мне, по-прежнему, не доставало аромата этого чудесного дерева. Само слово «липа» выражало нечто головокружительное, мягкое и очень доверительное.

Оно заключало в себе всё наше русское лето, переполненное цветущими деревьями, жужжанием пчёл в их ветвях и медовым духом.

Стоит июль – макушка лета. С каждым днём всё больше цветов, всё пышнее становятся травы, и сквозь их аромат неудержимой волной пробивается кружащий голову сладостный дух – это плодоносят липы. Над ними золотистым облаком роятся неугомонные пчёлы. Ничто так не выражает наполненность роскошного летнего жара, как их настойчивое жужжание.

Достигнув своей благодатной вершины, лето, будто благодарное им, покойно замерло, затуманившись разнеженной солнечной истомой, и эту волшебную благость принесли в него липы. А пчёлы – неутомимые провозвестники июльской медоносной поры, спешат с лип к своим ульям, запасая много мёда. Недаром июль в народе получил своё название по обильно цветущей липе – «липень», или «липец», с которой пчёлы в эту пору усиленно берут взяток.

Цветут липы, пахнет мёдом, и на душе так хорошо и празднично, что ты этого даже не замечаешь. Липа – очень красивое, весёлое и, может быть, самое обаятельное лесное слово.

От липы в окружающей природе растекается какая-то особая нежность, что не излучает летом ни одно дерево. Пасечники с нетерпением ждут, когда зацветёт липа, моля заступника пчёл Зосиму, чтобы ливни не сбили дурманящий, беловато-кремовый цвет, сладостный дух от которого мягко пронизывает в июле всё вокруг.

Но отчего липа цветёт в середине лета? Её зелёные подруги уже давно сбросили свой весенний наряд. Разгадка проста: липа распускает цветы на побегах этого года. Пока молодой побег отрастёт, да проклюнутся в нём плодовые почки, глядишь, и подошло красное лето – начало июля.

У одной развесистой липы, каждый год распускающей свои ветви до самой земли, я любил собирать её дурманящие нежные соцветия, заваривая из них зимою душистый чай. Холодными вечерами, у печного огня, за таким чаем с липовым мёдом приятно было вспоминать жаркие летние дни, лёгкий ветерок в липовых ветвях, и как колышутся под старым деревом ромашки, лиловые колокольчики и зверобой.

Эта добрая липа действительно образовывала в тени своих склонившихся к земле ветвей большой зелёный шатёр. В нём необыкновенно радостно было отдыхать, пережидая зной, любоваться синими таинственными далями, и вспоминать все свои лесные и морские путешествия.

Так же, как и другие деревья, и человек, липа тоже долгие годы пестует в себе свою тайну. Гордо, независимо, не выказывая её всем. Тягучими кажутся её мысли, непостижимой — душа.

Но зимой все деревья как будто обнажают свои лица, и тогда душа их становится заметной. Она таится в образе самого дерева: в его стволе, коре и

сучьях. В том невидимом пространстве, что окружает заснеженную крону и почему-то не отпускает от себя.

Душа деревьев не спит, она глядит открытыми глазами на зимний свет, и он её не слепит. Хладнокровно взирает душа и на метели, что неустанно секут лица деревьев. В мороз она ненадолго смыкает веки, и как будто забывается.

А может быть, это тебе кажется, и душа дерева остается неутомимой. Она вглядывается пристально в самую зиму, и думает про себя что-то очень важное. То, чему не может научить её ни одно время года. Зима ниспосылает душе дерева мудрое успокоение.

Всё это бывает хорошо заметно у липы. Она и глядит, и думает, и переживает что-то неотъемлемое от неё, своё. В глубоком молчании взирает на бесконечность заснеженного пространства, ни с кем не заговаривает.

Глядя на липу, человек тоже начинает желать глубже заглянуть в себя и зиму. Ему хочется думать о чём-либо мудром и великом, что не отвергало бы его, а спасало. Человек тянется за деревом в своих мыслях, светлеет.

Причудливы липовые ветви на фоне бескрайнего зимнего неба. Они будто вычерчивают на нём только дереву понятную картину. Причём, каждая липа делает это по-особенному, не похоже на других.

Среди всех наших деревьев липа более чем кто-либо умеет задавать загадки, и это отражается в неожиданных искривлениях её мощного тела: они чаще всего встречаются именно у липы. Но, меняя образ, липа, всё же, устремляется кверху: она – одно из самых высоких представителей древесного царства.

Там, где знания её обрели силу, липа устраивает на зиму дупла. Она как будто освобождается в них от надоевших ей мыслей.

Это хорошо усвоили для себя проворные куницы. Не устающие всю зиму выискивать какую-нибудь поживу, они отдыхают там в непогоду. Облюбовав какое-либо укромное дупло и утеплив его, зверёк без забот пережидает в нём длительные морозы и метели. Липовое дупло всегда оказывается ему уютным домом.

Все деревья в годах похожи на древних старцев, но липа выглядит особенно величественной. Может быть, всё это идет от её несгибаемости и отсутствия тугих узлов, как на берёзе. Липа и в возрасте неудержимо взметает свои ветви ввысь. В липе чувствуется сила, она не позволяет ей опираться на посох-подпору. Могучи её ветви, что не просят, а восклицают.

Достаточно приходится повидать липе на своём веку. В сравнении с такими многолетними деревьями, как дуб и сосна, она более долговечна. Древесина её, белая и легкая, обладает удивительной способностью не трескаться и не коробиться.

Ещё липа очень живуча, если бы не уготовила ей судьба быть ободранной. В народе про это так сказывают: «Была липка, а стала лутошка». Лутошка - это голое дерево, оставшееся без одежды, и уже, конечно, не живое.

Деревенским людям давно известно, что липа - самое мягкое и податливое дерево. Не в силах оно отказать пристальному вниманию человека. Не скупясь, щедро одаривает его липа, а тот только успевает брать: то лыка с молодых деревцев на мочало добудет, то луба на крыши домов надерёт. Да и не перечесть всех тех рогож, кулей да верёвок, что плели из этого дерева. К тому же, липа весь русский народ обувала.

Липу начинали обдирать ещё по весне, разбирая её кору на луб и лыко. Лыко вымачивали в лесных озёрах – мочажинах, и держали так чуть ли не до осени. От грубого, деревянного слоя - отделяли тонкий, мягкий: это и было мочало. Тот тужи, у кого ременные гужи, а у нас – лыки да мочалы!

Затем мочало высушивали, развешивая на жердях, до первого мороза: оно и применялось для выделывания кулей и лукошек, коробов и рогож для саней. Ну, а лыко, что не вымачивали – сухой луб, отвозили на двор, и крыли им крыши. Из липового луба кровля выходила что надо: и тепло держало, и воду не пропускала. На такой луб подбирались липы в возрасте.

А вот на лыко для лаптей шли молодые липки от трёх до пяти лет: три липки уходило на одну пару лаптей. Лапти плели в огромном количестве и на любой сезон: летом – прохладные, зимой – тёплые. Кабы не липа и береста, мужик бы рассыпался!

Правда, в мягкости дерева была скрыта и твердость: из неё выделывали гвозди. Не уступали они по крепости ни дубу, ни вязу. Конечно, древесина липы не так прочна, как, скажем, у лиственницы, но бани строили из этого душистого и лёгкого дерева. Из него же ладили тоненькие дощечки для гармоний.

Добрым для людей оставалось всегда это дерево, его именем называли белый душистый мед, что собирали пчёлы с липового цвета, сок, отцеживаемый весной, и месяц июль, полный лесных даров и красок. И никогда не величали им дубовых мужиков, а только так, какого-нибудь не в меру хорохорящегося, фальшивого и без дела выставляющего себя напоказ человека, имеющегося в каждой деревне, нарекая его не иначе, как - липовый!

В старину считалось, что в липу никогда не попадает молния, и люди не боялись укрываться под ней во время ливней. Липовый кол вбивали в землю, где выпасался скот, от разной напасти. Из липы делали нательные крестики, и она считалась деревом Богородицы. В народе верили, что под ней отдыхает Богородица, когда спускается на землю. Согласно легенде, липа будто бы прикрывала своими ветвями Богородицу с совсем ещё маленьким Иисусом во время их бегства в Египет.

Удивительно поэтична липа в любое время года, особенно летом, когда так раскидиста её необъятная медоносная крона. Мёд – липкое сладкое вещество, будто проистекает из её мощных ветвей, растопляясь на благостном солнце, и насыщая собой весь воздух. Хочется пить его, не отрываясь от этой природной чаши, чтобы и по усам текло, и в рот попадало, и на душе сытно и радостно стало.

За эту опьяняющую задушевность липы и любят выращивать её в садах и парках. Липовые аллеи, посаженные Тургеневым и Пушкиным, до сих пор тешат людские души. Туманные образы их чудесных произведений нашёптывают людям великодушные и мудрые липы.

Зимой дерево, конечно, не дарит такого наслаждения, зато оно копит его в себе во имя будущей плодотворной жизни, чтобы опять одухотворять заблудшее человеческое сердце, повергая его в сладостный сон своих душистых наваждений. Может быть, зима взывает к человеку душой и телом именно липы.

СИРЕНЬ

Под моим окном в деревне уже долгие годы растёт сирень, и порой начинает казаться, будто она подстраивается под меня. Это очень приятное, загадочное и доброе дерево. Оно всегда будто улыбается, правда, сдержанно, но мило, а когда, в мае, его ветви сплошь покрывают розоватые и лиловые цветы, от сирени словно исходит мелодичное звучание.

Работая в огороде, я иногда смотрю на сирень и радуюсь. Сирень опять распустилась после суровой зимы, она жива и рукоплещет весне! Вернее, чудесным образом дополняет её своим восхитительным обликом, и в моей душе рождается праздник.

В начале лета огромной лиловой охапкой-кустом пенится сирень посреди набухающей и ещё не утомившейся листвы, но не гордится и не повелевает, а только нежно ублажает торжественно нарождающийся июньский пейзаж. Всё бы плыло над землёй сиреневое цветенье, и никогда не кончалось. Погружаешься взором в это сиреневое пышное благолепие, и не чувствуешь под собой ног: сирень-душа будто возносит тебя над землёй, отчего и твоя душа, точно так же, распускается сиреневым цветом, и не ведает, куда ей лететь от переполняющего счастья.

Почти весь июнь сиреневый дух душными волнами прокрадывается в дом. Все спят, окна растворены в сад, и стоит такая тишина, что слышно, как дышит каждый листик. Лёгкий шепоток от них создаёт какое-то невидимое движение, и оно ничуть не мешает, и даже приятно.

Но шорох этот перебивают настырные волны, исходящие от сирени, замершей там, под окнами, у покосившегося серого забора. Волны, по-кошачьи мягко, проникают в сонную темноту комнаты, и так же потаённо прокрадываются под кровать. Может, именно этой ночью сирень намекнёт тебе своим запахом о том прекрасном, чего ещё не было в твоей жизни, но обязательно вскоре сбудется?

А в конце июня сирень осыпается, и происходит это неожиданно, как-то разом. Ещё совсем недавно пышная, белопенная, шальная, она уже не дурманит сочностью своих снежно-фиолетовых девичьих соцветий, и будто в мгновение стареет.

Молодость её начинает казаться непрочной, а затишье после буйного цветения - печально и нескончаемо. Думается почему-то, что упоительные сиреневые дни больше не повторятся, и это будничное однообразие после пышущей ароматом сирени никогда не прекратится. Сирень так бурно цвела, благоухала, что больше не верится в её возрождение, и отчего-то на сердце наваливается необъяснимая печаль, что, впрочем, быстротечна.

Знающие люди утверждают, что сирень нужно как можно чаще укорачивать, то есть – ломать. От этого она растёт лучше, а самое главное – необыкновенно распушается. И без того прекрасная, сирень становится ещё богаче.

В доме от запаха сиреневых цветков у людей приятно кружится голова, а в саду, где она растёт, воздух всегда чистый. Пьянящий аромат сирени прохладен и сладок особенно после дождя, и тогда хочется окунуться в это сиреневое буйство запахов и красок, уже ничего не желая.

Когда сирень в самом цвету, она будто простирает свои бело-фиолетовые пахучие длани, щемит сердце острым ароматным счастьем, и всякий человек чувствует: он словно выходит за свои пределы, чего на самом деле редко когда удаётся. Сиреневый туман клубится в солнечном свете, кажется, он даже вырастает, ненавязчиво утверждаясь во всём окружающем пространстве таким же переливающимся сиреневым благом.

А бывает, сирень нахлынет на тебя упругой душной волной, наполнит сладостными мыслями и настроением, и ты вдруг почувствуешь себя до краёв заполненной сиреневым вином чашей, которую, при всём желании, невозможно расплескать. Вино переполняет тебя, но не выливается, и ты радостно несёшь его в себе, насыщаясь нескончаемо чудным сиреневым духом. Лишить сознания может только отсутствие подобных впечатлений, но никак не сиреневый дурман, его чарующая желанная истома.

Распустила, наконец, свои лиловые султаны главная весенняя обольстительница – сирень, и вокруг всё ещё более преобразилось. Какая-то мимолётная и шикарная в своём дурмане, не без некоторого благородства и совсем не кокетливая, она словно раскрывает в себе окно, и быстротечные дни упоённо уплывают через него в блаженную даль. Никто из деревьев с таким обаянием не проживает их, как это совершается у сирени.

Пышность белоснежно-лиловых султанов придаёт сирени особое великолепие и торжественность. В ней – роскошь, не стремящаяся скрыть своё обилие, в тоже время - полная лёгкости. Пышное празднество сирени – её каждодневное состояние, но, в отличие от черёмухи, неудержимо навязывающей себя всему весеннему свету, она скромна. Черёмухе, говорят, пышно в цвету, а сирень будто утопает в своём пушистом цвете: ей хорошо и уютно с самой собой, и если черёмуха – красавица, то сирень – прелесть!

При всём своём очаровании сирень не ставит себя наперёд других деревьев, а сохраняет кротость. Скромное сиреневое дерево словно не ведает своих заслуг, хотя и необыкновенно красиво. Тихая, незатейливая жизнь

сирени чудесна сама по себе, она никого не обманывает, не охмуряет, как черёмуха, и эта скромность ей удивительно к лицу.

Сирень благоухает в душе каждого человека в самую сладкую пору весны. Женщина может подарить её себе сама, когда захочет, лелея сиреневый аромат ночами напролёт. Ночи эти такие тёплые, благосклонные к ней и её чувствам, а мужчина мысленно преподносит сиреневые букеты всем женщинам, потому как, на деле, не в силах их всех одарить. Сирень так естественна, легкодоступна, и, кажется, нет женщины, которая бы не желала прижать к груди душистый сиреневый букет, с наслаждением погрузив в него милое лицо.

В чудный месяц май пробуждает сирень все эти ошеломительные переживания и, наверное, не желает умирать. Вероятно, она даже не помышляет об этом, и только мечтает жить долго. Сирень дарит и восхищение, и радость, и покой без всякой тревоги, вместе с белым цветом облаков, синим небом и золотистым солнцем.

Смешавшись с бархатным теплом весенней ночи, её запах передаёт невольное беспокойство мерцающим звёздам и всей тишине, что распростёрлась над благоухающей землёю. Не идёт сон в такую сиреневую ночь, и душа полнится каким-то сладостным ожиданием.

Трепетное дыхание сирени в этот ночной миг горячо и душисто, оно плывёт от самой земли, когда она, девственная и чистая, ещё не проснулась под лучами солнца и не отдалась ему без остатка. Горячи и душисты пухлые сиреневые цветы, источающие терпкий аромат. Нет, кажется, ничего блаженней, чем слиться с ним в едином сладостном дыхании.

По-весеннему благостно и грузно свисают в саду сиреневые ветви, чем-то неизъяснимым тревожат душу, но и вдохновляют. Столько надежды, тепла и внутреннего света таится в каждом лиловом букете! Ждёшь весной встречи с любимой женщиной, и в опьянении сиренью гадаешь: осыплет ли тебя дождём из ароматных лепестков какое-нибудь нежное создание?!

Как безукоризненно точна и чудесна в своём восприятии времени сирень: в самую благодатную майскую пору зацветает, почти весь июнь ненавязчиво и мило предлагает всем дурманящий цвет и, вроде бы, совершенно себя не исстрачивает. Впечатление такое, что это ей ничего не стоит, и даже когда сирень отцветает, она не замыкается в себе, и не грустит. В полном удовлетворении от совершённого ей чуда только незаметно притихает, но живёт, тем не менее, интересно, чутко вслушиваясь и вглядываясь во всё происходящее в природе. Недаром, под осень, листья сирени, кажется, ещё более зеленеют.

Сирень – очень жизнелюбивое растение и, действительно, дольше других деревьев сохраняет зелёные листья. Бывает, стоит уже глубокая осень, выпал снег, а она ещё зелёная. Глядя на неё по осени, всегда думаешь о внутренней силе дерева, о его несгибаемости.

Но откуда сирень черпает силы? Наверное, она такая сильная сама по себе. Вдобавок, её ветви полнятся силою ветра, солнца, дождей и воздуха, и,

впитывая эти силы, сирень оказывается ещё более неистребимой. Сирени отчего-то дана такая природная власть силы, что никого не ломит, а наоборот, нежно всех осеняет, насыщая своей душистой кипенью. Благодаря сирени в душе человека весной закипают чудесные жизненные волны.

Да и увядает ли сирень вообще? Вернее, она просто бросает на землю лист, не успевший пожелтеть. Сирень, по-видимому, не желает блёкнуть, и до самого конца не теряет изумрудную свежесть, ожидая своего ветра. Лишь поздней осенью прилетает к сирени такой ветерок, окружив её непритязательным вниманием, забирает оставшуюся листву, и сирень успокоено засыпает.

Но в чудесную пору пышного цветения сирень кружит голову своим ублажающим ароматом, а если в её ветвях ещё заливается соловей – провозвестник утвердившейся весны, то и вовсе тебя охватывает нескончаемая радость, и она тоже закипает в твоих жилах неудержимой жаждой к жизни, к цветению и созидающему труду. Чудится, будто наступила ни весна, а какая-то непередаваемо восхитительная пора, ты выглянул в её распахнутое окно, перевалившись через подоконник, и оказался в ней, в этом удивительно прекрасном соловьином царстве. Но лучше не попадать в неё целиком, а лишь вглядываться и вдыхать головокружительный аромат, замерев у самого края, где присутствие соловья особенно трогательно, и песня его льётся, словно родник.

На то Бог птицу благословил, она судьбою своею восторженной переполнена, и оттого – счастлива бесконечно. Это - её счастье, но мне тоже хочется его пережить. Боясь потревожить соловья, я осторожно вглядываюсь в его трепетно вздрагивающее горлышко, чуть оттопыренные крылышки и тёмный смородиновый глаз: в нём, кажется, отражена вся весенняя ночь, и первая зелёная звезда, и трогательное перешёптывание молодых трав.

Не видно, но чувствуется, как в тиши сада покачивают головками цветы, что-то чудесное друг другу нашёптывают, не желая в такую жизнеутверждающую пору хотя бы на время забываться, и соловей всё это приветствует и воспевает. Даже человека рядом не замечает, скорее всего, доверяя своё сердце и ему, и всё насвистывает свои переливчатые трели, не в силах нарадоваться: откуда в нём столько страсти берётся, что потом льётся в душе человека и лето, и осень, и зиму, и никак не иссякает? Воли соловью, видать, больше всего хочется, вот он и превозносит её во всеуслышание, вселяя в каждое живое существо надежду на счастливую судьбу. Разве человеку без этой воли обойтись?!

Странно мне стало думать, что в стародавние времена какого-то знаменитого разбойника прозвали Соловьём. За какую честь ему такое счастье выпало? Ведь хоть соловей на пересвисты и горазд, он всё больше божественную нежность и чистоту провозглашает, и его песенные переливы ложатся на душу жизнеутверждающим благом, они не грозны, и не разрушительны.

Думается, лишь за посвист соловушки, что по своей красоте и силе никем не превзойдён, был он преумножен в народных сказаниях до разбойничьей удали. Так нам всем мил этот очарованный певец, что принимаем мы всем сердцем и Соловья-Разбойника: пусть себе посвистывает на благо родимой земли и погибель её врагов!

Песня же соловья льётся по весенней земле раздольною рекой, пробуждая её и украшая, так что и самому захочется запеть соловьём, провозглашая только любовь и радость, чтобы никогда не иссякало жизнеутверждающее божественное качество нашей души, продлеваясь в достойных Бога деяниях.

Сколько раз мне приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в неприглядное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча. Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

Общеизвестно, что соловей, действительно, знатный певец, не похожий в своём природном умении ни на одну певчую птицу. Он не просто свищет и щёлкает, как, обычно, не без восторга, принято упоминать среди людей о его непревзойдённом таланте, соловей именно поёт, издавая голосом, на удивление, восхитительные звуки. Охотники до соловьёв различают все колена его песни, и даже дали им названия: бульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешева дудка, кукушкин-перелёт, гусачёк, юлиная-стукотня, почин, оттолчка, свисты и трели. Соловей поёт, говорят, себя тешит, но разве для всех нас по весне его песня не великая радость?!

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с берёзового листа, и сразу, по прилёту, занимает густые ольховые поросли по опушкам и берегам рек, в деревнях же выбирает чаще всего черёмуху и сирень. Буровато-серая маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, среди голубовато-фиолетовых нежных султанов, и вовсе остаётся незамеченной, но именно благодаря сиреневому одурманивающему кипению, наверное, и поёт всю ночь, от вечерней до утренней зари, а в первые две недели после начала пения - и в светлое время суток, умолкая ненадолго только в середине дня.

Соловей поёт, сидя на какой-нибудь ветке сирени невысоко от земли, несколько сгорбившись и опустив крылья. Заметить его сложно, но при всей скрытности и осторожности он часто увлекается в своих восторженных трелях, и к нему можно подойти вплотную. У очень хороших певцов в песне имеется даже до нескольких десятков колен, и как тут не забыться, весь день, без перерыва, провозглашая весну!

Пение соловья очень богато пересвистами и пощёлкиваниями, в них с удивительной прелестью нежные звуки сменяют громкие, а восторженные – печальные. Чарующая мелодия в какой-то момент словно замирает на мгновение, но после небольшой паузы следует ещё более очаровывающая трель.

Причём, всё торжество издаваемых звуков льётся неторопливо, даже, можно сказать, обстоятельно. В этом - неповторимость соловьиной песни, что всегда изумляет своим разнообразием, полнотой и силой, а в опьяняющем сиреневом аромате соловьиная песня – маленькое чудо в удивительном празднике весны. Безотчётно хочется окунуться и в соловьиную песню, и в это сиреневое буйство, скорее даже – броситься в закипевшую сирень, как в море, вмиг пропитавшись влекущим голубовато-белопенным духом.

В запахе цветущей сирени соединяешься с чем-то бесконечно далёким, полузабытым в душе, но не исчезнувшим до конца. Именно весной, у раскрытого в сад окна, всё время кажется, будто кто-то сидит рядом с ним, слушает тишину дома, и вот-вот заберётся к тебе в комнату, вместе с ароматом сирени, но не напугает.

Чудо, как хорошо переживать в сердце, вместе с весной, эту упоительную блажь, нестись в прекрасное неизведанное, и думать только о чудесном. Какое счастье просто увидеть зацветающую сирень погожим весенним вечером, когда она густо усыпана своими лиловыми султанами!

Всё вокруг необыкновенно оживлено, но никто и ничто в этой прекрасной весенней тесноте друг другу не мешает, а только ещё более возбуждается от такого незабываемого соседства. Весна на дворе – полное довольство тепла, запахов и света, и сирень сейчас просто священнодействует посреди этого природного буйства, когда всё живое не в силах скрыть своего восторга.

Волнение, кажется, только усиливается от зарождающегося над землёй сиреневого аромата, и оно вот-вот перехлестнёт через край. Напыжившееся тельце соловья дрожит, голосок беспрестанно журкает, захлёбывается, и ты замрёшь от переполняющего и его, и тебя блаженства: как страстно воодушевлено всё живое происходящим! А вокруг солнечное раздолье, пьянящий сиреневый дурман и торжество жизни, в которой соловей – её главный герой.

Такое повсюду проистекает раздольное счастье, что и соловей, бывает, захлебнувшись ароматом сиреневой накипи, соскакивает с голоса, и, кажется, некому в эту восторженную пору его поправить. Но сама весна и выправляет непередаваемые по красоте мелодичные коленца чудесной птицы, и вновь всю майскую ночь, напролёт, стелется над землёй её страстное посвистывание, и становится так явственно ощутимо, что повсюду в эти прекрасные мгновения рождается любовь.

Окно распахнуто в сад, прямиком в цветущие султаны сирени, и кажется, что весь сад благоухает вместе с ней, дышит, навевая своим

дыханием какие-то безмятежные думы, что вскоре будет и не вспомнить. В этом запахе рождается что-то новое, будто бы даже давно позабытое, то, что не сразу узнаешь, и его непременно хочется разгадать.

И тут вдруг на ветку, она ближе других протянулась к дому, чуть ли не заглядывая в комнату, юркнет серенькая птичка, отчего веточка радостно заходит под ней, да и вся сирень будто оживится, ещё более воспрянув в своём благоухающем аромате. И сердце так же радостно толкнётся в такт этой закачавшейся сиреневой веточке, сладостно защемит в груди, и не отпустит. То пожаловал к тебе в гости милый соловушко, что одним своим появлением, ещё не подав голоса, всё в душе перевернул, и так, растворив её, обнажённой и оставил, чтобы лилась в неё, без остановки, чудесная песня весны.

И сад становится не таким, каким до сих пор был, он преображается, словно переродившись, а я подхожу тихонечко к окну, и, не боясь, что мой диковинный гость улетит, осторожно облокачиваюсь на подоконник, приближая лицо к вздрагивающей от возбуждения птице. И тут настаёт миг, что, кажется, протяни руку, и коснёшься серенького пера чудесной птички.

Глазик её тревожно блестит, переливается в такт проникновенной песенке, и ты на миг сам почувствуешь себя соловьём, переживая в своём сердце всю природную трепетность птицы, её необозримую душу, и увидишь в этом трогательном смородиновом глазу птахи весь весенний восторг, саму весну, что захватила собой эту неповторимую жизнь. Каждый может позабыть себя в ней, превращаясь в одну радость.

Слушая соловья, я не могу поверить, что он трудится, исполняя свою песенку, и никак не в силах наглядеться на серенькую невзрачную птичку. Если бы не голос, думается мне, разглядел бы я её? Вряд ли. А соловей поёт, и все его чувствуют и слышат, представляя себе, что это какой-то необыкновенной красоты певец, так хороша его песенка.

Трудно удержаться, и не нафантазировать себе образ чудесной птички, что обладает необыкновенным голоском. Хочется и самому запеть, вслед за соловьём, свою историю, и вот таким нехитрым образом, этот удивительный певец обращает мир во всеобщий праздник.

И ещё вдруг пронзает мысль: в проистекающей повсюду весне трель соловья так чиста и первозданна, что люди порой и не обращают на него самого никакого внимания, воспринимая соловьиную песню как нечто совершенно обыденное, без чего и весна ни весна. Но отними у неё эту переливчатую мелодию, и нарушится совершенное естество природы, а осознав подобное – поблагодаришь её за созидательное жизнетворчество. Закрепив для себя в сердце непревзойдённого певца и его неподражаемую песенку, будешь нести её потом и всё лето, и осень, и зиму, чтобы когда-нибудь опять обрадоваться приходу новой весны и появлению в саду дорогого гостя, что утверждает по всей земле только любовь.

Плохо, если жизнь человека проходит без соловья, и нужно обязательно, хотя бы раз в жизни, собраться и отправиться в соловьиную страну, чтобы забыться в ней от счастья.

А какая радость увидеть зацветающую сирень погожим весенним днём, когда она густо усыпана вживкающими воробьями! Воробьёв - тьма, все они необыкновенно оживлены, а сидят до того плотно, что не протиснуться меж ними самой маленькой птахе, но при этом нисколько друг другу не мешают и только ещё более возбуждаются от такого тесного соседства. Весна на дворе – полное довольство тепла, запахов и света, сирень священнодействует посреди всего этого совершающегося буйства, и махонькие воробьишки не в силах скрыть своего восторга.

Их волнение, кажется, только усиливается от зарождающегося над землёй сиреневого аромата, и оно вот-вот перехлестнёт через край: напыжившиеся тельца дрожат, голоски беспрестанно журкают, захлёбываются, ты даже замрёшь напротив сгрудившихся птиц: как страстно они воодушевлены всем происходящим! А вокруг солнечное раздолье, пьянящий сиреневый дурман и торжество жизни, в котором воробьи не самые последние!

Иногда украшением сирени оказывается и чечевица! Как хорошо в саду, когда цветут яблони, вишни и сливы, от них не отстают черёмуха с сиренью: сыплется на землю мягкий душистый «снег» из лепестков. Белые «снежинки» залетают в раскрытые окна, ограду. И вот среди бело-сиреневых цветков красуется ярко-красная грудка самца чечевицы, а над огородом разносится его проникновенно восторженная песенка: «Витю видел? Витю видел? Уити-уить, уити-уить! Уити-уить! Витю видел?!»»

Всё лето снуют в ветвях сирени горихвостки и их быстро подрастающие слётки. У меня в огороде гнездо горихвосток располагается прямо над сиренью, под карнизом дома, и сразу после прилёта, обосновавшись на макушке дерева, птички дают о себе знать несколько монотонной, но мелодичной и звучной песенкой. Приведя в порядок гнездо, горихвостки распевают свои милые песенки, и при этом всегда очень оживлены, непоседливы и непрерывно трясут хвостиком, демонстрируя своё оранжевое подхвостье.

Сердобольные птички успевают вывести за весну два потомства, и вылупившиеся птенцы, громким писком, непрерывно требуют еды, вынуждая заботливых родителей сотни раз в день приносить им корм – бабочек и гусениц, клопов, жучков и прочих насекомых, а когда устают – присаживаются на распустившиеся веточки сирени, радостно оглашая округу коротенькой нежной трелью: «Фюить-фюить-ти-ти-тик, фюить-фюить-ти-ти-тик, фюить-ть!». Всю весну с летом оживляя своим присутствием садовое пространство, напоминают о себе эти милые птички, но предпочитают почему-то заросли колокольчиков, малину и сирень, хотя она давно облетела. Птички порхают под окнами маленькими оранжевыми комочками,

трогательно трясут хвостиками, и сердце моё незаметно наполняется силой, которой ему недоставало.

Не минует притихшее под осень милое дерево и вороньё… Суматошные птицы, смешно раскорячившись в глубине сирени, без устали надкусывают сухие ветви и бросают их оземь. Причём, ветви сирени крепкие и не сразу поддаются, но это обстоятельство не останавливает ворон. Они всецело погружены в захватившее их занятие, не замечая, что делается вокруг.

Я осторожно наблюдаю за птицами из окна и никак не могу понять, для чего они это делают: то ли свой клюв оттачивают, чистят, то ли просто от нечего делать забавляются? Наломанные ветви валяются под деревом, так и оставаясь непригодными, другие деревья птицы не трогают, и, знай, упорно пытаются надрать побольше веток именно с сирени. Когда воронам надоедает изводить себя странными силовыми упражнениями, они в мгновение, как ошалелые, срываются куда-то, и к сирени подлетает, наконец, белобокая сорока…

Усевшись на вершинку, она начинает без устали сокотать, накручивая хвостом, тоже пытаясь чем-то отметить своё присутствие на полюбившемся всем дереве, но так и не обнаружив для себя ничего занимательного, вскоре с недовольным криком покидает сирень. Потревоженная веточка сирени приветливо качается ей вслед, будто прощаясь с давно минувшим весенним цветением, умиротворённым благостным летом и незаметно истаивающей осенью.

И даже когда лист опадает, и землю покрывает первый снежок, на обнажившиеся веточки сирени прилетают красногрудые снегири. Оживляя собой её замерший вид, птицы домовито толкутся под самыми окнами, мягко посвистывают, но покидать сирень не спешат. Поздней осенью они с удовольствием расклёвывают засохшие ржавинки былого сиреневого цвета, неторопливо теребят его, и если день выдался тихий, пасмурный, эти потрошённые птицами семена издают тонкий пряный аромат, нежно истаивая в прохладном воздухе. Кажется, что так начинают пахнуть влажные листья сирени, её серовато-белые ветви и сами красногрудые снегири, а ты до конца понимаешь богатую суть сирени, что очаровывает даже под осень.

В сирени много любви ко всем, и она – дерево-душа, что несёт окружающему миру ароматное добро. Одна сиреневая душа, а как хороша!

РЯБИНА

Рябина в лесу сразу бросается в глаза своей открытой красотой, но в тоже время она печальна и скромна. Её алые гроздья свешиваются с ветвей не напыщенно, а в тихом довольствии собой. Рябина знает о том, как она прекрасна, и, будто смущённая этим, старается казаться незаметной.

Но получается это у неё плохо. Когда приходит её час, а это случается под осень, рябина уже не остаётся без внимания человека, и будоражит его

восприятие. Человек обращается душой к дереву, что однажды становится заметнее всех и не может не напоминать о себе повсюду. Большую часть года рябина только копит в себе силы, и начинается эта невидимая работа зимой, когда дерево ещё несёт на своих ветвях перемороженные ягоды, не склёванные вездесущими птицами.

Не сразу приметишь стволы рябины, согнутые под снегом, так что кажется, будто он её не тяготит. Рябина достаточно гибка, чтобы быть свободной от него. Снег лишь нежно прикасается к её ветвям, заботливо укутывая их от мороза, а зима как будто чувствует нежность рябины и ласково убаюкивает её. Она не позволяет себе быть с рябиной слишком жестокой, как это часто происходит с другими деревьями.

Редко обратишь внимание в зимнем лесу на рябину, может быть, лишь случайно натолкнувшись на неё, а подняв голову, заметишь сморщенные бордовые ягоды. Вспомнишь вдруг тихую осень, разноцветный лес и вспыхнувшие в нём алые плоды. Именно они привлекают твоё внимание, и душа рябины раскрывается в них таким же неповторимым чарующим светом.

Цвет рябиновых ягод ненавязчив и глубок, в нём - отражение души самого дерева. Когда все накопленные за зиму и весну силы выплеснулись в его стволе, а листва ещё не успела пожелтеть, рябина переживает самый важный миг: она гонит по ветвям нежнейший сок перевоплощения.

Человек благодарен ей за это. Обнаружив однажды над головой красные гроздья, он тоже будто перерождается душой. Скрытые чувства и мысли рябины тогда ему понятны, и душа дерева как будто сливается с его душой.

С давних пор в русском народе было принято сажать под окнами своих домов красную рябину. При этом люди и думать забывали о горечи её красивых ягод, их привлекала теплота милого деревца, всегда радостно трепещущего своими весёлыми пальчиками-листочками. В рябине присутствовала какая-то сразу располагающая к себе задушевность, и именно поэтому, наверное, она почиталась среди русских крестьян, часто обделённых судьбой в доброте и радушном отношении. Невозможно было не любить это скромное, всем доступное дерево.

Вот и ствол рябины гладок, покрыт приятной на ощупь тоненькой корой. Когда из-за облаков выглядывает солнышко, особенно – по осени, кора эта весело блестит, радостно переливаясь в его лучах. Именно в такой момент захочется прикоснуться к рябине ладонью и погладить: дерево непременно отзовётся тебе теплом.

Зацветает рябина поздно, когда уже приоделись в свои зелёные наряды берёзки и осинки, и её неприметные на вид желтовато-кремовые соцветия напоминают неловких пушистых птенцов. Их тоже сразу хочется потрогать, и на ощупь они оказывается нежными и тёплыми.

К середине августа гроздья круглых рябиновых ягод незаметно алеют, но никогда не возникает желания их попробовать. И только когда случаются первые осенние заморозки, и подбитый ими жёлтый, красный и оранжевый

лист в одну ночь трогается с ветвей деревьев и устраивает листопадную метель, захочется подойти к рябине и полюбоваться на её спелые карминовые бусы. Вот когда можно от души полакомиться подмёрзшей ароматной ягодой!

Яркие плоды рябины привлекают к себе в конце лета и множество птиц, так же, как и человек, способных оценить их достоинства. В лесу это с особым желанием проделывают дрозды, сойки и рябчики. Для всех хватает рябинового торжества, и птицы долгое время наслаждаются им. Рябина же всегда остаётся мягкой и задумчивой, нисколько не жалея накопленных в себе сокровищ: она живёт тем, что дарит их, и этим красна.

Зимой её ягоды с удовольствием поедают снегири и свиристели. В отсутствие уже опавшей листвы птицы кажутся удивительным продолжением дерева, возникая в его ветвях такими же неповторимыми плодами. Не устаёшь наблюдать за их оживленным поведением, ловя себя на мысли, что даже оголённое - дерево не умерло.

Завидев на рябине всю эту птичью братию, сразу покажется, будто между ними и деревом – какая-то необъяснимая связь, вернее – родство: рябина без птиц, вроде бы, даже тоскует, а птицам, кажется, не достаёт её красивых плодов. Рябина и снегири со свиристелями – одно целое.

Ягоды рябины терпкие, горько-кислые, но это не мешает наслаждаться ими и такому крупному зверю, как медведь. В конце августа приходит косолапый к любимому деревцу, чтобы полакомиться его сочными плодами. Медведь сдирает ягоды целыми гроздьями, оставляя на стволе дерева глубокие борозды от когтей. Иногда, кажется, что рябина всё великодушно прощает неуклюжему зверю, и он чувствует это и любит её ещё больше. Правда, не всегда так заботливо, как это делает человек.

Рябина же ни на кого не обижается. Она, вообще, довольно неприхотлива и приживается одинаково как на влажном месте, так и на сухом. Не страшны ей ни солнцепёк, ни тень, ни лютые морозы. Но лучше всего рябине жить на сдобренной черноземом почве - не сырой и хорошо освещённой.

Тогда её стройные коричневато-золотистые тельца с округлой кроной как будто охорашиваются, и в восторге чувств замирают. Рябина становится похожей на позабывшую обо всём от счастья веснушчатую девчонку, обласканную самой природой.

Рябина у нас растёт повсюду, и когда увидишь в конце лета, в окружении ещё зелёной листвы других деревьев, коралловые грозди спелых ягод, всегда задержишь на них взгляд, с лёгкой печалью подумав о том, что лето миновало, и вскоре, быть может, зарядят надоедливые дожди. Но пока августовское умиротворение приятно ублажает твоё сердце, и лёгкий ветерок придаёт рябине радостное оживление. Смотришь на это красивое дерево, улыбаешься про себя чему-то, и не в силах отвести от неё глаза: такое это милое и доброжелательное дерево, любимое в русском народе.

На свидание красную девицу приглашали выходить на долинку, чтобы посидеть там под рябинкой. Без рябинки русские люди не мыслили своего существования, дерево это оберегалось ими от худой напасти, не позволяя даже галке своим чёрным носом клевать дорогую ягоду-рябину. Не уродилась рябина – и осень не осень!

Решая вообразить себя каким-нибудь деревом, сразу приходят на ум дуб и лиственница, сосна с елью, и только затем подумаешь о милой сердцу каждого русского человека рябине, о ласково шелестящих на ветру листочках, о неприхотливом и добром нраве. Хотелось бы и тебе так ласково и беззаботно пошуметь своими заботливыми ветвями? Не переживать, а радоваться отдавая налитые соком ягоды вездесущим дроздам и синицам? Щедро сыпать спелой ягодой на первый снег, не заботясь об уходящем для себя времени…

Как тут не позавидуешь этому красивому дереву, и приходит вдруг мысль, что как бы было хорошо и тебе научиться с радостью в сердце отдавать кому-либо своё добро, ни о чём не сожалея!

Глядя на рябину, непременно подумаешь о том, как чудесна эта предосенняя пора, когда идёт по земле последний месяц лета, и хоть по-прежнему ещё случаются жаркие дни и полыхают далёкие зарницы, но ночи стали прохладны, да и росы обильно смачивают вянущие травы. Всё чаще плывут по небу тонкие нити перистых облаков – предвестники ненастной погоды. В тёмно-зелёной листве деревьев и кустарников мелькают жёлтые пряди, что отмечают чаще всего липу, в полях невидимая рука августа один за другим обрывает белые лепестки ромашек.

Просты и скромны тона уходящего лета, август как будто готовит наше восприятие к близкой поре золотой осени, но пока по опушкам леса и вдоль заборов радостно пламенеют только гроздья рябины и калины…

И вот минуло лето, и если в лесу рябины уродилась пропасть – осень непременно замучает дождями. А бывает, приход осени и вовсе не заметен. По-прежнему стоят жаркие дни, туманной дымкой закутаны дали и нередки раскаты гроз: всё говорит о затянувшемся лете. И тогда радостные рябиновые дни сменяют один другой, и так к ним привыкнешь, что они кажутся нескончаемыми, а озарила тебя этим счастьем дорогая рябинка.

Яркость упругих гроздьев тиха, и даже обилие рябины в лесу не приносит ожидаемого света: неслышно плывёт над землёй разноцветный рябиновый лист. Но вот неожиданно выскальзывает из-за облаков солнце и оживляет всё то, что представлялось до него невзрачным: на осыпающихся верхушках рябины вспыхивают радостными огоньками алые кисти. Правда, в сентябрьском солнце уже нет пыла и жара, только видимость силы, но благодаря рябине всё вокруг вмиг переменилось и засверкало!

Стоит только внимательно присмотреться в эту пору к природе, пожертвовать временем во имя обретения знаний, и она не заставит себя долго ждать, открывая для человека неиссякаемые источники его собственной силы. Конечно, не сразу, лишь после того, как эти наблюдения

будут передаваться из поколения в поколение, и первой отзовётся на внимание человека наша красавица-рябина.

В народе знали, наверное, что если листья на дереве пожелтели и опали ещё летом, предстоящая зима обещает быть долгой и суровой. Когда же листья долго держатся на ветвях, вянут, но не падают, лютым выдастся февраль. Ягоды рябины, поспевшие слишком рано, предвещали позднюю весну, зелёные же листья долго не опадают – ожидай мягкую зиму…

А ещё сложились такие надёжные приметы: если весной рябина цветёт очень пышно и летом завязывает много ягод, то осенью в лесу будет большой урожай грибов, а зима выдастся щедрой на снег. Если рябина завязала мало ягод – осень будет сухой, а если зацвела поздно, то осень будет затяжной и долго не выпадет первый снег.

Ветки рябины с ягодами считались оберегами, их срывали для украшения домов. Само же дерево нельзя было рубить. Но если хотели наломать красивых веток, то просили у дерева прощения, кланялись ему и объясняли, почему это делают.

По старинной традиции любили высаживать у своего дома именно рябину, она защищала от зависти, дарила достаток семье и не давала переступать порог дома злому человеку, а в огороде обещала богатый урожай. Если дерево, посаженное у крыльца дома, начинало болеть и переставало плодоносить, то это считали плохой приметой. Искренне верили, что рябина помогает защищать дом от пожара.

Рябина считалась символом счастливого брака. Ягодами её было принято украшать праздничный стол и обсыпать ими молодых. В обувь невесты и жениха прятали рябиновые листья, это помогало оградить от сглаза. Для этих же целей у невесты на шее должны были висеть рябиновые бусы, а у жениха – ветки на поясе. Венок же из рябины, повешенный в ограде дома, приносил ему достаток и процветание.

В народном календаре до сих пор существует праздник под названием Пётр-Павел Рябинники. В деревнях в эту пору срывали рябину кистями и развешивали под крышу, на сеновале, чтобы на морозце и тревожащем сердце ветерке она достаточно провеялась, да сахарного соку набралась. В народе всегда примечали: если в лесу рябины мало – осень будет сухая, много – дождливая, и, зная это, люди часть ягод предусмотрительно оставляли на ветвях: чтобы малым птахам было чем поживиться в голодное ненастье.

И вот подступает поздняя осень… Трогательно и чуть печально на душе, и даже угасающие костры осин не в силах оживить пасмурные октябрьские краски. Ветер обрывает последнюю листву, устилает плотным ковром дороги и тропинки. Лес вовсе почернел и притих, но увидишь под окнами пернатых гостей – снегирей, и сердце обрадуется.

Румяными плодами повисают они на ветвях рябины, могут подолгу находиться так без движения, лишь изредка тихонечко поворачивая чёрные головки и робко склёвывая сочные ягодки. Под рябинами, на которых любят

лакомиться снегири, можно увидеть «поедь» - подавленную мякоть ягод без косточек: забавные птички клюют только зерно рябины, а сочную мякоть бросают на снег.

При этом снегири всё время нежно и тоненько посвистывают, будто у них где-то под крылышками спрятаны крохотные дудочки. Тихие напевы снегирей вроде бы никак не сочетаются с суровыми завываниями подступающей зимы, но как милы сердцу эти живые яблочки посреди снежного безмолвия, на голых ветвях рябин, увешанных тяжёлыми гроздьями, припорошенными снежком!

В эту мягкую пору предзимья, когда многие деревья засыпают, рябина в своём причудливом переплетении ветвей приобретает еле угадываемую трогательную ажурность. Лёгкая, почти невесомая, стоит рябина в пронизанном чистотой воздухе. Всякий отметит её в душе и порадуется, будто повстречал в лесу давно не виденного и хорошего человека. Но короток век рябины.

Вспыхивая красками в своё лучшее время и очаровывая ими, она скоро гаснет. И почти все о ней забывают. Не то, что пихта, ель или сосна, что весь год несут в себе что-то неизменное, зелёное и живое.

Да ни к чему рябине с ними равняться. У неё своя жизнь, не похожая ни на какую другую, хотя она и дерево. Дерево, таящее в себе задумчивую загадку, какую оно своими алыми гроздьями только запутывает. Неразрешима пока рябиновая тайна, но тем и притягательна для человека, не устающего глядеться в себя и зиму.

Где-нибудь на затерянном посреди заснеженных лесов зимовье любуется человек сорванными ещё по осени рябиновыми ветвями и душой веселеет. Даже высушенные, тяжело свисают с них гроздья, аккуратно воткнутые в щели избы над окном, багровеют мягким, неугасающим светом. Такой непостижимо долгой покажется тогда зима, а сердце, обласканное рябиновым цветом, всё равно отмякает.

Проходя зимой вдоль знакомой рябиновой опушки, человек обязательно остановится под самым раскидистым деревом и сорвёт перемороженную ломкую гроздь. Ягоды на вкус покажутся сочно-сладкими и смачными. Будто для того они здесь и висели, уже давно готовые быть съеденными. Человек, наконец-то, обратил на них свое внимание, и они тотчас отблагодарили его за это.

В давнее время рябину заготавливали к зиме как еду, наравне с брусникой, клюквой и грибами. «Под ярусом-ярусом висит зипун с красным гарусом», - говорили о позабытых на чердаке плодах. Когда ягод на рябине урождалось много, что предвещало строгую зиму, обычно варили рябиновый квас от частой простуды.

Рябиной пользовались и как средством от печного угара, что в любой деревне случалось нередко из-за экономии дров, когда вьюшку закрывали раньше, чем нужно. Рябина для деревенского люда была, пожалуй,

единственным средством от этой напасти. Мороженые ягоды не только избавляли от головной боли, но и доставляли при этом удовольствие.

Часто люди собирают рябину просто за её красоту, не желая видеть, как прожорливые дрозды расклёвывают драгоценные плоды и осыпают их на землю. Сладки на вид ягоды и пахнут приятно, а есть не станешь. Только любуешься неотрывно и неизвестно зачем сберегаешь. Так и висят янтарные кисти всю зиму, изредка бередя задремавшую струнку души.

Но и сама рябина полна удивительного вдохновения! Когда, к концу лета, становится холоднее, рябина начинает расти от одного корня множеством своих повторений. И так это у неё дружно получается, что просто загляденье.

Скученным кронам деревьев от такого тесного соприкосновения только теплее и легче переносить зимнюю стужу. При кажущейся нежности, рябина, несмотря ни на что, остаётся тверда характером, и бесстрашно борется за свое неподражаемое продление. Может быть, поэтому человек слышит в ней настоящий голос родной природы и России.

Конечно, не сказать о рябине всего того, что она на самом деле представляет, да этого, наверное, и не нужно. Достаточно того, что рябина – есть, радуя нас своим покойным и добрым существованием. Рябина – отражение души русского человека: в ней ненавязчиво живёт настоящая нежная сила, и она – красива.

Рябина чутко вслушивается и всматривается в окружающее пространство, без труда понимая всё, что в нём происходит, и получается это у неё опять же ненавязчиво. Рябина, кажется, всё про всех знает, и, молча, проповедует своё вкрадчивое отношение ко всему живому, необыкновенно украшая собой русский мир.

КАЛИНА

Долгие годы росла под окнами моего деревенского дома раскидистая калина. Приземистая и широкая, будто подперев бока руками, калина при этом вовсе не воспринимала себя в саду властной хозяйкой: она была скромна, и выглядела как нечто неотъемлемое от дружного сообщества сосен и яблонек, сирени и черёмухи, ёлочек, липки и рябинок. Её непритязательные корявые веточки как будто и не ведали тянуться вверх, к небу, как это заведено у других деревьев: верно на собственную забаву, они выдумывали какую-то свою игру, разрастаясь вширь, и год от года становились пышнее и краше. Так им, наверное, хотелось.

У той же сирени или черёмухи, что всегда, обычно, располагаются с калиной по соседству, ветви прямые и разветвлённые, а вот калинушка пронизывает воздушное пространство на особинку: её веточки, поначалу, вроде бы, куда-то и устремлённые, затем складываются в изящную розетку, наподобие тонкого лепного украшения, что завершают янтарные гроздья.

Ягоды калины, как и у рябинки, тоже собраны в кисточку, только не так густо, но зато имеют неподражаемо глянцевый, будто лакированный оттенок, отчего представляются более аппетитными. Чем-то они в этом схожи с такими же гладкими и привлекательными на вид ягодками волчьего лыка.

Калина… Откуда произошло это название, такое русское и очень подходящее будто подкалённым изнутри рдяным ягодам? Не обошлось тут, наверное, без природного огня, благодаря солнцу и благодатным земным сокам «накалившими» эти чудные, красивые ягоды на довольно-таки неприметном кусте с серою, неброскою корой.

Мастерица-природа именно «накалила» эти диковинные плоды, что поспевают не сразу, чего не отнять у ирги и черёмухи, а исподволь, с загадкою на позднюю осень, когда уже и первые морозцы со снежком вот-вот подступят, и тут - на тебе: накалённая пламенем лета и осени ягода, символ молодости, здоровья и красоты! Про неё, вроде бы, и думать забыли, отдавая предпочтение всем хорошо известным и любимым деревьям, и уж когда все заготовки на зиму сделаны, обращают свой взор к калинушке, что появляется, кажется, в самый раз. Именно в позднюю осеннюю пору, когда глазу не на чем зацепиться в серо-пегое предзимье, её ягоды излучают из себя калёный насыщенный свет.

Полыхают красным огнём ягоды калины, будто вокруг и не октябрь с ноябрём, привлекая на свои ветви ещё и красногрудых снегирей. Милые птички заботливо расклёвывают спелые ягоды, крошат их на первый снежок, и они ласково рдеют на нём капельками «крови» от такого же милого дерева, оживляя хмурый предзимний вид. Как нам, русским людям, обойтись без дорогой сердцу калины?!

Когда-то на Руси с калиной пекли пироги. Моя бабушка варила из калины кисель, и мы, дети, всегда были ему рады. Приготовленное в русской печи, угощение это казалось необыкновенно вкусным! В стародавние времена, по деревням, кисти калины всегда сберегали впрок, как верное средство от ранений, простуды и цинги. Горькая, не любимая многими людьми ягода, на самом деле – сладка!

И хоть велась в народе поговорка, что не бывать калине малиной, и что чужбина – это калина, а родина – малина, калина, теми же народными устами, сама себя хвалила: «Я с мёдом хороша!» Ягоды калины, богатые витаминами, помогали от многих хворей: если пить сок калины с мёдом – простуда с кашлем не страшна. Верили, что с помощью калины можно любой недуг одолеть, когда даже молитвы до Бога не доходят. Оттого и жила меж людей вера, что не всяк умирает, кто хворает, когда о родной ягоде-калине не забывает!

Что ещё сказать о калине? Калина у нас зацветает в середине июня, что для рыбаков верная примета – начинает метать икру лещ, а поспевает к концу лета, горя на солнце ярко-красными, пронизанными светом плодами. Отправляясь в лес по грибы, невозможно пройти мимо этого чудесного

дерева, и не наломать букет с рдяными ягодами, желая украсить ими свой дом.

По деревням издавна было принято перед избой сажать калину, что росла много лет, оберегая и прадедов и их правнуков от всяких напастей. Пышная и красивая калина обещала добрую судьбу для своих хозяев. Созревшие ягоды клали на подоконник, в качестве защиты от порчи и сглаза. Посадить у могилы калину – означало выразить истинное почитание и любовь усопшему человеку.

Новорождённых детей купали в воде, настоянной на ягодах и листьях калины, чтобы они вырастали здоровыми и красивыми. Согласно старинному поверью, если человек хотел получить душевное утешение, он должен был подойти к калиновому кусту и шёпотом поведать ему о своей кручине: если он исповедовался от всего сердца – калина помогала ему, даря умиротворение.

В августе народ справлял Калинов день, одиннадцатого числа, когда довольно часто случались утренники, опасные для хлеба, оставшегося на корню. По заверениям крестьян, рожь к этой поре была «пьяна», то есть – полна зерном и клонилась к земле, отчего крестьяне с надеждой и уповали на Господа: «Пронеси Калинника мороком, а не морозом». Под «мороком» подразумевали сухой туман и облака без грозы, опасаясь проливных дождей и особенно – боя урожая градом.

Примечали, что если на Калинов день не будет утренников, так и к началу сентября, на Луппа, не заморозит. Надеялись, что с Калинника установятся тихие и прохладные дни, чтобы работы могли продолжаться без остановки. И этот невидимый перелом в природе и жизни людей приходился, как раз, на время созревания калины…

В народе бытует убеждение, будто бы яблоки трясут, а калину ломают, но это неверное отношение к деревьям, в нём отсутствует уважение к растениям, что созидают свои стволы, ветви и плоды годами. Правда, не нужно забывать, что калину на Руси, как и рябину, считали «свадебным» деревом, и по многим деревням водился такой обычай…

На столе у молодых устанавливали окорок и штоф вина с заткнутым в него пучком из веток калины, обёрнутого алою лентой. Молодых подымали - и шло потчевание: они обходили по домам родителей невесты, родичей, а воротившись, дружка рушил окорок, словом – разделывал его, расщипывал калину и разносил вино. И это был всего лишь пучок веток с ягодами!

Но вот действительно неуважительны по отношению к дереву были так называемые «калиновые мосты» - гать по болоту, мощёная калиновым хворостом, ибо калиновый кустарник, ранее в обилии произрастающий по нашим лесам, был невысок ростом, широко и густо разрастался, а значит – был плотен и удобен в укладке этой самой гати. Можно себе представить, сколько полегло калинового кустарника в прокладывании крестьянами подобного рода путей-дорог! В стародавние времена иначе было не

обойтись, и из уважения к калине такая гать в народе не зря была прозвана «мостом»!

То ли дело - «калина топлёная», то есть - испечённая в вольном духу, на костре, под наглухо замазанной тестом крышкою! Или, скажем, такое кушанье, как русская кулига, давно забытая в народе каша из воды, муки, солода и калины, подслащённая мёдом и приготовленная непременно в печи, в глиняных горшочках. Помимо повседневного употребления, это блюдо могло быть очень ценно в пост.

Невозможно не упомянуть мочёные яблоки с калиновым соком, а лучше того – подмороженные ягоды калины в сахарной пудре. И хоть говорили меж людей, что не бывать калине малиной, да только с малинника лыки не велики, при всём том, что ягоды сладки, а вот с калинника лык надерёшь, да ягод в рот возьмёшь! Особенно, когда их прихватывает первый морозец!

Не зря про калину сложили такую загадку: в сенокос – горька, а в мороз – сладка, что за ягодка?! Ешь, как говорится, горькое, доберёшься и до сладкого. А где сладко, там и гладко!

Много песен, сказок и стихов сложено в народе о гладкой калине. Чудные ягоды будто светятся изнутри, да ещё с таким ласковым привлекательным блеском, что их сразу хочется съесть! Но нет, лучше пока не трогать, потому как это не ягоды, а чистые рубины, прокалённые природой самоцветы, что горят даже в хмурый осенний день.

Ещё не опавшие листья у калины тоже багровые, под стать ягодам - трепетные, содержащие в себе свою силу. Не зря трижды в год она бывает ярче своих лесных соседей: весной весь куст усыпан крупными кремовыми соцветиями, летом калина одевается в яркий сарафан из жёлто-красных ягод, а с осенним морозцем она ещё раз меняет наряд – листья её становятся пурпурными! Разве пройдёшь мимо калины, не залюбовавшись на неё?

Поздней осенью, когда землю уже укрыл нежный снежок, я смотрю из окна на свою калину. Деревце распахнуло передо мной пёстрые ладошки и будто хочет заглянуть в дом. В них - гроздья налитых природным соком калёных ягод, калина великодушно мне их предлагает, и разве можно ей в этом отказать?

И я, конечно, выхожу к ней на двор, тихонечко касаюсь её серенькой щеки, и пробую ягодку на вкус: калинушка мне радостно улыбается. Она, оказывается, только этого и ждала!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первая часть. Обаяние родной природы 1
Вторая часть. Листопад 408
Третья часть. Дух деревьев 585
БЕРЁЗА 588
ОСИНА 591
ЕЛЬ 595
СОСНА 599
ПИХТА 604
ЛИСТВЕННИЦА 608
ОЛЬХА 614
ЛИПА 619
РЯБИНА 631
КАЛИНА 637